Елена Петровна БЛАВАТСКАЯ

ИЗ ПЕЩЕР И ДЕБРЕЙ ИНДОСТАНА

Письма на родину

(Полная версия)

Колокол · 2021

Елена Петровна Блаватская

Из пещер и дебрей Индостана

Письма на родину

полный текст
в авторском написании имён и понятий

Колокол, 2021

Предисловие редакции

Письма Елены Петровны Блаватской из Индии первоначально публиковались под псевдонимом "Радда-Бай" в двух частях или сериях. Первая серия состояла из 29 писем и издавалась в газете Московского университета "Московские ведомости" с 30 ноября 1879 года по 2 января 1883 года под названием "Изъ пещеръ и дебрей Индостана". Затем эти письма были переизданы в журнале "Русский вестник" (1883, № 1–7, Приложение) и напечатаны в этом же году отдельной книгой на 411 страниц как приложение к журналу.

Вторая часть книги (7 глав) была опубликована в "Русском вестнике" в 1885 (№ 11) и 1886 (№ 2, 3, 8) годах с подзаголовком "Письма на родину. Вторая серия". Вторая серия имела собственную нумерацию от 1 до 7. В этом издании мы придерживаемся устоявшейся сквозной нумерации. Начало второй части (1885, № 11, с. 270–299) ранее печаталось в "Русском вестнике" за 1883 г. (№ 8, Приложение).

В 1892 году вышел английский перевод писем, сделанный племянницей Елены Петровны, Верой Джонстон (урождённой Желиховской) под заголовком "From the Caves and Jungles of Hindostan" (London: Theosophical Publishing Society, 1892, 318 p.). Верой Владимировной были переведены 22 с половиной письма и собраны в книгу с тематическим разбиением на главы и добавлением названий к ним. Перевод был сделан с некоторыми порой значительными сокращениями оригинального текста, касавшихся отрицательных высказываний автора об англичанах Индии. Вот, что она писала в своих письмах родным о данном переводе:

В. П. Желиховской
[Первая половина сентября 1891 г. Лондон]

> "...Я перевожу довольно туго Из Пещер и Дебрей. Дам издать отдельной книжкой графине... Я выпускаю очень многое. Все нападки на англичан в Индии и на их полицию".

В. П. Желиховской
18 Сентября [1891 г. Лондон]

"...Я перевела уже 3 главы Пещер и Дебрей. Хочется над этим работать и приятно".

В. П. Желиховской
5 Октября [1891 г. Лондон].

"...Перевод Пещер и Дебрей подвигается мало-помалу. От июля до октября я так много сиднем сидя писала, что не могу переводить больше, чем 4-5 страниц в день, устаю".

В.П., Н.В., Е.В. Желиховским
[10 октября 1891 г. Лондон]

"...У меня выискался заглазной помощник через графиню, Mr. Staples, проживающий за городом литератор, которого я никогда не видала. Он будет поправлять и переписывать для печати мой перевод "Пещер и дебрей". Уже я ему послала 50 страниц".

В. П. Желиховской
[Осень 1891 г. Лондон].

"Мне теософы (их теперь много отдельных обществ – все ссорятся) платят 5 дол[ларов] в месяц за перевод Пещер и Дебрей. И то хлеб".

В. П. Желиховской
29 Декабря [1891 г. Лондон]

"...Теперь о моём несчастном англо-русском языке. Я ужасно занята переводом Пещер и Дебрей. Уже перевалила за 200 стр[аниц] оригинала".

В. П. Желиховской
5 Января [1892 г. Лондон].

"...Кроме того, графиня уверяет, что я получу что-нибудь за свой перевод Пещер и Дебрей, хотя,

начав его, я не рассчитывала ни на копейку, а половину всего, что я получу, я отдам тоже Лене и Наде".

В. П. Желиховской
Среда. [10 февраля 1892 г., Лондон]

"...Ты недовольна, что я мало пишу, но если бы ты знала, как я устала от писаний. У меня, к несчастию, нет твоей и тётиной выносливости и энергии. Напишу 8–10 стр[аниц] в день – хорошо, а больше – так никуда не гожусь потом".

В. П. Желиховской
Четверг. [18 февраля 1892 г., Лондон].

"Ты верно получила объявление о том, что Олкот вздумал писать свои воспоминания о тёте и о их путешествиях. Благодаря этому, я должна ускорить Пещеры и Дебри. Если они выйдут после него, то интерес много уменьшится. И м-с Безант, и граф[иня] меня торопят. Перевода мне осталось всего страниц 40, но [без] пересмотра того, что mr Staples переписал, и потом корректура ужас сколько времени берёт. Надеюсь, что в Марте выйдет".

В. П. Желиховской
4 Марта [1892 г. Лондон].

"...Чарли мне теперь повелел прекратить писание на некоторое время и я скучаю ужасно. Провожу время в наклейках твоих статей (да уж всё вчера кончила) и фотографий в тётин альбом, присланный мне Олкотом".

В. П. Желиховской
Четверг. [Март 1892 г. Лондон]

"Из Пещер и Дебрей подвигается. Часть первой главы уже отдана в набор. Мой помощник Mr John C.Staples оказывается не шутя превеликолепным и преэлегантным джентльменом, окладистая борода

с проседью, большой рост, добрые глаза и цветок в бутоньерке".

В. П. Желиховской
Пятница. [Декабрь 1892 г. Лондон]

"Деньги мне чрезвычайно нужны, потому что благодаря "Пещерам и Дебрям" я вот уже давненько не имею карманных денег, чего со мной уже давненько не случалось. Роптать не годится, т.к. перевод я сделала в память тёти, не рассчитывая на барыш… написала тебе, что Р[усского] В[естника] здесь ни у кого нет, а British Museum никогда не выдаёт журналов за текущий год".

В. П. Желиховской
8 Декабря / 26 Ноября [1893 г. Халлайн 378]

"В Америке "Caves and Jungles" не понравились, т.к. люди нашли, что невозможно по духу рассказа разобрать, всему верить или нет".

Кто знает, может быть вследствие такой реакции Вера Владимировна не стала продолжать перевод писем, опубликованных позднее. Судя по письмам, она искренне любила свою тётю, такую же патриотку России, как и она сама.

Что касается современных изданий писем Елены Петровны, то они основаны на более позднем издании 1912 года в Санкт-Петербурге в типографии А. С. Суворина (438 страниц), сделанном в сильно сокращённом варианте, предложенном Верой Джонстон. Первое полное и тщательно выверенное издание было подготовлено Александром Дмитриевичем Тюриковым и опубликовано на сайте Бахмутского Рериховского общества (https://art-roerich.org.ua). В нём также отмечены все несовпадения между двумя редакциями: в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике», а также добавлен обширный справочный материал.

В этом издании приводится полный текст писем, пропущенные фрагменты помечены в редакторской версии книги,

которую можно скачать из хранилища текстов Теопедии[1]. Там же находятся скан-копии газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник». Сам текст можно прочесть в библиотеке Теопедии.

Современные издания также содержат много исправлений оригинального текста согласно принятым правилам написания санскритских терминов, например, сейчас принято писать букву "х" (h), которая практически не произносится: Брама теперь пишется Брахма, садду → садху, сикки → сикхи и т. п. Также некоторые понятия и имена сейчас пишутся по-другому: Азока → Ашока, бёнглоу → бунгало, вêдантины → ведантисты, деван → диван, суами → свами и т. д. Елена Петровна пояснила в сноске 23-го письма: «Придерживаясь фонетической системы, пишу имена так, как они выговариваются, а не пишутся». В этом издании мы сохранили в большинстве случаев написание автора (см. пояснение ниже). В некоторых случаях существует разница между написанием слов в первом издании в "Московских ведомостях" и переиздании в "Русском вестнике". Значимые исправления помечены в сносках, а для основного текста преимущественно использован вариант из второго издания, поскольку, судя по комментариям, Елена Петровна, прочитала издание своих писем в "Московских ведомостях" и отослала правки и дополнения редактору журнала "Русский вестник" Михаилу Никифоровичу Каткову (1818-1887), которые он учёл при переиздании. К сожалению эти письма с поправками пока нами не обнаружены, поэтому остаётся вероятность, что часть правок сделана редактором журнала.

Сохраняя авторское написание имён и понятий, а также стилистику, мы всё-таки внесли некоторые изменения в исходный текст, стараясь с одной стороны сохранить его самобытность и колорит, а с другой избавить современного читателя от устаревших форм обычных слов:

- за исключением собственных имён и особых понятий, обычные слова используются в современной форме написания, если их изменения не значительны:

1 https://disk.yandex.ru/d/SYgQwJzb3SfiqS/Text/Russian (Русский)/Теософия/Блаватская ЕП/Блаватская ЕП - Из пещер и дебрей Индостана

азиятский → азиатский, италианский → итальянский, сериозно → серьёзно, четыреугольник → четырёхугольник, чорт → чёрт и т. п.;
но оставлено оригинальное написание в случаях когда современная форма значительно отличается: бёнглоу (бунгало) и т. д.;

- используются буквы современного русского алфавита: убраны или заменены вышедшие из употребления, добавлена ё во все соответствующие места (в оригинале эта буква в основном не использовалась, но кое-где использовалась в ином начертании: ё);
- убран твёрдый знак (буква *ер*, ъ) с конца слов, завершающихся твёрдой согласной;
- применены текущие правила слитного и раздельного написания: за то → зато, еслибы → если бы, яркоголубая → ярко-голубая и т. п.;
- окончания приведены к современной форме: аго → ого, ея → её, и т. п.
- в оригинале слова «что» и «бабу́» часто написаны с ударением, в этой редакции ударение оставлено только в значимых случаях;
- написание заглавных букв приведено к современному виду; например, раньше с прописной буквы писались также национальности и вероисповедание;
- используемые в оригинале символы кавычек („а“), не используемые ныне, заменены на близкие к ним по начертанию: "а".
- в качестве разделителя разрядов используется не точка, а неразрывный пробел: 12.900 → 12 900; целые четырёхзначные числа пишутся слитно.
- анонимные имена, такие как Б***, приведены к одному виду, в то время как в тексте иногда использовались другие обозначения: Б. (с точкой) и Б– (с тире);
- сокращения обращений приведено к современному написанию: г. → г-н (господин), гг. → г-да (господа) и г-д (господ), мр → м-р (мистер), Dr. → д-р;

- слова дэв и дэви (бог и богиня) в «Московских ведомостях» писались через «е», а в «Русском вестнике», начиная со второй серии, через «ê», что, возможно, является уточнением, поэтому для текущей редакции было выбрано современное написание через «э» для всей книги.
- иноязычные *крылатые выражения* все помечены курсивом как это было принято в то время; редкое отсутствие подобного выделения скорее всего относится к недоработке либо редактора, либо наборщика; но иноязычная *речь* (в диалогах и цитатах) оставлена в прямом написании;

Для традиционных русских мер длины, площади и веса добавлены метрические величины в квадратных скобках.

Редакция

Из пещер и дебрей Индостана. Письма на родину

Письмо I.[1]

Приезд в Бомбей[2]

Поздно вечером 16 февраля 1879 года, после тяжёлого тридцати-двух-дневного плавания из Ливерпуля, раздались с пассажирской палубы радостные восклицания: "Маяк, Бомбейский маяк!.." И вот все, кто ни был чем занят, побросали карты, книги, музыку и кинулись наверх. Луна ещё не всходила и, невзирая на звёздное тропическое небо, на верхней палубе было совершенно темно. Звёзды блистали так ярко, что трудно было сразу разглядеть между ними земной огонёк: точно громадные глазища навыкате, моргали они на вас с чёрного неба, на склоне которого тихо сиял Южный Крест... Но вот, наконец, ещё ниже на далёком горизонте заблистал и маяк, ныряя огненною точкой в волнах словно из растопленного фосфора. Горячо приветствовали измученные путешественники давно желанное явление. Все развеселились...

Недолго пришлось нам, однако, любоваться маяком; раздался звонок, и в главной каюте потушили огни. Было десять часов вечера, и в приятных мечтах о будущем дне все разошлись по каютам. Зато в эту ночь никто не ложился спать.

---

1 Московские ведомости, № 305, 30.11.1879, с. 3-4; Русский Вестник, 1883 № 1; Русский Вестник, январь 1883, Приложение, том 163, с. 3-15.

2 Ныне Мумбай. Возможно Елена Петровна планировала дать отдельный заголовок каждому письму, но в печати под собственным заголовком вышло только первое письмо и только в первом издании в «Московских ведомостях». Английский перевод, выполненный Верой Джонстон имеет 12 глав с названиями не находимыми в оригинале. Также он содержит не полный текст писем и разбивка по главам произведена не по письмам, а по темам повествования.

Все суетливо укладывались, приготовляясь на другое утро как можно ранее распроститься с нашею дырявою, заливаемою водой кадушкой, величаемой "океанским стимером"[1] Ливерпульского общества, и с её вечно пьяным, грубым капитаном, который, между прочим, чуть было не утопил нас, а по воскресным дням запрещал пассажирам не только что играть в карты или шашки, но даже заниматься музыкой.

К четырём часам утра все пассажиры были уже на палубе, даже дамы. Такое раннее появление прекрасного пола не входило в расчёт группы англо-индийских офицеров и очень было их переконфузило. Одна партия бравых воинов, при помощи матросов, весело обливалась водой под палубною помпой, в то время как товарищи их, ожидая очереди, расхаживали кругом в национальных костюмах индусов, т. е. безо всякого костюма. Но скромные леди тоже возвращались, а не ехали в Индию. Видимо, успев уже попривыкнуть к подобной пластической обстановке, они остались совершенно хладнокровными, тем более, что теперь вся разница заключалась в одном колорите. К тому же едва светало…

Но что́ это был за рассвет!.. Пароход уж больше не качало… Под искусным управлением только что прибывшего туземного лоцмана в костюме Геркулеса, бронзовый силуэт которого резко отделялся на бледном небе, наш стимер, тяжело пыхтя испорченною машиной, тихо скользил по спокойным прозрачным водам Индийского океана прямо по направленно к гавани. Приближались к заливу, и до Бомбея оставалось всего несколько миль; и тому, кто, подобно нам, за четыре недели до того дрожал от пронзительного холода и снежной бури, застигшей нас у входа во много воспеваемый поэтами, но ещё более проклинаемый моряками Бискайский залив[2], окружавшая нас обстановка казалась просто волшебным сном!.. После тропических ночей на Красном море и невероятно знойных дней, промучивших всех от самого Адена[3], на нас, северян,

1 Пароход (англ. steamer). – Прим. ред.
2 Залив между Францией и Испанией. – Прим ред.
3 Аден – город в Йемене, находящийся на выходе Красного моря в Индийский океан. – Прим. ред.

веяло чем-то непривычным, тяжело обаятельным в этой чудно-мягкой предрассветной свежести воздуха. Ни одного облачка не виднелось на густо усеянном потухавшими звёздами небе… Догорающий свет луны, дотоль серебряною пеленой застилавший небеса, стал мало-помалу исчезать; и по мере того как прямо перед нами, на востоке, над далёким островом постепенно загоралось первое зарево рассвета, последнее лунное сияние всё более и более сосредоточивалось на западе, обрызгивая золотыми искрами прорезаемую кильватером и далеко оставляемую за нами тёмную водную полосу: словно с вами, людьми из Америки, прощалось сияние запада и свет востока приветствовал пришельцев из далёких стран. Всё сильнее голубело небо, быстро поглощая одну за другою последние еле мерцавшие звёзды; и чудилось нечто трогательное в кротком достоинстве, с каким царица ночи передавала свои верховные права могучему узурпатору. Наконец, она стала тихо погружаться в волны и – исчезла… И вдруг, почти без малейшего перехода от тьмы к свету, багрово-огненный шар вынырнул с противоположной стороны из-за мыса, упёрся на несколько мгновений золотым подбородком в нижний ярус скал острова и, как бы оглядывая нас, на минуту приостановился… Затем одним могучим взмахом очутилось дневное светило высоко над морем, и победоносно поплыло вверх по тропе своей, мгновенно рассеяв мрак и разом захватывая в пламенные объятия и посиневшие воды залива, и прибрежные дачи, и острова с их скалами и лесами кокосовых пальм… Не забыли золотые лучи поласкать и толпу благочестивых поклонников своих, парсов-гебров, простиравших руки с берега моря к могучему "Оку Ормузда". Картина была до того великолепна, что на минуту всё примолкло на палубе; даже красноносый старый матрос, суетившийся возле нас с канатом, приостановил работу и, крякнув, одобрительно кивнул солнцу головой.

Пробираясь тихо и осторожно вдоль столь же прелестного, как и коварного залива, мы имели ещё довольно времени любоваться его окрестностями. Направо от нас виднелась группа островов, во главе которой высится головообразный

Гхарипури, или Элефанта, со своим глубокой древности храмом. "Гхарипури" в переводе означает "город пещер" – по мнению ориенталистов, "город очищения" – коли верить туземным санскритологам. Этот высеченный неизвестною рукой в самой сердцевине скалы храм из камня, похожего на порфир, давно уже служит яблоком раздора для археологов, из коих ни один не был доселе в состоянии определить даже приблизительно его древность. Высоко вздымается скалистое чело Элефанты; густо обросло оно вековым кактусом, а под челом, у самого подножия скалы, высечены два придела и главный храм… Словно сказочный Змей Горыныч, широко разинул он чёрную зияющую пасть, как бы готовясь поглотить дерзновенного, пришедшего выведать сокровенную тайну титана; и скалит он на пришельца два уцелевшие, потемневшие от времени длинные зуба, – две громадные колонны, поддерживающие при входе нёбо чудовища…

Сколько поколений индусов, сколько рас простиралось во прахе пред *Тримурти*, тройным божеством твоим, о Элефанта!.. Сколько веков понадобилось слабому человечеству, дабы прорыть в порфирном чреве твоём весь этот город пещерных храмов и мраморных пагод и изваять твои гигантские идолы? Кто может это знать теперь! Много лет прошло с тех пор, как виделись мы с тобою в последний раз, древний и таинственный храм! А всё те же беспокойные мысли, те же неотвязные вопросы волнуют меня теперь, как и тогда, и остаются всё же безответными… Через несколько дней опять увидимся мы с тобой; снова взгляну я на твоё суровое изображение, на твой гранитный тройной лик в 19 футов [5,79 м] вышины, чувствуя столь же мало надежды когда-либо проникнуть тайну бытия твоего!.. Эта тайна попала в верные руки ещё за три века до нашего столетия. Недаром старый португальский летописец дом-Диего де Кута[1] похваляется (8 декада, книга III, глава XI) тем, что "большой квадратный камень, вделанный над аркой

1 Дио́гу ду Ко́уту (порт. Diogo do Couto, 1542–1616) – португальский историк, хранитель португальского национального архива Torre do Tombo в Индии. Португальский дворянский титул «дом» соответствует испанскому «дон» и происходит от латинского *dominus* – господин. – Прим. ред.

пагоды с чёткою и крупною на нём надписью, был выломан и послан королю дом-Жуану III,[1] а затем *таинственно* исчез… и добавляет далее: "Возле этой большой пагоды стояла другая… и даже третья… самое изумительное строение на острове как по красоте, так и по неимоверно громадным размерам своим и богатству материала. Все эти пагоды и пещеры были выстроены царями Канадскими (?), главным из коих был один, по имени Боназур, и на эти-то постройки сатаны наши (португальские) солдаты накинулись с такою яростью, что в несколько лет не осталось от них камня на камне".

А главное, не осталось надписей, кои могли бы дать ключ ко многому. Вследствие этого фанатизма португальских вандалов, хронология пещерных храмов Индии должна остаться для археологического мира навеки загадкой, начиная от браминов, которые уверяют туристов, будто элефантскому храму 374 000 лет, и кончая Фёргюсоном[2], доказывающим, что этот храм был высечен чуть ли не в XII веке по Р. Х.[3] Куда ни загляни в историю, всюду одни гипотезы, мрак. И, однако же, о Гхарипури упоминается в эпической поэме *Маххабхарата*, написанной, по мнению Кольбрука[4] и Уильсона[5], задолго до царствования Кира[6]. В другой древней легенде говорится, будто храм Тримурти на Элефанте построен ещё сыновьями *Па́нду*, изгнанными по окончании войны, воспетой в *Маххабхарате* – между династиями Солнца и Луны – восторжествовавшею расой Солнца: раджпуты[7] (потомки последнего) воспевают ещё до сей поры победу свою над врагами. Но и в их народных песнях нет ничего положительного. Прошли и ещё пройдут

1 Жуан III (1502–1557) – король Португалии (с 1521 г.). – Прим. ред.
2 Джеймс Фёргюссон (James Fergusson, 1808–1886) – шотландский историк архитектуры. – Прим. ред.
3 *Rock-cut Temples of India*.
4 Генри Томас Колбрук (Colebrooke, 1765–1837) – английский востоковед. – Прим. ред.
5 Хорас Хайман Уилсон (Horace Hayman Wilson, 1786–1860) – английский индолог и санскритолог. – Прим. ред.
6 Кир II Великий – персидский царь, правил в 559–530 гг. до н.э. – Прим. ред.
7 В МВ: раджогуты.

столетия, а вековая тайна так и умрет в скалистой груди пещеры…

Налево, как раз против Элефанты, через залив и как бы в контраст всей этой древности и величию, растянулся Малабарский холм, жилище современных европейцев и богачей туземцев. Их ярко расписанные бёнглоу[1] утопают в зелени индийской смоквы, баньяновых и других дерев; а прямые высокие стволы кокосовых пальм покрывают бахромой верхушек своих весь гребень холмистого мыса. Вон, на самой юго-западной оконечности скалы, окружённой с трёх строно океаном, возвышается прозрачное, словно кружевное строение правительственного дома (Government House). Это самое прохладное и удобное место Бомбея, обвеваемое с трёх сторон морскими ветрами: это резиденция сэра Ричарда Темпля, губернатора и повелителя Бомбейского президентства.[2] Развевающийся на высокой мачте флаг оповещает правоверных как и неверных, что его превосходительство находится в то время "у себя". Место столь же прелестное как и подходящее для досточтимого баронета сильно страдающего, между прочим, от разгорячённого воображения. Только прохлада оного спасает его от постоянно угрожающего ему удара вследствие мучительной мономании, центральная точка коей "русские шпионы" и коварная "русская интрига"…

Остров Бомбей, называемый туземцами "Мамбе", получил своё название от богини Мамба – на ма[х]ратском языке Махима, или "амба", "мама" и "амма", смотря по диалекту – слово, означающее буквально: "Великая Матерь". Едва сто лет назад, там, где теперь городская эспланада[3], стоял храм, посвящённый "Мамбе Дэви". С невероятными затруднениями и

1 Бунгало. – Прим. ред.

2 Увы! несколько месяцев позже сей грозный повелитель махратов, на совести коего лежит погибель полутора миллиона душ уморённых им во время последнего голода, благодаря его глупости, – воспылал желанием сделаться человеком парламента. Бросив губернаторство, он поспешил в Англию на выборы, где и получил должное возмездие. При первом случае избиратели забросали его гнилыми яйцами и обратили в постыдное бегство.

3 Эспланáда (фр. esplanade) – широкое открытое пространство перед крепостью. – Прим. ред.

издержками перенесли его ближе к берегу, близ крепости, и поставили против храма Болешвара, *Владыки Невинных*, – одно из названий бога Сивы или, вернее, Шивы. Бомбей составляет часть значительной группы островов; самые замечательные из них своими древностями: Сальсета "перевязанная" с Бомбеем плотиной; Элефанта так названная португальцами вследствие громадной на острове скалы высеченной наподобие слона[1] в 35 футов [10,67 м] длины, и в-третьих, остров Тромбай, одинокая скала коего возвышается на 900 футов [274,32 м] над морем. Бомбей похожий на картах на большого морского рака, расположен впереди всех других островов. Далеко протянув в море обе клешни, он как бы стоит несменным часовым и стережёт меньших, менее защищённых братьев… Между ним и материком немного узкий при входе рукав реки постоянно расширяется; затем, снова суживаясь, далеко впивается между вогнутыми боками обоих берегов, составляя таким образом бесподобнейшую в мире гавань. Недаром изгнанные англичанами португальцы прозвали её "Buon Bahia", т. е. хорошим заливом.

В припадке туристского восторга некоторые путешественники сравнивали бомбейский порт с неаполитанским. Но оба, в сущности, столь же похожи друг на друга, как *лаззарони* похож на *кули*;[2] всё сходство между последними в цвете кожи, а между портами – в воде. В Бомбее, как и в его гавани, все оригинально и самобытно, ничто не напоминает даже южной Европы. Взгляните на эти каботажные суда и рыбачьи лодки: оба построены наподобие птицы, и обоим служила моделью морская птица *сат*, нечто вроде рыболова. Такая лодка, особенно на ходу, олицетворение грации; в движении она словно плывёт задом, а странной формы косой треугольный (латинский) парус прикреплён к высокому шесту острою вершиной вверх, словно два крыла. С широко раздутыми на обе стороны крыльями, такое туземное судно, при попутном ветре

1 Слон по-португальски: elefante. – Прим. ред.

2 *Лаццарони* (ит. lazzaroni) – нищие, босяки, беднейшее население Италии; *кули* – представители низшей касты в Индии. – Прим. А. Д. Тюрикова.

и пригнувшись носом почти в уровень с водой, летит с изумительною быстротой.

Окрестности залива перенесли в то утро наше воображение в одну из волшебных стран "Арабских сказок"[1]. Далеко тянулась вдоль восточной стороны города горная цепь Гхат, с перемежающими её почти столь же высокими холмами. От подножия до скалистых, фантастически торчащих верхушек своих, эти холмы обросли дремучим лесом и непроходимыми *джонглами*[2], где живут хищные звери, а народное воображение одарило каждую скалу своей особенной легендой. Весь скат усеян пагодами, минаретами и храмами всевозможных сект. Там и сям, горячо обливаемая утренним солнцем, торчала древняя крепость, когда-то грозная и неприступная, теперь же полуразрушенная и обросшая непроницаемым кактусом. Что ни шаг, то чья-либо святыня. Здесь – далеко уходящая внутрь горы "вихара"[3], колья буддийского *бикшу*[4]; там скала, осенённая символом бога *Шивы*; далее – капище джаинов; заросший тиной священный *танк* – пруд, наполненный благословенною брамином и поэтому очищающею ото всякого греха водой – непременная принадлежность каждой пагоды. Все окрестности, вся страна усеяна символами богов и богинь; каждое из 33 миллионов божеств индийского Пантеона имеет в чём-нибудь своего представителя или что-нибудь посвящённое себе: кусок камня, цветок, дерево, птицу. Вот на западной стороне Малабарского холма выглядывает "Валукешвара", храм *Владыки из песка*.

Толпы индусов обоего пола, блистая на солнце золотыми кольцами на пальцах ног и рук, браслетами от кисти рук до локтей и от щиколотки до икр ног, со свеже разрисованными красною, жёлтою и белою красками священными сектантскими знаками на лбах, в ярких тюрбанах и белоснежных одеяниях, тянутся длинною вереницей к знаменитому храму. Предание гласит, что Рама на пути из Айодьи (Ауд) в Ланку

1 Другое название сказок "Тысяча и одной ночи". – Прим. ред.
2 Джунглями. – Прим. ред.
3 *Вихара* (санскр.) – буддийский монастырь. – Прим. ред.
4 *Бхи́кшу* (санскр. भिक्षु) в буддизме – высшая степень монашеского посвящения. – Прим. ред.

(Цейлон) за женою своею Ситою, похищенною злым царём Раваной, провёл тут ночь. Брат его Лакшман, на коем лежала обязанность снабжать Раму каждый вечер новым *лингой* из Берна́реса, запоздал в тот день присылкой. В припадке нетерпения Рама соорудил себе *лингам* из песка. Когда наконец явился символ из Бернареса его поставили во храм, а Лингам сооружённый Рамой остался на берегу. Тут он пребывал в продолжение долгих столетий; но с прибытием португальцев "Владыка из песка" почувствовал такое сильное отвращение к *феринге* (чужестранцам), что прыгнул в море и уже не появлялся более. Далее прелестный бассейн, танк, называемый *Ванатирхта* или "Пруд Стрелы". Здесь Рама (любимый герой обоготворённый индусами) пожелал напиться и, не находя воды под рукой, выстрелил из лука в землю. И вот в этом месте тот час же появился пруд, хрустальные воды коего обнесли высокою стеной, выстроили ведущую вниз каменную лестницу, окружили рядом белокаменных пагод и обителями *двиджа* (*дважды рождённых*) браминов.

Индия – страна легенд и таинственных уголков. Нет в ней развалины, нет памятника или леска, чтобы не было у него своей истории. А главное, как обыкновенно ни опутана последняя паутиной народной фантазии, всё гуще свиваемой с каждым последующим поколением, но трудно, однако, указать хоть на одну такую, которая не была бы основана на каком-нибудь историческом факте. С терпением, а главное с помощью учёных браминов, раз войдя в их доверие и дружбу, всегда возможно докопаться до истины. Но уж, конечно, не англичанам, с их высокомерием и явно выказываемым презрением к "побеждённой *расе*", ожидать чего-либо подобного. Поэтому-то между *официально* расследованною Индией и (если дозволено так выразиться) *подземною*, настоящею Индией такая же разница, как между Россией в романах Дюма-рѐге[1] и настоящей *русскою* Россией.

Ещё далее по той же дороге стоит парсийский храм огнепоклонников. У алтаря его горит неугасаемый огонь, ежедневно пожирающий пуды сандалового дерева и

1 Дюма-отца (фр.). – Прим. ред.

ароматических трав. Зажжённый триста лет тому назад священный огонь ещё ни разу не потухал, невзирая на беспорядки, сектантские распри, ни даже на войну. Парсийцы весьма гордятся этим храмом *Заратушты*, как они называют Зороастра. Рядом с этим – храмы индусов, разукрашены как красная писанка[1]. То капища, чаще всего посвящённые Хануману, богу-обезьяне и верному союзнику бога Рамы, или же какому другому божеству, как, например, слоноголовому Ганеше (бог тайной мудрости), или одной из дэви. Подобные храмы встречаются на всех улицах. Пред каждым ряд столетних пипал (*ficus religiosa*)[2], без которых не обойдётся ни один храм, так как эти деревья служат любимым жилищем для стихийных духов и грешных душ. Всё это перемешано, спутано и разбросано, являясь пред глазами внезапно, как картина во сне… Тридцать столетий оставили своих представителей на этих островах. Природная лень и сильно присущее Индии чувство консерватизма сохранили ещё до европейского вторжения эти памятники буддистов и других неприязненных браминам сект даже от разрушительного мщения фанатиков. По природе индус неспособен на бессмысленный вандализм, и френолог напрасно отыскивал бы на его черепе шишку разрушения. Если столько древностей и незаменимых памятников старины, пощажённых рукой времени, теперь искажены, разрушены и даже совсем попорчены, то разрушителями их постоянно являлись если не мусульмане, то португальцы, под руководством иезуитов.

Красота Бомбейского залива далеко, однако, не искупает, со стратегической точки зрения, слабостей его порта. Эта слабость, которую, впрочем, никто кроме специалиста никогда бы и не заметил, странно указывается самими же англичанами. И с чужестранцами толкуют они о ней, и рассуждают об этом в газетах, и даже горько жалуются на неё в своих "гидах"[3]. Так

1 *Пи́санка* – пасхальное яйцо с нанесённым орнаментом либо рисунком. – Прим. ред.

2 Священный фикус – в буддизме называется «древо Бодхи», под которым Гаутама Сиддхартха получил просветление, став буддой. – Прим. ред.

3 Путеводителях (анг. guide). – Прим. ред.

например в "*Дорожнике Индии*" (*Hand-Book of India, 1858, by Captain E. Eastweeck*) автор пускается в длинное рассуждение об опасности угрожающей Англии в случае неприятельского вторжения в Бомбей со стороны моря. Этот изъян давно замеченный ревнивыми обладателями страны, словно мешает им спать. Неужели же то самое, что проделал с португальцами могульский адмирал Сиди в 1690 году, взявший у них Бо бейскую крепость в несколько часов, может ещё повториться в 1880? И ей ли великой *непобедимой* нации, с более чем тысячью пушками на Адмиралтейском бастионе, на Мандави-Бандарской и других батареях, пугаться вторжения? И однако если судить по собственному сознанию её сынов и по их приёмам, то они не только горюют, но и постоянно трусят чего-то. "Что у кого болит, тот о том и говорит". Поэтому должно полагать, что эта заноза крепко засела и таки побаливает в бедре Великобританского льва. Не угодно ли послушать, что они сами рассказывают. Не отъехали мы сто миль [185 км] от Ливерпуля, как уже были посвящены, за общим столом, во все слабости Бомбейского порта. "Форт наш со стороны материка может быть и силён", рассуждал один капитан, "только вот со стороны моря он совсем подгулял. Беззащитнее этого форта трудно себе что и представить... К тому же, пролив своею узковатостью способен затруднить неприятельский флот разве что в самом устье; а замок форта *Сент-Джорджа*, построенный ещё португальцами, напоминает одностенные, плоские замки на оперной сцене: на нём не имеется даже порядочного парапета. Самая же крепость (коммерческая часть города) не защищена даже простою стеною. За то она загромождена до самого берега старыми, полусгнившими фабриками, заводами и на скорую руку построенными амбарами и частными жилищами...При первом пушечном выстреле наш знаменитый форт развалится как карточный дом" и проч.

А теперь заглянем в *Hand-Book* и посмотрим, что об этом говорит Истуик, посвящая книгу брату своему капитану Бомбейской армии. "Если бы", пишет он, "наша злополучная крепость даже когда и изъявила претензию на защиту, то неприятелю не стоило бы на неё внимания. Ему следовало бы

только, совсем не заходя в гавань, обогнуть остров и высадить войска с северной, совершенно не защищённой стороны его. Только во время *монсуна*[1] (сезона дождей) Бек-бей[2] бывает опасен своими бурями, а главное – подводными скалами, которыми так густо усеяно всё пространство кругом Пронгского маяка (Prong). Во все же остальные восемь месяцев пароходы могут с полною безопасностью бросать якорь вне залива".

Не правда ли как откровенно? Поэтому и злорадное замечание одного известного англо-индийского писателя, напоминающего, что в случае либо войны, либо затеваемого вторжения. "Бек-бей представляет *столь же заманчивую сколько и коварно-опасную приманку* угрожающему неприятелю" – теряет всё своё значение. Эта опасность, как нам объявляет и “Guide-Book”, существует лишь во время четырёхмесячного *монсуна*, а в остальные времена года милости просим!

А между тем, описывая так подробно свои слабейшие пункты, англо-индийцы видят в каждом невинном туристе из других государств – шпиона. Проехала здесь, года два назад, русская артистка, пианистка m-lle Olga Duboin[3], и пожелала прокатиться по Индии; двадцать сыщиков тайной полиции, как тени, следили за ней по пятам. Явился немец-живописец, уроженец Петербурга, но еле говорящий по-русски (г-н Орас фан-Руит), изучать типы Индостана; шпионы переодеваются и являются к нему, предлагая себя в модели. Приехала партия, состоящая из американского полковника, чистейшего янки, двух англичан из Лондона – ярых патриотов, но либералов, и американской гражданки, хотя и русской по рождению,[4] и вот национальность последней подымает на ноги всю полицию! Напрасно было бы доказывать, что эти туристы единственно заняты метафизическими спекуляциями о мирах неведомых, и

1 *Монсун* (анг. monsoon) – муссон, сезон дождей. – Прим. ред.
2 Бек-бей (анг. Back Bay) – залив, вокруг которого расположен Бомбей. – Прим. ред.
3 Имя пианистки добавлено в редакции 1883 года. – Прим. ред.
4 Имеются в виду основные действующие лица этих писем: Генри Стил Олкотт, Эдвард Уимбридж, Роза Бейтс и сама Е. П. Блаватская. – Прим. ред.

что они не только не интересуются политикой земного мира, но что их русская спутница даже и "аза в ней не смыслит"[1]. "Коварство России давно вошло в пословицу", отвечают ей. "России де мы Афганистанскою войной[2] отрезали дорогу через Гималайские горы; вот она и пошла писать с другой стороны… Подружилась с китайцами, а теперь науськивает их идти на Индию через Рангун. Поэтому нам и необходимо завладеть Бурмой[3]".[4] Уже и китайцев стали уже бояться с их горшками со смердящей жидкостью! Ну и владейте на здоровье коли никто не мешает – благо что предлог нашёлся. Только зачем же нести такой сумбур про Россию?

Эта национальная черта англичан кричать "караул, режут", тогда их никто и не думает трогать, – отвратительна. Она в них особенно развилась со времён биконсфильдского премьерства[5]. Но если эта черта замечательна даже в Англии, то с чем же сравнить её в Индии? Здесь подозрительность перешла в мономанию: англо-индийцы готовы видеть шпионов России даже в собственных сапогах, и они упиваются этой идеей до чёртиков.

– А что, – спрашивает один американский полковник у главного полицейского надзирателя одной из северо-западных

1 То есть не знает ничего, не знает азов; аз – первая буква древне-русского алфавита. – Прим. ред.

2 Англо-афганские войны – колониальные войны Великобритании против Афганистана. Первая англо-афганская война: 1838–1842, вторая: 1878–1880, третья: 1919. – Прим. ред.

3 Бирма, ныне Мьянма – государство в Юго-Восточной Азии, расположенное в западной части полуострова Индокитай. – Прим. ред.

4 И поэтому тоже бирманский посол присланный в настоящее лето (1882) в Симау для переговоров и подписи нового трактата так и уехал ни с чем. Все газеты восстали против "нахальных" претензий Бирмы, всё нахальство коей состояло в том, что она требовала права сноситься прямо с Английским кабинетом поимо Калькуттского правительства и ограничения прав англо-индийских чиновников обращаться с королём Бирмы как с простым кули – подданным королевы. [Сноска добавлена издании РВ.]

5 Бенджамин Дизраэли (граф Биконсфилд, Beaconsfield, 1804–1881) – английский государственный деятель консервативной партии Великобритании, 40-й и 42-й премьер-министр Великобритании (1868, 1874–1880), писатель. – Прим. А. Д. Тюрикова.

провинций, – возможно ли по-вашему повторение сипайского возмущения 1857 года?[1] Как вы полагаете, усмирены индусы?

– Пшоу!.. Бояться подобного возмущения было бы столько же основательно как и падения луны нам на голову! – получает он гордо в ответ.

А между тем этот же капитан тут же рассказывает за завтраком о превосходстве полицейской организации в их провинциях: ни один индус не пребудет из деревни в город даже на один час без того, чтобы тотчас бы не узнали об этом в тайной полиции. Следят за каждым новоприбывшим из одной провинции в другую, даже если бы то был и англичанин. У народа не только отняли всякое оружие, но даже лишили последнего топора и ножа. Крестьянину нечем ни дров нарубить, ни защититься от тигра. Но англичане всё еще дрожат. Правда, что их здесь всего 60 000, в то время как туземного населения насчитывают до 245 миллионов. Да и система их, перенятая ими от искусных укротителей зверей, хороша лишь, доколе зверь не почует, что его укротитель, в свою очередь, трусит... Тогда горе ему! Во всяком случае подобное постоянное выказывание хронического страха обнаруживает лишь сознание собственной слабости.

Наконец мы бросили якорь, и в одну минуту сотни тощих, голых индусов, могулей, парсийцев и других народов атаковали как наш багаж, так и нас самих. Вся эта ватага мгновенно выскочила как бы со дна морского; защебетала, зачирикала, залопотала и стала голосить, как умеют голосить одни азиатские народы. Чтобы скорее избавиться от подобного Вавилонского столпотворения, грозившего оглушить нас навеки, мы бросились в первый попавшийся бундер-бот[2] и отчалили.

Когда мы приехали в заранее заготовленный для нас бёнглоу, первое что нас поразило в Бомбее были миллионы ворон и коршунов. Первые – мусорщики города и убивать их не

1 Сипайское восстание – восстание индийских солдат (сипаев) против жестокой колониальной политики англичан в 1857–1859 гг. – Прим. ред.

2 Бундер-бот (анг. bunder boat) – небольшая лодка, доставляющее пассажиров от пристани до борта большого корабля. – Прим. ред.

только воспрещено полицией, но и весьма опасно, так как это навлекло бы на убийцу серьёзное возмездие со стороны индусов, всегда готовых предложить собственную жизнь за воронью. Души грешных прадедов их переселяются в ворон: убивать эту птицу значит мешать закону возмездия, а затем обрекать душу на что-нибудь худшее. В этом не только индусы но и не менее их суеверные парсы (даже самые образованные между ними) вполне уверены. Странные повадки индийских ворон (о которых будет упомянуто далее) до некоторой степени оправдывают такое поверье. А коршуны, всегдашние могильщики парсов, находятся под прямым покровительством *Фарварданьи*, ангела смерти, который парит над "Башней Молчания" руководя занятиями пернатых работников. Но и об этом после. Ужасное карканье ворон, не прерывающееся и по ночам, поражает вновь прибывшего своею странностью, но затем объясняется весьма просто. Всякое дерево из бесчисленного множества кокосовых лесов окружающих Бомбей на откупе у правительства, и на верху каждого привязана тыква, в которую стекает сок, превращающийся по брожении в крепчайший напиток, называемый здесь "тодди". Совершенно голые "тодди-вала" (обыкновенно португальцы), скромно украшенные между прочим коралловым ожерельем, как белки лазят по два раза в день на вершину полуторастафутовых [45,72 м] стволов собирая этот напиток. Вороны вьют гнезда лишь на этих деревьях и постоянно пьют из этих открытых тыкв. В результате является хроническое опьянение этих крикунов.

Едва успели мы войти в густой, заросший сад нашего будущего жилища, как с каждого дерева послетала с пронзительным карканьем стая ворон: птицы эти окружили нас, прыгая на одной ноге. Чудилось нечто положительно *человеческое* в позе хитро склоненной на бок головы *пьяной* птицы, и чисто дьявольское выражение светилось в лукавом глазе, оглядывающем нас снизу вверх…

Радда-Бай

Письмо II[1]

Мы занимали три маленькие *бёнглоу*, утопающие как гнёзда в зелени сада, с крышами, буквально покрытыми розами, растущими на трёхсаженных [6,39 м] кустах, и с окнами, затянутыми кисеёй[2], вместо обычных рам и стёкол. Эти бунгало находились в туземном квартале. Таким образом мы были разом перенесены в настоящую Индию: мы жили в Индии, и отнюдь не как англичане, лишь издали *окружённые* Индией; мы могли изучать её нравы, обычаи, религию, суеверия и обряды, знакомиться с её преданиями, словом, жить в одном кругу с индусами, в кругу заколдованном и недоступном англичанам, как вследствие вековых предрассудков туземцев, так и по собственному высокомерию англо-саксонской расы.

Всё в Индии, в стране слона и ядовитой кобры, тигра и неудачного английского миссионера, всё своеобразно, странно; всё кидается в глаза чем-то непривычным и неожиданным даже для того, кто побывал в Турции, Египте, Дамаске и Палестине. В этих тропических странах условия природы до того разнообразны, что делается понятным, почему все формы бытия в животном и растительном царствах должны разниться от тех же форм, к которым мы так привыкли в Европе. Взгляните: вот идут женщины к колодцу через частный, но всем открытый сад, где пасутся чьи-то коровы. Кому не случалось встречать женщин, видеть коров и любоваться садом? Кажется, вещи самые обычные; но стоит лишь вглядеться в них внимательнее, чтобы тотчас же сообразить всю громадную разницу между этими самыми предметами в Европе и Индии. Нигде человек не чувствует так своего ничтожества, своей слабости, как пред этою величественною природой тропиков. Прямые, как стрелы, стволы кокосовых пальм достигают иногда 200 футов [60,96 м] вышины; эти

1 Московские ведомости, № 309, 04.12.1879, с. 4, № 310, 05.12.1879, с. 4-5; Русский Вестник, январь 1883, Приложение, том 163, с. 16-35.

2 *Кисея* – очень легкая и прозрачная хлопчатобумажная ткань. – Прим. ред.

"принцы растительного царства", как назвал их Линдлей[1], увенчанные короной длинных ветвей – кормильцы и благодетели бедного народа: пальмы доставляют ему и пищу, и одежду, и кров. Самые высокие наши деревья показались бы карликами пред баньяном и особенно пред кокосовыми и другими пальмами. Наша европейская корова, приняв индусскую свою сестру сперва за телёнка, тотчас же отказалась бы от родства с нею, так как ни мышиный цвет шерсти, ни прямые, как у козла, рога, ни большой на спине её горб (как у американского бизона, но без его гривы) не дозволил бы ей впасть в подобную ошибку. Что же касается женщин, то хотя каждая из них способна привести любого художника в восторг своими движениями, костюмом, грацией, тем не менее от нашей румяной и дебелой какой-нибудь Анны Ивановны ни одна из красавиц Индостана не дождалась бы ни ласки, ни привета: "Ведь экая срамота, прости Господи, глядишь: баба-то совсем голая!" Мнение нашей русской женщины 1879 года вполне согласовалось бы на этот счёт с таковым же мнением знаменитого русского странника XV столетия, "грешного раба Божия Афанасия, сына Никитина, из Твери".[2] Совершив "грешное странствование" своё по трём морям: морю Дербентскому, сиречь "Дорьи[3] Хвалиской", морю Индии, "Дорьи Иондустанской", морю Чёрному или "Дорьи Стембольской" (Стамбул), – Афанасий Никитин прибыл в Чаул[4] (или, как он называет его, *Чевиль*) в 1470 году и описывает Индию в следующих словах: "Сия есть земля Индейская. Люди в ней ходят голые, с непокрытыми головами и голыми грудями; с волосами заплетёнными в одну косу. Жены здесь рожают детей каждый год и ребят у них много; мужи и жены чёрные. Их князь носит одну фату на голове, а другую обматывает промеж

1 Джон Линдли (Lindley, 1799–1865) – английский ботаник и садовод. – Прим. ред.

2 Афанасий Никитин (?–1475) – русский путешественник, тверской купец, автор путевых записей, известных под названием «Хождение за три моря». – Прим. А. Д. Тюрикова.

3 Дарья (перс.) – море. – Прим. А. Д. Тюрикова.

4 В 30 милях [48,28 км] от Бомбея. Чаул был при португальцах цветущим и богатым городом.

ног; бояре носят её на плечах (т. е. брамины, носящие шарф через плечо), а княгини – на плечах и вокруг поясницы; но все босые. Жены прохаживаются простоволосые и с голыми грудями. Мальчики и девочки ходят до семи лет совершенно наги и стыда своего не скрывая..."[1] Всё это описание совершенно верно; только относительно их *бескостюмия* Афанасий Никитин не совсем-то прав: описание его может относиться лишь к низшим и беднейшим кастам. Эти действительно прохаживаются в одной "фате"; да и *фата*-то эта до того бедна, что часто представляет собою лишь тесёмку. Но у женщин она состоит из куска материи иногда до 15 аршин [10,67 м] длины; один конец служит короткими шароварами, а другим прикрывается грудь и голова на улице, хотя лица всегда открыты; причёска же напоминает греческий шиньон. Ноги ниже колен, руки до плеч и поясница всегда голые. Да и ни одна здесь честная женщина не согласится надеть башмаки: последние составляют принадлежность и отличительную черту только "нечестных" туземок. В южной Индии, напротив, башмаки дозволены лишь жёнам и дочерям браминов. Когда не так ещё давно жена мадрасского губернатора вздумала, под влиянием миссионеров, хлопотать в пользу закона, обязующего женщин покрывать грудь, то дело дошло почти до революции: ни одна женщина на это не согласилась, так как верхнее платье здесь носят лишь публичные танцовщицы. Проект, к великому горю миссионеров и благородных леди, провалился; правительство скоро поняло все неблагоразумие восстановлять против себя женщин (которые в иных случаях гораздо опаснее своих мужей и братьев) покушением уничтожить обычай, предписанный законом Ману и освящённый трёхтысячелетнею давностью.

В течение более двух лет до нашего выезда из Америки мы находились в постоянной переписке с одним учёным, известным даже в Европе, брамином, слава которого гремит в настоящее время по всей Индии. Этот брамин, под

1 За неимением в руках подлинника, с английского перевода графа Виельгорского, в "India in the XV century", by R. F. Major, London, 1869, part. III, p. 8 & 9.

руководством которого мы приехали изучать древнюю страну ариев, "Веды" и трудный язык её, пандит Дайананд Сарасвати[1], суами[2]. Он считается величайшим санскритологом современной Индии. Пандит этот составляет для всех непроницаемую загадку: выступив лет пять тому назад на арену реформаторства, он, как древние "гимнософисты" (упоминаемые греческими и римскими писателями), жил до того времени отшельником в "джонгле", а затем, под руководством мистиков и анахоретов,[3] изучал главные философские системы "Арьяварты"[4] и тайный смысл "Вед". С первых дней своего появления он поразил всех, и его тотчас прозвали Лютером[5] Индии. Странствуя из одного города в другой, сегодня на юге, завтра на севере, переносясь с невероятною быстротой с одного конца страны на другой, он исходил весь полуостров от Коморинского мыса[6] до Гималая и от Калькутты до Бомбея, проповедуя *единство Бога*[7] и доказывая с "Ведами" в руках, что в этих древних писаниях нет ни одного слова, могущего быть перетолкованным в смысле политеизма. Гремя против идолопоклонства, великий оратор восстаёт всеми силами

1 Свами Даянанда Сарасвати (Swami Dayanand Saraswati, 1824–1883) – индийский учёный-теолог, реформатор индуизма, основатель движения Арья-самадж. – Прим. ред.

2 Суами (Swami) называются здесь учёные анахореты, посвящённые в таинства своей религии, недоступные остальным смертным; это безбрачные монахи, отличные от "нищенствующей" братии, от так называемых *саньязи* и *госсейнов*.

3 Между индусами укоренилось древнее поверье, что на Бхадринатских высотах (22 000 футов [6 705,6 м] над уровнем моря) существуют пространные подземные жилища, обитаемые этими анахоретами уже несколько тысяч лет. *Бхадринат* (в северном Индостане на правом берегу реки Бишегунги) знаменит своим храмом Вишну, построенным в самом центре города; внутри храма бьют несколько горячих минеральных источников. Около 50 000 пилигримов ежегодно посещают это место: воды источника очищают их от грехов.

4 Арьяварта (санскр. आर्यावर्त — обитель ариев) – название Северной Индии в классической санскритской литературе. – Прим. ред.

5 Мартин Лютер (Martin Luther, 1483–1546) – немецкий христианский богослов, инициатор Реформации, его именем названо одно из направлений протестантизма. – Прим. ред.

6 Мыс Коморин – южный конец полуострова Индостан. – Прим. ред.

7 В РВ: "божества". – Прим. ред.

против каст, раннего брака и суеверия. Карая всё это зло, привитое к Индии столетиями фальшивой казуистики и лжетолкованием "Вед", он прямо и бесстрашно укоряет в нём браминов, обвиняя их пред массами народа в унижении родины, когда-то великой и независимой, теперь павшей и порабощённой. Но Великобритания имеет в нём не врага, а пожалуй даже и защитника. Он не только не подстрекает народ к бунту, но, напротив, говорит ему прямо: "Прогоните англичан, и завтра и вы, и я, и все мы, восстающие против идолопоклонства браминов и зол мусульманского деспотизма, будем перерезаны как бараны. Мусульмане сильнее идолопоклонников, но последние сильнее нас..." И однако же англичане так мало понимают свою выгоду, что два года тому назад, в Пуне, где народ разделился на две партии: реформаторов и идолопоклонников-консерваторов, когда партия первых развозила своего проповедника с торжеством и ликованиями на слоне, а другая бросала в него камнями и грязью, то вместо того, чтобы защищать Дайананда, она выслала его из города, запретив ему впредь являться туда.

Много горячих диспутов держал пандит с браминами, этими коварными врагами народа, и всегда выходил победителем. В Бенаресе к нему подослали убийц; но преступление не удалось. В одном местечке Бенгалии, где он особенно резко нападал на фетишизм, какой-то фанатик ловко бросил ему на голые ноги огромную змею кобру-дикапеллу[1], укушение которой причиняет в три минуты смерть и от которого медицина до сих пор не знает спасения. "Да решит наш спор сам бог *Васуки*!"[2] воскликнул поклонник Шивы,

1 Буквально «змея с капюшоном» (порт. cobra de capello) – кобра. – Прим. ред.

2 Васуки – змея, обвивающая на идолах шею бога Шивы и обоготворенная мифологией браминов, так же как и змей Ананда, на котором изображён лёжа бог Вишну. В конце июля, когда совершается празднество *Наг*, или змий, на всех площадях в улицах приготовлены сосуды с молоком, и змеи сотнями приносятся профессиональными "заклинателями" во все города и деревни. В этот день Индия откармливает своих пресмыкающихся "богов", а европейцы боятся выйти из дому.

уверенный, что его воспитанная и дрессированная для таинств змея тут же покончит с оскорбителем её святыни. "Да", спокойно ответил Дайананд, стряхнув сильным движением ноги обвившуюся вокруг неё кобру, "только твой бог слишком медлил; спор решаю я..." И быстрым, могучим движением пятки раздавил голову змеи. "Идите", добавил он, обращаясь к народу, "и поведайте всем, как легко погибают фальшивые боги!"

Благодаря превосходному знанию санскритского языка, пандит оказывает великую заслугу как народу, рассеивая его невежество насчёт монотеизма Вед, так и науке, указывая, что такое именно брамины, единственная каста в Индии, имевшая в продолжение столетий право изучать санскритскую литературу и толковать "Веды" и воспользовавшаяся этим правом лишь для собственного интереса. Задолго ещё до появления таких учёных ориенталистов, как Бюрнуф, Колебрук и Макс Мюллер, было немало туземных реформаторов, старавшихся доказать чистый монотеизм учения "Вед". Являлись и основатели новых религий, отрицавшие откровение этих писаний, как, например, раджа Рамохун Рой, а за ним бабу Кешуб-Чендер-Сен, оба калькуттские бенгальцы.[1] Но ни те, ни другие не имели положительного успеха: они только к бесчисленному множеству других сект Индии прибавили новые. Рамохун Рой умер в Англии, не успев ничего сделать, а преемник его, Кешуб-Чендер-Сен, установив "церковь Брамо-Самадж", в которой исповедуется религия, извлечённая из глубины собственного воображения бабу, бросился в самый отвлечённый мистицизм и теперь оказывается "одного поля ягода" со спиритами, которые его считают за медиума и провозглашают калькуттским Сведенборгом.

Таким образом, все попытки возобновить чистый первобытный монотеизм арийской Индии оставались до сей

1 В настоящее время этот последний совершенно сошёл с ума, сделался каким-то пляшущим дервишем и, сидя в грязном бассейне, прославляет Чайтанию, Коран и Будду, а себя называет пророком; пляшет мистический танец со своими последователями, переодетый в женское платье во имя "бога-женщины", назвая этого бога "матерью, отцом и старшим братом!"

поры более или менее тщетными. Они разбивались, как волны, о неприступную скалу брахманизма и веками вкоренившихся предрассудков. Но вот нежданно-негаданно является пандит Дайананд. Никто даже из самых приближенных к нему учеников не знает, кто он и откуда он. И сам он откровенно сознается перед народом, что даже имя, под которым они его знают, ему не принадлежит, а дано ему при посвящении его в *йоги*.[1] Знают одно: такого учёного санскритолога, глубокого метафизика, удивительного оратора и бесстрашного карателя всякого зла, Индия не видала со времён "Санкарачарьи", знаменитого основателя философии *Веданты*, самой метафизической изо всех систем Индии, венца пантеистического учения. К тому же наружность Дайананда поразительная: громадный рост, бледная (скорее европейская, нежели индийская) смуглость лица, большие чёрные искромётные глаза и длинные чёрные с проседью волосы[2]. Голос у него чистый, звучный, способный передавать оттенки всякого внутреннего чувства, переходящий от нежного, почти женского шёпота, увещания, до громоподобных раскатов гнева против злоупотреблений и лжи презренного жречества. Всё это взятое вместе неотразимо влияет на нервного, мечтательного индуса. Всюду, где бы ни появился суами Дайананд, толпы падают пред ним ниц и простираются во прахе ног его. Но он не проповедует им, как, например, бабу Кешуб-Чендер-Сен, новой религии, не учит их новым догматам; он только просит их обратиться к

1 *Патанджали*, основатель одной из шести главных философских систем древней Индии, учредил мистическую школу под названием "школа йогов". Думают, что и неоплатоники Александрийской второй и третьей школы были последователями индийских йогов, особенно их теургии, вывезенной, по преданию, из Индии, Пифагором. Есть ещё и в настоящее время сотни йогов в Индии, усердно следующих системе Патанджали и – если верить им – имеющих общение с *Брамой*. Однако большая часть их тунеядцы, и хотя "нищие" по призванию, но плуты вследствие ненасытной жажды индусов к чудесному. *Настоящие же йоги* не являются публично, но живут в полном уединении и проводят всю жизнь в учении, кроме особых случаев необходимости, какому покорился Дайананд, явившийся "спасать свою страну".

2 Йоги и дикшаты ("посвящённые") носят волосы длинные, не обрезая ни бороды, ни усов.

санскритскому, почти забытому языку и, сравнив учение праотцев их, арийской Индии, с учениями Индии браминов, вернуться к чистым воззрениям на божество первобытных риши (Rishis): Агни, Вайю, Адитьи и Ангиры[1]. Он даже не учит, как другие, что "Веды" были-де получены откровением свыше; он учить, что "всякое слово в "Ведах" принадлежит к высшему разряду божественного вдохновения, *возможного* человеку на этой земле, – вдохновению, повторяющемуся в истории всего человечества, в случае надобности, и между другими народами..."

В эти последние пять лет у суами Дайананда насчитывают около двух миллионов новообращённых, большею частью из высших каст. Последние, по-видимому, готовы положить за него все до одного и жизнь, и душу, и даже самое состояние, что для индуса часто бывает драгоценнее самой души. Но Дайананд, как истый *йоги*, до денег не дотрагивается, денежные дела презирает и остаётся довольным несколькими горстями риса в день. Словно заколдована жизнь этого удивительного индуса, так беспечно играет он самыми худшими человеческими страстями, возбуждая во врагах своих самый бешеный и столь опасный в Индии гнев. Мраморное изваяние не оставалось бы спокойнее Дайананда в минуты самой ужасной опасности. Мы один раз видели его на деле: отослав всех приверженцев своих и запретив им следовать за ним либо заступаться за него, он остановился один пред разъярённою толпой и спокойно смотрел в глаза чудовищу, готовому прыгнуть и разорвать его на куски... Два года тому назад он начал переводить с собственными, совершенно новыми комментариями "Веды" с санскритского на язык *хинди* – самый распространённый здесь диалект. Его *Веда-Башия*[2] служит

1 По преданию, четыре книги "Вед" были переданы людям этими четырьмя патриархами. [Сноска добавлена в ред. 1883 г.]

2 Издаётся и выходит ежемесячно в Бомбее; подписная плата идёт на устройство школ и библиотек для *Арии-Самадж*, Бомбея. *Ария-Самадж* – буквально "общество" или скорее, "братство ариев". Этих школ и библиотек учреждено теперь пандитом Дайанандом более 60 во всей Индии. Все они содержатся на собственные средства; санскритский язык в них обязателен.

неисчерпаемым источником учёности самого Макса Мюллера, в переводах немецкого санскритолога, который постоянно переписывается и советуется с Дайанандом. Ему также многим обязано другое светило по части ориентализма – Монье Уильямс, профессор в Оксфорде, который, побывав в Индии, лично познакомился с пандитом Дайанандом и его учениками.[1]

Но здесь необходимо небольшое отступление.

Лет пять тому назад в Нью-Йорке образовалось общество образованных, энергических, решительных людей. Один остроумный учёный прозвал этих людей "членами Общества des Malcontents du spiritisme[2]". Основатели этого клуба были люди, верившие в феномены *спиритуализма*, как и в возможность всяких других феноменов в природе, но вместе с тем отвергавшие теорию "о духах". Люди эти взирали на современную психологию как на науку, стоящую ещё на самой первоначальной ступени развития, находящуюся в совершенном неведении относительно "духовного человека" и, притом, отвергающую в лице многих своих представителей всё то, чего она сама не может разом объяснить по-своему.

С первых же дней основания этого Общества (Теософического) к нему примкнули многие из самых учёных людей Америки. Члены эти разнились в своих понятиях и взглядах не менее членов любого географического или археологического общества, столько лет ссорившихся, например, из-за истоков Нила или египетских иероглифов. Но как в отношении к устьям и иероглифам все единодушно соглашались, что раз существуют воды Нила и пирамиды, то где-нибудь да находятся и эти истоки, и ключ к иероглифам; так точно и в отношении к

1 В продолжение двухлетнего своего пребывания в Индии Уильямс усиленно искал себе помощника для переводов с санскритского. Ему наконец удалось привлечь лучшего из учеников Дайананды, молодого пандита Шамджи Кришнаварму. Юный индус недавно уже отправился в Оксфорд пожинать лавры для учёного английского санскритолога. В настоящее время он сделался оксфордскою знаменитостью. В два года изучил превосходно латинский и греческий языки и сдал блистательно трудный экзамен, оставив далеко позади себя всех юных лордов. О нём говорят постоянно английские журналы.

2 Недовольных спиритизмом (фр.). – Прим. ред.

феноменам *спиритизма* и *магнетизма*. Феномены ждали лишь своего Шампольона, а Розетский Камень[1] следовало искать не в Америке или Европе, а в странах, где ещё верят в магию, где местным жречеством производятся "чудеса" (в которые общество не верило) и куда ещё не проникал холодный материализм науки, словом – на Востоке. "Ламо-буддисты", рассуждал совет Общества, "не верят ни в Бога, ни в личную индивидуальность человеческой души, но они славятся своими феноменами; а "месмеризм" известен и практикуется в Китае под названием *йина* и *яйна* уже много тысяч лет. В Индии боятся и ненавидят столь уважаемых спиритами духов, но их простые, невежественные факиры производят "чудеса", ставящие в тупик самых учёных исследователей и приводящие в отчаяние известнейших в Европе фокусников. Многие из членов Теософического общества бывали в Индии, многие родились там и самолично неоднократно присутствовали при "колдовствах" её браминов. Основатели этого клуба, глядя на современное невежество относительно духовной стороны человека, рассуждали, что должен же когда-нибудь метод сравнительной анатомии Кювье быть допущенным и в метафизике и перейти из области *физической* в область *психологической* науки и на таких же дедуктивных и индуктивных началах, как и в первом случае; иначе психиатрия не сделает ни одного шага вперёд и запрудит даже и другие науки естествознания. Мы уже видим, как физиология мало-помалу захватывает не принадлежащие ей права охотиться во владениях чисто метафизических, абстрактных знаний, притом делая всё время вид, будто бы и знать ничего не хочет о последних, и, втеснив их в неподдающееся её страданиям Прокрустово ложе естествоведения, старается подвести психологию под итог *точных* наук.

1 Базальтовая плита с текстом по истории позднего Египта, найденная в 1799 году возле египетского города Розетта (ныне Рашид). Текст написан тремя письменами: египетскими иероглифами и демотикой, а также на древнегреческом языке. Сопоставление трёх текстов послужило отправной точкой для расшифровки египетских иероглифов. – Прим. ред.

В скором времени Теософическое общество стало считать своих членов не сотнями, а тысячами. Все "malcontents"[1] спиритуализма в Америке (а там считается спиритуалистов 12 миллионов) присоединились к упомянутому Обществу. Между тем установились коллятеральные[2] ветви его в Лондоне, Корфу, Австралии, Испании, Кубе, Калифорнии и пр.[3] Производились эксперименты, и всё более приходили к убеждению, что *не одни же "духи" производят феномены.*

Наконец основалась ветвь Теософического Общества и в самой Индии, и на Цейлоне.[4] В числе членов Общества постепенно стало оказываться больше буддистов и брахманистов, нежели европейцев. Составился союз, и к имени общества было добавлено название "Brotherhood of Humanity" (братство человечества). Вступив в деятельную переписку с вождями религиозных и реформаторских партий *Арии-Самадж* (то есть Общества арийцев), основанной суами Дайанандом, все слились с Теософическим обществом. Затем главный совет Нью-Йоркского Общества решил отправить в Индию делегацию с целью изучения на месте, под руководством санскритологов, древнего языка "Вед", рукописи и "чудес" *йогизма*. Для этого избраны президент Нью-Йоркского общества, два секретаря и два советника. И вот 17 декабря 1878 года "миссия" отплыла из Нью-Йорка в Лондон и затем в Бомбей, куда и прибыла в феврале 1879 года.

Понятно, что при таких благоприятных обстоятельствах члены помянутой миссии в состоянии изучать страну и

---

1 Недовольные (фр.); отсылка на упомянутое Общество недовольных спиритуализмом во Франции. – Прим. ред.

2 Побочные (англ. collateral). – Прим. ред.

3 В Теософических обществах Лондона насчитывают не менее семи членов Королевского общества меж сотен других известных в области науки и литературы людей. К F. R. S. (Fellow Royal Society) прибавляют F. T. S. (Fellow Theosophical Society). Сын одного известного члена парламента – президент Лондонского общества, а президент "*Eclectic* Theosophical Society" Симлы бывший министр (Secretary for India) А. О. Хьюм.

4 В 1882 году в Индии было 36, а в Цейлоне 8 теософических обществ, основанных Американским обществом. [Сноска добавлена в ред. 1883 г.]

производить исследования тщательнее, нежели кто-либо другой, не принадлежащий к Обществу. На них взирают, как на "братьев", и им помогают самые влиятельные туземцы Индии. Они имеют членов между пандитами Бенареса и Калькутты, между первосвященниками буддистских *вихар* Цейлона (учёный "Сумангала"[1], между прочим, глава пагоды на Adam's Peak, о котором упоминает г-н Минаев[2] в своём путешествии), среди лам Тибета, в Бирме, Траванкоре и т. д. Членов миссии допускают в святилища, где еще не была нога европейца; поэтому они смело могут надеяться, что, несмотря на неохоту представителей точных наук и их недоброжелательство к ним, верующим, они будут в состоянии оказать более одной услуги миру и науке.

Тотчас по приезду в Бомбей мы намеревались ехать лично знакомиться с Дайанандом и поэтому немедля отправили к нему телеграмму. В ответ он нас известил, что ему необходимо ехать в Хардвар (Hurdwar), куда стекалось в этот год несколько сот тысяч пилигримов. Он просил нас вместе с тем не приезжать в Хардвар, так как там непременно должна появиться холера, и назначил нам чрез месяц местом свидания местечко у подножия Гималаев, в Пёнджабе.[3] Таким образом

1 Хиккадуве Шри Сумангала Тхера (1827–1911) – цейлонский буддийский монах и учёный, настоятель буддийского храма Адамов пик, основатель и президент Видьодая колледжа в Коломбо, вице-президент Теософского общества. – Прим. ред.

2 Иван Павлович Минаев (1840–1890) – востоковед, буддолог, основатель русской индологической школы, профессор Петербургского университета (1873). Совершил три путешествия (1874–1875, 1880, 1885–1886), во время которых посетил Индию, Цейлон, Бирму и Непал. – Прим. ред.

3 Увы! это было написано в 1879 году, а с тех пор много воды утекло. Суами Дайанада изменился – и из союзника и друга превратился в заклятого врага Теософического общества и его двух основателей – полковника Олкотта и автора этих писем. Дело в том, что входя в "наступательный и оборонительный" союз с Теософическим обществом Суами питал надежду, что все члены – христиане, брамины и буддисты – признают его своим верховным вождём и учителем и перейдут в "ариаризм". Само собой разумеется последнее оказалось невозможным. Теософическое Общество основано на строжайших правилах *невмешательства* в религиозные верования его членов. Веротерпимость в нём доведена до последних пределов, так как

нам оставалось довольно времени осмотреть все достопримечательности Бомбея и его окрестностей.

Решив наскоро осмотреть первый, мы согласились ехать потом, не теряя времени, в Декан, на большой храмовой праздник в *Карли*,[1] старинный пещерный храм буддистов, по уверению одних, – браминов, как доказывают другие. Затем, посетив Танну, на острове Сальсетте, и храм Каннари, мы намерены были отправиться в столь прославленный Афанасием Никитиным Чаул.

А пока поднимемся на вершины Малабарского холма, к "Башне Молчания", последнему жилищу каждого из сынов Зороастра.

"Башня Молчания", как сказано, – кладбище парсов. Тут богатый и убогий, *набаб*[2] и *кули*, мужчины, женщины и дети – все кладутся рядом, и от каждого из них *через несколько минут* остаются лишь одни скелеты... Странное, тяжёлое впечатление производят на иностранца эти "башни", где действительно целые века царствует гробовое молчание. Подобные строения

Общество это преследует чисто философские цели, проповедуя братство всего человечества не взирая на касты, веру и цвет кожи (то есть национальность), а до частных религий ему нет дела. Это не понравилось Суами. Он потребовал, чтобы *все члены* или подчинились ему, или же были исключены из Общества. Понятно, что на это не могли согласиться ни президент ни совет. Англичане, как христиане, так и вольнодумцы, буддисты и особенно брамины взбунтовались и потребовали расторжения союза. Тогда Суами, видя что власть ускользает из его рук, предал Общество *анафеме*, а его агенты предали оное поруганию на всех перекрёстках. Кончилось тем, что вся *интеллигенция* Арьи Самадж перешла в Теософическое Общество и порвала все сношения с Суами-фанатиком, а Суами обзывает Общество "неверными *Феринги*". [Сноска добавлена в ред. 1883 г.]

1 Эти религиозные сборища (*мелла*) назначаются по очереди в разных пунктах Индии и всегда в городах, история коих связана с каким-либо особенно священным преданием. В Хардваре подобная "мелла" назначается каждые 12 лет. На эту религиозную *ярмарку* стекаются представители всевозможных сект и держат диспуты, после учёных диссертаций, каждый в защиту своей особенной секты. Одних саньязи – "монашествующих нищих" – было там в этом [1879] году до 35 000. Холера действительно появилась.

2 Набоб (англ. nabob) – титул правителей некоторых провинций Восточной Индии в империи Великих Моголов. – Прим. ред.

рассеяны повсюду, где только живут и умирают парсы, особенно в Сурате. Но в Бомбее из шести таких башен самая большая выстроена 250 лет тому назад, а следующая за ней по величине даже очень недавно. Это круглые, иногда и четырёхугольные строения без крыш, без окон, без дверей, от 20 до 40 футов [6-12 м] вышины и с одним лишь закрытым кустами отверстием на восток, состоящим из толстой железной дверцы. Первый труп, принесённый в новую *дакхму* (так называются эти башни), должен быть трупом невинного ребёнка и непременно дитяти "мобеда" (жреца). К этим башням, построенным в стороне, на холме и среди уединённого сада, никому не дозволяется подходить, даже главному смотрителю и сторожам, ближе как на тридцать шагов расстояния. Одни *нассесалары*[1] (носильщики трупов), ремесло коих наследственное и которым закон строго воспрещает заговаривать с живыми, дотрагиваться или даже подходить к ним, входят и выходят из "Башни Молчания". Входя, они вносят труп, безразлично богатого или бедного человека, завёрнутый в белые и самые старые тряпки; раздев его донага, они кладут его в тот или другой из трёх кругов и, не произнося ни слова, выходят в таком же молчании из башни, запирая её до следующего покойника, а саван – тряпки – тотчас же сжигают.

Смерть у огнепоклонников лишена всего своего величия, и труп возбуждает в них лишь одно омерзение. Коль скоро замечают, что наступает последний час больного, все домашние отделяются от него, как для того, чтоб не помешать душе освободиться от тела, так и затем, чтобы живому не осквернить прикосновением к мёртвому. Один *мобед* шепчет на ухо умирающему напутственное из Зенд-Авесты наставление: "Ашем-Воху" и "Ято-ахуварье", и удаляется, пока отходящий ещё жив. Затем приводят собаку и заставляют её

1 Положение этих несчастных людей гораздо хуже положения наших палачей. Живя совершенно отдельно от света, в глазах которого они верх всего осквернительного, они никогда не сообщаются с остальным миром. Не смея ничего покупать на базаре, они обязаны доставать себе пищу как знают. Они родятся, женятся и умирают в отчуждении от прочих, проходя через улицы города лишь за покойником или с ним на пути в башню.

смотреть в лицо умирающему. Эта церемония называется *сад-дид* (собачий взгляд), так как собака единственное из живых существ, взгляда которого боится *друкс-насу* (злой демон), сторожащий умирающих, дабы завладеть их телом... Следует однако остерегаться, чтобы чья-нибудь тень не легла между мёртвым и собакой; иначе пропадает вся сила собачьего взгляда, и демон воспользуется благоприятною минутой. Где бы ни умер парс, там он и остаётся, пока за ним не явятся *нассесалары*, с руками, погружёнными до плеч в старые мешки. Положив покойника в железный закрытый гроб (один для всех), его относят в *дакхму*. Если б отнесённый в дакхму даже ожил (что нередко случается), он уж не выйдет более на Божий свет: *нассесалары* в таком случае убивают его. Кто раз осквернился прикосновением к мёртвым телам и побывал в "башне", тому возвращаться в мир живых уже невозможно: он осквернил бы всё общество.[1] Родные следуют за гробом издали и останавливаются в 90 шагах от "башни". У отверстия, после последней молитвы, повторяемой хором носильщиками возле тела, а *мобедом* издали, ещё раз повторяется церемония с собакой. В Бомбее нарочно для этого дрессированная собака держится на цепи у дверец башни. Затем *нассесалары* вносят тело внутрь и, вынув его из гроба, кладут на отведённое трупу, смотря по полу или возрасту, место.

Мы два раза присутствовали при церемонии "умирания" и один раз при "погребении", если позволено употребить подобное не подходящее к делу выражение. На этот счёт парсы гораздо снисходительнее индусов, считающих присутствие европейца осквернением их религиозных обрядов. Хоронили какую-то богатую женщину, и наш знакомый смотритель башни, Н. Байранжи, пригласил нас к себе в дом. Таким образом

1 Вследствие нескольких таких несчастных случаев, парсы хлопочут о новом законе, который бы, во-первых, признал за оживающими право вернуться в мир живых и, во-вторых, обязал *нассесаларов* оставлять единственную дверцу башни незапертою на ключ, дабы дать средство несчастному экс-мертвецу спастись бегством. Странно, что коршуны, пожирающие немедленно покойника, никогда не тронут мнимого мертвеца и с криком отлетают в сторону. [Сноска добавлена в ред. РВ.].

мы присутствовали при всех обрядах, находясь шагах в сорока от башни, на веранде бёнглоу нашего любезного хозяина. Сам он, хотя уже много лет служил при "башне", в неё никогда не входил и даже близко не подходил. Пока собака глазела на покойника, мы, признаться, с тайным чувством отвращения глазели, в свою очередь, на огромную стаю коршунов, летавших над *дакхмою*. Коршуны влетали в неё и снова вылетали с кусками окровавленного человеческого мяса в клюве… Эти птицы, которые ныне сотнями свили себе гнезда над "Башней Молчания", привезены нарочно с этою целью из Персии, так как коршуны Индии оказались и не довольно хищными и слишком слабыми, чтобы справляться с окоченевшими трупами со скоростью, требуемою законом Зороастра. Говорят, будто процесс совершенного очищения костей от мяса требует не более нескольких минут…

По окончании обряда нас повели в другое здание, где на небольшом столе стояла превосходная деревянная модель *дакхмы* с её внутренним устройством. Таким образом мы могли легко сообразить, что в эту минуту происходило в башне. Представьте себе дымовую четвероугольную трубу, стоящую на земле, и вы получите верное понятие об устройстве пустой "башни". В гранитном помосте, в самом центре, чернеет глубокий, безводный колодец, покрытый, как водосток, железною решёткой. Вокруг, на постоянно возвышающейся к стене покатости, окружая колодец тройным кольцом, прорыты три широкие круга; в каждом из них, отделённые одно от другого тонким простенком в два вершка вышины [8,89 см], находятся гробообразные места для тел. Таких мест 365. В первый круг или выбой (2 фута ширины [61 см]) у колодца кладутся дети; в средний (в 4 фута [1,2 м]) – женщины; в третий (5 футов [1,5 м] ширины), расположенный у самой стены, – мужчины. Этот тройной круг служит типом трёх кардинальных у Зороастра добродетелей: "добрых дел, ласковых слов и чистых помышлений". Последний круг принадлежит детям, первый мужчинам.

Благодаря стаям голодных коршунов, менее нежели в час времени кости всегда обглоданы до последнего атома, а через

две-три недели тропическое солнце сушит скелеты до такой хрупкости, что они при малейшем прикосновении обращаются в прах, а затем их уже сваливают в колодец. Ни малейшего запаха, ни малейшего предлога для чумы или другой эпидемии. Способ этот, пожалуй, ещё вернее телосожигания, которое всё-таки оставляет за собой в атмосфере *гота*[1] хотя слабый, но дурной запах. Вместо того, чтобы кормить "мать сырую землю" падалью, парсы отдают *Армаити* (земле)[2] лишь совершенно очищенный прах. Почитание земли, предписанное им Зороастром, так велико у них, что они принимают всякие меры предосторожности, дабы не осквернить "Коровы-Кормилицы", дарящей их "стократ золотым зерном за всякое зерно". Во время муссона, когда дождь льёт в продолжение четырёх месяцев ливнем и, конечно, смывает все оставленные коршунами около трупов нечистоты в колодец, вода, стекая в него, всасывается в землю уже фильтрованная: всё дно колодца, стенки которого выложены гранитными плитами, покрыто с этою целью водоочищения песчаником и углём.

Менее мрачно и гораздо любопытнее зрелище *Пинжрапаля*, бомбейского "госпиталя для престарелых животных", существующего, впрочем, в каждом городе, где только живут *джаины*, о которых кстати здесь сказать несколько слов. По своей бесспорной древности эта секта здесь одна из самых интересных, она много древнее буддизма (появившегося около 543-477 до Р. Х.). *Джаины* похваляются тем, что религия Будды есть не что иное, как ересь джаинизма, так как Гаутама, основатель буддизма, был учеником и последователем одного из их главных *гуру* и святых. Обычаи, обрядность и философские воззрения *джаинов* ставят их чем-то средним между браминами и буддистами; в общественном отношении они походят на первых, в религиозном склоняются более к буддистам. Как и брамины, они придерживаются каст, никогда не едят мясного и не почитают тел святых; но вместе с

1 *Гот* – место, отведённое на берегу моря или реки для сожигания тел индусов.

2 *Армаити* – буквально "Корова-Кормилица". Зороастр учит, что земледелие самое благородное и Богом любимое занятие. – *Ясна* (гимны).

буддистами они отвергают "Веды" и богов индусов, вместо которых покланяются своим двадцати четырём *тиртанкарам* (Tirthankara) или *джаинам*, причтённым к лику "блаженных". Опять как у буддистов: духовенство у джаинов сохраняет безбрачие и живёт в уединённых *вихарах* (кельях) и монастырях, выбирая себе преемников во всех классах общества. Считая священным и употребляя в духовной литературе лишь язык *пали* (как и на острове Цейлоне), они имеют с буддистами одну общую традиционную хронологию, также не едят после заката солнечного и тщательно подметают место, прежде чем сесть на него, боясь раздавить и малейшую букашку. Обе системы или, скорее, философские школы, следуя в этом древней школе атомиста Канады[1], защищают теорию вечных атомов или элементов и неразрушимости материи. По их понятиям, мир никогда не имел начала и никогда не будем иметь конца. "Всё в мире одна иллюзия, *майя*", говорят ведантисты, буддисты и джаины. Но в то время как последователи Санкарачарьи проповедуют *Парабраму* (божество без воли, понимания и без действия)[2] и исходящего от него *Ишвару*, джаины вместе с буддистами отрицают создателя Мира и учат лишь о существовании *свабавата*, пластического, вечного и самосозданного принципа в природе. Зато твёрдо веруют, как и все прочие секты в Индии, в переселение душ; их страх лишить жизни животное или насекомое и этим совершить, быть может, отцеубийство доводит их любовь ко всему животному царству и попечение о нём до невероятно аффектированных крайностей. Не только в каждом городе и деревне устроены больницы и приюты для всех искалеченных и старых животных, но их жрецы ходят не иначе, как с кисейным "намордником" (да простят они мне это непочтительное выражение), прикрывающим им рот и ноздри, дабы дыханием своим нечаянно не истребить какой-нибудь мошки. Поэтому они и воду пьют не иначе, как фильтрованную. Джаинов

1 Канада (III–II вв. до н.э.) – индийский мудрец, основатель системы вайшешика. – Прим. ред.

2 Брам – без понимания, ума и воли, "ибо Брам само есть *абсолютное понимание, ум и воля*..." – учит *веданта*.

считают несколько миллионов; они рассеяны в Гуджерате, Бомбее, Конкане и других местностях.

Бомбейский *Пинжрапаль* занимает целый большой квартал, разделённый на дворы и дворики, на лужайки и рощицы с прудами, большими клетками для опасных животных и загородками для более ручных. Заведение это могло бы служить моделью для Ноева ковчега. На первом дворе, вместо животных, мы увидели несколько сот человеческих живых скелетов: стариков, женщин и детей. То были уцелевшие жители из так называемых *famine-districts* (голодающих уездов), приползшие в Бомбей молить о куске хлеба. Отеческое правительство, повыгнав их из последних лачужек за недоимки податей, взимающихся во время голодного мора так же, как и в самые урожайные годы,[1] довершило своё христолюбивое попечительство о язычниках, отведя им место при больнице животных. В то время как несколько постоянно находящихся при этой странной богадельне ветеринаров перевязывали перебитые лапы у шакалов, тёрли мазью опрокаженные спины чесоточных собак и приправляли деревянные костыли хромым журавлям, там, в двух шагах, на другом дворе, умирали от голода старики, женщины и дети. Их кормили пока за счёт благотворителей животных, а животных, к счастью, было в то время менее обыкновенного. Наверное многие из этих страдальцев с радостью согласились бы, не теряя времени, трансмигрировать в любого из зверей, так спокойно доканчивающих жизненное поприще в больнице…

Но и в Пинжрапале розы не без шипов. Если травоядные "субъекты" ничего лучшего не могут себе пожелать, то сомневаюсь, чтобы плотоядные, как, например, тигры, гиены, шакалы и волки, оставались вполне довольны как постановлениями, так и насильно предписанною им диетой. Так как сами джаины не употребляют мясной пищи и с ужасом отворачиваются даже от яиц и рыбы, то и все находящиеся на

1 Несколько лет тому назад подати взимались с крестьян натурой, но теперь крестьяне должны вносить их наличными, не взирая ни на что.

их попечении животные обязаны поститься. При нас кормили старого, подстреленного английскою пулей тигра. Понюхав рисовую похлёбку, он замахал хвостом и, свирепо скаля жёлтые клыки свои, глухо зарычал и отошёл от непривычной пищи, всё время косясь на толстого надсмотрщика, который ласково уговаривал его "покушать". Одна решётка спасала джаина от протеста этого ветерана лесов "действием". Гиена, с окровавленною, повязанною головой и отодранным ухом, бесцеремонно и видимо в знак своего презрения к этому для неё спартанскому соусу, сперва села в лохань с похлёбкой, а затем опрокинула её; волки же и несколько сот собак подняли такой оглушающий вой, что привлекли внимание двух неразлучных друзей, Кастора и Поллукса заведения, старого слона с передней ногой на деревяшке и исхудалого вола с зелёным зонтом над больными глазами. Слон, по своей благородной природе думая лишь о приятеле, покровительственно обвил хоботом шею вола, и оба, подняв головы, с неудовольствием замычали. Зато попугаи, журавли, голуби, фламинго, корольки, всё пернатое царство ликовало, заливаясь на все тоны над завтраком. Охотно отдавали ему честь и обезьяны, прибежавшие первыми на зов. Нам также указали на *святого*, кормившего в углу насекомых собственною кровью. Совершенно нагой, он неподвижно и с закрытыми глазами лежал на солнце. Всё тело его было *буквально* покрыто мухами, комарами, муравьями и клопами…

– Все, все они наши братья! – умилённо повторял директор госпиталя, указывая рукой на сотни насекомых и животных. – Как можете вы, европейцы, убивать и даже поедать их?

– А что, – спрашиваю, – сделали бы вы в случае, если бы вот эта змея подползла к вам и попыталась укусить вас? От её укушения ведь неминуемая смерть. Неужели вы бы не убили её, если б успели?

– Ни за что на свете! Я бы старался осторожно поймать её, а затем отнёс бы за город в пустое место и пустил бы её на свободу.

– А если б она всё-таки укусила вас?

– Тогда бы я произнёс "мантру"[1]. А если б мантра не помогла, то я счёл бы это за определение судьбы, и спокойно оставил бы это тело, чтобы перейти в другое.

Это нам говорил человек по-своему образованный и даже весьма начитанный. На наше возражение, что ничто не даётся природой напрасно, и что если устройство зубов у человека плотоядное, то стало быть ему определено самою судьбой питаться мясом, он отвечал нам чуть ли не целыми главами из Дарвиновской "Теории естественного подбора" и "Происхождения видов". "Это всё неправда, будто первобытные люди родились с глазными зубами", рассуждал он. "Лишь впоследствии, с развращением рода человеческого и когда в нём стала развиваться страсть к плотоядной пище, то и челюсти, покоряясь новой потребности, стали изменяться, пока мало-помалу совершенно не изменили своей первобытной формы"...

Подумаешь: ou la science va-t-elle se fourrer?..[2]

Радда-Бай

Письмо III[3]

В тот же день вечером в театре Эльфинстона давалось в честь "американской миссии" (как нас здесь величают) необычайное представление. Туземные актёры играли на гуджератском языке древнюю волшебную драму *Ситта-Рама*, переделанную из *Рамаяны*, известной эпической поэмы Вальмики. Драма состояла из 14 актов и несчётного множества картин с превращениями. Все женские роли игрались по обыкновению мальчиками и, верные историческому и национальному костюму, все актёры были полунагие и босые. Зато богатство костюмов – какие требовались – декорации, машины, превращения были поистине изумительны. Трудно было бы даже на сцене больших столичных театров

1 Мантра – молитва в стихах и вместе с тем заговор против всякой немочи. В Индии все глубоко верят в силу мантры.

2 И где наука всё это берёт? (фр.). – Прим. ред.

3 Московские ведомости, № 315, 11.12.1879, с. 3-4; Русский Вестник, январь 1883, Приложение, том 163, с. 35-44.

представить лучше и вернее природе, например, армию союзников Рамы – обезьян, под предводительством их знаменитого в истории (Индии, s. v. p.[1]) полководца Ханумана: воина, государственного мужа, бога, поэта и драматурга. Древнейшая и лучшая изо всех санскритских драм *Хануман-наттек* (наттек – драма) приписывается этому нашему талантливому *праотцу*... Увы! прошли те времена, когда гордые сознанием своей *белой*, быть может, *apres tout*[2] только *вылинявшей* под северным небом кожи, мы взирали на индусов и других черномазых народов с подобающим нашему величию презрением! Крепко огорчался мягкосердечный сэр Вилльямс Джонс[3], переводя с санскритского такие, например, унизительные для европейского самолюбия речи, что "*Хануман* был-де нашим прародителем". Коли верить легенде, то за оказанное храброю обезьяньею армией пособие Рама, герой и полубог, даровал в супружество каждому из холостяков этой армии одну из дочерей великанов острова Ланки (Цейлона), *бакшазасов*, назначив этим "дравидским" красавицам в приданое все *западные* части света... Тогда, после величайшего в мире торжества бракосочетания, обезьяны-воины, соорудив из собственных хвостов висячий мост, перекинули его из Ланки в Европу и, благополучно перебравшись с супругами на другой берег, зажили счастливо и наплодили кучу детей. Эти дети – мы, европейцы. Найденные в языках Западной Европы (как в наречии басков[4], например) чисто дравидские слова привели браминов в восторг; в благодарность за это важное открытие, так неожиданно подтверждающее их древнее сказание, они чуть было не возвели филологов в сан богов. Дарвин увенчал дело. С распространением в Индии западного образования и её научной литературы, в народе более чем когда-либо утверди-

1 Пожалуйста вам (фр. s. v. p. = s'il vous plaît). – Прим. ред.
2 Впрочем (фр.). – Прим. ред.
3 Уильям Джонс (William Jones, 1746–1794) – британский переводчик, филолог и индолог, основатель Азиатского общества; традиционно считается основоположником сравнительно-исторического языкознания. – Прим. ред.
4 *Баски* – народ, населяющий северную Испанию и юго-западную Францию, язык которых считается изолированным. – Прим. ред.

лось убеждение, что мы потомки их Ханумана и что притом каждый европеец (если только поискать) украшен *хвостом*: узкие панталоны и длинные юбки пришлецов с Запада много способствуют к укоренению этого крайне нелестного для нас мнения… что ж? уж если раз наука в лице Дарвина поддерживает в этом мудрость древних ариев, то нам остаётся лишь покориться. И право, в таком случае гораздо приятнее иметь Ханумана – поэта, героя и бога – праотцем, чем какую-либо другую "макашку", хотя бы даже и бесхвостую…

Но *Ситта-Рама* – пьеса представленная в тот вечер – принадлежит к мифологическим драмам-мистериям вроде Эсхиловых[1]. Глядя на это классическое произведение отдалённейшей древности, зритель невольно переносится в те времена, когда боги, сходя на землю, принимали живое участие во вседневной жизни смертных: ничто не напоминало нам современную драму, хотя внешняя форма сохранилась почти та же. "От великого до смешного (и наоборот) всего один шаг": от козла (τράγος ὑδή)[2], выбираемого в жертвоприношении Бахусу, мир получил трагедию; предсмертное блеяние и бодание четвероногой жертвы древности вышлифованы рукой времени и цивилизации: в итоге является предсмертный шёпот Рашели[3] в образе Адриенны Лекуврер[4] и ужас наводящее реалистическое "брыкание" современной Круазет[5] в сцене отравления в "Сфинксе"… Но в то время как потомки Фемистокла, в продолжение многих лет рабства, как и независимости, принимали и продолжают с восторгом принимать все изменения, а по современным воззрениям и "улучшения"

1 Эсхил (525–456 до н.э.) – древнегреческий драматург, отец европейской трагедии. – Прим. ред.

2 Синоним слову ᾠδή, что значит "песнь", τράγος – "козёл"; всё выражение [τράγος ὑδή] переводится "козло-песнь" (Евреинов Н. Н., "Происхождение драмы: Первобытная трагедия и роль козла в истории ее возникновения").

3 Элиза Рашель Феликс (1821–1858) – французская актриса. – Прим. ред.

4 Адриенна Лекуврёр (Lecouvreur, 1692–1730) – французская актриса, ставшая героиней посвящённой ей одноимённой пьесы в 1849 году. – Прим. ред.

5 Софи Круазетт (1847–1901) – французская актриса. – Прим. ред.

Запада, как вновь исправленное и дополненное издание гения Эсхила, – индусы, к счастью археологов и любителей древностей (вероятнее всего со времён нашего незабвенного прародителя Ханумана), так и застыли на одном месте…

С живым любопытством готовились мы следить за представлением *Ситта-Рамы.* Кроме здания самого театра, да разве нас самих, всё было здесь туземное и ничто не напоминало нам нашу западную обстановку. Об оркестре не было и помину: вся наличная музыка должна была раздаваться за кулисами или же на самой сцене. Наконец взвился занавес… Тишина, заметная даже в антрактах при таком наплыве зрителей обоего пола, стала ещё заметнее. Видно было, что в глазах публики, по большей части поклонников Вишну[1], шла не обыкновенная пьеса, а религиозная мистерия, представляющая жизнь и приключения их любимых и самых уважаемых богов.

Пролог. *Эпоха* (ранее которой ещё ни один драматург не рискнул выбрать для своего сюжета) *пред сотворением*, или скорее пред последним появлением мира[2]: в то время как *пралайа* приходит к концу, Параброма просыпается; вместе с его пробуждением вся вселенная, покоящаяся в божестве, то есть бесследно исчезнувшая с предыдущего разрушения мира в субъективной эссенции его, отделяется вновь от божественного принципа и делается видимой. Все боги, умершие вместе со вселенною, начинают медленно возвращаться к жизни. Один "Невидимый" дух – "вечный, безжизненный", ибо он есть безусловная *самобытная жизнь*, – парит, окружённый безбрежным хаосом. Священное "присутствие" невидимо: оно проявляется лишь в правильном периодическом колыхании хаоса, представляемого тёмною массой вод, затягивающею всю

1 Рама – одно из воплощений Вишну.

2 По единодушному соглашению философских систем всех сект Индии (кроме мусульман), вселенная существовала всегда. Индусы разделяют эти периодические проявления и исчезновения мира на *дни* и *ночи* Брамы. Ночи или отсутствие объективного мира – называются *пралайа*, а эпохи нового пробуждения к жизни и свету – зовутся *манвантарами* и *йюгами* или "веками богов". Эти периоды также называются "вдыханиями" и "выдыханиями Брамы".

сцену. Эти воды ещё не отделены от суши, ибо Брама, творческий дух Нараяна, ещё сам не отделился от Вечного. Но вот колыхнулась вся масса, и воды начинают светлеть: от золотого яйца, лежащего под водами хаоса, пробиваются лучи; оживотворенное духом Нараяны яйцо лопается, и проснувшийся Брама поднимается над поверхностью вод под видом огромного лотоса. Являются лёгкие облачка; сперва прозрачные и белые, как паутина, они сплачиваются и мало-помалу превращаются в "праджапати" – десять олицетворённых творческих сил Брамы, владыки всех тварей, поющих хвалебный гимн Творцу. Веяло чем-то наивно поэтическим от этой непривычной нашему уху странной мелодии, без оркестра, в унисон. Пробил час общего пробуждения; конец *пралайе*: всё ликует, возвращаясь к жизни. На отдалившемся от вод небе являются *азуры* и *Гандхарбы*[1]. Индра, Яма, Варуна и Кувера, – духи, заведующие четырьмя странами света. Из четырёх стихий: воды, огня, воздуха и земли, брызжут дождём атомы и зарождают змия *Ананду*. Чудовище всплывает на поверхность воды и, согнув лебединую шею дугой, является лодкой, на которой покоится Вишну; в ногах бога сидит Лакшми – богиня красоты, его супруга. "Сватха! Сватха! Сватха!"[2] – восклицают хором небесные певцы, приветствуя божество. Вишну в одном из своих будущих воплощений (*аватар*) будет Рамою, сыном великого царя, а Лакшми воплотится в Ситте. Вся поэма Рамаяны вкратце пропета небесными хористами. *Кама*, бог любви, осеняет божественную чету, и от этого вмиг загоревшегося в их сердцах пламени плодится и размножается весь мир…[3]

Далее идут 14 действий хорошо всем известной поэмы, в которой принимают участие несколько сот лиц. Под конец *пролога* собравшиеся боги, по примеру лиц древних драм, подходят к рампе и знакомят вкратце публику с сюжетом и

1 Небесные музыканты и певцы – херувимы.

2 "Свят, Свят, Свят!" или "Един из всех святых". [2-й вариант отсутствует в РВ. – Прим. ред.]

3 Вишну – одно из трёх лиц Тримурти (буквально: три лика; *мурти* означает священный лик или идол), троицы индусов, *сохранитель* всего живущего, как Брама – *творец,* а Шива – *разрушитель* его.

развязкой предстоящей пьесы, прося снисхождения зрителей. Словно оставив свои ниши в храмах, сошли с них знакомые нам божества из раскрашенного гранита и мрамора, чтобы напомнить смертным о делах…

…"давно минувших дней,
Преданьях старины глубокой"[1]…

Зала была битком набита туземцами. Кроме нас четырёх, не было ни одного европейца. В креслах расстилалась, как огромный цветник, масса женщин в ярких цветных покрывалах. Между прекрасными бронзовыми лицами выглядывали красивые, иногда матово-белые личики парсийских женщин, очень напоминающих красотой грузинок. Все первые ряды были заняты женщинами. От огнепоклонниц с их чистыми лицами и волосами, покрытыми белою косынкой под цветным покрывалом, их сёстры индианки отличались непокрытою головой, роскошью своих блестящих чёрных кос, закрученных греческим шиньоном на затылке, расписанным красками лбом[2] и кольцами в одной ноздре. В этом состоит вся разница их костюма.[3] Как те, так и другие страстно любят яркие, но

1 А. С. Пушкин, «Руслан и Людмила». – Прим. ред.

2 В Индии всегда легко различить как исповедуемую веру, так и секту и даже касту, к которой кто-либо принадлежит, по знакам, расписанным на лбах сектантов обоего пола, а также девушку от замужней и вдовы.

3 По истреблении Александром Македонским священных книг гебров, их секта была постоянно притесняема идолопоклонниками. Царь Ардшир-Бабехан восстановил огнепоклонничество в 229-243 годах по Р. Х. После этого их опять преследовали до царствования одного из трёх царёв Шахпуров, II, IX и XI из Сассанидов, но до которого именно – не известно, хотя один из них сильно покровительствовал учению Заратушты. Вследствие поражения Йездегерда, огнепоклонники эмигрировали на остров Оромазд, а 16 лет позднее, отыскав древнюю книгу пророчеств Зороастра, много столетий было затерянную, вследствие одного из пророчеств они бежали массой в Индостан. После долгих странствований, от 1000 до 1200 лет тому назад, они появились на территории Махарани Джаядевы, принца, подвластного раджпутскому царю Чампанира, который и дозволил им поселиться на его землях с условием, чтоб они сложили оружие, заменили персидский язык языком хинди, а их женщины свой национальный костюм – костюмом женщин Индии и при-

однообразные материи, покрывают голые руки до локтей браслетами и носят одинаковые *сари* (покрывала). За ними, в партере волновалось целое море самых оригинальных, нигде кроме Индии не встречающихся тюрбанов. Тут были и длинноволосые *раджпуты* с их прямыми, чисто греческими чертами лица, с разделённою на подбородке бородой, концы которой закручиваются за уши, в *пагри*, тюрбане, состоящем из двадцати аршин [14,22 м] белой тонкой кисеи, обкрученной верёвкой вокруг головы, в серьгах и ожерельях; тут были *маратские брамины*, с гладко выбритою (кроме центральной длинной космы волос) головой, прикрытой громадным блюдообразным тюрбаном ослепительно красного цвета с золотым, выгибающимся вперёд, словно рог изобилия, украшением наверху оного… Затем *баньи*[1] в трёхконечных с золотом шлемах и с красным петушином гребешком; *качхи*[2] в головных уборах на подобие римских шлемов; *бхилли* с границ Раджистана, в белых пирамидальных тюрбанах, концы которых троекратно обматывают им подбородок и щеки, заставляя невинного туриста предполагать, что все они вечно страдают зубною болью; *бенгальцы* и *калькуттские бабу*, простоволосые во все времена года, на улице как и дома, носящие волосы как древние афиняне на статуях и картинах и гордо драпирующиеся в белое покрывало, совершенное подобие римских сенаторских тог. *Парсы* – в чёрных (архиерейских) митрах. *Сикки* – последователи Нанаки[3], монотеисты и мистики в белых как и бхилли тюрбанах, но с длинными до пояса волосами, и сотни других племён. Задавшись было долгом сосчитать, сколько разных форм тюрбанов в одном Бомбее, мы уже через две недели объявили себя побеждёнными: легче сосчитать звезды на небе. Каждая каста, ремесло, секта, каждое из тысячи подразделений общественной иерархии имеет свой

няли бы все обычаи страны, дозволив им, впрочем, ходить обутыми, так как это строго приказано Зороастром. С тех пор произошли изменения, но весьма незначительные.

1 *Баньи* – каста торговцев. – Прим. А. Д. Тюрикова

2 *Качхи* – каста садовников. – Прим. А. Д. Тюрикова

3 Гуру Нанак Дэв (1469–1539) – основатель религии сикхизма и первый сикхский гуру. – Прим. ред.

отличительный, блестящий пурпуром и золотом головной убор; золото снимается только в случае траура. Но зато все, даже богачи, советники муниципалитета, купцы, брамины, *рао бахадуры*[1] и пожалованные правительством баронеты – все до одного ходят босые, голые до колен и в белоснежных балахонах: этой полурубашки-полукафтана нельзя сравнить ни с чем другим. Сидит министр, либо раджа какой на слоне[2] – видали мы их в Бароде даже на жирафах из конюшни зверинца Гайквара[3] в торжественные дни их праздников – сидит и жуёт *пансопари* (бетель)[4]. Голова у него так и клонится вниз под тяжестью драгоценных камней на тюрбане; все пальцы на руках и на ногах украшены перстнями, а ноги браслетами. В тот вечер в зале не было ни слонов, ни жирафов, но зато были и раджи, и министры. С нами приехал красавец-посол и бывший воспитатель юного Махарани Удейпурского (Oodeypore), раджа-пандит, Мохунлал-Вишнулал-Пандиа, в бледно-розовом маленьком тюрбане с бриллиантами, в розовых же барежевых[5] панталонах и белой газовой кофте. Длинные, чёрные, как вороново крыло, волосы падали на янтарную шею, украшенную ожерельем, способным свести с ума парижанку. Бедному раджпуту ужасно хотелось спать; но он геройски выдерживал роль и, задумчиво пощипывая бородку, водил нас по безысходному лабиринту метафизических запутанностей Рамаяны.

В антрактах нас потчевали кофе, шербетами и папиросами, которые мы и курили во всё время представления, сидя напротив сцены, в первом ярусе. Нас, как идолов, обвешали длинными гирляндами из жасмина, а сам директор, дебелый индус в рогообразном малиновом тюрбане и белой прозрачной

1 *Рао бахадур* – почетный титул, который английские колониальные власти в Британской Индии жаловали за особые заслуги местным уроженцам, индусам по вероисповеданию. – Прим. А. Д. Тюрикова.

2 Слоны в Бомбее, под предлогом, что они пугают лошадей англичан, теперь запрещены, но во всех других городах провинции их очень много.

3 *Гайквар* – общее имя или титул владетельных принцев Бароды.

4 Смесь пряных листьев перца бетель с кусочками семян пальмы арека и небольшим количеством извести. – Прим. ред.

5 *Бареж* – лёгкая шёлковая, шерстяная или бумажная ткань. – Прим. ред.

кисее на смуглом теле, несколько раз окроплял нас розовою водой.

Представление, начавшееся в 8 часов вечера, дошло до 9-го акта только в два с половиной часа пополуночи. Невзирая на стоявшего позади каждого из нас сипая с гигантскою *панкой* (веером), жара была нестерпимая. Чувствуя себя не в силах выдержать долее, мы отпросились домой. Вследствие этого произошёл большой переполох на сцене, как и в самой зале: воздушная колесница, на которой злой царь Равана увозил Ситту, остановилась на воздухе и застряла над скалами; царь нагов (змей) перестал изрыгать пламя; обезьяны-воины как были так и повисли на ветвях, а бог Рама в голубом покрове и миниатюрною остроконечною пагодой на голове, вышел на сцену и произнёс нам на чистом английском языке благодарственный спич за сделанную нашим посещением честь. Опять букеты, *пансопари* и окропление розовою водой, и мы наконец добрались домой в четыре часа пополуночи… На другой день мы узнали, что представление окончилось в половине седьмого утра.

Радда-Бай

Письмо IV[1]

Раннее утро последних мартовских дней; светлое безоблачное небо. Ветерок, нежно ласкающий бархатной рукой заспанные лица пилигримов; по дороге опьяняющий запах тубероз и жасмина в цвету, перемешанный с острыми запахами базара. Толпы голоногих браминок, стройных и величавых, в цветных *сари*, с блестящими, как золото, медными *лотти* (кувшинами) на головах, направляющихся, как библейская Рахиль, к колодцу. Наполненные тинистою водой священные *танки* (пруды), на ступенях которых индусы обоих полов совершают своё утреннее религиозное омовение. Под забором сада, под самыми скалами Малабарского холма, чей-то ручной *мангуст*, величиной с сурка, пожирает голову пойманной им

1 Московские ведомости, № 317, 13.12.1879, с. 4; Русский Вестник, январь 1883, Приложение, том 163, с. 44-50.

кобры; обезглавленное туловище змеи судорожно, но уж безвредно обвивается вокруг и хлещет худощавого зверька, с видимым наслаждением взирающего на эту операцию. Возле группы животных группа индусов. Совершенно нагой *мали* (садовник), стоя у безобразного каменного идола Шивы, сыплет ему приношение соли и бетели, дабы отвратить гнев "Разрушителя" за убиение одного из подвластных ему богов, опасной змеи кобры. В нескольких шагах от железнодорожной станции мы встречаем скромную католическую процессию из новообращённых париев и туземных португальцев. Под балдахином, на носилках, раскачивается коричневая мадонна в одеянии туземных богинь и с кольцом в носу (sic). На руках у неё младенец в жёлтых *пижамах* и красном тюрбане брамина. "Гари! Гари дэваки!" (Слава, слава деве-богине!) восклицают новообращённые, не признавая ни малейшей разницы между *Дэваки*, матерью Кришны, и мадонной и сознавая лишь тот факт, что изгнанные браминами из пагод вследствие своей низкой касты. Или скорее за несостоянием в какой-либо касте, они теперь, благодаря *падри*[1], впускаются иногда в христианскую пагоду. Надо сказать вдобавок дабы угодить какому-нибудь новообращённому (в католичеству, либо в протестантство, но никак ни в христианство) брамину, католические, как и протестантские миссионеры весьма часто не допускают обращённых *парий* в церковь, "дабы сразу и напрасно не оскорблять чувства *касты* высокорожденных браминов".[2]

Наконец наши *гарри*[3], туземные двухколёсные таратайки с запряжёнными в них двумя сильными волами с громадными прямыми рогами, подкатывают к крыльцу станции. Чиновники-англичане таращат в изумлении глаза при виде европейцев в *туземных* позолочённых колесницах… Но мы американцы; мы приехали знакомиться с Индией, а не с Европой и её произведениями на здешней почве.

1 Так зовутся безразлично здесь все миссионеры, вероятно от первых католических португальских миссионеров – padre.

2 Ответ одного миссионера в Мадрасе, напечатанный в New York Herald.

3 В ред. МВ: "гаревалли". – Прим. ред.

Если турист потрудится бросить взгляд на берег, противоположный бомбейской пристани, то он увидит пред собою тёмно-синюю массу, возвышающуюся, словно стена, между ним и горизонтом. То Парбуль, плоскоголовая гора в 2250 футов [685,8 м] высоты. Правый склон её крепко прижался к двум остроконечным скалам, доверху покрытым густым бором; самая высокая из них – *Матаран*, цель нашей поездки. Полотно железной дороги расстилается у подножия прелестнейших холмов, пересекает сотни озерков и пронизывает слишком двадцатью тоннелями самую сердцевину скалистых *гхот*.

Мы ехали с тремя знакомыми индусами. Двое из них – когда-то высокой касты, ныне исключены из неё и "отлучены" от пагоды за сообщничество и сношения с нами, презренными иностранцами. На станции к нам присоединились ещё двое приятелей из туземцев, с которыми мы переписывались из Америки уже несколько лет. Все они члены нашего Общества, реформаторы юной Индии и враги браминов, каст и предрассудков, сговорились отправиться вместе с нами на годичную ярмарку храмового праздника в пещерах *Карли*, посетив сперва Матаран и Кхандалы. Один из них был брамин из Пуны, другой *мудельяр* – помещик из Мадраса, третий *сингалезец* из Кегаллы, четвёртый *земиндар* – землевладелец из Бенгала, пятый – громадного роста раджпут, независимый *такур*[1] из провинции Раджастхан[2], которого мы давно знали под именем Гулаб-Лалл-Синга, а звали просто Гулаб-Синг. Распространяюсь о нём более, нежели о других, потому что об этом странном человеке шли самые удивительные и разнообразные толки. Ходила молва, будто он принадлежит к секте *раджа-йогов*, посвящённых в таинство магии, алхимии и разных других сокровенных наук Индии. Он был человек богатый и независимый, и молва не смела заподозрить его в обмане, тем более, что если он и занимался этими науками, то

1 В ред. МВ: такхур. Также и далее. – Прим. ред.

2 Это имя означает буквально "обитель или земля царей", от двух слов: *раджа* – царь или принц, и *стан* – земля, обитель и владение.

старательно скрывал свои познания ото всех, кроме самых близких ему друзей.

Такуры почти все ведут свой род от *Сурьи* (солнце) и потому называются *сурьяванзами,* потомками солнца, в гордости не уступая никому. По их выражение: "земная грязь не может пристать к лучам солнца", т. е. к раджпутам; поэтому они не признают никакой касты, кроме браминов, отдавая почести лишь одним бардам, воспевающим их военные доблести, которыми они так справедливо гордятся.[1] Англичане страшно боятся их и не решились их обезоружить, как другие народы Индии. Гулаб Синг приехал со слугами и щитоносцами.

Владея неистощимым запасом легенд и, как видно, хорошо знакомый с древностями своей страны, Гулаб Синг оказался самым интересным из всех наших собеседников.

– Вон там на лазоревом фоне неба, – рассказывал нам Гулаб-Лалл-Синг, – рисуется вдали величественный *Бхао-Маллин*; то бывшая обитель святого отшельника, куда теперь ежегодно стекаются толпы пилигримов и где, по глупому народному преданию (прибавил он улыбаясь), происходят разные чудодейные дела… На верху горы в 2000 футов [609,6 м] высоты

1 Замечая о невежестве Европы в отношении Индии, полковник Тод, между прочим, говорит следующее: "Великолепие и роскошь при дворах раджпутских владений в ранние периоды истории несомненно были изумительны, невзирая на поэтические вольности и преувеличения их бардов. Северная Индия была с самых ранних времён богата и в ней-то находились богатейшие сатрапии Дария. Во всяком случае, страна эта изобиловала самыми поразительными событиями, могущими служить богатым материалом для истории. Нет того незначительного в Раджастхане княжества, которое не имело бы своих Фермопил, или городка, не породившего своего Леонида.* Но покров веков завесил от потомства то, что перо историка могло бы завещать бесконечному удивлению народов: Сомнаут явился бы тогда соперником Дельф, сокровища Хинда поспорили бы с богатствами ливийского царя, и в сравнении с армией братьев Панду армия Ксеркса стала бы незначительной горстью людей и отодвинулась бы на задний план". ("Хроника и древности Раджистана" полк[овника] Тодда).

[* Отсылка к знаменитому противостоянию спартанцев персам в Фермопильском ущелье, когда царь Леонид (491–480 до н.э.) с небольшим войском (около 6000 воинов) сдерживал огромную персидскую армию (200-250 тысяч), до прихода основных сил греков. – Прим. ред]

– платформа крепости, а позади её ещё другая скала в 270 футов [82,3 м]; на самой её остроконечной верхушке находится развалина другой, ещё более древней крепости, служившей в продолжение семидесяти пяти лет обителью одному святому. Чем отшельник питался, останется навсегда неразгаданною тайной; вероятно, кореньями, которых, впрочем, на голой скале никогда не бывало. Единственный доступ к этому отвесному возвышению – это высеченные в скале углубления для носка ноги и верёвочные перила. Казалось бы, одним только акробатам да обезьянам и лазить по ней! И однако же фанатизм придаёт индусам, по-видимому, крылья: ни с одним из них никогда не было ещё несчастного случая. Как на беду, лет сорок тому назад, несколько человек англичан задумали было полезть туда для осмотра развалин. Поднялся ветер и сильным порывом их снесло в бездну. Тогда генерал Диккинсон[1] приказал разрушить доступ к верхней крепости. А нижняя крепость (осада которой стоила бомбейской армии, в первые времена их нашествия, столько крови и потерь) теперь совершенно брошена и служит логовищем тиграм и орлам…

Между тем англичанин с длинными рыжими усами и по-видимому в разгорячённом состоянии ввалился в нашу карету, распространяя сильный запах водки. Он потянул носом воздух, оглядел нас испытующим и немного презрительным взором, приостановился, подумал и вышел из кареты.

– Гей, кондуктор! раздался его хриплый голос с подножки вагона. – Гей, разве нет здесь другой кареты, где бы можно было сидеть одному без "этих негров"?..

И гордо пошатываясь, пьяный представитель "высшей расы" отправился в другой вагон.

– Пьяная свинья! брякнул ему вслед американец.

Англичане похваляются и весьма гордятся пред светом цивилизацией внесённую ими будто бы в страну и образованием предоставленным ими "молодой Индии". Между тем они устроили всё это таким образом что ни то, ни другое нейдёт Индии впрок. Индус, будь он семи пядей во лбу и

1 Томас Дикинсон (Thomas Dickinson, 1784–1861) – генерал-майор инженерных войск британской армии. – Прим. ред.

принадлежи он к высшей касте, не смеет, например брать билет в первом классе железных дорог; всякий англичанин предоставляет себе право вытурить самым бесцеремонным образом не понравившегося ему туземца, сидящего даже во втором классе, а управление железной дороги в свою очередь удерживает всю плату за второй класс в то время как оно заставляет ехать в третьем. Не так давно какой-то офицер приказал богато одетому туземцу выйти из кареты II класса, так как офицеру "хотелось спать". Индус – служивший судьёй в одной из высших инстанций – учтиво отказался, предъявляя билет и замечая что имеет на своё место полное право. Офицер позвал кондукторов и судью-индуса вытолкали. Он жаловался, но дело замяли. Две недели тому назад случилось то же. Редактор одной калькуттской газеты был таким же образом изгнан из кареты. *Might is right* (право сильного) вошло здесь в пословицу. “*Kali Jug*!”[1] – восклицают с мрачным отчаянием старые индусы консерваторы: "Против Кали Йюга (чёрного века) не пойдёшь!" Таким образом, вкоренившийся в них фатализм и уверенном что во всё продолжение этого века ничего хорошего нельзя ожидать, и что даже самый могучий бог Шива не в состоянии ни являться, ни помочь им до конца Кали Йюга, оправдывает в их глазах даже самые кровные обиды. А молодое поколение индусов, получая своё образование в университетах и в лучших высших заведениях. Заучив на память Герберта Спенсора, Джона Стюарта Милля, Дарвина, а в добавок всех немецких философов, теряет веру не только в собственную религию, но и во всякую. Молодые и "образованные" индусы все почти без исключения материалисты, часто впадающие в самый крайний атеизм. Вполне уверенные, что несмотря на весь свой ум и высшее

1 Система индусов заключает в себе *кальпу* или великий период времени, состоящий из 4 320 000 000 лет. которые они делят на четыре меньшие йюга, распределяя их следующим образом:
1й Сатья йюг состоящий из 1 728 000 лет
2й Третья йюг – 1 296 000 лет
3й Двапа йюг – 864 000 лет
4й Кали йюг – 432 000 лет
Итого 4 320 000 лет.
Всё это вместе составляет один божественный век – *Маха-йюг*.

образование, редко кто-либо из них пойдёт выше "старшего помощника младшего клерка", они делаются либо сикофантами[1], омерзительно пресмыкаясь у ног своих властелинов, либо (что ещё хуже или по крайней мере глупее) начинают издавать либеральную газету, мало-помалу переходящую в революционный орган, пока наконец редактор оной не очутится в тюрьме, счастливый ещё если не окончит в ней своего поприща…

Но всё это лишь к слову. Пред таинственным и грандиозным *прошлым* Индии, древней *Арьяварты*, её *настоящее* естественная тушёвка; чёрная тень на светлом фоне картины, необходимое зло в цикле каждой нации. Индия одряхлела и упала, как падают громадные памятники древности, разбившись вдребезги; но зато каждый из мельчайших кусков этих обломков останется навеки драгоценностью для археолога и артиста[2], и даже со временем может послужить ключом для философа, как и для психолога. "Древние индусы строили как гиганты и заканчивали работу как ювелиры", восклицает в восторге епископ Гебер в книге своих путешествий по Индии. Описывая "Тадж-Махал" в Агре,[3] это поистине восьмое чудо света, он называет его "целою поэмой из мрамора". Но он мог бы также добавить, что трудно найти в Индии хотя сколько-нибудь сохранившуюся развалину, которая бы не повествовала красноречивее целых томов о прошлом Индии, о её религиозных стремлениях, верованиях и надеждах.

Нигде в мире древности, не исключая даже фараоновского Египта, переход от субъективного идеала к демонстрации его объективным символом не выражен более отчётливо, искусно и вместе артистически, как в Индии. Весь пантеизм веданты заключается в символе двуполого божества *Арданари*. Он

1 *Сикофант* (др.-греч. συκοφάντης) – доносчик, клеветник, шантажист. – Прим. ред.

2 Художника (англ. artist). – Прим. ред.

3 Тадж-Махал – громадный памятник-мавзолей, построенный императором Акбаром над могилой любимой жены. Его тело лежит рядом с ней, в Агре, на правом берегу реки Юмны. Это здание, которое будет описано мною далее, знаменито своею красотой и нет ему нигде соперников во всём свете.

окружён двойным треугольником, известным в Индии под именем "знака Вишну"; возле него лежит лев, бык, орёл; в руке у него полный месяц, отражающийся в воде у ног его. Веданта учит несколько тысяч лет уже тому, что некоторые немецкие философы проповедовали в прошлом и настоящем столетиях, а именно, что всё объективное в мире, как и сам мир, не более как иллюзия, *майя*, призрак нашего воображения, заключающий в себе столь же мало действительности, как отражение луны в воде; как феноменальный мир, так и наша субъективная концепция об *ego* – одна грёза. Истинный мудрец никогда не поддастся обольщениям иллюзии. Он знает, что человек познает самого себя и становится настоящим *Ego* лишь по окончательном слиянии собственной частички с целым, соделавшись неизменным, вечным, всемирным *Брамой*, и поэтому весь цикл рождения, жизни, дряхлости и смерти в его глазах один фантазм[1] воображения…

Вообще говоря, философия Индии, раздробленная на бесчисленное множество метафизических учений, имеет в связи с её онтологическими доктринами столь развитую логику и такой замечательной утончённости психологию, что может поспорить в этом со всеми древними и современными школами, как идеалистов, так и позитивистов, и побить каждую по-одиночке. Позитивизм мистера Луиса (Lewes), подымающий дыбом от ужаса каждый волосок на голове оксфордских богословов, является какою-то карикатурной игрушкой пред учением атомистической школы войсешики , с её миром, разделённым, как шахматная доска, на шесть категорий вечных атомов, 9 веществ, 24 качества и 5 движений. И как ни трудным и даже невозможным кажется верное представление всех этих абстрактных идей, идеалистических, пантеистических и даже чисто материалистических в сжатой форме аллегорических символов, однако ж Индия сумела более или менее успешно выразить все эти учения. Она обессмертила их в уродливых о четырёх головах кумирах, в геометрических формах своих замысловатых храмов и памятников и даже в запутанных линиях и знаках на лбах своих сектантов.

1 Призрак (англ. phantasm). – Прим. Ред.

Обо всём этом и о другом рассуждали мы с нашими спутниками индусами. Присевший к нам на одной из станций католический *падре*, учитель из иезуитской коллегии Св. Ксаверия в Бомбее, не выдержал и вмешался в разговор. Улыбаясь и потирая руки, он полюбопытствовал узнать, в силу каких софизмов мог бы наш спутник доказать что-либо подходящее к философскому объяснению, например, "в основной идее четырёх лиц этого увенчанного змеями уродливого Шивы, что торчит там при входе погоды", заключил он, тыкая по направлению идола пальцем.

– Очень просто, – отвечал бенгальский *бабу*. – Вы видите, что эти четыре лика направлены к четырём странам света – к югу, к северу, западу и востоку?.. Но эти лица на одном туловище и принадлежат одному богу…

– Вы прежде объясните нам философскую идею четырёх лиц и восьми рук вашего Шивы, – заметил он.

– С большим удовольствием… Считая нашего великого Рудру[1] *вездесущим*, мы изображаем его с лицом, повёрнутым в одно и то же время во все четыре стороны, восемь рук указывают на его всемогущество, а одно туловище напоминает, что хотя он везде и всюду и никто не может избежать как его всевидящего ока, так и карающей его длани, но всё же он един…

Падре хотел было что-то сказать, но поезд остановился: мы приехали в Нарель.

Радда-Бай

Письмо V[2]

Прошло едва 25 лет с тех пор как Матеран, – громадная масса различных родов траппа[3], большею частью сильно кристаллизованного, – был впервые попран ногой белого человека. Под самым боком Бомбея, всего в нескольких милях

1 Имя Бога в Ведах.

2 Московские ведомости, № 319, 15.12.1879, с. 4; Русский Вестник, январь 1883, Приложение, том 163, с. 50-62.

3 Трапп – широкая поверхность, образованная ступенчато застывшей магмой. – Прим. ред.

от Кхандалы (летней резиденции европейцев), грозные вершины этого великана долго считались совершенно неприступными. К северу, его гладкая и почти перпендикулярная стена возвышается на 2450 футов [746,76 м] над долиной реки Пен; а ещё выше возносятся до облаков бесчисленные вершины отдельных скал, холмы, покрытые дремучим бором и пересечённые долинами и пропастями. В 1854 году железная дорога пронизала один из боков Матерана и теперь доходит до подножия последней горы, останавливаясь в Нареле, котловине, где ещё недавно была одна только пропасть. Оттуда до верхней площадки остаётся около 8 миль [12,87 км], и туристу приходится выбирать между пони и паланкином, закрытым либо открытым, смотря по вкусу. Так как мы приехали в Нарель только к шести часам пополудни, то последний способ представлял маленькое неудобство: цивилизация одолела неодушевлённую природу, но до сих пор ещё, невзирая на весь деспотизм властелинов, не могла преодолеть ни тигров, ни змей. Если первые удалились в более непроходимые трущобы, зато змеи всевозможных родов, особенно кобры и *коралилло*, живущие предпочтительно на деревьях, царствуют в матеранских лесах как и во времена оны, и ведут против узурпаторов настоящую гверильясскую[1] войну. Горе запоздавшему пешеходу или даже всаднику, проезжающему под деревом, на котором засела такая змея! Кобры и другие пресмыкающиеся по земле породы редко нападают на человека, разве только в случае, если неосторожная нога наступит на них; вообще же они бегут и прячутся от людей. Но эти лесные герильясы, *tree serpent*, кустарные змеи, выжидают жертв. Едва голова человека поравняется с ветвью дерева, на котором приютился "враг человечества", как, укрепясь за ветку хвостом, змея ныряет всею длиной туловища в пространство и жалит человека *в лоб*. Этот любопытный факт, долго считавшийся вымыслом, теперь проверен и принадлежит к фактам естественной истории Индии. В подобных случаях туземцы видят в змее посланника смерти и исполнителя воли кровожадной Кали, супруги Шивы.

1 Партизанскую (от исп. *guerillas* – ополчение). – Прим. ред.

Но вечер после знойного дня был так обаятелен, а лес манил нас издалека такою прохладой, что мы решились рискнуть. Среди этой дивной природы, где так и тянет стряхнуть с себя земные оковы, обобщиться с нею жизнью беспреградной, и самая смерть в Индии является *привлекательною*.

К тому же после восьми часов вечера всходила полная луна, и нам предстояло трехчасовое путешествие в гору в одну из тех лунных тропических ночей, за который туристы готовы приносить всевозможные жертвы и которые одни только истинные великие художники и способны описать. Молва начинает громко произносить имя нашего В. В. Верещагина как одного из тех немногих художников, которые сумели передать на полотне всю прелесть лунной ночи в Индии...

Пообедав на скорую руку в дак-бёнглоу (почтовой станции), мы потребовали наши кресла-носилки. Нахлобучив покрепче на лбы наши *топи* с их широкими, крышей спускающимися на глаза и затылок полями, мы отправились в 8 часов вечера в путь. Восемь *кули*, одетых по обыкновению в "виноградные листья" из тряпок, подхватили каждое кресло и с гиком и криком, бессменными спутниками индусов, пустились в гору. За каждым креслом бежали по восьми человек переменных носильщиков, итого, не считая индусов со слугами верхом, 64 человека: армия, способная спугнуть любого забредшего из джонгля леопарда или тигра, словом всякого зверя, исключая только наших бесстрашных "кузенов" по прадедушке Хануману. Едва мы повернули из аллеи в лесок у подножия горы, как несколько десятков этих родственников присоединились к нашему шествию. Благодаря заслугам союзника Рамы, обезьяны считаются в Индии священными, почти неприкосновенными. Правительство, следуя в этом старинной мудрости Ост-Индской Компании, запрещает трогать их или даже прогонять их из городских садов, а тем менее из принадлежащих им по праву лесов. Перескакивая с одной ветки на другую, стрекоча как сороки и делая страшнейшие рожи, они, как ночные кикиморы, преследовали нас почти всю дорогу. Облитые светом полной луны, они висли как русалки на

деревьях и, далеко забегая вперёд, поджидали нас на поворотах дороги, словно указывая нам путь. Один младенец-макашка так и свалился ко мне в ноги на носилки. В одно мгновение ока родительница его, бесцеремонно перескакивая по плечам носильщиков, явилась тут же и, прицепив младенца к груди, скорчила мне самую богопротивную гримасу… и была такова.

– *Бандры* (обезьяны) всегда приносят своим присутствием счастье, – заметил мне в утешение за измятую топи один из индусов. – К тому же, если мы видим их здесь ночью, то можем оставаться совершенно спокойными: наверное на десять миль [16,09 км] кругом нет ни одного тигра…

Всё выше и выше подымались мы по крутой извилистой тропе; а лес становился всё гуще, темнее и непроходимее… Под чащей иногда становилось темно, как в могиле; пробираясь под вековыми баньянами, невозможно было различить в двух вершках [8,89 см] собственный палец. Мне казалось непонятным, чтобы люди шли тут иначе как ощупью; но *кули* даже ни разу не споткнулись, а, напротив, прибавили шагу. Все, как бы сговорясь, молчали в такие минуты; среди этого тяжёлого, окутывающего нас как флёром мрака, слышалось лишь короткое, прерывистое дыхание носильщиков, да мерная, мелко выбиваемая дробь нервных шажков их босых ног по каменистому грунту тропинки… Делалось больно, стыдно за человечество, или скорее за ту часть человечества, которая способна была превратить другую во вьючных животных. И эти несчастные, с одного конца года до другого, получают за подобную работу по 4 анны в день на человека: 4 *анны*, то есть менее 8 коп. в сутки за совершение путешествия вверх и вниз на 8 миль [12,87 км] в конец, не менее двух раз или четырёх концов, что составляет 32 мили [51,5 км] на возвышенности 1500 футов [457,2 м] и к тому же с ношею на шеях в 6 пудов [98,28 кг]!.. Впрочем, в Индии, стране застывшей в вековых обычаях, где всё идёт по одному шаблону, 4 *анны* – законная плата за день какой угодно работы. Призовите искусного подёнщика-ювелира, и он сядет, поджав ноги, на пол, без всяких инструментов, кроме щипцов и крошечной железной печи, и создаст вам, из вашего золота и по данному рисунку,

украшение, достойное мастерской фей. За это, то есть за 10 часов работы, он потребует 4 *анны*…

Но вот чаще и чаще стали попадаться просеки и открытые площадки, где становилось светло, как днём. Миллионы кузнечиков трещали по лесу, наполняя воздух металлическим звуком, напоминающим гудение губной гармоники; гоготали совы, и стаи испуганных попугаев метались с одного дерева на другое. По временам доносилось до нас издалека, из глубины поросшей дремучим лесом пропасти, долгое, громоподобное рычание тигра, могучий рёв которого, по словам *шикари* (охотников), можно слышать в тихую ночь за много миль. Освещённая, словно бенгальским огнём, панорама изменялась при каждом повороте. Реки, поля, леса и скалы, расстилаясь у ног наших на необозримом пространстве, волновались, дрожали, облитые серебряным светом, переливались как волны марева… Фантастичность этой картины просто захватывала дух; кружилась голова, когда заглядывали мы в эти глубины на 2000 футов [609,6 м] вниз, при неверном свете луны; а бездна так и тянула к себе… Один из наших спутников (американец), ехавший верхом, принуждён был сойти с лошади и пойти пешком, боясь невольно поддаться влечению и нырнуть в бездну головой вниз. Несколько раз мы встречали спускавшихся с Матерана совершенно одиноких мужчин и даже молодых женщин, возвращавшихся с подённой работы на горе в свои села. Но случается нередко, что ушедший накануне человек не возвращается более и пропадает без вести. Полиция хладнокровно решает, что его унёс тигр или убила змея, и исчезновение предаётся тут же забвению: что может значить одною личностью более или менее среди 240 миллионов народонаселения Индии? Но странно поверье, существующее между племенами Декана, сгруппированными вокруг этой таинственной и доселе во многих местах ещё не исследованной горы. Поселяне уверяют, будто, несмотря на число погибающих в горах, никогда ещё не было найдено в лесу *ни одного скелета*: покойник, будь он целым или обглоданным тиграми, тотчас же переходит во владение обезьян; они собирают кости и хоронят их в глубоких ямах, зарывая так искусно, что не остаётся и

малейшего следа. Англичане смеются над этим поверьем, но полиция не отрицает бесследного исчезновения тел. При прорытии горы для железной дороги найдено, на удивительной глубине, несколько скелетов, сохранивших как бы измятые зубами зверей и переломанные браслеты и серебряные украшения на руках, ногах и шеях. Эти украшения доказывали, что их владельцев зарывали не люди, так как ни религия индусов, ни жадность их не допустила бы их до этого… Неужели же в царстве животных, как и между людьми, рука руку моет?

Переночевав в португальской гостинице, свитой как орлиное гнездо из бамбука и прилипшей к почти перпендикулярно обрывающемуся боку скалы, мы встали с рассветом и, обойдя все знаменитые красотой *points de vue*[1], тотчас же собрались в обратный путь. Днём панорама являлась ещё великолепнее: недостаточно целых томов для её описания. Не будь горизонт замкнут с трёх сторон истерзанными гребнями горных хребтов – все плато Декана явилось бы пред глазами. Бомбей – как на ладони; лиман, отделяющий город от Сальсеты, кажется тонкою серебристою струйкой. Как змея извивается он кольцами по направлению к гавани, окружает Канери и другие острова, разбросанные словно горошинки по светлой скатерти вод, пока наконец не сливается нестерпимо блестящей линией с далёким горизонтом Индийского океана. С другой стороны северный Конкан, замыкаемый хребтом Таль-Гхат; иглообразные верхушки скал Джано-Маоли, и наконец зубчатый кряж Фунелля, грозный силуэт которого, словно замок сказочного великана, обрисовывает свои тёмные линии на далёкой, дымчатой синеве неба. Далее плоскоголовый Парбель – седалище богов, с которого Вишну во времена оные переговаривался, по преданию, со смертными. А там, внизу, где ущелье расширяется в долину всю испещрённую громадными иглами отдельных скал, из коих каждая полна исторических и мифологических легенд, синеет другая цепь ещё более высоких и странных формой гор. То Кхандала, над которою нависла громадина известная под именем "Герцогского Носа". На

1 Вид (фр.). – Прим. ред.

противоположной стороне, под самою макушкой горы – "Карли" или *Курли*, по мнению археологов самый древний и лучше всех других сохранившийся пещерный храм Индии.

Тому, кто совершал несколько раз перевал через Кавказские горы и следил за громом и молнией под ногами с Крестовой горы, кто побывал на Альпах и посетил Риги[1], знаком с Андами и Кордельерами и обходил все углы Катскильских гор в Соединённых Штатах – тому, надеюсь, будет дозволено выразить своё скромное на этот счёт мнение. Быть может, Кавказские горы и величественнее и в отношении красоты нисколько не уступают *гхатам* Индии, но то красота чисто условная, классическая, если можно так выразиться; она внушает восторг, но вместе с тем и страх: человек чувствует себя пигмеем пред этими титанами природы. Но в Индии, за исключением Гималаев, чувство, возбуждаемое горными видами, совершенно другого рода. Самые высокие вершины нагорной равнины Декана, как и треугольной цепи, обрамляющей северный Индостан, и даже восточных гхат, не превышают 3000 футов [914,4 м]. В одних только западных гхатах, расстилающихся вдоль всего Малабарского берега от мыса Кумари до реки Сурата, найдутся вершины в 7000 футов [2133,6 м] над уровнем моря. Поэтому, не с белым, как лунь, дедушкой Эльбрусом, или Казбеком, вышиной в 15-16000 футов [4 572 – 4 876,8 м][2], мы позволим себе сравнить горы Индостана. Главная и совершенно своеобразная прелесть последних состоит в изумительно прихотливой их форме. Эти горы или, скорее, отдельные вулканические скалы, иногда тесно прижатые друг ко другу, тянутся хребтами; но чаще всего, к великому затруднению геологов, разбросаны безо всякой видимой причины в самых неподходящих к ним по грунту местностях. На каждом шагу пространные долины, замкнутые, как стеной, высокими скалами, по кряжу которых часто пролегает железная дорога. Взгляните вниз: вам померещится,

1 Риги – гора в центральной Швейцарии, относится к Альпам. – Прим. ред.

2 Высота Эльбруса – 5 642 м, Казбека – 5 033 м, согласно современным данным. – Прим. ред.

будто перед вами мастерская прихотливого титана-ваятеля, наполненная разбросанными полуоконченными группами, статуями, памятниками… Вот невиданная птица, распустив крылья и разинув пасть дракона, сидит на голове чудовища в 600 футов вышины; возле неё бюст человека в зубчатом, как стена феодального замка, шлеме; далее сказочные, пожирающие друг друга животные, безрукие статуи, шары, наваленные кучами, одинокие стены с бойницами, переломленные мосты и башни. Всё это перепутано, разбросано; всё с каждым новым шагом изменяет форму, как призрачные видения во время лихорадочного сна… А главное, нет здесь ничего искусственного; всё это чистая игра природы, которою при случае и пользовались древние строители. Человеческое искусство в Индии следует чаще искать *внутри*, чем *на поверхности* земли. Как бы стыдясь или считая грехом соперничать с изваяниями природы, индусы редко строили свои древние храмы иначе, как в недрах земли. Выбрав, например, пирамидально заострённую скалу или куполообразный холм, как в Элефанте и Карли, они выдалбливали их, по преданию Пуран, в продолжение веков, по планам, грандиозность которых превышает все понятия современной архитектуры и теперь совершенно ей недоступна. Басни (?) о циклопах оправдываются в Индии ещё более нежели в Египте.

Из Нареля проезд в Кхандалы совершается по железной дороге, напоминающей своею удивительною постройкой такую же дорогу из Генуи вверх через Аппенинские горы. Это путешествие скорее можно назвать "воздушным", нежели сухопутным. Дорога проходит на возвышении 1400 футов [426,72 м] над Конканом, и в иных местах одна сторона рельсов проложена на острых гребнях скал, в то время как другая опирается на своды арок; один виадук в Мали-Кхинде возвышается на 163 фута [49,68 м]. В продолжение двух часов мы летели между небом и землёй, окружённые с обеих сторон пропастями, густо заросшими цветущими манговыми деревьями и бананами. Надо отдать справедливость английским инженерам: они строят великолепно.

Переезд через Бхор-гхат совершен благополучно, и мы в Кхандалах. Наш бёнглоу построен на окраине пропасти, глубину которой тщательно скрыла природа самою роскошною растительностью. Все в цвету, и одной этой бездонной ямы хватило бы на всю жизнь ботаника. Пальмы исчезли; они растут лишь на морских берегах, и их заменили баньяны, манго, *пипалы* (*Ficus religiosa*), смоковницы и тысячи других деревьев и кустарников, пород для нас, профанов, неведомых. Флора Индии была не раз оклеветана: её обвиняли в том, что цветы её прекрасны, но без запаха. Быть может, в известные сезоны замечание окажется справедливым; но пока цветёт жасмин и различных родов бальзамины, белая тубероза и золотистая *чампа* – царь по величине меж цветущими деревьями, – то это совершенная неправда. От одного запаха *чампы*, растущей обыкновенно на гористых местностях и цветущей, как алоэ, один раз каждые сто лет, может закружиться голова; а в этот год сотни таких деревьев цвели на Матеране и в Кхандалах.

Сидя в тот вечер на веранде отеля над пропастью и невольно залюбовавшись окружающими нас видами, мы заговорились почти до полуночи. Подсевший было к нам англичанин, старый отставной капитан, заметив, что мы не делаем никакой разницы в нашем обращении между ним и индусами и не воскуриваем ему, как представителю "*высшей* расы", ни малейшего фимиама, холодно раскланялся и ушёл. Всё вокруг нас спало, и мы остались одни с нашими спутниками, говорившими по-английски не хуже любого оксфордского профессора. Кхандала, большая деревня, построенная на гладкой ровной возвышенности одной из гор хребта Сахьядры[1] (около 2200 футов [670,56 м] над морем), окружена изолированными холмами такой же странной формы, как и прочие. Один из них, прямо пред нами на противоположной стороне пропасти, представлял совершенное подобие длинного одноэтажного строения с плоскою крышей и зубчатым парапетом. Индусы клялись, что в окрестностях этого

1 Сахьядри́, такж Западные Гхаты (санскр. पश्चिमी घाट) – горная цепь на западе Индостана. – Прим. ред.

холма существует потайной вход, ведущий в пространные залы под холмом – целый подземный дворец, и что есть ещё люди, владеющие тайной этой подземной обители. Святой отшельник, йоги и маг, обитающий уже много столетий в подземелье, открыл тайну его знаменитому махратскому вождю Сиваджи. В этой таинственной обители непобедимый герой, как Тангейзер в опере Вагнера, провёл семь лет своей юности; там он и приобрёл свою необычайную силу и храбрость.

Сиваджи – деканский Илья Муромец XVII столетия, вождь и царь махратов, основатель их весьма недолгой империи. Ему одному Индия обязана ослаблением, если не совершенным уничтожением мусульманского ига. Маленького, как женщина, роста, с рукой, как у ребёнка, он, однако же, владел необычайною силой, которую, конечно, соотечественники его приписывают колдовству. До сих пор его сохраняющаяся в музее сабля приводит всех в изумление своею величиной и тяжестью, в то время как разве только десятилетний ребёнок в состоянии просунуть руку в узкую рукоятку. Основанием славы нашего героя, сына бедного офицера на службе у могульского императора, послужило умерщвление этим новым Давидом мусульманского Голиафа – Афзал-хана. Но он убил его не пращей, а страшным махратским орудием *вагхнакх*, состоящим из пяти длинных стальных, заострённых, как иглы, и крепких, как железо, когтей, которые публичные бойцы надевают на пальцы правой руки и затем рвут друг друга как дикие звери на куски. Декан полон преданиями о Сиваджи[1], и даже английские историки упоминают о нём с большим уважением. Как в легенде о Карле Великом, одно из местных преданий уверяет, что он не умер, а обитает до поры до времени в одном из многих подземелий горных хребтов Сахьядры. Когда пробьёт час освобождения (по исчислению астрологов он недалёк), Сиваджи явится и снова освободит свою любимую родину.

1 Шиваджи (1630–1680) – национальный герой Индии, после столетий мусульманского господства на западе Декана поднявший восстание против мусульманских властителей и к 1674 г. создавший на территории штата Махараштра и прилегающих землях государство маратхов. – Прим. ред.

Хитрые и учёные брамины, настоящие иезуиты Индии, пользуются этими глубоко вкоренившимися в народе преданиями, чтобы выманивать у них деньги, часто даже последнюю корову, кормилицу целых семей. Привожу курьёзный пример случившегося всего месяца два тому назад происшествия. В последних числах июля 1879 года появилось послание, таинственно ходившее по рукам в Бомбее. Перевожу буквально с мараттского оригинала[1]:

> "Шри!" (Приветствие – непереводимое).
>
> "Да будет всем известно, что это послание, начертанное на оригинале золотыми буквами, снизошло в присутствии святых браминов с "Индра-лока" (небо Индры) на алтарь храма Вишвешвара, что во святом граде Бенаресе.
>
> Внимайте и помните, народы Индостана, Раджастхана, Пёнджаба и пр. и пр. В субботу, на второй день первой половины месяца *магха*[2], эры Шаливагана 1809 года (то есть 1887 года), ровно через восемь лет, во время Ашвини Накшатра[3], когда солнце войдёт в знак Козерога, а время дня станет приближаться к созвездию Рыб, то есть ровно один час и 36 минут по восходу солнца, пробьёт конец кали-йугу и восстановится столь желанная сатья-йюг.[4] На этот раз сатья-йюг продлится 1100 лет. Во всё продолжение этого периода сроком человеческой жизни будет 128 лет. Дни удлинятся и будут состоять из 20 часов 48 минут, а ночи из 13 часов и 12 минут, то есть сутки станут длиться ровно 34 часа и 1 минуту. В тот знаменательный для нас первый день сатья-йюга, в четыре часа и 24 минуты после восхода солнца, к нам прибудет с далекого севера новый царь, с белым лицом и златыми кудрями. Он сделается самодержавным владыкой Индии. *Майя* (иллюзия) человеческого неверия со всеми ей подвластными

1 Оригинал был переведён на все диалекты Индостана (которых 273!!).
2 *Магха* – 11-й месяц, по летосчислению эры Шаливагана.
3 Ашвини Накшатра – первое из 27 созвездий на пути луны.
4 То есть придёт конец Махайюга – великого цикла, обнимающего все четыре юга.

> ересями будет низвергнута в Паталь[1], а *майя* достойных и благочестивых людей поселится с ними и поможет им наслаждаться жизнью в *Мрётин-локе*[2]. Да будет также всем и каждому известно, что тому, кто поможет в распространении сей божественной рукописи, за каждую отпустится столько грехов, сколько обыкновенно отпускается набожному человеку за пожертвование брамину ста коров. что же касается неверующих и непомогающих нам, то они будут отправлены в *Нарак* (ад).
>
> Передано и переписано рабою бога Вишну, во храме Вишвешвара, в Бенаресе – Мадлау Шрирам, в субботу, 7-го дня, первой половины шравана[3] 1801 года, эры Шаливагана…" (то есть 26 июля 1879 года).

Дальнейшая судьба этого невежественно-хитрого послания мне неизвестна; остановила ли полиция распространение его или нет – дело мудрых правителей. Но оно превосходно характеризует как легковерие погрязшего в фанатизме народа, так и бессовестность браминов, эксплуатирующих свою несчастную паству.

Чрезвычайно интересно в отношении названия *Паталь*, буквально означающего "преисподняя", одно открытие, сделанное санскритским учёным (суами Дайанандом Сарасвати, о котором мы говорили во втором письме), особенно если оно подтвердится филологами, как это обещано фактами. Дайананд доказывает, что древние арийцы знали и даже посещали Америку, которая и называется в древних рукописях Паталем – преисподней страной, из имени которой позднее народная фантазия создала ад вроде греческого ἀΐδής [аида]. Он подтверждает своё открытие изобильными цитатами из старейших писаний, особенно из легенд о Кришне и его любимом ученике Аржуне. В истории о последнем говорится, что Арджуна, один из пяти *Пандав*, потомков династии луны, отправившись путешествовать, посетил Паталь, где и женился

1 *Паталь* – в одно и то же время преисподняя (ад) и антиподы.
2 *Мрёта* – наша земля; "Мрётин-лока" – место нашей земли.
3 Шраван – пятый месяц индусского года.

на вдовствующей дочери царя "Нагуала"[1], по имени *Иллупль*. Сравнив эти имена отца и дочери, мы находим следующие выводы сильно говорящие в пользу предположения суами Дайананда.

1) *Нагуалами* зовутся до сей поры колдуны мексиканских индейцев, аборигенов Америки. Как ассирийские и халдейские наргалы – главы магов, так *нагуаль* Мексики соединяет в своей особе должности священника и колдуна, держащего при себе демона в виде какого-либо животного, обыкновенно змеи или крокодила. Они считаются потомками *Нагуа*, царя змей. Аббат Брассёр де-Бурбург в своём сочинении о Мексике[2] очень распространяется о них, называя *нагуалов* слугами нечистой силы, которая в свою очередь служит им до поры до времени. На санскритском языке змея тоже называется *нага* (пада) и "Царь-наг" играет большую роль в истории Будды и Пуранах. По преданию, сам Аржуна ввёл это поклонение змеям в Патале. Стечение обстоятельств и тождественность имён до того поразительны, особенно, когда мы находим их в двух совершенно противоположных странах света, что, право, стоило бы нашим учёным обратить на это внимание.

2) Имя жены Аржуны *Иллупль* чисто древне-мексиканское и если мы отбросим в сторону гипотезу суами, то станет совершенно невозможным объяснить себе присутствие подобного названия в санскритских рукописях задолго до христианских времён. Изо всех древних языков и диалектов только между языками аборигенов Америки постоянно встречаются подобные комбинации согласных букв как *тль*, *пль* и т. д. Особенно изобилует ими язык тольтеков (или нахуатль). В то время как ни в санскритском, ни в древне-греческом языках их совсем нет. Слова "Атлас" и "Атланта" не представляют удовлетворительной этимологии ни на каком языке Европы; откуда бы Платон ни взял его, сочинил название Атланты не он. А на языке тольтеков мы находим коренной слог *а*, *атль* – означающий воду и войну: к тому же по

1 В ред. МВ: "Нагуа". – Прим. ред.
2 Речь идёт о книге «Quatre Lettres sur le Mexique» («Четыре письма о Мексике», 1868). – Прим. А. Д. Тюрикова.

открытии Колумбом Америки, был найден у входа в залив Урага, город по имени *Атлан*.[1] В одной только Америке мы встречаем такие названия как Итцкоатль, Цемпоалтекатль, Попокатепетль. Приходится требовать уж слишком многого от слепого случая, чтобы найти в нём такие странные совпадения. Вследствие этого, до удовлетворительного опровержения наукой этого предположения, которого она пока не в состоянии нам предъявить, мы позволяем себе принять гипотезу Дайананда суами как самую благоразумную, хотя бы вследствие аксиомы, что "одна гипотеза равняется другой". Дайананд указывает, между прочим, на Сибирь и Берингов пролив, как на путь, пройденный Аржуной 5000 лет тому назад и приводивший его в Америку.

Далеко за полночь просидели бы мы, слушая подобные легенды, если бы содержатель гостиницы не прислал предупредить нас об опасностях, угрожающих нам на балконе, ночью, особенно в *лунные* ночи. Программа этих опасностей состояла из трёх отделений: (1) змеи; (2) дикие звери; (3) дакоиты[2]. Кроме кобры и "скалистой змеи", здешние горы изобилуют породой маленьких горных змей, известных под именем *фурзен*, самой опасной изо всех пород; укушение их убивает человека с быстротою молнии. Луна привлекает их, и целые компании этих непрошеных гостей залезают на веранды домов "греться"; им тут, во всяком случае, теплее, нежели на земле. Цветущая же и благоуханная пропасть у подножия веранды оказывалась любимым местом прогулки тигров и леопардов, приходящих туда по ночам "напиться" у протекающего внизу широкого ручья, и бродящих иногда до самого рассвета под окнами бёнглоу. Наконец шальные дакоиты, притоны которых рассеяны по этим неприступным для полиции горам, часто стреляют в европейцев из одного лишь удовольствия отправить к праотцам ненавистного им *белляти* (иностранца). За три дня до нашего приезда жена одного брамина была унесена тигром в пропасть, а две любимые

1 Ныне – бедная деревушка рыбаков Акло. См. также Le Mexique Брассёр де-Бурбурга и Baldwib, *Prehistoric Nations*, p. 1.79

2 Дакоит (англ. dacoit) – вооруженный бандит. – Прим. ред.

собаки коменданта, спавшие на дворе, были убиты змеями. Не дожидаясь дальнейших объяснений, мы немедленно разошлись по своим комнатам. На рассвете нам предстояло ехать за 6 миль [9,66 км] в Карли.

Радда-Бай

Письмо VI[1]

В пять часов утра мы уже были у подножия горы, доехав в нашей колымаге на волах до последних пределов не только экипажного, но и верхового тракта. Последнюю полмилю мы ехали по настоящему взбаломученному морю камней, а теперь оставалось лишь взлезать или скорее карабкаться на четвереньках по тропе, идущей зигзагами вверх по перпендикулярному почти склону в 900 футов [274,32 м] высоты. Совершенно растерявшись, посматривали мы на эту историческую громадину, не зная, что делать далее. Почти на самом верху горы, под далеко нависшими скалами, зияло с дюжину чёрных отверстий; сотни пилигримов в праздничных одеждах ползли по склону, как разноцветные муравьи. Но тут выручили нас наши преданные друзья индусы. Один из них, приложив ладонь ко рту, закричал громким, пронзительным не то криком, не то свистом. По первому зову раздался ответный сигнал сверху; вслед за тем несколько полуголых браминов – наследственные сторожа храма, – с быстротой и ловкостью диких кошек запрыгали по скалам сверху вниз. В пять минут они уже были около нас, опутали нас ремнями и затем скорее поволокли, нежели повели, вверх. Через полчаса, измученные, но целые, мы уже стояли пред входным портиком главного храма, до той поры сокрытого со всех сторон гигантскими липами и кактусами.

Величественный, весь покрытый скульптурой портик храма (в 52 фута [15,85 м] ширины), на четырёх массивных колоннах, образующих четырёхугольник, покрыт вековым мхом. Впереди портика стоит "колонна льва", так названная от

1 Московские ведомости, № 321, 17.12.1879, с. 4; ; Русский Вестник, январь 1883, Приложение, том 163, с. 62-70.

четырёх изваянных в натуральную величину львов, сидящих спиной к спине на четырёх сторонах капители. Над главною дверью проведена огромная арка, а стены по обе стороны фасадной двери покрыты изваяниями мужских и женских фигур гигантских размеров; впереди этих фигур далеко выдвигаются из стены три колоссальные слона *en relief*[1] с головами и хоботами. Самый храм овальной формы в 128 футов [39,01 м] длины и 46 [14,02 м] ширины; среднее его пространство отделено от правого и левого крыла 42 колоннами, поддерживающими круглый куполообразный потолок; за ним, отделённый от первого алтарём, находится другой купол, поменее, над комнатой вроде потаённого святилища, служившего внутренним алтарём для древних первосвященников арийского племени. Оба ведущие к ней боковые коридора, не доходя до главного алтаря, обрываются, заставляя предполагать, что в древности здесь были или двери, или стена, которых теперь уже не существует. Все 42 колонны на высоких подножиях, восьмиугольных стержнях и богатой лепной работы на капителях, изображающей на каждой двух коленопреклонённых слонов с двумя сидящими на них фигурами, бога и богини, "самой изящной работы", говорит Фергусон. По его мнению, храм этот, или *чаитья*[2], сохранился лучше всех других и древнее прочих. Он может быть отнесён к эпохе за 200 лет до Р. Х., так как надпись, разобранная Принсепом на колонне Силастамбы,[3] гласит, что *колонна* льва есть жертвоприношение храму от Аджмитры Указа, сына Сахы Равизобхоти, а другая надпись указывает на посещение храма Датхамой Харой (он же и Даттагамини[4]) царём цейлонским на 20 году его царствования, то есть 163 года до нашей эры. Д-р Стивенсон,[5] почему-то в этом случае настаивает на 70 годах до Р. Х., уверяя, будто *Карлен* (Карли) построен императором Девобхути, под надзором

1 Выпуклые, в виде рельефа (фр.). – Прим. ред.
2 *Чайтья* (санкр. огненный алтарь, костер) – культовое сооружение в индийской, буддийской и джайнской архитектуре. – Прим. ред.
3 *Journal of the Asiatic Society*, Vol. VI.
4 Дуттхагамани (англ. Dutthagamani) – царь Шри Ланки (161–137 до н.э.). – Прим. ред.
5 Bombay, *Asiatic Society's journal*, Vol. V.

Ксенократа (Дханукаката). Но как могло бы это быть ввиду предыдущей и, как доказано, совершенно подлинной надписи? Даже Фергусон, этот известный защитник египетских древностей и враг древностей Индии, положительно доказывает, что Карли принадлежит к постройкам III века до Р. Х., добавляя при том, что "расположение отдельных частей архитектуры его совершенно тождественно с архитектурой хоров готического круглого, или со многоугольными апсидами собора".

Поперёк фасада и над главным входом находится галерея напоминающая вполне хоры, где в католических церквях стоит орган. С паперти, кроме главных дверей, две другие двери ведут в боковые отделы, а над галереей одно, но во всю ширину среднего пространства, окно в виде подковы. Таким образом весь свет падает сверху на *дагхопу* (алтарь), оставляя оба крыла густо заслонёнными колоннадой и в полумраке, который всё усиливается по мере приближения к задней части здания. Для зрителя стоящего у дверей храма *дагхопа* должна была таким образом казаться окружённою сиянием, за которою чернела непроницаемая тьма, куда не допускался никто из непосвящённых. Фигура на *дагхопе*, с возвышения которой "раджи-первосвященники" судили в древние времена народ, носит название "Дхармы Раджи", индостанского Миноса. Над главным храмом ещё два выдолбленные в скале яруса; в каждом из них открытая во всю ширину галерея с толстыми резными колоннами, а из галереи идут внутрь горы большие залы-кельи и внезапно оканчивающиеся по-видимому глухою стеной коридоры, иногда очень длинные, но теперь бесполезные. Сторожа и хранители святилища либо сами утратили тайну входов, ведущих далее, либо ревниво скрывают её от европейцев. Старик брамин и его два сына горько жаловались, что теперь правительство даёт им всего 600 рупий субсидий на расходы двух храмовых праздников Шивы, тогда как Ост-Индская компания давала им 2 000. Сочувствуя их горю, мы не могли однако же не удивиться такому *великодушию*: христиане-правители выдающие субсидии на языческие празднества и поклонение идолам! Черта редкая! Только, в таком случае, зачем же тратить миллионы на миссионеров вместо того,

чтобы обращать в христианство своих же многочисленных *нехристей* у себя дома?..

Кроме главной, есть множество меньших *вихар*, или храмов-монастырей, ещё древнее первой, как полагают археологи, рассеянных по склону горы; но какому именно веку или эпохе принадлежат они, о том не знает никто, кроме немногих браминов, да и те молчат. Вообще говоря, положение археологов в Индии весьма грустное: массы народа, погружённые в невежество, не могут, конечно, оказать им какой-либо помощи, а учёные брамины, посвящённые во все тайны потаённых библиотек в пагодах, молчат и стараются всеми силами препятствовать разысканиям археологов. Да и трудно и даже несправедливо было бы обвинять в этом браминов после всего случившегося. Горький опыт в продолжение долгих столетий научил их, что их единственное спасение – в осторожности и недоверчивости, иначе и национальная история и драгоценнейшие их святыни давно пропали бы бесследно. Политические перевороты, мусульманские нашествия, столько веков терзавшие Индию и потрясшие эту страну до самого основания, всеразрушающий фанатизм мусульманских вандалов, католические *падре*, пускающиеся на всякие хитрости, лишь бы завладеть рукописями, а затем уничтожить их, всё это более чем оправдывает браминов. Несмотря, однако же, на вековые разрушения, до сих пор в разных местах Индии имеются обширные библиотеки, доступ куда пролил бы яркий свет не только на древнюю историю самой страны, но и на самые тёмные гипотезы всемирной истории. Некоторые из этих наполненных драгоценными рукописями библиотек находятся во владении туземных принцев и подвластных им пагод; но большая часть в руках джаинов (самой древней секты) и такуров Раджпутаны,[1]

1 *Такуры* играют в Индии ту же роль, какую играли в Европе средневековые бароны феодальных времён. Номинально они подвластны или своим владетельным принцам, или же британскому правительству; но *de facto* они ни от кого не зависят. Построенные на неприступных скалах, их замки, кроме явного затруднения добраться до них иначе как по одному человеку, гуськом, представляют ещё ту выгоду, что каждый из них сообщается с подземными ходами,

старинные, наследственные замки которых разбросаны по всему Раджистану, как орлиные гнёзда, на вершинах скал. Знаменитые коллекции в Джассульмере и Патане известны, но недоступны правительству. Рукописи написаны на древнем и давно забытом языке, понятном лишь великому первосвященнику и его посвящённым библиотекарям. Один толстый фолиант считается до того священным и неприкосновенным, что он повешен на тяжёлой золотой цепи среди храма Чинтамуна в Джассульмере (столице Раджпутанской пустыни) и снимается только для обчистки и нового переплёта с каждым восшествием нового понтифа. Это сочинение известного в истории Сомадитьи Суру Ачарьи, великого первосвященника до мусульманского нашествия. Мантия его сохраняется до сих пор в храме и в неё облачается при посвящении каждый новый первосвященник. Тод[1], живший столько лет в Индии и приобретший любовь народа и браминов, какой ни один англичанин не добился и не добьётся, человек, привязавшийся к этому народу всеми силами души и написавший об Индии единственную правдивую историю,[2] не мог получить дозволения даже дотронуться до фолианта. Молва идёт, что ему предложили принять веру этой секты, обещая в таком случае посвятить его во все таинства. Страстный археолог, он чуть было не решился на это, но, принуждённый по болезни ехать в Англию, умер, не успев вернуться в своё второе отечество. Таким образом тайна этого нового тома Сивиллы остаётся доселе неразгаданной.

То же рассказывают и о Карли, его библиотеках и подземных ходах. А между тем археологи даже не в состоянии определить, кем построен этот древний храм, буддистами или

тайна которых переходит лишь наследственно, от отца к сыну. Мы посетили два из таких подземных покоев; один из них способен поместить в своих обширных залах целую деревню. Одни йоги (кроме владельцев) и посвящённые адепты имеют свободный к ним доступ. Хорошо известно, что никакая пытка, – тем более, что они саморучно и ежедневно прибегают к пытке сами, – не в состоянии заставить их выдать тайну.

1 Джеймс Тод (James Tod, 1782–1835) – английский востоковед, офицер Ост-Индской компании. – Прим. ред.

2 *The Annals and Antiquities of Rajast'han*, by Colonel James Tod.

браминами. Огромная *дагхопа* (алтарь), закрывающая от взоров прихожан находящееся за нею святилище, похожая на низкий минарет с куполом, осенена грибообразною крышей, называемою археологами зонтиком, как фигуры Будды и китайских мудрецов. Но шиваиты, во владении коих находится теперь Карли, уверяют, будто это приземистое здание, похожее на барабан с куполом, есть *лингам* Шивы. К тому же и лепная работа, и вырезанные в скале изваяния богов и богинь не допускают мысли, что этот храм есть произведение буддистов.

> "Моё замечание, что пещеры *чаитьи* как бы мгновенно достигли высшего совершенства в архитектурном и скульптурном смысле, относится в особенности к этому пещерному храму (Карли), – пишет Фергусон – Возьмём ли мы нашим путеводителем Махаванзу[1] или надписи царя Азоки, как тот, так и другой выбор приводит нас к одному и тому же результату. Очевидно, что эта страна (Декан) под именем Махараштханы (в рукописях Махаванзо, а в надписях – Питеники) есть та самая необращенная земля, куда Азока на десятом году своего царствования посылал миссионеров Будды; поэтому, если допустить это исчисление, то между обращением страны и сооружением этого великолепного памятника прошло не более одного века. В *вихарах* Карли, как и в других таких же, принадлежащих к той же эпохе, нет ничего такого, что не могло бы быть изваяно из натуральной пещеры того же времени; но в храме Карли мы видим такое смешение стилей и такое совершенство работы, что находимся более чем когда-либо в затруднении. что такое этот памятник древности? Храм ли то браминов или буддистов? Выстроен ли он по плану, начертанному после смерти сакьи Синги[2], или это есть принадлежность ещё более древней религии? Наконец, если мы правы, полагая, что рытье пещер началось только после

1 Махавамса (санскр. «Великая хроника») – историческая хроника Цейлона (V в.), автором которой считается монах Маханаме из Анурадхапуры. – Прим. ред.

2 Шакья Синха – букв. «сакийский лев» – титул Гаутамы Будды. – Прим. ред.

> царствования Азоки (в III веке до Р. Х.)[1], то для чего же, в то время как другие *вихары* (за исключением, впрочем, десятков иных, как Элефанта, Аджунта, Каннери и пр., которые Фергусон старается придвинуть по возможности ближе к нашим временам) так малы и ничтожны, был предпринят подобный громадный труд прорытия скалы и сооружены именно *этого* храма?"

"That is the question".[2] Если Фергусон, вынужденный фактическими доказательствами надписей допустить древность Карли, всё-таки станет утверждать, что Элефанта гораздо современнее, то ему едва ли когда-либо удастся выпутаться из этой дилеммы, так как стиль архитектуры тот же, а скульптурная работа ещё грандиознее. Приписывать храмы Элефанты и Каннери буддистам, а затем относить их постройку к IV и V, а другую к X столетиям нашей эры, значить навязывать истории странный и ни на чём не основанный анахронизм. После I века по Р. Х. в Индии не оставалось ни одного влиятельного буддиста; разбитые и преследуемые браминами, они бежали тысячами на Цейлон и за Гималаи. Со смертью царя Азоки буддизм стал быстро распадаться, и в Индии его совершенно вытеснил теократический брахманизм. Гипотеза Фергусона, что изгоняемые с материка последователи Сакьи Синги, вероятно, искали убежища на окружающих Бомбей островах, также едва ли может выдержать критически анализ. Элефанта и Сальсета под боком Бомбея (всего в двух и пяти милях [3,22 и 8,05 км]) наполнены древними храмами индусов. Возможно ли предположить, чтобы брамины, более чем когда-либо в силе пред периодом, предшествовавшим мусульманскому нашествию, фанатики и смертельные в ту эпоху враги буддистов, дозволили ненавистным им еретикам строить буддистские пагоды не только в своих владениях вообще, но в "Харипури" в особенности, на острове их священного "города пещерных храмов"? Не нужно быть ни специалистом-архитектором, ни великим археологом, чтобы с первого же

1 Умер в 222 до Р. Х.

2 "Вот в чём вопрос" (англ.) – из монолога Гамлета: "Быть или не быть, вот в чём вопрос". – Прим. ред.

взгляда убедиться в том, что храм Элефанты, например, есть работа циклопов, требующая столетий, а не годов. В то время как в Карли всё выстроено и высечено по строго обдуманному плану, в Элефанте как бы тысячи разных рук, задаваясь каждая своим планом и следуя собственной идее, созидали каждая в своё время. Все три пещеры, например, выдолблены внутри твёрдой порфировой скалы: как средний большой, так и два боковые храма. Первый храм, почти квадратный (130 1/2 ф. [39,78 м] длины и 130 ширины [39,62 м]), имеет 26 толстейших колонн и 16 пилястр. Некоторые колонны отстоят друг от друга на 12 [3,66 м], другие на 16 футов [4,88 м], на 15 и три вершка [4,7 м], на 13 и два вершка [4,05 м] и так далее. Такую же разницу мы находим в пьедесталах колонн, где каждая разнится украшениями и чистотой работы от другой. Так почему же, спрашивается, не обратить внимания на объяснения браминов? Они говорят, что храм был задуман и начат сыновьями Панду, после "великой войны" *Махабхараты*, и что они завещали всем верующим продолжать работу по своему усмотрению. Затем храм строился целые три века. Желающий искупить свои грехи приносил резец и работал; часто многие из членов царских фамилий и сами цари лично принимали участие в труде…[1] Если храм был мало-помалу заброшен, то это потому, что люди предыдущих и нынешнего поколения сделались слишком недостойными посещать подобное святилище.

Что касается Каннери (или Канхари) и многих других пещерных храмов, то не подлежит ни малейшему сомнению, что все они сооружены буддистами. Во многих найдены превосходно сохранившиеся надписи, и стиль ничем не

1 По правую сторону храма конический камень, называемый "линг" или "лингам" (эмблема Шивы в его роли оплодотворяющей силы природы), стоит посреди небольшой четырёхугольной капеллы с четырьмя дверями. Вокруг этой капеллы расположено много огромных человеческих фигур; то, по словам браминов, портреты-статуи самих ваятелей, изображающее придверников святыни, индусов самой высокой касты. Каждая из больших фигур опирается на карлика – изображение низших каст, но которых народная фантазия произвела в "демонов" (пизача). Храм полон изваяний созданных неискусными руками.

напоминает символические постройки браминов. Епископ Гебер относит древность Каннери к I или II веку до Р. Х. Но Элефанта гораздо древнее и принадлежит к доисторическим памятникам, то есть к эпохе следовавшей непосредственно за "великою войной" *Махабхарата* – время которой именитый и учёный д-р Мартын Хауэ[1] отодвигает чуть ли не до Потопа, а столь же именитый и не менее учёный Макс Мюллер придвигает почти к первому веку христианства.

Радда-Бай

Письмо VII[2]

Ярмарка была в самом разгаре, когда мы, окончив наши визиты в кельи, облазив все ярусы и осмотрев знаменитую "залу бойцов", спустились вниз не по лестницам, от которых не осталось и следа, а как спускаются вёдра в колодцы – на верёвках. До трёх тысяч народа собралось из соседних сёл и городов. Женщины, разукрашенные до пояса, в блестящих сари, с кольцами в ноздрях, ушах, губах и всюду, где только можно их прицепить, с гладко зачёсанными назад блестящими от кокосового масла волосами, цвета воронова крыла, с синим оттенком, косы коих были украшены пурпуровыми цветами, посвящёнными Шиве и Бавани, женской половине бога. Перед храмом образовались ряды лавочек и палаток, где продавались все принадлежности обычных жертвоприношений: ладан, ароматические травы, сандаловое дерево, рис и *гулаб*, красная краска в порошке, которым они мажут идолов и затем собственные физиономии. Факиры, байраги, госсейны, весь штат нищенствующей братии прохаживались в толпе; обвитые чётками, с обмазанными синеватою сажей лицами и телом, с их длинными, всклоченными волосами, собранными на макушке в чисто женский шиньон, они со своими бородатыми физиономиями представляли пресмешное подобие голых

1 В ред. МВ: "Хауче". Мартин Хауг (Martin Haug, 1827–1876) – немецкий востоковед, иранист и санскритолог, внёсший особый вклад в изучение Авесты. – Прим. ред.

2 Московские ведомости, № 324, 20.12.1879, с. 4; Русский Вестник, февраль 1883, Приложение, том 163, с. 70-77.

обезьян. Некоторые из них, вследствие самобичевания, были страшно изранены. Были тут и *буни* – змее-чародеи, с целыми десятками кобр, фурзенов и змей вокруг пояса, шеи, рук и ног – модель, достойная кисти художника, желающего изобразить мужскую "фурию". Особенно отличался между ними один *джадугар* (колдун), обвивший себе голову кобрами как чалмой; раздув капюшоны и подняв свои зелёные, листообразные головы, кобры безостановочно шипели – шипением, напоминающим тяжёлое дыхание умирающего; оно слышно за сто шагов. Быстро высовывая тонкое жало[1], они сверкали маленькими злыми глазками на всех проходящих... Между прочим, вот что случилось: передаю факт так точно, как происходил, безо всяких объяснений и собственных гипотез, а прямо предоставляя разгадку проблемы натуралистам.

Надеясь, вероятно, на заработок, *буни* в змеиной чалме прислал к нам мальчика, предлагая показать, как он очаровывает змей. Не желая терять случая, мы согласились, с условием установить между нами и его питомцами то, что дизраэли назвал бы "учёною границей"; поэтому с начала представления мы сидели шагах в пятнадцати от "магического круга". Не стану распространяться обо всех штуках и фокусах, какие нам удалось видеть; перейду прямо к главному факту. Вынув *вагуду* (род дудки из бамбука), *буни* сперва погрузил змей в каталептический сон. Наигрываемая им мелодия, тихая, медленная и чрезвычайно оригинальная, усыпила было и нас самих: по крайней мере, всех нас вдруг стало непреодолимо клонить ко сну безо всякой видимой причины. Из этого полулетаргического состояния мы были вырваны нашим приятелем Гулаб-Сингом, который, нарвав какой-то травы,

1 Выражение, общепринятое на всех языках, "ужаление" змей, чрезвычайно неверно передаёт факт *укушения*. Жало змеи (или её язык) совершенно безвредно. Для того, чтоб яд перешёл в кровь человека или животного, змее надо "прокусить" тело зубами, а не уколоть жалом, чего никакая змея не делает. Тонкие, как иглы, глазные зубы её сообщаются с мешочком (железкой, наполненною ядом и находящеюся под нёбом); если у кобры вырезать этот мешочек, то она после того живёт не более двух, трёх дней. Поэтому заявление некоторых скептиков, что *буни* "вырезают" эти мешочки или железки у своих змей, несправедливо.

советовал нам натереть ею крепко виски и веки. Затем *буни* вынул из грязного мешка что-то вроде круглого камешка, похожего на рыбий глаз или чёрный оникс с белою крапинкой посредине, величиной с наш гривенник. Он уверял, что кто купит этот камень, тот "очарует" им какую угодно кобру (на других змей камень не действует), мигом парализуя и под конец усыпляя её: к тому же это единственное, по его словам, спасение против укушения кобры; следует только немедленно приложить этот талисман к ране, к которой он тут же и пристанет так крепко, что его нельзя будет оторвать; затем, высосав весь яд, камень отпадает сам собою, и тогда минует всякая опасность...

Зная какую большую премию правительство назначило за подобное средство, премию впрочем ещё никем не полученную, мы, при виде этого удивительного талисмана, не изъявили слишком неблагоразумного восторга. *Буни* между тем стал дразнить своих змей. Выбрав громадную кобру, футов в 8 длины [2,44 м], он раздразнил её до бешенства: обвив хвостом пень, она поднялась на дыбы и стала страшно шипеть[1]. Наконец она укусила *буни* за палец, на котором вскоре показалось несколько капель крови. У толпы вырвался единодушный крик ужаса. Но *буни* не торопясь приклеил к пальцу свой камешек, который и пристал к нему как пиявка, и затем стал продолжать свои представления. "У змеи мешок вырезан", заметил полковник из Нью-Йорка; "это просто фарс..." Как бы поняв замечание, *буни*, после небольшой борьбы в ловкости, поймал кобру за шею одною рукой, а другою всунул ей в рот сломанную спичку, установив её перпендикулярно между двумя челюстями так, что они остались разинутыми; затем он стал подносить змею к нам поочерёдно, указывая на убийственную железку с ядом. Но полковник сдался не сразу. "Мешок там, а яду быть может и нет. Почём мы знаем?" Принесли живую курицу и, связав ей ноги, положили возле змеи. Но та отвернулась от жертвы и грозно шипела на *буни*. Тогда, просунув между связанных лап курицы

1 "Шипеть" также неправильное выражение. Змея (кобра по крайней мере) не шипит, а скорее "хрипит"; тяжёлое и громкое дыхание раздувает всё тело её, как грудь у человека.

палку, *буни* стал снова дразнить кобру, пока та, наконец, не укусила несчастную птицу. Слабо закудахтала жертва, встрепенулась раз, другой и окоченела. Смерть была мгновенная…

Вслед за этим произошло нечто столь странное, что можно быть заранее уверенным, что мой рассказ восстановит против себя всех петербургских и московских анти-спиритов и критиков. Но *факты*, даже вследствие самой убийственной критики, не могут перейти в область фикции, а так и останутся фактами. Змея мало-помалу дошла до такого исступления, что видно было, как самому *джадугару* становилось опасно приблизиться к ней. Как бы приклеенная хвостом ко пню, она металась во все стороны передним телом, стараясь укусить что ни попадало. В нескольких шагах от нас показалась собака, и на неё-то теперь *буни* устремил всё своё внимание. Скорчившись на земле, на благоразумном расстоянии от бесновавшейся кобры, он вперил в собаку неподвижный, стеклянный взор и стал напевать что-то сквозь зубы. Собака сразу обнаружила признаки беспокойства: поджав хвост, она было полуобернулась, чтоб уйти, но осталась как бы прикованною к земле. Через несколько секунд собака стала ползти на животе по направлению к *буни*, всё ближе и ближе, слабо визжа и не сводя с него глаз, словно очарованная… Я поняла мысль чародея, и мне стало ужасно жаль бедной собаки; мне хотелось как-нибудь спасти её, разрушить это влияние. Но, к ужасу моему, я почувствовала, что у меня самой язык как бы прилип к гортани, и что мне невозможно было не только встать, но и пошевельнуть пальцем. Эта дьявольская сцена продолжалась, к счастью, недолго. Медленно ползя, собака уже была на пол-аршина [36 см] от кобры: в одно мгновение со страшным шипением змея кинулась на неё и укусила в голову… С жалобным визгом животное упало на спину, задрыгало ногами и менее чем в минуту издохло. Сомневаться в присутствии яда в мешочке становилось долее невозможным. Между тем камешек отпал от ранки, и колдун стал всем показывать свой заживший палец, на котором чуть краснел укол не более как в булавочную головку. Поставив всех своих змей на хвосты и

держа камешек между большим и указательным пальцами, он стал показывать влияние на них своего талисмана. По мере приближения пальцев к головам змей, те подавались всем телом назад; упёршись глазами в камень, они дрожали, наклонялись всё ниже и ниже, пока наконец не падали наземь усыплённые… Затем он предложил скептическому полковнику сделать лично опыт. Несмотря на наши предостережения, этот немедленно согласился, выбрав для первого эксперимента большую кобру. Вооружённый *камнем*, полковник храбро подошёл к ней и поднёс его к голове змеи. Сперва, раздув капюшон, она сделала движение, чтобы кинуться на него, но вдруг остановилась как бы вкопанная и, закинув голову назад, вперила глаза в камешек, которым тот медленно водил по всем направлениям, приближая его постепенно ко лбу змеи и заставляя её крутиться на хвосте. От страха мы положительно не смели двигаться. Когда же камень, а вместе с ним и пальцы полковника приблизились на полвершка [2,22 см] от головы змеи, она вдруг зашаталась всем телом и во все стороны, как пьяная; шипенье делалось всё слабее, капюшон повис по обеим сторонам шеи; глаза стали закрываться. Склоняясь всё ниже и ниже, змея наконец упала наземь, как надломленный сучок дерева, и в свою очередь заснула…

Только тогда мы вздохнули свободно. Отведя колдуна в сторону, мы пожелали купить у него камень, на что он, к нашему удивлению, тотчас же согласился, запросив две рупии. Талисман перешёл в мою собственность и в настоящее время находится у меня в сохранности. *Буни* уверяет (а наш приятель индус подтверждает), что это не камень, а нарост. Его находят в нёбе у кобры, у одной изо ста, между костью верхней челюсти и кожей, покрывающей нёбо. Камешек этот не прикреплён к черепу, а висит отдельно на жилке и может быть вынут посредством простого надреза кожи; но вслед за этою операцией кобра умирает. По словам Бишу-Натха (имя нашего колдуна), подобный во рту нарост делает из владеющей им змеи нечто вроде царя между кобрами. "Такая кобра всё равно

что брамин, дважды рождённый брамин между шудрами[1] (говорил *буни*), и другие кобры повинуются ей. Эти наросты находятся иногда и у одной ядовитой породы жаб, но их действие намного слабее. От укушения кобры найденный в жабе камень необходимо приложить к ранке не позднее как через две минуты; камень же кобры действует до последней минуты: пока сердце не перестало биться он всегда спасёт". Затем *буни* предложил поймать другую собаку, что и было сделано: змея укусила её, а он приложил к ранке камень; собака даже и не заметила укушения, оставаясь очень спокойною, пока он не отнял камня от раны. Прощаясь с нами, *буни* советовал держать "талисман" в сухом месте и остерегаться оставлять его поблизости мёртвого тела, или же оставлять при свете во время солнечного и лунного затмения, иначе он потеряет силу. Затем, в случае укушения бешеной собакой, стоило только положить "камень" в стакан с водой и оставить его в ней на ночь; на другой же день дать больному выпить эту воду, и он выздоровеет.

– Это чёрт, а не человек! – воскликнул полковник, когда буни ушёл в направлении к святилищу Шивы, куда нас, впрочем, не пустили.

– Такой же смертный, как и мы с вами, – заметил, улыбаясь, *раджпут*, – и даже очень невежественный. Только, как почти все эти *serpent charmers*[2], он воспитан браминами во храме Шивы, великого патрона всех змей; там их учат разным "месмерическим фокусам" *практически*, не объясняя им ровно ничего, с целью, чтоб они верили, что всё это производится Шивой, которому они, конечно, и приписывают всю честь своих ч*удес*.

– Но ведь правительство давно уже предлагает премию в несколько тысяч рупий за противоядие от укушения кобры.

1 *Шудры* – низшая из четырёх главных каст: (1) брамины, (2) кшатрии (воины), (3) вайшья (купеческое сословие) и (4) шудры (земледельцы, слуги) Эти четыре касты подразделяются на бесчисленное множество других.

2 Заклинатели змей (англ.). – Прим. ред.

Почему же они не являются за премией, когда каждый год погибает столько народу?[1]

– Брамины никогда не допустят их до этого. Если бы правительство потрудилось вникнуть серьёзнее в статистику смертных случаев от укушения змей, то оно нашло бы, что *ни один индус из секты Шивы не умирал ещё от кобры.* Умирают люди других сект, а своих они спасают.

– Но ведь вот же он нам, незнакомым, и вдобавок иностранцам, открыл секрет. Почему же англичанам не воспользоваться им?

– Потому что для европейцев он совершенно бесполезен. Индусы и не скрывают этого противоядия, ибо знают, что без них никто не в состоянии им воспользоваться. "Камень" сохраняет свою силу лишь при условии быть вынутым из *живой* кобры. Чтобы поймать эту змею живою, необходимо сперва погрузить её в летаргический сон или, как это называется, "очаровать" её. Кто из иностранцев способен на это? Даже между индусами, за исключением воспитанников шиваитских браминов, не найдётся ни одного во всей Индии человека, владеющего этим секретом древности. Одни брамины Шивы, да и то далеко не все, а только исключительно принадлежащие к школе *лже*-Пата́нжали, к школе так называемых аскетов *бхутов* (демонов), имеют монополию. Во всей стране осталось лишь с полдюжины таких школ-пагод, рассеянных по всем пунктам Индии, а их обитатели скорее расстанутся с жизнью, чем выдадут тайну.

– Мы заплатили две рупии за камень, который в руках полковника оказал такое же влияние, как и в руках *буни*. Разве так трудно скупать запасы подобных камней?

Наш приятель засмеялся.

– Через несколько дней талисман в ваших неопытных руках потеряет всю свою целительную силу. Он оттого-то так дёшево и продал вам его, и в эту минуту, вероятно, приносит свой ловкий обман в жертву пред алтарём своего божества. За

1 В Индии ежегодно умирает от *двух* до *трёх тысяч* человек от укушения змеями. В прошлом году погибло от тигров и змей до 15 000 народу.

одну неделю целительного свойства вашей покупки ручаюсь; затем вы можете его смело выбросить за окно.

Мы скоро убедились в истине сказанных слов на деле. Укушенная на другой же день зелёным скорпионом девочка каталась в последних судорогах. Как только мы приложили к ране камень, ребёнок получил немедленное облегчение, а через час уже весело играл, тогда как в случае укушения даже простым чёрным скорпионом люди болеют по две недели. Но когда дней *через десять* после того в Аллахабаде мы пожелали испробовать силу "камня" над бедным кули, которого только что ужалила змея (тут же убитая кобра), *талисман* наш даже и не пристал к ране, а через час несчастный умер.

Я не берусь ни объяснять, ни защищать свойство "камня"; я просто заявляю факт, оставляя его дальнейшую судьбу на произвол судьбы и господ скептиков. Но и в этом мне легко найти много живых свидетелей в Индии. Когда д-р Файрер, только что издавший в свет своё известное во всей Европе сочинение о змеях Индии *Thanatophidia*[1], категорически заявил в нём о своём неверии во все эти пресловутые средства "фокусников" Индии, то случилось следующее. Его повар через неделю или две по появлении его учёного сочинения между англо-индийцами был укушен коброй. Проходивший мимо дома *буни* вызвался спасти несчастного. Именитый натуралист уже приготовился было приказать вытолкать *буни* за порог, как майор Келлей и другие офицеры упросили его "попробовать". Презрительно махнув рукой и объявив, что *через час* его повара всё-таки не станет, доктор согласился. Через час повар стряпал почтенному учёному и его гостям обед на кухне, а сам профессор чуть было не кинул своё новое сочинение в огонь…

День становился страшно знойным; солнце накалило скалы до такой степени, что они жгли ноги даже сквозь толстые подошвы. Мы решились уйти домой, то есть в нашу прохладную пещеру, находившуюся шагах в шестистах от большого храма; там мы собирались провести вечер и ночь. Не

1 Джозеф Файрер (1824–1907) – английский врач, учёный, автор труда «Thanatophidia of India» («Смертельные змеи Индии», 1872). – Прим. ред.

дожидаясь наших спутников индусов, которые отправились на ярмарку, мы пустились в путь одни.

Радда-Бай

Письмо VIII[1]

Пройдя портик у главного входа, мы заметили стоящего отдельно от толпы молодого человека, поразившего нас своею идеальною красотой. То был член секты *садду*, "кандидат во святого", как выразился один из нашей компании.

Эти *садду* отличаются от прочих сектантов. Они не ходят нагими, не покрывают тела мокрою золой, не носят отличительных знаков на лице и лбу и не покланяются идолам. Принадлежа к строгой секте адвайти школы веданты, они признают лишь Парабраму (великого духа). Одетый в довольно приличную светло-жёлтую кисейную рубашку без рукавов, с длинными распущенными волосами, *садду* стоял с непокрытою головой, опёршись локтем на корову, с выросшею у ней из горба "пятою ногой". Это удивительное произведение природы обмахивалось своею пятою ногой, словно рукой, чеша голову копытцем и хлопая им по ней мух. Приняв сперва этот запасный член за фокус, мы очень недоверчиво смотрели как на него, так и на красивого обладателя коровы; но, подойдя ближе, мы убедились, что то действительно была игра шаловливой природы, а не хитрость человека. Мы узнали от хозяина, что это животное было подарено ему магараджей Холькаром[2] и уже два года кормило его своим молоком, единственной его пищей.

Садду – ученики и последователи *радж-йога* обыкновенно секты ведантистов (как уже сказано выше), то есть посвящённых мистиков, совершенно отрешившихся от света и ведущих целомудренную жизнь монахов; они не отличаются

1 Московские ведомости, № 329, 27.12.1879, Особое прибавление, стр. 2-3; Русский Вестник, февраль 1883, Приложение, том 163, с. 77-89.

2 Тукоджи Рао II Холкар XI (1835–1886) – махараджа Индаура. – Прим. А. Д. Тюрикова.

каким-либо особенным костюмом, кроме белого тюрбана и длинных волос. Между *садду* и *буни* (учеников шиваитов) существует смертельная вражда, выражающаяся с одной стороны молчаливым презрением, а с другой – неудачными со стороны *буни* попытками стереть *садду* с лица земли. Эта неприязнь напоминает антагонизм "света и тьмы", нечто вроде дуализма Ахура-Мазды и Аримана у последователей Зороастра. На первых народ взирает как на магов, сынов солнца и божественного начала; на вторых – как на опасных колдунов. Наслышавшись о репутации первых и их "чудодейных" способностях, сгорая любопытством увидеть на деле приписываемые им (даже многими англичанами) *чудеса*, мы очень просили *садду* навестить нас вечером в нашей вихаре. Но красивый аскет наотрез отказался, под предлогом, что мы поселились в храме идолопоклонников, одна атмосфера которых действует на него неприязненно. Видя его непреклонность, мы было пробовали предложить ему денег, но он решительно от них отказался, и мы ушли.

Тропинка, или скорее выем на почти перпендикулярной стене скалы к нашей вихаре, ведёт от главной пещеры вдоль обрыва в 900 футов [274,32 м] глубины. Требуется верный глаз, твёрдая поступь и очень крепкая голова, чтобы при малейшем неосторожном шаге не скатиться в пропасть; тут посторонняя помощь почти бесполезна, так как по этому выему (около двух футов [61 см] ширины) идти двум особам рядом положительно невозможно. Пришлось пробираться гуськом, призывая на помощь всё имеющееся налицо присутствие духа; у некоторых же из нас этот дух находился в бессрочном отпуску. Особенно неприятно было положение нашего американского полковника, весьма полного, близорукого почти до слепоты и, вследствие этого, страдающего головокружением. В виде слабого утешения, мы было затянули хором дуэт из *Нормы* "Moriamo insieme"[1]... и для вящей уверенности, что смерть либо минует всех, либо мы все четверо "умрём вместе", крепко держали друг друга за руки – гуськом; однако полковник нас заставил-таки сильно

1 "Умрём вместе" (итал.) – дуэт Нормы и Адальжизы из оперы "Норма" Винченцо Беллини. – Прим. ред.

перетрусить за него. Мы были уже на полдороги, как вдруг он, оступившись, зашатался, внезапно вырвал руку из моей руки и – покатился вниз… Держась все трое одною рукой за кусты и скалы, мы даже не успели поддержать его другою. Вырвавшийся у нас единодушный крик ужаса замер с первой секунды, когда, обернувшись лицом к пропасти, мы увидели, как, наткнувшись по склону шагах в шести под нами на деревцо, он повис на нём обеими руками и ногами. К счастью, мы знали его за хорошего гимнаста, владеющего к тому же замечательным хладнокровием. Но минута была критическая: тонкий ствол мог каждую минуту сломаться, и наш полковник полететь в бездну. Мы уже стали было кричать о помощи, как вдруг, будто выросши из недр горы, нам предстал таинственный *садду* со своею коровой…

Оба шли футах в двадцати [6,1 м] под нашими ногами, по невидимым выступам скал, где, казалось, негде было укрепить и детской ноги – шли также беспечно и уверенно, как если бы вместо отвесной скалы они шли по широкой шоссейной дороге. Подняв голову, *садду* закричал висевшему над его головой полковнику держаться крепче, а нам не трогаться с места. Ласково потрепав "пятиногую" по шее, он снял с неё верёвку, всё время тихо напевая что-то вроде "мантры"; затем, взяв её обеими руками за голову, направил её в нашу сторону и, защёлкав языком, спокойно сказал ей: "чал!" (иди!) В одно мгновение, запрыгав, словно дикая коза, вверх по скалам, корова очутилась немного впереди нас, где и стала на тропинке, как вкопанная. Сам же *садду*, по-видимому, с такою же ловкостью полез к дереву, и обмотав полковника верёвкой за пояс, сперва поставил его на ноги, а затем, поднявшись выше на тропинку, одним взмахом сильной руки втащил его за собою, немного бледного и потерявшего лишь своё *pince-nez*[1], но отнюдь не присутствие духа.

Происшествие, грозившее было окончиться трагедий, заключилось комедией.

– Ну, как тут быть? закричали мы все. – Мы вас не отпустим одного далее…

1 Пенсне (фр.). – Прим. ред.

Солнце уже склонялось к западу и становилось опаснее, чем когда-либо, терять время. "Чрез несколько минут станет темно, и тогда мы все погибнем", заметил секретарь полковника, Эдвард У***. Между тем наш *садду*, не понимавший, по-видимому, ни слова по-английски, опутав снова шею своей коровы верёвкой, стоял неподвижно на повороте тропинки. Его высокая, тонкая фигура, возвышаясь над пропастью, словно висела на воздухе; одни развевающиеся по ветру длинные чёрные волосы заставляли помнить, что пред нами стоит живой человек, а не великолепное бронзовое изваяние. Забыв только что миновавшую опасность и наше положение, мисс Б., художница по призванию и страстная почитательница всего артистического, громко воскликнула: "Вы только взгляните на этот чисто греческий, величественный профиль!.. Посмотрите на позу этого человека… Как он весь отделяется на золотисто-голубом фоне неба. Это греческий Адонис[1], а не индус"… Но "Адонис" первый прервал этот восторг. Он медленно повернулся к нам, взглянул мельком, не то кротко-насмешливым, не то презрительным взором на выпучившую на него глаза мисс Б***, и произнёс своим тихим певучим голосом на языке хинди:

– Маха-саиб (великий саиб, господин) не может идти далее без помощи чужих глаз; его глаза – враги саиба. Пусть саиб сядет на мою корову; она никогда не оступится…

– Чтоб я сел верхом на корову, да ещё вдобавок и пятиногую? никогда! – воскликнул бедный полковник с таким растерянным видом, что мы все покатились со смеху.

– Лучше саибу сидеть на корове, нежели лежать на *читте*[2], – серьёзно и также кротко заметил *садду*. – Зачем приближать час, который ещё не пробил?

Делать было нечего, и мы наконец уломали полковника. Осторожно и ловко посадив его на корову и посоветовав

1 Адонис – бог плодородия и возрождающейся природы в древнефиникийской мифологии, распространившийся также в Греции и позднее в Риме. Адонис славился своей красотой, в него влюбляется богиня любви Афродита. – Прим. ред.

2 *Читта* – костёр, на котором сжигают покойников.

держаться покрепче за её пятую ногу, индус повёл её на верёвке вперёд, а за ним поплелись и мы.

Чрез минуты две мы уже стояли на крытом крыльце или – по-здешнему – веранде, идущей глубоко внутрь скалы вихары, где и нашли наших вернувшихся другою тропинкой индусов. Рассказав им о происшествии, мы повернулись, ища глазами *садду*. Но он уже успел исчезнуть со своею коровой…

– Не ищите его, он ушёл другою, одному ему известною дорогой, – небрежно заметил Гулаб-Синг. – В вашей благодарности он вполне уверен, а денег ваших ему не нужно. Он *садду*, а не *буни*, – добавил он с гордостью.

Мы вспомнили, что наш гордый приятель сам принадлежит к секте садду[1].

– Кто знает, – шепнул мне полковник, – быть может и правда, что о нём говорят?

В главной зале вихары, в трёх стенах которой были прорыты двери в 12 меньших келий, находилось высеченное в скале в натуральный рост изображение Бавани (богиня Шивы). Из утробы "дэваки" струились чистые, прохладные воды горного родника, падавшие в бассейн у ног её. Кругом лежали кучи жертвоприношений: цветы, рис, бетель и ладан. Там было так сыро, что мы предпочли остаться ночевать на воздухе. Таким образом мы провели эту ночь на веранде, вися, можно сказать, между небом и землёй, освещаемые снизу огнями пылавших костров, зажжённых слугами Гулаб-Синга на страх диким зверям, а сверху – светом полной луны. Эта обстановка, ужин в чисто-восточном вкусе, на полу, на разостланных коврах и на толстых банановых листьях вместо тарелок; скользящие неслышными шагами, как немые тени, босые служители в белых кисейных драпировках и красных тюрбанах; пред нами беспредельная глубь, теряющаяся в волнах лунного сияния, а за нами тёмные своды вековых пещер, вырытых неизвестною расой, в неведомые времена и

1 "Садду-Нанака" не следует смешивать с сектой сикков последователей "Гуру-Нанака": первые – ведантисты "Адвайты"; последние – монотеисты. *Адвайты* признают лишь "Парабраму", *безличное* божество. *Авт.*

неведомо в честь какой доисторической религии, – всё это переносило нас в непривычный мир, в другие далёкие эпохи… Вот пред нами сидят пять представителей пяти различных народов, пяти совершенно разных типов и в пяти разнообразных костюмах. Все пятеро известны в этнографии под генерическим[1] названием *индусов*, вроде того как орлы, грифы, ястреба, коршуны и совы известны в орнитологии за "хищных", но представляют между собою такую же разницу. Каждый из этих пяти собеседников – раджпут, бенгалиец, мадрасец, сингалезец и махрат – потомок рас, о началах и происхождении которых европейские учёные спорят уже более полувека, не приходя ровно ни к какому между собою соглашению.[2] Несмотря ни на что, показания самих народов отвергаемы по большей части потому только, что они не

1 Родовым (фр. générique). – Прим. ред.

2 *Раджпутов*, например, называют индусами и причисляют их к арийскому племени, тогда как сами они называют себя *Сурьяванза*, т. е. потомки *Сурьи* (солнца), а брамины ведут свой род от *Инду* (луны) и называются *Индуванза*. (*Инду*, *сём*, *чандра*, по-санскритски – луна). Если первые арийцы, появляющиеся в прологе истории – брамины, т. е. тот народ который по решению Макса Мюллера перевалив через Гималаи покорил страну "Пяти рек", то раджпуты не арийцы, а если арийцы то не брамины, так как все их родословные и священные книги *Пуран* показывают, что они гораздо древнее браминов; и в таком случае племена арийские существовали в других странах света, кроме знаменитого *Оксуса* (*Oxus*), колыбели *немцев*, *прародителей арьан* и *индусов* по фантазии упомянутого учёного и его немецкой школы. "Лунная" линия начинается *Пурурвой* (по родословной, составленной полковником Тодом с рукописей "Пуран" с архивов Уйдепура), т. е. за 2 200 лет до Р. Х. и гораздо позднее Икшваки (Ichswaka), прародителя сурьянанз. Четвёртый сын Пурурва, Рех, стоит во главе линии лунного племени и только в 15 колене после него является Харита, основавший "Каузику-Готру" или "*племя браминов*". Последних раджпуты не терпят: "Дети *Солнца* и *Рамы* не имеют ничего общего с детьми *Луны* и *Кришны*, говорят они; бенгальцы же, по их преданиям и истории, аборигены. А мадрасцы и сингалезцы – дравиды, которых по очереди причисляли к семитам, хамитам, арийцам, и наконец, предали воле Божьей, заключив, что по крайней мере сингалезцы должны быть монголы или туранского племени. Махраты – аборигены западной Индии, как бенгальцы восточной. Но к какой группе племён принадлежат эти две народности, за это не поручится ни один этнограф, кроме разве немца.

гармонируют с предвзятыми понятиями; смысл древних рукописей их перековеркан и факт отдан в жертву фикции, коль скоро последняя исходит из уст неких излюбленных оракулов. Невежественный народ часто обвиняется в суеверии по той лишь причине, что создаёт себе вымышленных идолов в мире духовном; а между тем образованный мир, мир жаждущий познаний, мир просвещённый, поступает в отношении к своим авторитетам ещё глупее обвиняемого им народа. Предоставив полдюжине увенчанных лаврами учёных право извращать факты по-своему, выводить собственные заключения по личному усмотрению, он побивает камнями каждого, кто осмелится восстать против резолюции этих якобы непогрешимых специалистов, называя его невеждой и глупцом. Вспомним, например, случай с Луи Жаколио, прожившим двадцать лет в Индии, изучившим в совершенстве язык и страну и смешанным однако же с грязью Максом Мюллером, чья нога никогда не была в Индии.

Самые древние народы Европы являются ребятами, еле вышедшими из пелёнок в сравнении с племенами Азии, особенно в Индии. И, Боже мой, как жалки и бедны кажутся генеалогии самых старинных европейских фамилий сравнительно с генеалогий некоторых раджпутских семейств! По мнению полковника Тода, более двадцати лет изучавшего их на месте в Раджастхане, эти родословные, ведущие свои записи от 1000 до 2200 лет до Р. Х. и подтверждаемые во множестве случаев греческими писателями, являются самыми совершенными и самыми безошибочными между родословными всех древних народов. После долгих и тщательных разысканий и сравнений с ними *Пуран* и разнообразных надписей на памятниках, Тод пришёл к заключению, что в одних рукописях Удайпурского архива (ныне уже кем-то припрятанных) найдётся ключ не только к истории Индии, но и ко всемирной древней истории. Вот что, между прочим, говорит он по этому поводу: "Дабы отыскать этот ключ, мы не должны следовать легковерному примеру многих археологов, незнакомых с Индией и потому воображающих, будто истории Рамы, Махабхараты, Кришны и пяти братьев Панду суть одни

лишь "аллегории". Тот, кто пожелает серьёзно вникнуть в их легенды, очень скоро убедится, что эти так называемые "басни" все до одной основаны на фактах истории, доказательством чему служат потомки их героев, племена, древние города и до сей поры существующие монеты. Разберём сперва надписи на колоннах *Инды-Престхы*, *Пурага* и *Мевара*, на скалах *Джунагура* в Биджоли, на *Аравули* и в древних, рассеянных по всей Индии джаинских храмах, где мы находим столько надписей на языке, до сей поры нам неизвестном языке, в сравнении с которым самые иероглифы являются игрушкой, – и только тогда мы получим право выразить наше окончательное мнение".

А между тем профессор Макс Мюллер, который, как сказано выше, никогда и не заглядывал в Индию, судит и рядит и устанавливает для неё хронологические таблицы по собственному усмотрению. Европа, принимая его слово за слово оракула, беспрекословно подчиняется его решениям. *Et c'est ainsi que s'ecrit l'histoire*...[1] Говоря о хронологии почтенного немецкого санскритолога, не могу утерпеть, чтобы не показать (хоть бы России), на каких хрупких началах основаны все его учёные доводы и как мало мы можем придавать веры его исчислениям, когда дело идёт о давности той или другой рукописи. Быть может, что в этом поверхностном описании Индии, не имеющем ни малейшей претензии на учёность, сказанное мною покажется не идущим к делу; но в России, как, впрочем, и во всей Европе, об этом филологическом светиле судят лишь по знакам восклицания и одобрения его подобострастных последователей, а Веды Башии[2], например, суами Дайананда не читают, да может никогда и не слышали об этом сочинении, что профессору Максу Мюллеру, конечно, весьма на руку. Постараюсь передать суть дела как можно короче.

В своём санскритском сочинении *Sahitya Grantha* профессор Макс Мюллер, указывая, что арийское племя в Индии

1 И так пишется история (фр.). – Прим. ред.

2 Перевод *Вед* на язык хинди с комментариями и объяснениями. Это первый полный перевод.

приобрело свои понятия о Боге постепенно и чрезвычайно медленно, желает этим доказать, что *Веды* совсем не такое древнее писание, как это утверждают некоторые из его коллег. Представив затем более или менее веские доказательства и подтверждение этой новой теории, он заключает их неопровержимым, по его мнению, фактом, указывая в *Мантрах* на слово *hirannya-garbha*, которое он переводит словом "золото", и при этом добавляет, что так как отдел *Вед*, называемый *Chanda*, появился 3100 лет тому назад,[1] то отдел *Мантр* не мог быть написан ранее 2900 лет. При этом он рассекает филологически и хронологически *Мантру* ("Agnihi Poorwebhihi" etc.), в которой он находит выражение *hirannya-garbha* и затем торжественно уличает оное в анахронизме: "о *золоте* древние народы не имели никакого понятия (говорит он), стало быть, если в *Мантре* говорится о золоте, то эта *Мантра* сочинена и эпоху сравнительно современную" и пр.

Но тут именитый санскритолог сильно обрывается. Суами Дайананд доказывает, а за ним и другие учёные пандиты и даже самые ему неприязненные подтверждают, что Макс Мюллер совершенно не понял значения термина "Hirannya". Первоначально оно вовсе не означало, а в соединении со словом *garbha* и теперь не означает "золота" – слова современного и не существующего на старом санскритском языке *Вед*. Таким образом, все блестящие доводы профессора так и пропадают даром; слово *Hirannya* в этой *Мантре* должно переводить "божественный свет", символ познания (в мистическом смысле), подобно тому, как у алхимиков "свет" назывался *сублимированным золотом*, из лучей которого они надеялись составить объективный металл. А в соединении со вторым словом – *Hirannya-garbha* (буквально *светозарное чрево*), означает в *Ведах* первоначальный принцип, в утробе коего (как золото в утробе земной) покоится свет божественного познания и истины, эссенция освобождённой от греховного мира души. В *Мантрах*, как и в *Чандах*, постоянно следует

1 *Веды* разделяются на две части: на *Чанды* (стопы, стихи и пр.), и на *Мантры* (молитвы, ритмические гимны и вместе с тем заклинания в их применении белой магией).

искать двоякий смысл: (1) чисто-метафизический и отвлечённый и (2) чисто-физический, так как земное или существующее на земле тесно связано с миром духовным, из которого исходит и которым снова поглощается. Например, *Индра* бог грома, *Сурья* – бог солнца, *Уаю* – бог ветра, и *Агни* – бог огня; все четверо, подвластные этому первоначальному божественному принципу, исходят, по учению *Мантры*, из утробы *Hiranya-garbha*. В этом случае они (боги), подвластные единому принципу, суть духи или олицетворённые силы природы. Но посвящённые в таинство адепты Индии весьма хорошо понимают, что вместе с этим бог *Индра*, например, просто звук, происходящий от столкновения электрических сил, или, вернее, само электричество; *Сурья* не бог солнца, а центр огня в нашей системе – эссенция того, из чего проистекают огонь, тепло, свет и т. д., то есть именно то, чего никто, даже из наших великих ученых, лавирующих между Тиндалем и Шрёпфером, не умел ещё определить… Этого-то тайного смысла профессор Мюллер и не сумел доискаться, вследствие чего он и рубит сплеча, придерживаясь одной мёртвой буквы. Каким же образом позволяет он себе определять давность *Вед* по собственным выводам и заключениям, когда он ещё так несовершенно понимает язык этого древнего писания?..

Вот сущность ответа суами, к которому мы и отсылаем г-д санскритологов, если они только потрудятся заглянуть в его *Rigvedadi Bhashya Bhoomika*[1] (книга 4, стр. 76).

В эту ночь все мои спутники, кроме меня, спали как убитые. Свернувшись возле догорающих костров, они нимало не обращали внимания ни на гул доносившихся с ярмарки тысяч голосов, ни на продолжительный, глухой, словно раскаты далёкого грома, рёв тигров, поднимавшийся из долины, ни даже на громкое моление пилигримов, шествие которых по узкому карнизу скалы, с которого мы чуть было не слетели днём, продолжалось взад и вперёд всю ночь. Они приходили партиями по два, по три человека; иногда шли одинокие женщины. Так как им не было доступа в большую

1 Это периодическое ежемесячное издание, вероятно получается в России, в С.-Петербургской Академии.

вихару, на веранде которой мы лежали, то, поворчав, они отправлялись в боковую келью, нечто вроде часовенки, с изображением Дэваки-Мата (богини матери) и с наполненным водою *танком*. Подойдя к дверям, пилигрим простирался на земле, клал приношение у ног богини и затем или окунался в "святую воду очищения", или же, зачерпнув рукой воды из *танка*, мочил себе лоб, щеки, грудь; потом снова простирался и шёл уже назад, спиной к дверям, где опять простирался, пока с последним воззванием к "мата, маха мата!" (матери, великой матери!) окончательно не исчезал в темноте. Двое слуг Гулаб-Синга, с традиционными копьями и щитами из носорожьей кожи, получив приказание охранять нас от диких зверей до рассвета, сидели на ступеньке над пропастью. Не в состоянии уснуть, я следила за всем окружающим с возрастающим любопытством. Не спал в ту ночь и такур. Каждый раз, как я полуоткрывала отяжелевшие от усталости веки, мне бросалась в глаза гигантская фигура нашего таинственного друга...

Поместясь по-восточному (с ногами) на одной из высеченных в скале скамеек, у самой окраины веранды, он сидел неподвижно, обвив обеими руками приподнятые колена и вперив глаза в серебристую даль. Раджпут сидел так близко к краю, что малейшее неосторожное движение, казалось, должно было свергнуть его в зиявшую у ног его пропасть. Но он двигался не более стоявшей наискось от него гранитной богини Бхавани. Обливавшее всё впереди его сияние месяца было так сильно, что чёрная тень под нависшею над ним скалой делалась ещё непроницаемее, оставляя его лицо совершенно во мраке. Только вспыхивавшее по временам яркое пламя догорающих костров, обливая тёмно-бронзовое лицо горячим отсветом, дозволяло порой разглядеть неподвижные черты сфинксоподобного лика, да как угли светящиеся, такие же неподвижные глаза.

что это? спит ли он или замер? Замер, как замирают посвящённые *радж-йоги*, о которых он сам рассказывал утром... О Боже мой! хоть бы заснуть!.. Вдруг громкое продолжительное шипенье, раздавшееся у самого уха, как бы из-под сена, на котором мы свернулись, заставило меня внезапно вскочить с

какими-то неясно определёнными воспоминаниями о "кобре". Затем пробило раз, другой… То был наш американский дорожный будильник, как-то нечаянно попавший под сено. Сделалось и смешно, и стыдно за невольный испуг.

Но ни шипенье, ни громкий бой часов, ни моё быстрое движение, заставившее мисс Б*** сонливо приподнять голову, не пробудили Гулаб-Синга, который всё также висел над пропастью, как и прежде. Прошло ещё с полчаса. Несмотря на долетавший издалека гул празднества, всё кругом было тихо и неподвижно; сон бежал от меня всё более и более. Подул свежий предрассветный и довольно сильный ветер, разом зашелестевший листьями и вскоре закачавший кругом нас вершинами торчавших из бездны деревьев. Всё моё внимание было теперь сосредоточено на группе трёх сидевших предо мною раджпутов: на двух щитоносцах и их господине. Не знаю почему, но оно было особенно привлечено в эту минуту длинными развивавшимися по ветру волосами слуг, сидевших сбоку веранды и более защищённых от ветра, нежели их *саиб*. При взгляде в его сторону, мне показалось, будто вся кровь у меня застыла в жилах: висевшую возле него и крепко привязанную к колонне кисейную вуаль (*топи*) хлестало со всех сторон ветром; длинные же волосы *саиба* лежали неподвижно, словно приклеенные к плечам: ни один волос не шевелился, ни малейшего движения в лёгких складках обвивавшей его белой кисеи; изваянная статуя не может казаться неподвижнее…

Да что ж это такое? Бред, галлюцинация или изумительная, непонятная действительность? Крепко зажмурив глаза, я было решилась не глядеть долее. В эту минуту что-то захрустело в двух шагах от ступени, и длинный чёрный силуэт – не то собаки, не то дикой кошки – ясно очертился на светлом фоне неба. Животное стояло на краю обрыва боком, и высокий, трубою хвост то подымался, то опускался в воздухе… Оба раджпута быстро, но неслышно встали и повернули голову к Гулаб-Сингу, как бы ожидая приказаний… Да где же сам Гулаб-Синг? На месте, где за минуту до того он так неподвижно сидел, никого не оказалось; лежала лишь одна сорванная ветром

топи… Страшный, продолжительный рёв вдруг оглушил меня, заставив вскочить на ноги; рёв этот, проникнув в вихару, казалось, разом пробудил уснувшее эхо и отозвался глухими раскатами вдоль всего обрыва. Господи… тигр! Не успела эта мысль ещё ясно сложиться в уме моём, как захрустели деревья, и словно чьё-то тяжёлое тело покатилось в пропасть. Все мгновенно вскочили; мужчины схватились за ружья и револьверы; произошла страшная суматоха…

– что с вами? – раздался спокойный голос Гулаб-Синга со скамьи, где он снова сидел, как ни в чём не бывало. – что это вас всех испугало?

– Тигр! Ведь это был тигр? – посыпались вопросы европейцев и индусов. Мисс Б*** дрожала, как в лихорадке.

– Тигр, или что другое, теперь это для нас очень мало значить. что бы оно ни было, теперь оно лежит на дне пропасти, – отвечал, зевая, раджпут. – Вы, кажется, особенно встревожены? – добавил он с лёгкою иронией в голосе, обращаясь к истерически рыдавшей англичанке, которая видимо колебалась, упасть ли ей в обморок дли нет.

– И почему это правительство не уничтожит всех этих ужасных зверей? – всхлипывала наша мисс, вполне веровавшая во всемогущество своего правительства.

– Вероятно потому, что наши *повелители* приберегают порох на нас самих, делая нам честь считать нас опаснее тигров, – отрезал Гулаб-Синг.

Чем-то грозным и вместе насмешливым звучало это слово "повелители" в устах раджпута.

– Но каким же образом вы отделались от "полосатого"? – допытывался полковник. – Разве кто стрелял?

– Огнестрельное оружие только у вас, европейцев, считается *единственным* или, по крайней мере, *самым верным способом* одолевать диких зверей. У нас, дикарей, есть и другие средства, даже более опасные, – пояснил *бабу* Нарендро Дас-Сен. – Вот когда вы приедете к нам в Бенгалию, то будете иметь хороший случай познакомиться с тиграми; они приходят к нам непрошеные и днём и ночью, даже в городах…

Начинало светать, и Гулаб Синг предложил спуститься вниз и до первых жаров осмотреть другие пещеры и развалины крепости. В пять минут всё было готово к завтраку, и в половине четвёртого мы отправились другой, более покатой дорогой в долину, на этот раз без особенных приключений. Только махрат, не говоря ни слова, отстал от нас и исчез.

Радда-Бай

Письмо IX[1]

Осмотрев Логарх[2], крепость, взятую Сиваджи в 1670 году у могулов, и ныне разрушенные покои, где вдова Нана Фарнавизы[3] под предлогом протекции и 12 000 рупий пенсии со стороны Англии, сделалась *de facto* пленницей генерала Уелезлея (Wellesley)[4] в 1804 году, мы поехали в богатую и когда-то укреплённую деревню Варгаон. Там мы решили переждать знойные часы (от 9 утра до 4 пополудни) и потом ехать в исторически знаменитые пещеры Бирзы и Баджах, милях в трёх [4,83 км] от Карли.

Варгаон знаменит двумя постыдными для англичан событиями. Значительной силы войско было там побито горстью махратов 12 и 13 января 1779 года. Тогда бомбейский губернотор Горнби, сговорившись с бывшим пешвой[5], Рагхунатом Рао, утвердить его регентом в Пуне с четырьмя тысячами войска, из которых 600 человек были англичане, послал привести в силу этот договор президента совета

1 Московские ведомости, № 332, 31.12.1879, стр. 2-3; Русский Вестник, февраль 1883, Приложение, том 163, с. 89-96.

2 Лохагад («Железный форт») – горная крепость в штате Махараштра, Индия. – Прим. ред.

3 Нана Фарнавиза был первым министром пешвы, молодого Махадэва Рао, которого он так строго держал в руках, что тот, после публично полученного от него выговора, утром 26 октября 1796 г., бросился вниз с террасы своего замка, в Пуне, и умер.

4 Ричард Колли Уэсли (1760–1842) – британский государственный деятель, генерал-губернатор британских владений в Индии (1797–1805). – Прим. ред.

5 *Пешва* – маратхский титул, отвечающий современному премьер-министру. – Прим. ред.

Карнака[1], который осрамил и своё отечество и честь Ост-Индской компании, изменив и регенту, и своему правительству. Испуганный небольшою армией махратов, под начальством Наны Форнавизы, Синдьи и Тукаджи Холькара, Карнак сперва приказал отступать, а потом вошёл с торжествующими махратами в самую постыдную сделку, изменив этим пешве и заранее приготовляясь изменить и своим новым союзникам. Окружённый неприятелем, он побросал в озеро пушки, амуницию, и приказал людям *спасаться* ещё до боя, оставляя свой арьергард на произвол атаковавшим его махратов: 15 английских офицеров были убиты в тот день. Полковник Кокбёрн, решив что сражение проиграно и сами они во власти неприятеля, первый посоветовал Карнаку сдаться. Тогда Карнак послал офицера капитулировать, и по словам Грант Дёфа (*Mahrathas*, Vol. II, p. 363) "не постыдился послать бомбейскому губернатору письмо, в котором утешал его тем что все уступки и обещания сделанные в тот день махратам были сделанным с *тайным между англичанами соглашением не приводить их в исполнение.* Поэтому как только доблестный комитет дипломатов перевалил через горы и увидел себы в безопасности, все обещания, которым махраты поверили без колебания, полетели тотчас же на ветер. Остановленная было вспомогательная армия была призвана из Бенгалии; Синья не получил ни гроша из обещанной суммы, и многие из заложников были преданы смерти. Люди "избранной высшей расы" ещё раз доказали превосходство своих цивилизованных понятий о чести над предрассудками коричневых "дикарей". [2]

1 Джон Карнак (1716–1800) – британский бригадный генерал, трижды назначался главнокомандующим войсками в Индии, член Совета в Бомбее. – Прим. ред.

2 Один из последних в этом роде политико-дипломатических фокусов, но один из самых неблаговидных, иудопредательских, был совершён нашими друзьями англичанами в 1857 году. Во время мятежа. Изо всех независимых и опасных для них принцев, махараджа Синдья оставался наиболее преданным и верным англичанам. Понадобилась им – в виду собственной безопасности от сипаев Синдьи, которых тот насилу сдерживал, – известная своей силой и неприступностью крепость расположенная на горе почти над самым дворцом махараджи. Эту крепость англичане никогда не

Часа в два пополудни, когда, обвеваемые огромными протянутыми через всю длину комнаты *панками*, мы, несмотря на то, сильно охали от жары, неожиданно предстал нам исчезнувший с дороги приятель наш – махратский брамин. Сопровождаемый полдюжиной дакни (жителей Деканского плато), он тихо ехал верхом, сидя почти на ушах лошади, которая фыркала и очень неохотно шла; когда же он подъехал к крыльцу веранды и спрыгнул с коня, мы увидали в чём дело: поперёк седла лежал, волоча по земле хвост, громадный тигр. Из полуоткрытой пасти висела кусками запёкшаяся чёрная кровь. Его сняли и положили у порога.

"Неужели это наш ночной посетитель?" – мелькнуло у меня в уме. Я взглянула на ГулабСинга. Он лежал в углу на ковре, опёршись головой на руку, и читал; брови его слегка нахмурились, но он не произнёс ни слова. Молчал и брамин, привёзший тигра, тихо отдавая приказание, словно он приготовлялся к торжественному таинству. По народному суеверию, то было действительно "таинством", как мы это скоро узнали…

Клочок шерсти тигра, убитого не пулей или каким-либо холодным оружием, а *словом*, считается самым верным талисманом против нападения ему подобных. "Такие случаи чрезвычайно редки, говорил нам махрат, так как чрезвычайно трудно встретить человека, обладающего этим *словом*. Отшельники *йоги* и *садду* не убивают их, считая убиение даже тигра и кобры грехом, а просто отстраняют от себя зверей. Есть

успевали взять, да и не пытались. Пользуясь благорасположением Синдьи и его искренним желанием помочь *союзникам*, они выпросили крепость у него *на время*, поклявшись *честным словом* очистить её тотчас же по подавлении мятежа. Синдья – истый махрат, то есть жёсткий и неумолимый со врагом, но готовый пожертвовать жизнью дабы исполнить раз данное союзнику и другу слово. Он согласился. Англичане овладели знаменитою крепостью, в которую их ввёл сам махараджа: мятеж усмирили, а через год он стал просить правительство отдать ему назад крепость. Но вот уже прошло 22 года, а англичане, под разными предлогами, всё ещё "не сдали квартиры", откуда им так удобно наблюдать за их любезным *союзником*. А теперь, как известно, затевают даже уничтожить и армию Синдьи.

только одно братство в Индии, члены коего обладают всеми секретами и для которых нет в природе тайн… А что тигр был убит не вследствие падения со скалы (они никогда не оступаются), не пулей и не каким-либо другим орудием, а просто *словом* Гулаба Лалл Синга, то в этом нам порукой тело самого зверя". "Я нашёл его очень скоро", продолжал рассказывать брамин, "в кустах, где он лежал, прямо под нашею вихарой, и у подножия скалы, с которой он скатился вниз уже мёртвым… Гулаб Лалл Синг, – ты радж-йог, и я тебе кланяюсь!..", добавил гордый брамин, присоединяя дело к слову и простираясь пред такуром на землю.

– Не говори пустого, Кришнарао! – перебил его Гулаб-Синг. – Вставай, и не представляй из себя *шудры*… Тигр просто свалился со скалы и сломал себе при падении шею. Иначе нам пришлось бы употребить в дело оружие, а не *слова*…

– Повинуюсь тебе, саиб, но… прости, что верю всё-таки *в своё*… Ни один *радж-йог* ещё не сознавался, что он принадлежит к *братству*, с тех пор как существует гора Абу[1].

Он стал оделять нас клочками шерсти, вырываемой им у мёртвого зверя. Все молчали. Со странным чувством любопытства я стала наблюдать над группой моих спутников. Полковник (президент нашего общества) сидел, потупив глаза в землю и очень бледный; секретарь его, мистер У***, курил сигару и лежал навзничь, вперив холодные, ничего не выражающие глаза в потолок. Он молча принял клочок шерсти и спрятал его в портмоне. Индусы стояли над тигром, а сингалезец чертил какие-то кабалистические знаки на лбу у зверя. Один Гулаб-Синг продолжал лежать, спокойно читая в углу. Мисс Б*** тихо предложила мне вопрос: "Знает ли *наше* правительство о существовании этого *братства*, и дружелюбно ли расположены *радж-йоги* к англичанам?"

– О, чрезвычайно дружелюбно! – серьёзно отвечал раджпут, прежде чем я успела раскрыть рот, – если они только существуют: одни радж-йоги мешали до сей поры индусам перерезать всем вашим соотечественникам горло; удерживая их… *словом*.

1 Абу – священная гора в индийском штате Раджастхан. – Прим. ред.

Англичанка не поняла.

Наши психологические исследования в Индии начинались, по-видимому, хорошо, обещая столь же богатую нашему обществу жатву, как и археологические.

Пещера Бирзы – около шести миль [9,66 км] на юго-запад от Варгаона, вырыта по тому же плану, как и Карли. Сводообразный потолок храма поддерживается двадцатью шестью колоннами, 18 футов [5,49 м] вышины, а портик – четырьмя в 28 футов [8,53 м], над коими высечена замечательной красоты группа лошадей, быков и слонов. Зала "посвящения", огромная овальная комната с колоннами и одиннадцатью кельями, идущими внутрь скалы. Пещеры Баджа древнее и красивее. Там сохранились надписи, доказывающие, что все эти храмы были высечены буддистами, или скорее джаинами. Нынешние буддисты признают, как известно, лишь *одного* Будду – Гаутаму, принца Капилавасту (VI века до Р. Х.), а джаины считают и признают за Будду каждого из своих двадцати четырёх (*Тиртанкара*) божественных учителей, из коих последний был учителем (*gourou*) Гаутамы. Это разногласие чрезвычайно мешает верному определению древности некоторых вихар или *чаитий*. Секта джаинов неизвестной и глубокой древности; поэтому имя *Будды*, упоминаемое на надписях и таблицах, может относиться как к последнему, так и к первому Будде, жившему (по генеалогии, составленной Тодом) гораздо ранее 2200 лет до Р. Х. Первая надпись, например, в пещере Беире (гвоздеобразная) гласит так:

> "Аскетом из Назики, уподобленному очищенному от грехов *святому* Будде, первобытному, небесному и великому".

Решают, что эта пещера вырыта буддистами.

Вторая надпись в той же пещере, над другою кельей, содержит в себе следующее:

> "Благоугодный дар небольшого приношения движущейся силе (жизни), умственному принципу (душе), многолюбимому вещественному телу, плоду

> Ману, бесценной драгоценности, высшему и присутствующему здесь Небесному".

Выходит, что постройка принадлежит не буддистам, а браминам, признающим Ману.

Или вот ещё эти две надписи (из пещеры Баджа):

> 1) "Благоугодный дар символа и колесницы (вместилища) грехоочищенного Сака-Сака".
> 2) "Дар вместилища Радды (жены Кришны, символ совершенства) Сугате, навеки ушедшему"

Сугата опять одно из имен Будды. Опять противоречие!

Здесь, возле Варгаона, после сражения Кхирхи, махраты схватили капитана Вогана (Vaughan) и брата его, которых и повесили.

На другой день мы поехали в Чинчор, или по здешнему Чинчвод. Это место знаменито в религиозных записях Деккана, так как здесь в миниатюре повторяется то же что совершается на большую ногу в Лласе, в Тибете: как Будда воплощается в каждого нового Далай-Ламу, так здесь Шива дозволяет сыну своему *Гёнпати* (богу мудрости с головой и хоботом слона) воплощаться в старшего сына того или другого браминского семейства. Тут ему выстроили богатый храм, и более двухсот лет в нём живут и принимают поклонения *аватары* (воплощения) *Генпати*. Дело было так:

Около 250 лет тому назад, бедная чета браминов получила во сне от бога мудрости обещание, что он воплотится в их старшего сына. Мальчик был назван в честь бога *Маробой* (один из его титулов). Мароба вырос, женился и нажил несколько сыновей. Затем бог повелел ему во сне оставить свет и поселиться в пустыне. Там, в продолжение 22 лет, Мароба, творил по преданиям, удивительные вещи, и слава его стала расти. Он поселился в непроходимой джонгле[1], в углу дремучего леса покрывавшего в те времена Чинчвод. *Гёнпати* явился ему ещё раз и обещал вселяться в его потомков в продолжение семи поколений. Чудесам его нет границ; его стали наконец боготворить и построили ему этот великолепный храм.

1 В ред. 1879 года: "джангле". – Прим. ред.

Наконец Мароба приказал похоронить себя живого, в сидячем положении и с книгой в руке, строго завещав никогда не открывать его гробницы, грозя ужасным проклятием ослушнику. После похорон Маробы, *Гёнпати* воплотился в его старшего сына; тот в свою очередь стал также кудесить. Таким образом Мароба Део (бог) I был замещён Чинтамоном Део I. У этого бога было восемь жён и восемь сыновей; старший из них, Нараян Део, производил такие фокусы, что слава его дошла до императора Аламгира[1]. Дабы испробовать меру его божественности Аламгир послал ему в дань кусок коровьего хвоста (самое греховное прикосновение индуса), завёрнутого в богатейшие материи и платья. Когда последние были развёрнуты, Нараян окропил их водой и вместо греховного хвоста, в узле нашли букет жасмина. Император был так доволен этим превращением, что даровал богу в вечные времена восемь деревень для его содержания. Нараяну наследовал Чинтамое Део II, а ему Дармадхар и наконец Нараян II. Последний навлёк на себя проклятие *Гёнпати*, разрыв могилу Маробы. Поэтому сын его (последний из богов) и умирает теперь без наследника… Мы увидели сидящего на возвышении старика лет девяноста. Его голова тряслась, а глаза, вследствие постоянное потребления опиума, бессмысленно были устремлены на нас, ничего не видя. В ушах, на шее и на пальцах ног блестели драгоценные камни, а вокруг валялись жертвоприношения. Нас заставили снять обувь прежде чем подойти к этой разрушающейся святыне.

В тот же вечер мы вернулись в Бомбей. Через два дня мы готовились пуститься в наше далёкое путешествие в северо-западные провинции, и наш маршрут казался самым привлекательными. Мы приготовлялись увидать Настик, один из немногих городов, упоминаемых греческими историками, его пещеры и башню Рамы; посетить Аллахабад, доисторическую столицу Лунной династии; древнюю Праягу, построенную при слиянии священного Гангеса и Джумны; Бенарес, город 5000 храмов и стольких же обезьян; Каунпур, прославленный

1 Аурангзеб (1618–1707) – падишах империи Великих Моголов под именем Аламгир I («Покоритель Мира») в 1658–1707 гг. – Прим. ред.

кровавым мщением Нана Саиба[1], и развалины города Солнца, разрушенного, по мнению Колебрука, около 6000 лет тому назад; Агру и Дельхи[2], и затем, объехав весь Раджастхан с его тысячами такурских укреплённых замков, крепостей, разрушенных городов и легенд, намеревались проехать в Лахор, столицу Пенджаба, и остановиться, наконец, в Амрутсере[3]. Там, в *Золотом* Храме, построенном посреди озера "Бессмертия", должна была состояться первая встреча членов нашего "Общества" – браминов, буддистов, сикков, словом, представителей тысячи и одной секты двухсот сорока пятимиллионной Индии, которые все, более или менее, сочувствовали нашему теософическому *Обществу братства со всем человечеством.*

Радда-Бай

Письмо X[4]

Бенарес, Праяга (ныне Аллахабад), Насик[5], Хардвар, Бадринатт[6], Матура[7] – вот те священнейшие места древней доисторической Индии, которые одно за другим мы собирались посетить, но, конечно, не так, как их обыкновенно посещают туристы *a vol d'oiseau*[8], с дешёвым *гидом* в кармане и под

1 Нана Сагиб (Nana Sahib, 1824–?) – один из лидеров индийских повстанцев в ходе восстания сипаев 1857 г. – Прим. ред.
2 Дели (англ. Delhi). – Прим. ред.
3 Амри́тсар (англ. Amritsar) – город в северо-западной Индии, в штате Пенджаб. – Прим. ред.
4 Московские ведомости, № 28, 29.01.1880, стр. 4-5; Русский Вестник, февраль 1883, Приложение, том 163, с. 96-108.
5 Ныне Нашик. – Прим. ред.
6 Бадринатх – город в округе Чамоли, штат Уттаракханд, Индия. «Северная обитель», наиболее важная из четырёх мест в паломничестве по маршруту «четырех обителей» Чар-дхам, в который входят также города Дварка, Рамешварам и Пури. – Прим. ред.
7 Матхура – город в Индии, примерно в 50 км к северу от Агры и к югу от Дели. Административный центр одноимённого округа. В древнее время город стоял на перекрёстке важнейших караванных путей и играл центральное место в экономической жизни Индии. – Прим. ред.
8 С птичьего полёта (фр.). – Прим. ред.

командой сбивающего вас и с ног, и с толку чичероне[1]. Нет, мы хорошо знали, что вокруг всех этих мест, словно плющ на развалинах старых замков, обвилось предание, веками наросли сорные травы фантазии, пока, наконец, по примеру этих паразитных растений, постоянно сдавливая в своих холодных объятиях стены, они совсем не разрушили первобытной формы здания, и археологу так же трудно по обезображенным, усыпающим окрестности остаткам судить об архитектуре когда-то целого здания, как и для нас из этой массы легенд отделить плевелы от настоящего зерна. Тут не помогут ни гиды. Ни чичероне. Они способны разве указать нам на места где во времена былые возвышались крепость, замок, храм, священный лес или знаменитый город, да повторят сложившиеся уже при мусульманах предания. До неискажённой истины, до первоначальной истории каждой интересующей нас местности нам, конечно, придётся доискиваться самим, следуя собственным соображениям.

Современная Индия не представляет и бледной тени не только древней, то есть Индии дохристианской эры, но даже и Индостана под владычеством Аурангзеба, Акбара, Шах-Джахана. Словно кровавыми, окаменелыми слезами усеяны круглым красноватым булыжником окрестности каждого многократно истерзанного города, каждой разрушенной деревушки. Но не по природным камешкам, не по дресве[2], изранивая себе ноги, приближаетесь вы к высоким, окованным железом воротам старинных укреплённых городов, а по гранитным ещё древнейшим обломкам, под которыми часто покоятся развалины третьего ещё более древнего города. Нынешние названия даны им мусульманами, которые обыкновенно строили свои города на пепелище побеждённых, взятых приступом городов; названия последних кое-как ещё упоминаются в преданиях, но названия их предшественников

1 Проводник, дающий пояснения туристам при осмотре достопримечательностей (устар.). – Прим. ред.

2 Дресва́ – обломочные породы, рыхлые осадочные горные породы, образовавшиеся в результате механического разрушения самых разных горных пород. – Прим. ред.

исчезли из памяти людской ещё до мусульманского вторжения. Кому когда удастся проникнуть в эти вековые тайны!..

Зная всё это заранее, мы решились не терять терпения, и даже, если бы того потребовали обстоятельства, посвятить целые годы на частые экскурсии в одни и те же места, пока не добьёмся более верных исторических данных, менее исковерканных фактов, нежели добытые нашими предшественниками. Последние должны были довольствоваться набором диких вымыслов, с трудом вызываемых из уст напуганного, неохотно отвечающего дикаря, или же враждебного, нарочно искажающего истину брамина. Нам же помогает целое общество образованных, заинтересованных теми же вопросами, как и мы, индусов; мы уже имеем положительное обещание быть допущенными хотя бы в некоторые тайны древних хранителей их, *махантов*, слышать не предание, а верный перевод старинных, чудом уцелевших хроник и грамот о некоторых городах.

История Индии давно исчезла из памяти её сынов, она совершенно неизвестна её завоевателям; но она несомненно существует, хотя, быть может, и в растерзанных частях, в тщательно оберегаемых от европейского глаза рукописях. Недаром брамины, в редкие минуты дружеских излияний, иногда проговаривались. Так не раз уже упомянутому мною англичанину Тоду старый *махант* (настоятель) некоего древнего храма-монастыря раз заметил: "не теряй времени, сааб, в напрасных розысках: Индия *беллати* (Индия иностранцев, англичан) пред тобою, *гупта* Индию (то есть тайную) ты никогда не увидишь; мы, хранители её тайн, скорее отрежем язык друг у друга".

И однако же Тод много кой-чего узнал. Правда, ни один англичанин не был так любим туземцами, как этот старый, храбрый друг Махарани Удайпурского; но зато и он любил туземцев и никогда не показывал презрения даже к беднейшему из них. Он писал до периода полного развития современной этнологии, и книга его до сей поры считается авторитетом во всём касающемся Раджистана. Хотя, по собственной скромной оценке её автора, она представляет

"лишь свод добросовестно собранных материалов для будущего историка", но вней найдётся кроме того много такого чего ни один ещё великобританский чиновник не добился до него, да и не добьётся после.

Так пусть же недоверчиво улыбаются наши друзья и наши недоброжелатели, даже смеются над нашею претензией "проникнуть в мировые тайны Арьяварты", как выразился недавно один критик. Смотря с самой пессимистической точки зрения, наши заключения если даже и не окажутся достовернее заключений и доводов Фергесона, Вильсона, Уиллера и прочих археологов и санскритистов, трактовавших об Индии, то во всяком уж случае не будут бездоказательнее прочих. Нам замечают, что мы неблагоразумно затеяли то, пред чем ежедневно отступают археологи и историки, которым способствует здешнее правительство с его влиянием и неистощимой казной; что мы взялась де за работу, оказавшуюся не под силу даже Азиатскому Королевскому обществу…

Пусть так. Но у всех свежо в памяти, а у нас тем более, как бедный венгерец, не только без средств, но почти нищий, отправился пешком в Тибет, чрез страны неизведанные, опасные, увлекаемый лишь любознательностью да желанием пролить свет на историческое начало своего народа. В результате вышло то, что были внезапно открыты неисчерпаемые рудники литературных сокровищ. Филология, дотоле бродившая в египетских потёмках безвыходного лабиринта этимологий и уже важно предлагавшая учёному миру помириться с самыми фантастическими теориями, вдруг неожиданно напала на нить Ариадны. Она открыла, наконец, что санскритский язык если не праотец, то все же "старший брат" всех других древних языков, по выражению Макса Мюллера. В Тибете найдена неисчерпаемая литература на языке, о письменности которого не было ничего известно. Благодаря необыкновенному рвению Александра Ксомо де Кёрёш, она им частью переведена, а частью анализирована и выяснена. Перевод же его доказал всему учёному миру, что, во-первых, подлинники *Зенд-Авесты* – солнцепоклонников,

Трипитаки[1] – буддистов, и *Айтареи-Браманам*[2] – браминов, были в оригиналах своих написаны на том же древнесанскритском языке; во-вторых, что все три языка, то есть зендский, непалийский и современный или браманосанскритский – более или менее диалекты первого; в-третьих, что от санскритского произошли всё менее древние индоевропейские и современные языки и диалекты Европы; в-четвёртых, что три самые значительные религии язычества: зороастризм, буддизм и брахманизм, хотя только ереси монотеистического учения *Вед*, но это не мешает им быть всем трём древними религиями, а вовсе не современными подлогами.

Мораль вышесказанного очевидна. То, чего не могли бы добиться целые поколения учёных, то есть проникнуть в ламазерии[3] Тибета и получить доступ к священной литературе этого вполне изолированного народа, того добился бедный странник, без средств и без протекции; быть может, и даже вероятно, только потому, что смотрел на диких монголов и тибетян, как на *братий* своих, а не как на *низшую* расу. И стыдно становится подумать, стыдно за человечество вообще, а за науку в особенности, что первый добывший такие драгоценные для науки результаты, сеятель столь обильной для нее жатвы, оставался почти до самой смерти тем же непризнанным бедным тружеником. Достигнув Калькутты по возвращении из Тибета *пешком*, без гроша денег, он сделался известен и его имя стало громко произноситься с почестями и хвалой лишь в то время, как, вследствие бескорыстной любви своей к науке, Ксомо де-Кёрёш умирал в одном из беднейших кварталов Калькутты и, больной, на обратном пути пешком через Сикким в Тибет умер в Даржелинге[4], где и похоронен.

---

1 Трипитака (санскр. «Три корзины») – свод буддийских священных текстов, созданных в V–III вв. до н. э. – Прим. ред.

2 Айтарея-брахмана состоит из восьми больших разделов и содержит детальное описание различных обрядов. – Прим. ред.

3 Ламасерий (англ. lamasery) – ламаистский монастырь. – Прим. ред.

4 Дарджилинг – город в Индии, на крайнем севере штата Западная Бенгалия, в восточных Гималаях. – Прим. ред.

Само собою разумеется, что в пределах журнальных писем нельзя было серьёзно начинать что-либо подобное затеваемому нами. Мы могли лишь надеяться, что заложим первый камень здания, дальнейшую постройку коего может взять на себя разве будущее поколение. Чтоб успешно опровергнуть установленные целыми двумя поколениями индианистов мнения о древностях Индии, потребуется не менее полувека упорной работы. А для того чтобы заменить эти мнения другими, необходимо заручиться фактами, основанными не на хронологии и лжепоказаниях лукавых браминов, заинтересованных в невежестве европейских санскритистов (как то испытали, к своему горю, лейтенант Вильфорд, а за ним Луи Жакольйо), а на неопровержимых доказательствах древнейших, доселе неразобранных надписей, ключа к которым европейцы ещё не нашли, ибо он, как не раз уже указано, хранится в *не менее древних*, почти недоступных рукописях. Да если даже наши надежды и осуществятся, и мы получим этот ключ, то и тогда явится другая необходимость: начать систематическое опровержение, страница за страницей, каждого из многих десятков фолиантов, доселе опубликованных Королевским Азиатским обществом *гипотез*. А на это потребовалось бы дюжины постоянно занятых учёных санскритистов, которые даже в Индии редки, как белые слоны.[1]

Поэтому при описании нами пещер и других памятников архаической эпохи я ограничусь простым указанием наиболее распространённых идей и общепринятых между археологами мнений касательно этих местностей. Требую во всяком случае привилегии указывать также и на разноголосицу между почтенными учёными, на их противоречивые показания и теории, доказывающие как дважды два четыре как мало права они ещё имеют, не взирая на весь их авторитет, требовать для вышесказанных своих теорий чего-либо сверх простого к ним

1 Благодаря частным капиталам и усердию некоторых образованных патриотов-индусов, два даровые класса языков санскритского и *пали* уже были открыты: один в Бомбее – Теософическим обществом, другой в Бенаресе – под председательством учёного Рамы Мисры Шастри, а в 1882 году первое имело уже 14 школ на Цейлоне и в Индии.

внимания. Я надеюсь доказать неопровержимыми фактами как мало успели ещё придти к какому-либо правдоподобному заключению г-да археологи касательно хотя бы пещерных храмов Насика.

Сильно занятые подобными мыслями, мы, то есть один американец, три европейца и три туземца, заняли целый вагон *Great Indian Peninsular Railroad*, и отправились в Насик, один из древнейших, как уже упомянуто мною, городов Индии, и самый священный в глазах обитателей западного президентства. Насик заимствует своё имя от санскритского слова *насика*, то есть "нос", вследствие эпической легенды, уверяющей, будто Лакшман, старший брат обоготворенного царя Рамы, отрезал на этом самом месте нос у великанши "Сарпнаки", сестры царя Раваны, похитителя Ситты (троянской Елены индусов).

Поезд железной дороги останавливается в шести милях [9,66 км] от самого города, и мы приехали в ночь; поэтому нам пришлось отправиться далее в час пополуночи в шести золочёных двухколесных таратайках, называемых *экка*, и на волах. Даже невзирая на поздний час ночи, рога этих животных были вызолочены и украшены гирляндами цветов, а на ногах звенели медные браслеты. Дорога пролегала неровными, ухабистыми оврагами, густо заросшими *джёнглом*, в котором, по приятному показанию наших возниц, постоянно играли в прятки тигры и другие четвероногие мизантропы лесов. С тиграми в эту ночь мы не знакомились, но зато в продолжение всей дороги были угощаемы концертом целого общества шакалов. Неотвязно следовали они за нами, раздирая уши своим воплем, диким хохотом и лаем. Эти милые животные здесь до того дерзки и вместе с тем трусливы, что хотя они в ту ночь бегали вокруг стаями достаточно сильными, чтобы легко поужинать не только всеми нами, но и нашими златорогими волами, ни одно из них однако не осмелилось подойти ближе нескольких шагов. Достаточно было стегнуть одного из них длинным кнутом, которым мы запаслись от змей, чтобы вся стая с невообразимым визгом далеко отбегала прочь. И однако же погонщики не пренебрегли ни одним из своих суеверных средств против нападения тигров. Они хором пели заклина-

тельные молитвы "мантры", сыпали бетелем по дороге в знак своего уважения к лесному "раджи", и после каждого куплета заставляли волов становиться на передние колена и низко наклонять в честь высших богов голову, причём лёгкая, как ореховая скорлупа, *экка* грозила каждый раз, вместе с седоком, перекинуться вверх дном через рога животных. Это приятное путешествие в тёмную ночь длилось пять часов. Мы достигли "гостиницы пилигримов" лишь в шесть часов утра.

Настоящая причина святости Насика, как мы узнали, не в отрезанном хоботе великанши, а в местоположении города на Годавари, вблизи источников этой реки, называемых почему-то туземцами *Гангой* (Гангес). Этому магическому имени, вероятно, город и обязан своими многочисленными богатыми храмами и отборным классом браминов, поселившихся на берегах реки. Два раза в год пилигримы собираются сюда молиться, и число странников превышает в такие торжественные дни даже население Насика (35 000). Чрезвычайно живописны, но столь же и грязны дома богатых браминов, построенные вдоль спуска, от центра города до самых берегов Годавари, по обеим сторонам которой тянутся целые леса узких пирамидальных храмов. Все эти пагоды выстроены на развалинах старых, до тла разорённых фанатизмом мусульман. Легенда повествует будто большая часть их возникла из атомов пепла обожжённого хвоста бога-обезьяны Ханумана. Удирая по воздуху из Ланки, где этому храброму герою Равана поджёг хвост, предварительно натерев его каким-то горючим веществом, Хануман одним скачком по воздуху очутился над своей родиной Насиком. Тут сие благородное украшение обезьяньей спины, по дороге совсем обуглившееся, стало рассыпаться в прах. И вот по мере того как хвост испепелялся, из каждого священного падавшего на землю атома возникал храм… И действительно, с горы это собрание бесчисленных пагод, разбросанных в самом странном анти-архитектурном беспорядке, представляется так как будто ими кто посыпал с неба на землю. Не только берега и все окрестности покрыты храмами, но даже островки на реке и торчащие из воды скалы… И что ни храм, то легенда, которую каждый брамин из массы

этих наследственных жуликов рассказывает на свой манер, в надежде, конечно, на приличное вознаграждение.

Здесь, как и всюду в Индии, браманы разделились на две секты: поклонников Шивы и поклонников Вишну, между коими идут вековые распри. Хотя окрестности Годавари украшены двойным ореолом славы, как родины Ханумана и театра первых и славных действий Рамы,[1] воплощённого Вишну, против Раваны, царя цейлонского, но в них находится столько же, если не более, храмов посвящённых Шиве как и Вишну. Бóльшая часть пагод выстроена первому из чёрного базальта. Вот этот-то цвет как цвет обожжённого хвоста союзника Рамы, и служит яблоком раздора. С самого начала своего владычества англичане получили в наследство нескончаемые тяжбы между воюющими сектантами, – тяжбы, решаемые обыкновенно лишь для того только чтобы немедленно переходить в другую инстанцию, и всегда возникающие по поводу этого самого злополучного *хвоста* с его претензиями. Этот хвост является таинственным *dues ex machina*[2] направляющих все помыслы насикских браминов *pro* и *contra*[3]. Об этом *хвосте* было исписано более бумаг и прошений нежели в ссоре о гусе Иван Иванычем и Иван Никифорычем, и пролито более чернил и желчи нежели имелось грязи в Миргороде с сотворения мира. Свинья, так благополучно решившая пресловутый гоголевский спор, была бы неоценённым благодеянием в Насике по этому щекотливому делу.[4] К сожалению, даже "свинья", если она только "русская", немыслима в Индии; англичане тотчас же заподозрили бы её и арестовали бы как *русскую шпионку*…

В Насике показывают ванну Рамы; пепел набожных индусов привозится сюда издалека дабы быть брошенным в священные воды Годавари и смешаться навеки с *Гангом*. В одной древней рукописи упоминается указ главного из

1 См. *Asiatic Journal,* 1872, vol. XXIII, p. 353.
2 Бог из машины (лат.). – Прим. ред.
3 За и против (лат.). – Прим. ред.
4 Отсылка к произведению Н. В. Гоголя «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». – Прим. А. Д. Тюрикова.

полководцев Рамы, о котором впрочем не упоминается в *Рамаяне*. В этом указе говорится о реке Годавари как о пограничной линии между царствами Рамы, царя *Айодьи* (Ауд)[1], и Раваны, царя Ланки. Легенды же и поэма Рамаяны указывают на это место как на то где Рама увидев на охоте прелестную антилопу и сгорая желанием поднести шкуру её своей возлюбленной Ситте, впервые перешёл границу своего собственного царства и вступил в область неизвестного соседа. Не подлежит ни малейшему сомнению, что и Рама, и Равана, и даже быть может Хануман, произведённый почему-то в обезьяну, исторические, когда-то существовавшие личности. Ходили глухие толки, лет 50 тому назад, о том что у браманов находится в руках много чрезвычайно ценных рукописей. Говорили, что одна из них целиком относится к той доисторической эпохе, когда арийцы впервые вторглись в страну, затеяли бесконечную войну с тёмными аборигенами Южной Индии. Эти толки заставили было одного из "коллекторов", нечто вроде уездных начальников (сколько я понимаю), советовать правительству "заставить браманов *силой* выдавать все подобные рукописи; тщательно обыскать все углы пагод, ворваться в их тайники и, не взирая на протесты суеверных фанатиков, доказать им что англичане властелины, а они *рабы*. К счастью *властелинов* и быть может к несчастью *рабов*, они этой глупости не сделали. Фанатизм в деле религии есть единственное звено крепко связующее все эти враждующие секты и касты. Англичане хорошо понимают это и поэтому никогда не оскорбят своих *рабов* в вопросах чисто религиозных. Если не самые браманы, то их храмы и алтари безусловно *неприкосновенны*.

Самое однако же интересное в Насике – это пещерные храмы, расположенные в пяти милях [8,05 км] от города. Отправляясь осматривать на другой день нашего приезда, мне и не снилось, что "хвост" станет снова играть значительную

1 Айо́дхья – древний город на территории индийского штата Уттар Прадеш, один из семи священных городов Индии (Айодхья, Варанаси, Рамешварам, Курукшетра, Матхура, Дварака, Канчипурам) и важное место паломничества. – Прим. ред.

роль в нашем визите в Насике; что на этот раз он положительно спасёт меня, если не от смерти, то от очень неприятных и быть может опасных ушибов. Вот как это случилось.

Так как приходилось долго ехать в крутую гору, то мы решились отправиться на слонах. Нам привели лучшую парочку в городе, самца и самку, на которых, по уверению хозяина, "ездил сам принц Вельский[1] и остался доволен". За всё удовольствие туда и назад на целый день мы сторговались по две рупии за слона, ударили по рукам и стали приготовляться.

Наши товарищи-туземцы, с малолетства привыкшие джигитовать на слонах, мигом очутились на спине у своего. Как мухи облепили они его, преспокойно рассевшись где ни попало, цепляясь за разные верёвочки сидений гораздо более пальцами ног, нежели рук и вообще представляя картину полного довольства и комфорта. Под нас, европейцев, как самую смирную из двух, приготовили слониху, на спине которой прикрепили нечто вроде двух скамеечек, на сиденье покатом на обоих боках и без малейшей опоры для спин. Недоверчиво посматривали мы на это "усовершенствованное" сиденье, но делать было нечего. Наш вожак (махут) поместился между ушами громадного животного (о росте которого несчастные подростки, показываемые в странствующих цирках Европы, дают весьма слабое понятие), а мы с постыдным чувством мурашек по всему телу кое-как влезли по лесенке на спину слонихи, ставшей по приказанию *махута* на колена. Она носила поэтическое название *чанчули-пери* (в переводе "деятельная пери") и была действительно самая послушная и весёлая изо всех когда-либо виденных мною представительниц своей породы. Крепко цепляясь друг за друга, мы, наконец, подали сигнал, и *махут*, вооружённый железным дротиком, ткнул животное остриём оного в правое ухо. Установясь сперва на передние ноги, от чего нас отбросило назад, слониха тяжело приподнялась затем на задние, и мы, едва удержавшись от

1 Альберт-Эдуард, принц Уэльский (1841–1910) – будущий король Великобритании Эдуард VII (1901–1910), в 1875–1876 гг посетил Индию. – Прим. ред.

падения, шарахнулись вперёд, чуть было не сбив *махута* с места. Но этим не окончилось ещё наше испытание. При первых шагах *Пери* мы все четверо развалились в разные стороны, словно комки киселя…

Пришлось остановиться. Нас кое-как подобрали, причём добродушная *Пери* много помогала нам хоботом. Мы отправились далее. С ужасом подумывая о предстоявших нам пяти милях [8,05 км] подобного путешествия и совестясь отказаться от поездки, мы однако с гневом отвергли постыдное предложение хохотавших товарищей привязать нас к сиденью… Чуть не пришлось мне горько раскаяться в своём самолюбии. Этот непривычный нам способ локомоции[1] являлся чем-то невообразимо фантастическим и вместе глупым. Рысью бежавшая возле важно шагавшей слонихи лошадь с багажом казалась нам с непривычной высоты каким-то малым ослёнком. Каждый шаг *Пери* превращал нас в акробатов, заставляя выкидывать самые неожиданные штуки. Шагнёт она правой ногой – и мы ныряем вперёд; левой – мы как сноп и валимся назад, всё время вдобавок перетряхиваемые с одного её бока на другой. Это ощущение, особенно под палящим солнцем, стало вскоре переходить в лихорадочный бред, оно являлось чем-то средним между морскою болезнью и кошмаром во сне. К довершению удовольствия, только что мы стали подниматься по каменистой, извилистой тропинке, на окраине глубокого оврага, в гору, как вдруг наша *Пери* тяжело оступилась. Этот неожиданный толчок заставил меня окончательно потерять равновесие: сидя на задней части спины слонихи, на *почётном* месте экипажа, я неудержимо покатилась вниз, и в следующую затем секунду непременно очутилась бы с неприятным для своей особы изъяном на дне оврага, если бы не удивительный инстинкт и понятливость нашего умного животного. Слониха задержала моё падение со своей "покатости", буквально поймав меня налёту *хвостом*. Чувствуя вероятно, что я падаю, она крепко и ловко обвила хвост вокруг моего туловища и тут же, остановясь как вкопанная, стала опускаться на колена. Но природная тяжесть

1 Передвижение (англ. locomotion). – Прим. ред.

моя дала себя, вероятно, знать и оказалась не под силу тонкому хвосту доброго животного. Хотя *Пери* и не выронила меня, но зато быстро опустилась на землю и тут же тихо и жалобно замычала, вероятно размышляя, что чуть было не поплатилась за своё великодушие собственным хвостом. Так по крайней мере заявил соскочивший мигом с её головы *махут*, бросившийся на помощь мне и принявшийся осматривать якобы "повреждённый" хвост слонихи. И тут произошла сцена, как нельзя лучше характеризующая грубое лукавство, хитрость, жадность к наживе и вместе с тем трусость низшего класса индусов, "бескастников" (*outcastes*), как их здесь называют.

Сперва хладнокровно осмотрев хвост и для вящей проверки крепко дёрнув его несколько раз, он уже собирался возвратиться на своё место, но, услыхав моё неосторожное соболезнование о хвосте *Пери*, он внезапно и самым неожиданным образом переменил тактику. Бросившись плашмя наземь, он вдруг стал кататься по ней, испуская всё время ужасные, дикие вопли. Рыдая на всю долину, он стал приговаривать и причитать, как над покойником, стараясь уверить публику, будто "Мам-Сааб"[1] оторвала у его Пери хвост. "Пери навеки осрамлена (плакался он). Её супруг, свидетель позора её, гордый Айравати, прямой потомок любимого слона бога Индры, теперь отвергнет её, и ей остаётся лишь умереть"...

Так голосил *махут*, невзирая на все увещания сбежавшихся наших товарищей. Напрасно было доказывать ему, что "гордый Айравати" не показывал ни малейшего поползновения поступить так жестоко со своею супругой, добродушной *Чанчули-Пери*, о бок которой он даже в эту критическую минуту преспокойно чесал свой хобот, и что у самой *Пери* хвост был цел и на месте. Ничего не помогало! Тогда, выведенный из терпения наш приятель Нараян, известный силач, прибег к весьма оригинальному средству. Бросив одною рукой на землю серебряную рупию, он приподнял другою тщедушную фигурку

1 Т. е. Madame Sahib. Слово сахиб, произносимое сааб, приклеивается здесь к каждому титулу, чину, имени. Так, например, говорят Captain-Saab, Colonel-Saab, Мам-Сааб и т. д.

махута за его *дотти*[1] и преспокойно швырнул его прямо носом на монету. Невзирая на окровавленную физиономию и даже не обращая внимания на неё, *махут* бросился на рупию с жадностью дикого зверя на добычу. Много раз простёршись во прах пред нами, с нескончаемыми "салаамами" в знак благодарности, он стал без малейшего перехода изъявлять такую же безумную радость, какое за минуту до того выказывал горе. В заключение спектакля и в знак того, что хвост был действительно цел "молитвами *сааба*", он повис на нём, как виснет звонарь на колокольной верёвке, пока его силой не оторвали и не заставили вернуться на своё место.

– Неужели всё это за одну несчастную рупию? – воскликнули мы в изумлении и дружным хором.

– Изумление ваше понятно, – объявили нам индусы. – Трудно, особенно нам, не чувствовать стыда и отвращения при виде подобного унижения и жадности. Но не забудьте, что этот несчастный *махут*, у которого есть жена и, вероятно, дети, получает от своего хозяина номинально 12 рупий в год без содержания, а *фактически* последний с ним чаще расплачивается пинками, чем деньгами. Вспомните также долгие века угнетения от своих же браминов, от фанатиков-мусульман, видящих в индусе лишь нечистую гадину, наконец, от наших настоящих, высокообразованных, *гуманных* властителей-англичан, и вы, вместо отвращения, почувствуете, быть может, глубокое сожаление к этой карикатуре рода человеческого.

Но "карикатура" рода человеческого видимо считала себя счастливой, не чувствуя ни малейшего унижения. Сидя, поджав ноги на широкой макушке *Пери*, он ей рассказал про своё неожиданное богатство, и, напоминая ей, что она "божья" слониха, заставлял кланяться *саабам* хоботом. *Пери*, в превосходном расположении духа, вследствие пожертвованного ей мною целого стебля сахарного тростника, забрасывала хоботом назад и игриво дула нам через него в лицо…

Радда-Бай

1 *Дотти* – длинный кусок материи, которым обвивают себе индусы верхнюю часть ног и поясницу. У простого народа это единственная одежда, за исключением такой же тряпки на голове.

Письмо XI[1]

Из мира современных пигмеев житейских дрязг Индии, столь падшей и униженной, мы опять в мире глубокой древности, в мире Индии неведомой, великой и таинственной…

Главные пещеры Насика, высеченные в горе называемой туземцами Панду Лена, опять таки этим именем указывают на невымирающее, упорно переживающее века предание, относящее все подобные циклопические постройки к Панду, пяти мифическим (?) братьям доисторической эпохи. Единодушное мнение археологов приписывает им чуть ли не более интереса и важности нежели пещерам Элефанты и Карли взятым вместе. И однако же, странное дело! за исключением почтенного и учёного доктора Уильсона, любившего немного "рубить с плеча", выдавая людские предположения за непогрешимые аксиомы, ни один из археологов ещё не рискнул решить ни к какой эпохе принадлежат эти пещеры, ни кем они сооружены, ни даже к какой именно из этих трёх религий древности принадлежали её таинственные зодчие.

Пещеры Насика, очевидно, вырывались не одним поколением, как и не одною сектой. Первое, что в них поражает, – это грубость первоначальной работы, громадные размеры и дряхлость скульптуры на капитальных стенах, в то время как резьба и изваяния на шести колоссах, поддерживающих главную пещеру, во втором этаже, великолепно сохранились и чрезвычайно изящны. Это обстоятельство заставляет думать, что пещера была начата за много веков до своего окончания. Но когда же хоть приблизительно? Одна из приведённых санскритских надписей, находящихся на работах гораздо позднейшей эпохи (на подножии одного из колоссов) прямо указывает на 453 год до Р. Х., как на год этих пристроек, Так, по крайней мере, доказывают по астрономическим данным на этой надписи Гибсон, Бёрд, Стивенсон, Ривз и несколько учёных, воспитанных на Западе, стало быть не предубеждённых, как

1 Московские ведомости, № 36, 06.02.1880, стр. 4; Русский Вестник, февраль 1883, Приложение, том 163, с. 108-112.

туземные пандиты. Да, впрочем, дата, по соединению планет, очевидна; она обозначает или 453 год до Р. Х., или 1734 нашей эры, или же 2640 лет до Р. Х., что невозможно, так как в надписи говорится о Будде и буддистских монастырях. Привожу главные и самые интересные фразы из неё по переводу, сделанному сперва доктором Стивенсоном и переправленному в коллегии санскритских правительственных пандитов в Бенаресе:

> "Совершеннейшему и высшему. Да окажется сие благоприятным ему! сыном царя Кшапараты, властелина племени кшатрий (то есть воинов) и покровителя людей, владыкой Диника, лучезарным как заря, приносится сей дар сто тысяч коров пасущихся на реке Баназа вместе с рекой, а также дар злата, им, строителем сего святого пристанища богов и места для укрощения страстей браманов. Нет более желанного места, нежели это место, и даже в Прабхазе, куда стекаются сотни тысяч браманов, повторяя священный стих; ни в святом граде Гайа, ни на Крутой горе возле Дазатуры, ни на Змеином поле в Говардхане, ни во граде Пратисраи, где монастырь буддистов, ни даже и здании, воздвигнутом Депанакарой на берегу *пресноводного* моря (?). Это место доставляющее несравненные милости, приятное и во всех отношениях полезное для пятнистой оленьей шкуры (?) аскета.[1] Безопасная лодка, присланная в дар также им, строителем бесплатного парома, ежедневно перевозит к хорошо охраняемому берегу. Им также, строителем здания для путников и общедоступного резервуара воды, позолочённый лев был поставлен у постоянно осаждаемых толпою ворот этой *Говардханы*; также другой (лев) у перевоза, а ещё другой у Раматирты. Для тощего стада найдётся здесь разных родов корм; для такого стада более ста родов трав и тысячи горных кореньев припасены этим щедрым дарителем. В этой же самой *Говардхане*, в лучезарной горе, эта вторая пещера была вырыта по приказанию той самой благотворительной особы, *в тот самый год, когда*

1 Аскеты Индии и в наши времена покрываются *a la* Геркулес шкурой диких зверей, обыкновенно тигра. [Эта сноска добавлена в РВ.]

> *почитаемые людьми. Солнце, Сукра и Раху*[1] *были в полном ликовании своего восхода*; в этот-то год и были дары поднесены. *Лакшми, Индра* и *Яма*,[2] освятив их, отправились назад с кликами торжества на свою колесницу, поддерживаемую заклинательными мантрами, на беспрепятственном пути[3]; когда все они (боги) уехали, то полил проливной дождь" и т. д.

Первые пещеры вырыты на конусообразном холме саженях в сорока от подножия. В главной, в 45 квадратных шагов, стоят три фигуры Будды; в боковых – лингам; затем два джаинские идола, а в верхней пещере находится идол или скорее статуя *Дхармы Раджи*, или *Юдиштиры*, старшего Панду, которого здесь обоготворили и которому поклоняются в собственном, в честь его воздвигнутом между Пентом и Насиком храме. Затем целый лабиринт келий, очевидно, буддистских отшельников, громадная статуя Будды в лежачей позе; другая таких же колоссальных размеров и окружённая колоннами с капителями, украшенными фигурами различных зверей. Стили всех эпох, как и всех сект, перемешаны, и перепутаны как разнородные деревья в лесу.

Весьма замечательно то обстоятельство, что почти все без исключения пещерные храмы Индии вырыты в конусообразных скалах и горах, словно древние строители нарочно отыскивали такие природные пирамиды. О странной и необычайной, нигде не виданной мною, кроме Индии, форме уже замечено при описании поездки в Карли. Случай ли это, или же одно из правил религиозного зодчества тех далёких времён? И кто тут подражатель? Зодчие ли египетских пирамид, или же неизвестные строители подземных храмов Индии? Как в пирамидах, так и в храмах всё кажется геометрически рассчитанным и, подобно пирамидам, вход во храмы находится не внизу, но на известном расстоянии от

---

1 *Раху* и *Кехетти* – две неподвижные звезды, составляющие голову и хвост созвездия Дракона; Раху также одна из девяти планет.

2 То есть созвездия Девы, Водолея и Тельца, которые подвластны и посвящены этим трём из двенадцати высших богов.

3 На небесном пути.

подножия горы. Природа, как известно, никогда не подражает искусству, а напротив, последнее всегда старается воспроизвести формы природы. И если даже в этом сходстве между символами Египта и Индии на найдётся ничего, кроме случайности, то остаётся только сознаться, что игра случая бывает иногда необъяснима. Далее нам придётся, быть может, представить более веские доказательства тому, что Египет заимствовал многое у Индии. Не забудем, что начала царства фараонов совершенно неизвестны науке; а то малое, что мы успели узнать, не только не противоречит этой теории, но даже указывает на Индию, как на колыбель и первобытную родину египтян. Так в своей *Истории Индии* Каллука-Батта писал ещё во дни глубокой древности следующее:

> "Во время царствования Висвамитры, первого царя Сома-Вангской династии, вследствие пятидневного сражения, Ману-Вена, наследник древних царей, покинутый браманами, эмигрировал со всею армией и, пройдя страну Арии и Баррии, дошёл наконец до берегов *Масры*..."[1]

А если нам ответят, что "Каллука-Батта" историк до того древний, что санскритологи до сей поры ссорятся из-за него, затрудняясь придать ему какую-либо правдоподобную эпоху и поэтому благоразумно колеблются между 2000 лет до Р. Х. и эпохой императора Акбара (т. е. как раз во времена Иоанна Грозного), то вот что говорит историк более современный и всю жизнь свою изучавший Египет (не в Лондоне или Берлине, по примеру многих его коллег, а и самом Египте) прямо с надписей древнейших саркофагов и папирусов, словом Генрих Брюгш-бей[2].

---

1 *Ария* – Иран (Персия); *Баррия* – древнее имя Аравии; а *Маср* или *Масра* – имя чисто египетское. "Масром" мусульмане ещё зовут Каир, коверкая имя и *Мисро*, *Муср* и т. д.

2 Генрих Карл Бругш (Brugsch, 1827–1894) – немецкий историк и археолог, автор труда «Egypt Under the Pharaohs: A History Derived Entirely from the Monuments» («Египет при фараонах: история, полностью полученная из памятников», 1877). – Прим. Пер.

"...Повторяю, это моё непоколебимое убеждение, что египтяне пришли из Азии задолго до исторического периода и, перейдя этот мост всех наций – Суэцкий перешеек, – нашли новое отечество на берегах Нила". Есть доказательства, что во времена одиннадцатой династии египтяне вели торговлю с Аравией и берегами Индийского Океана – кто знает, с каких незапамятных времен? А надпись, найденная на скале Хамавата, гласит, что Санкара, последний царь одиннадцатой династии, послал вельможу Ханну в *Пунт* или Пёнт. "Я был послан везти корабли в страну Пунта, дабы привезть домой душистой камеди, собираемой принцами Красной Земли"", сказано в надписи. Комментируя эту надпись, Брюгш-бей объясняет, что "под именем Пунта древние жители *Кеми* (Египта) подразумевали дальнюю страну, омываемую большим океаном, страну, полную гор и долин, изобилующую чёрным деревом и другим дорогим лесом, бальзамом, ладаном, драгоценными металлами и камнями; страну богатую, изобилующую дикими зверями, жирафами, леопардами, пантерами, большими обезьянами и длиннохвостыми макашками". Даже название обезьяны на древнеегипетском языке *Каф*, *Кафи* (у израильтян *Коф*) чисто санскритское – *Капи*.

Этому "Пунту" (очевидно, Индия) легендарные сказания уже весьма древнего Египта придавали весьма священный характер; ибо Пунт (или Пент)[1] был "первобытною обителью богов, которые именно оттуда, под предводительством *А-Мона* (Ману-Вена Каллуки-Батта?), *Хора и Хатор отправились по направлению долины Нила и благополучно прибыли в Кеми*".[2]

Недаром Хануман имеет такое родственное сходство с египетским священным киноцефалом (*Cynocephalus*), а эмблемы *Озириса* и *Шивы* одни и те же. *Qui vivra verra*!..[3]

---

1 Пент – от Па-нутер, "священная земля", или египетская – "страна богов".

2 С памятника 11-й династии (См. *История Египта во времена фараонов, написанная единственно с десяти её памятников*. Г. Брюгш-бея. Том I, стр. 114).

3 Поживём – увидим (фр.). – Прим. ред.

Обратный путь в город на *Пери* оказался приятнее. Мы приноровились к её шагу и, въезжая в Насик, почувствовали себя бесподобными наездниками. Зато в продолжение целой недели мы едва могли ходить от боли в пояснице.

Радда-Бай

Письмо XII[1]

На вопрос – кто бы что предпочёл, если бы пришлось выбирать между слепотой и глухотой – девять из десяти всегда скорее помирятся с последней. А кому пришлось хоть раз заглянуть в один из волшебных уголков Индии, часто напоминающей вам самые фантастические и казалось бы в природе невозможные декорации Большой Парижской оперы, – этой страны мраморных кружевных дворцов и заколдованных садов, – тот вдобавок к глухоте решился бы скорее захромать на обе ноги, нежели лишиться подобных зрелищ.

Рассказывают, что великий поэт Саади[2] раз горько жаловался на равнодушие друзей, которым будто бы надоедали его бесконечные, восторженные похвалы своей возлюбленной. "Если бы, замечал он им, вы получили хотя один раз возможность и счастье, подобно мне, увидать её дивную красу, вы вполне поняли бы мои стихи, непрестанно воспевающие – увы! так слабо и так бледно – то чарующее душу чувство, которое она внушает всякому, хотя издали увидавшему её!.." Я вполне понимаю положение влюблённого поэта, но не виню и друзей его, не видавших его возлюбленной. Поэтому я дрожу от боязни, как бы мои постоянные восторженные рапсодии об Индии не нагнали на читателей скуки друзей Саади. Но что же делать бедному повествователю, если на каждом шагу он открывает в своей "милой" всё новые и самые диковинные прелести! Самые тёмные её стороны, отвратительные, безнравственные, а подчас и глубоко ужасающие черты – и те

1 Московские ведомости, № 41, 11.02.1880, стр. 3; Русский Вестник, февраль 1883, Приложение, том 163, с. 112-120.

2 Саади (1210–1291) – персидский и таджикский философ и поэт. – Прим. ред.

полны чего-то столь дико-поэтического, незаурядного, чего никогда не встретишь ни в какой другой стране. Нередко местные сцены заставляют непривычного европейца содрогаться; но в то же время, как ночной призрак, они притягивают его, приковывают к себе внимание, и от них невозможно глаз оторвать....

Всего этого мы насмотрелись вдоволь в продолжение многих дней нашей *ecole buissoniere*[1]. Дни эти мы провели вдали от линии железной дороги, этого проблеска цивилизации, которая столь же к лицу Индии, как модная шляпка на голове полуголой перувьянки[2], "девы солнца" Кортесовских[3] времён.

Ежедневно бродили мы через реки и джонглы, по сёлам и развалинам старых крепостей, по просёлочным дорогам, между Насиком и Джепельпуром; днём переезжая из одной деревни в другую, частью в арбах на волах, иногда на слонах, а не то так и в *пальках* (в паланкинах) и верхом, а ночью – обыкновенно разбивая палатку где ни попало. В эти дни мы имели случай убедиться, насколько человек, в силу одной привычки, может сделаться властелином, хоть и пассивным, над непобедимыми для всех других и смертельно опасными климатическими условиями. В то время как мы "белые", невзирая на толстейшие пробочные *топи* на головах и защиту навеса, чуть не падали в обморок и положительно тлели под нестерпимо палящими лучами солнца, и когда даже туземцы-спутники обвивали лишним куском кисеи голову, наш приятель, бенгальский *бабу*, проезжал верхом целые мили под вертикально стреляющим в него солнцем с обнаженною головой!.. У него даже не было с собой и простого *пёггри*, куска лёгкой материи для тюрбана, не только шляпы. Спокойно ехал он целые часы с непокрытою

1 Тайные школы (фр.), содержавшиеся еретиками в лесах, в удалённых от селений местах; школы, которые учителя тайно содержали в деревнях, чтобы уклониться от уплаты налога в пользу церкви. – Прим. ред.

2 Перуанки (англ. Peruvian). – Прим. ред.

3 Фернандо Кортес (1485–1547) – испанский конкистадор, завоевавший Мексику и уничтоживший государственность ацтеков. – Прим. ред.

ничем, кроме собственных густых волос, макушкой, и над его бенгальским черепом солнце оказывалось совершенно бессильным. Этот народ никогда не покрывает головы, кроме торжественных случаев, когда тюрбан надевается лишь как принятое украшение, как цветы на бале, во время *дурбара*[1], свадьбы или пира.

Бенгальские *бабу*, занимающие почти все низшие гражданские и особенно писарские должности, наводняют все железнодорожные и телеграфные станции, канцелярии, почтамты и правительственные присутственные места. Закинув через плечо белые кисейные мантии наподобие римской *тоги*, с голыми от колен ногами и всегда простоволосые, они гордо расхаживают на платформах станций и пред дверьми своих контор, с презрением посматривая на женственные украшения махратов, с их кольцами на пальцах ног и рук и огромными серьгами в верхней части правого уха… Они не носят сектантских знаков на лбах, как прочие индусы, и позволяют себе лишь дорогие *колье*, да и то редко. И однако же, в то время как страстно преданные женоподобным украшениям махраты справедливо считаются одним из храбрейших народов Индии (не раз уже заявив себя очень неприятно с этой стороны англичанам) и долгими веками войн выказали себя превосходными и храбрейшими воинами, Бенгалия, испокон века, из *шестидесяти пяти миллионов своих жителей не произвела ещё на свет ни одного солдата*: среди туземных войск английской армии никогда не было и нет ни одного бенгальца. Это странный, но тем не менее неопровержимый *факт*, которому мы долго не могли верить, но должны были наконец сдаться пред подтверждениями многих английских офицеров и самих бенгальцев. И со всем этим, однако, их нельзя назвать трусами. Если *бабу* и высшие классы раджей изнежены, то их *земиндары* (землевладельцы) и поселяне несомненно храбры. Обезоруженный правительством бенгалец идёт на тигра своей родины, самого свирепого изо всех тигров

1 *Дурбар* (перс. аудиенция, зал, царский двор) – торжественный приём. – Прим. ред.

Индии, так же спокойно с дубиной, как в прежние времена шёл на него с винтовкой и ятаганом.

Много глухих тропинок, на которые, быть может, с начала мира не ступала нога белого, ещё более чудом уцелевших рощ прошли и посетили мы в эти короткие дни. И всюду мы встречали привет, благодаря магическому влиянию Гулаб-Лалл Синга, который за отсутствием своим послал провожать нас и руководить нами в дороге своего доверенного слугу. И если бедные, голые крестьяне дичились и часто запирали пред нами двери, зато все браманы являлись к нашим услугам.

Прелестны местоположения в окрестностях Кандеша, по дороге в Тхальнер и Мхау, но много украшена здесь природа и искусством человеческим, и это искусство проявляется более всего на мусульманских кладбищах. Теперь все они большею частью полуразрушены и заброшены вследствие изгнания из этих местностей мусульманских принцев и ханов и большинства индусского населения. Когда-то властелины почти всей Индии, мусульмане теперь в загоне и в тысячу раз более унижены, чем индусы. Но много они оставили по себе несокрушимых памятников, между прочим свои кладбища. Эта неискоренимая верность мусульманина своим покойникам – одна из самых трогательных черт в характере сынов Пророка. Их посмертная преданность, всегда горячее выказываемая ими, нежели их любовь к семейству при жизни, как бы вся сосредоточивается на последних жилищах тех, кто отошли до них в лучший мир. Насколько их понятия о рае, обещанном Магометом, грубы и материальны, настолько поэтична обстановка их кладбищ, особенно в Индии. В этих тенистых, прелестных садах, с рядами белых гробниц, увенчанных чалмами, покрытых сверху донизу розами и жасмином, с кипарисами вокруг, невольно можно засиживаться по целым часам. В них мы обыкновенно совершали привалы, обедали, часто и ночевали. Особенно прелестно кладбище возле городка Тхальнер. Из нескольких уцелевших исторических мавзолеев великолепен памятник семейства киладара[1], повешенного на городской башне в 1818 году генералом Гислопом, который

1 Киладар – губернатор города. – Прим. ред.

между прочим расстрелял в тот же день всех солдат сдавшегося гарнизона, под предлогом, будто те составили против него заговор. Кроме памятника этому повешенному злополучному киладару, есть четыре другие мавзолея, из коих один славится на всю Индию. Восьмиугольной формы, весь из белого мрамора, он покрыт сверху донизу резьбой, какой не найти и на Pere Lachaise[1]. Персидская надпись на подножии гласит, что он стоил 100 000 рупий. Днём залитый горячим солнцем, этот высокий, минаретообразный мавзолей отделяется на синеве безоблачного неба, блестя как пирамидальная ледяная глыба; ночью, при том особенном фосфорическом свете луны в Индии, который приводит в восторг всех путешественников и артистов, он ещё ослепительнее и поэтичнее. Будто вновь выпавшим лёгким снегом покрыты его вершины; возвышая над тёмною зеленью кустов свой тонкий профиль, он кажется каким-то полуночным чистым видением, витающим над этой безмолвной обителью разрушения и смерти и оплакивающим невозвратное прошлое…

А рядом с такими кладбищами, обыкновенно на берегу рек возвышаются *гхоты* индусов… Есть действительно нечто величественное в этом обряде сожжения мёртвых, – а в очень недалёком прошлом и сожжения живых, – но только в теории, а не на практике. Следя за церемонией и видя, как в какой-нибудь час времени после смерти от покойника остаётся лишь несколько пригоршней пепла, который тут же рукой посвящённого брамана, жреца смерти, и рассевается на все четыре стороны по ветру, над рекой, дабы пепел навеки смешался со священною водой, зритель невольно поражён глубокою философией основной мысли подобного обряда. Разбрасывая горсть того, что некогда жило и чувствовало, любило и ненавидело, радовалось и плакало, браман поручает пепел всего этого четырём стихиям: *земле*, из которой оно мало-помалу развилось и сформировалось в человека и которая так долго питала его; *огню*, эмблеме чистоты, пожравшему его тело, дабы дух его также был очищен ото всего греховного и мог свободнее вращаться в той новой сфере загробного существо-

1 Пер-Лаше́з – кладбище в Париже. – Прим. ред.

вания, где каждый грех является камнем преткновения на пути души человеческой к "Мокше" или вечному блаженству; *воздуху*, которым он дышал и тем самым жил, и *воде*, которая очищала его физически, как и духовно, поила его и теперь принимает его пепел в "ч*истое* лоно своё..." (Мантра XII.)

"Чистое", как прилагательное, является здесь только в фигуральном смысле "мантры". Говоря вообще, реки в Индии, начиная с трижды священного Гангеса, невообразимо грязны, особенно близ городов и селений. Двести миллионов человек круглым счётом омываются в них от тропического пота и грязи по несколько раз в день; а *касты*, недостойные сожжения, как шудры, парии, мэнги и пр., бросают в них вдобавок всех своих покойников. Далее все касты, до браманов включительно, бросают туда же детей, умерших ранее трёхлетнего возраста.

Пройдёмся вдоль берегов любой реки, но только поздно вечером, чтобы провести там ночь и дождаться рассвета. Вечером хоронят лишь богатых или принадлежавших к высшим кастам. Только для таковых зажигаются после заката солнечного высокие костры из сандалового дерева вдоль священных вод; для них одних произносятся мантры и заклинания богам, а для простых смертных, для бедных *бескастников*, нет не только костра, но и простой молитвы: *шудра* недостоин слышать даже после смерти божественные слова из священной книги откровения, продиктованного в начале мира четырьмя Риши Веде-Вьязе, великому богослову Арьяварты. Как не допускался он ближе семи шагов к ступеням храма при жизни, так не допустится он и в загробной жизни стать наряду с "дважды рождёнными".

Ярко горят костры, протягиваясь по берегу реки длинной огненной змеёй. Чёрные силуэты странных, дико фантастических фигур тихо двигаются среди огней, то подымая тонкие руки к небу как бы в молитве, то подбавляя дров к костру, то мешая огонь длинными вилообразными кочергами, пока потухающее пламя не вспыхнет снова, треща и виясь и брызгая во все стороны растопленным человечьим жиром, да выпаливая под облака целый дождь золотых искорок, тотчас же исчезающих в

густом облаке чёрной копоти. Это на правом берегу; перейдём на левый…

В тот самый предрассветный час, когда красные огни костров, чёрные облака миазмов и тощие фигуры факиров-прислужников, отразившись в последний раз в тёмном зеркале реки, одни потухают, другие расходятся, а миазмы с их запахом пригорелого мяса рассеваются утренним ветерком и все на *гхотах* погружается в тишину до следующего вечера, – в тот самый час, на противоположном берегу, начинается процессия другого рода…

Печальною, безмолвною вереницей, то короткою, то длинною, смотря по смертности в городе и окрестностях, тянутся индусы обоего пола. Они подходят к реке отдельными группами, без плача, безо всяких обрядов. Вот двое принесли на плечах что-то длинное, тонкое, завёрнутое в красную тряпку. Раскачав его за ноги и за голову, носильщики хладнокровно кидают ношу в жёлто-грязные воды реки. При падении, красная тряпка слетает в сторону, и тёмно-зелёное лицо молодой женщины показывается на один лишь миг, чтобы тотчас же исчезнуть в мутных волнах. Далее другая группа. Старик и две молодые женщины; одна из них, девочка лет десяти, низенькая, худая, далеко ещё не развитая, рыдает с причитаньем: то *мать мёртвого ребёнка*, которого она тотчас же бросит в холодные воды грязной реки. Слабый голос её монотонно раздаётся по берегу, а дрожащие руки словно не находят силы кинуть бедную, маленькую фигурку, скорее похожую на тёмно-коричневого котёнка, нежели на младенца. Старик её уговаривает, затем берёт мёртвое тело из её рук и, войдя в воду по пояс, кидает его на средину реки. За ним входят обе женщины, в чём стоят, то есть одетые или скорее полунагие, по обыкновению, и, погрузившись семь раз сряду в воду, для очищения после мёртвого тела, выходят на берег и даже не отряхнувшись идут домой. Между тем коршуны, вороны и другие хищные птицы, целый день кружащиеся над рекой в ожидании добычи, собираются черною тучей над телами и долго задерживают их путь вниз по течению. Иногда такое обглоданное тело, зацепясь за прибрежный тростник или попав

меж двух камней, беспомощно торчит из-под мелкой воды, пока наконец один из прибрежных *мёнгов*, несчастное бескастное существо, доля которого всю жизнь со дня рождения до последнего вздоха возиться за подобной *нечистою* работой, не придёт вооружённый своим длинным шестом и, зацепив застрявший скелет между рёбер, не выковырнет его из-под камней или тростника, чтобы снова толкнуть по течению – по дороге к синему Океану…

Но встанем теперь с песчаного и, несмотря на раннюю пору, уже накалённого берега. Простимся с водяным кладбищем бедных. Встанем и пойдём далее… Тяжелы и омерзительны для европейца подобные картины, и невольно при этом переносишься быстрокрылою мечтой туда, на далёкий север, на те мирные сельские кладбища, где вместо резных мраморных с высокими чалмами гробниц, костров из сандалового дерева, да грязной реки вместо последнего ложа, стоять кресты, осенённые старыми берёзами. Как мирно спят под высокой сочной травой наши *покойнички*. Не видал никто из них, сердечных, плывя вниз по течению, ни гигантских пальм, ни дворцов мраморных, ни пагод, крытых чистым золотом. Но зато над их бедными курганами цветут и фиалки, и белые ландыши, да весной заливается соловей на старой берёзе…

Для нас соловьи уже давно не поют ни в соседних рощах, ни на душе. Этого-то уж тут всего менее. Но пойдём вдоль высокой стены из красного песчаника, ведущей к крепости, когда-то знаменитой и залитой кровью, теперь же безвредной и полуразрушенной, как и прочие. Стаи зелёных попугаев, испуганные нашим приближением, выпархивают из каждой полуразваленной ниши стены, сверкая на солнце крыльями, словно летающие изумруды. Мы на "проклятой" англичанами территории, и стране Чандвада, где во время сипайского мятежа бхили, ринувшиеся из своих засад как неудержимый горный поток в долины, перерезали несколько дюжин своих властелинов, а вместе с другими и капитана Гэнре, возле Шинара, в двадцати милях [32,19 км] от Насика. *Татва*, древняя книга индусов, рассуждающая о географии времён царя Азоки (250-300 лет до Р. Х.*),* учит нас что земля махратов оканчивается

у стены города *Чандвад* или *Чандор*, а что Кандеш за рекой. Но англичане не признающие ни *Татвы*, ни каких других авторитетов кроме себя, приказывают нам верить, что Кандеш начинается у Чандорских холмов. Поэтому вышесказанную "крепость", одну из самых неприступных, по словам полковника Уоллеса, "по причине её с трёх сторон природного укрепления", англичанам пришлось брать в 1804 году у не отдаваших им оную "мятежников" махратов с большим трудом и таковым же уроном. Да и не взять бы её им никогда, и ни в какие веки, когда бы не мусульмане, заклятые враги вечно бывало побивавших их махратов. Они открыли наконец полковнику Уоллесу тайну некоего прохода под воротами крепости. Тогда, ворвавшись через этот проход ночью, англичане победили крепко спавших махратов, чем премного и хвалились в последствии. Через несколько времени, в неосторожную минуту щедрости они возвратили крепость Холькару, с тем чтобы *он содержал* в ней английских солдат, но чтобы солдаты впрочем считались *не на его* службе. Затем раскаялись даже и в этой милости, и в 1818 году, видя что Холькар не отдаст им крепости без боя, послали туда чуть ли не целую армию под предводительством сэра Томаса Гислопа, и таким образом отняли назад дарованное.

Радда-Бай

Письмо XIII[1]

В двенадцати милях [19,31 км] на юго-восточной стороне Чандвада находится целый город пещерных храмов, известных под именем Енкай-Тёнкай. Опять, как и в прочих пещерах, храмы на высоте ста футов [30,48 м] над подножием, а холм пирамидальный. Описывать их здесь в подробности невозможно, так как предмет этот требует совершенно иной разработки. Поэтому лишь бегло замечу, что и в этом случае все статуи, идолы и работа на колоннах приписываются б*уддистским* аскетам первых веков по смерти Будды. На том бы и можно

1 Московские ведомости, № 48, 18.02.1880, стр. 2-3; Русский Вестник, февраль 1883, Приложение, том 163, с. 120-126.

покончить, если бы здесь неожиданно не являлось для г-д археологов новое и гораздо более серьёзное затруднение, нежели все затруднения, вместе взятые, касательно других спорных пунктов. В этих пещерах находится более идолов, называемых *буддами*, нежели где-либо в другом месте. Они покрывают главные входные двери, густо посажены вдоль каменных балконов, занимают задние стены всех келий, стоят на часах, как чудовища-великаны у входов, и наконец две такие фигуры сидят в главном *танке* (бассейне), где столетие за столетием ключевая вода омывает их по пояс без малейшего видимого ущерба для их гранитных тел. Между этими *буддами* есть прилично одетые, с пирамидальными, многоярусными пагодами на головах, есть и голые: некоторые в сидячем положении, другие представлены стоя; есть между ними колоссальной величины идолы, есть и маленькие, найдутся и средние. Всё бы это ещё ничего, хотя мы знаем, что реформа, затеянная Гаутамой или Сидхартой-Буддой, именно в том и состояла, чтобы вести ожесточённую войну против браманов и искоренить навеки идолопоклонство. Эта религия сохранялась чистой, *без малейшей примеси идолопоклонства* целые века, пока, наконец, попав в руки тибетских лам, китайцев, бурмийцев [бирманцев] и сиамцев, она не совратилась и не исказилась ересями. Затем, изгоняемая из Индии, преследуемая ожесточёнными и, в свою очередь, торжествующими браманами, она нашла последнее убежище на острове Цейлоне. Там теперь она и процветает подобно тому легендарному алоэ, что цветёт будто бы лишь один раз в жизни и цвет коего убивает главный корень, а семена цветов, пуская, в свою очередь, отпрыски, производят сорную траву. Но главное затруднение для археологов состоит не в идолах, приписываемых буддистам, а в физиономиях, в *типе* всех этих *Енкай-Тёнкайских будд*. Все они до единого, от малого до большего – негры: приплюснутые носы, толстейшие губы, профили под углом 45° и курчавые волосы! Ни малейшего сходства между этою физиономией чистокровных негров и каким-либо из будд даже в Сиаме или в Тибете, где, при монгольских лицах с широкими скулами и такими же

широкими носами, у всех этих идолов, однако, гладкие, совершенно *прямые* волосы. Этот неожиданный и нигде не находимый в Индии африканский тип приводит антикваріев в полное смущение. Недаром археологи избегают говорить об этих замечательных пещерах, так как после Насикских пещеры Енкай-Тёнкайские для современных антикваріев настоящие Фермопилы.

Мы проехали Малеганв и Чикалвал, где осматривали чрезвычайно любопытный и весьма древний храм джаинов, снаружи построенный без малейшего цемента из сложенных квадратных, так аккуратно и тесно прилаженных камней, что даже тонкое лезвие ножа не проходит между ними; внутри храм украшен великолепной резьбой. Вернувшись в Тхальнер, мы отправились прямо в Гхару. Там, для того чтобы посетить великолепные развалины старинного, когда-то укреплённого города *Манду*, находящиеся в двадцати милях [32,19 км] к северо-востоку, нам пришлось опять нанимать слонов. На этот раз мы доехали благополучно и скоро. Упоминаю об этом месте, так как оно связано в моих воспоминаниях с одним из самых замечательных когда-либо виденных мною зрелищ, относящихся к той ветви многочисленных сект Индии, что обыкновенно называют "чёртопоклонством".

Манду расположен на хребте гор Виндии около 2000 футов [609,6 м] над уровнем моря. По уверению Малькольма, этот город был построен в IV веке по Р. Х. (в 313 году) и долго был столицей индусских раджей Дхары. Историк Фириштах указывает на Манду как на резиденцию Диливара хана Гхури, первого царя Мальвы, процветавшего от 1387 до 1405 года. В 1526 году город был взят приступом Багадур-шахом, царём Гуджератским, и затем снова взят обратно в 1570 году Акбаром, имя коего и год его посещения вырезаны на мраморной доске над главными воротами.

Странное чувство, должно быть схожее с тем, которое овладевает иными особами при их первом посещении Помпеи, охватило нас при самом входе в этот огромный, пустынный, называемый туземцами "мёртвым" город. По всему видно, что некогда Манду был одним из самых обширных городов Индии.

Городская стена – *тридцать семь* миль [59,55 км] в окружности, по измерению, сделанному в 1852 году. В этом бесконечном пространстве тянутся улицы на целые мили; по обеим сторонам стоят разрушенные дворцы, валяются мраморные колонны. Из-за развалившихся гранитных стен зияют провалы подземных покоев, в прохладном полумраке которых проводили жаркие дни султанши. Далее разбитые ступени, засохшие танки, безводные резервуары, бесконечно длинные дворы, мрамором выложенные помосты и поломанные арки величественных портиков. Всё это заросло вьющимися растениями и кустами, ныне скрывающими берлоги диких зверей. Высоко над развалинами торчат там и сям полуцелевшие стены мраморных и гранитных дворцов, пустые окна которых, широко тараща безглазые впадины под густою бахромой вековых чужеядных растений, как бы хмурятся на назойливых, нарушивших их покой пришлецов. А ещё далее, там, в самом центре развалин, из разбитого сердца опочившего города, из широкой богатырской груди, в которой когда-то бушевало столько страстей, столько жизни, выросла целая кипарисовая роща…

Казалось просто невероятным, чтобы город, который ещё в 1570 году назывался *Шадиабад*, "обителью счастья", и в несчётный раз описанный и упоминаемый францисканскими миссионерами Адольфом Акуавива, Антарио де Монсеротти, Энрикесом и другими лицами посольства, отправленного с тот самый год из Гоа к Могульскому правительству за разными привилегиями, один из величайших городов того времени в целом свете, с великолепными улицами и роскошью, удивлявшею даже самые роскошные дворцы того периода в Индии, – чтобы тот город был этими самыми развалинами, на которых мы насилу могли отыскать чистое место для палатки. Наконец, из опасения диких зверей, мы решились разбить её в единственном, почти неповреждённом здании Джами-Масжид, или "Соборной мечети", возвышающемся на гранитной платформе, ступеней на двадцать пять выше площади. Ведущая сюда лестница, мраморная, как и всё прочее, широка и мало повреждена временем; но зато крыша совершенно исчезла, и

над нами сиял бы целую ночь небесный свод, если бы не случилось одного обстоятельства, о котором ниже. Кругом главного строения, стоящего на квадратной площадке, с четырёх сторон идёт низкая галерея, поддерживаемая несколькими рядами огромных столбов. Издали, невзирая на свою немного неуклюжую непропорциональную величину, это здание очень напоминает Акрополь в Афинах. Со ступеней, где мы расположились, видится мавзолей Гушанга-Гури, царя Мальвы, доведшего город до высшей степени блеска и роскоши. Массивное, величественное строение из цельного белого мрамора, с крытою галереей на превосходно украшенных резьбой колоннах, когда-то ведшей прямо в один из его дворцов, теперь же обрамляющей глубокий овраг, который завален камнями и зарос кактусом. Внутри мавзолея пространная комната с потолком и стенами из широких квадратных плит, покрытых сверху донизу изречениями из Корана, писанными золотыми буквами, а посреди комнаты саркофаг самого султана. Неподалёку от этого жилища смерти дворец Баз-Бахадура – в мелких кусках, в пыли и заросший деревьями…

Усталые и изнемогая от жажды и голода, проходив весь день по развалинам, и с тремя убитыми змеями, перекинутыми через палки как военный трофей, мы вернулись за несколько времени до солнечного заката и уселись пить чай и ужинать у входа нашей палатки, уже расположенной внутри мечети. Мы нашли у себя нежданных гостей: *патель* – официальное лицо, нечто среднее между сборщиком податей и мировым судьёй – соседней деревни и два землевладельца (*земиндары*) приехали верхом засвидетельствовать нам своё почтение и умолять как нас самих, так и наших спутников-индусов, с которыми были давно знакомы, принять их приглашение и ехать с ними. Услыхав, что мы намерены ночевать в "мёртвом городе", они горячо восстали против этого плана. По их уверениям, мы затеяли опасное и совершенно неслыханное дело. Через два часа развалины оживятся и из-под каждого куста, из подземных комнат каждого дома начнут вылезать для ночного

разбоя гиены, *читты*[1] и тигры, не говоря о нескольких тысячах шакалов и диких кошек. Наши слоны или убегут, или же будут обессилены и съедены. Следует, не теряя времени, собраться в путь и, оставив как можно скорее за собою развалины, ехать в их деревню, которая отсюда всего на полчаса расстояния. Там у них уже всё приготовлено, и наш *бабу* ожидает нас.

Только в эту минуту заметили мы, что наш простоволосый и осторожный друг блещет своим отсутствием. Как видно, ещё за три часа до того он спустился в долину к своим знакомым и послал их за нами.

Вечер был так хорош и мы так было славно устроились, что мысль перевернуть все наши планы на утро вовсе не улыбалась нам. К тому же казалось просто смешным, чтобы развалины, где мы спокойно проходили целый день, не встретив ничего опаснее трёх убитых нами змей, были наполнены дикими зверями. Мы продолжали благодарить и отнекиваться.

– Но вам положительно невозможно оставаться здесь, – настаивал толстый *патель*. – Если случится несчастье, то я один должен буду отвечать перед правительством. Неужели вам приятно будет провести ночь без сна и в рукопашной схватке с шакалами, если не хуже того?.. Вы не верите, что окружены дикими зверями, невидимыми до заката солнца, но тем не менее опасными? Так поверьте же инстинкту слонов, которые не трусливее нас, но, пожалуй, умнее. Взгляните, что они проделывают!..

Действительно, с нашими важными, напоминающими философов слонами происходило в эту минуту нечто необыкновенное. Высоко задрав вопросительным знаком хобот кверху, они сопели и с беспокойством топтались на одном месте. Ещё минута, и один из них, перервав толстую, привязывавшую его к сломанной колонне верёвку как гнилую нитку, повернулся в один приём всем тяжёлым телом и стал напротив ветра. Крепко тянул он хоботом воздух, подняв правую ногу и как бы собираясь бежать… Он, очевидно, чуял опасного зверя.

1 *Чита* (англ. cheetah) – азиатский гепард. – Прим. ред.

Полковник поглядел на него через очки и продолжительно свистнул.

– Дело действительно выходит серьёзное, – заметил он. – Ну, а как в самом деле на нас нападут тигры…

Да, подумалось мне, а такура-то Гулаб-Лал-Синга с нами и нет!..

Оба наши индуса, поджав ноги, сидели на ковре и спокойно жевали бетель. На вопрос об их мнении они хладнокровно отвечали, что это до них не касается: что мы решим, тому они и последуют. Но остальные наши спутники, англичане, уже перепугались и поспешно собирались уезжать. Через пять минут мы все сидели на слонах, а через четверть часа, и в тот самый момент, как солнце заходило за гору и мигом распространились сумерки, мы выезжали из Акбаровских ворот и начинали спускаться в долину.

Но не отъехали мы и десяти шагов, как позади нас, не более как в полуверсте расстояния и как бы из только что оставленной нами кипарисовой рощи, поднялся вой и лай шакалов, а вслед за этим, как рёв обманутого ожидания, послышалось такое продолжительное, громкое, вдруг потрясшее воздух рычание, что нас всех бросило в холодный пот. Наш слон рванулся вперёд и чуть было не сбил с ног ехавших впереди верховых. Но на этот раз собственно мы, наездники, находились в безопасности: мы сидели в крепкой *хауде*[1], в плотно запертой, как карета, башне.

– Вовремя же мы убрались, – заметил полковник, рассматривая из окна, как верховые, человек двадцать приведенной *пателем* прислуги, зажигали факелы.

Через час мы остановились у ворот довольно большего бёнглоу и нас встречал, улыбаясь, наш простоволосый спутник бенгалец. Введя всю нашу компанию во двор и под веранду, он объяснил нам, что, зная наперёд, что наше "американское" упрямство восстанет против всякого предостережения, он пошёл на хитрость, которая, к счастью, и удалась.

– А теперь отправимся умыться и за ужин…

1 Хаудах (англ. howdah) – паланкин на слоне или верблюде. – Прим. ред.

И он добавил, наклонясь ко мне:

– Вы давно желали присутствовать на чисто индусском обеде или ужине. Ваше желание теперь исполняется. Наш хозяин брамин, и вы первые европейцы, переступающие порог его *семейного* жилого дома…

Радда-Бай

Письмо XIV[1]

Кому когда-либо приходило в Европе в голову, что есть на белом свете такая страна, где каждый шаг в жизни человека, малейший его поступок, особенно в домашнем быту, самое незначительное действие связаны с религиозными постановлениями и *не могут* быть иначе совершены, как по известной программе? В этой стране не только все крупные эпизоды жизни, все главные выдающиеся черты её, как-то: зачатие, рождение, переход из одного периода жизни в другой, женитьба, родительское звание, старость и, наконец, смерть, но даже все ежедневные отправления, функции физические и физиологические, как, например, утренние омовения, туалет, еда *et tout ce qui s'en suit*,[2] со дня рождения до последнего вздоха, – всё это должно быть исполнено по установленному браминами шаблону, *под опасением отлучения от каст*ы. Браминов можно уподобить музыкантам оркестра, в котором разнохарактерные инструменты представляют бесчисленные секты этой страны. Все они различной формы, разнятся и в звуках; тем не менее все подчинены одному и тому же капельмейстеру[3].

Насколько бы эти секты ни отличались одна от другой в толковании своих священных текстов и как бы враждебно ни относились они друг к другу, стараясь выставить вперёд и возвысить над прочими каждая своё божество, но все они и

1 Московские ведомости, № 55, 25.02.1880, стр. 3; Русский Вестник, март 1883, Приложение, том 163, с. 126-136.

2 И всё, что за этим следует (фр.). – Прим. ред.

3 *Капельмейстер* – руководитель хоровой капеллы или оркестра. – Прим. ред.

каждая из них, слепо повинуясь веками установленным обычаям, обязаны следовать, как музыканты, одному дирижёрскому жезлу – законам Ману. На одном этом пункте они сходятся и составляют единодушную, единомыслящую общину, крепко, неразрывно связанную массу. И горе тому, кто в этой общей симфонии произвольно или даже нечаянно сфальшивит! Старшины (должность у индусов наследственная) и выбираемый пожизненно верховный совет каждой касты или даже субкасты (коих множество) держат членов своей общины, что называется, в "ежовых рукавицах". Их решения безапелляционны, и поэтому-то исключение или, по принятому выражению, "отлучение" от касты является, одним из самых страшных наказаний, влекущих за собою ужасные последствия. "Отлучённый" хуже прокажённого, так как солидарность между кастами, особенно в этом отношении, нечто феноменальное и может сравниться разве лишь с солидарностью сынов Лойолы[1]. Если, при самом строгом соблюдении всех требований, члены двух разных каст, хотя бы и связанные самыми горячими чувствами взаимного уважения и дружбы, не могут не только вступать между собою в брак или вместе обедать, но даже и выпить, принять стакан воды друг у друга, или же выкурить вместе кальян, то понятно, насколько строже соблюдаются подобные запрещения касательно "отлучённого". Несчастный в полном смысле слова *умирает* для всех: для своих столько же, как и для чужих. Даже собственное семейство: отец, мать, жена, дети обязаны или отвернуться от него, или же быть, в свою очередь, отлучёнными. Нет надежды на замужество его дочерей, на женитьбу сыновей, как бы ни были дети неповинны в наказуемом грехе…

С минуты "отлучения" индус как бы исчезает для всех любивших и знавших его. Его мать, жена, дети не смеют накормить его, ни даже позволить напиться из домашнего колодца. Никто из прежней касты, тем менее из других, ни за какие деньги не осмелится ни продать ему, ни приготовить для него пищу. Ему буквально приходится или умереть с голоду,

1 Иезуитов. Игнатий де Лойола (1491–1556) – католический святой, основатель Общества Иисуса (ордена иезуитов). – Прим. ред.

или же ещё более осквернить себя, покупая необходимое у *бескастников* или у европейцев. Во времена браманской власти приказывалось обманывать и обворовывать "отлучённого", даже убивать его, так как он был *вне* закона. Теперь он, конечно, безопасен от последнего; но теперь, как и тогда, если по воле судеб ему случается умереть *до* своего прощения и возвращения в касту, для него нет ни священного костра, ни обрядов очищения; "мёнги"[1] бросают его в кусты или в воду как дохлое животное…

Понятно, что против такой силы – она тем страшнее в своей пассивности, что против последней закон совершенно бессилен – не помогут ни западное воспитание, ни английское влияние. Остаётся одно: каяться и подчиняться всевозможным унижениям, а благодаря алчности браманов иногда и полному разорению. Я знаю лично несколько браминов, кончивших самым блестящим образом курс в английских университетах, которые, вернувшись на родину, вынуждены были подвергнуться всем отвратительным требованиям "очищения", а именно: сбривать половину усов и бровей, ползать голыми на животе вокруг пагод, держаться по часам за хвост *священной* коровы, читая молитвы, и, наконец, есть испражнения этой коровы![2] Путешествие за море (*калапани*, т. е. за "чёрную воду") считается самым тяжким из грехов и требует вследствие этого самых строгих очищений. На совершившего такой поступок взирают как на человека, который от самой минуты отъезда на корабле *беллати* (иностранцев) до минуты возвращения осквернялся постоянно… Всего несколько дней тому назад один наш знакомый, доктор юриспруденции, блистательно окончивший курс в Англии, вынужден был пройти через подобное "чистилище" и чуть с ума не сошёл. На наше замечание, для чего же ему подчиняться всему этому, если, по собственному сознанию, он давно перестал верить в браманизм и сделался ярым "материалистом", он нам привёл причины, против которых возражать было невозможно. "У меня в доме

1 В ред. 1880 года: "манги". – Прим. ред.

2 Называется *панч-гайя*, дословно "пять коровьих" (принадлежностей): смесь из молока, масла, сыворотки, мочи и экскрементов…

две дочери (говорит он), одна пяти, другая шести лет; если я их не выдам замуж, особенно старшую, в продолжение этого года, то их станут считать перезрелыми и на них уже никто не женится. Допустив, чтобы меня отлучили, я их этим обесчещу, поставлю в невозможность найти мужей и сделаю их навеки несчастными. Затем старуха-мать до того суеверна, что, вследствие такого семейного позора, непременно покончит с собою: она уже не раз грозила мне самоубийством"... Но, быть может, заметят нам: почему бы ему, человеку образованному, разом не разорвать всякую связь с брахманизмом и кастой? Почему бы не соединиться с другими товарищами в подобном ему положении? Забрав семейство и всех ему близких – не перейти целою колонией на сторону цивилизации, присоединиться к европейцам?

Вопрос весьма естественный, но и ответ на него далеко не затруднителен. Как в знаменитом ответе одного маршала Наполеону, из тридцати двух приведённых им причин, почему нельзя было атаковать некоей крепости, первою причиной являлось отсутствие пороха, так что о других причинах и спрашивать было нечего, так и из многих причин, почему для индуса немыслимо *объевропеиться*, – первая должна оказаться совершенно достаточною и, конечно, не потребует указания остальных. Разрубив Гордиев узел, индус не только не помог бы горю, но попал бы прямо из огня да в полымя. Будь у него семь пядей во лбу, будь он в науке соперником какого-нибудь Тиндаля, в политике равен Дизраэли и Бисмарку, принадлежи он к знатнейшему роду, – как только он отрекается от своей касты и соотчичей, так разом становится в положение гроба Магомета: говоря метафорически, он повиснет между небом и землёй!..

Мудрая поговорка: "от своих отстал, а к чужим не пристал", кажется, сложена нарочно для этого злополучного народа. Напрасно воображают, будто отстранение как индийцев-магометан, так и индусов[1] от гражданской службы есть лишь

1 Европейцы весьма часто впадают в ошибку, смешивая индийских мусульман с *индусами*. Первые даже оскорбляются этим названием, и зовут себя индийскими *могулами*. Те – семиты, а индусы

результат несправедливой, трусливой политики, боящейся привлечения своих заклятых врагов к управлению страной. Общественный остракизм и совершенно откровенно высказываемое со стороны англичан враждебно-презрительное чувство "высшей" к "низшей" (по английским понятиям) расе играет в этом вопросе гораздо более серьёзную роль, нежели предполагают даже в Англии. Это незаслуженное презрение, высказываемое при всяком случае туземцам (включая тут и мусульман), с каждым годом расширяет между двумя нациями пропасть, которой им веками не засыпать. Приведу два примера.

Мы гостили у одного весьма влиятельного здесь лица, редактора английской газеты, и имели случай познакомиться с одним чрезвычайно замечательным мусульманином, молодым человеком из высшей туземной аристократии Сеидом М***. Что туземец принят в доме, посещаемом всем местным английским *beau monde*[1], объясняется двумя причинами: во-первых, мистер С*** далеко не заурядный англичанин, а джентльмен в полном смысле этого слова; во-вторых, этот курьёз, как нам кажется, можно отчасти объяснить тем, что Сеид М***, не в пример прочим, носит европейское платье, воспитывался в Англии и человек не только талантливый, но вдобавок сумевший заставить даже англичан уважать его. Горячий патриот, он бросил адвокатуру, обещавшую ему громкое имя и ещё большее состояние, и перешёл в гражданскую службу, приняв место судьи в незначительном округе, из-за одной надежды, по его словам, "хоть сколько-нибудь улучшить политическое и общественное положение туземцев". Единственный, быть может, пример между индийскими мусульманами: он не делает разницы между могулами и индусами и одинаково горячо защищает интересы обеих рас. Его любовь к индусам даже чуть ли не горячее привязанности к единоверцам: мать Сеида была перешедшею в мусульманство браминкой…

– Все мы, туземцы, дети одной и той же несчастной матери нашей, Индии, – говорил он нам недавно, выражаясь привыч-

---

арийского племени и разнятся от них во всём.

1 Высший свет, бомонд (фр.). – Прим. ред.

ным ему восточным и весьма поэтическим слогом. – Сыны одной горькой участи, мы должны дружно нести её, а не растравлять наболевшие язвы распрями между двумя фанатическими религиями.

Это говорилось вследствие только что происшедшего публичного в Бенаресе побоища между могулами и индусами во время и по случаю религиозных празднеств у первых.

Сеид М*** заезжал к нам каждый день и обыкновенно тотчас же заводил беседу о "болячках" Индии, как он их называл, и по целым часам бывало спорили – С*** отстаивая англичан, М*** доказывая угнетённое положение туземцев, несправедливость к ним англо-индийского общества и невыносимое высокомерие британцев в Индии. Раз у них зашёл спор горячее обыкновенного по поводу только что вышедших в Калькутте новых гражданских служебных постановлений. М*** спрашивал, почему, например, из двух чиновников, англичанина и туземца, и совершенно равных чинах и занимающих совершенно одинаковые должности (окружного судьи, например), англичанин получает на 35, а иногда с разными натяжками и на 60 процентов более годового оклада, нежели полагается на той же должности туземцу? Первому выдаются для летней кочёвки экстренные суммы, так называемые "лагерные", каждый год "вспомогательные", а туземцу *ничего*, кроме жалованья? "И ведь всё это из денег Индии (добавил он), т. е. из кровавого пота несчастной дойной коровы англичан, коровы, уже до того передоенной, что следует только удивляться, как у неё до сих пор не отвалилось вымя"...

Припёртый таким образом к стене, С***, блестящий писатель и такой же оратор, знакомый с политическим направлением калькуттского кабинета как с собственным карманом, не нашёлся что на это ответить и сказал парадоксальную глупость: "Не забудем (пробормотал он), что *мы* в этой стране *изгнанники*; что вы, индийцы, по вашему же собственному сознанию, нуждаетесь в нас, и что *было бы несправедливо заставлять нас служить вашей стране без хорошего вознаграждения*. Вы, туземцы, обязаны платить нам: наши нужды, наконец, более ваших"...

У М*** от изумления даже опустились руки.

– "Изгнанники"?.. – воскликнул он наконец. – Вы изгнанники? Да кто же вас просил приезжать сюда из-за морей спасать нас! Неужели…

Но он не докончил!.. Под перекрёстным огнём наших изумлённых взглядов, при этой комической выходке, сам С*** расхохотался над самим собою… Он видимо старался замять этот щекотливо-политический разговор. Но М*** не унимался; очевидно, у него сильно накипело на сердце, и он через несколько минут снова повёл атаку.

– Вот, – заметил он, – мы с вами старые друзья, и вы принимаете меня как равного. Но ведь это не потому, что мои прадеды были в продолжение стольких веков первыми сановниками могульской империи, или что мы ведём свой род от дочери Магомета… А просто оттого, что я в Англии сделался более или менее похожим на *джентльмена*, что я ношу чёрный фрак и, при случае, даже палевые перчатки. Иначе и в туземном костюме, хотя он красивее ваших чёрных мешков, вы стыдились бы принимать меня, тем более сажать за свой стол.

И на горячий протест хозяев он прибавил:

– Не спорьте, С***, а главное не отвечайте за других, так как я вам сейчас же докажу, что вы неправы и что есть между вами лица, в глазах которых даже мой чёрный фрак не спасает меня. Вчера, например, леди К*** не приняла моего визита. Это бы ещё ничего. Но знаете ли, что она приказала сказать мне через секретаря её супруга? Фраза знаменательная, уже облетевшая весь город и обрисовывающая в нескольких штрихах наше политическое и социальное положение. Она приказала мне передать своё "удивление"… Я должен был знать, что лорд К***, её высокородный супруг и мой начальник, три дня тому назад уехал из города, а что "жены" сановников ни в Англии, ни в Индии не имеют обыкновения принимать визиты "по службе". Иными словами, что ей и в голову не могло придти, чтобы туземец "осмелился" сделать английскому семейству визит наравне с другими смертными, кроме разве по *служебным обязанностям*.

– Леди К*** этим показала только свою природную глупость, – вспыхнула мистрисс С*** – Никто, кроме неё, не сделал бы вам подобной дерзости.

– Совсем нет, – отвечал, по-видимому, спокойно мусульманин. – Делали мне весьма часто и другие ваши дамы, и даже их мужья, мои собственные сослуживцы, такие же ничем не вызванные дерзости. – И он назвал несколько имён. – А если *я*, в моём исключительном для туземца положении, подвержен таковым, то чего же приходится ожидать другим, менее фаворизованным судьбой и правительством туземцам?

Он сидел, нагнувшись над чашкой, и говорил тихо, по-видимому, сохраняя полное хладнокровие. Только ложечка, которою он машинально постукивал о блюдечко, слегка дрожала в его руке, да чёрные глаза налились кровью и пылали…

– За Англию, которая меня воспитала, – продолжал он тем же тоном, – за правительство, которому я присягал в верности и которому служу, я готов отдать, ради моей же возлюбленной Индии, жизнь. Мы, как народ, неспособны теперь управлять страной без чужой помощи, это я знаю, хотя худо ли, хорошо ли, а управляли ею веками, и страна была богаче и счастливее. Но я сознаю, что теперь, за последнее столетие, мы выродились и что помощь Англии нам необходима. Но если я присягал в верности правительству, то не делал ещё ничего подобного в отношении к обществу и частным лицам… и я *ненавижу их*!.. Попомните мои слова: если Англии когда-нибудь снова придётся бороться с мятежом, то этому виной будет единственно английское же общество; и случится это вследствие до бешенства доводящего туземцев презрительного высокомерия посылаемых сюда ваших чиновников. Нам все твердят о тирании и деспотизме России, нас пугают жестокостью её правительства. Да знаете ли вы, что на это отвечают хоть бы наши мусульмане, потомки султанов, сердарей, героев и величайших государственных людей прошлых веков? Они говорят следующее: да, быть может, администраторы России и жестоки и её правительству не сравниться с "благодушным" правительством её величества императрицы Индии. Но когда

мы читаем и слышим со всех сторон, что в России такой-то генерал – *мусульманин*, другой – армянин и, несмотря на это, главнокомандующий целой армией, между тем как у нас последний английский солдат скорее дезертирует, нежели согласится повиноваться и признать начальником *туземца*, будь последний хоть принц крови, то, сравнивая нашу горькую участь с судьбой и надеждами каждого верного России иноверца и иноплеменника, у нас невольно шевелится на душе вопрос: чем же это мы одни заслужили подобные унижения? Почему это только нас одних держат в чёрном теле? И, в безмолвном отчаянии, сознавая всю безвыходность нашего положения, нельзя нам подчас и не позавидовать положению нашего брата мусульманина – в так называемой вами *деспотической* России!..

Второй пример. Семейство одного известного и очень учёного доктора медицины в Бомбее, уроженца Гоа, по фамилии португальца. Уже более трёх поколений они христиане католики, но прадеды как мужа, так и жены были чистокровными высокорожденными браманами. И муж, и жена воспитывались за границей и получили превосходное образование. Муж – кавалер нескольких почётных орденов, член многих учёных обществ и находится на хорошем счету в Азиатском Королевском Обществе. Жена – молодая двадцатилетняя женщина, превосходно образованная, обладает восхитительным голосом. *Ни тот, ни другая в обществе не приняты.* На их музыкальных вечерах по вторникам, кроме нескольких журналистов из европейской богемы, не найдётся ни одного лавочника-англичанина; из дам положительно ни одной. "Помилуйте", завопят либеральные барыни и барышни, юность которых, быть может, протекла в какой-нибудь задней лавке Оксфордской улицы, "помилуйте! Кто же водит знакомство с подобными *неграми*?"...

Чем-то странным, чудовищно невероятным покажется нашим русским читателям следующий замечательный факт: главною преградой между этим экс-браминским семейством и чванным англо-индийским обществом является *их обращение в христианство*, хотя и насильственное как все такие обращения

последних двух веков в португальской Гоа, где их крестили тюрьмой и инквизицией с её рафинированными пытками. Не потому что они католики, а просто по той причине что они некогда были индусами, и что в них, как презираемых мулатах Америки, течёт, по выразительной терминологии здешнего высоко-образованного общества, "хамова кровь"; потому что они потомки "низшей" расы (halfcastes) и наравне с "юразиями" (Eurasians, то есть евро-азиаты, имя образовавшиеся от слияния Европы и Азии) равно презираемы как туземцами так и христианами-европейцами. Будь они чистые идолопоклонники индусы, парсийцы или сыновья пророка – магометане, то раза два в год они ещё имели бы шанс быть приглашёнными на один из тех балаганных балов в "правительственном доме" когда этот дом как бочёнок с сельдями, набивается многими тысячами туземцев, которые наравне со стенными украшениями ставятся кругом в несколько рядов и затем забываются.

Ради яснейшего понятия о туземцах Индии, мы здесь распространились об этом вопросе, быть может, более, нежели следовало; как бы то ни было, но злополучные индусы, ввиду всего этого, предпочитают временное унижение и все страдания "очищения", как физические, так и нравственные, подобной перспективе общего презрения до самой смерти.

Множество подобных вопросов занимало нас в продолжение тех двух часов, которые нам пришлось высидеть до обеда с браминами. Это, как казалось с первого взгляда, опасное, почти невозможное отступление от предписаний Ману – обед с иностранцами и людьми других каст – объяснялось на этот раз просто. Во-первых, толстый *патель* был *главою* своей касты, поэтому не боялся отлучения; во-вторых, он заранее принял все предосторожности и предписанные законом меры, дабы не *осквернить*ся нашим присутствием; а в-третьих, либерал в душе и приятель Гулаб-Лал-Синга, он обещал ему показать нашему обществу на деле, сколько софизма и тонких уловок придумано хитрыми браминами, дабы, сохраняя на вид мёртвую букву закона, в то же время ловко вывёртываться при экстренных случаях из-под его железной руки. К тому же он

сильно желал, наш добродушный жирный хозяин, получить диплом от нашего общества и присоединиться к числу членов оного. Он слышал, что полковник О***, главный "коллектор" (сборщик податей) его округа, принадлежал к "американскому обществу", и поэтому искал быть может прислужиться нам.

Таковы были, во всяком случае, объяснения нашего *бабу* в ответ на выраженное нами удивление. Нам оставалось, стало быть, только возрадоваться редкому случаю и не упустить оного. Кто раз был допущен не только разделить, но даже присутствовать при обеде брамина, тот становится как бы священным в его глазах. Не только сам хозяин, но даже все члены касты его взирают на такого счастливца как бы на принадлежащего по крайней мере *de jure*[1] к их касте. Но зато как редки, почти невозможны такие случаи!..

Радда-Бай

Письмо XV[2]

Индусы едят всего два раза и день (мы говорим о богатых), утром в десять и вечером в девять часов; оба раза трапеза сопровождается сложными обрядами и церемониями. В остальное время дня никто, даже дети не едят ничего, так как есть без предписываемых религий заклинаний считается грехом. Тысячи образованных индусов давно перестали верить в эти суеверные обряды – остатки глубокой старины, но, невзирая на это, обязаны подчиняться им.

Наш хозяин Шамрао Бахунатджи принадлежал к древней касте "Патарских Прабху" (Pátáres Prabbhus) и весьма гордился своим происхождением. Прабху (т. е. лорды, господа) – потомки кшатриев (воинов), родоначальником коих был Ашвапати (700 лет до Р. Х.), происходивший по прямой линии от Рамы и Притту, которые, по местной хронологии, управляли Индией в *Двапа* и *Третья* Йугах[3]. Для них одних браманы обязаны исполнять чисто-ведические обряды, известные под названием

1 По праву (лат.). – Прим. ред.

2 Московские ведомости, № 64, 05.03.1880, стр. 4-5; Русский Вестник, январь 1883, Приложение, том 163, с. 136-149.

"обрядов кшатриев". Теперь их зовут *патанами* вместо патаров (т. е. "падшие"), и этим несчастием они также обязаны родоначальнику своему царю Ашвапати. Раз, раздавая милостыню святым отшельникам, он нечаянно обошёл великого Бригу. Оскорблённый этим, пророк и ясновидец проклял его, пригрозив, что его царствованию скоро придёт конец, а всё потомство погибнет. Тогда царь, бросившись к его ногам, стал умолять о прощении. Бригу наконец согласился простить его, но проклятие святого уже пустило корни, и всё, что он сам мог сделать для поправления дела, было не допустить его род до окончательной погибели. Вследствие этого патары вскоре потеряли престол и даже всякую власть. С тех пор им приходилось жить "пером" и службой разным правительствам, переменить имя патаров на патанов (падших) и жить беднее, нежели многие из миллионов бывших их подданных. К счастью, ещё прадеды нашего словоохотливого амфитриона[1] перешли в браманство, т. е. пролезли через золотую корову…

Выражение "жить пером", как мы узнали, относилось к тому, что со времени английского владычества почти все должности писарей и мелких чиновников в бомбейском президентстве заняты патанами, как в северо-западных провинциях их занимают бенгалийские бабу. В одном Бомбее их насчитывают до 5000. Они смуглее конканских браманов, но зато и гораздо красивее и умнее. А таинственное выражение "пролезать через золотую корову" означало следующее: в исключительных случаях и при готовности затратить большую сумму денег, не только кшатрии, но даже презренные шудры могут преобразоваться, так сказать, в "побочных" браманов. Настоящие браманы, от которых исключительно зависит эта

3 То есть по летосчислению индусов в *последнем* до настоящего *Кали-Йюга* и в *предшествующем* тому *Йюге*, так как они делят *Маха-Йюг* или "большой период" на четыре меньшие периода (*Йюга*), или по чисто-арифметическому исчислению около двух миллионов лет тому назад!!

1 Амфитрион – ставшее нарицательным имя гостеприимного хозяина из одноименной пьесы французского драматурга Мольера (1622–1673). – Прим. ред.

метаморфоза, заставляют их покупать это право за несколько сот, а иногда и тысяч коров. Затем, вылив из чистого золота корову, которая освящается при разных мистических церемониях, кандидата заставляют пролезать три раза через её пустое отверстие, и тогда подвергшийся такому искусу тотчас же перерождается в брамана. Нынешний Траванкорский махараджа и даже великий, недавно умерший махараджа Бенареса – оба шудры и некогда купили себе подобным образом желаемое право.

Все эти сведения как исторически-легендарная хроника о патарах были переданы нам с большою любезностью нашим хозяином. Попросив нас готовиться к ужину и обещав вернуться за вами через полчаса, почтенный Шамрао исчез, уводя с собою и наших кавалеров. Оставшись одни и пользуясь отсутствием мужчин, мисс Б*** и я отправились рассматривать пустой, как нам казалось, дом, захватив с собою одного лишь простоволосого бабу для объяснений. Бабу, как истый, современный бенгалиец, презирал религиозные приготовления к столу и поэтому находил лишним "готовиться". Он пошёл с нами.

"Прабху", если их несколько братьев, все живут в одном бёнглоу, и у каждого женатого брата непременно своя особенная комната (если не отдельное помещение во дворе) и свой слуга. Дом нашего хозяина был обширный, окружённый меньшими пристройками, занимаемыми его братьями, тогда как главное здание служило для гостей и заключало в себе общую столовую, молельню или кумирню, комнату для родильниц, другую для покойников и т. д. Как и все туземные бёнглоу, весь нижний этаж был окружён верандой (крытою галереей), с которой входы с арками и без дверей вели в большую, занимавшую весь нижний этаж залу. Вокруг этой комнаты, со всех её четырёх сторон шли деревянные с великолепной резьбой колонны, поддерживавшие потолок верхнего этажа и заменявшие в этом случае стены. Мне почему-то показалось, что эти колонны когда-то должны были украшать один из дворцов "мёртвого города". Резьба была совсем не индусского характера, и вместо богов, баснословных

чудовищ и зверей, колонны были покрыты арабесками с изящно вырезанными цветами и листьями. Колонны поставлены вблизи одна от другой, но рельефная работа не дозволяла им, однако, составлять одну сплошную стену, вследствие чего вентиляция оказывалась немного форсированною: во время нашего сидения посреди столовой нас продувал из-за каждой колонны сильный сквозной ветер и со всех четырёх сторон жужжали миниатюрные ураганы, будя всё уснувшие было в климате Индии ревматизмы и зубную боль. Весь фасад дома был покрыт прибитыми к стенам и над окнами железными подковами – вернейшее средство против злых духов и от глазу. К правой стороне фасада была прилеплена пристройка – высокая комната, называемая "озри"; из этой "озри" во всех туземных домах ведёт наверх (резной работы, как и всё прочее) лестница, у подножия которой на большой висячей без ножек кровати, спускающейся с потолка на железных цепях, лежал в натуральную величину идол, которого я сперва приняли за спящего индуса и даже приготовилась было ретироваться. Узнав, однако, нашего старого друга Ханумана, я расхрабрилась и стала его рассматривать… Увы! от когда-то целого бога оставалась одна лишь голова; остальное, долженствовавшее представлять тело, оказалось старыми тряпками… Налево от веранды находился ещё ряд пристроенных комнат; каждая из них имела особенное назначение. Так одна служила комнатой для родильниц; другая – для злополучных вдов, третья – для покойников и, наконец, большая комната, называемая "ваттан". Комната для прекрасного пола, который хотя и не обязан прятаться под вуалью, как мусульманки, и проводить жизнь в гаремах, имеет однако весьма мало общения с мужчинами и держится совершенно особняком. Здесь женщины только приготовляют пищу для мужчин, но не обедают вместе с ними; они часто пользуются уважением и даже иногда робкою почтительностью со стороны мужа, но тем не менее не осмелятся с ним заговорить не только при постороннем лице, но даже при его сёстрах и матери. Что же касается вдовы в Индии, то это самое несчастное существо в мире. Как только умирает муж, ей сбривают волосы и брови

навсегда. Все её украшения снимаются: и серьги из ушей, и кольца из носу, браслеты с рук и ног, и перстни со всех двадцати пальцев. Она буквально умирает для своего семейства как и для света, и даже "мэнг" не женится на ней, так как самое лёгкое к ней прикосновение оскверняет мужчину и он должен тут же бежать "очищаться". На её долю выпадает самая чёрная работа в доме, и ей не позволяется есть вместе с замужними женщинами или детьми. Самосожжение вдов ("сутти") запрещено, но браманы взяли своё: все вдовы жалеют о костре.

Наконец, осмотрев последнюю комнату – святилище индусов – "кумирню", наполненную идолами, перед которыми стояли цветы, горели лампады, свечи и курился фимиам в богатой бронзовой вазе, а пол был густо усеян *тульзи*[1] и другими ароматическими травами, мы отправились одеваться. После умывания нас заставили снять обувь: таков обычай, и нам оставалось лишь подчиниться или отказаться от браминского ужина. Но нас ожидал ещё более неожиданный сюрприз. Войдя в столовую, мы просто остолбенели: оба наши европейские кавалера были одеты – или скорее раздеты – индусами!

Из приличия на них оставили нечто вроде безрукавных фуфаек; они были босы, с обмотанными вокруг бёдер снежной белизны *dommu* и представляли нечто среднее между белыми индусами и константинопольскими *garçon de bains*[2]. Оба были невыразимо смешны, и я не знаю ничего уморительнее европейца в подобном костюме. К великому смущению мужчин и, как полагаю, скандалу серьёзных хозяек, я расхохоталась на весь дом. Сорокапятилетняя мисс Б*** старалась покраснеть, но тут же последовала моему примеру. Худшее совершилось; посмотрим, что далее…

Церемонии и обряды, о которых только что шла речь, достигают у индусов полного апогея пред каждым обедом и ужином. За четверть часа до того как садиться за еду, каждый индус от мала до велика обязан совершить *пуджу* пред богами.

---

1 Туласи (санскр. tulasī) – базилик тонкоцветный или базилик священный. – Прим. ред.

2 Прислуга в общественных банях (фр.). – Прим. ред.

Он не переменяет белья, но снимает даже то малое, чем прикрывается во время дня. Выкупавшись у колодца, то есть умыв себе руки, ноги и лицо, он распускает длинную прядь волос на макушке бритой головы и остаётся простоволосым;[1] обедать одетым или с покрытою головой считается у индусов грехом. Обмотав бёдра белою *шёлковою дотти* (шёлк обладает свойством отгонять злых духов, обитающих в магнетических токах атмосферы, говорит Мантра, книга V, стих 23), они идут поклониться идолам и затем уже садятся за трапезу.[2]

Засим, позволю себе ещё раз сделать маленькое отступление, хотя бы ради невольно являющегося вопроса: не таится ли за этим кажущимся суеверием о духах и шёлке чего-либо более глубокого. Уже давно, хотя изредка и с видимым нежеланием расстаться с излюбленною учёными идеей, что все обычаи древности и язычества основаны де на одном лишь *невежестве* и грубом *суеверии*, – уже давно, говорю я, стали открывать, что некоторые из этих обычаев, казавшихся столь нелепыми с первого взгляда, возникли из чисто научного принципа. Почему же не предположить скорее, что древние ввели подобный обычай, хорошо зная свойства и благодетельное влияние электричества в соприкосновении с голым телом человека на органы пищеварения? Те, которые изучали древнюю философию Индии с твёрдым намерением проникнуть в тайный смысл её афоризмов, в большинстве случаев убедились, что с самых древних времён свойства электричества были в значительной доле известны таким философам, как, например, Патанжали. Чарака и Шушрут изложили систему Гиппократа ещё за несколько веков до того, кого на Западе так долго называли "отцом медицины". Исчисления Сурьи-Сидхенты, доказывающие, что он знал и

1 Одни *бенгалийцы* носят короткие волосы, не сбривая на голове ничего; *пенджабы* также не бреют волос, но носят их во всю выростаемую длину и никогда не стригут их, пряча их только днём под белую чалму. *Раджпуты* тоже сохраняют длинные волосы, подбирая их на затылки. Но *махраты* и *декканцы* носят волосы наподобие ирокезцев, оставляя один длинный чуб, как то бывало делали запорожские казаки.

2 Следующие два абзаца отсутствуют в издании 1880 года и добавлены уже в переиздании в "Русском вестнике" 1883 года. – Прим. ред.

исчислил силу паров, века тому назад, неизгладимо начертаны на камне, что хранится в Бадринатском храме Вишну. Древние индусы первые вычислили скорость света и определили законы, которым он следует в своём отражении; а Пифагорова таблица и его знаменитая теорема о свойстве квадрата гипотенузы находятся в древних книгах Джьотиши (Geotisha)[1]. Ещё недавно западные математики указывали на Гиппарха Никейского как на отца тригонометрии, хотя всё, что они когда-либо могли узнать о нём, почерпнуто ими со слов его же ученика Птоломея; а теперь здесь найдена древняя рукопись, доказывающая, что "уравнение центра" (equation du centre) было известно индусам задолго до Р. Х. Даже в наши времена (в 1880 году живёт в Индии и копит на должности помощником судьи в каком-то захолустье некий Динанаф Атмарам Дальви (M. A. L. L. B., то есть магистр наук и бакалавр юриспруденции), велиайший быть может математический гений в мире. По свидетельству самого директора народного просвещения в Индии – Пейля – он, Дальви, доказал (три года тому назад), что великий Ньютон в своей “Rules for Imaginary Roots”[2] *ошибался с начала до конца*, и что применение сего Ньютоновского правила совершенно не достигает цели. Тот же Дальви разбил теоремы одного из величайших английских математиков профессора Сильвестра в пух и прах…[3]

Всё это дозволяет нам предполагать, что древние арийцы, устанавливая этот странный обычай носить во время еды

1 Джьотиша (санскр. jyotiṣa) – ведическая астрология. – Прим. ред.

2 «Правило для комплексных корней» (англ.). – Прим. ред.

3 В случае (и этот случай непременно случится), кто-нибудь из наших русских математиков, поклонников сэра Исаака Ньютона "воссерчает" на такое бездоказательное (пока) кощунство против великого математика и усумнится в моём заявлении, я предлагаю каждому до *дюжины* недовольных включительно – обратиться в редакцию *Московских ведомостей* с просьбой дать мне знать по моему адресу о таковом сомнении. Я не медля вышлю в упомянутую редакцию несколько брошюр Атмарама Дельви в коих он пространно и (по сознанию лучших профессоров) неопровержимо доказывает в чём состоят ошибки Ньютона. Брошюры будут высланы мною *бесплатно*, из одной любви к справедливости и дружбы к автору, гений которого напрасно пропадает в неизвестном захолустье Индии. Брошюры напечатаны по-английски. *Авт*.

шёлковые "дотти", имели в виду нечто серьёзнее, нежели отвод от "демонов". Хотя странно, что даже в наш просвещённый век есть учёные доктора-спиритуалисты, которые (как д-р Евгений Кроуэль, в Нью-Йорке) пишут целые учёные диссертации, доказывая, что так называемым "медиумам" одно спасение от злых духов-кикимор – носить на голове и груди плотно завязанные *шёлковые* платки, и хотя почтенный Кроуэль ещё не совсем ясно доказал учёному миру, что кикиморы вообще (американские в особенности) дрожат пред произведением шелковичных червей, зато он совершенно ясно и логично объясняет роль шёлковой материи в отношении к электричеству. А поэтому…

За нами явился хозяин, и мы отправились в столовую.

Войдя в "трапезную", мы тотчас же увидали, в чём состоят предохранительные меры индусов от осквернения. Каменный пол залы был разделён на две равные половины чертой, нарисованной мелом со странными кабалистическими знаками по концам. Одна половина предназначалась для хозяев и однокастников, другая – для нас. В стороне находился ещё третий квадрат для наших туземных спутников другой касты. За исключением этого лёгкого барьера, обе половины были одинаковы. Вдоль двух противоположных стен узкие ковры с подушками и низенькими скамеечками для сидений, по числу ужинавших; а пред каждым сидением на голом полу продолговатый квадрат, разделённый как шахматная доска на меньшие квадратики, – тоже мелом, – предназначаемые для различных блюд и тарелок. Последние заменялись толстыми и крепкими листьями ост-индского дерева "тика" (Butea frondosa): большие блюда – из нескольких листьев, сколотых вместе шипами, блюдечки – из одного закруглённого по бокам листа. Весь ужин был налицо и стоял пред каждою скамейкой; мы сосчитали сорок восемь таких блюдечек из малых листьев, на которых лежало по *глотку* яств – сорока восьми сортов! Все эти кушанья являлись нам материалом из *terra incognita* [незнакомой области (лат.)], некоторые оказались чрезвычайно вкусными, а ужин состоял из строго растительной пищи; говядина, птицы, яйца, рыба были изгнаны из этого *menu*.

[меню (англ.)]. Тут были и *чатни*[1], маринованные в меду и уксусе, фрукты и овощи; и *панчамрит*[2] – смесь из пампелло (ягоды), тамаринда, кокосового молока, патоки и прованского масла; и *кушмер* из редисок, мёда и муки; и прожигающие насквозь рот пикули, и пряности, и т. д. Всё это довершалось горою великолепно изготовленного риса и другою горой *чапати* – лепёшек вроде грузинских "чуреков". Блюдца стояли в четыре ряда, по 12 в ряд, а между каждым рядом дымилось по три курительных ароматных палочки, величиной с копеечную церковную свечу. Вдоль всего нашего отделения ярко горели красные и зелёные свечи в семи огромных, странной формы канделябрах, представляющих каждый семиглавую кобру, обвившую хвостом древесный пень и поднимающую во все стороны головы. Из семи ртов её подымались семь тонких, завитых штопором красных и зелёных восковых свечей. Дующий из-за всех колонн сквозной ветер развевал во все стороны жёлтое пламя, наполняя нашу высокую трапезную фантастически прыгающими тенями и заставляя сильно чихать наших "легко одетых" господ. Оставляя тёмные силуэты индусов ещё более в тени, этот неверный свет тем резче выбрасывал ярким белым пятном этих двух европейцев, как бы дразня и глумясь над ними…

Один за другим входили родственники и однокастники хозяев. Все они были нагими до пояса, со священным "тройным" шнурком браминов через плечо, босые, с распущенными волосами и все в белых шёлковых "дотти". За каждым "саабом" шёл слуга, нёсший его чашку, два серебряные или даже золотые рукомойника и полотенце. Все они, поклонившись хозяину, подходили к нам поочерёдно и, сложив вместе ладони, прикладывали руки ко лбу, к груди и наконец, нагибаясь, дотрагивались ими до земли, проговорив: Рам-Рам и

1 *Чатни* – большая группа традиционных индийских соусов, оттеняющих вкус основного блюда. Острые чатни хорошо дополняют неострые блюда. Варёные чатни иногда делают из овощей, но чаще – из фруктов. – Прим. ред.

2 *Панчамрита* (санскр. pañcāmṛta, pañca – пять, amṛta – нектар бессмертия, амброзия, напиток богов) – смесь из пяти упомянутых жидкостей. – Прим. ред.

намасте[1]. Затем они, поджав ноги, молча садились на свои места, напоминая мне, что этот древний обычай приветствовать друг друга вдвойне произносимым именем прародителя существует с доисторических времён.

Когда мы все разместились, индусы, спокойные и величавые, как бы собираясь совершать таинство, мы, чувствуя себя не совсем ловко, не зная что делать с собою далее и боясь совершить, в невинности души, какую-нибудь глупость и тем оскорбить хозяев, вдруг раздалось из тёмного угла тихое пение нескольких женских голосов. Полдюжины "нотчей" (певиц и танцовщиц пагод) затянули в унисон гимны и восхваления богам. Тогда под этот шумок, проголодавшиеся и усталые, мы принялись за рис, который, по научению и благодаря бабу, мы принялись есть правою рукой, так как иначе, если бы мы стали есть его левою, то разом привлекли бы на пир целую стаю *ракшасов* (демонов) и выгнали бы в ужасе всех туземцев. О ножах, вилках и ложках не было, конечно, и помину. Страшась провиниться невольно и по рассеянности, я всунула левую руку в карман, крепко держась во всё остальное время пиршества за носовой платок…

За исключением тихого пения, продолжавшегося всего несколько минут, пиршество оказалось из самых молчаливых. Был понедельник – день постный, и правило гробового молчания за пищей соблюдалось у них в тот день ещё строже. Обыкновенно, когда при случаях неизбежной необходимости случится кому проговорить хоть одно слово, то он спешит, омочив средний палец дотоле спрятанной за спиною левой руки в воду, увлажнить себе оным оба века. Но действительно набожный человек не удовольствуется таким очищением: прервав молчание, он обязан тотчас же встать, умыться и уже в тот день не дотрагиваться до пищи.

Благодаря подобному гробовому молчанию, мне представлялась возможность наблюдать за всем происходившим с величайшим вниманием. Несколько раз, впрочем, взглянув на полковника и мистера У***, уплетавших рис пригоршнями, мне

1 Первое – имя обоготворенного ими героя; второе, в буквальном переводе с санскритского, – "преклоняюсь перед вами".

стоило величайших усилий, чтоб опять не расхохотаться. Мной невольно овладевал неудержимый смех. Оба сидели с невозмутимою важностью и неловко работали и локтями и руками. Но я счастливо удержалась и устремила всё своё внимание на необычайную процедуру индусов. Постараюсь описать любопытные детали их манеры обедать и ужинать.

Каждый из них, усевшись с поджатыми под себя ногами и держа в левой руке принесённый слугою кувшин, наливал себе из него воды сперва в чашку, а затем в горсть правой руки. Потом он медленно и долго кропил из оной вокруг стоявшего отдельно от других кушаний листа с яствами (как мы узнали, для богов и духов) и во всё время этой церемонии напевал "мантру" из Вед. Набрав после этого в правую пригоршню рису, он повторял несколько других двустиший с припевом и, отложив пять щепоток на правую сторону своей тарелки, снова умывал руки (от глазу), снова кропил водой вокруг этой тарелки и, налив окончательно несколько капель в горсть правой руки, выпивал оную . Потом проглатывал другие шесть щепоток рису, одну за другою, бормоча всё время молитвы и, обмакнув в чашку с водой средней палец левой руки, дотрагивался им до обоих глаз. В заключении он прятал левую руку за спину и тогда только начинал свой ужин правой. Всё это совершалось в несколько секунд, но с большою торжественностью. Ели индусы, наклонясь всем туловищем вперёд и подбрасывая рукой пищу в рот с ловкостью японских жонглёров, не проронив ни одного зёрнышка, не пролив ни единой капельки из разных жидкостей. Из уважения к хозяевам и, вероятно, желая оказать этим честь Индии, наш полковник видимо старался подражать им в каждом движении. Он также было наклонился далеко вперёд всем туловищем, но, увы! – почтенное брюшко оказалось серьёзною помехой. Потеряв равновесие, он чуть было не повалился со своей скамеечки лицом прямо в яства, счастливо отделавшись на этот раз одними очками, которые полетели в кислое молоко с чесноком. После такого несчастного опыта храбрый американец разом отказался от дальнейших попыток "индуизироваться" и успокоился.

Все кончили ужин по обыкновению рисом, приправленным сахаром, толчёным горохом, оливковым маслом, чесноком и гранатами. Это последнее лакомое блюдо они едят поспешно, нервно, поглядывая на соседей и как бы вперегонки. Каждый из них смертельно боится опоздать и кончить после другого, так как это чрезвычайно дурная примета. Пред самым концом они снова забирают воды в горсть и, пошептав над нею заклинания, проглатывают её залпом. Горе тому, кто поперхнётся при этом! Ему залез в горло *бхут* (демон, дух умершего) и он должен бежать очищаться пред алтарём. Эти злые духи людей, умерших с неудовлетворёнными желаниями и земными страстями в полном их разгаре (других беспокойных покойников они не признают), сильно тревожат бедных индусов. Индийские духи, если верить показаниям всех и каждого, толкутся вокруг смертных. Их боятся и проклинают на всю Индию, не пренебрегая никакими средствами, дабы отвязаться от них и успокоить расходившихся *бхутов*. Понятия, идеи и выводы индусов диаметрально противоречат аспирациям[1] и надеждам западных спиритов. "Добрый и чистый дух, говорят они, на землю уж душу свою не пустит, коли та душа была также чиста. Он рад умереть и соединить свой дух (*атма*) с Брамой, жить на *сварге* (небесах) жизнью вечной и брататься с прелестными *гандарвами* (поющие ангелы или херувимы), под небесную песнь коих он дремлет целые вечности, в то время как душа (*джива*) продолжает очищаться от земной грязи в теле более чистом и более совершенном, чем только что оставленное ею".[2] Но не то ждёт злые души. Душа, не успевшая до смерти тела совершенно очиститься от земных помышлений, невольно отяжелеет под

1 Стремлениям (англ. aspiration). – Прим. ред.

2 По их понятиям, *дух*, "атма", частица целого, или Парабрама, не может быть наказуем за грехи, к коим он никогда не причастен. То *Манас*, животный разум (animal intelligence), и животная душа – *душа*, "джив", полуматериальная иллюзия или *Майя*, грешит и страдает и переходит из одного тела в другое, пока не очистится. Дух только осеняет её земные странствования. Когда Ego совсем очистилось, то это Ego или душа окончательно соединяется со своим *атмою*, духом, и мало-помалу оба погружаются в Парабраму и исчезают в нём.

бременем грехов и вместо того, чтобы, следуя законам метемпсихоза[1], тотчас же воплотиться в другую форму, она остаётся бесплотною, осуждённая бродить на земле. Она делается *бхутом* и, страдая сама, причиняет иногда невыразимые мучения своим же родственникам. Вот почему индус боится более всего на свете остаться *бесплотным* после смерти.

– Лучше перейти по смерти в тело тигра, собаки, даже желтоногого ястреба, – говорил мне недавно один старый индус, – нежели сделаться *бхутом*! Каждый зверь, какой бы он ни был, имеет своё собственное *законное* тело и право честно им пользоваться. А *бхуты* навек обречённые *дакоиты*, разбойники, воры, вечно настороже, как бы поживиться чужим добром. Это самое ужасное, невообразимо страшное состояние; это и есть *ад* по нашим понятиям. Что это за спиритизм такой на Западе? Неужели умные и образованные англичане и американцы сошли совершенно с ума?

И он так и не поверил, чтобы могли быть довольно безумные люди, чтобы любить *бхутов* и даже *приглашать их к себе на землю*.

После ужина мужчины все отправились во двор, к колодцу, и, умывшись, снова оделись. Обыкновенно они к ночи надевают чистые *малмалы*, род узких, длинных блуз, из тонкого жаконета[2], тюрбаны и деревянные сандалии с пуговкой, которую они захватывают между пальцами ноги, но оставляют обувь всегда у дверей дома. Вернувшись в приёмную, они рассаживаются возле стены на коврах и подушках, жуют бетель, курят трубки или индийские сигары и слушают священное чтение или смотрят на танцы "нотчей".

Это в обыкновенные дни. В этот же вечер (вероятно, в нашу честь) все оделись очень богато. На многих были *дарьи* – из богатой атласной полосатой материи, и по несколько золотых браслетов, золотые, украшенные бриллиантами и изумрудами *колье*, золотые часы, цепочки и белые, тонкие, как дымки, с

1 *Метемпсихоз* (греч. μετεμψύχωσις) – переселение душ, перевоплощение, реинкарнация. – Прим. ред.

2 *Жаконет* – тонкая бумажная материя с льняной основой из крученых ниток. – Прим. ред.

золотыми полосами *джанви* – браминские шарфы через плечо. Толстые пальцы нашего хозяина и правое ухо так и сияли бриллиантами.

Прислуживавшие нам женщины – хозяйки, исчезнувшие тотчас после ужина, вернулись к нам через полчаса разодетые и были теперь формально нам представлены. Их было пять: хозяйка, жена толстяка, женщина лет двадцати шести или семи; две женщины помоложе, из которых одна, к нашему удивлению, оказалась её дочерью, с ребёнком на руках; старуха – мать хозяина, наконец, жена брата его, *семилетняя* девочка. Таким образом хозяйка оказалась бабушкой, а девочка, которая должна была поступить в полное владение мужа года через два, много три, могла, в свою очередь, сделаться матерью задолго до двенадцати лет. Все они были босые, с перстнями на пальцах ног, и все, кроме старухи, носили гирлянды на шее и венки из натуральных цветов вокруг чёрных, как вороново крыло, кос. Их костюмы состояли из плотно облегающих шею и грудь вышитых золотом коротких корсажей (*чали*). Надетые на голое тело, они не доходили на целую четверть до *сари* – юбки-покрывала (если можно назвать юбкой эти короткие штаны, верхняя часть которых служит покрывалом для головы и вместе мантильей) и храбро открывали смуглый, блестящий при огне, словно вылитый из бронзы, стан красивых женщин. Их прекрасные руки были покрыты выше локтей дорогими браслетами, также как и щиколотки ног. При малейшем движении они звякали, а маленькая невестка, похожая на большую куклу на пружинах, еле могла двигаться под их тяжестью. У молодой хозяйки, "бабушки", носовое кольцо, продёрнутое через левую ноздрю, опускалось ниже подбородка и оттягивало нос. Только когда она сняла его, чтоб удобнее пить чай, мы рассмотрели всю её удивительную красоту.

Начались танцы "нотчей", из коих две были очень красивы. Пляска состояла из более или менее выразительной мимики. Ноги же семенили на одном месте, почти не двигаясь, или же двигаясь так быстро, что исчезали в тумане…

Я заснула сном праведных.

Радда-Бай

Письмо XVI[1]

Приятно после стольких проведённых на голом полу палатки ночей выспаться на кровати, хотя бы и висячей, – особенно когда это сопровождается сознанием, что спишь на ложе "бога". Последнее обстоятельство, впрочем, было мною открыто только поутру, когда, сходя с лестницы, я нашла, что божественного генерал-аншефа[2] (Ханумана) лишили висячего трона, а его самого, вместе с тряпичным телом, бросили под лестницу… Положительно, индусы XIX столетия вырождаются и кощунствуют!

Оказалось, что, за исключением старого дивана, это была единственная кровать в доме. Наши два кавалера провели ночь хуже нас: они оба спали в старой пустой башне, бывшей *гопаром* (алтарь) древней разрушенной пагоды за домом, куда их положили с благим намерением спасти от шакалов, забирающихся по ночам во все нижние этажи, где вместо окон и дверей существуют одни отверстия. Кроме неизменного ночного концерта, шакалы на этот раз не беспокоили их своим присутствием. Зато мистеру У*** и полковнику пришлось воевать целую ночь с неотвязным *вампиром*, который оказался не только летучею мышью, но и "духом", как они это позднее узнали к своему горю. Вот как это случилось:

Безо всякого шума влетал в башню вампир и, помахав своими холодными, липкими крыльями, садился то на одного, то на другого из спящих, очевидно, решившись полакомиться европейскою кровью. Раз десять они просыпались и прогоняли его, но каждый раз безуспешно; только что они было соберутся задремать, как снова почувствуют его лёгкое, почти неслышное прикосновение на плечах, ногах, груди. Наконец У*** изловчился: он поймал его за крыло и свернул ему шею…

---

1 Московские ведомости, № 69, 10.03.1880, стр. 2-3; Русский Вестник, январь 1883, Приложение, том 163, с. 148-156.

2 Генера́л-аншéф (фр. général en chef) – воинское звание и чин в вооружённых силах некоторых государств и стран мира. В XVII–XVIII веках во Франции генерал-аншефом неофициально называли главнокомандующего генерала, выделяя его из ряда генерал-лейтенантов и даже маршалов Франции. – Прим. ред.

К утру, похвалясь в невинности души этим подвигом пред хозяином дома, они, казалось, навлекли на себя все громы небесные. Двор был полон народа, а пред дверьми башни стояли, понурив голову, все домашние: старуха-мать рвала на себе волосы и запевала, приговаривая и причитывая что-то на всех языцех Индии. Что же такое случилось? Происшествие ужасное, узнав о котором мы пришли в величайшее смущение: по особенным известным только одному домашнему браману приметам, в этого кровожадного вампира, со дня своей смерти, *переселился* старший брат хозяина, а неистовствовавшей старухи – сын. Уж девять лет как покойник жил под этим новым видом, отбывая все повинности метемпсихоза. Днём, зацепясь когтями за ветку старого пипала, что пред башней (испокон века жилище духов), и, повиснув головою вниз, он проводил в глубоком сне часы между восходом и заходом солнца; ночью посещал старую башню, где ловил забравшихся туда на ночной покой насекомых. И так жил этот вампир, отмаливая потихоньку старые грехи, совершённые им, когда он был ещё прабхуским "патаном". А теперь? Его бездыханное тело валялось у входа в башню, и одно крыло уже отгрызли крысы… Старуха заливалась слезами, бросая яростные взгляды из-под покрывала своей бритой головы на У***, который, в качестве убийцы, имел вид отвратительно равнодушный.

Но дело запутывалось и становилось трагическим. Весь комизм оного исчезал пред искренностью её неподдельного горя. Толпа стояла вокруг; молчаливая и серьёзная, очевидно, не смея высказать свои настоящие чувства английским "саабам", но поглядывая на нас не особенно приветливо исподлобья. Возле старухи стоял семейный жрец и астролог, с книгой *Шастры* под мышкой и с жезлом в руке, приготовляясь начать над башней церемонию очищения. Он уже распорядился покрыть куском новой холстины полуобъеденный, облепленный муравьями труп отвратительного вампира, лежавшего пред ним с широко распростёртыми крыльями…

У*** по-прежнему стоял, хладнокровно посвистывая и с заложенными в оба кармана руками. Подошедшая мисс Б***, не стесняясь присутствием хорошо говорившего по-английски

хозяина, громко ораторствовала (совершенно *a l'anglaise*[1]) о грубом, невежественном суеверии этой "падшей расы". У*** не отвечал, но весьма презрительно улыбался. Тогда наш хозяин с низким "салаамом" подошёл к полковнику и учтиво попросил его вместе со мною на "несколько минут разговора"...

"Ну, – подумалось мне, – выгонят!.."

Но мы, как видно, не измерили ещё сердца индусов до полной их метафизической глубины.

Он начал с того, что сочинил экспромтом весьма кудрявое вступление. В нём напоминалось, что он, хозяин, человек образованный, получивший *западное* воспитание. Вследствие этого он-де не совершенно ещё уверен в том, что в теле вампира действительно обретался дух покойного брата. Дарвин и другие великие натуралисты Запада, однако, как бы сами верят в переселение душ, но, как он понимает, в *обратном* смысле; то есть родись у него в минуту несчастной смерти вампира сын, то, по самым последним научным соображениям, в этом сыне, вследствие разлагающихся по близости атомов вампира, явилось бы, по всей вероятности, много вампирского. "Так ли он понял Дарвина и его школу?" спрашивал он нас.

Мы скромно отвечали, что вследствие беспрерывных путешествий за последний год мы немного отстали от современной науки и о таковом её последнем заключении ещё не слыхивали.

– А я следил за нею, – немного напыщенно произнёс добродушный Шамрао, – и поэтому полагаю, что вполне понял и оценил её последние выводы. Я даже только что кончил превосходную *Антропогению* Геккеля и много думал над его логическим, научным объяснением об образовании человека из более низших животных форм путём трансформации. А что такое *трансформация* как не *трансмиграция* древних и современных индусов – *метемпсихоз* греков?

Мы ничего не нашли сказать против тождества и даже заметили, что по Геккелю оно действительно как бы выходит так.

---

1 На английский манер (фр.). – Прим. ред.

– Ну вот видите ли! – воскликнул он обрадовавшись. – Стало быть, наши воззрения не так глупы и суеверны, как об этом пишут и говорят некоторые противники Ману. Великий Ману, между тем, предупредил и Дарвина, и Геккеля. Судите сами: последний ведёт генеалогию или *генезис* человека от группы "пластидов"[1], от слизистого *монера*[2]; этот "монер" через *амёба*[3], а затем *зинамебия*[4], *асцидий*[5] и, наконец, безголового и бессердечного *амфиокса*[6], на восьмой стадии трансмигрирует в миногу[7] – превращается, наконец, в позвоночного *амниота*[8], в промамалию[9], сумчатое животное, а к отделу позвоночных принадлежит и *вампир*... Вы, конечно, как люди образованные, против этого спорить не станете?

Мы и не спорили.

– Так прошу вас, следите за мной...

Мы, без сомнения, следили с большим вниманием, только уж решительно не понимали, куда он нас заводит.

---

1 *Пластиды* – полуавтономные органеллы (постоянные компоненты клетки, жизненно необходимые для её существования) высших растений, водорослей и некоторых фотосинтезирующих простейших. – Прим. ред.

2 *Монера* – предложенное Геккелем название промежуточного звена между неживой и живой материей (одноклеточным организмом). – Прим. ред.

3 *Амёба* – род микроскопических одноклеточных простейших организмов, длина до 0,5 мм. – Прим. ред.

4 *Зинамебия* – предложенное Геккелем название первобытного амёбоподобного организма. – Прим. ред.

5 *Асцидии* – морские беспозвоночные донные животные, длина от 0,1 мм до 30 см. – Прим. ред.

6 *Амфиокс* (ланцетник) – маленькое, не более 5 см длиною, прозрачное позвоночное животное, которое некоторые причисляют к рыбам, но которое скорее должно считаться единственным представителем совершенно особого класса трубкосердых позвоночных животных. – Прим. ред.

7 *Минога морская* – водное позвоночное животное класса круглоротых с длинным голым змеевидным телом. Зоологи не считают миног классическими рыбами из-за их уникальной морфологии и физиологии.

8 *Амниоты* – высшие позвоночные (рептилии, птицы и млекопитающие). – Прим. ред.

9 *Промамалии* (англ. promammalia) – предполагаемые предки млекопитающих. – Прим. ред.

– Дарвин, – продолжал он, – ведёт своё учение о происхождении видов, следуя почти слово в слово "палингенетическому"[1] учению нашего Ману. В этом я вполне убедился и готов это доказать с книгами в руках. Древний законодатель говорит, например, вкратце следующее: "Великий Парабрама повелел, дабы от зародившегося в тине глубоких морей червя земного, пройдя через все стадии животного творения, явился в мире, наконец, человек. Червь сделался змием, змий рыбой, рыба преобразовалась во млекопитающее и т. д.". Не эта ли самая основная идея заключается в дарвиновской теории происхождения органических форм посредством постепенного перехода из простейших видов в более сложные, из бесструктурной протоплазмы в тине силурийского и лаврентийского периода (тина морей Ману) в антропоида[2], а затем в человека?..

Мы согласились, что действительно представлялось такое сходство.

– Но, несмотря на всё моё искреннее уважение к Дарвину и его последователю Геккелю, я не могу с ними согласиться в их окончательных заключениях, особенно с выводами последнего, – продолжал ораторствовать Шамрао. – Этот вспыльчивый и желчный немец, так верно копирующий эмбриологию нашего Ману и все метаморфозы наших предков, теряет из вида эволюцию *души человеческой*, которая, по учению Ману, следует рука об руку с эволюцией *материи* во всех её изменениях… Сын *Суайамбхувы* ("несотворенного") говорит так: "Каждое творение в ряду своих переселений приобретает, в дополнение к качествам всех предыдущих форм, новые таким образом, что чем ближе оно подходит к высшему земному типу, человеку, тем ярче в нём разгорается божественная искра" и добавляет: "Но, раз сделавшись Брамой на земле (то есть достигнув в образе *человека* верхней точки цикла трансмиграций), человек вступает в ряд трансмиграций *сознательных*". Другими словами, его будущие превращения будут зависеть не от

1 *Палингенез* (др.-греч. πάλιν – снова, опять и γένεσις – происхождение, возникновение) – в биологии означает появление у зародыша признаков, свойственных взрослым формам отдалённых предков. – Прим. ред.

2 *Антропоид* – человекообразный; здесь – обезьяна.

слепого закона постепенного развития, но от поступков его на земле, за малейший из коих он будет или награждён, или наказан. Поэтому в воле человека и от него самого зависит, пойдёт ли он выше по дороге к *мокше* (вечному блаженству), переходя из *локи* в локу[1], пока не дойдёт до *Брамалоки*, или же, вследствие грехов, снова не оттолкнётся законом возмездия назад. В таком случае он будет обязан возвратиться к прежним, уже раз бессознательно пройденным животным формам. Но если и Дарвин и Геккель, как физики, оба теряют из вида этот, так сказать, *второй том* их неполной теории, так остроумно "дополненной" в учении Ману, то всё же они нигде в своих сочинениях и не отвергают его. Не так ли?..

– Кажется, что не отвергают.

– Так почему же, – вдруг неожиданно накинулся он на нас, – почему же меня, вполне изучившего самые современные и последние идеи западной науки, меня, верующего в её представителей, которые, в свою очередь, буквально подтверждают научными выводами по крайней мере *первую половину* (эволюцию физического мира) учения Ману… почему меня, спрашиваю я, почтенная мисс Б*** причисляет к невежественным и грубым индусам, называя наши *дополненные* научные теории "суеверием", а нас самих сынами "павшей низшей расы")…

И у бедного Шамрао даже навернулись на глазах слёзы при воспоминании о незаслуженном оскорблении со стороны бестактной англичанки. А мы стояли сконфуженные, не зная что сказать.

---

1 Таких *лока* в религии индусов семь *главных* и множество *менее значительных*!.. "Лока" значит – страна, место. Локи вообще – очистительные миры, и некоторые секты видят их в звёздах. Души не очень грешные и освобождённые от земных переселений отправляются в эти миры, постепенно переходя от одного в другой, но всегда в образе человека, хотя этот образ растёт и совершенствуется с каждым новым "локом". Такие освобождённые от земной материи духи делаются, по понятиям индусов, *питрисами* и *дэвами*, которым поклоняются и приносят жертвы под названием "душ предков" (pitris). Последние соответствуют описанным средневековыми каббалистами *планетарным духам*. (См. *Heinrich Kunrath Amphitheatrum* etc., соч. Парацельза и пр.).

– Ведь я же не возвожу всех этих наших народных верований в "непреложные догматы". Я взираю на них пока как на простые теории, стараясь слить в одно, заставить древнюю науку гармонировать с современною; я просто "гипотезирую", как и Дарвин и Геккель. К тому же, как я слыхал, мисс Б*** спиритка: она верит в духов, в *бхуту*. А если "бхут", по её понятиям, в состоянии влезать в тела медиумов и овладевать на долгие часы и даже дни их организмами, то почему же невозможно не только *бхуту*, но и менее грешной душе войти в тело вампира?..

На подобную, чересчур уже "сжатую" логику мы, признаюсь, не нашлись что ответить, а предпочли, не затрагивая этого деликатного метафизического вопроса, извиниться пред ним за грубость мисс Б***:

"Она англичанка (говорили мы), и её не переделаешь: она не желала никого оскорблять, а просто высказала необдуманно клевету о суевериях" и т. д.

Хозяин мало-помалу успокоился. Он ещё с большим рвением принялся было доказывать нам, почему, вследствие глубоко обдуманного им закона "атавизма", или наследственной передачи свойств прыжками чрез пятого на десятого (как говорится) предка, он дошёл до настоящей необходимости полууверовать в тождество покойного брата его с покойным вампиром… Но вдруг У*** чуть было не испортил всего дела:

– Старуха совсем рехнулась!.. – закричал он нам через весь двор. – Она проклинает нас, утверждая, что убийство вампира лишь начало целого ряда несчастий, навлечённых сыном на их дом – вами, Шамрао… – грубо продолжал он, обращаясь к последователю Геккеля. – Она говорит, что вы осквернили вашу браманскую святость, пригласив нас, *беллати*, ужинать с вами и провести ночь в вашем доме… Посылайте, за слонами, полковник, не то нас выгонят.

– Но, помилуйте! – говорит в свою очередь растерянный браман. – Что же мне делать? Она старая женщина, быть может с предрассудками, но она мать моя… Вы люди образованные,

люди учёные; скажите же мне и научите, как помочь всему этому несчастью? Что бы вы сделали на моём месте?..

– Что бы я сделал, сэр? – воскликнул рассерженный глупостью положения У***. – Будь я на вашем месте и верь я в то, во что вы верите, я бы не задумался ни на минуту, а взяв револьвер, перестрелял бы: во-первых, всех соседних вампиров, хотя бы для того, чтобы разом освободить всех моих родственников от отвратительных тел этих животных; затем я прикладом револьвера разбил бы голову вон тому мошеннику браману, который сочинил подобную глупость. Вот что бы я сделал, сэр!..

Но этот совет не удовлетворил бедного потомка Рамы, и долго бы он бегал в недоумении от одного к другому, колеблясь между священным чувством гостеприимства, врождённым страхом к браману и собственным суеверием, если бы всех нас не выручил находчивый бабу. Услыхав, что мы, в свою очередь, рассердились и посылаем в деревню за слонами, чтобы тотчас же уехать, бабу уговорил нас подождать хоть один час, заявив нам, что подобный поступок был бы величайшим оскорблением хозяину, который отнюдь неповинен во всей этой истории. А что касается глупой старухи, то он обещал её угомонить очень скоро; у него уже и план де готов.

С этою целью он попросил нас отправиться на большую дорогу осмотреть развалины старой крепости и ждать там его прихода. Мы повиновались, но, чрезвычайно заинтересованные его "планом", шли тихо и нехотя. Мужчины злились, мисс Б*** ораторствовала, а Нараян, невозмутимо хладнокровный, как и всегда, поддразнивал англичанку "духами", в которых она веровала. Проходя за домом, мы увидали бабу, шедшего вдоль стены с фамильным жрецом и горячо о чём-то с ним спорившего. Бритая голова жреца кивала на все стороны, длинное жёлтое платье развевалось, а руки высоко воздымались к небу, как бы призывая богов во свидетели его слов…

– Ничего он не поделает с этим фанатиком, – заметил полковник, закуривая трубку.

Не успели мы после этого замечания отойти и на сто шагов, как увидали бабу, бежавшего за нами и делавшего нам знак остановиться.

– Всё благополучно кончилось, – кричал он нам ещё издали, размахивая руками и от смеха насилу выговаривая слова. – Вам предстоят благодарения. Вы являетесь спасителями и благотворителями покойного *бхута*… Вы…

И он упал на камень, держась обеими руками за узкую, запыхавшуюся грудь, и хохотал до того, что заразил своим смехом всех нас, ещё даже не понимавших, в чём дело.

– Подумайте только, – рассказывал он, – ведь всего десять рупий стоило; предлагал пять, но он заупрямился, а десять взял.

И он опять катался со смеху.

Наконец он объяснил нам следующую, дающую отчётливое понятие о святости браманов, придуманную им хитрость. Он знал, что вообще все *метемпсихозы* шайвов (поклонников Шивы) зависят от воображения фамильных "гуру", которые и получают за эти наставления от каждого семейства от 100 до 150 рупий в год. Такие браманы в то же время и астрологи, и распорядители всех установленных религиозных в семействе обычаев. Все обряды сопряжены с расходами, которые поступают в карманы ненасытных домашних браманов, причём обряды в честь какого-нибудь счастливого события оплачиваются гораздо лучше, чем те, которые совершаются вследствие несчастия. Зная всё это, бабу прямо приступил к делу: он предложил браману пять рупий, если тот разыграет фальшивую *самадди*, то есть притворится вдохновенным и, заговорив как бы от умершего сына, – объявит матери, что тот сам искал смерти в теле вампира; что он, с целью отвязаться от этой трансмиграции и перейти в *высшую*, – нарочно искал смерти; что ему теперь лучше и что он благодарить "сааба", освободившего его от отвратительного образа. К тому же он, бабу, слышал, что браман желает продать ожидаемый на днях плод своей буйволицы, а Шамрао отказывался от покупки. Чего же лучше? Пусть только преподобный отец *гуру* объявит (под влиянием той же *самадди*), что освобождённый дух намерен теперь поселиться в теле будущего буйволёнка, и мать,

конечно, заставить Шамрао купить это новое воплощение её старшего сына. Пойдут увеселения, новые обряды, и почтенному браману выпадет изрядная, по этому случаю, доля рупий.

Сначала, боясь быть изобличённым, *гуру* отказывался и призывал небо и богов во свидетели, что в вампире действительно проживал сын дома; но потом, когда бабу (сам глубоко изучивший все штуки браманов) доказал ему, что его выдумка не в состоянии была выдержать критики, так как подобной трансмиграции в *Шастрах* не находится, – он поддался, потребовав только 10 рупий и молчания… Таким образом дело было слажено, и старуха успокоилась.

Когда мы подходили к высоким воротам дома, Шамрао вышел к нам на встречу с сияющим лицом… Боясь насмешек, или же не находя ни в современных положительных науках вообще, ни в Геккеле, в частности, чего-либо положительного, на что бы сослаться в вопросе об этой новой трансмиграции, он нам не объяснил, почему вдруг всё переменилось к лучшему. Он только довольно неловко заметал, что старуха-мать, вследствие ей одной известных таинственных и новых соображений, успокоилась за судьбу сына, а затем не намекал более на эту маленькую неприятность. Зато он сделался ещё приветливее и веселее и умолял нас "из чистой любви к науке" отправиться с ним в этот вечер на религиозную *тамашу*[1]. Известная на весь околоток *джадувалла* (заклинательница, колдунья) находилась в то время под влиянием *семи богинь*, семи сестёр, которые все поочерёдно овладевали ею и пророчествовали её устами…

Мы с радостью согласились и стали с нетерпением ожидать вечера.

Радда-Бай

1 *Тамаша* (букв. развлечение, театральное представление) – один из наиболее популярных видов индийских музыкально-танцевальных представлений. – Прим. ред.

Письмо XVII[1]

Чтобы рассеять неприятное впечатление утренней истории, Шамраó предложил нам, между тем, сидеть у открытой двери молельни и взирать, как он будет совершать свои утренние обряды, поклонение богам. Для нашей любознательности ничего не могло быть приятнее этого, и мы, усевшись на веранде, стали наблюдать за ним в широкое, заменяющее дверь, отверстие…

Было девять часов утра, обыкновенный час утренней молитвы туземцев. Шамрао пошёл к колодцу приготовиться и "одеться" как он выражался, тогда как злые языки сказали бы: "раздеться". Через несколько минут, вернувшись в одном *дотти*, как за столом, и с непокрытою головой, он направился прямо к кумирне. В то самое время, как он входил туда, раздался громкий удар привязанного к потолку молельни колокола, который и не переставал звонить во всё время обрядов. Звонарь оставался невидимым; но бабу сообщил нам, что то звонит мальчик с крыши…

Шамраó вошёл правою ногой и очень медленно. Затем он подошёл к алтарю и сел, поджав и скрестив ноги на низенькую, стоявшую перед ним скамеечку. В глубине комнаты на алтаре, похожем на модную этажерку, стояли расположенные на покрытых красным бархатом полукруглых полках домашние боги. Идолы были из золота, серебра, меди и мрамора, смотря по достоинству и заслугам. Так Махадэва (Шива) был золотой, Гёнпати или "Ганеша" (сын Шивы, бог со слоновою головой) был серебряный; Вишну – в образе *Шалиграна*, чёрного круглого камня из реки Гандаки в Непале (Вишну в этой форме называется Лакшми-Нарайян); другие неизвестные божества находились там под видом больших раковин известных под названием *чакра*; бог солнца *Сурья*, и другие боги и богини (*куладевы*, домашние боги), стояли на заднем плане. Сам алтарь находился под куполообразной беседкой из сандалового с великолепною резьбой дерева; а по ночам эти боги и

1 Московские ведомости, № 76, 17.03.1880, стр. 3; Русский Вестник, январь 1883, Приложение, том 163, с. 157-163.

приношения покрывались огромным стеклянным колпаком от крыс. На стенах молельни висело много образов представлявших главные эпизоды в жизни высших богов.

Пока мы с любопытством рассматривали всё это, Шамрао, бормоча всё время молитвы, наполнил золой горсть левой руки и, закрыв её на минуту правой, налил в неё воды и, растерев золу между ладонями, стал проводить большим пальцем правой руки линию от кончика носа до средины лба, а отсюда к углу правого виска, а потом назад – от правого к левому. Совершив эту разрисовку своей физиономии, он стал по порядку натирать той же мокрой золой горло, живот, левую руку, грудь, правую руку, плечи, спину, уши, глаза и голову; после этого, направясь в угол комнаты к освящённому фонтану, он трижды окунулся с головой, как был в *дотти*, в огромной полной водою бронзовой купели, откуда и вынырнул, изображая собою неуспевшего высохнуть на солнце толстого тритона. Встряхнув распущенною прядью, он свернул её на манер того что в старину называлось *кудельком* и забрав опять воды в правую горсть стал ею водить вокруг головы. Эта операция завершила первое действие.

Действие второе началось молитвами *сандля* – религиозною медитацией – и *мантрами*, которые набожные люди повторяют по три раза в день, утром с восходом солнечным, в полдень и на закате солнца. Он громко произносил имена 24 богов, и каждое имя сопровождалось ударом колокола. Кончив, он сперва закрыл глаза, заложил уши ватой, а двумя пальцами правой руки левую ноздрю и, шумно вытянув воздух правой, захватил большим пальцем и другую ноздрю, крепко сжав губы, чтобы не дышать. В этом положении всякий благочестивый индус должен мысленно повторить некий стих с метром *Гайатри*: то священные и непроизносимые слова, которые ни один индус не осмелится повторить громко, и, даже читая их *мысленно*, удерживает насильственным образом дыхание, чтобы не вдохнуть в это время чего-либо нечистого. Дав честное слово не повторять всего стиха, я могу однако, привести отрывочные фразы; молитва начинается так:

"Ом!.. Земля!.. Небо! да осенит меня обожаемый свет... (этого имени нельзя произносить)... Твоё солнце, о *Единый*, да осенит меня, недостойного... я закрываю глаза, затыкаю уши, не дышу... дабы видеть, слышать, дышать одним тобою... Да озарит наши мысли (снова тайное имя)".

Любопытно сравнить с этой молитвой индусов Декартовскую молитву, *Meditation* III в его *L'Existence de Dieu* (1.641). Если читатели помнят, в ней говорится следующее: *"Я теперь закрою глаза, заложу уши, отгоню все пять чувств от себя... и остановлюсь над одною мыслию о Боге, задумаюсь над Его качеством и стану взирать на красоту этой чудной светозарности"*.

Кончив эту молитву и держа между двумя пальцами священный браманский шнурок, индус читает тихо и про себя другие молитвы. Потом, смешав немного рису и сандалового порошка, он берёт стоящий на алтаре кувшин с водой и, отмыв старые пятна, налепляет на него свежие из только что сфабрикованного им теста. За этим следует церемония "умовение богов".

Снимая их одного за другим, по чину, он опускает их сперва в купель с водой, а затем купает в молоке, в другой бронзовой купели у алтаря. Молоко перемешано с простоквашей, маслом, мёдом и сахаром, так что вместо купанья выходит пачкотня. Но все это смывается в третий раз в первой купели и вытирается досуха чистым полотенцем. Поставив идолов на место, индус рисует на них кольцом с левой руки сектантские знаки, употребляя для *Линги* белый сандал, а для *Гёнпати* и *Сурьи* – красный. Потом он их окропляет разными душистыми маслами, посыпает цветами, принося каждый день свежие, и оканчивает длинную церемонию звоном изо всей силы идолам под нос посредством маленького колокольчика – "дабы разбудить их", говорят браманы, вероятно полагая не без основания, что боги в это время все со скуки уснули. Заметив или же воображая (что иногда одно и то же), что боги проснулись, он начинает им подносить свои жертвы: зажигает курительные свечи, лампады и раскуривает им кадильницей фимиам, по временам щёлкая пред их физиономиями

пальцами, чтобы, как надо полагать, они "смотрели в оба". Покурив во все стороны ладаном и камфарой и набрав в руки цветов,[1] он осыпает их снова, становится за скамейку и, произнося последние молитвы, проводит ладони обеих рук над пламенем свечей и ламп, трёт себе руками лицо и, обойдя три раза вокруг алтаря, кладёт трижды земной поклон и удаляется, лицом к алтарю и идя задом.

В то время как хозяин кончает свой утренний обряд, в молельню входят женщины и, сев на низенькие принесённые ими скамейки, начинают перебирать чётки и молиться. Чётки здесь играют немалую роль, как и у буддистов. У каждого бога свои особенные чётки, и факиры покрываются оными.[2]

Оставив женщин молиться на свободе, мы последовали за Шамрао в коровье стойло. В лице этого животного поклоняются "кормилице-земле", природе. Отперев дверь, он сел возле коровы и стал обмывать ей ноги, сперва её же молоком, затем водой. Потом он покормил её рисом и сахаром из горсти, выпачкал ей голову сандаловым и другими порошками, украсив рога и все четыре ноги гирляндами из цветов; покадив под морду ладаном и покрутив над головой зажжённою лампой, он обошёл её трижды и сел отдохнуть. Есть такие индусы, что обходят вокруг священной коровы до ста восьми раз с чётками в руках. Но наш Шамрао был человек с маленькою тенденций повольнодумничать и слишком начитался Геккеля. Отдохнув, он наполнил кружку водой, обмакнул в неё хвост коровы и – выпил!..

Таким же образом он исполнил обряд поклонения священному растению *тульси*[3] (жене Кришны) и Солнцу, с тою только разницей, что так как он не мог исполнить над этим божеством обряда омовения, то, став пред светилом дня на

1 У каждого божества и богини свой любимый, привилегированный цветок.

2 Эти чётки, называемые *мала*, имеют сто восемь зёрен; их делают или из чёрных ягод вроде шиповника – *рудракша*, или же из светлого дерева *тульси*. Повторяя молитвы с чётками, набожные индусы часто прячут руки в особенной формы мешок, который они зовут "коровьим ртом" (*гамукли*).

3 Царский *Basilicum*, попросту базилик.

одной ноге и набрав в рот воды, он прыснул на *Сурью* три раза, обрызгав, вместо Солнца, всех нас.

Причина странного поклонения растению *тульси* до сих пор ещё остаётся для нас загадкой. Знаю только одно, что хотя в сентябре каждого года совершается брачная церемония этого растения с богом Вишну, но *тульси* называется женой Кришны, быть может, потому, что Кришна воплощение Вишну. В этот день все индусы (у которых нет ни одного дома без горшка с этим растением) разрисовывают и украшают мишурой горшки, в которых растёт тульси, затем горшок становится в сад и вокруг него чертят мелом какой-то магический квадрат; браман берёт идола Вишну в обе руки, и став пред растением начинает венчание: последнее состоит в том, что двое женатых берут шаль и раскрыв её держат между цветком и идолом вроде ширмы, пока браман бормочет мантры, а женщины и девушки (особенно поклоняющиеся *тульсе*) бросают на растение и бога рис и шафран. По совершении брачной церемонии шаль дарится браману, идола ставят под тень его жены, все индусы хлопают в ладоши, дерут уши там-тамом[1], пускают ракеты, дарят друг друга кусочками сахарного тростника, и всячески веселятся до утра…

В прошлом сентябре мы были случайно очевидцами этого венчания в собственном саду, где наш *мали* (садовник, фанатичный индус) не согласился бы ни за какие деньги дозволить иностранцам осквернить своим присутствием священный *tête-à-tête*[2] с богами.

Но вот настал вечер, и мы опять на слонах, и снова собираемся в путь; но это ненадолго. До логовища старой колдуньи (пифии Индостана) всего пять миль [8,05 км], и дорога хотя и пролегает через густые джунгли, но гладкая и ровная. Даже и джонгл с его свирепыми обитателями уж не пугает нас. Прежние трусливые слоны отосланы домой, и мы сидим на других, присланных нам соседним раджей. Они не раз

1 *Там-там* – ударный музыкальный инструмент азиатского происхождения, представляющий собой выпуклый диск значительных размеров, изготовленный из металлического сплава (близкого бронзе), разновидность гонга. – Прим. ред.

2 [Общение] с глазу на глаз (фр.). – Прим. ред.

охотились за тиграми, и рёв всех зверей в околотке не испугает этих старых патриархов лесов; словно два тёмных холма стали они пред верандой… Итак, в дорогу!.. Красноватое пламя факелов ослепляет глаза, усугубляя мрак окружающего нас со всех сторон леса. От этого яркого освещения он кажется ещё чернее, ещё таинственнее…

Есть что-то невыразимо заманчивое, почти торжественное в подобных ночных путешествиях по Индии. Тихо и глухо всюду: всё спит кругом, внизу и над головами. Один тяжёлый мерный звук гигантских шагов слона глухо раздаётся в тиши ночной, словно удары молота по наковальне в подземной кузнице Вулкана[1]. По временам разносятся по лесу странные голоса и звуки, будто кто-то тихо воет меж разбросанными скалами руин. "То ветер завывает", говорим мы: "удивительный феномен акустики"… – "Бхута! бхута!" – шепчут испуганные факельщики, трижды потрясают вокруг себя зажжёнными факелами, и быстро крутятся на одной ноги, щёлкая пальцами, чтоб отогнать расходившихся духов. Жалобный вой замолк, и снова слышится одно металлическое трещанье ночных сверчков, заунывное кваканье древесной лягушки, да мелко выбиваемая дробь кузнечика. Временами всё это умолкает, чтобы через минуту снова наполнить лес стройным хором… Боже мой! сколько бытия, сколько жизненной силы скрывается под каждым листиком, под малейшей травкой этих тропических лесов! Мириадами горят звёзды на тёмной синеве неба, и, словно бледное отражение далёких светил, такими же мириадами светятся фосфорические искры светляков и огненных мушек, со всех сторон мигая нам на ещё темнейшей зелени кустов, точно указывая и освещая наш путь…

Радда-Бай

1 *Вулкан* – бог огня и покровитель кузнечного ремесла в древнеримской мифологии. – Прим. ред.

Письмо XVIII[1]

Выехав из тёмного бора, мы очутились на довольно ровном месте, в котловине, окружённой с трёх сторон стеной того же непроходимого леса, где, вероятно, и в полдень лежат ночные тени. Мы находились теперь на высоте около 2000 футов [609,6 м] над подошвой Виндийской цепи, так как прямо над нашими головами виднелись высокие развалины стен Манду.

Неожиданно подул довольно холодный ветер и чуть не погасил все наши факелы. Пойманный в лабиринте скал и кустарника, он вдруг завыл, яростно потряс зелёными перьями цветущей моринги, вырвался и, пронесшись вихрем кругом котловины, полетел по ущелью, вопя и заливаясь, точно все лесные духи выли похоронные песни по ведьмам гор…

– Мы приехали! – объявил Шамрао, слезая с лошади: – Вот деревня, а дальше ехать нельзя.

– Куда приехали?.. И где же деревня… здесь один лес!

– Деревни и домов вы ночью не увидите. Землянки все скрыты меж кустарников, а многие, вырубленные в скалах, мало отличаются от них и днём. Огня же никто здесь не зажигает после заката солнца… боятся духов, – пояснил он.

– А где же ваша ведьма? Неужели нам придётся глядеть на неё в темноте?

Шамрао пугливо оглянулся кругом, и голос его заметно дрожал во время ответа нам:

– Прошу вас и умоляю, не называйте её *даккин* (ведьмой)… Она может услышать вас… Теперь нам недалеко до неё, хотя вам и придётся идти пешком… с полмили. Туда к *ней* и лошадь, не только что слон, не пройдёт. У неё мы найдём огонь…

Сюрприз выходил довольно неприятный. Идти ночью полмили в Индии, пролезая сквозь чащи кактусов в дремучем лесу, полном зверей! Мисс Б*** решительно протестовала и объявила, что не пойдёт, а останется ожидать нас, не слезая со слона, в *хауде*, где может преспокойно заснуть. Она так и сделала.

---

1 Московские ведомости, № 80, 21.03.1880, стр. 3-4, № 81, 22.03.1880, стр. 4, № 85, 26.03.1880, стр. 2-3, № 88, 29.03.1880, стр. 5; Русский Вестник, январь 1883, Приложение, том 163, с. 163-178.

Нараян, протестовавший против этой *partie de plaisir*[1] с самого начала, хотя и не объясняя нам почему, заметил ей, что она очень благоразумно поступает в этом случае.

– Вы ничего не потеряете, отказавшись от свидания с *даккини*... И я очень бы желал, чтобы вашему примеру последовали и другие...

– Но какой же вред может выйти от этого? – настаивал Шамрао, немного огорчённым тоном, так как он первый затеял эту поездку. – Не говоря уж о том, что наши гости будут иметь случай увидеть чрезвычайно любопытное зрелище "воплощения богов", зрелище редкое и которое не всякому европейцу удаётся видеть, "Кангалимм" – женщина святая... Она пророчица, и её благословение, хотя она и язычница, не может никому повредить... Я настаивал на этой поездке из чистого патриотизма...

– Если ваш патриотизм, сааб, состоит в том, чтобы хвастаться пред иностранцами мерзейшими язвами нашей без того униженной, почти задохшейся в грязи родины, то почему же вам скорее не пришло в голову собрать властью *пателя* всех прокажённых в вашем околотке и похвастаться перед вашими гостями *ими*? – отвечал со странною горечью Нараян.

Боясь ссоры между индусами, полковник заметил, что теперь уж поздно каяться. К тому же, хотя он сам в "воплощения богов" не очень верит, но знает, что так называемое на Западе *беснование* есть факт. Суд, недавно свершившийся в России над тихвинскими крестьянами, которые сожгли Аграфену-ведьму, – доказательство существования странной и таинственной болезни, называемой на Западе "медиумством", а в России "кликушеством". Полковник желал изучать всякие такие психические явления, где бы и под каким бы видом они ни являлись, с научной точки зрения...

Странное зрелище представилось бы глазам наших американских и европейских друзей, если б они могли увидеть нас среди этого ночного шествия! Дорога шла узкою тропой в гору, и по ней нельзя было пройти более чем по два в ряд, а нас было тридцать человек с факельщиками. В полковнике

1 Увеселительная прогулка (фр.). – Прим. ред.

вероятно проснулось воспоминание о его ночных вылазках против конфедератов[1], и он тотчас же принял на себя команду над нашей экспедицией. Эта команда, впрочем, ограничилась весьма немногим. Зарядив револьверы и ружьё он послал трёх факельщиков вперёд освещать дорогу, что бы они сделали и сами – и скомандовал: марш! Теперь нам нечего бояться конфедерации тигров, и мы можем спокойно идти. Извиваясь огненным змеем по лесу, наша процессия медленно поползла вверх по тропинке.

Нельзя сказать, чтоб явившееся полчаса позднее в берлогу пророчицы Манду общество отличалось особенною свежестью или изяществом туалетов. У полковника и У*** дорожные блузы были в лохмотьях, как и моё платье. Кактусы собрали с нас посильную дань по дороге; а во взъерошенных волосах бабу копошилась целая колония светляков и длинноногих трещеток-сверчков, неотразимо привлекаемых к его голове, вероятнее всего, запахом кокосового масла. Толстый Шамрао пыхтел, как паровая машина. Один Нараян, высказав своё мнение, вернулся к своему невозмутимому хладнокровию, походя во всякое время дня и ночи, а теперь в особенности, на бронзовую статую Геркулеса с палицей.

При последнем повороте, где нам пришлось лезть вверх по огромным обломкам скал, мы очутились на тропинке, которая вела далее по ровной окраине густого леска. Когда это последнее препятствие было побеждено, наши глаза были неожиданно и несмотря на наши факелы ослеплены необычайным светом, а слух поражён самыми непривычными звуками.

Пред нами открылась другая котловина, вход в которую, через пройденное нами ущелье, маскировался только что обойдённым лесом. Как мы потом сообразили, можно было ходить вокруг этого заколдованного леска неделю и даже не

1 Речь о гражданской войне в США (1861-1865) между Югом (конфедераты) и Севером (республиканцы), возникшей после отделения 13 южных рабовладельческих штатов от США и провозглашением независимой Конфедерации. Г. С. Олкотт вступил в Северную армию в 1862 году и принимал участие в военных действиях в Северной Каролине, проявив храбрость и высокие моральные качества. – Прим. Ред.

подозревать о котловине, в глубине которой мы увидели жилище знаменитой *Кангалиммы* – колдуньи и оракула всего околотка.

"Логовище" оказалось довольно хорошо сохранившейся развалиной древнего индусского храма; вероятнее всего, он был построен гораздо ранее "мёртвого города", где не дозволялось язычникам иметь своих храмов, – так как эта полуразвалина находится как раз под тем, что было некогда городскою стеною, и вне линии последней. Куполы двух боковых, небольших пагод провалились, и из алтарей храмов повыростали огромные кусты, в тот вечер исчезавшие под разноцветными тряпками, горшечками[1] и другими талисманами народного суеверия, которое даже в них видит нечто божественное… "Разве не выросли они на священном месте? В их фибрах не течёт разве сок весь пропитанный фимиамом жертвоприношений и испарениями святых отшельников, некогда живших и дышавших здесь?" отвечал нам в виде вопросов на наши замечания учёный, но суеверный Шамрао.

Зато средний храм, выстроенный из красного гранита, был ещё крепок, и сквозь его четыре толстые колонны чернело бы, если бы не мешала дверь, глубокое отверстие, прорытое под горой. Чтó было за дверью, – никто не знал. По уверению Шамрао, ещё ни одна нога живого существа, из трёх последних поколений, не переступала за эту толстую, обитую железом дверь, ведущую во внутренность подгорного храма. Кангалимм жила там одна, и в памяти старейших обитателей *всегда* жила там. Одни говорили, что ей 300 лет; другие уверяли что один древний старец сознался перед смертью сыну что старуха – *его родной дядя*! Последний удалился в пещеру спасаться и прокладывать себе дорогу к *мокше*, ещё в те времена когда "мёртвый город" считал несколько сот последних своих обитателей. Пустынник не принимал никого, и чем и как он жил, никто того не знал и не знает. Но вот давно, очень давно, ещё в те дни когда *беллати* не владели этими горами, старый отшельник внезапно превратился в старую отшельницу; и с тех

1 Так в обоих редакциях письма. Возможно "горшочками". – Прим. ред.

пор она продолжая его занятия говорит его голосом и часто его именем, и только стала принимать поклонников, чего её предместник никогда не делал.

Мы, видно, приехали рано, и пифия ещё не выходила. Но площадка пред храмом была полна людей, и весьма дикую, хотя и живописную картину представлял этот народ. Громадный костёр пылал на средине двора, и вокруг него копошились, словно чёрные гномы, голые дикари, подбрасывая в него целые ветви посвящённых "семи сёстрам-богиням" дерев. Медленно и мерно перескакивали они с одной ноги на другую, повторяя хором монотонную фразу, всё одну и ту же, и на тот же напев, под аккомпанемент нескольких туземных бубнов и барабана. Глухо раздавалась однообразная трель последнего, и ей вторило лишь лесное эхо да истерические всхлипыванья двух девочек, лежавших под кучей листьев возле костра. Их принесли матери, надеясь, что "богини" сжалятся над ними и выгонять овладевших ими злых духов. Обе они, ещё молодые женщины, сидели над детьми на корточках, подгорюнившись, и тупо смотрели на огонь. При нашем появлении никто из присутствовавших даже не шевельнулся. Да и во всё время пребывания нашего с ними все они действовали, как бы не видя нас. Если бы на нас была одета шапка-невидимка, то и тогда вряд ли кто из них мог поступать страннее.

– Это они все чувствуют приближение богов... Вся атмосфера полна их эманациями, – таинственно объяснял нам Шамрао, благоговейно озираясь на тех, кого его возлюбленный Геккель мог бы с полною справедливостью принять за "недостающее звено" – за чад своего "Батибиуса Геккелии".

– Они просто под влиянием *тодди* и опиума, – срезал его непочтительный бабу́.

И, действительно, как сонные тени двигались те из них, которые не принимали прямого участия в "представлении", а принимавшие напоминали нам одержимых пляскою св. Витта, в группе Пэджа. Один из них, длинный, белый, как лунь, и худой, как скелет, старик, отделившись, при нашем приближении, из толпы, распустив руки крыльями, стал вдруг

крутиться на одной ноге, громко скрежеща жёлтыми и длинными, как у старого волка, зубами. На него было страшно, отвратительно смотреть! Он скоро упал, и безмолвно, почти механически его откатили *ногами* (!) в сторону, к больным девочкам. Но то ли ещё ожидало нас! Ведь сказка наша впереди…

В ожидании "примадонны" этой лесной оперы, мы уселись, как могли, на пне старого упавшего дуба, у самого портика храма, приготовляясь забросать нашего снисходительного хозяина вопросами. Но не успели мы сесть, как с нервным чувством неподдельного изумления и даже отчасти ужаса я быстро откинулась назад…

Предо мною стоял остов чудовищной головы зверя, подобного которому я ничего не находила в моих зоологических воспоминаниях.

Эта голова была гораздо более головы слоновьего скелета… То был однако слон, если судить по искусно приделанному хоботу, конец которого изгибался гигантскою чёрною пиявкой почти у моих ног. Но у слона нет рогов, а у этого целых четыре! Передняя пара, на плоском лбу, торчала, слегка закручиваясь вперёд и раздаваясь в обе стороны, как рога быка, а за ними другие два, массивные, с широкою, как у оленя, перепонкой у корня, которая постепенно суживалась почти до середины рога, откуда они разветвлялись в обе стороны, на такую гигантскую вышину, что могли бы, кажется, украсить головы десяти обыкновенных оленей. В пустых впадинах черепа были вделаны два подобия глаз, из выделанной жёлтой и прозрачной, как янтарь, кожи носорога;[1] а за этим подобием глаз горели две зажжённые плошки, что придавало голове ещё более ужасный, просто дьявольский вид.

– Да что ж это такое, наконец! – послышалось общее восклицание. Даже полковник не встречал ничего подобного и не мог узнать зверя.

– Сиватериум[2], – отвечал Нараян. – Разве вы не видали остовов этих допотопных зверей в европейских музеях?..

1 В Раджастхане из такой кожи делают щиты. Они очень дорого стоят и носятся только богатым классом раджпутов.

Странно: в Гималайских горах их находят в большом количестве, хотя и в раздробленном состоянии… Они так названы в честь бога Шивы.

Признаюсь, мне в первый раз доводилось видеть это страшилище, которое Сенковский[1] позабыл представить нам в своём допотопном романе, наряду со спасающим влюблённую чету мамонтом.[2] Но лучше поздно, чем никогда. И вот, мы теперь стояли лицом к лицу с этим интересным чудовищем.

– Если коллектор (collector) когда узнает о существовании этого остова у вашей ведьмы, – вставил словцо бабу, – то недолго он станет украшать сие святилище…

Возле остова и рассыпанные на полу портика лежали кучи белых цветов, если не совсем допотопных, то, по крайней мере, неизвестной нам, профанам в ботанике, породы. Они были величиной с большую розу и посыпаны красным порошком "лал" – неизменной принадлежностью всех религиозных церемоний сей страны. Далее валялись кокосовые орехи, стояли медные блюда с рисом, в которых горели воткнутые в рис разных цветов свечи, а посреди портика курилась, окруженная высокими в больших медных канделябрах свечами, странной формы жаровня, на которую мальчик в белом одеянии и такой же белой *пёггари* на голове то и дело подбрасывать ладан и другие порошки.

– Эти люди, – рассказывал нам Шамрао, – хотя и поклоняются Кангалимме, как воплощению богинь, не принадлежат ни к её, ни к его секте. Они чёртопоклонники и индусских богов не признают, а живут, разбросанные на маленькие общины, в горах и принадлежат к одной из многочисленных в Индии рас известных под именем "холмовых" или "горных племён", *hill-tribes*. Они не употребляют, как то делают шанары[3] в южном Траванкоре и Тиневелли, кровь приносимых ими в жертву чертям животных

---

2 *Сиватерии* (лат. Sivatherium) – вымершие гигантские буйволообразные жирафы. – Прим. ред.

1 Осип Иванович Сенковский (1800–1858) – востоковед, писатель, редактор журнала «Библиотека для чтения». – Прим. ред.

2 Речь идет о повести О. И. Сенковского «Учёное путешествие на Медвежий остров» (1833). – Прим. ред.

и зверей; не строят особенных храмов этим бхутам[1], храмов которые они называют *Пе-Ковиль* или "чёртов дом", но почему-то воображают что богиня Кали, супруга Шивы, с незапамятных времён питает к ним злобу, и поэтому посылает своих избраннейших служащих ей духов мучить их. За этою разницей, они верят в то же во что верят и шанары. Они не признают Бога и взирают *даже* на Шиву как на простого духа. Но главная их вера в души умерших людей. Эти души как бы они добры и честны ни были при жизни, тотчас же после смерти делаются злыми чертями, радуясь и чувствуя себя счастливыми, когда могут мучать людей и скот. В этом-то и состоит награда их добродетельных земных подвигов; и, напротив, если человек был злым на земле, то он, делаясь поневоле "добрым" чёртом, мучится своим бессилием и делается весьма несчастным. Результаты этой странной логики вовсе не дурны, однако. Эти дикари и чёртопоклонники – добрейшее и честнейшее изо всех холмовых племён в Индии, так как они стараются всеми силами заслужить величайшую посмертную награду – быть произведёнными в злейших чертей.

И, развеселённый собственным остроумием, Шамрао, рассказывая нам это, держал себя за бока от сдерживаемого из уважения к святости места хохота.

– Я ездил в прошлом году по делам в Тиневелли, – продолжал он, – и, живя у одного приятеля моего шанара, был допущен видеть одну из таких церемоний в честь чертей. Из европейцев, несмотря на хвастанье миссионеров, ещё пока ни один не был допущен на подобный обряд, хотя между обращёнными в христианство шанарами есть и описывавшие им эти церемонии. Приятель мой был богатый человек, и черти на него должно быть особенно за это взъелись. Они мучали его семейство, отравляли скот, портили посевы, заставляли гнить

3 *Шанары* (санскр. Shânâr) – одна из низших каст в южной Индии; главным наследственным занятием её членов служит возделывание кокосовой и пальмировой пальм и добывание их сока. – Прим. ред.

1 Эти черти по понятиям *шанар*, не особенные духи, а просто души умерших злых людей.

кофейное дерево и истязали его многочисленную родню, посылая на своих жертв солнечные удары, безумие и эпилепсию, каковыми болезнями они особенно заведуют. Эти злющие черти поселились во всех углах его обширных владений: в лесах, в развалинах и даже в его хлевах. Поэтому он покрыл всю свою землю храмами, – пирамидами из глины, вымазал и выбелил их, и украсив каждую портретом одного из чертей… то есть не портретом, а только абрисом человеческой головы, стал молиться, покорнейше прося их каждого собственноручно изобразить свой портрет на абрисе, так чтоб его можно было узнать, обещая после этого поклоняться оному и чтить узнанное лицо духа как полного хозяина той пирамиды, на которой он начертил свою физиономию… И что ж вы думаете? На другое же утро все пустые места были найдены разрисованными! На каждом был изображён до невероятия похожий портрет одного из местных покойников. Почти все были узнаны моим приятелем; между прочим он нашёл портрет и своего отца!

– И что ж?.. Рад он был этому?.

– Конечно он остался доволен. По крайности мог всегда знать затем как угодить чёрту-покойнику. Об отце-то он не очень беспокоился, потому что старик был при жизни крутого характера… раз чуть не сломал сыну обеих ног, треснув его изо всей силы железною перекладиной… Ну, стало быть и не мог быть очень опасным чёртом. А вот, другой портрет, найденный в самой удобной и красивой из пирамид, так очень поразил моего приятеля и заставил его сильно струсить… Весь околоток узнал в нём одного задолго до того умершего английского офицера, – капитана Поль (Pole)[1], добрейшего при жизни джентльмена!..

– Как?.. Неужели он и ему стал поклоняться?

– А как же? Мистер Поль был таким достойным, справедливым и честным чиновником что разом должен был заслужить после смерти одно из высших мест в сонме шанарских чертей. Он так и остался председающим демоном

1 Исторически известный всем в Индии факт. Капитан Поль до сих пор у них главный демон.

всей этой деревни, и когда я приехал, жители всего околотка поклонялись ему. Посвящённый ему *пе-ковиль* стоит рядом с *пе-ковилем Бхадракали*[1] (Гекаты[2] шанаров), место которой на том свете недавно получила жена некоего немецкого миссионера – тоже прекрасная при жизни леди и поэтому чрезвычайно опасная теперь… как женского пола чёрт.

– А как же им поклоняются? Расскажите, в чём состоит их обряд?

– Обряд этот заключается, главное, в пляске, песнях и жертвоприношениях. Шанары не имеют каст, и священные обычаи индусов ими не соблюдаются. Они едят всякое мясо… Народ собирается возле назначенного жрецом *пе-ковиля*, начинает бить в барабаны и резать домашнюю птицу, баранов, козлов. Поклоняясь мистеру Полу, в знак особенного уважения к нему самому, его вкусам при жизни и особенно национальности, всегда резали быка или корову… В тот вечер обряды совершались главным жрецом. Он явился с ногами, покрытыми до колен звенящими браслетами, с покрытым колокольчиками жезлом, с распущенными волосами, в чёрной мантии, вышитой фигурами разных страшнейших чертей, и с красными и белыми цветами на шее. При звуках рогов, барабанного боя и глубокого тона "чёртова смычка"[3], секрет фабрикации которого сохраняется между одними шанарскими жрецами, – он вышел и, подождав минуту, пока мистеру Полу угодно будет вселиться в его недостойное тело, вдруг, высоко подпрыгнув на месте, приблизился к жертвенной корове и заколол её на месте. Напившись горячей крови, он стал плясать… Но что это была за пляска! Вы знаете, я далеко не суеверен…(я возрадовалась в душе, что мисс Б. спокойно спит за полмили от нас на слоне!), но когда я увидал этого словно вдохновляемого всеми демонами *нарака* (ада) жреца, вертящегося с поразительною быстротою волчка на одном месте, со мной чуть не сделалось

1 Бхадракали («благая Кали») – одна из ипостасей богини Кали. – Прим. ред.

2 Геката (др.-греч. Ἑκάτη) – древнегреческая богиня лунного света, преисподней и всего таинственного. – Прим. ред.

3 Род балалайки с тремя толстыми струнами из человеческих – как говорят – жил, по которым водят смычком из бамбука.

дурно. Вдруг, при бешеных криках и вое толпы, он стал наносить себе окровавленным жертвенным ножом глубокие раны по всему телу. Видеть его, как он с пенящимся ртом и развевающимися волосами купается в крови закланной жертвы, смешивая её с собственною, стало, наконец, выше сил моих. Со мною стало происходить нечто вроде галлюцинации. Мне представлялось, будто то я сам верчусь. И вот всё быстрее и быстрее…

Шамрао вдруг прервал свой рассказ и разом онемел на месте.

Пред нами стояла Кангалимм.

Мы всё было смутились, до такой степени появление её было неожиданно. Под влиянием рассказа Шамрао мы не видали ни как, ни откуда она явилась: и если б она выросла из-под земли, то этот факт не застал бы нас более неприготовленными и удивил бы не более, чем удивила нас её поразительная личность. Нараян вытаращил на неё свои большие чёрные глаза, а бабу смущённо щёлкнул языком…

Вообразите себе трёхаршинного [2,13 м] роста, обтянутый коричневым сафьяном скелет, на костлявых плечах которого посажена крошечная мёртвая головка восьмилетнего ребёнка! Глаза, глубоко впавшие и вместе с тем такие огромные, до такой степени пронизывающие вас насквозь своим дьявольским жгучим пламенем, что вы чувствуете под этим взглядом, как ваш мозг перестаёт работать, мысли начинают путаться, а кровь холодеет в жилах… Я здесь описываю свои личные чувства и описываю довольно слабо. Но и полковник, и У*** сильно побледнели, а У*** так даже плюнул.

Конечно, это впечатление длилось не долее нескольких секунд: и когда её мертвенно-пристальный и вместе жгучий взгляд оторвался от нас, чтобы перенестись на простёртую пред ней толпу, оно так же мгновенно изгладилось, как и явилось. Но всё наше внимание сосредоточивалось теперь на этом замечательном создании…

Триста лет? Почём и как кому это знать? Судя по её наружности, ей можно было дать с таким же вероятием или невероятием и тысячу лет. Пред нами стояла неподдельная,

живая или скорее одарённая движением мумия, до того высохшая, что она казалась как бы застывшею с самого сотворения мира. Ни время, ни невзгоды жизни, ни самые стихии не могли ни коснуться, ни даже повлиять более на эту статую смерти. Всесокрушающая рука времени, коснувшись её в свой предназначенный час, сделала своё дело и – остановилась. Такою явилась пред нашими глазами колдунья "Мёртвого города".

И со всем тем ни одного седого волоска! Длинные, чёрные, как смоль, блестящие от кокосового масла и отсвечивающие каким-то зеленоватым блеском волосы тяжело падали прямыми, как стрелы, густыми космами вдоль спины и до самых колен… "Говорят, у покойников… у вампиров растут в могилах волосы и отрастают ногти", мелькнуло у меня в голове. И в то же время, к величайшему моему стыду, я старалась разглядеть ногти на руках и ногах отвратительно страшной старухи… А она?

Она стояла по-прежнему неподвижно, словно превратилась в безобразного бронзового идола, и устремив свои углём горящие глаза в толпу, раболепно лежащую в пыли у ног её. В одной руке она держала небольшое медное блюдце, на котором пылал большой кусок горящей камфары, а в другой горсть рису. Желтоватое бледное пламя, развеваясь по ветру, почти касалось её лица, лизало ей подбородок и освещало её мертвенную голову; но она, казалось, не чувствовала и огня. Вокруг её морщинистой, как гриб, тонкой, как косточка, шеи лежал тройной ряд не то медных, не то золотых медальонов, а голову окружала такая же змея. На жалком подобии тела кусок шафранного цвета кисеи; вокруг торчащих рёбер – такой же…

Девочки, приподняв головы, вдруг завыли пронзительным животным воем, и их примеру последовал и старик. Тогда ведьма, судорожно встряхнув головой и будто приподымаемая на пружинах, медленно начала свою заклинательную молитву.

– *Ангатти энне-ангатти*!..[1] – шептал Шамрао, с которого лился крупный пот. – Богиня… одна из семи сестёр уже вселяется в неё… Смотрите!…

Рекомендация была излишней – мы смотрели во все глаза.

Сперва медленно, судорожно и как-то неровно засеменила ногами колдунья; затем постепенно её движения стали плавнее; и вот, будто приноровившись к выбиванью барабанной дроби, нагнувшись всем длинным телом вперёд и угрем извивая его во все стороны, она понеслась с невероятною быстротой вокруг пылающего костра… Сухой лист, погоняемый вихрем, несётся не быстрее. Беззвучно падают на скалистую почву её босые костлявые ноги; чёрные космы разлетаются, как стая змей, во все стороны, хлещут простирающих к ней руки больных зрителей, навиваются словно живые… Кого ни заденет чёрная прядь на голове этой фурии, тот так и падает на землю, рыча от счастья, благодаря богиню и считая себя излеченным!.. То ведь не развевающиеся косы ведьмы хлестнули его, то сама *богиня*, одна из "семи", дотронулась до избранного!..

Быстрее, всё быстрее летят дряхлые ноги; молодые, крепкие руки барабанщика еле поспевают за ними; а старуха всё мчится вперёд… Устремив неподвижный, мертвенный взор свой во что-то для всех невидимое, для неё одной присущее, она лишь по временам и на одно мгновение заглядывает в лица стоящих, пронизывая их насквозь этими взглядами; и на кого взглянет она, на того и бросает зёрнами сухого риса. Маленькая горсточка кажется неистощимою; словно в морщинистой ладони спрятан мешок самого Фортуната[2]. Но вот, она вдруг останавливается, будто вкопанная. После этой длившейся, по часам, ровно 12 минут бешеной скачки вокруг костра вы думаете она шатается, падает?.. Ничуть. Ни малейшего знака

1 Буквально "входит в человека". Само же выражение означает, что дух, бес или какая другая невидимая сила начинает входить в избранное им тело.

2 *Фортунат* – герой одноименного романа конца XV века, одного из наиболее популярных народных книг в Германии. Из всех замечательных даров, которые предлагает Фортунату встреченная в лесу волшебница, Повелительница счастья, он выбирает волшебный кошель, где всегда можно обнаружить десять золотых монет. – Прим. ред.

утомления, ни капли пота на мертвенном лице! Она остановилась лишь на две секунды, дабы дать время богине выскочить из неё. И вот, в один прыжок, не посрамивший бы и дикой кошки, она перескакивает через костёр, и в один взмах уж очутилась в глубоком танке, возле портика, по горло в воде. Окунувшись один раз с головой, где под водой ею овладевает другая сестра богиня, она снова выскакивает из колодца и ждёт – олицетворённое подобие головы Медузы[1]… Мальчик в белой одежде подаёт ей другое блюдечко, с другим куском зажжённой камфары. И вот она опять несётся.

И снова, в продолжение уже 14 минут, по часам полковника, она мчится, и скачет, и прыгает, после чего окунается *два* раза с головой в колодце в честь *второй* сестры. И так с каждым новым "беснованием" она прибавляет по одному разу, пока дело не доходит до шести исчезновений под водой.

До сих пор мы ещё не слыхали её голоса. Её губы крепко сжаты, и она их ещё не разжимала. Теперь ровно *полтора часа* как она бегает, мчась во весь опор и ни разу не переводя духа. Во всё это время она остановилась шесть раз, всего на несколько секунд при каждом перерыве… "Сёстры" не мешкают; они знают своё дело… На то они и богини!

– Да что это, чёрт или женщина!.. – восклицает вполголоса полковник в то время, как голова ведьмы исчезает в шестой раз под водой.

– Будь я проклят, если знаю! – ворчит У***, нервно дёргая себя за бороду. – Знаю только, что зерно её чёртова риса попало мне в горло и застряло там… Я не могу его выплюнуть…

– Тише… пожалуйста, тише!.. – шепчет Шамрао. – Вы испортите всё дело…

Я взглядываю на Нараяна и теряюсь в догадках… На его бронзовом, всегда столь спокойном, даже суровом лице теперь лежит тень глубокого, неподдельного страдания. Его губы судорожно сжимаются; болезненно прищуренные глаза

1 Горгона Медуза в древнегреческой мифологии – наиболее известная из трёх сестёр горгон (змееволосых чудовищ), чудовище с женским лицом и змеями вместо волос, взгляд которой, если посмотреть в её глаза, обращал человека в камень. – Прим. ред.

светятся сквозь чёрные ресницы фосфорическим блеском глаз дикого зверя; а зрачки, расширенные, как у человека под влиянием морфия, и, по-видимому, устремлённые на чёрный лес пред нами, смотрят куда-то далеко в неведомые и, быть может, никем не виданные страны… Что это с ним? думается мне; но я не успеваю его спросить, потому что колдунья, оставляя за собою ручьи воды, снова пускается в бешеную погоню за собственною тенью. Но на этот раз она изменяет программу. Она уже не бежит, а порывисто скачет. То пригнувшись к земле, с движением чёрной пантеры, она подскакивает к одному больному и, дотронувшись пальцем до лба дрожащего поклонника, смеётся неслыханным смехом, скаля зубы, как пена; то, отпрянув как бы от собственной тени, она кружится над нею, манит к себе, заигрывает с нею, являясь какою-то адскою карикатурой Диноры[1] в её "вальсе с тенью". Потом, выпрямившись, в один прыжок – она уже опять у курящегося под портиком алтаря, где она простирается пред ним, стукаясь лбом о гранитный помост; другой скачок, и она у остова чудовищного сиватерия и, падая перед ним ниц, снова разбивает камни лбом, с глухим стуком пустого бочонка о мостовую. Последний прыжок, и она стоит, выпрямившись во весь огромный рост, на голове сиватерия между его четырьмя рогами…

С чувством ужаса и отвращения, который мы уже и не стараемся скрывать, мы все быстро пятимся назад, все, кроме Нараяна.

Он остаётся один возле чудовищной головы; сложив руки на груди, он смотрит в упор в лицо страшной колдуньи…

Но что это? Кто это вдруг заговорил таким глубоким, густым басом? То её губы шевелятся, то из груди ужасной старухи вылетают эти быстрые отрывистые фразы; а между тем голос звучит глухо, точно он вылетает из-под земли…

– Тсс… тсс… – снова шепчет Шамрао, дрожа всем телом. – Она пророчествует!..

---

1 *Динора* – героиня одноименной оперы немецкого и французского композитора Дж. Мейербера (1791–1864).

– Либо она… либо "дядя"… – бурчит У***, скаля зубы и с улыбкой, которая должна казаться толстяку чисто демоническую в эту торжественную минуту.

– Горе, горе… вам! – гудит *голос*. – Горе вам, дети нечестивых "Джаи" и "Виджаи"[1], насмешливых, неверующих придверников великого Шивы, проклятых восемьюдесятью тысячами святых мудрецов![2] Горе вам, не верующим в богиню Кали и отвергающим нас, её семь божественных сестёр!.. *Азуры*… плотоядные, желтоногие коршуны!.. Друзья притеснителей нашей страны!.. собаки, не гнушающиеся есть из одного корыта с погаными *беллатами*!!.

– Ваша пророчица, как видно, пророчествует задним числом… – произносит У***, философически закладывая руки в карманы. – Это в ваш огород камешек, почтенный Шамрао…

– Гм!.. Да, кажется, и в наш с вами, – бурчит немножко сконфуженный полковник.

Злополучный Шамрао обливается потом ужаса и перебегает под чёрной тенью леска, где мы приютились, подальше от ведьмы, от одного к другому, уверяя нас, что мы ошибаемся, что мы не довольно хорошо понимаем язык…

– Это она не об вас… поверьте, не об вас!.. Это обо мне, потому что я служу… она неумолима!..

– Ракшазасы!.. Азуры!!.. осмелившиеся явиться пред нами, богинями… в *обуви*… стоят в сапогах из кожи священной коровы… будьте вы прокля…

Но её проклятию не суждено было родиться в сей мир. Одно мгновение – и огромная фигура Нараяна, навалившись плечом на сиватерия, перевёртывает его вверх дном, вместе с хоботом и беснующейся на нём пифией. Ещё секунда – и нам кажется, будто ведьма летит по воздуху, с помелом или без оного, – про то лучше знать Шамрао, – по направлению к портику; а какой-то плечистый с бритою головой браман катится кубарем вниз в

1 История этих *ракшазов*, падших духов, найдётся далее. Она весьма интересна.

2 Джая и Виджая – двое слуг Вишну, которые оскорбили великих мудрецов четырёх кумаров и в наказание за это вынуждены были родиться три раза на земле как асуры и сразится с Вишну в одном из его воплощений. – Прим. ред.

провалье… Не проходит и третьей секунды, как мы приходим к грустному заключению, правда, благодаря происшедшему общему смятению, скорее по стуку тяжело захлопнувшейся двери подземелья, нежели чему другому, что представительница на земле "семи богинь" обратилась в постыдное бегство, скрылась навсегда от наших любознательных взоров и своём низменном царстве!.. и что наконец её густой, неземной и подземный голос, действительно голос – чьего-нибудь "дяди"!..

. . . . . .

О, Нараян!.. Как неряшливо, неаккуратно вращаются миры вокруг нас! Я начинаю серьёзно оспаривать их действительность. С этой минуты я начинаю глубоко верить, что всё в мире иллюзия – одна *майя*! Я делаюсь ведантской… Я сомневаюсь, наконец, найдётся ли в нём что-либо объективнее индусской "ведьмы", вылетающей *в трубу*!

. . . . . .

Проснувшаяся мисс Б*** пожелала узнать, что такое случилось. Её разбудил шум многих голосов и топот нот убегающей толпы голых людей по направлению к ущелью. Все они, казалось, бежали без оглядки, как бы боялись какой погони, и казались очень испуганными…

Затем, облегчив себя рассказом о своих впечатлениях и посушив зубную клавиатуру при свете звёзд между благосклонною улыбкой и зевком, она снова безмятежно уснула.

На другое утро, на заре, мы нежно прощались с добродушным Шамрао. Он уже успел придти в себя после такого поражения и успокоиться от ночного потрясения. Позорно-лёгкая победа Нараяна сильно смущала его. После подобной капитуляции "семи богинь", очистивших поле битвы при первом толчке от простого смертного, его вера была сильно поколеблена и в "сестёр", и в святую отшельницу. Вследствие этого он горячо, хотя и немного сконфуженно, пожал нам руки, и, с лучшими пожеланиями его и семейства, наши слоны, с восседавшими на мощных их спинах героями сего правдивого повествования, направили свои тяжёлые стопы к большой дороге к Джабельпуру.

Радда-Бай

Письмо XIX[1]

Путь нашего самопросветительного паломничества по первоначальному плану лежал на Северо-Западные провинции, эти *status in statu*[2] Англо-Индии, где о вице-короле знают, но стараются его игнорировать, приказания его принимаются, но мало кто их исполняет, – провинции с правительством деспотическим, подозрительным и неугомонным. Но о них после…

Чтобы снова попасть на Джабельпурскую линию, с которой мы сошли в нескольких милях от Насика, нам приходилось возвращаться на Акбарпур, затем ехать по просёлочным дорогам на станцию Саневад, на железную дорогу Холькара, соединяющуюся с Большою Индийскою Пенинсулярною[3] дорогой. Древние пещеры Багх (Bagh) находились всего за пятьдесят миль [80,47 км] от нас, на восток от Манду, и являлись сильнейшею приманкой. Мы колебались, не сделать ли нам крюк, и снова переехать Нербудду. У нашего бабу за Кандешом, как и везде, оказывалось кумовство, которое здесь зовётся "однокастничеством", и мы наперёд могли знать, что встретим и в Мальве вездеприсущих, услужливых бенгальских бабу, рассыпавшихся по землям индостанским, как у нас рассеяны жиды по России. Кстати же к нашему "полку" прибыл ещё один товарищ.

Накануне мы получили через странствующего и богомольствующего *санньязи* письмо от Суамиджа Дайананда. В Хардваре холера усиливалась с каждым днём, и наш еще не знакомый нам союзник снова откладывал наше с ним свидание до конца мая в Дера-Дёне (Dehra-Dun), у подножия Гималаев, или же в манящем туриста своей прохладной прелестью Сахарампуре, в сорока милях [64,37 км] от последнего. Странник

1 Московские ведомости, № 97, 07.04.1880, стр. 4-5; Русский Вестник, апрель 1883, Приложение, том 164, с. 179-196.
2 Государство в государстве (лат.). – Прим. ред.
3 Полуостровной (англ. peninsular). – Прим. ред.

вместе с письмом принёс нам от *суами* букет самых странных цветов, о которых, полагаю, в Европе не имеют и понятия. Они растут лишь в известной местности, в Гималайских долинах, обладают удивительной способностью изменять к полудню цвет и, засыхая, по наружности не увядают. Это прелестное растение (Hibiscus mutabilis)[1] от зари до 10 часов утра распускает цвет, представляющий ночью один клубок сжатых зелёных лепестков, и густо покрывается белоснежными цветами как большие белые розы, но к полудню розы начинают алеть: всё более и более краснея, они наконец к четырём часам пополудни делаются тёмно-пунцового цвета как пионы. Цветы эти посвящены *азурам* (род пери или ангелов в индийской мифологии)[2] и богу *Сурье* (солнцу). Последнее божество, влюблённое с сотворения вселенной в Азуру постоянно нашёптывает цветку, в котором приютилась его возлюбленная, о своей пламенной любви. Но Азура – девственница и посвятила себя с начала времён служению богине чистоты, патронессе всей монашествующей братии. Любовь Сурьи напрасна: Азура не слушает его… Но цветок краснеет и теряет наружно свою лилейную чистоту под впивающимися в него огненными стрелами влюблённого бога… Туземцы называют это растение Lajaloo (скромницей)[3].

В ту ночь мы ночевали в долине на берегу ручья, разбив палатки под тенистой смоковницей. Нарочно свернув с пути в Бомбей, чтобы повидаться с нами и исполнить поручение Суамиджа, санньязи сидел с нами далеко за полночь, рассказывая о своих странствованиях и чудесах своей когда-то великой родины, о старом "льве" Пенджаба Рунджит-Синге[4] и его геройских подвигах. Странные, загадочные субъекты встречаются между этими пилигримами. Многие из них

1 Гибискус изменчивый (лат.). – Прим. ред.

2 Этих *азур* не следует смешивать с *асурами* или "дьяволами", которых мифологическая история Индии называет первым вторгшимся в страну неприятелем и которые, по всей вероятности, были древние ассирияне.

3 Мимоза стыдливая (лат. Mimosa pudica). – Прим. ред.

4 Ранджит Сингх (Ranjit Singh, 1780–1839) – махараджа Пенджаба, создатель независимого сикхского государства. Слово *сингх* означает лев. – Прим. ред.

чрезвычайно учены, говорят и читают по-санскритски, видимо следят за современной наукой и политическими событиями, и всё-таки остаются верными своим древним философским воззрениям. Обыкновенно совершенно нагие, за исключением жёлто-кровавого куска опоясывающей им бёдра кисеи (да и то по приказанию полиции в городах, где живут европейцы), они странствуют от пятнадцатилетнего возраста по день смерти, умирая почти всегда в глубокой старости, не заботясь о завтрашнем дне и живя буквально как птицы небесные и лилии в долине. До денег они не дотрагиваются, а живут подаянием и довольствуются горстью риса. Всё мирское имущество их состоит из маленькой тыквенной бутылки для воды, чёток, медной чашки и посоха. Санньязи и суами большей частью *сикки* из Пенджаба и монотеисты. Они презирают идолопоклонников и ничего не имеют с ними общего, хотя последние также часто величают себя этими именами.

Но наш новый знакомый был уроженец Амритсара в Пенджабе и воспитан в "Золотом храме", что на *Амрита-Сарас* (озере Бессмертия). Там находится их верховный *гуру* – учитель сикков, который никогда не выходит за пределы своего храма, где он сидит целые дни, изучая священное писание этой странной, воинственной секты – книгу *Адигранта* (Adigrantha). Сикки взирают на него как тибетские ламы взирают на своего далай-ламу. Как последний есть воплощение Будды для лам, так амритсарский маха-гуру – воплощение основателя секты для сикков, Нанака, хотя по их понятиям Нанак никогда не был божеством, а только пророком, вдохновляемым духом Единого Бога. Таким образом наш санньязи не был одним из вышеописанных нагих пилигримов, но настоящим *акали* – одним из шестисот священников-воинов, приставленных к "Золотому храму" для божественного служения и его охраны от нападения жадных мусульман. Звали его Рам-Рунджит-Дас, и его наружность вполне соответствовала принадлежащему ему титулу "Божьего воина", как себя величают храбрые акали. Его наружность была чрезвычайно замечательна и типична, и он

скорее походил на геркулесоподобного центуриона[1] древних римских легионов, нежели на кроткого служителя алтаря, хотя бы и сиккского.

Рам-Рунджит-Дас предстал пред нами верхом на прекрасной лошади в сопровождении другого сикка на почтительном расстоянии, по-видимому послушника, либо слуги. Ещё издали он был признан нашими индусами за акали по совершенно отличному от других туземцев костюму. На нём была ярко-голубая туника безрукавка – совершенно такого покроя, как мы видим на изображениях римских воинов; на его мускулистых огромных руках были широкие стальные браслеты и щит за спиной. На голове конической формы синий тюрбан, а вокруг стана, вместо пояса, несколько тяжёлых стальных обручей, о которых злые языки и враги сикков говорят, что при случае эти священные пояса становятся в руках опытного "Божьего воина" опаснее, будто бы, всякого холодного оружия.

Кому не известна история сикков, самой воинственной и храброй секты во всём Пенджабе? Слово "сикк" (Sikh) означает "ученик". Основанное в XV столетии богатым и благородным брамином Нанаком, новое учение так быстро прививалось к северным воинам, что в 1539 году (год смерти основателя) их насчитывали уже до ста тысяч человек; а теперь эта секта, тесно связанная пламенным религиозным мистицизмом и своими воинственными наклонностями, исповедует свою веру по всему Пенджабу. Она основана на принципах теократического правления, и её тайные догматы почти неизвестны европейцам, а англичанам так и совершенно незнакомы. Их учение, взгляды, обряды – всё содержится и совершается в величайшей тайне. Знают только одно: сикки строгие монотеисты, не имеют каст и не признают их, едят всё то, что и европейцы, и – редкое исключение между индусами – *хоронят* покойников. Второй том *Адигранты* учит: "боготворить Единого Бога, избегать суеверий, *помогать умершим* (?) вести строгую нравственную жизнь и *жить мечом*". Один из их

1 *Центурион* (лат. centurio – сотник) – командир центурии (военного подразделения римской армии). – Прим. ред.

великих *гуру* (Говинда, сын махараджи), дабы сделать их вполне отличными от мусульман и других индусов, ввёл между ними обычай никогда не брить ни бороды, ни усов и носить длинные волосы. После многих отчаянных сражений, сикки, врагами коих являлись теперь индусы столько же, как и магометане, остались победителями. Их вождь, знаменитый Рунджит-Синг, установив собственное верховное владычество в верхнем Пенджабе, заключил в начале XIX-го столетия трактат с лордом Ауклэндом, и его владения были признаны независимым государством. Но после смерти "старого льва" снова возникли из-за его престола междуусобия между самими сикками. Махараджа Дулип-Синг (его побочный сын от публичной танцовщицы) оказался до того слабым, что допустил своих сикков, остававшихся дотоле верными союзниками англичан, попытаться отвоевать от них весь Индостан, как когда-то они завоёвывали пограничные деревни и крепости в Афганистане. Попытка окончилась плачевно как для буйных сикков, так и для слабого Дулип-Синга, который, чтобы спастись от своих солдат и заслужить прощение от англичан, принял христианство и был тайно перевезён в Шотландию. Его заменил Гулаб-Синг. Верный слову и политической программе Рунджит-Синга; он отказался сделаться изменником, за что и получил в награду прелестную Кашмирскую долину от перепуганных сикками англичан, а сикки перешли в неволю к ним, как и остальные индусы.

Но ещё остаются *куки*, ветвь от надломленного старого дуба *сиккизма*. "Куки" – секта сикков и самый опасный элемент в подземном течении индийской народной ненависти. Эта новая секта была основана около 30 лет тому назад Балук-Рамом[1] и образовалась возле Аттока, в Пенджабе, на восточном берегу Инда, где последний, наполняясь водой из Кабульской речки, впервые делается судоходным. Цель Балук-Рамы была двойная: вернуть религию сикков к её первобытной чистоте и организовать вместе с тем тайное политическое общество,

1 Балак Сингх (Balak Singh, 1797–1862) – индийский религиозный лидер сикхов, основатель секты намдхари (куки). Баба Рам Сингх (Baba Ram Singh, 1816–1885) – преемник Балака Сингха. – Прим. ред.

готовое в данную минуту на всё. Это братство, состоящее более чем из 60 000 человек, связано самыми страшными клятвами и залогами: во-первых, никогда не выдавать своих тайн; а во-вторых, не отказываться ни от какого могущего явиться со стороны начальников приказания. В самом Аттоке, где с жителями крепости еле насчитывают две или три тысячи человек, их мало. Нас уверяли, будто "куки" рассеяны по Индии; несмотря ни на какие старания, их совершенно невозможно уличить в чём-либо противозаконном, до такой степени их общество хорошо организовано. Их начальники также неизвестны.

Наш акали подарил нам в тот вечер, только не от суами Дайананда, а от себя, скляночку из горного хрусталя, наполненную священной водой из озера Бессмертия. В случае глазной боли или другого недуга, он советовал нам помочить ею больное место, уверяя, будто одной капли её довольно для излечения самой упорной болезни. Вода в склянке была необычайно чиста и прозрачна, от того ли, что в Амритсарском *тулао* (резервуаре) воды, по причине множества в нём родников, постоянно переменяются, или от чего другого, но озеро Бессмертия славится во всей Индии необычайною прозрачностью и чистотой своей воды, несмотря на то, что сотни людей ежедневно окунаются в нём. Когда мы посетили это прелестное озеро, или скорее бассейн в 150 кв. ярдов [125,42 кв. м], то каждый камешек и малейшее на нём пятнышко на довольно глубоком дне виднелись словно через чистейшее стекло. Амрита Сарас – прелестнейшее изо всех мест северной Индии. Отражение "Золотого храма" в водах озера представляет нечто волшебное, восхитительное. Один Айвазовский был бы в состоянии передать эту картину на полотне.

Итак, нам приходилось ещё около семи недель колесить с места на место, на выбор: по Бомбейскому ли президентству, по Северо-Западным провинциям, или же по Раджастхану. Что выбрать? Куда ехать? Пред подобным изобилием интереснейших местностей мы колебались, как известное животное между двумя стойлами. Мы так много наслышались о дворцах Гайдерабада и Голконды, прямо переносящих путешественника

в волшебную обстановку из *Тысячи и одной ночи*, что серьёзно стали было собираться повернуть наших слонов к верхнему Синдху и ехать в Гайдерабад, в территорию низама[1]. Нам хотелось посмотреть на этот "город льва"[2], построенный в 1589 году великолепным Мухамед-Кули-Кутб-Шахом, которому всё так приелось на свете, что ему могла надоесть даже Голконда с её волшебными замками и сокровищами. Гайдерабад славится своими зданиями, остатками прежнего величия; по словам Мир-Абу-Талиба, хранителя царских сокровищ, Мухамед-Кули-Шах истратил на украшение города в первые годы своего 34-летнего царствования баснословную сумму в 2 800 000 фунтов стерлингов на английские деньги, хотя самая работа сооружений не стоила ему ни одного пайса[3]... Теперь, за исключением этих памятников величия, Гайдерабад имеет вид кучи сора и навоза; но зато, по отзывам очевидцев, "Британская резиденция" по-прежнему славится в нём на всю страну и недаром зовётся Версалем Индии. История этой резиденции весьма курiозна и ясно характеризует англо-индийские нравы.

В 1788 году, вероятно вообразив себя калифом, – *anch'io son pittore*[4] (резиденты суть настоящие калифы), – ирландец, полковник Киркпатрик[5], занимавший в те дни эту выгодную при низаме должность, задумал начать постройку настоящей резиденции, конечно, на счёт гайдерабадского властелина. Здание явилось одним из чудес света. Оно соединяет волшебные сады Семирамиды с роскошью французских дворцов времён регентства. Двадцать две ступени, каждая из цельного

1 *Низам* – наследный титул правителей династии Гайдерабадов. – Прим. ред.

2 *Хайдар* – по-арабски лев, а *абад* – поселение, жилище. Гайдерабад назывался прежде *Бхагнагаром* (счастливым городом), получив своё имя от любимой наложницы шаха Мухамед-Кули, которую звали Бхагмати; но после её смерти изменили название.

3 *Пайс* (англ. pice) – мелкая монета в Индии, до 1950 г. 1/64 часть рупии. В тексте: ни одного *риса*. – Прим. ред.

4 Я тоже художник (итал.) – восклицание, вырвавшееся у Корреджо при виде картины Рафаэля «Сикстинская мадонна» и вошедшее в поговорку, как проявление уверенности в своём призвании и мастерстве. – Прим. ред.

5 Джеймс Киркпатрик (1764–1805) – британский резидент в Хайдарабаде (1798–1805). – Прим. ред.

куска розового гранита громадных размеров в ширину, украшенные по обеим сторонам колоссальными сфинксами, ведут к портику, во всю ширину коего гигантские коринфские колонны из чистого белого мрамора возносятся до самого верхнего этажа главного здания. Эти колонны на 8 вершков [35,56 см] выше колонн знаменитой "Залы тысячи колонн" челамбрамского храма в Мадрасской резиденции. Полы из чёрного и белого мрамора; надо всеми дверями вделаны гербы Ост-Индской Компании и Англии; в иных куски чистого золота заменяют бронзу львов. Если ведущая под портик лестница справедливо считается "величайшею и роскошнейшею лестницей в Индии", то приёмной зале резиденции может позавидовать любая зала царских дворцов Европы. Она занимает фасад дворца во всю длину и по обеим её сторонам, как в знаменитых соборах, тянутся в два ряда мраморные колонны. Как в Челамбраме, где "зала тысячи колонн" так названа, вероятно, потому, что в ней 936 колонн, так и зала резиденции именуется "стоколонною залой", ибо в ней лишь по 32 колонны в ряд, итого 64, что и так весьма почтенно. Но кроме колонн резной мраморной и бронзовой работы, в этой зале находятся ниши, в которых поставлены статуи индусских и греческих богов и богинь – произведения лучших того времени скульпторов Италии. Все портьеры из малинового, шитого золотом бархата; красного дерева с инкрустациями мебель покрыта такою же материей; 60 зеркал между окнами, цельные, во всю стену, от потолка до полу, в самых дорогих оправах, и три люстры, которым индусы, строившие этот дворец, одно время поклонялись как богам, были выписаны за баснословную цену из Франции. Таковы главные черты этого достойного Алладина дворца, в котором ныне проживают резиденты, обязанность коих – по известному благородному предлогу, выбранному Англией для присоединения себе индийских провинций, – стоять защитниками и посредниками между притеснённым народом и их "не умеющими управлять" влиятельными князьями Индии. Народ, между тем, периодически умирает целыми миллионами *с голоду*, тогда как одно освещение британской резиденции в приёмные вечера, *по*

официальным отчётам, обходится казне в 1000 фунтов за один вечер…

О, Тартюф[1]! Не Великобританией ли ты прозываешься?..

Но это ещё пустяки в сравнении с прошлым. В *Истории Гайдерабада* (Эдуарда Уэствика) мы читаем следующее: "В то время как резиденты принимали мужчин, их супруги увеселяли женский пол в отдельном и столь же, если не более, великолепном дворце, отстоящем в нескольких саженях[2] от главного и известном под названием “Ранг Махалла”. Как и первый, он был построен полковником Киркпатриком, бывшим министром при дворе низама. Вступив в брак с индийскою принцессой, он соорудил нарочно для неё эту очаровательную обитель. Обнесённый по азиатскому обычаю высокою стеной, центр сада украшен большим мраморным бассейном со сценами истории Рамаяны, выложенными мозаикой на стенах. Павильоны, галереи, террасы – всё в этом саду украшено в самом богатом вкусе восточной архитектуры, то есть с изобилием мозаики, живописи, позолоты, слоновой кости и мрамора. На празднествах, даваемых мистрис Киркпатрик, являлись "наотчи" (профессиональные танцовщицы) в великолепных одеяниях – подарки “великодушного” резидента. На некоторых из наотчей насчитывали более чем на 30 000 фунтов стерлинг[ов] драгоценностей, и они, положительно, сияли с головы до ног алмазами и другими камнями"… Слава Ост-Индской Компании, во времена которой компанейские резиденты могли так "великодушничать" на счёт принцев, уже поблекла: теперь ни резидентам, ни самим принцам ничего не осталось. Как древние алхимики, англичане расплавили, в надежде найти философский камень политики, всё золото Индостана; и даже самую Индию – "драгоценнейший алмаз в короне Англии" – истолкли в прах, растопили и обуглили. Счастливы ещё будут они, если Афганистан ограничится тем, что вместо ожидаемой "придачи", для вящего блеска к их

1 *Тартюф* – ставшее нарицательным имя героя одноимённой комедии Мольера, олицетворение лицемерия и ханжества. – Прим. ред.

2 1 сажень = 2,13 м. – Прим. ред.

обугленному "алмазу" Индии, он их самих не истолчёт в мелкий порошок в своей заколдованной ступе…[1]

Рассказы о чудесах гайдерабадских разжигали наше любопытство, и мы стремились увидеть воочию эту волшебную страну. И Нараян, и бабу, оба несколько раз побывали там, а у Нараяна находились там даже и родственники. Особенно прельщал он нас своими рассказами и описаниями, так как был знаком с каждым уголком центральной Индии. Грустно отражалось в его красноречивых сказаниях всё великое прошлое Индии, великое ещё так недавно – в XVIII столетии, в сравнение с её горьким настоящим положением. Как низко упала эта красавица Востока, к ногам которой стремились некогда все мудрецы Греции и богатствам коей завидовали все цари земные!.. Попранное во прах, забитое, всё в ней теперь глохнет, постепенно замирает и исчезает, начиная от малейшего национального порыва, тотчас же подавляемого ревнивой подозрительной Англией, и кончая когда-то роскошными девственными лесами… ныне падающими сотнями десятин[2] разом под топором железнодорожных промышленников.

Было нечто необычайно-пленительное в этих простых рассказах бедного индуса. Словно последней песней лебедя звучала в них нота патриотизма, забитого, сдержанного, но столь же пламенного, как и любовь к родине его славных дедов, заставлявшая их когда-то жертвовать не только богатством и собственной жизнью, но даже жизнью всех им близких – жён, детей, во славу отечества под победоносным знаменем Сиваджи. Напрасно англичане воображают, что своими строгими мерами и западным воспитанием, с одной стороны, и отвратительным поддакиванием и покровительством идолопоклонству, с другой, они выбрали самую благоразумную систему управления. Посредством первого они успешно заменяют, конечно, фальшивую, но всё же искреннюю религию

1 Речь, видимо, о Второй англо-афганской войне 1878–1881 гг. – Прим. ред.

2 *Десятина* – мера площади в России до введения метрической системы. Существовало несколько значений десятины, в том числе «казённая», равная 2400 квадратным саженям (109,25 соток, 1,09 га). – Прим. ред.

положительным атеизмом; а вторым они только угождают невежественным массам, которых им решительно нечего бояться. Если бы с этой стороны существовала хотя малейшая опасность, то обезоруженные ими идолопоклонники могли бы давно безо всяких ружей и кинжалов, а одними бронзовыми и каменными идолами, высылаемыми сюда ежегодно из Бирмингама тысячами, побить ненавистных им *ферринги* и утопить их в море. Опасность, стало быть, является со стороны *образованных* патриотов, самое святое чувство коих – любовь и преданность к родине – англичане попирают ногами при всяком удобном случае. Чем образованнее, развитее становится индус, тем горше для него делается сравнении настоящего с тем, что было. Приведём один пример из тысяч: индусы более всего гордятся своей прошлой цивилизаций, величием родины в те дни, когда Европа ещё была погружена чуть ли не во мраке каменного периода. По единодушному мнению путешественников и особенно антикваріев, интереснейшим зданием в Гайдерабаде считается "Чахар-Минар", когда-то знаменитая коллегия в Индии, построенная султаном Мухамед-Кули-ханом на развалинах ещё древнейшей коллегии. Она выстроена на перекрёстке четырёх главных улиц, на четырёх арках; под ними свободно проходят высоко навьюченные верблюды и слоны с башнями. Над этими арками возвышается на несколько ярусов само здание коллегии; каждый ярус был предназначен особенному отделу науки. Увы! прошли те дни, когда Индия изучала философию и астрономию у ног своих туземных мудрецов. Теперь эти ярусы превращены англичанами в складочные магазины. В зале, где изучали астрономию и стояли курьёзные инструменты средневековой эпохи, теперь сложен опиум; а залу философии наполняют огромные ящики с ликёрами и запрещёнными как Кораном, так и браманами ромом и напитком "вдовы Клико"[1].

Мы совсем было собрались в Гайдарабад, когда наши чичеыроне и товарищи одним словом привели нас в ужас, расстроив разом все наши планы. Дело в том, что в продолжение шести так называемых "жарких" месяцев в году

1 «Вдова Клико» – французское белое шампанское. – Прим. ред.

термометр в Гайдарабаде (в Нижнем Синдхе) стоит на 98° в тени (по Фаренгейту [37° С]), а температура воды в Индии достигает температуры крови; в Верхнем же Синдхе, где чрезвычайная сухость воздуха вместе с бесплодностью песчаного грунта делают из климата этой страны нечто схожее с прелестью температуры африканских пустынь, термометр беззастенчиво доходит до 130° в тени (по Фаренгейту [54° С]). Недаром несчастные миссионеры испытывают здесь такую постоянную неудачу; понятно, что среди населения спокойно вращающегося при таком пекле, самые красноречивые Дантовские "описания ада" не в состоянии произвести на местного жителя ничего, кроме разве "прохлаждающего" впечатления.

Рассчитав, что отправиться в Багх нам нет препятствия, но что нечего и думать ехать теперь в Синдх, мы успокоились. Затем мы решили, общим советом, покинуть всякую идею о заранее определённом маршруте и путешествовать наудачу, куда глаза глядят. Вследствие такого плана мы отослали на другой же день наших слонов, и незадолго до солнечного заката подъезжали уже в *тонгах* к слиянию Вагрея и Гирны, двух знаменитых в летописях индийской мифологии речонок, блистающих чаще всего своим отсутствием, особенно летом. Пред нами, словно притаившееся у противоположного берега чудовище, зияла своими четырьмя отверстиями гора, будто моргая в сумрачном тумане своими впалыми, чёрными глазами… То были пресловутые Багхские пещеры…

Мы могли бы тотчас же перебраться к ним на пароме, но на этот раз благоразумие взяло верх над привлекательною перспективой ночи, проводимой, как в Карли, в пещерах древних отшельников. К тому же наши индусы и даже *тангаваллы* с паромщиками отказались наотрез сопутствовать нам. Первые – потому что даже днём опасно посещать пещеры, не послав туда предварительно людей с факелами и вооружённых *шикари* (охотников). Эта часть Амджирского раджа изобилует дикими зверями, особенно тиграми, которых, как видно, наравне с бенгальскими бабу, можно встретить всюду по Индии. Вторые же протестовали потому, что после

заката солнца ни один индус не согласится подойти на милю к пещерам. Одни *беллати* со своими "глупыми географическими понятиями" видят в реках Вагрее и Гирне простые речки; в сущности же то боги-супруги, Шива и Парвати; это во-первых. А во-вторых, багхские тигры не простые тигры, как думают *саабы*, а слуги *садду*, святых чудодеев, уже много веков обитающих в этих пещерах; они частенько даже и "оборотни" этих самых вековых старцев, и никто из них – ни боги, ни садду, ни оборотни, ни тигры – не любят, чтоб их тревожили ночью…

Нечего было делать. Грустно взглянув по направлению пещер, мы снова полезли в наши допотопные экипажи и поплелись далее. Бабу с Нараяном решили, что мы переночуем у некоего "кума" в городке Багх, от которого мы находились всего в трёх милях [4,83 км].

Изумительны и непонятны, как и многое другое в Индии, географические и топографические распределения несметных территориальных владений в этой стране. Здесь политические соображения словно постоянно играют в "кастет"[1], изменяя, убавляя, прибавляя; у одного отымая, другому передавая. что вчера принадлежало одному радже или такуру, сегодня находится уже в руках другого. Например: мы находились тогда в радже или штате Амджир, в Мальве, и ехали в Бхаг-городок, который также принадлежит Мальве и включён в Амджирский радж. Мальва (на словах) составляет независимое владение Холькара, однако же, радж Амджирский принадлежит не Тукуджи-Рао Холькару, а сыну независимого раджи Амджирского, которого англичане в 1857 году "по ошибке" повесили, а затем позабыли возвратить радж его наследникам. Городок Бхаг и пещеры принадлежат, по какому-то странному стечению обстоятельств, махарадже Синдии Гвалиорскому, который, впрочем, сам не владеет оными, а подарил Бхаг с его 9000 рупий дохода одному бедному родственнику, у которого, между тем, отнял его один раджпутский такур, да так и не отдаёт. Бхаг

1 Кастет (фр. casse-tête) – игра головоломка-мозаика, представляющая собой набор выточенных геометрических фигур и книги с нарисованными изображениями; задача играющих – сложить фигуры так, чтобы повторить рисунок в книге. – Прим. ред.

находится на дороге из Гуджерата в Мальву в самом так называемом Уйдепурском ущелье, и поэтому ущелье составляет собственность махарани Уйдепурского. Построенный на вершине заросшего лесом холма, Багх пока, как спорная собственность, не принадлежит никому, но зато маленькая крепость его, в толстые ворота которой мы скоро и въехали, составляет частную собственность вместе с находящимся в нём базаром некоего "джани", то есть вождя Бхималахского племени, по словам нашего бабу, "великого вора и разбойника", который вдобавок оказался его "кумом"...

– Да как же вы ведёте нас к человеку, на которого указываете, как на вора и разбойника? – робко осведомились мы.

– Он "вор и разбойник" в *политическом* только смысле. Иначе он превосходный человек и самый верный друг. А без него мы и с голоду умрём: ведь базар его собственность, – очень хладнокровно отвечал бенгалец.

Кум оказался, впрочем, в отсутствии; нас принял его родственник и, насколько мы поняли, помощник *бхамия* (начальника). Нам отвели сад, и едва мы успели разбить палатки, как со всех сторон стали приносить нам провизию. Каждый выходящий из палатки бросал на землю через плечо бетель и мелкий сахар – приношение иностранным духам, которые-де непременно должны были нам всюду сопутствовать. Наши индусы просили нас, впрочем, *не смеяться*, говоря, что это здесь, в глуши, очень опасно.

Рассуждать с этим народом оказалось напрасным. Мы были в центральной Индии, гнезде всех суеверий страны, и окружённые *бхиллями* (Bhils). Вдоль всего горного хребта Виндии, от Джама, на западе "Мёртвого города" и кругом всей Раджпутаны, страна густо заселена этим племенем, самым храбрым, разбойничьим и суеверным изо всех полудиких племён Индии. Несколько слов о них окажутся может быть небезынтересными.

Ориенталисты уверяют, будто название "бхилль" происходит от санскритского корня *bhil* (отпадать, разлучаться); сэр Дж. Мальколм полагает поэтому, что бхилли суть раскольники,

отпавшие от браманской религии и затем выгнанные из касты. Всё это, быть может, и так; но их племенные предания говорят иное. Конечно, здесь, как и везде, к истории примешана мифология, и до их родословного дерева приходится добираться через густую чащу вымысла. Проведший с нами вечер родственник отсутствующего бхамии рассказал нам следующее:

Бхилли или *билли* – потомки одного из сыновей *Махадэвы* (бога Шивы) от прекрасной чужеземной женщины с голубыми глазами и белым лицом, которую бог нечаянно встретил за *калапани* (за чёрною водой, за морями) в лесу. Из нескольких родившихся от этого союза сыновей, один, столь же замечательный своей красотой, как и порочностью, убил любимого быка Махадэва и был за это изгнан родителем опять *за моря*, в Джодпурскую пустыню. Загнанный в самый южный её угол, он здесь женился, и вскоре его потомки переполнили страну. Они рассыпались по всему протяжению Виндийского хребта и начали селиться на западной границе Мальвы и Кандеша, а позднее на лесистых и диких берегах рек Махи, Нармады и Тапти. И все они, наследовав красоту прародителя, наследовали вместе с голубыми глазами и светлым цветом лица разбойничьи наклонности и всю порочность его. "Мы воры и грабители" (наивно говорил нам родственник честного "кума" бабу), потому что так приказал отец нашего прародителя – могучий Махадэва-Шива. Послав его каяться в пустыню, он (то есть бог) сказал ему: "Иди, окаянный, убийца невинного брата твоего, моего сына, быка Нарди.[1] Иди… и живи изгнанником и разбойником на страх братьям твоим"… Так как же мы осмелились бы ослушаться приказами нашего великого бога? Наши малейшие действия совершаются сообразно с распоряже-

1 Странно, что бык *Апис*, священное животное у египтян, в такой же почести и у последователей Зороастра, как и у индусов. Бык *Нарди*, создание Шивы, эмблема жизни в природе – сын творчества отца или оживотворяющий дух его. Ормазд сотворяет быка, а Ариман убивает его. Аммиан Марцеллин в одном из своих сочинений упоминает о книге, в которой рассчитан *точный возраст* быка Аписа – ключ в тайне мироздания и исчислениям по циклам. Браманы тоже объясняют аллегорию о быке Нарди – аллегорией о продолжении *жизни* на земном шаре.

нием наших *бхамий*; а так как последние суть потомки Надир-Синга, первого *Бхилалы* (плод от супружества раджпута с бхилльской женщиной), то бхамии и считаются нами прямыми посредниками между нашим народом и Махадэва-Шивою"...

Такова власть над бхиллями этих "посредников", что самые ужасные преступления совершаются по одному их слову. Само племя нашлось вынужденным, дабы хоть сколько-нибудь обуздать их безусловную власть, назначить род советников в каждой деревне; этих советников они называют *тарви*, иногда сдерживающих этих безумно-разбойничьих *дхани* или лордов. Но их честное слово свято, а гостеприимство безгранично.

История и летописи Раджпутских принцев Джодпура и Удайпура подтверждают эту легенду о бхильской эмиграции из их первобытной пустыни, но откуда они явились туда, никто не знает. Тод положительно уверяет, что "бхилли" аборигены Индии, как мины, мерасы, гоанды и те племена, что обитают в Нербудских лесах. Только почему же в таком случае, рядом почти с африканскими типами прочих холмовых племён, бхилли являются гораздо светлее прочих и даже часто с голубыми и серыми глазами? Что все эти аборигены довольствуются названиями *бхомапутра* и *венапутра*, то есть "сыны земли" и "дети лесов", в то время как раджпуты, их первые покорители, именуют себя *сурья-ванзами*, а браманы *индупутрами* – потомками солнца и луны, ещё очень немногое доказывает. В настоящем случае, как мне кажется, их наружность, подтверждающая их предания, имеет гораздо более веса и значения, нежели филология. Как весьма логично выразился д-р Кларк,[1] "обратив должное внимание на следы древних суеверий народа, мы гораздо легче и вернее доберёмся до их первобытных прадедов, нежели научными наблюдениями над их языком; ибо суеверия их привиты к самому корню, а язык подвержен всевозможным изменениям".

Но до сих пор всё то, что мы знаем из истории этого народа, сжато в нескольких словах вышеприведённого предания, да в самых древних песнях их бардов. Поселясь в Раджастхане, эти барды или *бхаты* навещают бхиллей ежегодно, дабы не терять

1 *Travels in Scandinavia*. Vol. I, p. 33.

из виду подвигов своих соотчичей[1]. Их песни – та же история, так как бхаты существуют в их племени с незапамятных времён, воспевая эти подвиги для грядущих поколений, что составляет их прямую и наследственную обязанность. Заметим кстати, что нет во всей Индии мало-мальски воинственного племени, у которого бы не было своих народных бардов. А в самых древних песнях бхилльских *бхатов* их начало происходит "из-за морей", то есть где-нибудь в Европе. Некоторые ориенталисты, особенно Тод, желают доказать, что раджпуты, покорившие бхиллей – пришельцы скифы, а бхилли – аборигены Индии. В доказательство этого они приводят черты, общие обоим народам, как например: (1) поклонение оружию – мечу, копью, щиту и коню; (2) поклонение и жертвоприношение солнцу (которому скифы, поклонявшиеся мечу, как главному божеству, между прочим вовсе и не поклонялись); (3) страсть к азартным играм (которая у китайцев и японцев развита ещё более); (4) обычай пить кровь врага из черепа (что делают и некоторые краснокожие аборигены Америки) и т. д. Конечно, здесь не место входить в научные этнологические диспуты, но всё же невозможно не заметить, как странно иногда рассуждают учёные люди, когда им приходится защищать излюбленную ими идею. Довольно вспомнить, до какой степени история *древних скифов* запутана и темна сама по себе, чтоб убедиться, как неосновательно делать подобные выводы, основываясь лишь на слабых исторических данных, которые мы имеем под рукой о тех народах, коих обыкновенно включают в общее название *скифов*. Что между обычаями древних скандинавов, поклонников Одина (страна коих была действительно занята скифами за 500 лет до Р. Х.), и обычаями раджпутов есть много поразительно общего, это неопровержимо. Только такая тождественность даёт по крайней мере столько же, если не более, права раджпутам указывать на *нас*, как на "колонию ушедших на запад сурьяванзей ", как и нам уверять, что раджпуты – "перекочевавшие в Индию скифы".[2] Скифы Геродота и скифы Птоломея и римских писателей – две совершенно

1 Соотечественников. – Прим. ред.

различные народности. Первый называет Скифией страну от устья Дуная до Азовского моря (по Нибуру), до устья Дона (по Роулинсону); а Скифия Птоломея – страна исключительно азиатская, включающая всю северную Азию от Волги до Серики (Китая). К тому же, эта Скифия была разделена западною частью Гималаев, называемою римскими историками "Imaus", на Скифию intra Imaum и на Скифию extra Imaum[1]. При подобной неопределённости, быть может, раджпуты и действительно *азиатские скифы*, а скифы – *европейские раджпуты*. Только нынешние раджпутские воины никак не соответствуют описанию наружности скифов, какое находим у Гиппократа: "Тела у этих людей (говорит отец медицины) толстые, грубые, приземистые; суставы их слабы и вялы, животы отвислые, волос на них почти нет и каждый из них походит на другого". Кто, познакомившись с воинами Раджастхана, с этими стройными, гигантского роста молодцами, с длинными волосами и обросшими бородой лицами, узнает в них портреты скифов по Гиппократу? К тому же, скифы – кто бы они ни были – *хоронили* своих покойников, чего раджпуты, если судить по их древнейшим летописям, никогда не делали. Скифы были кочевым народом, и описаны Гесиодом как "люди, живущие в кибитках и повозках, и питающиеся кобыльим молоком" (кумысом). Раджпуты же народ испокон века оседлый, живущий в городах и имеющий свою историю, по крайней мере за несколько сот лет до Р. Х. (ранее времён Геродота). И если они празднуют *Асвамедду*

2 Наше презрение к татарам уменьшилось бы на добрую долю, говорит Пинкертон, если бы мы только не забывали, в каком мы близком с ними родстве, что наши предки выходцы из северной Азии и что наши обычаи, законы и образ жизни были первоначально одни и те же, что и у них, словом, что мы не более как колония татар… Кимвры, кельты и галлы, завладевшие северною частью Европы, – разные имена одного и того же вышедшего из Татарии народа. Кто были готы, гунны, шведы, вандалы, франки, как не рои одного улья? Хроники Швеции указывают на Кашгар как на родину, из которой вышли шведы. Сходство между языками саксов и кипчаков поразительное; а кельтский язык, существующий доселе в Бретани и Вельсе, служит лучшим доказательством того, что их жители потомки татарских наций.

1 То есть Скифия внутри Гималаев и вне Гималаев. – Прим. ред.

(жертвоприношение лошадей), то уж до "кобыльего молока" никогда не дотронутся и презирают монголов. Геродот говорит, что скифы, называвшие себя сколотами, ненавидели более всего чужеземцев и выгоняли их из своих мест; а раджпуты один из гостеприимнейших и мире народов… Наконец, история довольно ясно указывает нам скифов в войне с Дарием (516 лет до Р. Х.), а в те времена скифы ещё сидят на своих местах, возле Дуная. В те же времена раджпуты уже были известны и Индии и имели своё царство. Что же касается *Асвамедды* (жертвоприношения лошадей солнцу), на котором Тод основывает главное своё доказательство, напоминая, что скифы тоже приносили в жертву лошадей, то этот обряд упоминается как в *Риг-Веде*, так и в *Айтарее Браманам*. О последнем же сочинении Мартин Хауг говорит, что, по всем вероятиям, оно уже существовало за 2000-2400 лет до Р. Х.

Сознаюсь, от кума бабу́ до скифов и раджпутов допотопных времён – отступление довольно долгое. Опасаясь усыпить читателя, спешу вернуться к пещерам.

Пока местные *шикари*, под водительством воинственного акали, отправлялись вытравливать могущих находиться в пещерах тигров и оборотней, наш бхиль получил для нас позволение присутствовать при совершавшейся в городе свадебной церемонии. Браман выдавал замуж дочь, и её в тот же день венчали. Эти новые для нас церемонии были так занимательны, что день прошёл незаметно. Когда мы вернулись домой, то было уже поздно ехать в пещеры, и мы отложили поездку до следующего дня. Между тем опишу виденные нами празднества, тем более занимательные, что обряды сватовства, обручения, свадьбы и т. д. не изменялись в Индии по крайней мере за последние два тысячелетия. Они совершаются по предписанию Ману и без малейшей вариации на древнюю тему. В своих религиозных воззрениях Индия как бы кристаллизовалась, и кто видел брак индусов в 1879 году, знает его наверное и в древней Арьяварте за 1000 лет до настоящей эры.

Радда-Бай

Письмо XX[1]

За несколько дней до отъезда нашего из Бомбея мы прочитали в одной местной газете объявление о двух свадьбах: свадьба богатой наследницы, браманки; другая – в семействе огнепоклонников.

Объявление о первой гласило так:

> "В семейства Бимбая Мавланкара, и прочее, готовятся к радостному событию. Наш почётный член, не в пример другим менее счастливым браманам его касты, нашёл жениха для своей внучки в богатом семействе однокастников в Гуджерате. Маленькой Рамабае уже исполнилось *пять лет*, а её жениху *семь*. Свадьба назначена через два месяца и обещает быть блестящею".

Второе объявление касалось совершившегося факта и появилось в одной парсийской газете, весьма сильно напирающей на *реформу* и жестоко бичующей своих соотчичей за их "отвратительные, устарелые обычаи" и, между прочим, за ранний брак. Она справедливо осмеивала какой-то *Гуджератский Листок*, в напыщенных выражениях описывавший брачную церемонию в Пуне... Там счастливый жених (которому уже минул *пятый год*) "прижимал к сердцу вручаемую ему тёщей *краснеющую* невесту *двух с половиной лет*"!.. Обычные ответы брачной пары оказались до того неясными, что священнику гебров (мобеду) вместо жениха и невесты пришлось обращаться уже к родителям с обычными при церемонии вопросами: "Берёшь ли ты его себе законным мужем, о дщерь Заратушты (Зороастра)! и готов ли ты быть её супругом, о сын Ормазда!.." "Брачные приготовления оказались вполне успешными", говорит сатирическая газета, "жених был выведен за руку во всей молодцеватости своей *togae virilis*[2] и высокого, в виде сахарной головы, тюрбана, а невеста,

1 Московские ведомости, № 112, 24.04.1880, стр. 3-4, № 115, 27.04.1880, стр. 3-4; Русский Вестник, январь 1883, Приложение, том 163, с. 196-210.

2 Тога зрелости (лат.); надевалась молодыми римлянами по достижении совершеннолетия, в 16 лет. – Прим. ред.

вынесенная на руках, угощала присутствующих, вместо улыбок, страшнейшим рёвом, среди которого она совершенно забывала о носовом платке и вспоминала, по-видимому, лишь о соске, требуя её себе среди неистового крика и почти задыхаясь под тяжестью фамильных бриллиантов..." То был парсийский брак, "с барометрическою верностью характеризующий ход прогресса нашего быстро развивающегося народа", добавляет газета.

Прочитав это, мы, конечно, много смеялись, хотя не совсем веря, чтобы даже в Индии могли совершаться столь ранние браки. Мы слыхивали о *десятилетних супругах*, но о *двухлетних невестах* приходилось слышать впервые. В Багхе мы убедились, как неизмерима браманская изобретательность: недаром они в древности постановили закон о запрещении кому бы то ни было, за исключением священнодействующих браманов, изучать санскритский язык и особенно читать Веды. *Шудра* и даже высококастный *ваизья*[1] предавался, во времена оны, позорной смерти за таковое преступление. Весь секрет в том, что Веды запрещают вступать в брак женщинам ранее 15-20 лет, а мужчинам до 25 или даже 30-летнего возраста. Распорядившись, чтобы всякая религиозная церемония прежде всего наполняла карманы браманов, эти тунеядцы перековеркали своё древнее писание на собственный лад и, обременив постепенно индусов бесконечным каталогом обрядов, постановлений, несуществующих праздников и глупейших церемоний, дабы при том не быть пойманными в лживом толковании священных книг, хитро придумали вменить в кощунство чтение оных всякому, кто только не принадлежал к их лагерю. Между прочими "преступными выдумками" (как их называет суами Дайананд), вот одно из постановлений, извлечённое из браманских книг, идущих диаметрально вразрез с Ведами. По всей центральной Индии празднуется так называемый "брачный сезон", Kudwa Kunbis, земледельческой касты, к коей принадлежат все *земиндары*. Сезон этот празднуется лишь один раз в двенадцать лет, но зато он является полем обильнейшей жатвы для господ браманов. Все матери как взрослых (то есть

1 Вайшья.

десятилетних) ребят, так и младенцев ещё в пелёнках и даже ещё *не родившихся* детей, обязаны совещаться с богиней *Матой*, хранительницей новобрачных, – конечно, через её оракулов, браманов. *Мата* – покровительница всех четырёх родов брака между индусами: "брака отроков, брака детей, брака младенцев и брака *во чреве*". Последний самый занимательный, хотя бы в силу своей азартности и полной зависимости от слепой судьбы.

Вместо *будущих* плодов, *венчаются между собою матери*, то есть те, которые находятся в интересном положении. Много поэтому любопытных эпизодов является среди этих матримониальных пародий; но национальный инстинкт индусов не смущается никаким необыкновенным казусом. Они остаются безмятежно и спокойно верующими, выказывая лишь изредка и то при самых исключительных случаях открытый антагонизм против браманских учреждений. Их вера скорее вековой страх пред непогрешимостью "избранников богов", нечто внушающее к ним, среди невольного смеха, и невольное уважение. А браман, как давно известно, не ударит лицом в грязь ни пред каким афронтом[1] насмешливой и слепой судьбы. Если, например, у обеих *обвенчанных одна с другою матерей* родятся мальчики, или оба новорождённые окажутся девочками, – на то воля *Маты*: богиня, значить, пожелала, чтобы вместо супругов родились два брата или две сестры, и эти дети, если они вырастут, признаются законными наследниками *обеих* матерей. В таких случаях, по приказанию богини, браман расторгает брачные узы, ему снова платят, и конец делу. Но если дети родятся двух полов, то уже брака расторгнуть ничто и никто не может: ни уродство, ни хронические болезни, ни даже полное юродство одного из супругов…

Чтобы не возвращаться к этому предмету, заметим здесь кстати, что ни один индус не имеет права оставаться холостым. Религия предписывает ему брак ради сына, на котором лежит обязанность вводить покойного отца, посредством некоторых *необходимых* заклинательных молитв, в *сваргу* (рай). Даже каста *брамачарий*, – члены коей дают обет безбрачия, хотя и

1 Афронт (анг. affront) – публичное оскорбление, обида. – Прим. ред.

остаются в миру и вращаются в мирских делах, представляя единственный в стране экземпляр *светских* холостяков, – обязана усыновлять себе мальчиков. Всё же остальные индусы пребывают во браке до *сорокалетнего* возраста, после чего получают право, с согласия жены и семейства, удаляться в джонглы и, ради спасения души, делаться аскетами. Если в семье родится урод, то и это не препятствует ему жениться; он только должен подобрать себе такую же калеку-жену. Если выбор его падёт на девушку из собственной касты, то она непременно должна быть калекой под условием представлять увечье другого рода. Если жених, например, слепой, то невеста обязана быть или горбатою, или хромою и т. д., лишь бы не слепою и наоборот. Но если кандидат в мужья имеет предрассудки и предпочитает здоровую и красивую жену, то он должен совершить *mésallianse*[1]: в этом случае он не может добыть себе невесту в собственной касте, а обязан в иерархии каст спуститься одною ступенью ниже и искать себе пары вне своего круга; его же круг и не признает, и не примет несчастную *parvenu*[2]. Все такие исключения, впрочем, зависят от вдохновляемого богами семейного брамана (гуру). Это по части мужчин. Но что за странная, невероятно несправедливая участь выпала во всех жизненных условиях на долю несчастной женщины Индии! Жизнь честной и особенно богомольной, верующей женщины не что иное как длинный ряд роковых для неё событий. Чем выше она стоит по рождению и своему общественному положению, тем горше её судьба. Одни *наотчи* – танцорки, посвящённые богам и служащие при храмах, свободны, счастливы и живут в великом почёте. Они *весталки* и *дочери* весталок, как ни странно последнее выражение. Взгляд индусов, особенно в вопросах о нравственности, самобытный и во всяком случае "антизападный", если можно так выразиться. Никто не относится строже этого народа к женской чести и целомудрию; но их браманы перехитрили даже римских верховных жрецов и авгуров. У древних римлян Рея Сильвия, например, мать

1 Мезальянс, неравный брак (фр.). – Прим. ред.
2 Парвеню, выскочку (фр.). – Прим. ред.

Ромула и Рема, несмотря на то, что в её *faux pas*[1] участвовал бог Марс, была, по обычаю весталок, погребена за этот проступок живой, и Нума с Тиберием, как известно, тщательно позаботились, дабы целомудрие их жриц не сделалось чисто номинальным. Но "весталки" берегов Инда и Ганга понимают дело иначе, нежели его понимали на Тибре. Одно тесное знакомство *наотчей* с богами (коих браманы заменяют по прокуратуре) очищает *наотчей* ото всех плотских грехов, соделывая их в одно и тоже время безукоризненными и беспорочными. *Наотча* не *может* быть "падшей женщиной", как другие смертные, несмотря на кучу "божественных музыкантов", снующих в пагодах в виде маленьких весталок и их братцев. Никакая между тем римская матрона, даже сама целомудренная Лукреция, не была в таком почёте за свои добродетели, как осыпанная драгоценностями красавица *наотча*. Это уважение к "любимцам богов" особенно проявляется в чисто туземных центральных городах Индии, где народ сохранил всю свою слепую веру в непогрешимость браманов.

Не такова участь бедной *честной* женщины в Индостане. Наотчи все грамотные и получают самое высокое по туземным понятиям образование. Они читают и пишут на санскрите, изучили лучшую литературу древней Индии и её шесть главных философий, из коих в особенности музыку, пение и танцы. Но, кроме этих "богорожденных" храмовых жриц, есть ещё *публичные наотчи*, профессиональные танцорки, которые, как египетские "алмеи"[2], доступны и не одним богам; и эти тоже более или менее все грамотные. Поэтому замужние женщины, боясь малейшего приравнения к последним, не желают учиться ничему такому, чему учатся эти презираемые, незнакомые с богами существа. Если браманка богата, она проводит в одуряющем бездействии всю свою жизнь; если бедна – ещё хуже: все её земное существование сосредоточивается в

1 Опрометчивый поступок (фр.). – Прим. ред.

2 Альмея (альма, алмея, фр. almée, англ. almeh) – танцовщица, певица и женщина-музыкант высокого ранга, которая должна была в гаремах развлекать женщин богатых и знатных господ в арабском Египте. – Прим. ред.

однообразнейшем соблюдении механически совершаемых обрядов. Нет для неё ни прошлого, ни будущего; одно по часам заведённое, веками установленное, монотонное настоящее. И это ещё при счастии, пока жизнь её идёт гладко и без семейных утрат. О замужестве же по любви или по свободному выбору не может быть и речи. Выбор для неё жениха, ограниченный собственною кастой, иногда чрезвычайно затруднителен и во всяком случае разорителен, потому что здесь жену не продают, а покупают ей право выйти замуж. Вследствие этого рождение девочки не радость, а горе, особенно в небогатом семействе. Она *должна* быть выдана замуж не позже семи, восьми лет, потому что девятилетняя девочка считается здесь уже "старой девкой" и, принося лишь бесчестие родным, навлекает на себя насмешки всех своих более счастливых сверстниц.

Если когда-либо англичане сделали что хорошее в Индии, то это без сомнения в те дни, когда они успели подавить, если не совершенно искоренить, ужасный обычай *детоубийства*. Убиение девочек почти во всеобщем употреблении в этой стране; оно особенно практиковалось в центральной Индии и более всего свирепствовало между племенем джадежда, некогда столь могущественным в Синдхе, а ныне сделавшимся разбойничьим племенем. По всем вероятиям, они первые и ввели его. В древности этот зверский обычай – отделываться от дочерей из-за страха обязательного выдавания их замуж – не был известен арийцам. Даже в старинной браманской литературе мы видим, что во времена преобладания чистокровных арийцев женщина пользовалась одинаковыми с мужчиной правами. Она имела голос в государственных советах, была свободна в выборе супруга, как и властна предпочесть безбрачие замужней жизни. Много знаменитых женских имён играют первенствующие роли в хрониках древней земли арийцев и перешли в потомство, как имена женщин-поэтов, астрономов, философов и даже мудрецов и законников.

Но с набегов персов в VII столетии нашей эры, а затем фанатических, разбойничьих магометан всё изменилось: женщина стала рабой, и браманы воспользовались этим, дабы

ещё более закрепостить её. В городах доля женщин-индианок ещё печальнее, нежели судьба поселянки. Взглянем на одну такую бесконечную канитель церемоний и обрядов.

Церемонии, предшествующие предложению и свадьбе, чрезвычайно многочисленны и сложны. Их разделяют на три главные группы: церемоний *до* свадьбы, *во время* бракосочетания и *после* брака. В одной первой группе одиннадцать необходимых обрядов: сватовство, сравнение двух гороскопов, жертвоприношение козла, назначение счастливого по звёздам дня, приглашение гостей, постройка алтаря, закупка священных горшков для хозяйства, жертвоприношение семейным богам и, наконец, взаимные подарки. Всё это совершается с разными обрядами и религиозными церемониями. Как только дочь достигла четырёхлетнего возраста, отец и мать посылают за домашним *гуру*-брамином, вручают ему только что снятый астрологом касты (должность весьма важная) гороскоп девочки и посылают к такому-то, у кого есть сын в летах. Предупреждённый заранее, отец мальчика берёт гороскоп и, положив его пред семейными богами в кумирне, отвечает: "Соглашаюсь на *паниграхан*[1]... Да поможет нам Рудра (Всевышний)! Затем, спросив: когда же *лагна* (соединение)? – сват откланивается. Через несколько дней отец вручает своему семейному жрецу гороскопы невесты и жениха-сына, которые относятся к главному астрологу. Найдёт он оба благоприятными – ладно; скажет, что нет, и сватовству конец; отец жениха отсылает тогда резолюцию астролога к родителям девочки, и дело предаётся забвению. В благоприятном же случае отец и браман тут же кончают сделку. Браман подаёт отцу кокосовый орех и пригоршню сахару, и после этого уже нельзя изменить обещания, иначе *vendetta*[2] индусов затянется на целые поколения. Приносится в жертву козел, и молодые обручены, а затем астрологом назначается день свадьбы.

Все эти церемонии были уже давно совершены в семействе, к которому мы, в Багхе, отправились на свадьбу. Эти обряды считаются особенно священными, и нас, вероятно, не

1 *Паниграхан* – санскритское слово, означающее: "рука в руку".
2 *Вендетта* (ит.) – кровная месть. – Прим. ред.

допустили бы присутствовать при совершении их. Но мы их увидели позднее в Бенерасе, благодаря ходатайству бабу. Принесение в жертву бедного козла чрезвычайно интересно; передаю его в подробности.

Ребёнок мужского пола посылается приглашать несколько замужних женщин "старух" (от 20 до 25 лет) пожаловать на поклонение домашним *ларам*[1] (богине-покровительнице того дома) и духам. Каждое семейство выбирает себе свою особую богиню, что при 333 миллионах богов и богинь не составляет особенного затруднения. Вечером приносят юного козла, и все ложатся вокруг него спать. Рано утром приёмная зала в нижнем этаже посыпается коровьим навозом, любимейшим индусскими богинями фимиамом, а посредине комнаты начертывается мелом квадрат, в который на высоком алтаре становится идол богини. Затем приводят козла, и старейший в доме мужчина, взяв животное за рога, заставляет его кланяться идолу. После этого, со свадебными гимнами, "старые" и молодые женщины начинают обмывать козлу ноги, осыпают ему затем голову красным порошком (причём будущая жертва сильно бодается), дымят ему зажжённою лампой вокруг носа для отогнания от него злых духов и, наконец, отходят в сторону. Тогда старейший старец берёт бамбуковую веялку, посыпает в неё рису и предательски ставит её пред козлом. Взяв между тем в руки обнажённый меч, старец становится по правую его сторону, и в то время как ничего не подозревающая жертва с большим аппетитом принимается за рис, он ловким ударом меча отсекает козлу голову и, держа её в правой руке, орошает богиню горячею капающею из неё кровью… Все принимаются петь хором, и обручение совершено.

Церемонии с астрологами, обмена подарков и т. д. слишком длинны, чтоб их описывать. Довольно заметить, что астролог играет в них двойную роль авгура и нотариуса. После общего воззвания к *Ганеше* (богу с хоботом) контракты пишутся на изнанке гороскопов; к ним прикладываются печати, записываются счастливые созвездия жениха и невесты и

1 *Лары* (лат. lares) – домашние божества римлян, покровители очага и всего дома. – Прим. ред.

преподаётся общее благословение. Перехожу прямо к брачной церемонии, которой мы были очевидцами в Багхе.

Невесте было на вид лет десять, жениху не более четырнадцати. Невеста сидела на высоком месте в бархатной шитой золотом юбке, вся в цветах и золотых украшениях. В её маленьком носу было продето огромное золотое кольцо с каким-то сияющим камнем, который совсем ей оттягивал ноздрю. Физиономия у неё была очень плачевная; по временам она косилась на нас исподлобья. Жених, здоровый, толстый мальчик в парчевом кафтане и шапке Индры (т. е. тюрбане, сделанном наподобие многоярусной пагоды), сидел на коне верхом, окружённый целой кучей родственников. Сооружаемый для этого случая пред ступенями дома алтарь уже был готов. Он строится по размеру и длине руки невесты, считая три раза от плеча до среднего пальца, и сделан из выбеленного глиной кирпича. Сорок шесть глиняных горшков, выбеленных и выкрашенных красными, жёлтыми и зелёными полосами (цвета Тримурти), возвышались двумя пирамидами по обеим сторонам посаженного на алтарь "бога браков", а целая толпа замужних девочек толкла в семи больших ступках жёлтый имбирь. Когда он был готов, то вся эта партия амазонок бросилась на жениха, стащила его с лошади и, раздев донага, стала обмазывать его размоченным в воде имбирём; лишь только он обсох на солнце, его снова стали одевать с песнями. Пока одни его одевали, другие девочки, вооружась каждая листом свёрнутого в трубку лотоса, капали ему на голову воду – приношение водяным богам.

Нам объяснили, что в продолжение всей прошлой ночи совершались в домах жениха и невесты последние обряды церемонии, начатых ещё за несколько недель до свадьбы: воззвание к *Ганеше,* к брачному богу, к стихийным божествам – богу огня, воды, воздуха, земли; к богине оспы и других немочей; к духам прадедов и планет; к злым духам, добрым духам и к духам домашним… Но вдруг раздалась музыка… О боги! что это за адская симфония! Раздирающие слух звуки тамтама, тибетские барабаны, сингалезские дудки, китайские трубы, литавры, гонги оглушали нас со всех сторон, пробуждая

в душе ненависть к человечеству и его дьявольским изобретениям. "*De tous les bruits du monde celui de la musique est le plus desagreable*"...[1] – вспомнилось мне. К счастию, агония длилась недолго, и на выручку нам явилось оригинальное и всё-таки более сносное пение браманов и *наотчей*. Свадьба была богатая, и "весталки" явились в полной форме. Минута затишья, сдержанного шёпота... и вот одна из них, высокая, красивая девушка, с глазами, занимающими половину лба, стала молча перебегать от одного к другому гостю и каждого поочерёдно мазать рукой по лицу, оставляя на нём следы сандалового и шафранного порошка. Она подскользнула и к нам, бесшумно порхая по пыльной дороге своими босыми, разукрашенными золотыми кольцами ногами. Прежде чем мы успели опомниться, она уже мазнула меня, и полковника, и мисс Б*** по носу, заставив последнюю громко чихнуть и затем целые десять минут обтираться и брюзгливо ворчать...

Бабу и Мульджи, с улыбками великодушия на лицах, любезно подставили свои физиономии к полной шафрана ручке. Один лишь Нараян, в ту самую минуту, как поводившая на него всё время своими огненными очами весталка, став на самые кончики своих проворных ног, собиралась совершить над ним *гулал-пекне*, – быстро отшатнулся и, нахмурясь, полуобернулся к ней спиной, получив всю дозу порошка в плечо. Весталка, в свою очередь, грозно нахмурилась, но, затаив досаду, только сверкнула на него глазами и подлетела к Рам-Рунджит-Дасу. Но с этой стороны ей ещё менее посчастливилось: оскорблённый в своём монотеизме и целомудрии, "божий воин" так бесцеремонно оттолкнул весталку, что она отлетела на посуду брачного бога, чуть не перебив её всю. В толпе послышался сильный ропот, и мы уже приготовлялись было на изгнание за грехи буйного сикка, когда разом грянули опять все барабаны, и процессия тронулась. Впереди всех ехали на позолочённой повозке и на украшенных от рогов до хвоста цветами волах трубачи и барабанщики; за ними следовал другой оркестр пеших дудочников; за этими третий – верховых,

1 "Среди всех звуков в мире самый неприятный – это звук музыки" (фр.). – Прим. ред.

дующих во всю мочь в *гонги*. За ними, по две в ряд, шли разукрашенные перьями и цветами, в богатых попонах, лошади с родственниками молодых. Далее отряд *бхиллей* в полном обезоружении, так как англичане только что отняли у них все боевые снаряды, кроме лука и стрел. Все они словно страдали флюсом, подвязанные до самого носа своими белым *пэггери*. За ними шли духовные браманы, с курительными свечами в руках, окружённые своим летучим батальоном весталок, выделывавших во всю дорогу глиссады[1] и па; за этими светские браманы "дважды рождённые" и, наконец, юный жених верхом на красивом коне, по обе стороны которого шли по два воина с хвостами *яка* (тибетский бык) в руках для отмахивания мух, а за их спинами ещё по два человека с серебряными веерами; группа жениха замыкалась голым браманом на осле, державшим над женихом огромный из красного шёлка китайский зонтик. За всем этим повозка на волах, нагружённая считанною тысячью кокосов и сотнею бамбуковых нанизанных на красной верёвке корзинок. Покровительствующий бракам бог ехал в грустном одиночестве на спине слона, которого *махут* вёл за украшенную гирляндами цепь. За хвостом слона скромно шла наша партия, которая и замыкала процессию…

Бесконечно длились обряды по дороге; невыразимо странными казались нам торжественные "мантры", распеваемые пред каждым деревом, возле погод, пред танками, кустами и наконец пред священною коровой. Когда мы вернулись к дому невесты, было уже около четырёх часов пополудни, а мы пришли в шесть утра… Мисс Б*** спала от усталости и жары на всём ходу; пылкий сикк давно ушёл домой, захватив с собою У*** и Мульджи, которого полковник, в воспоминание своего угрюмого президента Гранта, прозвал "молчаливым генералом". Наш уважаемый предводитель обливался в два ручья потом, и даже невозмутимый Нараян, позёвывая, обмахивался веером. Один бабу, после десятичасовой прогулки с непокрытою головой под палящим апрельским солнцем

1 *Глиссада* (фр. glissade – скольжение) – скользящее движение в танце. – Прим. ред.

Индии, казался свежее, чем когда-либо: ни одной капельки испарины на тёмно-бронзовом, гладком, как атлас, лице! Он скалил свои белые зубы и балагурил, декламируя стихи из *Бриллиантовой свадьбы* Стедмана…

Началась последняя брачная церемония, после которой для женщины закрывается весь мир, но перед которою мы открыли глаза и уши и принялись наблюдать внимательнее прежнего. Вот поставили жениха и невесту у алтаря. Соединив им руки длинною травой *кус-куса*, браман обвёл их три раза вокруг алтаря. Затем им развязали руки, и жрец снова прогнусил мантру. Когда он кончил, жених-мальчик, схватив свою миниатюрную невесту на руки, снова трижды обошёл с нею вокруг алтаря, а потом ещё три раза, идя на этот раз впереди невесты, которая следовала за ним, как покорная жена. Когда всё совершилось, юного мужа посадили на высокое сидение у дверей дома, а новобрачная, взяв в руки таз с водой, простёрлась у ног будущего повелителя, разула его и, обмыв ему обе ноги, *обтёрла их распущенными своими волосами*. Обычай, как мы заметили, действительно древний. По правую руку жениха сидела его мать; поклонясь ей низко в ноги, невеста совершила ту же операцию и над свекровью, после чего удалилась в дом; за ней вышла из толпы её мать и повторила над зятем и его матерью такое же омовение, но уже без обтирания волосами. Брак свершился. Загремели снова барабаны да там-тамы, и полуоглохшие мы наконец уехали домой. В палатке мы нашли *акали*, проповедовавшего У*** и молчаливому генералу религию "Нанака" и все душеспасительные выгоды "сиккаизма" в сравнении с религией "чертопоклонников" (как он называл браманов). Наш приятель был прав: сам Сатана в свои гениальнейшие минуты не мог бы придумать ничего более несправедливого, более утончённо-жестокого. *Полная, безусловная гражданская смерть* ожидает женщину в случае её вдовства, овдовей она хотя пятилетней, даже двухлетней девочкой, наконец, и в том случае, если она только прошла через обряд обручения, при котором, как мы видели, она не присутствует, а фигурирует жертвой один козел. Мужчина же не только по праву может иметь несколько жён,

хотя – будь сказано к чести индусов – за исключением распутных, приученных резидентами и опекунами-англичанами к пьянству и другим прелестям западной цивилизации принцев и махараджей, – мы ещё не слыхивали о таком примере, чтоб у индуса было *более одной* жены. В случае же вдовства мужчина обязан вступить во второй и третий брак. Но для женщины нет такого закона. Для неё вторичный брак считается величайшим грехом, неслыханным позором: тотчас по сожжении трупа мужа, вдове бреют голову навсегда. Ей не дозволено носить ни одного украшения; её браслеты, перстни, ожерелья, всё это ломается в куски и вместе с волосами сожигается с трупом мужа. Всю жизнь она должна ходить с ног до головы в *белом*, если она осталась вдовою до 25-ти-летнего возраста, или же в *красном*, если она старее. Храмы, религиозные церемонии, общество закрываются пред нею навсегда. Она не смеет говорить ни с кем из родных и даже есть с ними. Она спит, ест и работает отдельно; соприкосновение с ней считается нечистым в продолжение семи лет. Если вдова встретится первою на дороге человеку, выходящему утром из дому по делу, то он возвращается домой и откладывает дело до другого дня, так как встреча со вдовой самая дурная примета. Уличённые в лживом истолковании Вед, с преступною целью жечь вдов, дабы завладеть их имуществом, поставленные в невозможность продолжать этот жестокий обычай, браманы возобновили редко приводимое в исполнение – и то касающееся лишь *богатых* вдов, отказывающихся от самосожжения в последнюю роковую минуту, – и применили оное ко всем вдовам поголовно. Бессильные против британского закона, они мстят невинным и постигнутым несчастием женщинам.

Любопытна история уличения браманов профессором Уильсоном в фальсификации текста Вед и подлоге. В продолжение долгих веков браманы жестоко сожигали злополучных вдов, но Уильсон, лучший санскритолог того времени, рылся в самых древних рукописях, пока не убедился, что нигде в гимнах Вед нет такого постановления, хотя в законе Ману, непогрешимого толкователя "откровения", оно будто бы

находилось во всей ясности и так и было переведено Колебруком и другими ориенталистами. Дело становилось затруднительным. Стараться доказать, что истолкование Ману неправильно, – равнялось, ввиду народного фанатизма, толчению воды.

Уильсон стал изучать Ману, сравнивая текст Вед с текстом законодателя. И вот что он нашёл наконец: *Риг-Веда* повелевает браману класть вдову, *до* зажжения костра, рядом с трупом мужа, а по совершении некоторых обрядов *свести с костра* и громко пропеть над нею следующий стих из *Грихья-Сутры*:

Вставай, о женщина! вернися в мир живых;
Заснув у трупа, просыпайся снова;
Довольно времени была ты верною женой
Тому, кто сделал тебя матерью его детей.

Затем присутствовавшие при сожжении покойника женщины мазали себе глаза "коллирием"[1], и брамин обращался опять к ним со следующим стихом:

Приблизьтесь женщины замужние, не вдовы,
С мужьями добрыми несите ги[2] и масло.
Пусть *первыми все матери восходят на алтарь*
В одеждах праздничных и ценных украшеньях, и т. д.

Именно предпоследний стих и был искажён браманами самым тонким, хитрым образом. В оригинале стих читается так:

"А роханту ганайо йоним агре"...[3]

буквально: "первыми – матери ступайте в утробу алтаря" (yonim agre, т. е. *внутрь* алтаря). Изменив лишь одну букву последнего слова "агре", которое они переделали в "*агне*" (огонь), браманы получили право посылать в продолжение долгих веков несчастных малабарских вдовиц в *yonim agneh* – "В утробу огня", на ко-

1 Collirio (итал.) – глазная мазь. – Прим. ред.
2 Ги – растопленное масло.
3 См. профессора Уильсона "*Burning of the Hindu Widows*" и Макса Мюллера "*Comparative Mythology*", 1866.

стёр. Трудно бы найти на белом свете подобную адскую подделку.

И не только Веды никогда не дозволяли сожигания вдов, но есть даже место в *Таитрии-Арнукне* (Яжур-Веда), где меньший брат покойника, его ученик или даже, за неимением родственников, доверенный друг, в то время, как готовятся зажечь огонь на костре, – обращается ко вдове и говорит ей следующее: "Встань, женщина, не ложись более возле безжизненного трупа; возвратись в мир живых, подальше от умершего супруга, и сделайся женой того, кто держит тебя за руку и желает вступить с тобою в брак". Этот стих доказывает, что во времена ведического периода существовал для вдов *вторичный* брак, тем более, что в нескольких местах древних рукописей, вручённых нам суами Дайанандом, мы нашли повеление вдовам "собирать кости и золу мужа в продолжение нескольких месяцев по его смерти, и в заключение исполнять над покойником известные обряды"...

Невзирая, однако, на полную улику, на произведённый открытием Уильсона скандал и на то, что браманы пред двойным авторитетом Вед и Ману принуждены были, в свою очередь, спасовать, вековой обычай оказался столь сильным, что некоторые *супра* (набожные индуски) до сих пор сожигают себя, когда могут. Не далее, как в конце семидесятых годов прошлого столетия, по смерти главного министра в Непале Юнг Бахадура, четыре его жены настояли на самосожжении. Непал – неподвластен Британии, и англо-индийское правительство не имело права вмешаться.

Радда-Бай

Письмо XXI[1]

В четыре часа утра мы уже переезжали Вагрей и Гирну, или правильнее (*comme couleur locale*[2]) Шиву и Парвати. Вероятно, по примеру смертных супругов, "боги" в это утро ссорились, так

1 Московские ведомости, № 117, 29.04.1880, стр. 4, № 129, 11.05.1880, стр. 4; Русский Вестник, май 1883, Приложение, том 165, с. 210-241.

2 В соответствии с местным колоритом (фр.). – Прим. ред.

как очень уж они вдвоём бурлили, и наш паром, зацепившись за что-то на дне реки, чуть не перевернул нас всех в холодные объятия Махадео и его сварливой половины.

Подобно всем пещерным храмам[1] в Индии, вырытым, как я подозреваю, аскетами с целью искушать человеческое терпение, и эти кельи находятся на вершине почти отвесной горы. Принимая в соображение, что такая неприступность их нисколько не мешает даже простым тиграм, не говоря уже об "оборотнях", залезать туда и даже селиться в них, остаётся думать, что подобный род архитектуры был действительно избран лишь с целью вводить слабых смертных во грех. Семьдесят две высеченные в скале ступени, заросшие мхом и колючками, с глубокими выбоинами, которые громко свидетельствовали о несметных миллионах ног пилигримов, выбивавших их в продолжение двух тысяч лет, – таков для начала парадный вход в Багхские пещеры. Прибавьте к прелестям подобного подъёма множество просачивающихся сквозь ступени горных ручьёв, и никто не удивится, что мы в то утро положительно изнемогали под бременем жизни и археологических затруднений. Бабу, который, сняв туфли, скакал по колючкам с такою же лёгкостью, как если б у него вместо человеческих подошв были копыта, посмеивался над "слабыми европейцами" и только ещё более бесил нас…

Но, взобравшись на вершину горы, мы перестали роптать, почувствовав с первого взгляда, что будем вполне вознаграждены за всю нашу усталость. Едва мы взошли на небольшую, расстилавшуюся под далеко нависшею над ней бурою скалой площадку, как пред нами открылась, через прямоугольное отверстие футов в шесть [1,83 м] шириной, целая анфилада тёмных пещер. Мы были поражены мрачным величием этого давно покинутого храма. Не теряя времени на подробный осмотр потолка над площадкой, очевидно, служившею когда-то верандой, над портиком, с его торчащими сверху, как большие чёрные зубы, отломками того, что некогда было колоннами, и не останавливаясь даже осмотреть две комнаты по обеим сторонам древней веранды, одну с разбитым

1 В ред. 1880 года: «Подобно всем пещерным храмам…». – Прим. ред.

идолом какой-то плосконосой богини, другую с Ганешей, – мы приказали зажечь факелы и вошли внутрь первой залы… На нас пахнуло могильной сыростью. При первом слове все понизили голос до едва слышного шёпота: глухо завывшее, протяжное и долго замиравшее потом эхо заставило нас всех неприятно вздрогнуть. С робким гортанным восклицанием: "Дэви!.. Дэви!.." наши факельщики мгновенно бросились лицом на землю и, несмотря на сердитый протест Нараяна и особенно "божьего воина", тут же начали творить *пуджу*[1] голосу невидимой, обитавшей в этих пещерах богини… Единственный проникавший во храм свет входил в отверстие двери, погружая в ещё более глубокий мрак почти две трети залы. Эта зала, или средний храм, очень велика – 84 квадр. Фута [7,8 кв. м] и 16 футов [4,88 м] высоты. Двадцать четыре массивные колонны составляют квадрат, по шести возле каждой стены, включая угольные столбы, и четыре средние, которые поддерживают в центре потолок скалы, слишком переслоённый, чтобы, как в Карли и Элефанте, выдержать на таком большом пространстве чрезмерную тяжесть горы. Базы колонн состоят каждая из плинтуса и двух полукруглых фризов. У четырёх средних столбов круглые стержни, со спиральными кряжами, которые, суживаясь кверху, постепенно изменяются из 16-ти в 8-угольные полосы, переходя под подставками в квадратные, и представляя таким образом нечто чрезвычайно оригинальное и изящное. Другие колонны – две передние и две задние – почти квадратные до первой трети своей высоты. Затем и эти начинают постепенно округляться, переходя в 8-ми и 12-угольные полосы со спиральными кряжами, а ещё выше в 12-ти и 24-угольные, оканчиваясь под карнизом пышными орнаментациями, напоминающими коринфский стиль. У***, известный архитектор по профессии и опытный художник, уверял нас, что оригинальнее этих колонн он ничего не видел. Какие употреблялись инструменты туземными зодчими на созидание подобных, в цельных скалах, работ, он и ума приложить не мог. Как и все пещерные храмы Индии, история которых теряется во мраке неизвестности, и эти приписаны

1 Церемония поклонения.

ориенталистом Эрскином буддистам, хотя и здесь предание относит их к работам мифических братьев Панду.

Но не говоря уже о том, что вся индийская палеография в каждой новооткрываемой древней надписи своей протестует против такого самовольного заключения, есть ещё много других причин сомневаться в правильности воззрений на этот счёт большей части английских ориенталистов. Мы выскажем пока одну. Положим, что показания браманов неправильны и что буддисты, как то желали доказать Стивенсон и другие, проповедовали свою религию, строили вихары и пользовались одинаковыми правами с другими сектантами в Индии ещё в начале VI века нашей эры. Но, с другой стороны, эти же члены Азиатского Общества давно решили, что религия Будды, затеявшего свою реформу именно *против идолопоклонства*, исказилась "не ранее V столетия". До того времени не было и не могло быть ни одного браманского идола в чисто буддистских храмах, как это уже и доказано. Каким же образом, спрашивается, в пещерных храмах Карли, Насика, Кеннери и т. д. (Карли построен, по единодушному мнению антикваріев, между III и I веком до-христианской эры, никак не позже 95 года до Р. Х., а пещеры Насика в первом или во втором веке нашей эры) находится такая бездна браманских идолов, вышедших из-под резца зодчих *одновременно* со стенами зданий? Почти все они иссечены в стенах и составляют существенную часть самых пещерных храмов. Разве в первые два века *до* и *после* нашей эры буддист осмелился бы изображать столь противных духу учения Будды идолов? "Найденные в Насике надписи (отвечают нам антикварии) доказывают, например, что славный монарх А'ндхры, Готамипутра, покорив царя Цейлонского, выгнав скифов, греков и персов, основал в одно и то же время госпиталь для больных и немощных, школу для стрельбы из лука, коллегию для изучения буддизма и другую коллегию для браминов, представляя таким образом интереснейшую картину человеколюбивого, отличавшегося веротерпимостью и либерального правителя. Эта надпись вместе с тем доказывает: (1) что буддисты жили с браминами в *дружбе* до своего

изгнания из Индии и пользовались одинаковыми с ними правами, и (2) что, постепенно переняв у браманов их политические воззрения, они снова вернулись к бывшей своей вере, только прибавив Будду к идолам и проч.". – Но ведь это же случилось не ранее V столетия? говорите вы. – Никак не ранее. – А пещерные храмы, наполненные сверху донизу браманскими идолами, строились, по вашему же определению, между III веком *до* Р. Х. и II по Р. Х.? – Конечно, в этом мы единодушно соглашаемся. – Но как же вы *соглашаете* такое противоречие между двумя фактами? – А мы (говорят они) даже и труда такого на себя не берём: мы авторитеты, определяющие и постановляющие *безапелляционно*, а объяснять какие-либо кажущиеся несообразности предоставляем другим...

Cum grano salis,[1] однако. Объяснять себе или другим они дают нам право; но если объяснения хоть немного разойдутся с их "непогрешимыми" заключениями, на объясняющего тотчас же кладётся клеймо невежества, и критика его выставляется на позор всему свету, как оскорбляющего науку игноранта[2]. *Et c'est ainsi qu'on écrit l'histoire!*[3] (особенно в Индии). Вероятно, так же будет поступлено и с этими скромными заметками. Некоторые русские археологи восстанут против приводимого нами мнения (т. е. мнения туземных археологов), ибо оно диаметрально расходится с мнением Фергюсона и других великих европейских оракулов о циклопических постройках архаических времён. Но чтобы разом доказать, чего стоит мнение хотя Фергюсона, этого блестящего маяка британских архитекторов, приведу ещё один пример. Этот великий зодчий, но очень посредственный археолог, объявлял в начале своей учёной карьеры, как объявляет и теперь, что "пещерные храмы Кеннери выстроены *все до одного* от V до X столетия". Так и порешили было. Но вдруг д-р Б`рд, во время своих раскопок в этих пещерах, находит в одном из памятников, сооружаемых буддистами в их храмах, известных под названием *tope*,

1 "С крупинкой соли", "с приправой", т. е. с солью остроумия, иронически, насмешливо или критически, с некоторой поправкой, с известной оговоркой, с осторожностью (лат.). – Прим. ред.

2 Невежда, неуч (англ. ignorant). – Прим. ред.

3 И так мы пишем историю! (фр). – Прим. ред.

медную доску с надписью. На затертость надписи нельзя было пожаловаться: в ней на санскритском языке говорилось яснее дня, что этот *топ* был приношением, сделанным *старому* храму в начале 245 года (по астрономической эре индусов). Это летосчисление, говорят Принсепс и д-р Стивенсон, совпадает со 189 годом христианской эры и неопровержимо решает вопрос если не о годе самой постройки, то о годе приношения, когда эта пещера уже считалась *старым* храмом, по выражению надписи. На это Фергюсон, нисколько не конфузясь, отвечает, что *для него* древние надписи в вопросах о хронологии ровно *ничего не доказывают*, ибо могут и врать, и что он, Фергюсон, "основывает свои соображения и определения древности развалин *не на надписях*, а на известных им самим открытых архитектурных канонах или уставах".

В настоящее время между ним и доктором права, известным бабу Раджендра-Лал-Митрой из Калькутты, признанным в Лондоне учёнейшим археологом и антикварием Индии,[1] идёт война. Раджендра-Лал отвечает ему, что "каноны", извлечённые почтенным английским архитектором из глубины его умозрительного знания, никак не могут применяться к таким древним и часто *неизвестного* стиля архитектуры храмам, как так называемые "пещерные храмы" Индии. После этого даже и мой малозначащий голос имеет некоторое право заявить, что и к голосу некоторых "авторитетов" можно применить пословицу: *vox, et praeterea nihil*[2]. А теперь, подкрепившись этим слабым поражением противников, замечу от себя, что теория, гласящая, будто буддисты вернулись к идолопоклонству и поэтому все храмы – буддистские, противоречит истории обеих сторон – буддистов, как и браманов. Последние именно потому и стали притеснять и выгонять из Индии первых, что те шли *против идолопоклонства*. Как уже показано выше, те из них, которые отпали от реформации чистого, хотя быть может на первый взгляд и атеистического учения Гаутамы Сиддарты, остались в

1 Член-корреспондент Азиатского общества; член Теософического общества восточной секции и пр., и пр.

2 Голос и больше ничего (лат.). – Прим. ред.

Индии; но они мало-помалу смешались с джаинами, а затем и совсем присоединились к ним. И не эти раскольники V века, конечно, строили храмы за 300 и 200 лет до Р. Х.; не буддисты переходили в браманизм, а последние следовали сотнями тысяч за Буддой. Так почему же не предложить скорее, что если среди сотней браманских богов мы находим изредка между ними, в одном и том же храме, фигуру Будды[1], что храм этот не буддистский, а древний браманский, к которому полуобращённые в буддизм строители прибавили статую Будды – одного лишнего бога, а не наоборот, что совершенно не логично? К тому же, хотя мы многократно осматривали почти все главные так называемые буддистские "вихары" Индии, мы не встречали ещё ни одного изображения Будды, которое не могло бы быть прибавлено позднее, всё равно – год или тысячу лет после построения самого храма. Мало доверяя собственным заключениям, мы ездили с У***, известным и опытным архитектором, и всюду, в каком бы то ни было из храмов, находили браманских идолов, составляющих одно целое со зданием, а статуи Будды почти всегда *приделанные*, как, например, в *чаитья-грихе*[2] кеннерийских храмов. Из тридцати или сорока пещер Эллоры, наполненных идолами, есть только одна – храм *Три Лок*, или "трёх миров", которая вместо идолов содержит в себе статуи Будды и Ананды, его любимого ученика. Тут есть прямой повод предположить, что то буддистская вихара. Интересно будет узнать мнение профессора Минаева об этих пещерах после его поездки в Индию.

А теперь вернусь к рассказу.

Прямо против входа дверь ведёт в другую залу, продолговатую, с двумя шестиугольными колоннами и с нишами по бокам, в которых стоят довольно хорошо сохранившиеся статуи: богини в 10 футов [3,05 м] вышины и несколько богов в

1 Все фигуры Гаутамы Будды резко отличаются от идолов своим неизменяемым положением: правая рука поднята и обращена ладонью наружу, представляя Будду благословляющего двумя пальцами народ.

2 Чайтья-гриха (санскр. chaitya-griha) – зал общих собраний верующих, в котором установлен священный объект поклонения.– Прим. ред.

9 футов [2,74 м]. За этою – вход в комнату с алтарём. Это правильный шестиугольник в три фута [0,91 м] между углами, под высеченным из цельной скалы куполом. Сюда не впускался, как и ныне не впускается, никто, кроме посвящённых в таинства *адитума*[1]. Кругом – кельи бывших жрецов; их около двадцати. Осмотрев алтарь, мы было уже собирались идти далее, как полковник, взяв из рук одного из слуг факел, отправился с двумя другими осматривать эти боковые комнаты. Через несколько минут раздался его голос, громко звавший нас из второй кельи налево. Он нашёл секретный ход и кричал нам: "Пойдёмте далее… надо увериться, куда он ведёт!.."

– В берлогу одного из "оборотней"… Смотрите в оба, полковник… берегитесь тигров!.. – прокричал за нас в ответ бабу.

Но по дороге к "открытиям" нашего президента было не легко остановить. Мы пошли на его зов.

Он действительно сделал открытие; и мы, войдя в келью, увидали самое неожиданное зрелище… У противоположной входу стены стояли неподвижно, словно превратясь в каменные кариатиды[2], два факельщика, а из самой стены невысокой комнаты и футов пять [1,52 м] над полом торчали две ноги, одетые в белые панталоны. Туловища не было, оно исчезло, и если бы не сильное дёрганье вышесказанных ног, то можно было бы подумать, что обитающая в пещере злая "дева", разрубив туловище полковника пополам, мгновенно испарила верхнюю часть, а ноги приклеила как трофей своего могущества под потолок!..

– Куда это вы залезли, господин президент? – завопили мы все в один голос. Вместо ответа ноги задрыгали ещё сильнее прежнего и затем исчезли в стене; после чего снова раздался голос, долетающий до нас словно из трубы.

---

1 *Адитум* (лат.) – святилище в древних языческих храмах, куда могли входить только жрецы. – Прим. ред.

2 *Кариати́да* – статуя, изображающая задрапированную женскую фигуру в качестве опоры потолка, арки или иной конструкции, заменяющая собой колонну, пилястру или пилон. – Прим. ред.

– Комната… потайная келья!.. Лезьте все за мною… целый ряд комнат… Мой факел потух!.. несите спички… факелы!..

Но лезть за ним и нести факелы оказывалось легче на словах, нежели на деле. Факельщики наотрез отказались лезть и чуть было не разбежались со страха. Мисс Б*** брезгливо посматривала на закопчёную стену и на свой туалет, а У*** поместился на отвалившемся куске колонны и решил, что не пойдёт, а закурит сигару и, окружённый отрядом трусливых факельщиков, станет нас ожидать. В стене было несколько выступов, очевидно, высеченных позднее пещеры, а на полу валялся большой, как бы нарочно высеченный в неправильную форму камень, соответствующий своею формой дыре в стене. Бабу на своём живописном языке тотчас же указал нам на него, как на бывшую "затычку" потаённого хода. По тщательном осмотре мы убедились в очевидном намерении каменщика-строителя сделать его похожим и даже ничем не отличающимся от прочих неровностей грубо обтёсанной стены. К тому же, мы нашли на нём нечто вроде стержня, на котором его, вероятно, и поворачивали, когда являлась надобность открывать этот вход.

Первым полез в дыру, продолговатую, фута в три [0,91 м] вышины, но не более двух [0,61 м] в ширину – наш мускулистый "воин божий", а так как дыра, когда он стал на кусок колонны, приходилась почти на средине груди этого пенджабского Еруслана Лазаревича[1], то он и влез довольно легко. За ним, с ловкостью обезьяны, спрыгнул бабу и, втащив факел, осветил всю комнату. Затем, с помощью акали, который втаскивал меня сверху за руки, и Нараяна, помогавшего снизу, меня благополучно, хотя и с усилием, перегрузили через отверстие, в котором я, впрочем, изрядно застряла, сильно оцарапав при этом о стены руки. Как ни тяжелы археологические расследования при пяти пудах [81,9 кг] бренного тела, я однако же чувствовала, что с двумя такими геркулесами, как Рам-Рунджит-Дас и Нараян, смело могла бы отправиться хоть на самые вершины Гималаев. Последними полезли мисс Б***,

1 Еруслан Лазаревич – богатырь, герой древнерусской книжной сказочной повести и фольклора. – Прим. ред.

которая чуть было не проглотила горсть свалившихся ей в вечно открытый рот пыли и камешков, а за нею Мульджа. Но У***, который предпочёл на этот раз чистоту своих белых панталон осмотру святынь незапамятной древности, остался внизу с людьми…

Тайная келья оказалась комнатой в двенадцать квадратных футов [1,11 м]; а прямо против зиявшей на полу дыры, на противоположной стене, только тоже под потолком, находилось другое точно такое же отверстие, хотя "затычки" от него мы не нашли. Келья была совершенно пустая, если не считать чёрных пауков, похожих по величине на крабов. При нашем появлении и особенно при ослепляющем их, вероятно, свете, между ними произошла паника: они забегали сотнями по стенам, висли на воздухе и падали нам на головы. Первым движением мисс Б*** было убивать их, но на этот раз все четыре индуса сильно и единодушно протестовали против такого намерения. Англичанка обиделась и вскипятилась.

– Я думала, что вы реформатор, – презрительно заметила она Мульджи, – а вы выказываете предрассудки не хуже идолопоклонника…

– Я прежде всего индус, – гордо ответил "молчаливый генерал". – А индусы испокон века считают грехом пред природой и собственною совестью лишать жизни инстинктивно убегающее пред силой человека, даже и опасное животное, не только что такое безвредное насекомое, как паук.

– Уж не боитесь ли вы будущего переселения в чёрного паука? – фыркнула она.

– Нет… но, в случае необходимости, всё-таки желал бы лучше трансмигрировать в паука, нежели в англичанина, – обрезал он.

Мы все расхохотались, все, кроме патриотической старой девы. На этот раз она сильно рассердилась и тотчас же, под предлогом головокружения, спустилась назад в дыру. Всё наше общество начинало ей тяготиться, и её никто не удерживал.

Что касается нас, то мы полезли во второе отверстие под водительством на этот раз Нараяна. Он бывал здесь и прежде, и по этому поводу рассказал нам весьма странную историю. Он

уверял, и весьма серьёзно, будто такие комнаты тянутся одна за другой до самой вершины горы. Затем они повёртывают в сторону, спускаясь вниз до огромного подземного жилища – целый пещерный дворец, где по временам живут радж-йоги. Желая удалиться на время от света и провести несколько дней в уединении, радж-йоги находят его там, в подземном жилище. Наш президент как-то сбоку странно покосился через очки на Нараяна, но промолчал. Индусы не противоречили.

Вторая келья была во всём подобна первой и имела такое же отверстие. Через него мы пролезли в третью, где и сели отдохнуть. Здесь я почувствовала, что мне становится трудно дышать; но, приняв это просто за одышку, действие усталости, ничего не сказала товарищам, и мы полезли в четвёртую келью. Только отверстие в эту было до двух третей завалено мелкими камнями и землёй, и нам пришлось минут двадцать откапывать его прежде, чем мы могли пролезть далее. Как нам сказал Нараян, комнаты все шли в гору; пол одной находился на уровне с потолком предыдущей. Четвёртая келья была в развалинах, но две повалившиеся колонки составляли как бы ступени к отверстию пятой кельи и, казалось, представляли менее затруднения. Но тут полковник, остановив занёсшего уже было ногу Нараяна, лаконически заметил, что теперь пришло время держать совет. "Выкурить трубку совещания", сказал он, употребляя выражение краснокожих индийцев.

– Если Нараян говорит правду, то ведь этак мы можем путешествовать из одного отверстия в другое до завтрашнего дня?

– Я сказал правду, – как-то торжественно отвечал Нараян, – но с тех пор, как я был здесь, мне говорили, будто несколько отверстий уже завалено, а именно в следующей за этою кельей.

– Ну, стало быть, нечего и думать идти далее. Но кто же завалил их? Или просто они от времени обрушились?..

– Нет... их завалили нарочно... *они*...

– Кто они? Оборотни, что ли?..

– Полковник, – промолвил с усилием индус, и даже при постепенно слабеющем свете факелов можно было заметить,

как задрожали у него губы, а он сам побледнел, – полковник… Я говорю серьёзно, и не шучу!

– Да и я не шучу. Кто же это они?

– *Братья… Радж-йоги*; некоторые из них живут недалеко отсюда.

Полковник откашлялся, поправил очки и, помолчав немного, с заметным неудовольствием в голосе наконец проговорил:

– Послушайте, мой милый Нараян, не думаю, чтобы вашею целью могло быть желание морочить нас… Но неужели вы хотите нас заставить поверить или сами верите, чтобы кто-либо в мире, даже спасающийся в джонглах аскет, мог жить в местах, куда не залезают даже тигры и откуда сами летучие мыши ретируются, за недостатком воздуха? Посмотрите на огонь факелов… Ещё там две комнаты – и мы задохнёмся!

Действительно, наши факелы совсем потухали, и мне становилось чрезвычайно трудно дышать. Мужчины тяжело переводили дух, а акали громко сопел.

– И однако же, я говорю святую истину, далее живут *они*… Я сам был там.

Полковник задумался и стоял в видимой нерешимости пред входом.

– Вернёмтесь назад! – неожиданно заорал акали. – У меня кровь идёт из носу.

В эту самую минуту со мной произошло нечто столь же неожиданное, как и странное для меня тогда: я почувствовала, как вдруг у меня сильно закружилась голова, и я почти в беспамятстве скорее упала, нежели опустилась, на обломок колонны, прямо под отверстием в пятую келью. Ещё секунда, и несмотря на тупую, но сильную, как удары молота, боль в висках, мною стало овладевать невыразимое чувство отрадного, чудного спокойствия; я смутно сознавала, что то был уже не грозящий, а действительный обморок; что через несколько секунд, если меня не вынесут на воздух, я должна буду умереть. И однако же, хотя я не могла уже пошевельнуть ни одним пальцем, ни произнесть ни одного звука, я не испытывала ни малейшей агонии, ни искры страха в душе:

одно только апатичное, но невыразимо приятное чувство успокоения, полное затишье всех чувств, кроме слуха. На минуту я, должно быть, совсем потеряла сознание, но помню, как пред тем глупо внимательно прислушивалась к мертвенному вокруг меня молчанию. Неужто это смерть? – раз неясно мелькнуло у меня в голове. Затем мне показалось, будто меня стали обвевать сверху чьи-то мощные крылья: "Добрые, добрые крылья, ласковые, добрые крылья"... словно выбиваемые маятником, отчеканивались у меня эти слова в мозгу, и я идиотически внутренно засмеялась им. Потом я стала отделяться от колонны и *знала* скорее, чем *чувствовала*, что падаю в какую-то бездну, всё ниже и ниже, среди глухого отдалённого грома. Но вдруг раздался громкий голос: я его не слухом услыхала, а словно почувствовала... В нём было что-то осязательное, что-то разом задержавшее меня в моём беспомощном падении и остановившее его. То был давно известный, хорошо знакомый мне голос, признать который в эту минуту я не имела сил. Среди грома голос этот сердито раздался издалека, как будто из самого поднебесья, и, прокричав на языке хинди: *Диувана Тумере у анека кья кама тха*? (Безумцы! какая нужда была вам сюда заходить?) замолк...

. . . . . .

Как меня протащили затем через пять узких отверстий, останется для меня навеки тайной... Я пришла в себя уже внизу на веранде, где дул со всех сторон ветер, так же скоро, как и повалилась наверху, в наполненной гнилым воздухом келье. Когда я совсем оправилась, то прежде всего мне бросилась в глаза нагибавшаяся надо мною высокая мощная фигура, вся с головы до ног в белом, и чёрная, как смоль, раджпутская борода. Но лишь только я узнала обладателя бороды, как разом изъявила свою искреннюю радость, спросив его тут же: "откуда *вы* взялись?" То был наш друг, такур Гулаб-Лал-Синг, который, обещав встретить нас в Северо-Западных провинциях, теперь являлся нам, как будто спадший с неба или выросший из-под земли – в Багхе!

Действительно, можно было полюбопытствовать и спросить у него, откуда и как это он пожаловал к нам, тем

более, что не меня одну поразило его присутствие. Но мой несчастный обморок и плачевное состояние прочих исследователей подземелья делали всякие расспросы на первое время почти невозможными. С одной стороны, мисс Б*** насильно закупоривала моим носом свою склянку с нашатырным спиртом; с другой, "божий воин" – весь в крови, как будто и на самом деле только что сражался с афганами; далее Мульджи с сильною головною болью. Один полковник да Нараян отдались лёгким головокружением. Что же касается бабу, то его никакие углекислые газы, кажется, не в состоянии были доконать, а также как и свирепые солнечные лучи, убивавшие других наповал, безвредно скользили по этой неуязвимой бенгальской оболочке. Ему только очень хотелось есть… Наконец, из запутанных восклицаний, междометий и объяснений, мне удалось узнать следующее:

Когда Нараян, первый заметив, что я в обмороке, бросился ко мне и мигом оттащил назад к отверстию, из верхней кельи раздался вдруг неожиданно голос такура и как громом поразил их на месте. Прежде чем они могли прийти в себя от изумления, Гулаб-Синг вышел из верхнего отверстия с фонарём в руках, и соскочив вниз из следующего, кричал им, чтоб они поскорее "подавали" ему "бай" (сестру)[1]. Это "подаванье" такого грузного предмета, как моя тучная особа, и представившаяся моему воображению вся эта картина чрезвычайно рассмешили меня тогда. Но мисс Б*** сочла священным долгом своим обидеться за меня, хотя на неё никто и не обратил внимания. Сдав с рук на руки полумёртвую поклажу, они поспешно последовали за такуром; но Гулаб-Синг, по их рассказам, всё как-то умудрялся, несмотря на затруднение, причиняемое ему подобным багажом, действовать и без их помощи. По мере того как они пролезали через верхнее отверстие, он был уже у другого нижнего, и, сходя в одну келью, они только успевали видеть мельком его развевающуюся белую *садру*[2], исчезающую

1 Все наши друзья – индусы, как и буддисты, называют вас здесь "братьями" и "сёстрами".

2 *Чадра́* – лёгкое покрывало, закрывающее всю фигуру с головы до ног. – Прим. ред.

из одного хода в следующий нижний. Аккуратный до педантизма, точный во всех своих исследованиях, полковник никак не мог сообразить, каким это образом такур мог препровождать так ловко почти бездыханное тело из одного конца отверстия в другой! "Не мог же он выбрасывать её пред собою из прохода вниз; иначе она разбилась бы...", рассуждал он. "Ещё менее возможно думать, чтобы, сойдя вниз первым, он затем протаскивал её за собою. Непостижимо!.." Мысль эта долго преследовала полковника, пока не стала чем-то вроде задачи: что появилось первым – птица или яйцо? А такур на все вопросы только пожимал плечами, отвечая, что не помнит; что он просто выносил меня из келий как можно скорее и поступал, как только умел; что ведь они все шли вслед за ним и должны были видеть, и, наконец, что в подобные минуты, когда всякое мгновение дорого, "люди не думают, а действуют", и тому подобное.

Но все эти соображения и трудность объяснить процедуру загадочного передвижения явились лишь впоследствии, когда нашлось время думать и размышлять о случившемся. Теперь же никто ничего ещё не знал о том, как и откуда явился в такую минуту наш Гулаб-Синг. Сойдя вниз, они нашли меня лежащую на ковре на веранде, и такура, отдающего приказания двум слугам, подъехавшим из-за горы верхами, а мисс Б*** в "грациозном отчаянии" с открытым ртом, таращившую изо всей мочи глаза на Гулаб-Синга, которого она, кажется, серьёзно принимала за "материализованного духа".

Между тем, объяснение нашего друга было, на первый взгляд, и просто, и весьма естественно. Он был в Хардваре со суами, когда тот послал нам письмо, чтоб отложить наш приезд к нему на время. Приехав из Джабельпура в Кандву, по Индорской железной дороге, он побывал у Холькара по делам и, узнав, что мы здесь, решил присоединиться к нам ранее, чем предполагал. Достигнув Багха поздно вечером, накануне, и не желая тревожить нас ночью, узнав, наконец, что мы будем в пещерах утром, он заранее приехал встретить нас. Вот и вся тайна...

– Вся?.. – воскликнул полковник. – Разве вы знали, что мы залезем в кельи, когда забрались туда ожидать нас?..

Нараян едва дышал и смотрел на такура глазами лунатика. Тот даже и бровью не повёл.

– Нет, не знал. А в ожидании вашего приезда зашёл посмотреть на кельи, которые давно не видал. А там замешкался и пропустил время…

– Такур-саиб, вероятно, вдыхал в себя свежий воздух в кельях… – ввернул словцо бабу, скаля зубы.

Наш президент ударил себя по лбу и даже привскочил.

– И в самом деле!.. Как же вы могли выдержать так долго?.. Да!.. Но откуда же вы прошли в пятую келью, когда ход был завален в четвёртую и нам пришлось самим откапывать его?

– Есть и другие ходы. Я прошёл внутренним, давно известным мне путём, – спокойно отвечал Гулаб-Синг, раскуривая *гургури*. – Не все следуют по одной и той же дороге, – добавил он медленно и как-то странно, и пристально взглянул в глаза Нараяну, который согнулся и почти припал к земле под этим огненным взглядом. – Но пойдёмте завтракать в соседнюю пещеру, где всё должно быть готово. Свежий воздух вас всех поставит на ноги…

Выйдя из главной пещеры, в 20 или 30 шагах на юг от веранды, мы наткнулись на другую такую же пещеру, к которой надо идти по узкому карнизу скалы. В эту *вихару* нас такур не пустил, боясь после нашего несчастного опыта с кельями, что у нас сделается головокружение. Мы сошли по раз уже пройденным ступеням на берег реки и, повернув по направлению к югу, обогнули гору, шагов на 200 от лестницы, и оттуда поднялись в "столовую", по выражению бабу. В качестве "интересной больной", меня *понесли* по крутой тропинке в собственном складном стуле, привезённом мною из Америки, никогда меня не покидавшем на дороге, и благополучно высадили у портика третьей пещеры.

Этот храм, такой же величины, как и первый, имеет, несмотря на сильное разрушение, гораздо менее мрачный вид. На потолке его сохранились ещё большие куски превосходной живописи водяными красками. Стены, попадавшие колонны,

потолок и даже все внутренние комнаты, которые более или менее освещены прорезанными в гору вентиляторами, были некогда покрыты тою глянцевитою штукатуркой, секрет которой знают одни мадрасцы и которая придаёт стенам вид самого чистого мрамора. Когда мы вошли, пред нами простёрлись на землю четыре знакомые нам ещё с Карли телохранителя такура. Ковры были разостланы и завтрак готов. Всякий след угара исчез, и мы уселись за стол в самом весёлом расположении духа. Разговор, конечно, тотчас же зашёл о Хардварской *мелле*, – о которой часто упоминалось в прошлом году, даже в русских газетах, и откуда наш неожиданный приятель только что приехал. Сведения, сообщенные нам Гулаб-Лал-Сингом, оказались чрезвычайно интересными, так как он только за пять дней до того уехал с этой гигантской религиозной ярмарки, подробности коей, переданные им же, тотчас были записаны мною. Но через несколько недель мы сами посетили Хардвар.

Одно воспоминание об этой чудной местности (Хёрдваре) вызывает в моём воображении картину первобытного земного рая. Пишу о ней как очевидец.

Каждый двенадцатый год, называемый индусами *кумбха* (планета Юпитер входит в то время в созвездие Водолея), приносит с собою особенно благоприятный день, который и назначается главными состоящими при пагодах астрологами днём открытия ярмарки. Сюда собираются богословы всех сект и пилигримы со всей Индии, от принцев и махараджей до последнего факира включительно. Первые ведут диспуты; каждый представитель и оратор старается доказать превосходство своей религии или философа над другими. Последние стекаются, чтоб окунуться в Гангес у самого его источника; для этой операции также назначается благоприятный по звёздам час. Говоря о Гангесе, следует исправить здесь маленькую ошибку: имя священнейшей реки индийцев немного перековеркано европейскими географами. Это обстоятельство ещё раз доказывает, как мало наши учёные (почти до прошлого десятилетия) понимали характер религии индусов и их традиций; победители же страны – неучёные

англо-индийцы – так и до сих пор ничем подобным не интересуются, находя малейшее внимание к "неграм" и *shocking*, и *not respectable*[1].

Этой реке следовало бы называться или – *Гангеса*, или же *Ганга*, как её зовут туземцы, а никак уж не "Гангес" (в мужском роде). "Ганга" священна в глазах индуса, ибо она величайшая у них богиня-кормилица всей страны и дочь старого *Гимавата* (Гималая), из сердца коего она вытекает для спасения народов. Поэтому её и боготворят; построенный у ее источников город Хёрдвар считается туземцами не менее священным.

Хёрдвар (пишется *Гери-двара* – или ворота бога-солнца или Кришны) часто называется Гангадвара или ворота Ганга и столь же известен под именем *Купелы*, в воспоминание аскета Купелы (скорее Капилы?), который долго жил здесь и спасался, оставив по себе множество чудесных традиций. Город расположен в прелестнейшей, цветущей долине, у южного подножия Севаликского хребта, между двумя почти сталкивающимися горными цепями. В этой долине, возвышающейся на 1024 фута [312,12 м] над уровнем моря, северная природа Гималая борется с тропическою растительностью долины, и в этих усилиях превзойти друг друга они совокупно создали один из самых восхитительных уголков Индии. Сам городок – собрание древних, невозможно-фантастической архитектуры замкообразных башенок, вихар, маленьких, ярко расписанных, похожих на игрушки деревянных крепостей, пагод с бойницами и висячими резными балкончиками, и всё это при таком изобилии алоэ, роз, далий и пышных кактусов в цвету, что с первого взгляда не отличишь окна от двери. Гранитные фундаменты многих домов стоят на самом русле реки и четыре месяца в году находятся до половины под водой, а за этою горстью разбросанных строений, выше, на скате холма, скучились белоснежные высокие храмы. Некоторые из них приземистые и толстые с широкими боками и раззолоченными куполами; другие с величественными, многоярусными башнями; третьи с высокими стройными острыми крышами, которые скорее походят на шпицы колоколен, чем на купол.

1 И шокирующим, и неприличным (англ.). – Прим. ред.

Странной, прихотливой, нигде не виданной архитектуры храмы эти, словно нечаянно свалившиеся со снежных вершин ледяной обители горных духов (которыми так полны гималайские предания), пугливо заглядывают, приютившись под родною сенью горы, через голову маленького городка в чистые холодные струи Ганги. Здесь река ещё не осквернена грязью и грехами миллионов её поклонников. Подержав их в своих ледяных объятиях, чистая дева гор уносит свои светлые, прозрачные, как хрусталь, волны через пылающие равнины Индостана, и только за 348 миль [560,05 км] оттуда, возле Канпура, её воды мутятся и темнеют, пока наконец у Бенареса не превращаются в какой-то гороховый с перцем суп…

– Почему же, – спрашивали мы раз в этом городе брамана, уверявшего нас, что индусы самый чистоплотный в мире народ, – почему же в полянах, где никто или не моется, или моются мало, вода Ганги чистая и прозрачная, а в Бенаресе, особенно к вечеру, река катит волны жидкой грязи вместо воды?

– О, саабы, саабы, – с грустью отвечал нам старик, – то не грязь с тел благочестивых её поклонников уносит богиня (*дэви*), как вы думаете; то даже не великие смываемые ею прегрешения… То, – шепнул он нам, осторожно понижая голос и оглядываясь во все стороны, – веками затаённые страдания, жгучая боль унижения и угнетения, а главное, чувство отчаяния и постыдного бессилия против узурпаторов родины так мутят священные волны… Все эти чувства, ежедневно изливаясь из переполненных ими миллионов сердец индийцев, давно изменили воду, превратив её в чёрную желчь. Они отравили её!.. Да и как же нашей богине не жалеть о нас?.. Конечно, она вся почернела, но это от горя за детей её. Неужели же вы ещё не поняли этого?..

Да!.. "Великою скорбью народною переполнилась ваша земля…"[1] – могли бы мы согласиться с бедным браманом; но эта скорбь, как мы ей ни симпатизируем, видно, улетучивается у источников Ганги. Тихо журча с прибрежными камышами о чудесах, виденных ею на своём пути через родные Гималаи к

1 Н. А. Некрасов, «Размышления у парадного подъезда» (1858). – Прим. ред.

лиману Бенгальского залива, Ганга пробегает у ног Хёрдвара и безмятежно катит свои аквамаринового цвета волны, чистая и незапятнанная…

Недаром индусы видят в красавице-реке самую великую и беспорочную из своих богинь, особенно в посвящённом богу Кришне *Геридваре*. Там у них, кроме повторяющейся чрез каждые двенадцать лет "меллы", толпятся ежегодно пилигримы у "Харика-Паири" (лестницы Вишну) в продолжение целого месяца. Кто первый бросился в воду в назначенный день, час и минуту, тот не только смыл все свои грехи, но и исцелил все недуги тела. Это первенство, вследствие дурно устроенной узкой лестницы, пилигримы до 1819 года покупали ценой многих жизней, пока, наконец, Ост-Индская Компания не сжалилась над ними и не велела сломать *святыни*, заменив её другою лестницей в шестьдесят ступеней и ста футов [30,48 м] ширины[1]. Дело в том, что воды Ганги получают целебное свойство лишь в продолжение одного месяца, да и то в первую минуту известного, назначаемого астрологами благоприятного часа, который иногда приходится в полночь[2]. Можно себе вообразить, что происходит в объявленный час купанья при стечении слишком двухмиллионной толпы! В 1819 году 430 человек были задавлены до смерти. Но много раз и после сооружения нынешней лестницы Ост-Индскою Компанией богиня Ганга уносила на девственной груди своей изувеченные трупы её обожателей. О них никто не жалел, все, напротив, завидовали

1 Как, несмотря на Уорен[ов] Гастингсов и других грабителей, должна быть дорога покойная "Компания" сердцу индуса в сравнение с настоящим правительством, – можно видеть из следующего: Ост-Индская Компания давала огромные субсидии главным храмам браманов и, всячески любезничая с индусами, старалась подделаться к ним. А имперское правительство не только прекратило все субсидии, но даже затеяло в этом году, под предлогом уменьшить толпу в Хёрдваре, взимать с нищих пилигримов плату у входа в город, как в Элефанте. Только оно очень сконфузилось. Народа нахлынуло не менее *двух с половиною миллионов*, а входной платы оно получило от 290 000 пилигримов (см. Pioneer, "Официальный отчёт о Хёрдварской мелле", 19 февраля 1880).

2 Этот месяц приходится по исчислению браманской хронологии между днями 12 марта и 10 апреля и называется месяцем *чаитра*. –

им: убитый во время подобного очищения индус всегда отправляется прямо в *сваргу* (рай). В 1760 году, в последний день ярмарки, в священный день *Пурби*, две враждующие секты нищенствующих монахов (*санньязи* и *байраги*), поссорившись, дали друг другу "регулярное сражение", в котором последние были побеждены, а убитых оказалось 18 000 человек! "А в 1796 году, – гордо вспоминал воинственный акали, – пилигримы из Пенджаба, сикки, желая наказать за дерзость *госсейнов*, убили около 500 этих язычников: мой родной дед участвовал при этом".

Так как эти цифры подтверждены в официальных донесениях (см. *Gazet[t]eer of India*, 1862), то мы и не нашли нужным заподозрить нашего приятеля-сикка в преувеличении.

В 1879 году не было ни задавленных, ни убитых людей, зато явилась страшная холера, которая, к счастию, не распространилась далее половины дороги до Сахарампура. Мы проклинали её, так как она нам мешала ехать тотчас же в Хёрдвар. Но делать было нечего и нам оставалось лишь смириться пред необходимостью. До счастливого дня, когда мы увидим старого Гимавата, мы довольствовались расспросами о нём.

После завтрака мы простились с "божьим воином", который отправлялся по дороге в Бомбей. Почтенный Сикх крепко пожал нам всем руки и, приподняв правую руку ладонью вперёд, с серьёзным и важным видом давал нам всем поочерёдно своё пастырское благословение по обычаю последователей Нанака. Но когда он дошёл до полулежавшего на земле такура, облокотившегося на седло вместо подушки, с ним произошла резкая перемена. Она была до того резка и очевидна, что всем нам бросилась в глаза: до того времени он быстро переходил от одного к другому, пожимая каждому руки и затем благословляя; но когда его взгляд опустился на рассеянно глядевшего на приготовления к отъезду Гулаб-Синга, то он внезапно остановился, и важное, немного горделивое выражение его лица мигом перешло во что-то словно униженное и сконфуженное. Затем вместо обычного "намасте" (кланяюсь вам), наш *акали* совершенно неожиданно для нас

простёрся пред такуром на землю. Благоговейно, словно пред своим амритсарским гуру отчётливо прошептал он: "*Апли аднья, садду саиб, аширват*"[1]… – и так и замер на земле…

Мы были так поражены этой выходкой, что сами как будто чего-то сконфузились; но ни один мускул не дрогнул на спокойном и бесстрастном лице таинственного раджпута. Он медленно отвёл глаза от реки и перевел их на лежащего пред ним акали; а затем просто, не проронив ни одного слова, слегка дотронулся до его головы указательным пальцем и, встав, заметил, что и нам пора ехать…

Во всю дорогу он следовал за нашим тихо ехавшим по глубокому песку экипажем верхом и рассказывал о местных преданиях Хёрдвара и Раджастхана, сложившихся с незапамятных времён в народе эпических легендах и о великих деяниях *Гери-Кули*[2], принцев богатырей расы *Гери* (Солнца). Это имя "Гери-Куля" заставляет серьёзно предполагать многих ориенталистов, что кто-нибудь из этой фамилии эмигрировал в Египет, в тёмные доисторические времена первых фараоновских династий, откуда древние греки и переняли вместе с именем и предания, сложив таким образом свои легенды о боге-солнце *Гер-Кулесе*. Древние египтяне боготворили сфинкса под именем "Гери-мукха" – или *Солнца на небосклоне*. На той горной цепи, что обрамляет Кашмир, к северу находится, как известно, громадная, похожая на голову вершина (13 000 футов [3962,4 м] над уровнем моря) и называется *Геримукх*[3]. Имя это встречается в древнейших Пуранах. Почему г-да филологи не позаймутся этим странным совпадением имён и легенд? Кажется, почва богатая… На Гималайском "Геримукхе" находится священное озеро "Гангабаль" (место Ганги) и народное поверье указывает на гигантскую голову как на голову "Гери" – *бога-солнца на закате*. Неужели это простая случайность? Смею думать, что в этом совпадении имён не

1 "Повелевай слугою… святый саиб… благослови раба".

2 "Гери-Кули" буквально: из фамилии или семейства Солнца. Кула по-санкритски: фамилия, прозвище. Раджпутские принцы, особенно Махарани Уйдепурские, чрезвычайно гордятся своим астрономическим происхождением.

3 Гора Хармукх имеет высоту 5142 метра (16870 футов). – Прим. ред.

более найдётся игры случая, чем в том факте, что Египет, как и Индия, воздавал божественные почести *корове* и *быку*, что в земле Фараонов древние египтяне выказывали такое же отвращение и религиозный ужас к убиению скота, то есть коров и быков, как и современные индусы.

Вечером нас завезли в какую-то кругом обрамлённую лесом глухую лощину, из которой мы выехали на берег огромного озера. Здесь снова приключилось с нами нечто на первый взгляд совсем обыкновенное, но в сущности весьма загадочное. Мы вышли из экипажей; у берега, густо заросшего тростником (не по нашим русским понятиям "тростником", а тростником, скорее соответствующим Гюлливеровским описаниям бробдингнагской природы)[1] стоял большой, новый, привязанный к тростнику паром. Около парома не было никого, и берег казался совершенно пустынным. Оставалось ещё часа полтора, два до солнечного заката. В то время как наши люди с телохранителями и слугами такура выкладывали из таратайки наши узелки и поклажу и переносили их на паром, мы уселись на какой-то развалине у самой воды, любуясь великолепным озером. У*** собирался срисовать вид, который был действительно прелестен.

– Не торопитесь снимать эту местность, – остановил его Гулаб-Синг. – Чрез полчаса мы будем на островке, где виды гораздо красивее этого. Там мы можем провести ночь и даже всё завтрашнее утро.

– Боюсь, темно будет чрез час… А завтра нам придётся рано выехать, – говорил У***, открывая ящик с красками.

– Нет… можем оставаться и до трех часов пополудни… До станции железной дороги всего три часа, а поезд в Джёбельпур отходит только в восемь часов вечера. К тому же, сегодня вечером вы увидите и услышите на острове странный и чрезвычайно интересный натуральный феномен: я угощу вас концертом… – добавил он с привычною ему загадочною улыбкой.

Мы все навострили уши.

---

1 Бробдингнег – страна великанов из романа Д. Свифта «Гулливер в стране великанов». – Прим. ред.

– Да на какой же это мы едем остров? – полюбопытствовал полковник. – Разве мы ночуем не здесь у берега, где так прохладно и где…

– Лес так полон игривыми леопардами, а тростник скрывает змей, хотели вы сказать, – перебил его, осклабляясь, *бабу*. – Вон, взгляните направо, возле мисс Б***, под тростником! Полюбуйтесь счастливым семейством в пустыне: отец, мать, дяди, тётки, дети, – начал он громко считать; – я даже подозреваю в этой компании тёщу…

Мисс Б*** взглянула по направлению тростника и, заголосив так, что весь лес застонал ей в ответ, опрометью бросилась, как к спасительному ковчегу – к *тонге*. В трёх шагах от неё, сверкая блестящею чешуёй в лучах заходящего солнца, играло штук сорок змей и змеенышей. Они кувыркались, свивались, развивались, переплетаясь хвостами, представляя картину полного и невинного счастья. Такур присел было на камень возле У***, который уже собирался начинать рисунок, но тут бросил его и стал смотреть на опасную группу змей, хладнокровно покуривая свой неугасимый гёргёри (раджпутский кальян).

– Криком вы только заранее привлечёте сюда из леса уже собирающихся на ночной водопой зверей, – немного насмешливо заметил он мисс Б***, которая пугливо высовывала из *тонги* своё бледное, искажённое ужасом лицо. – Бояться никому из нас решительно нечего. Не троньте зверя, и он вас оставит в покое и даже убежит от вас скорее, чем вы от него…

С этими словами он слегка махнул чубуком по направлению семейной группы. Как громом поражённая, вся эта живая масса мгновенно осталась недвижимою, а в следующую затем секунду исчезла с громким шипеньем и шуршаньем в тростнике.

– Да это чистый месмеризм!.. – воскликнул полковник, не проронивший ни одного жеста раджпута и сверкая глазами из-под очков. – Как вы это сделали, Гулаб-Синг? Как научиться этому искусству?..

– Как сделал? Просто спугнул их движением чубука, как вы видели. Что же касается "искусства", то в этом действии

решительно нет никакого "месмеризма", если под этим современным и довольно модным, кажется, словом вы подразумеваете то, что мы, дикие индусы, называем *вашикаран видья*, т. е. наука очаровывать людей и зверей силою воли. Змеи убежали потому, что испугались направленного против них движения…

– Но ведь вы не отвергаете, что изучили это древнее *искусство* и имеете этот дар?

– Нет, не отвергаю. Всякий индус моей секты обязан изучать вместе с другими тайнами, переданными нам нашими предками, тайны физиологии и психологии. Но что ж в этом? Боюсь, мой дорогой полковник, что вы вообще слишком склонны смотреть на мои малейшие действия сквозь призму мистицизма, – добавил он, улыбаясь. – Это вам Нараян видно наговорил про меня; не так ли?..

И он ласково, хотя с таким же загадочным выражением опустил взор на сидевшего у его ног и редко спускавшего с него глаза деканца. Колосс потупился и молчал.

– Да, – тихо, но весьма иронически ответил за него принявшийся за рисовальный аппарат У***. – Нараян видит в вас нечто более своего бывшего бога Шивы и весьма немногим менее Парабрама… Поверите ли?.. Он нас серьёзно уверял в Насике, будто "радж-йоги", в том числе и вы (хотя, признаюсь, ещё до сих пор я не понимаю, что такое именно "радж-йог"), могут кого и что угодно, и одною силою воли, *заставить*, например, видеть не то, что у тех действительно пред глазами и что видят и все другие, а то, чего совсем нет и не было, и что находится лишь в воображении магнетизёра или "радж-иога"… Ха, ха, ха!.. он называл это, сколько помню, *майя*, иллюзией.

– И что ж?.. Вы, конечно, довольно посмеялись над нашим Нараяном? – так же спокойно осведомился такур, смотря в темнозеленую глубь озера.

– Гм! да… немножко, – рассеянно признался У***, который, очинив карандаш и разложив на коленях папку, внимательно начал всматриваться вдаль, выбирая самое эффектное для рисунка место. – Я, признаюсь, скептик в подобных делах, – добавил он.

– А, зная У***, – вмешался полковник, – я скажу, что, как д-р Карпентер, он не поверил бы такому феномену, даже если б испытал его на самом себе…

– Нет… да, впрочем, правда. Я, действительно, кажется, и тогда не поверил бы, и скажу почему. Если б я увидал пред собою не существующее, или скорее существующее лишь для одного меня, то как бы эти предметы ни были для меня лично объективны, прежде чем принять галлюцинацию за нечто вещественное, кажется, уж в силу одной простой логики, я был бы прежде всего обязан скорее заподозрить самого себя, увериться, что я ещё не сошёл с ума, чем позволять себе верить, что то, что я один вижу, не только есть действительность, но что эти картины суть рефлексия мысли, управляемой волей другого человека, – человека, который, таким образом, временно управляет и моим оптическим нервом и мозгом… Что за чепуха!.. неужели кто-нибудь в состоянии меня уверить, что есть на свете такой магнетизёр или радж-йог, который бы заставил… ну, хоть бы *меня*, видеть то, что ему заблагорассудится, а не то, что я сам вижу и знаю, что и другие видят?

– И однако же есть люди вполне верующие, ибо они убедились, что такой дар возможен, – небрежно заметил такур.

– Что ж, что есть?.. Есть, кроме таких, ещё и двадцать миллионов спиритов, верующих в материализацию *духов*! только не включайте *меня* в их число.

– Но вы верите, однако, в существование животного магнетизма?

– Конечно, верю… до известной степени. Если человек в оспе или другой прилипчивой болезни может заразить здорового человека, то, стало быть, и здоровый может передать больному избыток своего здоровья и вылечить его. Но между чисто физиологическим магнетизмом и влиянием одной особы на другую – бездна; переступать же эту бездну в силу одной слепой веры не считаю нужным…

– Но разве так трудно убедиться в том, что то, что вы видите, или по крайней мере думаете, что видите в минуту галлюцинации, есть только отражение картины, созданной с

этой целью в мысли того, кто испытывает над вами свою власть?..

– Позволяю себе думать, что для удостоверения в подобном явлении необходимо, прежде всего, получить дар распознавать чужие мысли и, вследствие этого, получить возможность безошибочной проверки оных. Я не обладаю таким даром…

– Могут найтись и другие средства убедиться в возможности явления. Например, если пред вами предстанет картина местности действительно существующей, но отдалённой и вам совершенно незнакомой, хотя не только известной магнетизёру, но даже той самой, о которой он заранее условился со скептиками, – что именно *эту*, а не *другую* местность вы увидите и опишете. Затем, вы её действительно и аккуратно описываете… Разве это не доказательство?

– Быть может, во время транса, припадка эпилепсии или сомнамбулизма подобная передача впечатлений и возможна. Не спорю, хотя сам сильно сомневаюсь. Но в одном, по крайней мере, я вполне уверен и всегда поручусь за это: на совершенно здорового человека, вполне в нормальных условиях, магнетизм не способен иметь ни малейшего влияния. Медиумы и ясновидящие провербиально[1] болезненны. Желал бы я посмотреть, какой магнетизёр или "радж-йог" повлиял бы на *меня*?

– Ну, У***, мой милый, не хвастайте! – вмешался дотоле молчавший полковник.

– Никакого тут нет хвастовства. Я просто ручаюсь за себя потому, что лучшие европейские магнетизёры пробовали свою власть надо мною, и каждый раз проваливались. Поэтому, вызываю всех магнетизёров – живых и мёртвых, как и всех индусских радж-йогов в прибавку, попробовать чары своих токов надо *мною*… Всё сказки…

У*** начинал горячиться, а такур замял разговор, перейдя на другие предметы.

Но тут позволяю себе необходимое отступление.

Кроме мисс Б***, никто из нашего общества туристов не был ни спиритом, ни спиритуалистом, менее всех У***. Мы

1 Общеизвестно; вошло в поговорку (англ. proverbial). – Прим. ред.

давно перестали верить в проказы духов усопших, хотя и допускали многие из медиумических явлений, только совсем на других основаниях, чем то делают спириты. Отвергая вмешательство и даже всякое присутствие "духов" при известных *столоверчениях* и других явлениях, мы однако – особенно с тех пор, как живём в Индии – веруем в "дух" живого человека, в его могущество и прирождённые ему, хотя до сих пор и *тайные* (за весьма редкими исключениями), *заглохшие* способности; веруем, что во плоти, при известном образе жизни, дух – божественная искра – как бы потухает в человеке, если он её не раздувает; наоборот, человек может развить в себе силу духа, совершая затем гораздо более удивительные для непосвящённого зрителя феномены, нежели разоблачённые кикиморы спиритов. Если гимнастика способна не только удесятерять силу мускулов, придавая им чуть ли не сверхъестественную упругость и гибкость (как это мы видим в знаменитых акробатах), то почему же при известном упражнении не развиваться так и "духу"? Мы верим также, ибо убедились, что эта *тайна* – неизведанная и отвергаемая нашими западными физиологами и даже психологами – хранится в Индии, где она наследственна и доверяется весьма немногим.

У*** был новичок в Обществе и отвергал возможность таких явлений даже в деле месмеризма. Воспитанник Королевского Института Британских Архитекторов, где он и кончил с золотой медалью курс, он вышел оттуда скептиком, отвергающим всё *en dehors des mathematiques pures*[1]; поэтому и неудивительно, что он озлился за это приставанье к нему со "сказками"…

Возвращаюсь к рассказу.

Бабу и Мульджи ушли торопить людей нагружать паром: все приутихли и над нами, как говорится, "тихий ангел пролетел"[2]. Мисс Б*** со страха и духоты уснула в тонге и безмятежно похрапывала; полковник, лёжа спиной вверх на самом берегу, кидал камешки в воду; Нараян, погружённый по

1 За исключением чистой математики (фр.). – Прим. ред.
2 В. А. Жуковский, «Две были и ещё одна» (1831). – Прим. ред.

обыкновению в созерцание Гулаб-Синга, сидел на песке неподвижно, обхватив колена руками, и молчал. У*** прилежно и торопливо рисовал, лишь изредка подымая голову, и как-то странно хмурился, вглядываясь в другой берег, весь погружённый в свою работу… Такур продолжал покуривать, а я, усевшись на своём складном стуле, внимательно наблюдая за всем, не могла теперь оторвать глаз от Гулаб-Синга…

"Кто и что такое, наконец, этот загадочный индус?", думалось мне. "Кто такой этот человек, соединяющий в себе как бы две совершенно отличные одна от другой личности: одну – внешнюю, для глаз, света и англичан, другую – внутреннюю, духовную, для близких друзей? Но даже эти самые друзья его, разве они многим более других людей знают что о нём? И что они знают, наконец? Они видят в нём мало отличающегося от других образованных туземцев индуса, разве только наружностью, да тем, что он ещё более, чем они, презирает все общественные условия и требования западной цивилизации… Вот и всё. За исключением ещё разве того, что он хорошо известен всем в центральной Индии; что его знают за довольно богатого человека, за такура, то есть за феодального начальника *раджа* – одного из сотен других подобных ему в Индии *радж*, или уездов. Затем, он вполне преданный нам друг, который сделался нашим покровителем в дороге и посредником между нами и подозрительными, несообщительными индийцами. Но кроме этого мы ровно ничего более о нём не знаем. Правда, нечто более, нежели другим, известно мне. Но я клялась молчать и молчу, да и то, что даже знаю я, до такой степени странно, что всё это скорее походит на сон, нежели на действительность…

Давно, очень давно, двадцать семь слишком лет тому назад, мы встретились с ним в чужом доме, в Англии, куда он приезжал с одним туземным, развенчанным принцем, и наше знакомство ограничилось двумя разговорами, которые хотя тогда и произвели на меня сильное впечатление своею неожиданною странностью, даже суровостью, но, как и многое другое, всё это кануло с годами в Лету… Около семи лет тому назад он написал мне письмо в Америку, припоминая разговор

и данное обещание; и вот мы опять свиделись на его родине – в Индии! И что ж? Изменился он в эти долгие годы, постарел?.. Нисколько. Я была молода тогда, и давно успела сделаться старухой. Он же, явившись мне впервые человеком лет 30, как бы застыл на этих годах… Тогда его поразительная красота, особенно рост и сложение, были до того необычайны, что заставили даже чопорную, сдержанную лондонскую печать заговорить о нём. Журналисты, заразясь отходящею Байроновскою поэзией, наперерыв воспевали "дикого раджпута" даже тогда, когда на него сильно негодовали за то, что он напрямик отказался предстать пред королевины очи, побрезгав великою честью, для которой являлись из Индии все его соотечественники… Его прозвали тогда "Раджи Мизантропом", а салонная болтовня "принцем Джальмой-Самсоном"[1], сочиняя о нём всевозможные сказки до самого дня его отъезда.

Всё это взятое вместе разжигало во мне мучительное любопытство, не давая мне покоя и заставляя забывать всё остальное.

Вот почему я теперь сидела пред ним, вперив в него глаза не хуже Нараяна. Я вглядывалась в это замечательное лицо с чувством не то страха, не то необъяснимо благоговейного уважения. Вспоминалось мне и про таинственную смерть тигра в Карли, и про спасенье собственной моей жизни, за несколько часов до того, в Багхе, и про многое другое. Он явился к нам только в утро того самого дня, а сколько дум расшевелило его присутствие во мне, сколько загадочного он уже принёс с собой!.. Да что же это такое, наконец? чуть не вскрикнула я. Что это за существо, которое я встретила столько лет тому назад, молодым и полным жизни, и вот опять встречаю таким же молодым и полным жизни, но ещё суровее, ещё непонятнее? Неужели это брат его, а может и сын? – вдруг мелькнуло в голове. Нет, это он сам: тот же старый шрам на левом виске, то же самое лицо. Но, как и за четверть века назад, ни одной

1 Индийский принц Джальма – один из героев романа французского писателя Э. Сю (1804–1857) «Вечный жид» (в русских переводах «Агасфер», 1844–1845). – Прим. А. Д. Тюрикова.

морщинки на этих правильных, прекрасных чертах, ни одного седого волоса в чёрной, как вороново крыло, густой гриве; то же выражение окаменелого спокойствия в минуты молчания на тёмном, словно вылитом из жёлтой меди лице… Что за странное выражение; какое спокойное, сфинксообразное лицо!..

– Сравнение не совсем удачное, мой старый друг! – вдруг как бы в ответ на мою последнюю мысль раздался тихий, добродушно насмешливый голос такура, заставив меня страшно вздрогнуть. – Оно уже потому неправильно, – продолжал он, – что вдвойне грешит против исторической точности. Во-первых, хотя Сфинкс и крылатый лев, но он в то же время и женщина, а раджпутские Синги[1] хотя и львы, но никогда ещё не имели чего-либо женственного в своей природе. К тому же Сфинкс – дочь Химеры, а иногда и Ехидны, и вы могли бы выбрать менее обидное, хотя и неверное сравнение.

Словно пойманная на месте преступления, я ужасно сконфузилась, а он весело расхохотался. Но мне от этого не легче.

– Знаете что? – продолжал Гулаб-Синг, уже серьёзнее и вставая. – Не ломайте себе головы понапрасну: хотя в тот день, как загадка будет разгадана, раждпутский Сфинкс не бросится в море, но, поверьте, и русскому Эдипу от этого ничего не прибавится. Всё то, что вы когда-нибудь можете узнать, вы уже знаете. А остальное – предоставьте судьбе…

– Паром готов! Идите!.. – кричали нам с берега Мульджи и *бабу*.

– Я кончил, – вздохнул У***, торопливо собирая папку и краски.

– Дайте посмотреть, – лезли к нему проснувшаяся Б*** и подошедший полковник.

Мы взглянули на свежий, ещё мокрый рисунок и остолбенели; вместо озера с его синеющим в бархатистой дали вечернего тумана лесистым берегом, пред нами являлось прелестное изображение морского вида. Густые оазисы стройных пальм, разбросанные по изжелта-белому взморью, заслоняли приземистый, похожий на крепость туземный

1 *Синг* – лев, на языке Пенджаба.

бунгало, с каменными балконами и плоскою крышей. У дверей бёнглоу – слон, а на гребне пенящейся белой волны – привязанная к берегу туземная лодка.

– Да где же вы взяли *этот* вид? – недоумевал полковник. – Для того, чтобы рисовать виды из головы, не стоило и сидеть на солнце…

– Как из головы? – отозвался возившийся с папкой У***. – Разве озеро не похоже?

– Какое тут озеро! Видно, вы рисовали во сне.

В это время вокруг полковника столпились все наши спутники, и рисунок переходил из рук в руки. И вот Нараян, в свою очередь, ахнул и остановился в полном изумлении.

– Да это "Дайри-боль", поместье такур-саиба! – провозгласил он. – Я узнаю его. В прошлом году во время голода я жил там два месяца.

Я первая поняла, в чём дело, но молчала. Уложив вещи, У*** подошёл наконец, по своему обыкновению, вяло и не торопясь, как будто сердясь на глупость зрителей, не узнававших в море озера:

– Полноте шутить и выдумывать; пора ехать. Отдайте мне эскиз… – говорил он нам.

Но, получив его, он при первом взгляде страшно побледнел. Жаль было смотреть на его глупо-растерянную физиономию. Он поворачивал злополучный кусок бристоля[1] во все стороны: вверх, вниз, наизнанку, и не мог придти в себя от изумления. Затем он бросился, как угорелый, к уложенной уже папке и, сорвав завязки, разметал в одну секунду сотню эскизов и бумаг, как бы ища чего-то… Не найдя желаемого, он снова принялся за рисунок, и, вдруг, закрыв лицо руками, обессиленный и точно сражённый, опустился на песок.

Мы все молчали, изредка переглядываясь и даже забывая отвечать такуру, стоявшему уже на пароме и звавшему нас ехать.

---

1 *Бристольская бумага* (по имени английского города Бристоль) – плотная проклеенная бумага для рисования большого формата. – Прим. А. Д. Тюрикова.

– Послушайте, У***, – ласково заговорил с ним добродушный полковник, словно обращаясь к больному ребёнку. – Скажите, вы помните, что *вы* рисовали этот вид?..

Англичанин долго молчал; наконец произнёс хриплым, дрожащим от волнения голосом:

– Да, помню всё. Конечно, я его рисовал, но рисовал с натуры, *рисовал то, что видел всё время пред своими глазами*. Вот это-то и есть самое ужасное![1]

– Но почему же такое "ужасное"? Просто временное влияние одной могучей воли над другою, менее мощной. Вы просто находились под "биологическим влиянием", как говорят д-ра Карпентер и Крукс.

– Вот это именно и страшит меня. Теперь припоминаю всё. Более часа я рисовал этот вид: я его увидал с первой минуты на противоположном берегу озера и, видя его, *во всё время* не находил в этом ничего странного. Я вполне сознавал или скорее воображал, что рисую то, что все видят пред собою. Я совершенно утратил воспоминание о береге, как я его видел за минуту до того и как я его снова вижу. Но как объяснить это? Великий Боже! неужели эти проклятые индусы действительно обладают тайной такого могущества? Полковник, я сойду с ума, если бы мне пришлось верить всему этому!..

– Но зато, – шепнул ему Нараян с блеском торжества в пылающих глазах, – вы теперь не в состоянии более отвергать великую, древнюю науку *йог-видьи* моей родины!..

У*** не отвечал. Шатаясь, словно пьяный, он взошёл на паром и, избегая взгляда такура, сел спиной ко всем у края и погрузился в созерцание воды.

– Ma chère, – полугромко шепнул возле меня таинственный голос мисс Б***. – Ma chère, mais Monsieur U*** devient vraiment un medium[2]... В минуты волнения она всегда обращалась ко мне на французском языке.

---

1 У*** сохранил этот рисунок, но никогда не намекает на его происхождение.

2 Милочка, а господин У*** действительно становится медиумом (фр.). – Прим. ред.

– Отстаньте вы, ради Бога, от меня с вашими глупостями. Какой там медиум? Вы знаете, что я не верю в духов…

Получив отпор с моей стороны, она бросилась к бабу, который к удивлению всех молчал и, прислонясь к борту, рассеянно глядел вдаль.

– Но кто же, кроме отшедших духов (*sprits désincarnés*)[1], кроме души бывшего артиста, мог нарисовать этот фантастический вид? – вопрошала она, разинув рот.

Чёрт! – брякнул ей в ответ бабу. – Разве ваши соотечественники не давно уже порешили, что мы, индусы, поклоняемся чертям? Ну вот один из наших богов и напустил мистеру У*** туману…

Если бы в эту самую минуту паром, управляемый людьми Такура (паромщиков вовсе не было) не подъезжал к острову, быть бы тут ссоре между ними. К счастию, мы причалили и бенгалец выскочил на берег.

– Il est positivement malhonnête, ce Nègre là,[2] – прошептала разъярённая дева, пустив ему вслед парфянскою стрелой[3].

– Ну, мать моя, – заметила я ей, выходя за прочими, – такие *негры* стоят один *десяти* ваших Джон-Буллей[4]…

Радда-Бай

Письмо XXII[5]

Островок был маленький, весь поросший высокой травой, и имел издали вид плавающей среди голубого озера пирамидальной корзинки зелени. За исключением нескольких пучков широких, тенистых *манго* и смоковниц, на которых при

1 Бестелесных духов (фр.). – Прим. ред

2 Он – положительно невежа, этот негр (фр.). – Прим. ред.

3 Парфянская стрела – тактический приём парфян: изображая поражение и бегство, внезапно поразить преследующего противника стрелой, пущенной назад через плечо; в переносном смысле симулировать в споре проигрыш и сразить словом или аргументом, когда оппонент потеряет бдительность. – Прим. ред.

4 Джон Булль (англ. John Bull, буквально Джон Бык) – собирательный образ типичного англичанина. – Прим. ред.

5 Московские ведомости, № 137, 19.05.1880, стр. 4-5, № 145, 27.05.1880, стр. 5-6; Русский Вестник, май 1883, Приложение, том 165, с. 241-262.

нашем появлении страшно засуетилась целая колония обезьян, он был, по-видимому, необитаем. В этом девственном лесу густейшей травы нигде не было заметно и следа ноги человеческой. Читая слово "трава", и здесь не следует забывать, что я говорю об *индийской* траве, а не о европейском подстриженном под гребёнку газоне и даже не о *русской* траве; трава, под которой мы стояли, как букашки *под* лопухом, высоко развевала свои перистые, разноцветные вершины не только над нашими головами, но даже и над белыми *пёггери* такура и Нараяна: первый из коих стоя, по общеупотребительному английскому выражению, "шесть с половиною футов [1,98 м] в чулках"[1], а второй был разве на вершок [4,45 см] ниже. Эта трава показалась нам с парома тихо волнующимся морем чёрных, белых, жёлтых, голубых, преимущественно же розовых и зелёных цветов. Выйдя на берег, мы нашли, что то был большей частью обыкновенно растущий отдельными группами бамбук, перемешанный с гигантскою травой *сирки*, потрясающей разноцветными перьями своих верхушек почти в уровень с манговыми и другими высокими деревьями.

Невозможно себе представить что-либо красивее и грациознее *сирки* и бамбука. Изолированные букеты бамбуковой травы, колоссальной, но всё же не более, как травы, начинают при малейшем дуновении ветерка развевать в воздухе свои зелёные головы, словно разукрашенные страусовыми перьями. От времени до времени, при каждом порыве ветра, слышался лёгкий металлический шелест в тростнике; но в хлопотах устраиванья ночёвки мы не обратили на это особого внимания.

Пока наши *кули* и слуги возились, приготовляя нам ужин и палатку, да прочищали кругом дорогу, мы пошли познакомиться с обезьянами. Уморительнее мы ещё ничего не встречали. Без преувеличения, их было штук до 200. Собираясь на покой, макашки вели себя очень прилично: каждое семейство выбирало себе ветку и защищало её от нападения других квартирантов на дереве, но защищало без сражения, довольствуясь лишь угрожающими гримасами. Между ними было немало матерей с младенцами на руках; некоторые из них

1 То есть без обуви. – Прим. ред.

нянчили детёныша нежно и осторожно со всеми свойственными людям приёмами; другие, выбирая ветку, перескакивали с одного дерева на другое с ребёнком, повисшим на конце материнского хвоста; третьи бегали на четвереньках с прицепленными к животу наследниками, чего-то суетясь, о чём-то толкуя и поминутно останавливаясь для перебранок, – картина ссорящихся на базаре кумушек животного царства. Холостяки предавались вечернему увеселению – гимнастике на ветках на самом кончике хвоста. Мы заметили одного, разделявшего забаву между *sauts périlleux*[1] и надоеданием почтенному деду, который важно сидел под деревом, обняв двух маленьких обезьян. Раскачиваясь, он бросался на него со всего размаху, корчил рожи, кусал его за ухо и стрекотал во всё горло… Мы переходили от одного дерева к другому осторожно и тихо, боясь их спугнуть. Но видно, что много лет, проведённых с факирами (которые очистили остров только в прошлом году), приучили обезьян к людям. То были священные обезьяны, как мы узнали, и они не проявляли ни малейшего страха при нашем приближении. Они допускали нас совсем близко и, приняв приветствие, а некоторые так и кусочек сахарного тростника, смотрели на нас с высоты своих древесных тронов спокойно, чопорно скрестив ручки и даже с некоторым важным презрением в умных карих глазках.

Но вот зашло солнце, и все мигом всполошилось на деревьях. Нас стали звать ужинать. *Бабу*, преобладающею страстью коего было (по понятиям ортодоксальных индусов) "покощунствовать", залез на дерево, откуда, перенимая все позы и жесты своих соседей, к благочестивому ужасу наших *кули*, отвечал на угрожающие гримасы обезьян ещё безобразнейшими; затем он спрыгнуть с ветки и заторопил нас "домой".

С последним исчезнувшим за горизонтом золотым лучом вся окрестность будто разом подёрнулась светло-фиолетовой прозрачной дымкой. С каждою минутой сгущались тропические сумерки: постепенно, но быстро утрачивали они свой мягкий, бархатистый колорит, делались всё темнее и темнее.

1 Сальто-мортале, смертельные прыжки (фр.). – Прим. ред.

Словно невидимый живописец накладывал на окружающие нас леса и воды одну тень за другой, тихо, но непрерывно работая гигантской кистью своей по чудным декорациям на фоне нашего островка… Уже слабые фосфорические огоньки зажигались вокруг нас: блистая против чёрных древесных стволов и величественных бамбуков, они исчезали на ярко перламутровых серебристых просветах вечернего неба… Ещё минуты две-три, и тысячи этих волшебных живых искр, предвестники царицы ночи, запылали, заиграли кругом, то вспыхивая, то потухая, сыплясь огненным дождём на деревья, кружась в воздухе над травой и над тёмным озером… А вот и сама ночь. Неслышно спустившись на землю, она вступает в свои верховные права. С её приближением всё засыпает, всё успокаивается; под её прохладным дыханием утихает вся деятельность дня. Как нежная мать, она убаюкивает природу, бережно окутывая её своим лёгким чёрным покровом; а усыпив, стоить настороже над усталыми, дремлющими силами до первой зари…

Всё спит в природе; не спит в этот торжественный вечерний час один человек. Не спали и мы. Сидя вокруг костра, мы разговаривали почти шёпотом, словно боялись пробудить эту уснувшую природу. У*** и мисс Б*** давно улеглись, да их никто и не удерживал. А мы, то есть полковник, четыре индуса, да я, забившись под эту пятисаженную "травку", не могли решиться проспать такую чудную ночь. К тому же мы ожидали обещанного нам такуром "концерта".

– Имейте терпение, – говорил нам ГулабЛалСинг, – пред восходом луны явятся и наши музыканты…

Месяц всходил поздно, почти в десять часов ночи. Пред самым его появлением, когда уже воды озера стали бледнеть на другом берегу, а небосклон заметно светлел, постепенно переходя в серебристо-молочный цвет, вдруг засвежело и поднялся ветерок. Забурлили было уснувшие волны, заплескались и зашуршали они у подножия бамбуков и затрепетали кудрявые вершины великанов, зашептали, будто передавая друг другу приказания… Вдруг, среди общего молчания, мы услышали те же самые странные музыкальные

звуки, какие подслушали, подъезжая к острову на пароме. Словно со всех сторон вокруг нас и даже над головами настраивались незримые духовые инструменты, звякали струны, пробовались флейты. Минуты чрез две, с новым порывом пробивающегося сквозь бамбук ветра, раздались по всему острову звуки как бы сотен Эоловых арф[1]... И вот разом началась дикая, странная, неумолкающая симфония!..

Она гудела по окружающим озеро лесам, наполняла воздух невыразимой мелодией, очаровывала даже наш избалованный европейский слух. Грустны, торжественны были её протяжные ноты: они то плавно звучали похоронным маршем, то вдруг, перейдя в дрожащую дробь, заливались трелью соловья, гудели словно сказочные гусли-самогуды и, наконец, с протяжным вздохом, замирали... Здесь они напоминали протяжный вой: заунывный, грустный, как осиротевшей волчицы, утратившей детёнышей; там – они звенели, как турецкие колокольчики, звучали весёлой быстрой тарантеллой; далее, раздавалась заунывная песнь будто человеческого голоса, неслись плавные звуки виолончели, заканчиваясь не то рыданием, не то глухим хохотом... А всему этому вторило из лесу со всех четырёх сторон насмешливое эхо, будто голос сотни аукающих леших, внезапно разбуженных в своих зеленых дубравах, откликающихся на призыв этого дикого музыкального шабаша!..

Полковник и я переглядывались, обезумев от удивления. "что за прелесть!" "что за чертовщина!.." – раздались, наконец, в унисон наши два восклицания. Индусы посмеивались и

1 Эолова арфа, также воздушная арфа – инструмент типа цитры, звучащий благодаря колеблющему струны ветру, названа в честь Эола, мифического повелителя ветров. Музыкальным инструментом в строгом смысле слова эолова арфа не является, так как не требует участия музыканта-исполнителя. Состоит из резонатора – узкого деревянного ящика с отверстием, внутри которого натянуты струны. Количество струн (обычно от 4 до 12, иногда 24 или 48) произвольно. Струны одинаковой длины, но различной толщины и степени натяжения обычно настраиваются в унисон; при колебании они издают не только основной тон, но и обертоны, так что общий диапазон эоловой арфы оказывается довольно значительным. Чем сильнее ветер, тем более высокие обертоны слышны. При слабом дуновении ветра звучание эоловой арфы легкое и нежное, при порывах – резкое и громкое. – Прим. А. Д. Тюрикова.

молчали; такур покуривал свой *гёргёри* так же безмятежно, как если б он внезапно оглох. Но вот после минутного интервала и пока у нас невольно мелькал в голове вопрос: уж не волшебство ли опять какое? – невидимый оркестр разыгрался, расходился пуще прежнего, и на минуту совершенно нас было оглушил. Полились звуки, понеслись словно неудержимою волной в воздухе и снова приковали наше внимание. Ничего и никогда не слыхали мы подобного этому непонятному для нас диву… Слышите? Будто буря на море, свист ветра в снастях, гул бешеных, опрокидывающих друг друга волн! Снежная в глухой степи метель и вьюга…

То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя![1]

А вот загремели величественные ноты органа… Его могучие звуки то сливаются, то расходятся в пространстве, обрываются, перемешиваются, путаются, как фантастическая мелодия во время лихорадочного сна, музыкальное видение, вызванное завыванием и визгом ветра на дворе.

Но чрез несколько минут эти, вначале чарующие слух, звуки начинают будто ножом резать мозг. И вот нам представляется, будто пальцы незримых артистов бряцают уже не по невидимым струнам, дуют не в заколдованные трубы, а скрипят по нашим собственным нервам, вытягивают жилы и затрудняют дыхание…

– Ради Бога перестаньте, такур! довольно, довольно!.. – вопит полковник, затыкая обеими руками уши. – Гулаб-Синг… прикажите им перестать!..

При этих словах трое индусов покатываются со смеху и даже сфинксообразное лицо такура озаряется весёлою улыбкой…

– Честное слово, вы меня, кажется, не шутя принимаете если не за великого Парабраму, то, по крайней мере, за какого-то гения, за Марута, владыку ветра и стихий, – говорит он нам, весело смеясь. – Да разве в моей власти остановить ветер или

1 А. С. Пушкин, «Зимний вечер». – Прим. ред.

мгновенно вырвать с корнем весь этот бамбуковый лес?.. Просите чего-нибудь полегче!..

– Как остановить ветер? Какой бамбук?.. Разве мы это слышим не под психическим влиянием?..

– Вы скоро помешаетесь на психологии и электробиологии, мой дорогой полковник. Никакой тут нет психологии, а просто естественный закон акустики… Каждый из окружающих нас бамбуков – а их ведь несколько тысяч на острове – скрывает в себе природный инструмент, на котором наш всемирный артист, ветер, прилетает пробовать своё искусство после солнечного заката, особенно в последнюю четверть луны.

– Гм! ветер?.. да… Но ведь это начинает переходить в ужасный шум… Очень неприятно… Как бы этому помочь? – осведомляется наш немного сконфуженный президент.

– Уж, право, не знаю… Ничего, чрез пять минут вы к нему привыкнете, отдыхая в те промежутки, когда ветер минутами затихает.

И вот мы узнаём, что таких природных оркестров много в Индии; что они хорошо известны браманам, которые называют этот тростник *вина-дэви* (гитарой богов) и, спекулируя народным суеверием, выдают эти звуки за *божественные* оракулы. К этой особенности тростника[1] факиры идолопоклоннических сект прибавили и собственное искусство. Вследствие этого остров, на котором мы находились, считается особенно священным.

– Завтра утром, – говорил нам такур, – я вам покажу, с каким глубоким знанием всех правил акустики наши факиры просверлили различных величин дыры в тростниках. Смотря по объёму ствола, в каждом колене этих пустых трубок они увеличивают выеденные жучками отверстия, придавая им то круглую, то овальную форму. На эти усовершенствованные ими природные инструменты можно по справедливости смотреть как на превосходнейшие образцы применения механики к акустике. Впрочем, удивляться тут нечему: наши древнейшие

1 На этот род бамбука постоянно нападает маленький жучок, который пробуравливает в очень скором времени большие дыры в совершенно пустом стволе тростника, где и задерживается ветер.

санскритские книги о музыке подробно описывают эти законы, упоминая о многих ныне не только забытых, но даже совершенно неизвестных нам инструментах… А теперь, если это слишком близкое соседство распевшегося тростника беспокоит ваши нежные уши, я вас, пожалуй, поведу на поляну у берега – подальше от нашего оркестра. После полуночи ветер стихнет, и вы уснёте спокойно… А пока пойдёмте посмотреть, как загораются "священные костры". Как только окрестные жители заслышат далёкие голоса "богов" в тростниках, они тотчас же начинают сходиться целыми деревнями на берег, зажигают костры и совершают "пуджу" (поклонение острову).[1]

– Но неужели же браманы в состоянии поддерживать такой очевидный обман? Ведь самый глупый человек, и тот должен наконец догадаться, кем и как просверлены тростники и от чего происходят звуки!.. – осведомляется удивлённый полковник.

– У вас в Америке – быть может, но никак не у нас в Индии. Покажите даже и полуобразованному туземцу, как это сделано, расскажите и объясните… на это он вам ответит, что он и без вас знает, что эти дыры просверлены жуком и увеличены факиром. Но что же из этого? То не простой жучок сверлил, а *воплотившийся в насекомое с этой целью один из богов*, а факир, святой мученик, действовал по приказанию этого бога. Вот всё, чего от нас добьётесь. Веками въевшийся в массы народа фанатизм и суеверие сделались как бы необходимою частью его физиологических потребностей. Искорените в нём это чувство, и у него откроются сами собою глаза, и он узрит истину, – но не прежде. Что же касается браманов, то счастлива была бы Индия, если б это вековые плуты не делали ничего худшего… Пусть себе народ поклоняется музе и духу гармонии, это ещё не страшно.

В Дехра-Дене (рассказывал нам *бабу*) такие бамбуки посажены с обеих сторон центральной улицы и тянутся более чем на милю. За зданиями ветер не может свободно

1 Идущий далее фрагмент до слов «Мы пришли на небольшую поляну…» был добавлен во второй редакции книги (1883 год). – Прим. ред .

действовать, и потому звуки слышатся лишь в вечера, когда он дует с востока, что бывает чрезвычайно редко. Но в прошлом году, когда наш суами Дайананд прибыл на летнюю кочёвку и его осаждала каждый вечер толпа последователей, бамбуки, как раз после его проповеди, в которой он громил суеверие, вздумали распеться. В это самое время утомлённый продолжительною проповедью и немного нездоровый, суами опустился на ковёр и, закрыв глаза, сидел неподвижно. Толпа вообразила тотчас же, что душа суами, покинув тело, вошла в тростники и из них ведёт разговор с богами. Многие, желая изъявить тем своё благоговение учителю и, вероятно, доказать, в какой полноте восприяли они его учение, бросились творить пред напевавшим тростником "пуджу"...

– И что ж суами... что он сказал на это?..

– Ничего не сказал... Вы его, видно, ещё не знаете. Не говоря ни слова, он вскочил и, сломав первую бамбуковую трость по дороге, задал ею *пуджникам* такой "европейский *бакшиш*"[1] по спинам, что толпа мгновенно разбежалась. А суами, беспощадно колотя по чем ни попало, гнался за ними целую милю, затем плюнул и уехал далее. Он ужасный силач, наш суами, и разговаривать долго не станет, – смеялся *бабу*.

– Но ведь таким образом вместо того, чтоб обратить их на путь истины, он только разгоняет толпу? – заметил полковник.

– Вот и выходит, что вы наш народ знаете так же мало, как и вашего союзника суами... Не успел он прибыть в *Патни* (местечко в 35 или 40 милях [56-64 км] от Дехра-Дена), как толпа человек в 500 привалила депутацией от города, кланяясь ему в ноги и умоляя вернуться. Между главными просителями были те, у кого вся спина оказалась в синяках. Они привезли суами назад с самыми торжественными церемониями, на слоне, усыпая всю дорогу цветами... Он тотчас же устроил *самаджу* (общество), и в этой "Ария-Самадже" Дехра-Дена теперь двести членов, которые навсегда отказались от идолопоклонства и суеверия.

1 Удар тростью здесь зовется народом "европейский бакшиш" или "бамбуковый бакшиш"; последнее слово в повсеместном употреблении в Азии.

– А при мне, – рассказывал Мульджи, – он в Бенаресе два года тому назад разбил палкой до ста идолов на базаре и поколотил брамана. Последнего он вытащил из-за просверлённой спины огромного идола Шивы, из-за которой тот вёл разговор за своего бога, требуя денег на новую одежду для Шивы…

– И не поплатился он за это?

– Браман потребовал его в суд, но явилось столько заступников за него, что судья был принуждён его оправдать, присудив лишь заплатить штраф за разбитых идолов. Одно нехорошо: браман в ту же ночь умер от холеры, и противники суами громко кричали, что он умер вследствие *джаду* (колдовства) Дайананда Сарасвати.

– А вы, Нараян, знаете что про суамиджи?.. Принимаете ли вы его за своего "гуру"? – спросила я.

– У меня один *гуру* и один бог – на земле, как и на небе, – нехотя ответил Нараян, – и никогда не будет другого…

– Кто же этот *гуру* и кто ваш бог?.. тайна разве?..

– Такур саиб, конечно!.. – огорошил его *бабу*. – Оба у него сливаются воедино…

– Ты говоришь глупости, бабу, – холодно заметил Гулаб-Синг. – Я не признаю себя достойным быть чьим бы то ни было гуру, тем менее богом. Прошу тебя не кощунствовать. Но вот мы и пришли. Сядем здесь на берегу, – добавил он, указывая на принесённые ковры и явно желая замять разговор.

Мы пришли на небольшую поляну у озера, шагов за двести, триста от бамбукового леса. Теперь звуки волшебного оркестра доносились до нас слабо и урывками. Мы сидели против ветра, и они долетали лишь как полный гармонии шёпот, совершенно уже напоминая тихое пение Эоловой арфы и не имея в себе более ничего неприятного или резкого. Напротив, эти звуки придавали ещё более поэтический колорит этой сцене.

Мы расселись на разостланных для нас коврах, и от усталости, так как я была на ногах с четырёх часов утра, мной сильно овладевал сон. Мужчины продолжали разговаривать о суами и о "пудже", а я крепко задумалась, и мало-помалу, как

это всегда случается, разговор стал долетать до меня лишь урывками…

– Проснитесь!.. – расталкивал меня полковник. – Вот такур говорит, что вам не следует засыпать под лунным светом…

Совсем я не засыпала, хотя действительно сон сильно одолевал меня, а просто задумалась. Но я даже и не отвечала, до такой степени лень овладевает человеком под подобным небом…

– Да ради Бога, проснитесь же! – надоедал мне полковник. – Вы только взгляните на эту луну… на картину вокруг нас. Видали ли вы что-либо великолепнее этой панорамы? Смотрите…

"Вот взошла луна златая"[1]…

завертелось у меня в голове. Воистину то была "луна златая". В эту минуту она испускала целые потоки золотистого света, обливала каскадами волнующееся у наших ног озеро, осыпала на огромное пространство золотою пылью каждую травку, каждую былинку и камешек. Её жёлто-серебристый шар быстро скользил вверх по тёмно-голубому, усеянному мириадами огромных, блестящих звёзд небу, сияя над нашими головами. Сколько бы лунных ночей ни пришлось видеть в Индии, каждый раз найдутся новые и неожиданные эффекты… Подобных картин не описывают; их невозможно изобразить ни на полотне, ни словами; их можно только *чувствовать*. Но что за невыразимое величие и красота! В Европе, даже на юге, обыкновенно полная и яркая луна гасит вокруг себя на большое пространство звезды, и наибольшие из них меркнуть в её сиянии. Здесь совершенно напротив: словно громадная жемчужина, осыпанная кругом бриллиантами, катится она по небесному, точно из синего бархата своду. При этом лунном сиянии можно не только читать мелко написанное письмо, но и свободно различать все тени окружающей зелени, что в Европе немыслимо. Взгляните на деревья, на статные пальмы с их раскинутыми веером верхушками во время полной луны! С самой минуты восхода месяца его луч начинает ползти сверкающей серебряной чешуёй по

1 А. С. Пушкин, «Ночной зефир…» (1824). – Прим. ред.

обращённой к нему стороне дерева от верхушки всё ниже и ниже, пока не зальёт всего растения морем света. Безо всяких метафор, вся поверхность листвы кажется всю ночь утопающей под переливающимися дрожащими волнами серебра, в то время как из-под листьев является чернее и мягче чёрного бархата. Но горе неосторожному новичку, горе заглядевшемуся на луну с непокрытою головой смертному! Опасно не только что уснуть, но даже и слишком долго зазеваться на целомудренную индийскую Диану[1]. Припадки падучей болезни, безумие, часто смерть, – вот наказания, посылаемые её коварными стрелами современному Актеону, осмелившемуся лицезреть жестокую дщерь Латоны в её полной красе. Оттого здесь ни днем, ни ночью, ни европейцы, ни туземцы не снимают на дворе своих *топи* и *пёгёри*. Даже наш бабу, прохлаждавшийся целые дни с непокрытою головой под солнцем, надевал ночью во время луны белую шапочку.

Огни, как нам предсказал такур, зажигались один за другим на материке, и давно уже мелькали вдали черные силуэты поклонников. Их дикие священные песни и громкие возгласы – *Хёрри, Хёрри, Маха-део*,[2] – доносились до нас с того берега громко и отчётливо. А тростники, под напором ветра, раскачивая свои стройные стволы, отвечали им нежными музыкальными фразами... Становилось жутко на душе, чувствовалось какое-то странное опьянение при этой обстановке, и идолопоклонство в этих погрязших в вековом невежестве, но глубоко поэтических страстных натурах являлось менее отталкивающим, казалось понятнее. Индус – прирождённый мистик, а чарующая природа его страны сделала из него ярого пантеиста.

Где-то далеко в лесу заиграла *альгуджа*, род индийской свирели, с семью отверстиями. При этих звуках мигом взбудоражилось и встрепенулось целое обезьянье семейство, спавшее в листве соседнего дерева. Две-три макашки тихо

1 Диана – в римской мифологии богиня растительного и животного мира, охоты, женственности и плодородия, родовспомогательница, олицетворение Луны, соответствует греческим Артемиде и Селене. Позднее Диану также стали отождествлять с Гекатой. – Прим. ред.

2 Хёрри – одно из имён Шивы, а "Маха-део" – великий бог.

спустились на землю и стали оглядываться, как бы поджидая кого.

– Это у вас что же за Орфей, чарующий и людей? – осведомились мы.

– Факир, вероятно: *альгуджа* обыкновенно призывает священных обезьян к пище. Некогда жившая на этом острове коммуна факиров теперь переселилась в старую пагоду, неподалёку отсюда в лесу. Там им более поживы от прохожих; оттого они и бросили остров…

– А может от того, что оглохли, – выразила невинное мнение проснувшаяся и подошедшая к нам между тем мисс Б*.

– Кстати об Орфее, – спросил такур, – известно ли вам, что лира этого греческого героя-полубога была далеко не первою, которая обладала способностью очаровывать и людей, и зверей, и даже самые реки? Некий китайский "музыкальный артист" (как их зовут в Англии) *Куи*,[1] живший за тысячу лет до предполагаемой учёными эры Орфея, выражается так: "когда я играю на моём *кинге*, то все дикие звери сбегаются и, очарованные моей мелодией, строятся в ряды предо мной"…

– Это вы где же читали?

– Мог бы вычитать даже в сочинениях ваших западных ориенталистов, так как это сведение находится и там. Но собственно я нашёл это в древней санскритской рукописи (перевод с китайского) второго столетия до вашей эры; оригинал же находится в древнем сочинении, известном под именем "Хранитель пяти главных добродетелей" – род хроники или трактата о музыкальном развитии в Китае, написанный по приказанию императора Хоанг-ти за несколько сот лет до вашей эры.

– Да разве китайцы когда что понимали в музыке? – рассмеялся полковник. – Я слышал и в Калифорнии, и в других местах заезжих артистов из Небесной Империи… Их музыкальная какофония способна с ума свести человека на месте…

1 Какая случайность! *Кюи* – имя известного петербургского музыканта; только ни звери, ни люди не пляшут под его музыку.

– То же самое многие из вас, западных музыкантов, говорят и про нашу – как древнеарийскую, так и современную музыку индусов. Но, во-первых, понятие о мелодии – вещь совершенно условная; а во-вторых, есть большая разница между знанием музыкальной техники и применением этого знания к развитию мелодий, доступных всякому, – как образованному, так и необразованному – уху. В техническом отношении музыкальная пьеса может быть превосходна, а сама мелодия являться вполне непонятною и даже неприятною для непривыкшего к ней уха. Ваши самые известные оперы, например, кажутся нам, индусам, каким-то диким хаосом, каскадом неприятно резких, перепутанных звуков, в которых мы ровно ничего не смыслим, а только получаем, слушая их, головную боль. Я бывал не раз и в Лондонской и в Парижской опере, слушал Россини и Мейербера; я желал отдать себе отчёт в моих впечатлениях и слушал с величайшим вниманием. Признаюсь, я предпочитаю наши простые туземные мелодии всем произведениям ваших лучших художников в Европе. Первые мне вполне доступны, а вторых я вовсе не понимаю, и они так же мало меня трогают, как и наши национальные напевы вас. Но, оставляя всякие "напевы" в стороне, скажу вам, что не только наши предки, но даже и предки китайцев, конечно, не уступают вам, европейцам, если не в инструментальной технике, то в музыкальной "технологии" и особенно в отвлечённых понятиях о музыке.

– Арийские народы древности, быть может, и не уступают нам, но допустить то же самое в туранской расе китайцев трудно, – спорил наш президент.

– Но музыка природы была везде первою ступенью к музыке искусства. Мы предпочитаем первую, и поэтому держимся её веками. Наша музыкальная система есть величайшее искусство, если – извините этот кажущийся парадокс – избегать всего искусственного; то есть она отвергает в своих мелодиях все звуки, не входящие в реестр живых голосов в природа. Китайцы именно этого-то и не делают. Китайская система, например, содержит в себе восемь главных звуков, служащих как бы камертоном для всех других

происходящих от главного звука тонов, которые и классифицированы под именами их родоначальников. Эти восемь звуков суть: *метал*, *камень*, *шёлк*, *бамбук*, *тыква*, *глиняная посуда*, *кожа*, *дерево*. Поэтому у них являются: металлические, деревянные, глиняные, тыквенные, кожаные, бамбуковые и каменные тоны. Таким образом и мелодии у них не может быть никакой, а выходит один сумбур: их музыка состоит из перепутанных серий отдельных нот. Их императорский гимн, например, есть ряд одних длинных, бесконечно вытягиваемых звуков в унисон. Но у нас всё своеобразно и самобытно; мы, индусы, обязаны нашею музыкой одной живой природе, а не неодушевлённым предметам. Мы, в высшем значении этого слова, пантеисты; поэтому и музыка наша, так сказать, *пантеистическая*. Но вместе с тем она и в высшей степени научная. С самой колыбели человечества арийские народы, вышедшие первыми из младенчества, стали прислушиваться к голосам природы и нашли, что обе, мелодия и гармония, соединяются лишь в одной нашей великой матери. В ней нет ни фальшивых, ни искусственных нот, и вот человек, венец её создания, пожелал подражать её звукам. В совокупности все эти звуки (по единодушному показанию ваших же физиков) сливаются в *один тон*, который мы слышим, когда умеем прислушиваться, в неумолкаемом шелесте листвы больших лесов, в журчании вод, в рёве океана и бури, и даже в отдалённом гуле больших городов. Этот тон – средний F, основной тон во всей природе. В наших мелодиях он нам служит исходною точкой, которую мы воспроизводим с первой ноты и вокруг которой группируются все прочие. Заметив, что верхние, нижние и средние ноты имеют каждая своего типического представителя в животном царстве; что козел, павлин, бык, попугай, лягушка, тигр, слон и т. д. имеют, каждый из них, свою особенную ноту, наши предки стали прислушиваться и нашли, что всякая из этих нот соответствует одному из *семи главных тонов.* Так была открыта и основана *октава*. На подразделения же и размер их навели сложные звуки тех же животных.

– О вашей древней музыке, – ответил полковник, – и о том, изобрели ли что в музыке ваши предки или нет, я, конечно, ничего не знаю. Но, признаюсь, слушая пение ваших современных индусов, я никак бы не мог заподозрить их в знакомстве с какою бы то ни было музыкой.

– Это потому, что вы ещё никогда не слыхали настоящего певца. Поезжайте в Пуну и посетите "Гайан-Самадж"[1], и только тогда мы возобновим этот разговор. До тех пор напрасно спорить…

– Музыка древних арийцев, – внезапно вмешался бабу за честь своей родины, – растение допотопное и почти исчезнувшее из Индии, но всё же достойное полного внимания и изучения. Это вполне доказано теперь моим соотечественником, раджой Сурендронаф-Тагором[2], который, по сознанию лучших музыкальных критиков Англии, твёрдо установил права древней Индии "считаться матерью музыкальной науки". Каждая школа – итальянская, немецкая и древнеарийская – родилась в свой особенный период, развилась в своём исключительном климате и при совершенно различной обстановке. И как всякая из этих школ имеет свою особенность, а для своих последователей и прелесть, так и наша школа не представляет собою исключения. Только в то время, как вы, европейцы, приучены к мелодиям Запада и хорошо знакомы с вашими школами, наша музыкальная система, как и многое другое в Индии, вам ещё совершенно неизвестна. Поэтому, осмеливаюсь заявить, что вы, полковник, и судить о ней не имеете права…

– Не горячись, бабу. Всякий имеет право если не судить, то расспрашивать о незнакомом ему предмете, иначе он никогда и не узнает истины… Если бы, – продолжал такур, – музыка индусов принадлежала (как говорит бабу) к столь же мало

1 По всей Индии устраиваются теперь музыкальные общества для возрождения национальной древней музыки. Одно из них Гайан-Самадж (*Gaian-Samaj*) в Пуне.

2 Раджа Сурендронаф Тагор – доктор музыки, кавалер великого множества почётных орденов, между прочим, от короля португальского и императора австрийского, за своё сочинение "О музыке арийцев".

отдалённой от нас эпохе, как и европейская, соединяя в себе при том, как последняя, все выработанные в разные эпохи и различными музыкальными системами достоинства, то быть может знатоки и поняли бы и лучше оценили бы её. Но наша музыка принадлежит к доисторическим временам. За исключением разве древних египтян (которые, если судить по двадцатиструнной арфе, найденной Брюсом в одной из Фивских гробниц, были тоже посвящены в музыкальные таинства гармонии), мы, индусы, являемся единственным знакомым с музыкой народом в те ещё времена, когда все другие нации на земном шаре боролись со стихиями за одно право своего существования. Мы обладаем сотнями санскритских рукописей о музыке, никогда ещё не переведённых даже и на туземные языки. В глубокую древность этих трактатов (от 4000 до 8000 лет) мы, индусы, несмотря на все отрицательные доводы ваших ориенталистов, вполне верим и будем упорствовать в этой вере, ибо мы их читали и изучали, а европейские учёные их пока и в глаза не видали. Таких трактатов, написанных в разные и самые отдалённые эпохи, у нас много, и все они согласуются в своих показаниях, доказывая нам яснее дня, что *в Индии музыка была уже известна и приведена в систему, когда современные цивилизованные нации жили ещё на западе Европы как дикие племена*. Но всё это не даёт нам однако права требовать, чтобы вам, европейцам, нравилась наша музыка, к которой не приучены ваши уши и духа коей вы неспособны пока ещё понять… Мы можем до некоторой степени объяснить вам её технику, дать вам некоторое понятие о ней как о науке; но создать в вас то, что арийцы называли *ракти*, или способность человеческой души воспринимать и очаровываться совокуплениями различных звуков в природе – альфа и омега нашей музыкальной системы – никто не может, как не могут заставить и нас упиваться мелодиями Беллини.

– Но почему же? – горячился полковник, – и что это за тайная сила такая в вашей музыке, которую способны понять одни вы, азиаты? Если мы с вами разнимся в цвете кожи, то ведь за то наш органический механизм один и тот же. Другими словами, та физиологическая конструкция костей, крови, нерв,

жил и мускулов, из которой состоит индус, имеет столько же частей, связанных одна с другою по совершенно такому же плану или модели, как и живой механизм, известный под именем американца, англичанина или всякого другого европейца. Они, являясь на свет из одной и той же мастерской природы, имеют одно начало, как один и тот же конец: физиологически говоря, мы дубликаты друг друга…

– Физиологически – да, и даже психологически, если бы только не вмешивалось между нами воспитание, которое, что ни говори, выворачивает природу человека в ту или другую сторону, изменяя не только умственное, но и душевное направление его: в иных случаях совершенно погашая в нём божественную искру, в других – раздувая и даже превращая её в неугасимый маяк, служащий путеводною звездой его умственных способностей на всю жизнь.

– Так. Но всё же это едва ли может иметь такое сильное влияние на физиологию уха.

– Ошибаетесь опять. Если в физическом или скорее в физиологическом отношении рассматриваемый как человеческая машина индус ничем не разнится от европейца, то вследствие совершенно своеобразного воспитания, в умственном и психическом, особенно в психическом отношении, оба диаметрально отличаются один от другого, представляя как бы два различных вида в природе. Вспомните лишь, насколько цвет лица, сложение, способность к произрождению, жизненность и все наследственные качества чисто физических отправлений изменяются со временем вследствие климатических условий, пищи и обиходной обстановки человека (новейшая научная маска ваших материалистов, если не ошибаюсь, для удобнейшего игнорирования более отвлечённых тайн бытия), и вы получите ответ на ваш вопрос. Примените этот самый закон постепенного перерождения уже не к физическому, а чисто психическому элементу в человеке, и вы узрите те же результаты. Изменяя воспитание души, вы изменяете её способности. Там, где она прежде наслаждалась, усматривая нечто вполне недоступное иначе воспитанной душе, она уже не чувствует ничего кроме скуки и пред нею

является один хаос… Вы, например, верите, – и верите лишь на основании доказанного вековым опытом, – что гимнастика, укрепляя мускулы, не только развивает тело человеческое, но и способна как бы переродить его; мы же, индусы, идём одною ступенью выше: мы верим, вследствие тысячелетних опытов и объективных демонстраций, что существует гимнастика и для души, как для тела. Это наша тайна, тайна униженных, порабощённых одной животной силой индусов, и проникнуть в эту тайну мы не дозволим никому, кроме горсти избранных, но она может быть доказана вам в своё время… Что постепенно одаряет глаз моряка зрением орла, акробата ловкостью и силой обезьяны, бойца – железными мускулами? Упражнение и один навык, скажете вы. Так почему же не предположить такую же способность и в душе человека, как в его теле? Разве только потому, что современная наука или совсем отвергает душу, не допускает и не признает в ней отдельной от тела личности?..

– Полно, такур. Вы-то уж должны бы знать, что я верю как в душу, так и в её бессмертие…

– Мы верим в бессмертие *духа*, а не души… Впрочем это нейдёт к делу. Итак, вы должны согласиться, что упражнением всякая дремлющая в душе человеческой способность может быть доведена до высшей точки своей силы и деятельности, равно как вследствие неупотребления и отвычки каждая такая способность может и заглохнуть, и даже окончательно исчезнуть. Природа так ревнива к своим дарам, что в нашей власти систематически развивать или убивать в наших потомках – и даже в продолжение весьма немногих поколений – какой угодно физический или умственный дар, просто вследствие одного упражнения или полного пренебрежения…

– Но ведь этим вы всё-таки не объясняете мне тайной прелести ваших национальных мелодий…

– К чему входить в подробности, когда вы сами должны видеть, что моё объяснение есть общий ключ к разрешению не только вашего вопроса, но и мириады других задач? Ухо индуса приучено веками схватывать один род комбинаций слуховых волн или атмосферических вибраций, а ухо европейца привыкло к другому роду; поэтому где душа первого

наслаждается, там душа последнего не чувствует ничего, а уши страдают. Я мог бы на этом и остановиться, так как объяснение, кажется, столь же просто, как оно и понятно; но желаю пробудить в вас нечто более чувства удовлетворённого любопытства. То, что я вам сказал, разъясняет тайну лишь с её физиологической стороны. Оно является столь же понятным, как и факт, что мы, индусы, безнаказанно едим, например каждый день целыми горстями пряности, от одной крошки коих у вас могло бы сделаться чуть не воспаление в кишках. Наши слуховые нервы, в начале времён тождественные в своих способностях с вашими, переродились вследствие векового упражнения и сделались столь же отличными от ваших, как и цвет нашей кожи и наши желудки. Прибавьте к этому, что глаз наших кашмирских ткачей, мужчин и женщин, отличается способностью различать ровно 300 тенями более, нежели глаз европейца, – это по показанию ваших ученейших физиков и лионских фабрикантов, – и всякий поймёт, как легко разъяснение кажущейся проблемы. Навык, закон наследия, всё, что угодно… Но вы, прибыв из Америки изучать индусов и их религию, никогда не поймёте последней, если прежде не научитесь знать, как тесно, как почти неразрывно связаны все наши науки не с современным, конечно, ортодоксальным, невежественным браманизмом, а с философией нашей первобытной религии Вед.

– Но что же, например, музыка имеет общего с Ведами?..

– Многое – почти всё. Как то было у древних египтян и китайцев, так и у нас: все звуки в природе, а поэтому и музыка находились в прямой связи с астрономией и математикой, то есть с планетами, знаками зодиака, с солнечным и лунным течением и с числами; а особенно с тем, в самом существовании чего ваши учёные ещё не совсем уверены, с *акказой*, или эфиром пространства. Учение о "музыке сфер" родилось здесь, а не в Греции, или Италии, куда его ввёз Пифагор лишь по окончании своих занятий с гимнософистами Индии. И, конечно, лучше кого бы то ни было, и до, и после него, знал этот великий философ, – единственный из западных мудрецов, открывший до Коперника и Галилея

гелиоцентрическую систему мира, – насколько малейший звук в природе зависит от *аказы* и её соотношений. Одна из четырёх Вед, "Самма Веда", вся состоит из пения. Это – собрание гимнов и *мантр*, петых во время жертвоприношений "богам", то есть стихийным силам. Понятно, что при знакомстве с естествознанием (а наши древние жрецы если и не были знакомы с естественными науками по новейшим методам химии и физики, зато знали много такого, до чего современные учёные ещё не добрались), жрецы подчас и заставляли стихийных "богов" или слепые силы природы отвечать их молитвам различными знамениями. В этих *мантрах* каждый звук, малейший переход рассчитан и имеет своё значение; а, имея причинность, должен иметь, конечно, и своё действие. "Учение о звуке, говорит профессор Лесли, есть бесспорно самое неуловимое, тонкое и сложное изо всей серии физических наук". А если кто когда уловил в полном совершенстве это учение, то, конечно, это древние "риши", наши философы и святые, оставившие нам в наследство Веды…

– Я теперь начинаю лучше понимать, откуда взялось начало всех мифологических сказок греческой древности, – задумчиво проговорил полковник. – Басни о свирели бога Пана и его "сиринксе", семитростниковой дудке, о фавнах, сатирах и даже о лире самого Орфея… Я знаю, что древние греки имели мало понятия о гармонии, и, конечно, не их ритмические декламации в драмах (вероятно, никогда не доходившие даже до высоты современного, самого простого речитатива), поддерживаемые слабою лирой да свирелью Пана, могли когда-либо внушить им мысль о всечарующей лире Орфея. Я сильно начинаю склоняться к мнению многих из наших известных филологов и учёных. Подозреваю, что Орфей, самое имя коего ὀρφός или ὀρφνός, то есть темнокожий, свидетельствует, что даже между смуглыми греками он считался ещё смуглее их самих, – выходец из Индии. Таково было мнение Ламприера и нескольких других…

– Ваше подозрение, быть может перейдёт и в действительность когда-нибудь. Нет никакого сомнения, что самый высокий и чистый из музыкальных стилей древности

принадлежит Индии. У нас все наши легенды приписывают магическое влияние музыке, как дару и науке, прямо ниспосланным на землю богами. И хотя мы вообще приписываем все искусства небесному откровению, но музыка стоит во главе всех прочих. Изобретение *вины*, инструмента вроде вашей гитары, принадлежит Нараде, сыну Брамы. Вы будете очень смеяться, если я вам скажу, например, что наши древние *ундгатри* (певчие жрецы), обязанностью коих было служить при *ядайи* (жертвоприношении), знали кое-что из неведомых тайн естества в таком совершенстве, что посредством известных им комбинаций производили, безо всякого фокуса, заметьте, явления, которые во времена невежества принимались за проявление сверхъестественной силы. Явления, производимые "ундгатри" и "радж-йогами", для посвящённых *вполне естественны*, сколько бы ни казались чудесными непосвящённым.

– Но разве вы… совсем, так-таки совсем не верите в наших духов? – приставала к нему мисс Б***. Она сильно побаивалась такура.

– Если позволите, *совсем* не верю.

– А… в медиумов?..

– Ещё менее, уважаемая леди. Но в медиумизм, для которого у нас существует испокон века другое название – *бхута-дак*, в буквальном переводе "постоялый двор для чертей"[1], верю, как и во всякую другую психическую болезнь. О настоящих медиумах сожалею, стараюсь им помочь, когда могу; а шарлатанов глубоко презираю, редко пропуская случай изобличать таких…

Предо мною промелькнула сцена в притоне ведьмы у "Мёртвого города", катящийся с горы пойманный браман-оракул и бегство старухи. Теперь для меня стало ясно то, чего я прежде не понимала: Нараян действовал по приказанию такура…

1 Слово *дак* – трактир, постоялый двор, а *бхута* – злая душа умершего человека, которой вследствие её грехов преграждена дорога в *мокшу* – небесную обитель – и которая присуждена скитаться на земле. В философии индусов нет "чертей" или падших ангелов.

– Наши *анга-тьене*, – продолжал последний, – или "одержимые" этою неведомой для непосвящённого "силой", в которой спириты видят духов, суеверные видят чёрта, скептики – фокус и обман, а настоящие учёные – не открытую ещё наукой силу природы, всегда почти слабые женщины или дети. Вы стараетесь ещё более развивать в таких их страшную душевную болезнь, мы же ищем спасти их от этой "силы", о которой вы ничего не знаете и о которой поэтому не стоит теперь рассуждать... Мы, сыны Индии, десять веков находимся в неволе у разных и часто не стоящих нас народов... Но покорившие нас нации покорили только наши тела, не нас самих.[1] С нашими душами им никогда не справиться! *Майявирупа*[2] настоящего ария – свободна как сам Брам; скажу более:

1 *Вендантины* или последователи философской системы *Санкарачарьи*, говоря о себе, редко употребляют слово "я", а говорит, например: "это тело пошло", "эта рука взяла" и т. д., во всём касающейся физических или автоматических действий человека. "Я", "он" употребляется ими лишь касательно умственных отправлений. "Я думал", "я желаю идти" и пр. Тело в их глазах – одна шелуха, наружная оболочка внутреннего, невидимого человека, который и есть настоящий "я".

2 "Майявирупа" буквально – тело иллюзии или *майи*, настоящий ego; "кама-рупа" – тело желания или воли, произвольно созданное нашим сильным желанием (обладающим творческой силой, по понятиям индусов) – двойник наш, который и является там, куда желание посылает его. При жизни таких внутренних тел у человека де столько же, сколько в луковице кожиц – каждое нежнее и тоньше, и каждое носит своё особое название, как обладающее полной независимостью от тела. После де смерти, когда земной жизненный принцип умирает вместе с телом, все эти внутренние тела соединяются во единое тело и, смотря по заслугам, либо поставлены на столбовую дорогу к *мокше*, на которой до окончательного освобождения от оков материи бесчисленное множество "станций", и тогда такая душа зовётся *дэва* (божественной); или же она делается *бхута* – злою душой, и мучится на земле между скитанием в невидимом мире и трансмигрицией в разных нечистых животных. В первом случае, – *дэва* не станет сообщаться с живыми. Единственная нить, связывающая её с землёй, – загробная привязанность к тем, кого она любила и над кем она простирает своё влияние и покровительство и после смерти. *Любовь* переживает все другие земные чувства, и *дэва* может являться любимым людям во сне, или иллюзией (*майя*) на секунду, и не иначе, так как тело девы начинает постепенно, с минуты освобождения из земных оков, изменяться: с каждым переходом из одной сферы в другую она теряет кое-что

для нас, в нашей религии и философии, он – наш дух – и есть сам Брама, выше которого стоит один неведомый, вездесущий и всемогущий дух Парабрама. Нашей майявирупы не покорить ни англичанам, ни даже вашим "духам". Ей никогда не быть рабой... А теперь пойдёмте спать.

Радда-Бай

из своей объективности, делаясь всё неуловимее. Она де родится, живёт и умирает в каждой новой сфере или *локе*, которая становится всё субъективнее и чище; а в переходных состояниях она "дремлет в *аказе*" – в эфире. Наконец, освободясь от последнего земного помышления и греха – она становится *ничем* в вещественном смысле. Она потухает, как пламя, и, слившись в одно с Парабрамой, живёт в вечности жизнью духа, о которой ни наши материальные концепции, ни язык не в состоянии создать себе представления. Но "вечность" Парабрамы не есть "вечность" души. Последняя, по выражению *Веданты*, есть вечность в *вечности*. Насколько ни была бы жизнь души святою, но так как она имела своё начало и свой конец, то и заслуги, как и грехи её, не могут награждаться или наказываться "вечностью Парабрамы". Это было бы противно справедливости, "несоразмерно", – говорит философия Веданты. "Один дух живёт в вечности, не имеет ни начала ни конца, ни окраин, ни границ, ни центральной точки". Дэва живёт в Парабраме, как капля воды в океане, до будущего возрождения мира из *пралайи* (периодически наступающий хаос, разрушение, или, скорее, исчезновение всех миров из области объективности). С новым великим циклом, *махайуг* , она отделяется от "вечного", притягиваемая жизнью в объективных мирах, как капля воды притягивается солнцем и конкретируется по обратной дороге на землю, из сферы в сферу, пока снова не опустится в грязь нашей планеты, и, пройдя малый цикл, снова не начнёт подыматься на противоположной стороне круга. Так она вращается в *вечности* Парабрамы переходя от одной концепциальной меньшей вечности в другую. Каждая из этих "человеческих", то есть доступных уму, вечностей состоит де из 4 320 000 000 лет объективной и стольких же субъективной жизни в Парабраме (где индивидуальность души, по учению Веданты, вовсе не исчезает, как то полагают некоторые европейские учёные), то есть всего 8 640 000 000 лет. Эта цифра достаточна, по их понятиям, как для искупления самых ужасных грехов, так и для пожинания плодов добрых дел такого скоропреходящего периода, как жизнь человеческая. Одни души *бхутов*, когда в них угасает последняя искра раскаяния и желания изгладить грехи, *испаряются* под конец. Тогда их божественный, неумирающий дух, отделясь от души навсегда, возвращается к своему первобытному источнику, душа рассеивает-

Письмо XXIII[1]

Оставив Мальву и "независимую" (?) территорию Холькара[2] в стороне, мы вскоре опять очутились в чисто британских владениях, на железной дороге к Джабельпуру и Аллахабаду. В первом городе мы останавливались – всего на несколько часов взглянуть на знаменитые "мраморные скалы". Не желая потерять целый день, мы отправились на лодке, выехав в два часа ночи, избегнув таким образом жары и совершив великолепную прогулку на реке за десять миль [16,09 км] от города.

Джабельпур (на территории Саугора и Нербудды, в 222 милях [357,27 км] от Аллахабада), город, находившийся когда-то на махратской, а теперь на британской земле, отнят англичанами у махратов в 1817 году. Как и всегда, они получили его скорее хитростью, нежели силою. Хотя они и хвастают в своей "Истории Индии", будто в день 19 декабря 1817 года генерал Гардеман во главе только 1000 человек англичан разбил наголову 10 000 войска махратов – армию раджи Нагпурского, убив у них *семь тысяч человек*, отняв девять пушек и захватив весь лагерь, тогда как у англичан оказалось убитых *всего два человека и десять раненых*[3]; но предание рассказывает дело иначе. Под предлогом переговоров вожди махратов были приглашены англичанами на пир; офицеры подпоили их каким-то зельем, в то время как солдаты совершали ту же операцию над рядовыми неприятеля. Таким образом, они успели их перебить полусонных и завладели городом. Эта история, за правдивость коей не поручусь, так как она является уже слишком неправдоподобною и мерзкою, была нам передана полукастником-португальцем (Eurasian), отец

ся на свои примордиальные атомы и ego погружается во мрак вечного бессознания. Её личность пропадает. Такова философия Веданты касательно духовного человека. Поэтому индусы и не верят в возврат духов на землю, кроме случаев *бхутов*.

1 Московские ведомости, № 154, 05.06.1880, стр. 4-5; Русский Вестник, май 1883, Приложение, том 165, с. 262-298.

2 В ред. 1880 г.: «Халькара». – Прим. ред.

3 См. *Историю территорий, приобретённых Ост-Индскою Компанией* Ed. Thornton.

коего, по его словам, был очевидцем оной. Она была им рассказана не в виде охулки на англичан, но с некоторою даже гордостью, как бы в виде хвалебного гимна своим *компатриотам*-"европейцам"[1], которые, как я уже не раз упоминала, презирают полукастников ещё сильнее, нежели индусов, а последние возвращают им презрение с жидовскими процентами.

Окрестности Джабельпура прелестны и представляют величайший интерес для любителей естествознания. Пред геологом и минералогом здесь является обильнейшее поле для учёных изысканий в необыкновенном разнообразии формаций гор, доставляющих всевозможные роды гранита, а длинный ряд скалистых гор способен удовлетворить сотню Кювье, задав им работы на целую жизнь. Известняковые пещеры Джабельпура – настоящий костник допотопной Индии: они переполнены остовами чудовищных, ныне вымерших зверей.

Но далеко в стороне от прочих хребтов и совершенно особняком стоят "мраморные скалы" – игра природы, каких в Индии немало. На довольно плоском, поросшем густым кустарником берегу Нербудды, ни с того ни с сего, как бородавка на гладкой щеке матери-природы, вдруг вырастает странной формы длинный ряд белоснежных скал. Но какие это скалы!.. Белые и чистые, словно отшлифованные в капризную форму свою рукой человеческой, они прихотливо громоздятся одна на другой, скорее походя на колоссальный пресс-папье с этажерки Титана, нежели на скалы. Уже с полдороги, при извилистых поворотах реки, они стали минутами являться нам, то выглядывая, то снова скрываясь, дрожа в предрассветном тумане, как далёкий обманчивый мираж на небосклоне пустыни, пока наконец совсем не скрылись. Но вот пред самым восходом солнца они снова и совершенно неожиданно явились нашим очарованным глазам, явились вдвойне, на берегу и в реке. Подобно заколдованному замку, вызванному по мановение волшебного жезла кудесника, они вдруг выросли словно из-под земли на зелёном берегу Нербудды, отражаясь, как в зеркале, во всей своей девственной красе на спокойной

1 Соотечественникам (фр. compatriote). – Прим. ред.

поверхности ленивых, сонных вод рукава реки, вея на нас и тенью, и прохладой… А как дорого каждое мгновение предрассветной прохлады в Индии – знают лишь те, кто побывал, да пожил в этой огненной стране.

Увы! как ни рано отправились мы в путь, но по приезде к скалам нам недолго пришлось наслаждаться их прохладой. Едва успели мы причалить к волшебному берегу, предполагая среди этой поэтической обстановки прозаически напиться чаю, как взошло солнце и разом стало словно стрелять своими огненными лучами и по лодке, и по нашим злополучным головам; преследуя нас из угла в угол, оно наконец выгнало нас даже из-под нависшей над водой скалы. Из снежно-белых мраморные красавицы превратились в золотисто-пурпуровых, осыпая реку огненными брызгами, раскаляя прибрежный песок и ослепляя нам глаза… Недаром предание указывает, а народ видит в них не то жилище, не то превращение самой *Кали*, самой жестокой из богинь индийского пантеона. В течение уже многих йугов злобная супруга Шивы ведёт ожесточённую войну со своим благоверным, который под видом "Трикутишвары" трёхголового Линги) предъявляет незаконные права на скалы и реку, патронессой коих состоит его богиня Кали.

Потому-то, вероятно, каждый раз, как дерзновенная рука ни в чём неповинных работающих в правительственных каменоломнях кули (индийцев) отсечёт кусок белого бедра богини, тотчас раздаются откуда-то словно подземные крики. И вот злополучный каменщик дрожит и колеблется между боязнью надсмотрщика и ожиданием мести кровожадного божества. Кали – патронесса не только скал, но и экс-*тёгов* – удавителей, которые еще недавно наводили ужас на всех одиноких путников. Много бескровных жертв принесли эти *тёги* на мраморном алтаре Кали; страна изобилует леденящими кровь рассказами об их страшных подвигах, совершённых будто бы в честь богини. Эти рассказы, ещё слишком свежие в памяти людской, чтобы перейти в разукрашенные легенды, совершенно правдивы, тем более, что

они вполне подтверждаются официальными документами судебных и следственных комиссий.

Если Англия когда-нибудь оставит этот край (а она сделает это не прежде, чем кость будет совершенно обглодана), то между немногими оказанными ею стране услугами на первом плане должно будет поставить полное искоренение *тёгизма*. Под этим названием, как все ещё, вероятно, помнят, практиковался в продолжение более 200 лет самый хитрый и ужасный род человекоубийства в Индии. Как дознались, наконец, в сороковых годах, то было разбойничество ради грабежа. Извращённые понятия о значении Кали являлись лишь ловким предлогом: в этом случае богиня служила злодеям одной ширмой. Иначе каким же образом объяснить присутствие стольких мусульман в среде ее поклонников-индусов? Большинством между "рыцарями *румаля*" или священного платка, коим удавливали жертвы, явились в день расправы магометане; самыми знаменитыми между их вождями были не индийцы, а сыны пророка, как, например, Ахмед, так что в числе последних тридцати семи переловленных полицией *тёгов* находились *двадцать два* мусульманина. Понятно, что религия последних, не имея ничего общего с богами Индии, не играла в этом случае никакой роли: побудительной причиной был попросту грабеж. Правда, окончательный обряд посвящения в *тёгизм*[1] был совершаем в лесах пред ужасным, покрытым четками из человеческих черепов идолом Бавани[2]. До того времени *тёг* проходил курс учения, состоявший в преподавании особенно трудного приёма набрасывать на шею не ведающей своей судьбы и заранее отмеченной жертвы румаль и душить человека так, чтоб он умер мгновенно, не испустив и малейшего стона. В этом обряде посвящения роль, которую приписывали богине, обозначалась известными символами, вроде тех, которые во всеобщем употреблении у франкмасонов: как, например, обнаженный кинжал, череп и даже воскрешаемый "гроссмейстером" ложи

1 Слово "тёг" (thug) означает просто вор или разбойник.
2 Другое имя той же богини: тёги звали её Бавани.

труп убитого Гирама Абифа, "сына вдовы"[1]. Кали служила не более, как сценическою обстановкой для других целей. *Тёгизм* был тем же франкмасонством, с особенными знаками взаимного распознавания, паролем и своим непонятным непосвященному жаргоном – только с преступною целью; между тем франкмасонство в наш век есть совершенно безвредное (кроме разве для карманов самих масонов) времяпрепровождение. Как масонские "ложи" принимают безразлично атеистов и христиан, так и тёги принимали воров и разбойников всех наций, и даже говорят, будто между ними бывали англичане и португальцы.

Бедный поэтический Шива, несчастная Бавани! Какую гнусную роль изобрело для них народное невежество, олицетворив эти глубоко философские, полные поэзии и познания природы, типы! Шива, в своём первобытном значении – в одно и то же время всесокрушающая и всевозмещающая сила природы. Триада индусов – аллегорическое представление главных стихий: огня, земли и воды. Все трое: Брама, Вишну и Шива, в своих различных фазисах, попеременно изображают эти стихии; но Шива бог огня гораздо более, чем Вишну: он сожигает и вместе с тем очищает, возрождая, как феникс из пепла, новые, полные свежей жизни формы. Шива-*Сункарен* разрушитель и Шива-*Ракшака* – возродитель. Он представляется с пламенем на левой ладони и с жезлом умерщвления и вместе воскрешения (*Сулайютхам*) в правой руке. Его поклонники носят на лбу, между бровями, его знак: три параллельные, горизонтально проведённые линии, и рисуют его распущенною в воде *золой* (остатки перегоревших в огне веществ), называемою у них *вибутхи* (очищенное вещество). Цвет кожи Шивы жёлто-розовый, переходящий в пламеннокрасный, а его шея, голова и руки обвиты змеями – эмблемами вечности и постоянного возрождения. "Как змея вылезает из старой кожи и является в

1 *Дети Вдовы* – масоны; самоназвание Братства вольных каменщиков, происходящее от слов из I Книги Царств: «…Сын одной вдовы из колена Неффалимова…», относящихся к Мастеру Хираму, строителю первого Иерусалимского храма. – Прим. ред.

новой, так и человек, умирая, появляется в другом, более чистом теле", – говорят *Пураны*... В свою очередь, жена, Кали, – аллегорическое представление земли Шивы, оплодотворяемой пламенем солнца... Если поклонники её позволили убедить себя в том, что она должна любить человеческие жертвы, то это только потому, что земля любит-де органическую тлень, удобряющую её и помогающую ей возрождать из старого, отжившего пепла новые и свежие силы. Шиваиты, сожигая своих покойников, ставят у головы костра Шиву; но, собрав пепел и рассыпая оный по воде и земле, они призывают увенчанную черепами Кали, дабы богиня приняла в недра свои очищенный священным огнём пепел и развила в нём новые зародыши жизни. Но какой истины не исказит под конец грубое суеверие невежества! И вот таким-то образом извращенная эмблема попала в руки разбойников-тёгов. Но, по их понятиям, богиня, требуя человеческих жертв, в то же время ненавидит кровь: они решили убивать – не пачкая рук.

Мы посетили одного древнего старика, бывшего тёга. Отбыв свой срок на Андаманской каторге, он вследствие искренних сознаний и каких-то услуг правительству был прощён. Вернувшись в родную деревню, он теперь безмятежно кончает дни, занимаясь веревочным мастерством, – профессия, выбранная им, вероятно, в силу приятных воспоминаний об удальстве юности. Он посвятил нас в искусство "тёгизма", сперва в теории, а затем любезно предложил, если мы купим ему барана, показать нам свою ловкость и на практике. Он желал доказать нам, говорил он, как легко, менее чем в три секунды, отправить на тот свет живое существо: вся тайна искусства заключается в ловкой и быстрой игре суставами пальцев правой руки. Чуть, бывало, раздастся условный и роковой крик совы (птица, посвящённая Бавани-Кали), будь там хоть двадцать ловко заманенных в западню путников – за каждым из них стоял уже таг. Одна секунда, и *румаль* уже на шее жертвы, а привычные железные пальцы тага крепко держат оба конца "священного платка"; еще мгновение – суставы пальцев, сдавливая шейную кость, совершали известный артистический поворот – и жертва падала

бездыханной! Ни стона, ни крика… Тёги поражали с быстротой молнии. Задушенного тотчас же уносили в заранее приготовленную в лесу, часто под руслом ручьёв или временно высыхающих рек, глубокую яму и зарывали её. След так и простывал. А тридцать лет тому назад, когда ещё не было ни настоящих железных дорог, ни системы управления нынешней, кто знал или беспокоился об исчезновении отправившегося в путь мусульманина, либо индуса, кроме разве самых близких к нему людей? К тому же, страна наполнена тиграми, как видно, предназначенными судьбой отвечать за свои и за чужие грехи. Кто бы ни исчез, бывало, все один ответ: "тигры съели!.."

То была удивительно искусно организованная система! Ловкие сообщники, браманы, рыскали по всей Индии, заезжая преимущественно в большие города, расспрашивая и разузнавая на базарах – этих общественных клубах азиатских народов – когда и куда кто отправляется в путь; стращали путников тёгами и советовали ехать с такой или другой партией – переодетых тёгов, конечно. Успев заманить несчастных, они предупреждали разбойников и получали за эту комиссию смотря по заработку. Долго эти неуловимые, невидимые шайки, рассеянные по всей стране и работающие партиями от 10 до 60 человек, гуляли на воле, но, наконец, попались. Следствие открыло ужасные, отвратительные тайны: к этим шайкам принадлежали богатые банкиры, браманы-жрецы, мелкопоместные раджи и даже несколько английских на государственной службе чиновников. За эту услугу Ост-Индская кампания воистину заслуживает народной благодарности в Индии.

Барана мы старому разбойнику не купили, а денег ему дали. Из благодарности он предложил было полковнику показать, на собственной его американской шее, все прелиминарные[1] ощущения *румаля*, обещая, конечно, избавить его от последней, знаменитой "подвёртки". Но наш президент великодушно отказался…

На обратном пути мы остановились возле "Муддун-Махала" – другого беспричинного курьёза: это дом,

1 Предварительные (англ. Preliminary). – Прим. ред.

построенный неизвестно кем и для чего, на огромном округлённом валуне. Этот камень (должно быть сродни *кромлехам* кельтских друидов) при малейшем к нему прикосновении *качается во все стороны*, вместе с домом и теми, кто в него полюбопытствует залезть. Мы, конечно, полюбопытствовали, и только благодаря бдительности ходивших за нами, как нежные няньки, Нараяна, бабу да такура сохранили в целости наши носы…

Удивительный народ эти туземцы! Не думаю, чтобы нашлась в природе такая штука, на которой бы они не могли усидеть с величайшим комфортом, только предварительно и слегка побалансировав. Вспрыгнет индус на колышек, на железную перекладину немногим толще телеграфной проволоки, подогнёт под неё все десять пальцев цепких и длинных, как у обезьян, ног, присядет на корточки, да и сидит себе по целым часам…

– Салам, сааб! – говорю я раз сидевшему наподобие вороны на какой-то жёрдочке, у взморья, почтенному нагому старичку. – что, покойно тебе сидеть, дяденька?.. И не боишься свалиться?..

– Затем валиться?.. – серьёзно отвечал "дяденька", сплюнув в сторону кровавый фонтан разжёванного бетеля. – Ведь я не дышу, мэм сааб…

– Как не дышишь? Да разве может человек не дышать? – вопрошала я, немного ошеломлённая таким сведением.

– Нет… не дышу теперь. А вот минуть через пять, как стану снова набирать воздух в лёгкие, так тогда и попридержусь рукой за столб… А затем я снова стану сидеть спокойно и не дыша…

На этом необычайном физиологическом заявлении мы с ним тогда и расстались. Ничего не добились мы более от почтенного старины, а только ушли с внутренним убеждением, что он мог бы зарабатывать большие деньги на любом театре Европы, как акробат. Но этот случай разом перепутал все наши "научные" соображения.

Мы недавно слышали, что *йоги* и другие практиканты *гупта-видьи* (тайной священной науки) в Индии славятся тем,

что открыли секрет не дышать от 21 до 43 минут сряду и – всё-таки не умирать! Некоторые из них, годами ежедневной, постоянной практики, приобретают, так сказать, свойство *гибернизации*: впадают, как некоторые животные, в спячку и, оставаясь в таком положении без дыхания и даже малейших признаков жизни, позволяют зарывать себя в землю на несколько недель, даже месяцев, а затем – оживают!.. Мы, наконец, сами увидали подобную штуку; но в дни курьёзного ответа, полученного мною от старика, мы были знакомы с этим явлением только по книгам и рассказам очевидцев-путешественников, да некоторых из наших туземных знакомых. Правда, по показанию одного английского хирурга Котопа (*Coathope*), долго не верившего этой способности прекращать на время дыхание, но наконец сдавшегося, как он выражается, "пред фактом", один такой, лично ему известный, *йог* мог оставаться без дыхания от семи до двенадцати минут. А ведь физиология положительно учит, что даже у здоровых арабских и сингалезских водолазов удушение наступает не позднее как через полторы, много две минуты полного пребывания тела под водой. Затем, хотя некоторые из нас верили в существование природных, но затаённых в человеке сил, вызываемых только вследствие особенного "режима", о которых наука, имевшая доселе чрезвычайно поверхностное знакомство с *йогами* и индийскими "заклинателями", знать ещё не могла, другие, как мисс Б***, верили в спиритизм, а третьи, как У***, не верили ни во что, – но все мы, как верующие, так и неверующие протестовали против такого странного заявления. Неужели же нам верить в подобные глупости? рассуждали мы. До сих пор мы наивно воображали, что только один осётр с К° догадался, с целью удобнейшего выплывания на поверхность воды, делаться относительно легче, наглатываясь сколько возможно более воздуха и наполняя им не только брюхо, но вдобавок и плавательный пузырь. Осетру это возможно, но человеку!.. Да если, положим, и для человека существует в исключительных случаях такая возможность делать воздушные запасы, то всё же это редко и трудно приобретаемый дар: употреблять же его для сидения на

жердях по-птичьи – просто ни с чем несообразная глупость!.. Мы решили, что старец прихвастнул, чтобы посмеяться над "белыми саабами". Но необходимый процесс для такого оригинального сидения, как мы узнали позднее, он описал верно.

В те дни, однако, мы даже немного обижались подобными объяснениями, принимая их за насмешку. Но вот опять, и на этот раз в Джабельпуре, нам пришлось увидать явление ещё "почище". Проходя по берегу реки, вдоль так называемой "факирской аллеи", такур нам предложил завернуть во двор пагоды. Это место священно, и европейцев туда не пускают; как и мусульман. Но Гулаб-Синг поговорил с главным браманом, и мы вошли. Двор был полон поклонников и аскетов, и между прочими мы заметили трёх совершенно голых и весьма древних факиров. Чёрные, сморщенные, худые, как скелеты, с седыми, как лунь, шиньонами на головах, они сидели или, скорее, стояли в самых, как нам показалось, *невозможных* позах. Один из них, опираясь *буквально одною правою ладонью в землю*, стоял, перпендикулярно вытянувшись, головой вниз и ногами вверх: тело его было так же неподвижно, как если бы вместо живого человека он был сухим древесным сучком. Голова не касалась земли, но, приподымаясь немного вверх в самом ненормальном положении, закатывая глаза, таращила их прямо на солнце. Не знаю, правду ли или нет говорили словоохотливые, подошедшие к нашей компании городские обыватели, уверявшие, будто этот аскет проводит в подобной позе все дни жизни своей от полудня до солнечного заката. Но знаю одно: мы провели с факирами ровно *час и двадцать минут*, и во всё это время факир не пошевельнул ни одним мускулом!..

Другой стоял на одной ноге на круглом, вершка в три [13,34 см] в диаметре, камешке, называемом ими "священным камнем Шивы", поджав другую ногу под животом и выгнув всё тело назад дугой; он также таращил глаза на полуденное солнце. Обе руки были сложены ладонями вместе и воздевались как бы в молитве... Он казался приклеенным к

своему камешку. Почти невозможно было вообразить себе, каким способом человек мог дойти до такой эквилибристики…

Наконец, третий сидел поджав под себя ноги; но как он *мог* сидеть – было столь же непонятно. Седалищем ему служил каменный *лингам*, вышиной с уличную тумбу, но толщиной не более окружности камешка Шивы, то есть вершка в три [13,34 см], много четыре [17,78 см] в диаметре. Руки сидевшего были переплетены пальцами за шеей, а ногти глубоко вросли в верхние части рук.

– Этот никогда не изменяет позы, – говорили нам. – Он сидит в этом положении уже лет семь…

– Но как же он ест? – спрашивали мы в недоумении. Ему приносили есть – или, скорее, пить – молока, раз в 48 часов, из пагоды, вливая ему в горло посредством бамбука. Его ученики (всякий такой аскет имеет своих добровольных слуг, кандидатов на святость) снимают его в полночь и полощут в танке; а обмыв, *ставят* назад на тумбу, как неодушевлённую вещь, ибо он более не разгибается.

– Ну, а эти? – спрашивали мы, указывая на двух других. – Ведь они должны постоянно падать? Малейший толчок должен опрокинуть их?..

– Попробуйте… – посоветовал нам такур; – пока человек находится в состоянии *саммади* (религиозный транс), его можно разбить, разломать на куски, как глиняного идола, но сдвинуть с места его нельзя…

Дотрагиваться до аскета во время транса считается индусами за святотатство; но, видно, такур был хорошо знаком с исключениями "не в пример прочим". Он опять вступил в переговоры с нахмуренным, сопровождавшим нас браманом и, окончив быстрое совещание, объявил, что из нас никому не дозволяется трогать факира, но что он получил позволение, и покажет нам то, что ещё более удивит нас. С этими словами, приблизясь к факиру на камешке и осторожно взяв его за костлявые бёдра обеими руками, он приподнял его и поставил на землю немного в стороне. В теле аскета не пошевелился ни один сустав, словно вместо живого человека то была бронзовая или каменная статуя. Затем он поднял камешек и показал нам

его, прося однако же не дотрагиваться – дабы не оскорбить присутствующих. Камень был, как уже сказано, круглый, плосковатый и довольно неровный. Лёжа на земле, он раскачивался при одном прикосновении пальца…

– Вы видите, насколько не солиден этот избранный факиром пьедестал? И, однако же, под тяжестью аскета камень остаётся неподвижным, как бы врастая в землю.

И, взяв снова факира на руки, он переставил его на прежнее место. Тот, несмотря на закон тяготения, которое по всей очевидности должно было увлечь его далеко перегибающееся назад дугой туловище и голову, как будто мгновенно и вместе с камнем прирос к земле, не изменив положения ни на одну линию. Как это они умудряются достигать такого искусства, про то знают лишь они одни. Я заявляю факт, а объяснять ничего не берусь.

У ворот пагоды мы снова надели нашу обувь, которую нам велели снять у входа, и вышли из этого *святилища* вековых тайн, смущённые более, чем до входа, в него. В "Аллее факиров" мы нашли ожидающих нас Нараяна, Мульджи и Бабу, которых не впустили с нами. Все трое давно вырвались из железных когтей касты и отрыто ели и пили с нами, за каковое преступление их и считали "отлучёнными", презирая гораздо более нежели самих европейцев. Их присутствие в пагоде осквернило бы навсегда её святость, тогда как осквернение внесённое нами было лишь временное: оно испарялось как капля грязной воды под лучом солнца, в смраде зажжённого по выходе нашем коровьего навоза – этого обычного у браманов "фимиама очищения".

Индия страна неожиданностей; даже для обыкновенного наблюдателя все в ней с точки зрения европейца происходить шиворот на выворот: от мотанья головой, которое всюду понимается как жест *отрицания*, а здесь означает полное *утверждение*, до обязанности хозяина выпроваживать самого приятного гостя, который иначе просидит целую неделю на своём месте и, пожалуй, даже умрёт с голоду, но не уйдёт без приглашения, – всё здесь противоречит нашим западным идеям. Спрашивать, например, о здоровье жены, даже если она

и знакома с вами, или сколько у человека детей, и есть ли у него сестры, – верх оскорбления. Здесь, когда вы находите, что гостю время уходить, вы кропите его розовою водой и, повесив ему на шею гирлянду цветов, любезно указываете на дверь, приговаривая: "Теперь я прощаюсь с вами… Заходите опять!" Странный, оригинальный народ вообще; но ещё страннее и непонятнее их религия… За исключением некоторых отвратительных обрядов известных сект, да злоупотреблений со стороны браманов, религия индусов, должно быть, имеет в себе нечто глубоко и непонятно привлекательное, если она способна совращать с пути истины даже англичан. Вот что, например, случилось здесь несколько лет тому назад.

Появилась одна интересная и чрезвычайно учёная, хотя по содержанию своему переворачивающая вверх дном всю современную науку, брошюра. Она была написана по-английски и напечатана в небольшом издании полковым доктором медицины и хирургии Н. С. Полем в Бенаресе. Слава Поля, как учёного специалиста по физиологии, была велика между его соотечественниками англичанами: он одно время считался авторитетом в медицинском мире. Брошюра трактовала о виденных доктором между аскетами примерах "спячки", продолжавшейся в одном случае восемь месяцев, о *саммади* и других явлениях, производимых *йогами*. Появившись под заглавием "Трактат о философии *йог-видьи*", эта брошюра разом взбудоражила представителей европейской медицины в Индии и возбудила яростную полемику между англо-индийскими и туземными журналистами. Д-р Поль провёл 35 лет в изучении невероятных, но для него совершенно несомненных фактов "йогизма". До *радж-йогов* он никогда не мог добраться, и с большим прямодушием и видимым сожалением сознается в этом; но он вошёл в дружбу с факирами и *светскими* йогами, то есть теми, которые не скрывают своего сана и иной раз соглашаются сделать и европейца свидетелем некоторых феноменов. Д-р Поль не только описал самые странные совершавшиеся на его глазах факты, но даже и объяснил их. *Левитация*, например, нечто идущее совершенно в разрез с признанными законами тяготения и против чего так

восставал астроном Бабине, объясняется им научно. Но главное, что помогло ему проникнуть в некоторые, считавшиеся доселе непроницаемыми, тайны, это его горячая дружба с капитаном Сеймуром. Последний, лет 25 тому назад, произвёл и Индии, особенно в армии, беспримерный скандал: капитан Сеймур, богатый и образованный человек, принял брахманскую веру и пошёл в *йоги*! Его, конечно, объявили сумасшедшим и, поймав, насильно отправили в Англию. Сеймур бежал из Англии и снова явился в Индии, в одежде *санньязи*. Его схватили во второй раз, посадили на пароход, привезли в Лондон и заперли в доме умалишённых. Чрез три дня, несмотря на запоры и часовых, он исчез из заведения. Его потом снова встретили знакомые в Бенаресе, а губернатор получил от него письмо из Гималайских гор. В письме он объявлял, что никогда не был сумасшедшим, невзирая на то, что был посажен в больницу; он советовал генералу не мешаться более в его частные дела и говорил, что никогда уже не вернётся в цивилизованное общество. "Я *йог* (писал он) и надеюсь умереть не ранее, как достигнув цели моей жизни: сделаться *радж-йогом*". Генерал не понял, но махнул рукой. С тех пор никто из европейцев уже не видал его, никто, кроме д-ра Поля, который, говорят, переписывался с ним до самой своей смерти и даже два раза ездил в Гималаи – *ботанизировать*. Главный инспектор медицинского департамента, взирая на сочинение Поля как "на прямую пощёчину науке в лице физиологии и патологии", приказал скупить по дорогой цене от частных лиц все вышедшие экземпляры и принести их в жертву этой науке, предав публичному сожжению. Брошюра вследствие этого стала редкостью. Из нескольких спасённых книг одна находится в библиотеке махараджи Бенаресского, а один экземпляр такур подарил мне.

Поезд в Аллахабад отправлялся в 8 часов вечера, и нам приходилось провести всю ночь и до 6 часов утра в дороге. Хотя у нас был свой десятиместный вагон I класса, в котором не было места для посторонних лиц, однако, по разным причинам, я была уверена, что не усну во всю ночь. Поэтому, заранее запасшись свечами для ручного фонаря, я приготовлялась

преступить железнодорожный закон и читать всю ночь интересовавшую меня брошюру д-ра Поля. Часа за полтора до отъезда мы отправились все гуртом отобедать за общим столом в *Refreshment Rooms*, то есть в буфет дебаркадера. Наше появление произвело видимое впечатление: мы занимали с четырьмя индусами весь край стола, за которым находилось человек пятьдесят первоклассных пассажиров, таращивших на нас удивлённые, полные нескрываемого презрения, глаза. Европейцы, братающиеся с индусами!.. Индусы, обедающие с европейцами!.. Сдержанный шёпот стал переходить в громкие восклицания, и одна важная леди даже не вытерпела: встала из-за стола и ушла. Если бы не внушительное присутствие, несомненно, родного типа: англичан У*** да мисс Б***, и полковника, которого все принимали за английского офицера, наверно случился бы скандал. К такуру подошли два англичанина и, пожав ему руку – тоже редкостное происшествие – отвели его в сторону как будто для дела, но в сущности для удовлетворения любопытства: они оказались его старыми знакомыми. На других индусов никто не обратил ни малейшего внимания. Здесь мы узнали в первый раз, что за нами следит полиция. Такур, указав на розового, с длинными белокурыми усами капитана в белом кителе, быстро шепнул мне: "остерегайтесь"... То был агент тайной полиции из политического департамента, посланный вслед за нами из Бомбея. Услыхав это приятное для нас известие, полковник расхохотался на всю залу, что ещё более взволновало кушавших альбионцев. Мы узнали позднее, что все слуги отеля *обязаны* шпионить. Но в Индии обычай – водить за собой всюду собственных слуг, даже на званые обеды: поэтому и за нашими стульями торчало по одному индусу, а за такуром находились его четыре щитоносца и двое слуг. Неприятель был таким образом совершенно отрезан этою армией голоногих защитников, и отельным шпионам оставалось мало шансов подслушать наши разговоры; да нам к тому же и нечего было скрывать. Но, признаюсь, на меня это известие подействовало очень скверно. Наконец, этот неприятный обед кончился. Устроившись на ночь в вагоне, я принялась за свою брошюру...

Между прочими интересными вещами, д-р Поль обстоятельно и весьма научно объясняет тайну периодически прекращаемого *йогами* дыхания и некоторых других, по-видимому, совершенно невозможных феноменов, которые он наблюдал неоднократно собственными глазами. Его теория "дыхания" вкратце следующая:

Йоги открыли тайну и приобрели способность хамелеона присваивать себе поочерёдно все видимые или кажущиеся условия полноты и худобы. Это животное, как известно, наполнив лёгкие воздухом, то является весьма толстым, то вдруг, освободясь от наполняющего его воздуха, чрезвычайно тщедушным. Многие из пресмыкающихся получают этим же способом надувания тела возможность, по мере являющейся надобности, переплывать большие реки, а посредством остающегося, по окислении крови, излишка воздуха, приобретают чрезмерную живость вообще как на суше, так и на воде. Способность запасаться большим количеством воздуха, нежели то необходимо, есть характеристическая черта всех животных, подвергающихся *гибернизации* или *спячке*. Древние индусы-философы, подметив эту способность, воспользовались ею и усовершенствовали её. Приём, употребляемый *йогами*, известный под именем *баштрика кумбхарка*, состоит в следующем:

Йоги, желающие приобресть этот дар, удаляются в подземные пещеры, где атмосфера однобразнее и влажнее, нежели на земной поверхности, и где поэтому и позыв на пищу гораздо слабее. Аппетит человека пропорционален количеству углекислоты, выдыхаемой в известный промежуток времени. Поэтому *йоги* никогда не употребляют соли, а живут одним молоком, питаясь им раз в сутки по ночам, а дни проводя в полукаталептическом состоянии. Двигаются они весьма медленно, дабы как можно реже дышать: движение увеличивает количество выдыхаемой углекислоты; и вот философия *йогов* предписывает им *избегать движения*.

Количество выдыхаемой углекислоты увеличивается при громком и оживлённом разговоре и уменьшается при тихом: *йога* учат говорить медленно и тихо, и часто заставляют давать обет молчания. При *физическом* труде количество углекислого

газа также возрастает, а при *умственном* оно убывает: поэтому *йог* проводит жизнь в созерцании и размышлении. *Йоги* практикуют два рода методов: *падмазанна* и *сиддхазанна*, для возможно более редкого дыхания. Вот что говорит "Шика-Дэви"[1]:

> "*Скрести обе ноги; выпрями крепко спину и шею, положи ладони на колени, зажми рот и начни сильно выдыхать воздух чрез обе ноздри. Затем вдыхай и выдыхай с возможною быстротой, пока не почувствуешь дурноты: тогда начни вдыхать в себя воздух чрез правую ноздрю и, наполнив оным лёгкие, тотчас же останови дыхание и старайся смотреть на кончик носа. Затем выдыхай воздух чрез левую ноздрю, после этого вдыхай снова чрез правую. Останови опять дыхание; прекратив его, начинай снова весь процесс чрез правую ноздрю*", и проч.

"Получив дар практиковать вышеупомянутые созерцательные позиции в продолжение двух часов кряду", говорит Поль, "йоги начинают практиковать *пранаяму* – степень самопроизвольного столбняка (transe), характеризуемого обильною испариной, дрожанием всех членов и чувством необычайной лёгкости во всём организме. Затем йоги практикуют *пратнахару* – степень самопроизвольного транса, в коем происходит полное бездействие (suspension) всех пяти чувств. За этой степенью йоги изучают процесс *дхараны* – степень произвольного столбняка, в котором не только их физические чувства, но даже и все умственные способности замирают: человек погружается в полную каталепсию ума и тела. Этот столь обильный физическим страданием и требующий самой твёрдой решимости приём доводит йогов до *дхианы* – состояния "полного невыразимого блаженства". По их словам, они плавают в океане вечного света или электричества аказы (*Ананта Джиоти*, на который они и указывают как на "Душу Вселенной"). В состоянии *дхианы йог* делается ясновидящим.

1 Известный йог и чудодей II столетия до Р. Х.

Дхиана йогов – то же, что *турия-авастха* ведантистов, к которым принадлежат *радж-йоги*.

"*Самадди* – последняя степень (продолжает Поль). В этом состоянии йог, подобно летучей мыши, ежу, сурку приобретает дар переносить отсутствие атмосферического воздуха и лишение пищи и воды. Я лично наблюдал, в продолжение 25 лет, три случая самадхи: первый случай в Калькутте, второй в Джессельмире, а третий в Пенджабе. Все три йога погрузились в состояние кажущейся смерти, герметически затыкая языком своим горловое отверстие. Каким образом Пенджабский факир (о котором пишет д-р Мак-Грегор, ручаясь за достоверность случая, коего он был сам очевидцем) мог прожить без пищи 40 дней и ночей, зарытый в стеклянном ящике в землю, это удивляло много учёных людей в Европе; но я видел случаи ещё страннее. На основании *лагимы* и *гаримы* (запаса воздуха в лёгких, на манер хамелеона), один мадрасский браман в моём присутствии держался на воздухе пять раз от 4 ? до 12 минут... Но всё это лишь физические феномены, производимые *хатти-йогами*. Каждый из них подлежит исследованию естественных или физических наук, и всегда интересовал меня гораздо менее феноменов из области психологии. И со всем этим мне в этом отношении не посчастливилось в Индии. Из числа трёх встреченных мною в течение 35-летней моей карьеры в Индии *радж-йогов* ни один не решился открыть мне малейшей из приписываемых им великих тайн природы, невзирая на их ко мне расположение. Один напрямик отказался от приписываемого ему могущества; другой откровенно сознался, что обладает таким могуществом и даже не раз доказывал мне оное на деле, но отказался ото всякого по этому поводу объяснения. Наконец, третий согласился кое-что объяснить мне, если я ему поклянусь никогда и никому не объявлять того, что от него узнаю, даже и на смертном одре. Так как в этом случае моей единственной целью было желание просветить погрязший в невежестве и атеизме мир, то, признаюсь, я отказался. А дар *радж-йогов* несравненно интереснее и в тысячу раз важнее для мира, нежели феномены *хатти-йогов*. Этот дар чисто психический: *радж-йоги* к знанию *хатти-йогов*

присоединяют всю шкалу умственных феноменов. Приписываемые им дары, по крайней мере в священных книгах, следующие: 1) дар пророчества и предвидения грядущих событий; 2) понимание всех незнакомых им языков; 3) целение недугов; 4) искусство читать чужие мысли; 5) слышать разговоры и всё происходящее за несколько тысяч миль; 6) понимание языка зверей и птиц; 7) *прокамия* – способность останавливать руку времени, сохраняя юношескую наружность в продолжение долгого, почти невероятного периода времени; 8) способность оставлять собственное тело и переходить в другое; 9) *вазитва* – дар укрощать и даже убивать самых диких зверей *одним взглядом*; и наконец, самое ужасное – месмерическая сила, вполне подчиняющая себе людей и одним действием воли заставляющая их бессознательно повиноваться невыраженным приказаниям йогов".

Несколько из упомянутых феноменов Поль видел и убедился в их объективной реальности; действительности же других, – "видев так много столь же непонятного", по его словам, если не верит, то и не отрицает. Но за что он вполне ручается, это за то, что *йог* может по желанию прекращать и задерживать дыхание до 43 минут и 12 секунд…

О наука!.. Неужели и ты, как всё прочее, одна суета сует? Физиология, в виде д-ра Лефевра и цитирующего его другого доктора медицины, члена Королевского Общества и вдобавок вице-президента Королевского Общества Медиков, учёного Суэна Тейлора, уверяет нас, что "ещё ни один живой водолаз, кто бы он ни был, не выдерживал полного затопления тела более *двух минут сряду*". А сам автор добавляет, что пока человек не рыба, совершенно немыслимо, чтоб он мог выдержать в воде даже *полминутою долее*.[1]

Стало быть, рассуждать нечего: наука решила, и не нам легковерным профанам противоречить ей. Но несомненно, что в Европе ровно ничего ещё не знают ни о приёмах йогов, ни о средствах, употребляемых с самых древних времён философами Индии для постепенного, так сказать, "перерождения" всего

1 *The Principles and Practices of medical jurisprudence* by A. Suaine Taylor, M. D. F. R. S. etc. Vol II, 1873, p. 5.

человеческого организма. Стало быть, в этом по крайней мере случае, всё, что наши учёные физиологи имеют право заявить, ограничивается приблизительно следующим: "Явления жизни, которые мы изучали, исследуя их под *известными* нам, так называемыми нормальными и ненормальными условиями, мы изучили хорошо и вполне ручаемся за правильность наших выводов...". Однако почему бы, кажется, им тут же не прибавить: "Но, не имея претензии уверять мир в нашем полном знакомстве со всеми неизвестными, как и известными силами природы, существующими или же могущими развиться при неизвестных ещё нам условиях, мы не имеем поэтому и права преграждать кому-либо стремления к более смелым исследованиям в области, до которой мы сами по великой нашей осторожности (а подчас и нравственной трусости) ещё не дошли, стремления к открытию высших, хотя и редких явлений в человеческой природе. Не осмеливаясь утверждать, будто человеческий организм совершенно неспособен к развитию в нём трансцендентальных способностей, проявляющихся лишь при особенных, часто и неизвестных ещё науке условиях, мы не желаем и ограничивать наших исследователей одними нашими научными открытиями..."

Произнося столь благородную и вместе скромную речь, г-да физиологи (не исключая и нашего зубастого д-ра Карпентера) разом заслужили бы благодарность потомства. Их учёные коллеги, не опасаясь более прослыть (невзирая на все предшествующие великие их заслуги в науке) за невменяемых, впавших в детство, легковерных субъектов, принялись бы исследовать все таковые явления серьёзно и беспристрастно, а не "под шумок", как это делается теперь иными, из боязни, чтоб их не накрыли на месте преступления. Все феномены "спиритизма" перешли бы тогда из области материализующихся "тёщей" и "бабушек", до бабьего гадания, в область чисто психо-физиологических наук, и пресловутые "духи", по всей вероятности, испарились бы. Нетленный же и, уж конечно, "не от мира сего" дух стал бы и более доступным и более понятным человечеству. Оно лишь тогда уяснило бы себе гармонию целого, усмотрев, как тесно, неразрывно связан мир видимый с

миром невидимым. Но, как весьма глубоко выразился один из уважаемых русских учёных, профессор Бутлеров:

> "всё это подлежит знанию, увеличение же массы знания может только обогащать, а не упразднять науку. Нужно, чтоб это совершилось в силу строгого наблюдения, изучения, проверки опытом, чтобы пришли к нему руководясь *положительным научным методом*, так же как приходят к признанию каждого явления природы. Мы зовём не к слепому вероятию, по примеру давно прошедших лет, а к знанию; не к отречению от науки, а к расширению её области…"

Тогда и Геккель с эволюционистами, и Альфред Россель Уоллес со спиритуалистами, оба изъявили бы полное удовольствие. Ибо что же в самом деле мешает человеку иметь два принципа в своём начале: один чисто-духовный, другой чисто-животный принцип? Право, не подобает даже и вам, великие учёные, стараться остановить "влияние Плеяд", предлагая себе в путеводители хотя бы даже "*Актурию* с сыновьями". Неужели никогда не случалось вам применить к вашей собственной умственной гордости вопросы, некогда предлагавшиеся "голосом из вихря" многострадальному Иову? Хотя вы и умудрились поймать *левиафана* в пучине морской, продёрнув ему крючок в нос, но всё же, говоря словами книги Иова, "разве вы присутствовали при построении основ мира сего, и отверзались ли когда пред вами врата смерти"[1], чтобы так уверенно утверждать, что *здесь*, а не *там*… "обитель вечного света"?..

– Аллахабад!.. Алла-ха-бад!.. – раздался крик кондукторов. Было шесть часов утра, когда наш поезд, шипя и раскачиваясь, с грохотом подошёл к великолепному дебаркадеру Ост-Индской железной дороги, и разом рассеял мои думы. Все мои спутники проснулись и засуетились, все, кроме такура, который имел обыкновение исчезать на станциях, словно проваливаться сквозь землю. Но мы уже свыклись с его оригинальными выходками и даже не осведомились о нем. На станции нас

1 Иов. 38, 4, 17. – Прим. ред.

ожидал профессор санскритского языка – пандит Сёндер-Лалл-Баттачарья, в дом коего мы все и были приглашены. Красивый, дородный мужчина, с мускулистыми голыми ногами, гордо драпирующийся в красную расшитую золотом кашемировую шаль и с ярким *пёггери* на длинных чёрных волосах, – таков был наш хозяин. Здесь тип совершенно изменяется. Не видать более бритых махратских голов, увенчанных шлемообразными тюрбанами. Длинные волосы, чёрные бороды и дорогие шали, накинутые наподобие римских тог, да шарфы на головах безо всякой определённой формы бенаресских пандитов перемешивались с чёрными кафтанами *a la François I*[1] простоволосых бабу и белыми шапочками северных индусов. На дебаркадере сновал капитан-шпион, принимавший нас в свою очередь за *русских* шпионов и воображавший, вероятно, что, надев синие очки, он стал неузнаваем. Но мы не обратили на него внимания и тотчас же уехали в приготовленных колясках домой.

В самом центре туземного или "чёрного"[2] Аллахабада, среди лабиринта улиц, переулков и садов, находится дом пандита Сёндер-Лалла-Баттачарьи, куда он нас всех и пригласил. Было всего восемь часов утра. Дом исчезал в роскошной зелени густых тиковых деревьев, и луч солнца, казалось, никогда не добирался до внутренних обширных и тёмных комнат. Со всем этим нам разом стало невыносимо жарко. В начале апреля, до полудня, стояла 120-градусная (по Фаренгейту [49° С]) жара в тени! Зной в Северо-Западных провинциях, как и в Раджистане, совершенно отличен от жары бомбейской: в центральной Индии пот льётся градом с человека, в этой влажной горячей атмосфере чувствуешь себя словно в русской бане; но в Аллахабаде испарины не бывает, и этот город кажется созданным самою природой для всемирной сушильни, начиная от мумиеподобных аскетов, усеивающих берега Ганги и Джумны, и кончая саженным, испепеляющимся при малейшем прикосновении руки ковылём. Там восемь месяцев в году стоит

1 В стиле Франциска I (фр.). Франциск I (1494–1547) – король Франции с 1515 г. – Прим. ред.

2 Все города Индии, где только живут англичане, делятся на *чёрный* и на *белый* город. В последнем индусам жить не дозволяется.

сухой, как бы огненный жар, сожигающий вам все внутренности, обжигающий с каждым вдыханием горло, иссушающий человека, как палящий ветер пустыни, до мозга костей его; во время такой жары остаётся лишь сидеть, не шевелясь, и избегать всякого движения. Все двери и окна на веранде и самые веранды заставлены ставнями из сильно пахучей травы *кёс-кёсса*, обильно поливаемыми снаружи каждые пять или десять минут водой. Комнаты затемнены до захода солнца, и заниматься чем-либо днём немыслимо европейцу[1] . Тотчас по приезде мы уселись на коврах и, полулежа на мягких подушках из пальмового листа, боялись пошевелиться. Минутами ветерок, прорываясь сквозь мокрую ткань кёскёса, веял нам в лицо ароматической прохладой, а панки[2], раскачиваясь безостановочно над нашими головами, рассекали душный воздух, дозволяя нам хоть минутами вдыхать вместо раскалённой атмосферы глотки искусственного воздуха…

1 До такой степени проникнуты англичане мёртвою буквой формалистики своих национальных вековых обычаев, что с самых первых времён своего устройства в Индии до 1869 года они даже и не подумали, сообразуясь с климатическими условиями, приноровить к последним хотя внешнюю обстановку судопроизводства: судьи и адвокаты принуждены были сидеть в этой палящей атмосфере в огромных напудренных париках! Наконец , однажды летом 1869 года главный судья в Аллахабаде, чувствуя что с ним делается обморок, порывисто сбросил с себя парик… В одну секунду все другие парики полетели вслед за судейским. При этом не было произнесено ни слова. Зная, что изменение вековых порядков немыслимо, они, как бы сговорясь, молчали и до сих пор молчат. Закон о париках не отменён; но входя в залу суда, при открытии заседания, все безмолвно снимают парики, и за давностью нововведение делается в свою очередь законом.

2 *Панка* – общий веер. Их устраивают в каждой комнате, особенно в спальнях, иначе можно задохнуться. Это толстые, стёганые на вате полотнища, растянутые во всю ширину комнаты под потолком, иногда в несколько рядов; они приводятся в движение верёвками, продеваемыми сквозь стену на веранду. За стеной сидят день и ночь *панкавалли* (кули), которые сменяются каждые два часа и неустанно раскачивают эти *панки*. Писать невозможно во время их движения: всё летает по комнате, панки производят постоянный ураган в миниатюре и иногда во время испарины сильно простужают.

Мы провели три дня в Аллахабаде. Ровно в три часа ночи мы отправились осматривать город и окрестности, и возвращались к семи часам утра завтракать; затем бросались в общей тёмной зале на ковры, под *панки*, и спали до четырех часов пополудни. Напившись чаю "со льдом", отправлялись снова рыскать, изучая древности и являясь домой только в десятом часу вечера *обедать*. Ночью мы не спали, а садились *дышать* в саду до зари...

Город расположен на юго-восточной окраине *Дёаба* – "земли двух рек", на песчаном, образовавшемся вследствие слияния Ганги и Джумны мысе. Джумна вытекает из группы гор "Джумнатри", из источника, просачивающегося сквозь увенчанные вечными снегами скалы, на высоте 10 849 футов [3 306,78 м] над морем. Здесь, в Аллахабаде, обе реки почти одинаковой ширины, но Ганга глубже и её воды здоровее вод Джумны. Дружно текут они по общему руслу, сливаясь, но не смешиваясь, так что волны последней протягиваются синею лентой по жёлтым водам Ганги. Туземцы зовут это место *Тривени* (три реки), так как там же течёт подземная река Сарасвати – потерянная беглянка, внезапно исчезающая из Сирхиндской пустыни. Оросив корни священного древа, растущего в подземных пещерах (в "Катакомбах Форта"), она внезапно прорывается на свет Божий из-под башни Аллахабадской крепости и, словно пристыжённая таким поведением, быстро утекает в сторону; затем образовав островок, она соединяется со своими двумя сёстрами уже далеко за городом. Легенда в одной из древнейших книг *Пуран*[1], рассказывая биографию реки, уверяет, что то действительно краснеющая от стыда, вследствие собственной неосторожности, Сарасвати, супруга Брамы и "богиня знания и тайных наук". В один прекрасный день она, медленно прогуливаясь в пустыне с книгой в руке, до того углубилась в своё чтение, что и не заметила, как её с шумом и гиком окружила толпа демонов. Устыдясь своей оплошности, богиня тут же погрузилась в

1 *Пурана* значит само по себе "древние" или "старинные". Это собрание самых древних религиозных легенд страны, весьма почитаемое туземцами.

песчаные недра пустыни и, исчезнув с земной поверхности, вынырнула лишь в Праяге (древнее название Аллахабада), где и потекла возле своих более светских сестёр.

"Белый город" (местопребывание европейцев) расположен вдали и в стороне от "Черного" города туземцев. Он состоит из огромных, широких, пересекающих друг друга аллей, с великолепнейшими деревьями, по которым прыгает множество белок. В больших, совершенно закрытых садовыми стенами дворах расположены бёнглоу англичан, похожие скорее на богатые загородные виллы, чем на городские жилища. "Белый город", таким образом, вовсе и не город. За исключением нескольких прекрасных площадей, Аллахабад просто гигантский парк, имеющий 32 мили [51,5 км] в окружности, симметрически усеянный на расстоянии четверти мили [402 м] одна от другой загородными дачами. Здесь чопорная колония британцев, вздыхая по своей туманной родине, старается создать вокруг себя искусственный Лондон. Здесь этикет царствует неумолимым деспотом. Дамы, с утра затянутые в корсет, проводят время, делая друг другу церемонные визиты; два раза в неделю назначена великосветская "пуджа" – официальный приём. Церемониальные обеды между коротко знакомыми называются обедами "запросто"; но на эти дружеские трапезы мужчины являются во фраках и белых галстуках, а дамы в бальных платьях и бриллиантах. И всё это при 120° F [48,89 °C] тепла!.. Обедают в 8 часов, разъезжаются около десяти вечера, так как здесь все встают в 5 часов утра. Жизнь интеллектуальная во всех отношениях... Во время нашего первого визита в Аллахабад никто из нас не счёл нужным оставить свою карточку у здешней богини-патронессы провинции – лэди Купер; поэтому на нашу партию стали взирать ещё с бóльшим подозрением. Кто же кроме "русских шпионов" осмелился бы выказать такое неуважение к представительнице в Северо-Западных провинциях самой императрицы Индийской?..

В первый день мы отправились (получив на то с большим затруднением позволение от начальства) осматривать крепость. Вероятно, опасаясь, чтобы мы не сняли плана

крепости, англичане отправили вслед за нами с полдюжины шпионов: за нами как тени следовали полицейские (мусульмане), а вдали выглядывал наш приятель – белокуро-розовый шпион *en chef*[1] капитан Ленг. Он мог бы и не беспокоиться: пред этими останками древней, некогда величественной Праяги, столицы Индии браманской, затем буддистской и, наконец, мусульманской, – мы всецело углубились в прошлое и совершенно забыли о настоящем…

Праяга-Аллахабад одно из самых древних мест Индии, тесно связанное с её прошлою туманною историей. Здесь риши периода Вед – великие патриархи Индии, вдохновляемые поэзией, – впервые складывали свои брахманские толкования. Одушевляемые ревнивым религиозным усердием, по своим последствиям всегда для потомства опасным, ибо, тщательно оберегая от нескромного ока непонятные невежественным массам философские истины, оно отстраняет от них народ, предоставляя ему довольствоваться собственными умозрениями, – риши эти были первыми сеятелями злокачественных семян язычества в Индии. Скрывая под поэтическою оболочкой аллегорий и эмблем абстрактные, ими одними в беспредельном миросозерцании узреваемые качества Божества, они, в своих стараниях соделать эти отвлечённые качества доступными массам, не профанируя их, превратили вскоре каждый атрибут в отдельного бога и богиню. Вследствие этого народ и "сотворил себе кумиры". И стал он с тех пор прозревать истину во лжи, и один обман – в истине; последняя же осталась всецело в ревнивых руках древнего и учёного духовенства. Так было в древности в Египте, так было в Греции, в Халдее, везде. Недаром Сарасвати, богиня тайных наук природы, глубоко скрывается в своём подземном течении от глаз демонов материализма: она является лишь тем, кто неутомимо и неуклонно преследует её, докапываясь до чистых источников её живой воды; на земле же и пред очами легковерных масс она разъезжает на чванливом павлине, стоглазый хвост коего распущен на солнце, а глаза слепы к сиянию дня… И только первых, жаждущих её учения, она голубит и поит, утоляя

1 В качестве старшего (фр.). – Прим. ред.

палящую жажду своих верных поклонников, успокаивая их вечное стремление к неведомому и для всех прочих недосягаемому. Но увы! прямых наследников ришей Индии и иерофантов древнего Египта мало; а недостойным, якобы "посвящённым", имя – легион.

Предания Раджистана указывают на Праягу как на древнейшую крепость раджпутов. Здесь арийские кшатрии с чисто военным инстинктом соорудили укрепление, которое и упрочило за ними все их последующие завоевания в верхних долинах Джумны и Ганги и в продолжение долгих веков держало в трепете всю нижнюю Бенгалию. Во времена Македонской империи Праяга стояла на этом самом месте, при слиянии двух рек. "Празу – потомки *Пуру* из Пуруяги (Праяги) – принимали посла Селевка, Мегасфена, отправленного заключать договор с Сандрокотом (Sandrocottus)[1], царём Празии, в его *древней* столице", – гласит старинная летопись Джессальмерской княжеской фамилии Яду. Более тысячи лет после этого происшествия, в VI[I] столетии, упоминается историей пир, данный Шиладитьей (*Syladitya*)[2] китайскому путешественнику и набожному буддисту Хвен[у] Тхсангу. В те дни буддизм, изгнавший было всех богов из Индии, уже находился в полном упадке, и вскоре за пиром последовало всеобщее возрождение современного браманизма или, скорее, индуизма. Но с самых дней периода Вед и до вышеупомянутой эпохи, когда благочестивый китайский путешественник оплакивал быстрое падение буддизма, Праяга никогда не переставала быть священнейшим после Бенареса местом Индии, "полем счастия", где медная лепта вдовицы в виде поданной милостыни считалась делом столь же благим, как и принесение в жертву целого *лакка*[3] золотом. Знаменитый обелиск или лаф (lath) царя Азоки, который воздвигнул его за 250 лет до Р. Х., стоит доселе посреди крепости. Там же, шагах в двухстах от него, чернеет

1 Чандрагупта Маурья (в греч. транскрипции Сандрокотт) – первый в истории объединитель Индии, основавший империю Маурьев, правил в 322–298 гг. до н.э. – Прим. ред.

2 Придерживаясь фонетической системы, пишу имена так, как они выговариваются, а не пишутся.

3 Лакк – 100 000 рупий.

вход в подземные пещеры, в одной из коих растёт толстое дерево, скорее, пень, с несколькими высохшими ветвями. "Эти ветви цветут лишь один раз в год, в праздник Вишну", – уверяют индусские авгуры.

Когда мы подъезжали к гласису крепости, нам указали на груду камней. На этом месте стояла некогда знаменитая во всей Индии мечеть *Джама-Мастжид*, выстроенная ещё при шахе Джагане. Насильно отняв её у мусульман, безо всякой к тому причины, англичане обратили её сперва в казармы, потом отдали под лавку маркитанта[1], а по уходе полка совершенно срыли её вследствие каких-то таинственных стратегических соображений. "Самым постыдным, незаслуженным образом мы лишили наших магометанских подданных дорогой им святыни, не предложив им за неё даже и одной рупии вознаграждения", пишет полковник Кин в своём сочинении *Могульская империя*. Аллахабад сделан столицей Северо-Западных провинций лишь по усмирении мятежа 1857 года. Он стал резиденцией властей после того, как их перерезали в Агре.

Далее на север от крепости лежат развалины так называемого старого "белого города". Там 5 июня 1857 года вспыхнул мятеж между сипаями 6-го Бенгальского туземной инфантерии[2] полка. Услыхав крики и дикие угрозы, завтракавшие в то время в общей столовой офицеры выскочили на плац-парад. Из тут же всех перестреляли, кажется, 23 человека. Затем мятежники разграбили полковую казну, ворвались в острог и выпустили из него всех преступников, сожгли все дома в "белом городе" и зарезали около 100 европейцев. Остальные успели спастись в крепость, где 400 человек всегда верных своему слову сикков защищали их против своих же и спасли гарнизон, женщин и детей от верной смерти. Признавая сикков самым храбрым народом Индии (за исключением раджпутов), англичане в благодарность, вероятно, всячески стараются с тех пор обезоружить их, да только не смеют. Они никак не могут

1 *Маркитанты* (ит. mercatante торговец) – мелкие торговцы съестными припасами, напитками и предметами военного обихода, сопровождавшие войска в походах. – Прим. ред.

2 Пехота (фр. infanterie). – Прим. ред.

помириться с идеей, что кто-нибудь честнее их самих и что есть народы, чтущие своё честное слово…

Аллахабадский форт и укреплённый в нём замок построены великим императором Акбаром, около 1575 года нашей эры, на развалинах древнего города буддистских индусов. Как выше сказано, Праяга – древнейшая столица Лунной (или *Самаванзи*) династии кшатрий. От архитектурных красот времён Акбара, от высоких башен величественного купола над ажурной работы галерей, от аркад и расписных стен и балкончиков, виденных и описанных ещё Гебером, от всего того, чем епископ так восхищался едва шестьдесят лет тому назад – ровно ничего не осталось. Рука истинного вандала – англичанина на службе Ост-Индской компании – снесла балконы, залепила, замазала и сравняла мавританскую резьбу на стенах внутренних и наружных, и скрыла всё это под безобразнейшим слоем простой штукатурки. В крепости остался один лишь всё искупающий предмет, простоявшая уже с лишком две тысячи лет колонна Азоки.

Есть колонны величественнее, выше и красивее этой, хотя бы в Египте, но нет ни одной интереснее для археолога и для филолога. Надписи на ней пред терпеливым криптографом и языковедом открываюсь целую панораму древнего, столь мало ещё известного нам мира. По этим надписям мы можем изучать самые задушевные мысли царственных зодчих, следить за постепенным изменением идей и понятий и в продолжение с лишком двадцати веков присутствовать при борьбе народов различных исповеданий, от начала истории сражавшихся брат против брата и заливавших земной шар своею кровью – каждый во имя того, что для него самого казалось святою *истиной*, а для его брата – грешным заблуждением.

Высота этой колонны всего 42 фута [12,8 м], исключая подножие; форма её коническая, постепенно суживающаяся к верхушке: три фута четыре вершка [1,09 м] в диаметре у фундамента и два с вершком [61,41 см] у заострённого конца. Три из многочисленных надписей принадлежат трём различным эпохам, царям: Азоке, Самудра-Гупте и Джахангиру,

то есть буддисту, полубраманисту и мусульманину. Азока воздвиг её с целью увековечить указы, изданные им в видах распространения буддизма. Самудра-Гупта воспользовался ею во II веке нашей эры, чтобы начертать на колонне запись своих обширных владений в Индии, простиравшихся от Непаля к Деккану и от Гуджерата до Ассама. Наконец, упавшая и забытая было колонна очищена от векового сора и восстановлена на прежнем месте могульским императором Джахангиром, повелевшим начертать на ней год своего восшествия на престол (1605). Кроме этих надписей, на ней находятся сотни других: имена вельмож, пилигримов, обращённых в буддизм браманов и разных путешественников, начиная от I века христианства до прошлого столетия.

Надписи царя Азоки резко отличаются от других надписей на колонне, во-первых, тем, что частые повторения их находятся и на других памятниках, и во-вторых, тем, что они все начинаются стереотипною фразой: *Дэванамапия Пиадази ладжа хевам-аха* ..." или "Возлюбленный богов-раджей Пиадази-царь...". По истории, царь этот – Девана Пиадази – наследовал престол своего отца в Цейлоне 236 лет после рождения Гаутамы (Будды). Пламенный буддист, он уговорил царя индийского Дхармазоку, отца нашего царя Азоки, такого же ревностного буддиста, как и сам он, послать своего второго сына Махинду и дочь Сангамитту, в обществе других монахов и монахинь, паломниками по Индии для проповедования буддизма. По словам Махаванзы[1], рвение к новому учению до такой степени овладело старым царём и его сыновьями, что даже главная и любимая супруга Дхармазоки, царица *Анула*, оправилась по совету царя проповедовать религию истины вместе со своими подданными *бикшу* (нищенствующими монахами) и, наконец, сама поступила в *бикшуни* (монахини). Азока, взирая, вероятно, на царя Пиадазу как на апостола Будды, постоянно приводит его имя в надписях: "Так глаголет царь Деванамапия Пиадази..." – род сакраментальной вступительной фразы при каждом параграфе.

1 Turnour – переводчик с языка пали этой безусловно древнейшей изо всех рукописей Цейлона – "истории буддизма, Махаванзы".

Привожу несколько извлечений из самых замечательных между этими надписями на колонне:

> "...На 27 году моего помазания[1] (sic) я повелел, дабы сей религиозный указ был издан письменно. Сознаюсь и каюсь пред моими (*народами*?) в доселе гнездившихся в сердце моём прегрешениях. Мысль о религии и любовь к религии должны (*с этого времени*) постоянно увеличиваться... и мои народы, как и *грихаста* (духовенство), словом – все смертные, станут от этого неразрывно связанными ею (*религией*), и, победив в себе земные страсти и грехи, достигнут все они великой мудрости. Ибо в одной религии пребывает истинная мудрость. В религии главное достоинство; а религия вся состоит из достохвальных дел: воздержания от дурных поступков, милосердия, кротости, любви к ближнему, нравственной чистоты и целомудрия. Для меня все сие составляет помазание посвящения.[2] К неимущим и скорбящим, к двуногим и четвероногим, к птице небесной и твари движущейся в водах отнеслись тогда (со времени посвящения?) обильные деяния мои... Для сего самого и провозглашён сей указ. Да внемлют оному все. Да пребудет он в полной силе в века грядущие, и всякий, кто только последует оному, должен будет, несомненно, достичь вечного блаженства и соединиться с *Сугатой* (Буддою)"...

Далее следует перечень девяти грехов. Эти девять грехов известны под названием *азинаве* и, по учению Гаутамы Будды, их следует избегать: "гнев, жестокосердие, воровство, гордость, зависть, уныние, пьянство, прелюбодеяние, убийство". На западной стороне колонны начертаны разные правила об отношениях аскетов к прихожанам и "всеобщем во имя Будды отпущении наказаний и прощении преступникам в

1 Для проверки прошу сравнить мой перевод с переводом в журнале *Asiatic Society*. (Vol. 6, part 2. 1837 года). Разница небольшая.

2 *Журнал Азиатского Общества* тоже переводит: "anointment of consecration". Буддистский первосвященник в Цейлоне, Сумангала, объясняет мне в письме эту фразу тем, что Пиадази первый приказал снова помазать себя при принятии буддизма во имя этих главных семи добродетелей.

специальные три дня". В какие дни именно, не сказано. На южной стороне находится наименование зверей и птиц, которых грех лишать жизни; затем, самая интересная, как проливающая яркий свет на жизнь этого царственного апостола буддизма, надпись, в которой говорится следующее:

> "На двенадцатом году моего помазания был по моему повелению издан ради удовольствия и пользы народов указ. Истребив *сей* (указ?) и взирая на мою бывшую религию (идолопоклонство), как на великий грех, я ныне, ради блага всего мира, возвещаю о сём событии (т. е. об отмене закона). В то же время я молюсь различными молитвами за тех, кто разнится со мною в моей вере, дабы они все, последовав моему примеру, соделались достойными достичь вечного спасения… Но каким образом действовать, дабы религия истины и света постоянно распространялась среди человечества? Истинно говорю, лишь посредством обращения в оную всех низкорожденных (вне касты), убогих и неимущих может наша религия соделаться всеобщей… А если вследствие обращения таковых (низкорожденных) возрастёт она, то насколько быстрее распространится наша религия чрез обращение в неё высокорожденных, тех, между коими пребывает *имя Божие*…[1] Истинна сия есть религия (т. е. буддизм) и ей одною умножаются добродетели".

1 Присутствие имени *Бога* в буддистской надписи послужило санскритологам обильным материалом для диспутов. "Буддисты – атеисты; они не веруют ни в Бога, ни в бессмертие души человеческой", говорят многие. "Это выражение Пиадази: *воспоминание прежней религии* – неправильное выражение". Позволяю себе высказать полную уверенность в том, что это мнение совершенно ошибочно. Буддист, если он только образован и знаком с *Сутрами*, чистою философией Будды, верует как в божество – правда, безличное, – так и в загробную жизнь. Моё убеждение основано не на собственном умозрении, а на пятилетней постоянной переписке с учёными буддистами Цейлона и Бирмы, членами Теософического Общества. Вина не буддизма, если до сей поры наши учёные не могли понять ни его тонкой метафизики, ни отвлеченностей последней.

В этом случае "имя Божие" есть синоним "нирваны", смысл коей (невзирая на Бюрнуфа, Бартелеми Сент-Илера и К° и даже на профессора Макса Мюллера) постоянно ускользал от санскритологов и толкователей буддизма. Никто ещё до сей поры не понял его правильно, а судили и рядили о нём по одной *мёртвой букве*.

Против этих разнородных теорий восстают самые учёные буддийские священники Цейлона, Бирмы и Сиама. В Бога, как личность отдельную от вселенной, как в нечто индивидуальное, буддисты действительно не верят. Но их *summum bonum*[1], или *нирвана*, то же, что *мокша* браминов. Это – окончательное соединение бесконечно малой и, в разъединении, ограниченной *частицы* с беспредельным и безграничным *целым*; это вечная сознательная жизнь души в квинт-эссенции божественного духа; душа же есть временно отделённая искра, привлекаемая и вновь погружающаяся в безбрежный океан пламени *Мировой Души* – первобытный источник *всего*. Но такое окончательное поглощение индивидуальной, очищенной от всего земного и греховного души "душою вселенной" (anima mundi) ещё не означает исчезновения или "полного истребления" души человеческой. Объясняя нам эту теорию, молодой сингалезец Даммападжоти, весьма учёный монах, раздавил наполненный ртутью стеклянный шарик и, рассыпав его на блюдечке, стал раскачивать. Капли живого серебра отделялись, рассыпались и, едва дотронувшись друг до друга, снова сливались вместе. "Вот нирвана и души", сказал он нам.

– Так почему же считается столь трудным достичь нирваны? – спросил кто-то из нас. – При существующем взаимном притяжении всякая душа, уже в силу одной своей односторонности с *мировою душой*, должна, раз освободившись от оков земных, слиться с нирваной.

– Конечно; но это взаимное притяжение существует лишь при совершенной чистоте частицы. Взгляните, что случится теперь!..

И, посыпав другое блюдечко пеплом и пылью, он обкатал шарики ртути в этой грязи, замесив её вдобавок каплей масла…

1 Высшее благо (лат.). – Прим. ред.

Живые дотоле крупинки, под толстым слоем грязи, лежали теперь на дне блюдечка неподвижно. Напрасно было прикатывать их к главной капле чистой ртути – они не сливались уже с родной каплей…

– Вот последствие земной грязи, – пояснил нам Даммападжоти. – Пока душа не очищена от последнего земного атома – не попасть ей в нирвану, не жить жизнью вечною, среди божественной эссенции…

– Стало быть, вы веруете в загробную жизнь?

Даммападжоти засмеялся и, как казалось, немного презрительно.

– Верим, конечно, но стараемся избежать продолжительности оной, как величайшего, хотя и справедливого несчастия, как наказания за наши грехи. Жить – значить чувствовать и страдать; не жить, но находиться в нирване – есть синоним вечного блаженства…

– Но ведь этак выходит, что вы добиваетесь *уничтожения* души.

– Нисколько; мы только добиваемся уничтожения страдания, нераздельного с частной жизнью; мы ищем достигнуть безусловного блаженства в соединении с верховною мировой душой. Одно целое бесконечно и совершенно; в раздроблении своём каждая частица делается и конечной, и полной несовершенств и изъяна…

Дальнейшее пояснение предоставляется метафизикам. Моя цель доказать одно: наши величайшие авторитеты играют пока философией буддизма в потёмках. Вот доказательство. В первом томе своих лекций: *Щепка из немецкой мастерской* (1857 года, стр. 276 и след[ующие]) профессор Макс Мюллер в гневном ответе противнику в статье "О значении нирваны" на основании того, что слово *нирвана* означает нечто исчезающее, потухающее, как пламя догоревшей свечи, старается доказать, что одно это выражение уже безусловно разъясняет веру буддистов. "Они верят в *уничтожение* индивидуальной души, – говорит он, – и добиваются лишь одного: *перестать когда-нибудь существовать*". В этой статье М. Мюллера Будда является не то "атеистом", не то "эгоистом" (в метафизическом

смысле слова). "Он учил о блаженстве – погрузиться навеки в то, что есть ничто, кроме самого себя"[1]. Но к великому удивлению и даже огорчению своих последователей, уже свыкшихся было *avec le mot d'ordre*[2] именитого учителя, что все, мол, буддисты – "атеисты и нигилисты", почтенный филолог вдруг совершает неожиданный *volte-face*[3]. В 1869 году на публичной лекции в Киле, на одном из митингов "Ассоциации берлинских филологов", Макс Мюллер пред огромным собранием публики объявляет своё "давно-де уже выраженное мнение", что *атеизм не имеет ничего общего с учением Будды* и что положительно большая ошибка думать, будто *нирвана* значит *уничтожение индивидуальной души*.[4]

Кто же после этого не согласится с нами, что "великие учёные" весьма часто злоупотребляют своим авторитетом? А профессор Макс Мюллер в 1857 году был таким же авторитетом по части филологии и древних религий, как и в 1869 году. Чтобы догматически утверждать, что древние верили так, а не иначе, следует, прежде всего, вникнуть в глубину мысли этих древних, понимать не только их язык, но и своеобразную метафизику; достигнуть же этого возможно только путём сравнений между всеми древними философиями, так как, будучи изолированы одна от другой, философии эти являются совершенно непонятными… "Да так (пожалуй, скажут нам) поступают и наши языковеды с профессором М. Мюллером во главе". Да, но, к несчастию, они до сих пор успешно сравнивали лишь одну мёртвую букву; животворящий же дух в этой туманной, спёртой атмосфере современного материализма постоянно ускользал от них… Одно лишь тщательное изучение *шутры* (Sûtras) – речи Гаутамы Будды (книга I *Трипитаки*, или "Трёх корзин"), а затем III книги этого же сочинения – "Система метафизики" Казиапы, друга и ученика Будды (сочинение, проливающее свет на учение Будды и как бы дополняющее его), способно осветить эти потёмки, известные под именем

1 "Nothing but itself", – говорит профессор.
2 С лозунгом (фр.) – Прим. ред.
3 Крутой поворот (ит.). – Прим. ред.
4 См. *Trubner's American and Oriental Literary Record* (October 16, 1869).

буддизма, или "философии Будды". В шутрах действительность объективного мира называется обманом чувств; действительность формы и всякого вещества выставляется опасною иллюзией; даже действительность самого индивида или я отвергается. Но то именно, против существования чего восстают все наши современные материалисты, то, что они стараются стереть с лица земли, уверяя, что всё это одни лишь бредни, ни на чём не основанные умозрения, то сутры и признают "единственною действительностью в мире иллюзий", а "метафизика Казиапы" объясняет, почему именно оно так. Эта. Эта действительность – *духовное я* человека. Ego вполне отдельное и отличное от материи, хотя бы самой сублимированной. Одна *причинность* есть действительность, ибо эта причинность без начала, как и без конца, не имеет ни прошлого, ни будущего, но всегда существует в настоящем, а все её действия суть одни лишь временные и второстепенные явления, "блеск молнии в океане электричества". Всё проходит, всё изменяется в своей объективной форме и, поддаваясь разделению времени и исчислению, всё есть иллюзия; но *причинность* всего безгранична, как и бесконечна, и не может быть исчислена; стало быть *она-то и есть действительность*.

Нирвана *ничто*, потому что она *всё*. Парабрама – без сознании и воли, ибо Парабрама есть *абсолютное* "мировое сознание" и *безусловная воля*. Бесконечная, безначальная и беспричинная *монада* Пифагора – *первопричинность* всего; по сотворении *триады*, "обитающая во мраке и молчании" *монада* возвращается в свою невидимую и неосязаемую обитель. И однако же, по Проклу, она и есть "вечный Бог", и вся вселенная тяготеет вокруг *монады*. Еврейские каббалисты также указывают на своего *Эн-Зофа*, как на нечто бессознательное и не обладающее волей, ибо Эн или *Айн-зоф* есть *самопричинность*, а слово *Айн* в буквальном переводе означает отрицание последующего слова – *ничего*. "Дух не имеет образа, и поэтому о нём нельзя говорить, что он *существует*", учит книга буддистов *Праджуа Парамита* (Совершенство мудрости).

– Что такое нирвана? – спрашивает царь Милинда *архата* (святого) Нагазену. – Почему плоды *четырёх* путей добродетели

приводят к нирване? В чём состоит причинность её существования?

– Путь, ведущий к нирване, может быть указан, но причинность её представления никому неизвестна, – отвечает мудрец.

– Почему?

– Потому что она и есть сама причинность. То, что́ составляет нирвану, – вне всякого исчисления… Это есть тайна, недосягаемая *вне её самой*… умом человеческим. Её ни глаз не видит, ни ухо не слышит, ни нос не обоняет, ни язык не вкушает, ни тело не чувствует.

– Стало быть, нирвана не существует, о Нагазена?

– Великий царь! Она *не существует*, но нирвана *есть*…

Пора, однако, вернуться к миру "иллюзий" и снова заняться колонной Азоки…

Радда-Бай

Письмо XXIV[1]

У таких памятников, как колонна Азоки, обыкновенно находятся старые пипалы (*Ficus religiosa*), прямые потомки *боддрума* ("древо познания") столь излюбленного, по преданиям, основателем буддизма. Находилось такое дерево когда-то и у колонны, но его уж более нет: оно было срублено англичанами, без всякой к тому причины, как и всегда. Зато в пещере показывают Акшай Бат ("неумирающий баниан"). Хвен-Тхсанг видел его в начале VII столетия; но в те дни дерево уже перешло из рук буддистов, а катакомбы, после векового молчания, снова огласились кликами шиваитов и опять стали театром кровавых обрядов бога-разрушителя. Во дни буддистского пилигрима баниан был огромным деревом с далеко раскинувшимися зелёными ветвями и стоял у входа в главную пещеру подземного храма. А теперь от него уцелел лишь старый, почерневший пень с несколькими сухими ветками, стоящий в четвёртой зале подземелья. Брамины

1 Московские ведомости, № 165, 16.06.1880, стр. 3; Русский Вестник, май 1883, Приложение, том 165, с. 298-305.

уверяли нас, что дерево было пересажено сюда самим богом Шивою: отломав верхнюю половину ствола, он разделил его на две части – одну посадил будто бы в Гайе, а другую – в Джагернате.

Мы спустились в подземные пещеры по скользкой, поросшей мхом каменной лестнице. Гордо потрясая бритою головой, голый браман шёл впереди нас, освещая нам дорогу смрадным факелом, а по обеим сторонам ступеней неподвижно сидели и стояли в разных позах факиры, с нечёсаными по годам и закрученными в шиньон длинными волосами, грязные, отвратительные. Настоящие аскеты никогда не сидят в людных местах, но пребывают или в уединении лесов, или же в далеко сокрытых от равнодушных глаз дворах храмов, как например в Джабельпуре. Посреди первой залы, низкой и с колоннами, стоял громадный, украшенный венками великолепных роз *линга*; по сторонам – ниши с расставленными в них идолами и их живописными изображениями. Каменные идолы были покрыты сыростью, и крупные капли просачивающейся воды, следы подземной реки Сарасвати, орошали почерневшие стены. При слабо мерцающем свете факела невозможно было различить надписи. Так как все уцелевшие отрывки переведены, то мы и не особенно интересовались ими. Есть сильное подозрение, что эти подземные залы находились ещё в VII столетии на одном уровне с землёй; но частью вследствие сырости, частью по причине веками накопившегося слоя мусора, они осели и теперь находятся под землёй. "Бессмертное дерево" *Акшай-Бат* упоминается как Хвен Тхсангом, так и историками Рашид-Уддином и Абу-Риханом, которые и указывают на него, как на древнейшее дерево в Индии.

Мы прошли зал двадцать, но кроме "дерева" ничего интересного не видали. За ним в стене зияет большое отверстие, ведущее, по словам брамана, до Бенареса. Все святые, говорил он, отправлялись этим ходом молиться в священный город. По дороге они "беседовали с Сарасвати..."

Тайному ходу мы предпочли мост через Джумну и переехали по нему на другой берег реки. Этот мост один из великих подвигов англо-индийского инженерного искусства.

Мост в два яруса, перекинутый через широчайшее место, над самым слиянием двух рек, имеет 3331 футов [1015,29 м] длины по прямой линии. Экипажи и пешеходы проезжают и переходят по нижнему, а поезд железной дороги проходит по верхнему ярусу. Мы попали как раз под поезд и чуть было не оглохли.

Недалеко от вокзала железной дороги возвышаются старинные ворота со сводом, ведущие в прелестный, отлично содержимый сад. Наружные стены густо покрыты ползучими растениями и великолепными розами. В *Кушру-Баг* (сад Кушру) находятся могила и памятник принца этого имени, его матери Шах-Бегумы и многих других исторических лиц. Кушру был внук великого царя Акбара и сын раджпутки, дочери махараджи Амберского, славившейся на всю Индию своей красотой и колдовством, – последнее, быть может, потому, что она обворожила сына Акбара, Салима, мусульманина, и, прогнав других его жён, была всю жизнь его единственною женой. Как бы то ни было, но к Кушру-Багу, после заката солнечного, не подойдёт на полверсты ни мусульманин, ни индус. Всё потомство Акбара с самим царём (хотя он похоронен в Агре) собирается по ночам держать загробный *дурбар*…

Удивительно странна история всего этого царственного семейства, начиная с самого императора Акбара. Потомок парсов, которых ни в какие времена исламиты-завоеватели не успевали вполне омусульманить, Акбар был менее чем номинально магометанином. Судя по его биографии, он даже ненавидел религию Пророка; сделавшись императором Индии, он постоянно старался ослабить влияние магометанства и ввести хотя некоторые из главных элементов огнепоклонничества. Имена, выбранные им для внуков, доказывают это. Кушру или "Хозрой" ("Красивое лицо") – древнее имя ахеменидских царей Персии, то же что и "Киаксар" или "Циаксар" классиков-греков и "Ассуер" Библии. Это столь любимое последователями Зороастра имя стало наследственным у потомков Акбара. Салим, впоследствии император с титулом Джахангира, был начальником Аллахабадского форта при последних годах жизни Акбара. Страстно привязанный к

жене, принцессе Амберской, и сыну своему от неё Кушру, он находился под влиянием её брата (по усыновлению), знаменитого в истории раджпутского раджи Ман-Синга. Последний задумал возвести на престол своего племянника Кушру помимо Салима. Последовало ужасное кровопролитие, во время которого Салим с помощью другого сына (от наложницы), Кхурама, завладел троном. Тогда Шах-бегум[1], жена его и мать Кушру, наложив страшное проклятие на мужа и всех потомков его, отравилась. Кхурам, царствовавший в Деккане, зарезал впоследствии брата Кушру в 1616. Проклятие состояло в том, что разорвав над головой императора нитку жемчуга, Шах-бегум воскликнула: "Да превратится каждое зерно в год страдания, слез и смерти!.. Да погибнет последний из потомков твоих чрез столько лет, сколько падает зёрен в эту минуту на твою проклятую голову!.." Жемчуга оказалось 252 зерна. Это было в 1605, и ровно через 252 года, в 1857 году, погибали расстрелянные в Дельхи англичанами последние два принца этой фамилии, как рассказывают, вымазанные до экзекуции палачами свиным салом. А последний император Дельхи, Абу-Зафар, поэт, песни коего славятся по всей Индии, прозванный индийским Хафизом, отправлялся в тот же год в изгнание и каторгу на мыс Доброй Надежды, где он и умер, конечно, не своею смертью. Не мудрено, что народное суеверие населило могилы Шах-бегумы и её сына ужасными призраками.

Могила Кушру, – которого отец и брат, отделавшись от него, возвели в мученики, – великолепное мраморное здание с куполом, напоминающим Тадж-Махал в Агре. Сама могила под землёй, а кенотаф[2], высокий и изящный памятник, покрыт стихами. Далее четырёхугольное в два яруса странной архитектуры строение – мавзолей Шах-бегумы, колдуньи. Напротив – дом и памятник "Тамболи-бегум", то есть *Истамбули*-бегум, христианской принцессы, вывезенной из

1 Бегу́м, также Бегю́м (тур. begüm) – титул знатной женщины и обращение к ней в мусульманских странах и районах Южной Азии. – Прим. ред.

2 *Кенотаф* (др.-греч. κενοτάφιον, от κενός – пустой и τάφος – могила) – надгробный памятник в месте, которое не содержит останков покойного, своего рода символическая могила. – Прим. ред.

Константинополя и задушенной её соперницей. Всё это густо покрыто розанами и кипарисами, а тенистые дорожки сада слывут прохладнейшим местом в Аллахабаде.

На другое утро мы отправились осматривать "Ложе Ханумана", на берегу Ганги, и другие курьёзы Аллахабада. "Ложе" это оказалось открытою, четырёхугольною и вымощенною гранитом комнатой, вырытою футов на двадцать [6,1 м] в земле. Над ней возвышается купол на четырёх гранитных столбах, на 10 футов [3,05 м] над поверхностью земли, и без стен, дабы удобнее было толпе заглядывать со всех четырёх сторон вниз, любуясь на спящего бога-обезьяну. Несколько широких, мрачных ступеней ведут вниз, но по ним спускаются лишь одни охраняющие покой идола – браманы. Любопытнее всего, даже самого идола, огромная и многоречивая надпись от муниципалитета на трёх языках: английском, хинди и урду (язык магометан). Эта надпись строго запрещает христианам и особенно мусульманам "совершать над этою святыней индусов какие-либо кощунства, как-то: бросать камни в святилище, подходить к нему в сапогах, громко смеяться, делать непристойные, способные огорчить чувства поклонников *бога* замечания или же изъявлять *гадливость* (*squeamishness*)". (Я перевожу эту надпись слово в слово.) Невзирая на запрещение, на угрозы штрафом и даже тюрьмой, мы, дав дежурному браману одну рупию, преспокойно подошли к самым колоннам, не сняв даже обуви. Мы заглянули вниз: идол громадных размеров, футов в 20 [6,1 м] величины, ярко-красного цвета и с короной на обезьяньей голове, почивал на спине, растопырив приподнятые колена, свернув хвост калачиком и положив щёку на ладонь левой руки, тогда как другая держала скипетр. Над его носом болталась лампада, и он был весь усеян цветами. Полюбопытствовав узнать, из какого материала сделан идол, и получив ответ от брамана, что он "сделан из *ничего*", но есть притом "живое тело бога", мы не удовольствовались таким загадочным ответом. Как быть? С первого дня как Хануман заснул в своей яме, никто, кроме посвящённых браманов, никогда не сходил вниз. Бросить в спящее божество камешком и судить по звуку – преступление, предусмотренное

муниципалитетом, могущее повлечь за собою штраф в 100 рупий. Тут-то наш президент, как истый изобретательный янки, явился на высоте дилеммы; вынув горсть медных и мелких серебряных монет и опустив руку за перила, он, в виде эксперимента, но как будто нечаянно выронил *анну* (3 копейки) на живот богу, всё время не спуская глаз с зорко следившего за ним брамана, который тотчас же хитро осведомился, не принести ли её назад "саабу"? – нет, ответил президент, – всё, что упадёт вниз, пусть останется приношением Хануману. Ободрённый этим, полковник бросил другую монету, уже целясь. Попав прямо в нос божеству, но без ожидаемого звука, он стал затем кидать всё сильнее и чаще, пока, наконец, после падения с дюжины монет, одна не звякнула, как бы ударясь о нечто металлическое. Когда он остановился, довольный этим открытием, браман предложил ему бросить ещё несколько монет в рыло Хануману, умилённо повторяя, что подобная игра весьма приятна *дéву*…

От Ханумана мы пошли поклоняться "бабе Сандасси". Во избежание всякого недоразумения, спешу заметить, что *баба* Сандасси не русская "баба", а индусский "дед", и даже, судя по его возрасту, весьма почтенный. Уверяют, будто ему 250 лет, а сам он говорит, что родился так давно, что забыл, когда именно. Как бы то ни было, но "баба" этот лицо историческое и весьма уважаемое даже англичанами, которые, к удивлению народов Индии, оказались хоть раз благодарными за оказанные им услуги. Правда, их благодарность ограничилась тем, что они пока не стреляли ещё "бабой" из пушки, ни разу не повесили его и даже не засадили в тюрьму; но ведь и это уж чего-нибудь да стоит в Индии. Они даже подарили ему квадратный камень в полтора ярда [1,37 м] длины и ширины, на котором он сидит не вставая уже ровно 53 года; и тот же муниципалитет великодушно снабдил его дощечкой с надписью. Дело в том, что память о "бабе-деде" у британцев тесно связана с памятью о мятеже. В те тяжёлые для них дни он многим европейцам спас жизнь, пряча их в пустое отверстие под камнем, с которого он не сходит и в котором скрывает свои талисманы и лекарства. Два раза его самого чуть не убили, но он не выдал прячущихся…

Баба – пенджабец и сикк, последователь Нанаки. Неподалёку от стен форта, на палящем берегу Гангеса сидит этот ныне совершенно слепой и белый как лунь старец. Гордо драпируя голое тело в кусок белой кисеи, он со своими серебристо-белыми длинными волосами в тихие, безветренные дни походит скорее на мраморное изваяние, чем на живое существо. Вот что слово в слово написано на великодушно прибитой городским начальством дощечке, шагах в шести от деда:

> "Баба Сандасси, родом из Пенджаба. Человек испытанной и строгой честности, неспособный к обману. Оказал много услуг правительству. Сидит на сём камне с 5 июля 1827 года. Ослеп в 1839 году, лишившись зрения вследствие постоянного сидения на солнце и отражения лучей в воде. Прохожим запрещается тревожить его. Желающие с ним беседовать обязаны снимать башмаки и сапоги. По приказанию Аллахабадского муниципалитета, октябрь 1858 года".

Сняв обувь, мы подошли к старику и приветствовали его словами: "да пребудет раджа Нанак с благословением божиим во *сварге*! (раю)". Такур, которого слепец, к удивлению нашему, узнал ещё за десять шагов и громко приветствовал благословением, тотчас же вступил с ним в разговор. Мы узнали, что слепой сикк ест и встаёт с места лишь раз в сутки, и глухую полночь: при помощи своих учеников, он сначала погружается в священные воды Ганги, а затем, омывшись, съедает горсть рису на молоке и, надев на плечи новый кусок кисеи, снова садится на место до следующей полуночи. Под палящим солнцем, под грозой и дождём мунсуна сидит, таким образом, голый старец день и ночь, с непокрытою головой, не имея даже и куска кисеи между теменем и небом. По уверению учеников его, он никогда не спит; по крайней мере никогда и никто из них не видал его лежащим; а если он и спит (чего ученики его, впрочем, не допускали), то спит с открытыми глазами и сидя, не имея возле себя и жерди, на что бы облокотиться. Куски кисеи, которые он никогда не носит на плечах более одного дня, продаются иногда за большие деньги

жителям, крепко верующим в их целебное свойство после того, как они побыли целые сутки на теле сикка. Вырученные деньги поступают в сиротское заведение, которое сикк содержит единственно на собственный счёт; в это заведение принимаются безразлично дети всякого вероисповедания; их бывает иногда до 300. Туда же поступают и все другие приношения деньгами и вещами, щедро расточаемые на аскета, потребности коего состоят ежедневно в рисе, молоке, да в пяти аршинах [3,56 м] белой кисеи. Часто после продолжительного самосозерцания он обращается к тому или другому из учеников и посылает его иногда за несколько миль в леса за известными предметами, как-то: за корнем какого-либо растения, за цветком или камешком, снабжая его при этом подробнейшими инструкциями. Так один раз, когда жена коллектора, заболев злокачественным вередом на ноге, совсем уже умирала и английские врачи собирались было резать ей ногу, угрожая в противном случае гангреной и смертью, больная в отчаянии прислала мужа посоветоваться с "дедом". Супруг был атеист и скептик, и сикку верил не более, чем своему пастору. Однако пошёл, отправясь к нему, как новый Никодим – ночью. Не успел он даже начать объяснения, в чём дело, как "дед" прервал его, посылая назад домой: "Твоей "мэм-сааб" сделалось хуже, ты должен тотчас же спешить к ней (говорил слепой) и дать ей нюхать целую ночь до утра вот эту траву; а рано утром на другой день ты получишь от меня (сикка) мазь, которая и вылечит ногу твоей жены".

Озадаченный коллектор взял траву, какой-то сухой, вымоченный тут же в Ганге пучок, и, вернувшись, нашёл весь дом в смятении: его жена умирала, если уже не умерла. Забыв весь скептицизм, коллектор поднёс ей под нос траву, и коллекторша очнулась, а к утру спокойно уснула. Между тем "дед" подозвал старшего ученика (который и рассказывал нам это происшествие), приказал ему перейти вброд рукав Джумны, войти в лес, направо, следуя по третьей тропинке, сосчитать двадцать три манговых дерева и под двадцать четвёртым к югу и у самого корня дерева *искать*. Там, вершка на два [8,89 см] под землёй, в покинутом муравейнике, он найдёт тигровый коготь,

который и должен принести. Ученик отправился и, сделав всё, как было приказано, принёс коготь учителю. Сикх велел сперва обуглить коготь на огне, затем истолочь в мелкий порошок и, прибавив разных трав, сделал из него мазь и послал к коллектору с инструкциями. Через неделю "мэм-сааб" пришла сама благодарить слепого старика...[1]

Все, с кем мы только ни говорили о сикке, отзывались о нём с величайшим уважением, а индусы и даже мусульмане – с благоговейным страхом.

Радда-Бай

Письмо XXV[2]

Народы Индии не делают ничего вполовину: они или величайшие фанатики, или же безусловные атеисты. Их любовь, как и ненависть, безгранична, и когда индус назвал вас без принуждения "братом" или "другом", то это не пустая фраза. Все наши спутники были "реформаторами" (как их здесь называют) и давно порвали все связи с браманами и сектами, но зато все до одного были мистики, верующие в высшее духовное развитие человека, убеждённые, что такое развитие способно поставить последнего почти на уровень с божеством, если только он того достоин. Но вместе с грубыми фанатиками и образованными, в высшей степени экзальтированными (подобно Нараяну) мистиками к толпе "свободных мыслителей" (как они себя величают) с каждым годом из рядов учащейся молодёжи прибавляются новобранцы школы Чарлза Брадло и Луиса. За последнее десятилетие под "благодетельным" влиянием (скорее чисто английского, нежели западного) воспитания происходит нечто феноменальное: всё учащееся в городских школах и коллегиях юное поколение выпускается из

1 Это происшествие нам было подтверждено сестрой коллекторши. Через три дня рана, не поддававшаяся никаким известным науке лекарствам, зажила совершенно.

2 Московские ведомости, № 179, 30.06.1880, стр. 2-3; Русский Вестник, июнь 1883, Приложение, том 165, с. 305-318.

оных безвозвратно атеистическим. Исключения чрезвычайно редки.

Политика Англии – никогда и ни под каким предлогом не мешаться в чисто религиозные вопросы завоёванной страны. Можно, конечно, подозревать, что такое правило является следствием скорее трусливости, чем либерализма правительства; но в одном отношении оно оказывается весьма разумным: оно до некоторой степени служит "бальзамом" для наболевших политических ран страны. Под разными вариантами англо-индийской газеты, с *Pioneer* во главе, постоянно напоминают читателям, что "британское правительство *совершенно неспособно* когда-либо ввести элемент религиозного ханжества в область своей твёрдо обрисованной политики".

Следуя золотому правилу, а также, быть может, и для того, чтобы не оскорбить "христианских чувств" своих сановников, все места президентов, директоров и "принципалов"[1] туземных коллегии отдаются тщательно выбираемым с этою целью отъявленным материалистам. Так как по своему серьёзному и ответственному значению такие должности всегда и важны, и доходны, то понятно, что их приберегают единственно для англичан; туземцу, будь он в тысячу раз ученее своего принципала, такое положение недоступно.

С другой стороны, миссионерам разных сект, имя коим здесь легион, не дозволяется вход в коллегии. Вследствие вышесказанной политики, они вращаются в самых подонках общества, между париями и не допускаемыми в браманские секты *мангами*. В постоянной борьбе и ссорах между собою, они, дабы насолить друг другу, буквально *покупают* обращённых: парии и манги, все до единого или чертопоклонники или безо всякой религии, обратятся за деньги, а часто и из-за куска хлеба во что угодно. Можно наверное сказать, что нет ни одного обращённого в христианство индуса, который бы не был вором, мошенником, горьким пьяницей, а подчас и убийцей. Миссионерство в Индии – величайшая профанации христианства. Ни одно европейское семейство ни за какие блага не

1 Начальников (англ. principal). – Прим. ред.

наймёт в услужение обращённых. Миссионеры открывают свои собственные школы, но эти школы, как и результаты их – один только фарс. Падкие на даровое учение, индусы посылают к *падри* своих детей только от пяти до семи, много до восьмилетнего возраста; после этого едва выучившихся читать детей обыкновенно женят или выдают замуж; раз вступивших в брачное состояние юных супругов, конечно, трудно заманить назад в школы. Надежды на добровольное обращение разлетаются в прах…

Ещё безотраднее постановка этого дела у католиков. Основанная на собственные средства богатая иезуитская коллегия Св. Ксаверия в Бомбее, вместо того чтобы просвещать народ, рассеивать мрак невежества и поучать юных язычников, окончательно сбивает их только с толку. Воспитанники пресловутой коллегии выходят из неё, правда, с полнейшим презрением к вере и обычаям своих предков – обыкновенная система и хорошо известная уловка сынов Лойолы; но зато они питают ещё сильнейшую, если возможно, ненависть к римско-католической, если не к христианской вере вообще. Не находя возможности прибегать в Английской Индии к столь излюбленным ими насильственным обращениям, отцы иезуиты являются здесь под такою цинической, отвратительной оболочкой, так грубо извращают и без того шаткие понятия туземных мальчиков о правде и чести, что под их якобы *христианским* управлением в итоге получаются ещё худшие результаты, чем под вольнодумной дирекцией таких учёных атеистов, как "принципалы", например, Бомбейской и Лагорской коллегии. В прошлом году один из них постоянно внушал своим давно уже свихнувшимся на Гёксли и Тиндале воспитанникам знаменитое изречение профессора Клиффорда: "Если справедливо называть какую-нибудь доктрину безнравственною, то как на самую безнравственную справедливее всего указать на ту, которая признаёт, что провидение или судьба вне нас самих может преодолеть человека"[1] или другими словами, признаёт какую-либо силу выше силы самого человека. Критики попрозорливее других старались объяснить

1 *Fortnightly Review*, Desember, 1874, p. 730 .

напирание профессора на эту фразу политическою целью. "Англичане (говорил мне один юноша, ядовито улыбаясь) задумали хитрую штуку; они, видимо, желают внушить нам идею, что они и только *они одни* – провидение и всемогущая, всесокрушающая, как и вновь созидающая, длань, управляющая судьбами наших народов. От наших богов, как и от Бога *падри*, нам, видимо, ожидать нечего"...

Поэтому с психологической точки зрения Индия представляет необычайно интересное зрелище. За исключением горсти "реформаторов", она разделяется на два враждебные друг другу лагеря: *фанатиков* и *ультра-скептиков*. Первые, полные религиозного суеверия, видят божество во всём: в тигре, в корове и её хвосте, в дереве, вороне и во всякой гадине; вторые, не менее полные того, что позволяю себе назвать *суеверием научным*, отрицают всё, кроме материи. То, что́ их предки считали за бессмертную душу, в том "юная Индия" видит лишь результат взаимодействия углерода, водорода, кислорода и азота, нечто существующее лишь вследствие комбинаций этих элементов и исчезающее с исчезновением причин, то есть газов. Человек – дитя *космического газа*, "огненного облака", повторяют они за Тиндалем; в нём "не только более грубые образы бытия, не только восхитительный и чудный механизм человеческого тела, но даже сам человеческий разум, ум, воля и все их явления... вся наша философия, вся наша поэзия, вся наша наука и всё наше искусство, Платон, Шекспир, Ньютон, Рафаэль – всё это находилось в нём в сокровенном и потенциальном состоянии"...[1]

"Чудны творения твои, о Тиндаль!.." – хором восклицают юные индусы, поклоняясь этому светилу науки.

Но со всем этим обе партии, как ортодоксальная, так и атеистическая, глухо враждебны своим правителям. Партия ярых, до безумия экзальтированных браманами *фанатиков*, само собою разумеется, никогда не помирится в душе с правительством, которое даёт им в собственной их стране лишь отрицательные преимущества над миссионерами

1 *Scientific use of the Imagination*, by prof. Tyndall.

ненавистной им религии. Лагерь *материалистов*, ежегодно подкрепляемый целыми партиями блистательно кончивших курс индусов, выброшенных в океан житейский этими университетами и коллегиями буквально без ладьи и компаса, без надежд в этой жизни, – вследствие устраняющей их ото всякого участия в управлении страной политики и без надежд на жизнь будущую, в которую наши азиатские поклонники европейских "апостолов разума" стыдятся веровать (как то делали их глупые предки). Им остаётся в жизни – нуль. Поэтому мы их и застаём в последней четверти XIX века перефразирующими на все лады известное изречение эпикурейцев: "Станем есть, пить и веселиться… ибо завтра – все мы превратимся в угольную кислоту, воду и аммиак!"

Позволяя себе это предисловие, я не отступаю от моего рассказа. Я только желаю представить русским читателям Индию такой, какой её сделала Англия, и приготовить их этим самым к яснейшему пониманию рассуждения, в которое мы не раз вступали с учёными пандитами[1]. Узнав о нашем приезде, эти пандиты и туземные философы стали приходить к нам целыми партиями; некоторые из них приехали нарочно для свидания с нами из Бенареса. Все они говорили превосходно по-английски; все, подобно нашему другу Шамрао, начитались Молешота и Бюхнера, знали на память и, главное, понимали Герберта Спенсера, Луиса и Джона Стюарта Милля; бредили Гёкели и Тиндалем и поклонялись Дарвину в лице его пророка Геккеля. Они не сумели, как наш наивный Шамрао, выбрать из этого учёного сумбура наиболее подходящие к древним философиям своей родины идеи, отбросить всё остальное и остаться при собственном мнении. Они не сохранили даже и искры той неугасимой и несокрушимой веры, которой не потушить никаким Бюхнерам: веры в верховную силу и загробную жизнь. Как ни искажаема подчас эта вера, как ни смешон порою бедный, недоучившийся и вместе переучившийся какой-нибудь Шамрао, величающий свой винегрет из Ману и Геккеля "новейшею религиозною философией", но,

1 *Пандит* – учёная степень в Индии, соответствующая степени доктора философии.

слушая учёные бредни аллахабадских и бенаресских пандитов, мы не раз в душе делали сравнение и, конечно, не в пользу последних.

Вернувшись от баба Сандасси, мы нашли у профессора Батачарьи огромное общество пандитов. Они просидели с нами в саду далеко за полночь. Мы приехали из Америки изучать философию их древних и современных религий, а они пришли таращить с неподдельным изумлением глаза на "западников", имеющих глупость и безумие предпочитать Капилу и Патанджали – Гёксли и Тиндалю, философию Ману и буддизм – позитивизму Огюста Конта. Отказавшись от всякой веры, они однако же не посмели отказаться от касты и её требований. Они смеялись надо всем божественным и вместе с тем страшились людей и общественного мнения. Не так ли зачастую бывает и у нас в Европе?

Разговор, конечно, зашёл об их древней философии, о риши, йогах и аскетах. Пандиты вполне распоясались и с гордостью, достойной лучшего дела, стали раскрывать перед нами все нравственные язвы, нанесённые, а затем постоянно растравляемые в них одной и той же искусной рукой их английских "принципалов". "Неужели нас могли интересовать бредни древних метафизиков и богословов?" – спрашивали они. "Кто же кроме ханжей, факиров, да полоумных аскетов может ещё видеть какое-либо значение, например, в тройном божестве? Баба Сандасси – старый дурак, а факиров, лезущих для очищения от грехов в Гангу и остающихся под водой, рискуя в ней утопиться, пока они трижды не прочтут *мантры*, правительству следовало бы засадить в рабочий дом..."

Наши доводы и противоречия ужасно раздражали некоторых из них. Один статный индус, драпированный в белую с золотом шаль, с золотыми кольцами на всех пальцах ног, огромным знаком Вишну на лбу и в золотом *pince-nez*[1] (!), обратился наконец ко мне уже с прямым вопросом: "Неужели я,

1 Пенсне (фр., букв. «сожми нос») – очки без заушных дужек, держащиеся на носу посредством зажимающей переносицу пружины. – Прим. ред.

прожив так долго в Америке, родине Томаса Пена, верю ещё в какое-либо божество?"

– Признаюсь, верю, и вовсе не таюсь в такой невежественной слабости, – последовал мой ответ.

– И в "душу" человека? – переспросил он со сдержанной усмешкой.

– Да, и в душу; и как ни удивительно, даже в *бессмертный* дух…

Юный магистр, нервно заиграв кольцами на ногах, обратился с новым вопросом, довольно на этот раз оригинальным.

– Стало быть, по вашему, Гёксли шарлатан и глупец?

В свою очередь мне пришлось вытаращить глаза.

– Это почему же?.. – осведомилась я у *pince-nez*.

– Потому что или он, признанный всеми авторитет, знает, о чем он говорит, или же он шарлатан, рассуждающий о том, чего не понимает…

– Гёксли, – сказала я, – как натуралиста, физиолога и учёного не только признаю, но и преклоняюсь пред его знанием, уважая в нём один из величайших авторитетов нашего времени, то есть во всём касающемся чисто физических наук; но как о философе имею о нём весьма невысокое мнение.

– Но ведь против логических выводов, основанных на *фактах*, трудно идти… Вы читали его статью в "*Fortnightly Review*" об "автоматизме человека"?

– Кажется, читала… и кой-что запомнила из его удивительных софизмов… Но что ж о ней?

– Вот что. Профессор в ней *неоспоримо* доказал, что человек не более как сознательный и сознающий себя *автомат*,[1] добавляя к этому в своих "*Lay Sermons*", что человек – "хитрейший из часовых приборов природы"[2], но не более.

Мне немного начинал надоедать этот спор; я взглянула на Гулаб-Лалл-Синга. Тот сидел, нахмурив брови, не мешаясь до этого времени в разговор. Зная его презрение к современному

1 *Fortnightly Review*, November 1874, p. 577.
2 *Lay Sermons*, p. 164.

материализму, мне захотелось втянуть и его в спор. Как бы поняв мою мысль, он тут же поспешил мне на помощь.

– Позвольте мне ответить вам за нашу гостью, пандит саиб. Я прочёл упоминаемую вами статью очень недавно, и у меня, может быть, сохранились свежее в памяти ученые софизмы Гёкслu; я готов привести вам самые резкие из них. Действительно, Гёкслu называет человека "автоматом" и "часовым прибором природы"... Но дело не в самом выражении, а в том, успел ли он доказать то, что говорит? Я говорю и докажу, что не только не успел, но что он самым ребяческим образом противоречит своим словам...

"Pince-nez" просто подскочил при таком кощунстве против науки.

– Как? где?.. великий Гёкслu противоречит себе?.. Укажите и объясните...

– Если позволите, объясню и укажу, и, право, это не будет стоить большого труда. Вы забываете, что, сокрушив достоинство человека эпитетом "автомата", быть может из сожаления к недозревшей до его великих идей публике, к маленьким слабостям меньшей и *не ученой* братии, то есть тех, которые (говоря языком Герберта Спенсера) "не поспевают за современным быстрым движением завоевателей на почве естественной истории и поэтому отстают от физических наук", – Гёкслu тут же снисходительно добавляет нечто весьма странное. Называя человека "автоматом", он между тем великодушно допускает, что эта машина "одарена *до известной степени* свободной волей, так как во многих случаях человек способен поступать согласно с собственными желаниями..."[1]. Не так ли, если помните?

– Кажется, так... – смущенно заявляет pince-nez.

– А если так, то мы должны думать, что эта оговорка является лишь ради общего предрассудка и подносится профессором публике в виде сахара на горькой пилюле; потому что ведь иначе выходит, что наш Гёкслu, величайший из современных учёных, просто противоречит сам себе... И однако

1 *Fortnightly Review*, ibid., стр. 577.

даже и вы должны согласиться, что человек одарён свободною волей?..

– Конечно. Но в чём же вы видите тут такое великое противоречие?

– Неужели же вам не совершенно ясно, что этим добавлением, этой, по-видимому, простой оговоркой Гексли, вроде японского самоубийцы, сам накладывает на себя, как и на свою теорию, руки, и что так ловко придуманное им выражение "автомат" является через эту несчастную для него оговорку чистой нелепостью?.. Сперва, по его уверению, человек в буквальном смысле, и не менее лягушки и кролика, есть не что иное, как не обладающий никакою собственною волей "автомат"; затем допускается, что этот автомат в известных случаях может поступать по собственному усмотрению и, наконец, что его "воля должна приниматься как условие, влияющее на течение дел (*Phisycal Basis of Life*). В итоге получается то, что человек остаётся, после этого учёного объяснения, тем же, чем всегда был, то есть *мыслящим и одарённым свободной волей существом*. Этот одаренный свободной волей "автомат" является интересной и, конечно, неожиданной новостью в области физических наук, как заметил его оппонент д-р Элам. Потому что ведь ни скептику, ни верующему никогда не может придти в голову, что свободная воля есть что-либо иное, кроме простого свойства поступать по собственной воле!.. Таким образом "автомат" рассыпается в прах, и мы видим, что Гёксли недурно было бы поучиться логике у нашего Канады и других философов, которых вы так презираете.

– Прекрасно… положим, что в этом вы правы… – бормотал огорошенный магистр. – Но вот возьмём другой пример… Тиндаля, который говорит существенно то же самое: "Материя и только одна материя содержит в себе все обещания, всё могущество земного бытия!", объявлял он в 1874 г. перед отборнейшей и учёнейшей публикой в мире, на Белфастском собрании. Это счастливое выражение: "In matter I discern the promise and potency of all terrestrial life", вызвав на Тиндаля

злобу всех отсталых фантазеров, облетело теперь весь свет... оно сделалось настоящим лозунгом физики!..

– Но совершенно напрасно привело в трепет ужаса весь верующий мир, – можете добавить. Подобно Гёкели, Тиндаль в другой лекции сам опровергает своё "счастливое выражение". Не угодно ли вам заглянуть в его *Scientific Materialism*, ответ на критику (д-р Мартино) этого самого, поднявшего мир на дыбы, выражения. Там он совершенно ясно сознается в том, что наше внутреннее "сознание" (*consciousness*) принадлежит "совершенно к *другому* классу явлений, соотношение коего с физической наукой *немыслимо*", и тут же, разделяя явления природы уже на *два*, а не на *один* класс, почтенный материалист начинает рассуждать о той (между обоими классами) бездне, перешагнуть которую невозможно и которая так и "останется навеки *непроходимой* в умственном смысле (*intellectually impossible*)..." Где же оно теперь? Куда девалось это пресловутое всемогущество его материи?..

Пандиты переглядывались. Видно было, что нашла коса на камень. Слышать, как двух таких патриархов науки, каковы Гёкели и Тиндаль, обвиняют в том, что они сами ещё не знают, чему желают учить других, и не быть в состоянии заступиться за этих пророков положительных наук, и грустно и обидно. Наша партия торжествовала...

– А теперь, – продолжал такур, – позвольте и мне, в свою очередь, цитировать слова другого не менее учёного и столь же известного, как и те два учёные, натуралиста, – в подтверждение шаткости их теорий. Вспомните, что говорит Дюбуа-Реймон о явлении сознания: "Совершенно и навеки остаётся непостижимым, чтобы данное количество атомов углерода, водорода, азота и кислорода могли являться науке иначе, как безусловно пассивными (indifferent) к своему положению и движениям и это – в прошлом, настоящем, как и в будущем". Эти слова, вдобавок, цитируются самим же Тиндалем[1]. И к ним уже в собственных словах он добавляет следующее: "Непрерывность (*continuity*) между молекулярными процессами и явлениями сознания... *скала*, на которой материализму

1 *Fortnightly Review*, November 1875, p. 585.

суждено неминуемо разбиваться при каждой его претензии считаться полной философией человеческого мышления"... И несмотря на такое полное сознание в одной статье, он в другой статье "О научном материализме" (стр. 419), не запинаясь, рассуждает об "отношениях физики к сознанию", как о чём-то *"неизменном*" и положительном...

– В этом его поддерживают все другие авторитеты науки... – уже робко ввернули слово пандиты, – и Вирхов тоже...

– Далеко не все, – перебил полковник спорщиков, – а только некоторые, да и те в умеренном числе.

– И, право, требуется не более самого поверхностного знакомства с физиологией и патологией, – добавил Гулаб-Лалл-Синг, – чтобы придти к убеждению, что не только "неизменного", но даже и исключительного отношения очень мало найдётся между чистой физикой и даже физиологией, а не только между чисто психическими явлениями... Что же касается Вирхова, то он, отделав *Антропогению* Геккеля, в то же время (хотя и косвенно) отделал и тех, кто так горячо поддерживал это сочинение при его появлении.

– Очень жаль, – буркнул пандит в pince-nez, – потому что в таком случае Вирхов идёт против авторитета одного из величайших мыслителей своей родины, именно против Бюхнера. А ведь сам же Бюхнер говорит в *Kraft und Stoff* (стр. XXVII. Предисловие): "натуралисты все давно *доказали*, что за исключением сил физической, химической и механической, *нет других сил в природе*".

– Не сомневаюсь, что Бюхнер это говорит, как и в том, что у вас отличная память, – насмешливо ответил такур. – Да то ли ещё он говорит! Вот, например, он как бы повторяет слова нашего Ману: "Материя – начало всего существующего; все естественные и умственные силы природы присущи ей (стр. 32). Природа всезарождающая и всепожирающая есть собственное начало и конец, рождение и смерть. Она произвела человека собственным могуществом и берёт его к себе назад..." (стр. 88). Но Ману, говоря то же самое,[1] одним простым

1 "Из собственной его (Брамы) эссенции сгущается мировой эфир – материализация его воли, видимая и невидимая, осязаемая и неося-

заявлением, что все *видимое* зарождается от *невидимой*, но *сознательной* силы, стоит в отношении логики, как и философии, стократ выше всех Бюхнеров прошлых и будущих. Что некоторые естественники и так называемые философы *уверяют* нас, будто кроме этой тройной материальной силы нет других сил в природе, то это всякому известно. Но чтоб они когда-либо *доказали* свои гипотезы прямым подтверждением науки, это я положительно отвергаю…

– Но неужели же нам в XIX столетии предпочитать Бюхнеру и Гёкели – Ману?

– Если Ману в сущности учит тому же, что и западные современные учёные, так почему бы и нет? Вы не можете не согласиться, что Ману *предупреждает* в своём учении почти всё то, что проповедуют теперь свету г-да эволюционисты – "апостолы разума", выдавая свои теории за нечто совершенно новое. Если же Ману успевает ещё и в том, на чём обрываются эти апостолы материи, и поэтому отрицают оное, то есть если он логически доказывает необходимость связи между духом и материей и устами Патанджали[1] подтверждает эту связь экспериментальными демонстрациями над самой двоякой природой человека – этого высшего тайника духа и материи – то я положительно утверждаю, что Ману стоит несравненно

заемая материи, разлагающаяся по его дуновению на *огонь*, *воду*, *землю* и *воздух*. Из паров земных (дыхание Брамы) зарождаются все твари и вещества органические и неорганические, из семени, брошенного в землю, оплодотворённого божественным духом и зародившегося из его собственного бесконечного и безначального вещества – всемирного семени" (*Шлока*, XV)… "Дав миру время развиться по законам перерождения (эволюции), верховный властелин, оплодотворяющий после каждой *пралайи* (периодического мирового разрушения, или, правильнее, исчезновения мира из объективного в субъективный) лучезарное яйцо природы, по окончании своих перерождений (трансформаций) снова погружается в душу вселенной – Парабраму" (*Ману*, книга I). Брахма – мировое воплощение Парабрамы, бог в образе природы. Невидимый и безо всякого образа дух оживотворяет лишь лучезарное чрево (яйцо), из которого и появляется двуполый Брама, или творческая сила Парабрамы, при начале каждого нового цикла.

1 Патанджали – основатель системы *йогизма* и психологического развития человека посредством постепенного изменения его физической природы.

выше современной науки, по крайней мере во всём касающемся как чисто духовной природы, так и физиологии человека.

– Вы нам, кажется, советуете вернуться к идолопоклонству? – последовал иронически вопрос.

– Нисколько. Наши древние философы никогда не учили нас поклоняться идолам. К тому же и советовать вам это было бы напрасно, когда вы и без того воздаёте честь Вишну и Шиве и другим богам, до сих пор ещё не стерев их знаков с вашего лица… Если раз уж вы решили откинуть все обычаи старины, то почему же вы не расстаётесь и с этими языческими знаками?

– Это… это обычай касты… и не имеет ничего общего с верой в идолов, – бормотали переконфуженные пандиты.

– Как не имеет? Неужели вы забыли или никогда и не знали, что касты, по учению браминов, основаны самими богами; что боги первые подчиняются касте, и лица идолов украшаются ежедневно каждое знаками своей особенной секты? – неумолимо преследовал их такур.

– Но ведь и наши лучшие философы, – спорили пандиты, – вероятно, носили эти знаки… Если мы верим Дарвину и Геккелю, то, быть может, лишь потому, что эти учёные дополняют и окончательно развивают материалистические воззрения Капилы и Ману. *Санкья* Капилы, например, не менее атеистическая философия, нежели Геккелевская *Антропогения*.

– Вы, вероятно, забыли учение Капилы… Там, где Геккель видит силу и творчество в одной материи, Капила считает немыслимым что-либо приписывать *пракрити*[1] без содействия *пуруши*[2]. Он сравнивает их: "пракрити" с человеком со здоровыми ногами, но безглазого и безголового, а "пурушу" – с существом с глазами и мозгом, но без ног и движения. Для того чтобы мир мог развиваться и произвести наконец человека, *пуруша* (дух) должен был сесть на шею безголовой *пракрити*

1 *Пракрити* – пластическая материя, природа в своём хаотическом и неявном состоянии.

2 *Пуруша* – дух неосязаемый и не проявляющийся и природе иначе, как чрез пракрити или материю, которую он оживляет.

(материи), и только тогда она стала одарена сознанием жизни и помысла, а *пуруша* получил способность двигаться её ногами и заявить о своём существовании. Если *пуруша* бессилен в своих заявлениях и есть как бы одна не существующая абстракция без помощи объективной формы *пракрити*, то последняя и того хуже. Без содействия духа и его оживотворяющего влияния она лишь куча безжизненного навоза…

– Мы слышали, что вас также занимает и древний зороастрианизм, – приставал ко мне другой пандит. – Какое ваше мнение о солнце как о божестве – о *Сурье*?

– Лучше, по-моему, верить даже в *Сурью*, нежели ни во что. Солнце, которое нас греет и кормит, давая жизнь всей земной природе, куда лучше Бюхнера и членов Королевского общества, пред которыми вы творите, как пред какими-то божествами, "пуджу"…

– Но если верить в Сурью, так почему же разом не вернуться к вере во все тридцать три миллиона наших древних богов – в Кали, Кришну и даже Ханумана?..

– Да я вам вовсе и не советую верить в того или другого, – защищалась я. – Я говорю сравнительно и повторяю, что, по-моему, лучше верить *даже* в Ханумана, чем, например, в *Bathybius Haeckelii* или в мифического бесхвостого антропоида, которого Геккель нам жалует в предки…

– Он доказывает то, что говорит… Геккель начинает эволюцию бытия с первых атомов и логически развивает постепенную трансформацию от первородной протоплазмы…

– Так пускай и развивает на здоровье. А по-моему, *мукус*[1] и все протоплазмы г-д Окена и Геккеля ничуть не умнее первобытной тины и чудовищ, которыми Берозий заселяет эту тину в своей древней сказке о сотворении мира…

Пандиты наконец ушли, унося с собой полное убеждение в том, что мы невежественные ретрограды.

– Ну, хороша же наша учёная "юная Индия"! – говорил полковник. – У меня положительно разболелась голова от их бредней…

1 Слизь (англ. mucus). – Прим. ред.

– За это благодарите англичан, – отвечал такур, – а с нас несправедливо взыскивать за чужие грехи.

Радда-Бай

Письмо XXVI[1]

Мы снова в тёмных, душных вагонах. Чрез пять минут поезд с оглушающим грохотом промчит нас чрез длинный мост на Джумне, а чрез шесть часов мы будем в Канпуре, где Англо-Индия перевернула самую кровавую страницу своей истории. Нас провожают наши голоногие друзья пандиты в шитых золотом шалях; к ним присоединились несколько бенгальских бабу, в белоснежных кисейных тогах и все до одного простоволосые. Вдали мелькает "обер-шпион"; мы видим, как он садится в соседний с нами вагон в сопровождении большой корзинки, наполненной бутылками водки и содовой воды и ящика со льдом. Такур уехал с Нараяном накануне приготовит для нас такое место, куда ещё "никогда не ступала нога англичанина – и не ступит" (говорил он). А пока мы должны удовольствоваться этим обещанием и даже не расспрашивать его об этом, особенно в присутствии мистера У*** и мисс Б***, которые хотя теософы и наши друзья, но всё же англичане. Можно положительно сказать, что в Индии никто из этой нации не будет произведён во святые…

Все окна вагона с тёмно-зелёными стёклами, иначе пассажиры могли бы ослепнуть. Когда их спускают, то на их место подымаются подвижные ставни из кускуса на шарнирах. Вделанные по обе стороны оконных рам в стенах вагона гидравлические машины при каждом повороте колёс поезда обливают ставни водой, отчего они вертятся как вентиляторы в форточках и якобы пропускают рассекаемый поездом прохладный воздух. Но, увы! не отъехали мы и двух миль [3,22 км], как, пощупав ставень рукой, я чуть было не обожгла себе пальцы: вода на солнце сделалась совершенно горячей. В прошлом году в июне (рассказывал нам за несколько минут до

1 Московские ведомости, № 200, 21.07.1880, стр. 2-3; Русский Вестник, июнь 1883, Приложение, том 165, с. 319-330.

отъезда содержатель келлеровского ресторана на аллахабадском вокзале, француз Монкутье) с полуденным поездом приехало семейство одного полковника. Когда пассажиры стали выходить на платформу, то из вагона полковника выскочили два мальчика, крича и плача... В вагоне неподвижно лежали полковник – мертвецки пьяный, и жена его, болезненная женщина лет двадцати двух, – мёртвая. Доктора решили, что смерть приключилась вследствие апоплексии от жары. У самого Монкутье умерли в один день его два сына (двенадцати и четырнадцати лет), выбежав только на несколько минут на солнце. Бедный француз со слезами рассказывал нам про смерть своих сыновей, суетясь в то же время за прилавком, где он втридорога продал нам папиросы, постоянно притом предлагая нам un verre d'absinthe ou de vermout[1]. "Ah, le gredin de pays! – повторял он, захлёбываясь слезами при воспоминании о детях. – Un vrai enfer, quoi!.. Et puis, pas un de ces cochons d'Anglais qui sache un mot de français. Oh, que je voudrais donc voir un jour les Russes ici!"[2]...

Мы засмеялись, но сочли за лучшее не принимать участия в его опасных пожеланиях. Обернувшись, мы увидали за спиной нашего белокурого шпиона, которому лакей наливал "прохладительное" питьё из бутылки рома. На этот раз бедный Монкутье, должно быть, срезался в своих сведениях о не говорящих по-французски англичанах. Возвращаясь в Бомбей едва через месяц после того, мы уже не застали француза за прилавком, подрядчик Келлер сменил его и услал на другую и дальнюю станцию за "болтовню".

Накануне отъезда такур принёс нам пучок свежих листьев и предложил попробовать их. Вкусом они напоминали щавель, оставляя во рту прохладное, как после мяты, ощущение. Он взял с нас формальное обещание держать по маленькому кусочку этих листьев во рту во всё время переезда до Канпура и вообще днём во время жары. "Пока вы их будете жевать, как

1 Стакан абсента или вермута (фр.). – Прим. ред.

2 "Ох, несчастная страна! Сущий ад!.. И к тому же, ни одна английская свинья не говорит и слова по-французски. О, как бы я хотел, чтобы в один прекрасный день здесь были русские!" (фр.). – Прим. ред.

бетель, жара не будет иметь на вас вредного влияния (сказал он нам), и вам подчас даже будет слишком прохладно". И действительно, мы с тех пор будто не чувствовали зноя. Но нам не удалось уговорить У*** держать эту траву во рту, а мисс Б*** постоянно её выплёвывала, и оба чуть было не заболели. Искренно сожалею, что не имею права ни описать этого растения, ни послать его в Россию для исследования: индусы странный народ, и даже сам такур, лучший и благороднейший изо всех нам известных индусов и наш преданнейший друг, не свободен от этих странностей. Он как будто скрывает познания своей родины, особенно такие, на которые современная наука взирает как на нечто сказочное. На наши вопросы: почему бы ему не обогатить и западную науку лишним открытием, столь полезным в этой знойной стране, он как-то загадочно улыбнулся, заметив, что эта трава растёт только в Индии, да и то встречается весьма редко, и что всех де не спасёшь. "Наука на Западе богата и без наших крох, и вы, которые у нас *все* взяли, оставьте нам хоть эти крохи", – добавил он.

Каннур – место безо всякой истории и, пока англичане не избрали его в 1777 году передовым постом для своих гарнизонов в Индии, оно оставалось в полной неизвестности. Станция железной дороги находится за городом, и мы уже собирались взять две раззолоченные *гари* на волах, когда слуга такура объявил нам, что его *маха сааб* (великий господин) выслал нам европейский экипаж. Это был обитый ярко-пунцовым бархатом четырёхместный ландо[1], с двумя висевшими позади, как две крупные капли крови, *саисами*[2], в красных с золотом кафтанах и таких же тюрбанах, и с четырьмя такими же *саисами* в ливреях, долговязыми и быстроногими скороходами, бежавшими впереди ландо. Прибавьте к этому четырёх конных раджпутов, телохранителей Гулаб-Лалл-Синга, и вы поймёте, почему полковник, садясь в карету, заметил: "Перенесись мы каким-либо волшебством в

1 *Ландо* (фр. landau) – легкая четырехместная повозка со складывающейся вперед и назад крышей. – Прим. ред.

2 *Саис* – грум; слуга, верхом сопровождающий всадника или едущий на козлах, на задке экипажа. – Прим. ред.

Нью-Йорк, нас, наверно, приняли бы за продающих зубной эликсир и магические порошки приезжих шарлатанов". Но мы были в Индии, и народ, встречаясь с нами, чуть не бросался на землю пред таким ярким величием.

Первое бросившееся нам в глаза строение была пустая, из тёмно-красного кирпича, огромная церковь без окон и дверей, с высокой остроконечной колокольней. Это здание в продолжение с лишком трёх недель служило слабой крепостью перерезанному впоследствии гарнизону, засевшему в нём по открытии мятежа 6 июня 1857 года.

Что было первой причиной этого кровавого мятежа? Европа читает реляции англичан и воображает, что читает *историю*. Ей даже и в голову не приходит спросить, есть ли между многими историями бунта хоть одна написанная верно и беспристрастно. Индусов никогда и никто не спрашивал, сколько в показаниях их завоевателей истины, которая из двух сторон виновна в больших преступлениях и кто совершил более зверских жестокостей: образованный ли, гуманный европеец, или дикий, доведённый до исступления азиат? По этому поводу мы собирали факты не от одного, а от многих, отнюдь не сговорившихся между собой людей. Их показания в главных чертах согласуются вполне, поэтому мы и верим им более, нежели всем "историям" мятежа 1857 года, взятым вместе. "Смазанные свиным салом патроны", причина бунта *мусульман*, и "ремни из коровьей кожи", возмутившие *индусов*, – не что иное как последняя, переполнившая сосуд горечи капля…

За несколько времени до мятежа, в Битхпуре, большом местечке на правом берегу Ганга, в 12 милях [19,31 км] от Канпура, проживал индус из старинного и гордого рода, по имени Дундху Пунт, более известный под прозвищем Нана-Саиба. Он был усыновлённым наследником последнего "пейшва" (царственного главы Махратской конфедерации) Баджи Рао и по смерти последнего получил в наследство все его поместья, сокровища и имения. Некоторые англичане, подобросовестнее, сознаются в том, что этот молодой человек, двоюродный брат махараджи Синдии, имел полное право

ненавидеть правительство. В своём официальном рапорте полковник Шерер пишет, например, следующую многознаменательную фразу: "Этот человек имел к нам претензию, на которую мы, бритты, с обычным всем преуспевающим господам несимпатическим обхождением не обратили никакого внимания". Усыновлённый в 1832 году, ещё ребёнком, Нана-Саиб вырос в полной уверенности, что он наследует титул и положение "пейшвы" – честь, в сущности, благодаря англичанам, более номинальная, чем действительная, но всё же льстившая самолюбию того, кто имел на неё право. За пять лет до бунта старый Баджи Рао умер, а вслед за его смертью тогдашнее правительство лорда Дальгузи тотчас же и безо всякого повода объявило, что звание "пейшвы" упразднено и что принц Дунхду наследует лишь частные поместья и собственность отца. Вследствие этого получаемый старым раджей пенсион был прекращён; армии приказано не отдавать чести наследнику, и даже несколько старых, давно негодных артиллерийских орудий, великодушно оставленных свергнутому с престола принцу, которыми бедный узник тешился на старости лет, отняты у Нана-Саиба. В продолжение четырёх с лишком лет юный принц разорялся в напрасных усилиях заставить директоров Компании отменить несправедливое решение. Вместо того чтобы твёрдо, но ласково обратить его внимание на тщетность его хлопот, дирекция показала ему на дверь, грозя отнять у него даже его частное наследие. Между тем у Нана-Саиба были две сестры, двенадцати и тринадцати лет, старшая красавица, и обе замужем. Поехав однажды с кормилицей и слугами на богомолье, они подверглись нападению пьяных офицеров, которые ворвались в передний двор пещерного храма, когда те только что сошли, раздетые, в священный танк, и… обесчестили обеих. Единогласное показание уверяет, будто Нана-Саиб убил обеих девочек собственною рукой и *по их же неотступной просьбе*; а убив, выпил по капле крови каждой и поклялся на ней отмстить жёнам и дочерям англичан, или же умереть самому. У Нана-Саиба был доверенный и любимый им друг, индус, насильно обращённый в мусульманство, который,

бежав из Хайдерабада и получив приют и защиту у Нана-Саиба, вернулся к индийской вере. Англичанам индус был известен под именем Азим-муллы-хана. Этот Азим был правою рукой и секретарём Нана-Саиба. В начале 1855 года Азим был послан своим господином в Англию искать защиты в парламенте. Теперь англичане представляют его каким-то низким лакеем и поставщиком для гарема Нана-Саиба, хотя последний по смерти отца был посвящён в звание *брамацарии*, то есть светского монаха, и не только никакого гарема, но и жены не имел. Англичане в своих "историях" жалуются на Азима, называя его "тигром в человеческом образе", обвиняют его в том, что он будто бы шпионил за ними под Севастополем и, проведав об их слабостях, преувеличил-де оные в глазах своих соотечественников, которые поэтому и осмелились взбунтоваться; наконец, Азим-мулла-хан вошёл будто бы "в заговор со врагами Великобритании в Турции и даже тайком ездил в Россию". Но во дни пребывания Азим-муллы в Англии его живописные костюмы, бриллианты, шали и драгоценности очаровывали не одних сходившим по нем с ума английских леди, но даже важных сановников. Он был принят в высшем обществе Лондона и Брайтона, все газеты расхваливали изящество его манер и образования... Как же теперь называть его "подлым лакеем"? Несколько знатных леди уже собирались исполнить данное ему в Лондоне обещание – навестить его господина, принца Нану, в его поместье [в] Битхпуре, когда преждевременно вспыхнул давно подготовленный мятеж и планы Нана-Саиба рушились.

Можно наверное сказать, что Нана-Саибом, как и всеми главными заговорщиками, гораздо более руководило чувство мести и ненависти к англичанам, чем надежда на политический переворот. Конечно, если бы планы Нана-Саиба удались, то в Индии снова водворилась бы Могульская и Махратская империя. Но чувство ненасытной мести, страстное желание обесчестить Англию в лице её знатнейших жён и дочерей, обесчестить так, чтобы (по словам передававшего нам эти подробности) "бесчестие это сделалось историческим, и предание страны воспевало бы справедливую месть

Махратского принца до будущей *пралайи*", было главным и первым его побуждением. Так ловко сыграл свою роль Азим-мулла-хан, что не менее 14 знатнейших дам при лондонском дворе (как сказано выше), очарованные этим азиятским дипломатом, готовы были добровольно посетить логовище сторожившего их зверя, и их приезд в Битхпур должен был послужить сигналом к общему восстанию. Слепая судьба – *кисмет* – спасла, конечно, их, но не спасла их англо-индийских сестёр.

Девизом Нана-Саиба сделалось изречение побеждённой богини Виргилия. И действительно, он, по выражению его биографов, "выдвинул весь ад", созвав вдобавок всех демонов восточной мести к своим услугам…

Насолив ему со всех сторон, лишив его сначала сестёр, а затем звания, почестей, пенсии, англичане с доверчивостью невинности и чистой совести, вследствие нескольких ловко придуманных и заданных им Нана-Саибом пиров, вообразили себе, что наследник "пейшвы" их величайший друг. Ежедневно ожидая, что сипаи его полка последуют примеру своих товарищей и взбунтуются, генерал Уиллер ещё 26 мая вызвал Нана-Саиба из Битхпура "помочь ему успокоить сипаев и предупредить мятеж". Нана явился немедленно и привёл с собою двести из своих пятисот вооружённых телохранителей и три или четыре оставшиеся у него пушки. Его назначили охранять казначейство, и он поселился в собственном доме в Навабгундже. Ему были известны все переговоры между гражданскими и военными властями, и он вместе с англичанами приготовлял "убежище" женщинам и детям…

Когда 6 июня взбунтовались сипаи и вместо того, чтобы, по обыкновению своему, перерезать офицеров, разграбили полковую кассу, а затем отправились по дорога к Дельхи, желая присоединиться к корпусу главных мятежников, то англичане, укрепившись в церкви и провиантских бараках, великодушно передали в руки клявшегося им в "вечной дружбе" Нана-Саиба арсенал, пороховой магазин, парк и всё, что оставалось от казны, поручая своему "верному союзнику" защищать их от народа. Тогда Нана, сбросив наконец маску, вернул сипаев с

дороги, и на другой же день, то есть 7 июня, открыл было по своим "друзьям" огонь, но тотчас же опять прекратил его: адская мысль озарила махрата. Смерть мгновенная и не дающая времени страдать – не наказание. Как кошка с мышью, принялся он играть со своими пленниками: он знал, сколько было в бараках провизии, и начал их морить голодом… Чрез две недели из 250 человек, вошедших в укрепление гарнизона, оставалось только 150, а из 380 женщин и детей наполовину менее. Трупы гнили почти на поверхности земли, пред глазами переживших. То была долгая страшная агония…

Наконец, Нана решился покончить с ними. 26 июня он послал им сказать, что если они доверятся ему, то он спасёт оставшихся в живых. Гарнизон, предпочитая скорую расправу мукам голодной смерти, согласился. Тогда лишённый престола принц велел заготовить лодки, обещая своим пленникам выгрузить их в Аллахабаде, и на утро 27-го часть их была размещена на тридцати баркасах. Как только они были размещены, лодочники зажгли соломенные навесы лодок, а сипаи стали стрелять в пленников. Из тридцати лодок только две успели потушить огонь и отплыть на средину реки, которая в том месте имеет целую милю ширины. Одна из этих двух лодок, пробитая ядрами, скоро потонула, другая спаслась каким-то чудом; но из 28 человек только четверо пережили это утро, попрятавшись в тростнике. Не утонувших вытащили и привели обратно на берег. Во всё это сам Нана не вмешивался. Говорят, будто утром того дня он объявил, что предоставляет пленников в руки судьбы и народа: кто спасётся – благо тому, а кому погибнуть – того даже и сам он спасти не в состоянии; притом он добавил, чтобы ни один "белый", который избегнет смерти, больше не попадался ему в руки, а то будет казнён. Всех спасшихся из воды мужчин перестреляли; а женщин и детей посадили в другое здание, называемое "Савади Котти", недалеко от вокзала, и оставили дней на десять в живых. Быть может, Нана и даровал бы им жизнь, но случилось следующее: 10 июля проезжая мимо Битхпура с сильною партией обоего пола беглецов из Фатсагара, полковник Смит был замечен на реке часовыми. Лодку схватили и человек с лишком пятьдесят,

включая женщин и детей, были взяты в плен. Наутро их погнали по ужасной жаре пешком в Каунпур и представили Нана-Саибу. Вместо того чтобы молчать и, покорясь своей участи, ждать жизни или смерти, англичане (по рассказам) стали страшно оскорблять Нана Саиба, называя его, между прочим, "незаконным сыном" – оскорбление, влекущее за собою у гордых браманов смерть. Тогда мужчин повели на плац-парад и расстреляли, а женщин и детей присоединили к прежним пленникам. Весь этот страшный период покрыт мраком таинственности. Вообще никто из пленников не остался в живых, чтобы рассказать, что именно происходило, но, должно быть, случилось нечто ужасное, неслыханное…

Вероятно, если бы Нана-Саибу посчастливилось, он не казнил бы женщин, ни детей, которых, как известно, он оставил в живых до последней минуты своей власти. Но 15 июля, при Андуне, он проиграл сражение и должен был скрыться. В минуту безумного бешенства, в последнюю ночь своей власти и пребывания в Канпуре, он отмстил, говорят, за своих сестёр: он впустил толпу опоённых опиумом и *багом* сипаев (мусульман и индусов) в дом, где содержались европейские женщины, за несколько часов до их смертной казни. Рассказывают также, что четверо мужчин, судья Торнгилл, полковник Смит и двое других, были нарочно оставлены в живых, дабы сделать их свидетелями этого национального бесчестия. На заре мужчин вытащили на улицу и зарезали, а также 250 женщин и детей. Тела их бросили в глубокий и знаменитый с тех пор "колодезь".

Продолжать повествование напрасно, ибо вся Европа знает остальное. Добавлю лишь некоторые подробности, о которых она никогда не слыхала. Когда Канпуром снова овладели англичане и в нём водворилась тишина, Нана-Саиба уже там не было: он исчез бесследно. Как известно, англичане долго показывали в железной клетке узника, которого, за неимением оригинала, хотели выдать за принца Дундху, но принуждены были, наконец, выпустить этого человека, так как вся Индия хохотала над этим. Между тем Нана-Саиб, говорят, жив, и до сих пор есть люди, ещё не потерявшие надежды увидеть его в

Индии. О пленниках же коллектор, полковник Шерер, рассказывает следующее:

> "Подъехав к дому убийства и резни, мы нашли в нём на шесть вершков [26,67 см] глубины запёкшейся крови… Мы заглянули в колодезь, и пред нами мелькнула вся ужасная истина: спасать было уже некого. Пред нашими глазами открылась та ужасающая картина, при одной мысли о которой ещё теперь в далёкой Англии осиротевшие сердца обливаются кровью… Колодезь был глубок, но узок; заглянув в него, мы нашли его наполненным до краёв мёртвыми и совершенно нагими телами. Всех трупов насчитали 253".

Вот что рассказывает англичанин и очевидец. Но он умалчивает о том, как на другое утро сгоняли жителей Канпура и расстреливали *каждого десятого* человека; умалчивает о том, что, схватив между ними несколько сотен людей (вероятно, большей частью невинных), их заставляли *слизывать запёкшуюся в комнатах кровь*; умалчивает о том, что эту кровь слизывали, не вставая, человек до пятисот в продолжение сорока восьми часов, что две трети из них умерли от рвоты, а остальную треть англичане добили прикладами; умалчивает, наконец, о том, что не несколькими десятками мятежников заряжали пушки (как уверяют английские рассказы), а что такою смертью погибло их *несколько тысяч*.

Лорд Каннинг приказал все *белые* трупы, не трогая их, оставить в колодце и засыпать землёй и известью. Площадь превратили в сад, а над колодцем построили знаменитый "Memorial monument", памятник 1857 года.

Прямо с железной дороги мы поехали в этот сад. Сад тенист, наполнен кипарисами, плакучими ивами и другими превосходными растениями и цветами; но ни архитектура часовни, ни стены сада, ни самый памятник над колодцем не соответствуют ни великому трагическому событию, ни суммам, пожертвованным на исполнение задуманной Каннингом идеи. Статуя работы барона Марокетти и по его идее представляет

"Ангела милосердия". Но почему это поза именно *милосердия*, а не чего-либо другого, определить трудно. Статуя помещена внутри гранитной, четырёхугольной ограды с чугунною решёткой на гребне; с фасада мраморные ступени ведут к калитке, вделанной в этой решётке, что ещё смешнее, так как в здании без крыши, казалось бы, и калитке делать нечего, тем более что она словно висит между небом и землёй. Желающему приблизиться к подножию статуи приходится снова спускаться по таким же ступеням вниз, внутрь ограды; и только тогда, очутясь в квадратной яме с памятником посредине прямо против пьедестала, "прохожий" может остановиться, но далеко не умилиться. Пперед ним, по розовому полю, белыми рельефными буквами красуется вокруг всего подножия легенда мятежа. Легенда эта – чистый курьёз. Она есть как бы соединение всех отборнейших, непечатных ругательств и проклятий язычников... Ограбленный, выгнанный из своих наследственных владений принц Дундху-Пунт (Нана-Саиб) предаётся в ней "огню вечному", как "раб презренный и мятежный, осмелившийся взбунтоваться против законных властелинов *избранного Богом народа*". Англичане – "избранный Богом народ"! Вся симпатия, всё глубокое сожаление к столь незаслуженному страданию, к этим погибшим мученическою смертью несчастным детям и матерям, – всё это исчезает при чтении непристойно ругательной, до приторности высокомерной, напыщенной эпитафии. Мученический прах, покоящийся под нею, забывается; остаётся пред глазами лишь высокомерная надпись, из которой так и бьёт в нос фарисейство гордых и жестоких отцов, братьев, сыновей! Во всём саду между многими десятками надгробных надписей ни одной, положительно ни одной из Нового Завета. Дух древне-израильской нетерпимости, мстительности, дух заповеди: "око за око, зуб за зуб" деспотически царствует в этом саду смерти и пуританства. Но уж если так, то, соболезнуя о неповинных мёртвых, нельзя в этой ужасной трагедии не видеть справедливого "закона возмездия": "что посеешь, то и пожнёшь", слышалось мне в шелесте каждой плакучей ивы над

каждою могилой, в далёком журчанье ручья. Велики и ужасны прегрешения Нана-Саиба. Но кто осмелится утверждать, что его поступками не руководили кровавые слёзы и стоны двухсотмиллионного населения, народа, попираемого ногами завоевателя, народа оплёванного, издыхающего с голоду сотнями тысяч в продолжение последнего долгого века? И поверят ли христиане-читатели, что чья-то рука начертила на множестве надгробных памятников следующее столь подходящее к святыне места размышление: "Оправдана гордость расы, кричащей вослед каждому азиату: Hic niger est, hunc tu Romane, caveto". [1]

Полковник, гуманнейший из либералов, проливавший когда-то кровь за освобождение настоящих *негров* (за "Хамово племя", как их в то время называли в Америке проповедники) просто выходил из себя. Мы наткнулись, наконец, на памятник какому-то убитому сержанту с надгробною надписью: "О, Господи! Ты дал мне нечестивых язычников в наследие, так сокруши же их, рассей с лица земли, и да погибнут *проклятые* филистимляне; а Ты, Господи, прославь *свой* народ!" Все эти надписи в своём напускном смирении казались мне до того гнусно иезуитскими, до того полными затаённого лицемерия, что я поспешно отошла в сторону и стала звать наших спутников-англичан вон из сада. Я положительно чувствовала, что ещё минута – и я не выдержу: выскажу пред сторожем своё мнение об англичанах, о живых, как и о мёртвых, и напущусь вдобавок на "белокурого шпиона", следовавшего за нами как неотвязная тень. Мы уже были подготовлены к раздражению с первой минуты нашего приближения к памятнику: пропустив нас, европейцев, нам объявили, что наши друзья, бабу и Мульджи, должны оставаться в саду *за воротами*, которые им и захлопнули под носом. В ответ на наши протесты старый сторож молча указал нам прибитую к воротам доску. На ней большими буквами объявлялось запрещение "индусам, язычникам, как и магометанам, приближаться к ограде".

1 Римлянин! вот кто опасен, кто чёрен! Его берегися! (Гораций "Сатиры", кн. 1, 4, 85, перевод М. А. Дмитриева)

Мисс Б*** проливала горькие слёзы и сморкалась над каждым памятником. С большим трудом мы оттащили её от двух переплетённых над двойною могилой мраморных любовников, "дух" коих, по её убеждению, "витал в эту минуту" над её топи и размокшею от слёз вуалью. Она ужасно огорчилась и даже обиделась, когда я ей сказала, что, по-моему, ничего здесь не витает, кроме "духа чванства да британского высокомерного фарисейства"...

– *Ma chère*, – всхлипнула англичанка, – *vous n'avez vraiment pas de coeur*[1]...

– Быть может, – отвечала я, – но у меня зато есть то, чего у вас, видимо, нет: *j'ai du nez*[2]...

И мы вернулись к нашим индусам.

Радда-Бай

Письмо XXVII[3]

Милях в четырёх [6,44 км] от Канпура, на скалистом правом берегу Гангеса, в тёмном и почти дремучем лесу, находятся замечательные руины. То остатки нескольких огромных древних городов, построенных один на развалинах другого. От последнего остались одни лишь колоссальные куски стен, бойниц, храмов, да развалины когда-то величественных дворцов, от которых там и сям уцелело по одной, много по две комнаты, скорее стены бывших покоев. Над этими стенами бедные поселяне начали устраивать крыши из листвы и селиться в них, пока мало-помалу не превратили древний город Джаджмоу в деревню. Но развалины тянутся на много миль, а новое поселение скучилось кое-как, оставив прочие руины в полное владение обезьянам. Об этих городах история (англичан) умалчивает, отвергая предания летописей Индии, что Джаджмоу стоит на месте родной сестры и соперницы своей Асгарты – города солнца. Асгарта, по словам древней

1 Моя дорогая, у вас действительно нет сердца (фр.). – Прим. ред.
2 У меня есть чутьё (фр.). – Прим. ред.
3 Московские ведомости, № 23, 23.01.1881, стр. 4-5; Русский Вестник, июнь 1883, Приложение, том 165, с. 330-346.

летописи в Пуранах, построена сынами солнца, два века спустя по взятию царём Рамою острова Ланки, то есть за 5000 лет до Р. Х. по летосчислению браминов. А прошлое Джаджмоу, несколько раз разорённого набегами из-за Гималайских гор, совершенно неизвестно европейским историкам. Раз только упоминается этот таинственный, ныне "не помнящий родства", город, – это в автобиографии Бабура (Загир-Эддин-Магомета), могульского императора, жившего в начале XVI века[1]. В одной из его многочисленных кампаний против афганцев, последние искали убежища и пожелали укрепиться в *древнем* городе Джаджмоу, – пишет султан. Но Хумайюн, его сын, разбил их. Таким образом, эти развалины одно из многих мест, совершенно неизвестных англичанам ни в прошлом своём, ни, добавим, в настоящем.

Дорога к Джаджмоу – ужасная. Мы ехали на слонах, и только благодаря твёрдой поступи этих умных животных не полетели несколько раз в глубокие овраги, как и не повисли новыми Авессаломами за волоса на ветках. Тихо и осторожно ступали слоны по карнизам обрывов, останавливаясь пред каждым низко висящим сучком и раздробив его на щепки хоботом, прежде чем сделать хоть шаг далее. Собственно им, слонам, ветки и не мешали: но они уже так приучены и относятся к ездокам необычайно понятливо. Мы ехали мили три [4,83 км] по скалам и лесу, прежде чем доехали до первых развалин, и почти всё время по узким тропинкам, по которым не проехать на быках даже и туземной скорлупе, называемой "эккой". Наконец, мы стали проходить пред жилыми зданиями, из одного оврага в другой, из ямы в провалы, и окончательно попав на что-то вроде широкой тропы, оглянулись вокруг. И оглянувшись – онемели! Ни одного человеческого существа кругом, но зато не было той развалины, куска стены или повалившейся колонны, на которой бы не восседало несколько

1 Император Бабур, литературная знаменитость в Индии, племянник, Самаркандского султана и прямой потомок Тамерлана; он завоевал Кабул в 1504; затем в 1519 завоевал Пенджаб, а в 1526 – Дели. Он первый устроил сообщение и почту между Агрой и Кабулом и записал свою биографию или мемуары, знаменитые в Индии изобилием исторических сведений.

десятков обезьян. Их было без преувеличения несколько тысяч. Жители жалуются, что они воруют у них последнюю провизию; что, как далеко ни припрятать просо или кукурузу, или какую-либо зелень, – эти лесные "дакоиты" непременно украдут её ночью. И однако же ни в одну из них туземец не осмелится бросить камнем: то священные, как и всюду, обезьяны, "дэва-саабы", или в буквальном переводе "господа-боги". Жители умирают с голоду, зато мартышки жиреют.

У самой опушки леса протекает Гангес, и на правом его берегу ещё доселе виднеются гигантские остатки мраморных ступеней, ширина коих как бы предназначалась, во времена оны, для великанов. Весь песчаный берег на протяжение многих миль, весь лес покрыты глубоко осевшими в землю обломками колонн, разбитыми резной работы пьедесталами, идолами и барельефами. Рисунок резьбы, архитектурные остатки, самый размер развалин представляют нечто грандиозное, неожиданное даже для тех, кто побывал в Пальмире и в египетском Мемфисе. Непонятно, почему эти развалины никем ещё не описаны, тем более что они под самыми стенами Канпура. В пространном сочинении *О территориях, приобретённых Ост-Индской компанией* сказано о них всего два слова. "Джаджмоу – бывший город, ныне деревня с пустым развалившимся базаром. Как говорят местные летописи, он построен на развалинах двух городов. Расстояние от Калькутты 620 миль [997,79 км], шир. 26° 26', долг. 80° 28'". Вот и всё! И однако же, под Джаджмоу похоронен древнейший город древней Индии… Для прямого доказательства его древности достаточно следующего примера. Немного лет тому назад, во время сильного урагана, несколько толстых и старых баньянов были сломлены грозой, а некоторые так и совсем вырваны с корнями. На концах последних были найдены куски изваянного мрамора, в которые корни совсем вросли. Стали копать глубже, и ярда на четыре [3,66 м] под землёй найдены вершины развалин громадных зданий. Но дело теперь не столько в этих зданиях, как в том, сколько веков потребовалось, во-первых, для такого наноса на берегах Гангеса, чтоб уровень земли пришёлся наконец не только в уровень

зданий (некоторые из них в 300 ф. [91,44 м] высоты), но даже покрыл их на четыре ярда землёй; а во-вторых, сколько промежуточного времени прошло между этим событием и временем, когда ныне 1200-летние баньяны стали пускать корни в эту наносную землю? По концентрическим кругам стволов[1] было доказано, что этим баньянам не менее двенадцати веков, а есть в лесу деревья старее и этих. Особенно одна группа этих *ficus indica*[2] поразила нас своим ростом, разве немногим менее знаменитого баньяна на берегу Нербудды, возле Броча и называемого в народе "Капир-Бар". Это последнее дерево – историческое. Ему было 700 лет уже тогда, когда Александр Македонский отдыхал под тенью его со всею своею армией. Теперь оно состоит из 356 толстых стволов и около 3000 меньших.

Мы кочевали в лесу целые три дня. Такуру были известны все закоулки и тропинки, и он сдержал своё слово. Он повёл нас туда, куда действительно не заходила ещё нога англичанина: в тёмное подземелье на глубине 110 с лишком футов [33,53 м] под землёй. Мы отправились туда до зари, когда ещё все спали. Такур кроме нас взял с собою лишь одного Нараяна, да доверенного слугу, старого, седого раджпута, который сопровождал нас от самого Бомбея. У*** и мисс Б*** оставались в Джаджмоу с бабу и Мульджи, и даже не знали, когда и куда мы ушли. Это подземное путешествие осталось для меня, как и для полковника, самым интересным событием нашего путешествия – вероятно, вследствие его необычайной таинственности…

Более часу нам пришлось идти лесною чащей. Наконец мы вступили в узкое, заросшее кустарниками ущелье – не то природное, не то искусственное, разбирать было некогда. Впереди шёл такур, за ним я, за мною Нараян, потом полковник

1 Как известно, лесные деревья увеличиваются в объёме слоями, нарастающими снаружи, и каждый новый слой образует род кольца вокруг дерева, так что, считая их, можно придти к довольно верному заключению о летах его. Адамсон нашёл баобаб возле Гореи, которому между 5000 и 6000 лет. Гумбольдт, говоря о нём, называл его древнейшим в мире деревом!.. В объёме некоторые баобабы имеют от 90 до 100 футов [27,43 – 30,48 м].

2 Индийский фикус или опунция индийская. – Прим. ред.

со слугой раджпутом в замке[1]. Пробираясь гуськом, мы шли в глубоком молчании, так как путь становился труден и было не до разговоров. Наконец мы стали спускаться по крутым извилистым ступенькам, у подошвы коих вышли на маленькую поляну. Направо у одинокой скалы стояла лачуга, в которую мы и вошли. Если не светло было в лесу, так как не совсем ещё рассвело, то в этой мазанке, осенённой густыми баньянами и прислонённой в упор к скале, которая таким образом служила ей задней стеной, царила полная темнота. Раджпут высек огня и зажёг глухой фонарь, который и подал такуру. Тогда, взяв в одну руку фонарь, а другой мою руку, последний прошёл со мной, как мне показалось, в этой египетской темноте прямо сквозь стену. Новость ли необычайного положения или просто следствие постоянно возбуждённых нервов, но, признаюсь, при вступлении в эту неизвестную остальному миру подземную область меня стало сильно коробить; однако любопытство и стыд превозмогли, и я молча последовала за ним. Фонарь слабо освещал наш путь, бросая резкую полосу света лишь под самые ноги; кругом царила непроницаемая мгла, а меня неудержимо увлекала вперёд мощная, одетая вся в белое фигура гиганта, лицо которого мне казалось теперь темнее самой ночи… Он быстро и не колеблясь шёл вперёд. Все молчали, и даже наши шаги беззвучно падали на ровный, мягкий грунт прохода, словно мы ступали по толстому ковру. Невзирая, однако, ни на торжественность шествия, ни на радклифовскую обстановку, полковник и тут не утерпел, чтобы не побалагурить. "Великолепная *тёмная камера* для вызывания духов… Жаль, что между нами нет медиума!" – неожиданно раздались трунящие слова. Несмотря на выражение шутливости, звук его голоса в этой зловещей тишине заставил меня, да кажется и его самого, сильно вздрогнуть. Как-то глухо, словно надорванный, и вместе с тем протяжно прозвучал он, словно сверху, и понёсся далеко, далеко вперёд, пробуждая по дороге сонное эхо…

Вдруг такур остановился, крепко сжав мне руку.

1 То есть замыкающим. – Прим. ред.

– Что это?.. Неужели вы в самом деле и серьёзно… *трусите*? – неожиданно спросил от меня, презрительно подчёркивая последнее слово. – Рука ваша дрожит как в лихорадке!..

Я почувствовала, как вся кровь хлынула мне в лицо при этой *заслуженной* обиде; но сделала то, что всякий другой сделал бы на моём месте: внутренне "поднялась на дыбы" и попробовала оправдаться.

– Я не трушу… да и бояться мне нечего… – пробормотала я, чувствуя в темноте вперённый в меня взгляд Гулаб Синга. – Я просто устала…

– Жён-щи-на… – тихо и как бы про себя прошептал с какой-то снисходительною горечью в голосе такур, но пошёл тише.

Не имея в руках достаточно веских доказательств противного и не отрицая этого нового как мне самой, так и моему полу оскорбления, я проглотила его и смолчала. Так шли мы четверть часа, если не долее, по ровной, немного покатой и мягкой дороге и, как мне казалось, необыкновенно высокому проходу; мой старый приятель не выпускал моей руки, полковник уже начинал громко пыхтеть, а я внутренне злилась на собственную слабость и посрамление. Но вот наконец такур снова остановился и, высоко подняв фонарь, разом открыл все его глухие стенки. Пред нами явилась гладкая и ровная стена из скалы. Ни одной трещины не было видно на ней.

– Вот взгляните, – обратился Гулаб Синг к полковнику, – и убедитесь, какие чудеса совершали наши механики-предки, незнакомые, по мнению европейцев, с науками. Держу пари на что угодно, что явись сюда все лучшие механики Запада, им никогда не открыть секрета этой… двери! Я вам теперь хочу доказать, что это – дверь, а не скала.

Наш любознательный президент, получивший когда-то медаль за лучшее сочинение о механике в Ранселаровском (Rensselaer) Технологическом Институте Трои (Нью-Йорк), стал зорко исследовать стену. Его старания увенчались полным *фиаско*. Ни постукиванье, ни ощупывание впадин ни к чему не привели. Между тем, пользуясь полным светом открытого фонаря, я разглядела местность. Род полукруглой комнаты, со

скалистыми стенами и теряющимся на огромной высоте потолком; грунт словно усыпан чёрным порошком.

– Если верите мне на слово, – заметил наконец такур, терпеливо следивший за исследованиями полковника, – то я могу вас уверить, что этот ход прорыт и устроен много тысяч лет тому назад. Как видите, – добавил он, дотрагиваясь и напирая плечом на угол скалы, – "сыны Солнца" были хорошо знакомы с законом рычага и подъёма, а также и с правилами центра тяжести ещё до Архимеда. Иначе как бы они могли придумать вот это?..

И когда он напёр сильнее и повернул какой-то незаметный в стене штифт, пред ним неслышно и тихо образовалось отверстие фута в два шириной [0,61 м] и во весь его рост в высоту, – точно одна из новомодных дверей в американских домах, вся до замка ускользающая в стену. Но здесь дверной ручки не было; не видно было и продолблённой дверной стены…

Мы все вошли, и такур снова неуловимым движением и давлением на *что-то* задвинул стену. Невзирая на любопытство полковника и его бесконечные расспросы, он отказался выдать секрет прохода. "Довольно того, что я доказываю вам, что эти тайные подземные ходы существуют уже много тысяч лет в Индии", – говорил он нам, – "и ещё более тысяч народа нашли здесь в разные времена спасение через тех, кто посвящён в тайну их существования. Теперь таких уже немного осталось", – добавил он, как мне послышалось, с нотой грусти в голосе. –"И не успели они спасти против её воли одну из храбрейших, благороднейших женщин Индии, последнюю из великих героинь нашей "матери!"…[1] Чрез несколько минут мы сядем отдохнуть, и тогда я вам расскажу эпизод из последнего мятежа. В Европе он почти, если не совсем, неизвестен"…

Теперь мы шли по широкому, высокому коридору со сводом. По всей вероятности, последний сообщался, так или иначе, с поверхностью земли, ибо воздух в подземелье, хотя и немного сырой, был однако же чистый, невзирая на его 140

1 Говоря о родине, индусы всегда называют Индию "матерью".

футов [42,67 м] глубины под землёй. Впрочем, дорога шла всё время покато, немного под гору, и только к концу третьего коридора из пещеры, которую тотчас опишу, шла незаметно в гору. Очевидно, часть этих проходов была уже подземельем в то время, когда Асгарта ещё находилась в числе других городов, процветая на земной поверхности. По обеим сторонам коридора нам попадались бездверные отверстия, продолговатые квадраты, ведущие в другие боковые ходы; но такур нас туда не водил, заметив только, что они ведут в жилья, т. е. иногда *занимаемые* покои. Что подземелье посещалось ещё весьма недавно, в этом мне служила порукой находка старого измятого конверта, с какими-то иероглифическими знаками, но совершенно современного покроя и с клеем под запечатанною стороной. Весь этот проход, то есть коридоры, насколько мы могли судить, длиной вёрст в пять или шесть. Пройдя мили три [4,83 км], считая от потаённой двери, т. е. почти на середине между двумя ходами, мы очутились в природной и огромной пещере, с небольшим озером в центре и искусственными вырубленными из скал скамьями кругом бассейна. В воде, посреди озерка, стоял высокий гранитный столб, с пирамидальною верхушкой и толстой заржавленной цепью, обмотанной вокруг него. Уже идя по коридору, мы замечали, что временами темнота почти рассеивалась и слабый, словно сумеречный свет озарял нас в такие минуты сверху; в пещере же – вероятно самая низкая местность подземелья – было темно, как в Гизехской пирамиде[1]. Но тут такур приготовил нам сюрприз. Он дал старому раджпуту приказание на непонятном для нас диалекте, и тот, словно снабжённый глазами кошки, тотчас отправился куда-то в темноте, пошарил в углу и тут же начал зажигать один за другим факелы, вставляя их в приделанные к стенам железные кольца. Скоро вся пещера осветилась ярким блеском. Тогда, уставшие и крепко проголодавшиеся, мы разместились на окраине озера и принялись за корзину с провизией.

А теперь постараюсь вкратце рассказать историю как пещеры, так и обещанный такуром эпизод из мятежа 1857 года.

1

Последний принадлежит прямо к истории, хотя англичане и старались исказить оный, как исказили и даже *скрыли* многие из фактов этой позорной для них эпохи. Услыхав о нём впервые от Гулаб-Лалл-Синга, мы впоследствии узнали касающиеся этого случая интересные подробности от многих старых индусов, из коих некоторые были даже очевидцами в этом деле; а в одном случае и от англичанина, старого англо-индусского офицера.

О древнем городе Асгарте и его печальном конце *Пураны* рассказывают следующую легенду. Судаза-Риши был священным главой духовенства "браматмой"[1], а его брат Агасти – махан-кшатрией (великим царём-воином) Асгарты. В отсутствие обоих, царством управляла махарани (великая царица), бывшая некогда *кумарикой* (Девой Солнца) во храме *Сурья-Нари* (Солнца-Природы). Её красота пленила царя; и вот в самый момент её приношения себя в жертву на алтаре огня (то есть религиозного самосожжения), он, воспользовавшись древним обычаем, дававшим право царям спасать индийских весталок от смерти, потребовал её к себе в жёны. До него уже раз явился другой претендент на её руку, царь Гиммавата, но она отказалась от предложения, предпочитая смерть в пламенных объятиях супруга-бога, священного огня. Оскорблённый за-гималайский царь поклялся отомстить. Много лет спустя, когда Агасти-царь был на войне в Ланке (Цейлоне), его побеждённый соперник, воспользовавшись его отсутствием с войсками, сделал набег на Асгарту. Царица защищала свой город с храбростью отчаяния; но наконец он был взять приступом. Тогда, собрав всех "дев Сурьи" из храмов, жён и дочерей своих подданных и собственных детей, всего 69 000 женщин, включая *кумарик*, царица заперлась в громадных подземельях храма Сурьи-Нари и, приказав построить священные костры вдоль всего подземелья, сожглась на них вместе с другими женщинами и всеми сокровищами города, предоставляя в распоряжение победителей лишь пустые здания.

1 "Душа Брамы", высший духовный сан.

Вернулся царь и, найдя на месте дворца, царицы и детей лишь пепел, бросился догонять победоносную армию. Настигнув её, он разбил её совершенно и, захватив вместе с царём её 11 000 пленных, вернулся к развалинам Асгарты. Здесь он заставил пленных выстроить на пепелище погибшего новый и ещё более богатый город, и затем, когда он был окончен, соорудить посреди города, пред храмом Нари, костёр, способный вместить в себе 11 000 человек. На нём и гиммаватский царь, и его воины, среди проклятий и поруганий со стороны всего народа Асгарты, были сожжены живыми в отмщение за погибшую царицу.

По преданию и древним летописям, уже пройденное нами подземелье, как и то, которое нам оставалось пройти, по другую сторону пещер, есть то самое подземелье храма, в котором сожглась царица. Этот мягкий грунт, принятый мною за чёрный и мельчайший песок, есть пепел 69 000 женщин и *кумарик*, то есть девственниц!

Это – легенда; а теперь следует быль. Всего двадцать два года прошло с того времени и в Пуне, как и в Гвальйоре, все подробности этой эпической трагедии ещё свежи в памяти людской.

По дороге от Агры к Сагору расположена территория Джанши (Jhansi). Теперь она находится в британской провинции Бундельскунда[1], но в 1854 году принадлежала независимым пейшвам махратским. Радж Джанши состоит из двух частей, разделённых лишь одною узкою полосой земли, принадлежащею к территории туземного раджи или такура Техри. К северу западная часть Джанши обрамлена Гвальйором и Дуттеей, к востоку – Техри, к югу и к западу – снова Гвальйором. В 1832 году, по статистике Ост-Индской Компании, в этом радже было 956 деревень и 286 000 населения, разбросанного на пространстве 2 922 квадр. миль [740,74 кв. км]. Давало оно круглым счётом 28 *лак*[ов] рупий доходу[2]. Часть владения Урзхского раджи из фамилии принцев Бунделлы, она была им уступлена ещё при Сиваджи пейшвам, которые и посылали

1 В ред. 1880 г.: «Бундельскундо». – Прим. ред.
2 2 800 000 рупий.

туда управлять своих *субадаров* (губернаторов). В 1804 году англичане заключили с одним из них, в качестве данника пейшвы, оборонительный союз; а в 1817, когда друзья и союзники отняли по своему обыкновению у пейшвы все права и он *уступил*!! им, между прочим, и право владения Бунделькундом, Компания заключила с субадаром Джанши другой договор, по которому она признавала его независимым раджой "с правом передачи наследия детям, а если не будет таковых – ближайшим наследникам" за плату Компании 74 000 рупий в год. В 1832 году принц Рам-Рамчунд-Рао был формально признан раджой. Но в 1838 он умер без прямого наследника мужского пола, оставив престол внучке, недельному ребёнку его дочери, с тем, чтобы выбранный для неё муж наследовал трон. Но Компания, невзирая на договор и не только против желания народа, а даже и против самого закона престолонаследия в Индии – закона, запрещающего прокажённым царствовать, – выбрала дядю умершего раджи Ругоната-Рао. Прокажённый, полубезумный и болезненный раджа умер три года спустя. Компания только этого и ждала. Под тем предлогом, что из туземцев никто не умеет управлять своим домом и делая вид всё время, что они ищут приличного для Джанши наследника, англичане, назначив пенсию Лакшми-бай, замужней внучке прямой наследнице и её мужу Гунгадару-Рао, овладели раджем в 1843 году. В 1854 году, за три года до мятежа, Гунгадар-Рао, муж Лакшми-бай, умер, оставив вдову и сына, который имел все права на престол прадеда и матери. Но англичане объявили ребёнка незаконным сыном и даже отняли у Лакшми-бай пенсию. Ей было тогда 16 лет. Её-то Такур и назвал величайшею героиней современной Индии.

Махарани Лакшми-бай была двоюродною сестрой как махараджи Синдии Гвальйорского, так и Наны-Саиба. При самом начале восстания, когда последний сбросил маску, она открыто приняла его сторону и, успев собрать двадцатидвухтысячную армию в Джанши, приготовилась поддерживать Нану-Саиба до конца. Говорят, будто Нана-Саиб успел привлечь на свою сторону не только войско Гвальйора, но и самого Синдию. Но на следствии махараджа вполне оправдался, где и

доказал, что обвинение шло от его врагов. Получив известие, что войско Синдии готово, по соглашению с Наной-Саибом, махарани во главе своей армии направилась на Гвальйор, столицу Синдии, где ожидала по прибытии своём найти ворота крепости отпёртыми, а войско и народ приготовленными объявить свою независимость. По предварительному соглашению эта индийская Иоанна д'Арк[1] должна была, вступив в Гвальйор, завладеть городом во имя Наны-Саиба, а затем уже при счастливом окончании дела возвратить Синдии его владения. Но вышло иначе. "Деван" (первый министр), на которого надеялись, что он всё приготовит и предупредит народ, как и армию, оказался изменником общему делу. Махараджи Синдии тогда не было дома – он был с англичанами. Вместо того чтоб отпереть ворота города Лакшми-бай и её армии, "деван" заперся и послал предупредить англичан, угрожая всё время своим солдатам местью махараджи и его союзников Компании. Солдаты колебались и, услыхав ночью условленные знаки, не знали, что им делать. Между тем, "царица Джамши"[2], видя, что ей не отпирают ворот, и подозревая измену, ворвалась в город с другой стороны, взяв его положительно приступом. Рассказывают, будто ей отперли другой, потайной ход.

Тогда началось царство ужаса и продолжалось в городе целую неделю, пока не поспели на помощь англичане. Лакшми-бай перерезала бóльшую часть армии Синдии, умерщвляя всякого, кто только колебался присоединиться к ней. Деван успел скрыться[3]. Когда английская армия прибыла на помощь Гвальйору, некий *брамачариа*, одетый в платье *санньязи* аскета, предложил ей спастись, уверяя её наперёд, что иначе она погибнет. Он умолял её последовать за ним с сыном в окрестности Каунпура, где в подземелье Джаджмоу она найдёт друзей и полную безопасность. Но Лакшми-бай гордо отвергла предложение, уверяя его, что смерти не боится и предпочитает

1 Жанна д'Арк (1412–1431) – национальная героиня Франции. – Прим. ред.
2 Так зовут её в народе.
3 Он ещё жив и получает от англичан огромную пенсию.

её даже жизни в виду унижения её родины. Тогда началась возле городских ворот и вне крепости, которую наша героиня не успела взять, памятная на долгие годы в стране битва. Махарани сама повела своих солдат на бой верхом на бешеной лошади. На минуту произошла в их рядах паника и бóльшая часть непривыкших к регулярной службе новобранцев бросилась бежать. Одна с горстью приверженцев она защищала свою позицию с мужеством отчаянной решимости в продолжение трёх часов против неприятеля втрое её сильнее. Заметив, наконец, что её силы слабеют, она приказала своим приближённым тут же воздвигнуть костёр и приготовить всё необходимое, дабы зажечь его тотчас же, как раздастся её приказание. "Братья, – воскликнула она по словам очевидца, – клянусь тенью всех павших в честном бою предков моих умереть прежде, нежели коснётся одной нитки моего *сари* рука *беллати*. Поклянитесь и вы, коли мне суждено здесь пасть, сжечь моё тело, не дозволяя врагу прикоснуться даже и до праха его!" Все поклялись, и Лакшми-бай ринулась верхом в самую густую толпу сражающихся. Говорят, будто ещё и в эту торжественную минуту тот же таинственный аскет снова предложил ей спасенье, но она снова отвергла его. Всё увеличивающая народная молва уверяет, будто она собственноручно убила *несколько сот* англичан! Но что она убила многих также верно, как и то, что англичане тщательно скрывают это постыдное для них событие. Наконец, её лошадь, чего-то испугавшись, рванулась так бешено, что махарани выпустила поводья из рук. В несколько скачков обезумевший конь отнёс её назад под городские стены, где сражённый неприятельскою пулей пал, далеко сбросив с себя наездницу. Махарани не была, однако, убита. Она была в полной памяти и только обе ноги её, вероятно, были сломаны. Её посадили у стены, и она продолжала отдавать приказания. Но заметив, что несколько англичан, видя её падение, спешили к ней с целью овладеть ею и уже перерезывали её приближенным дорогу к костру, она мигом решилась и отдала последнее приказание. Пока часть её верных товарищей удерживала приближение неприятеля, другая, положив махарани на сено и навалив на

неё целую кучу соломы и хвороста, мгновенно зажгла её. Затем и они кинулись отражать наступление англичан, дозволяя им рубить и резать себя одного за другим лишь бы дать огню время довершить свою работу, а махарани превратиться в пепел…

– Этот благородный пепел, вполне достойный смешаться навеки с пеплом царицы Асгарты, покоится здесь и его уж никто и никогда не потревожит, – так кончил наш собеседник.

Мы вышли из пещеры другим коридором, и этот узкий проход повёл нас в гору. Дорога шла отлого; ноги также утопали, как и в первом, словно в мягком ковре. Наконец, круто повернув вправо, она привела нас к такой же глухой стене, как и первая. Единственная между двумя разница состояла в том, что запиравшая отверстие скала, вместо того чтоб уходить в боковую стену, при открытии опускалась вниз, оставляя низкую, фута в полтора [46 см], стенку, которую нам и пришлось перешагнуть. За этой стеной в небольшой пещере находится глубокий колодезь. Здесь кругом нас, на 16 миль в квадрате [41,44 кв. км], погребены развалины давно усопшего города Асгарты.

Чтобы выбраться снова на землю, нам пришлось всходить три раза сряду по бесчисленным ступеням. Ещё нечто вроде двери – камень между двумя скалами, поворачивающийся на чём-то неизвестном мне, – и мы снова в какой-то пещере; свет, хотя и слабый, ослепляет нас после восьми часов темноты. Выйдя на чистый воздух, мы почувствовали, как должен чувствовать себя человек, вышедший из прохладного погреба и залезший в духовую печь. Жара стояла невыносимая. Всё спало в лесу и, кроме неумолкаемой трескотни кузнечиков, не слышно было ни шороха. Даже обезьяны дремали в листве… Был полдень, и нам приходилось, под страхом апоплексии, выжидать в тени, пока не спадёт полуденный зной. Шагах в десяти стоял старый разрушенный храм, от которого остался один *гопарам*[1], ворота с комнатой или двумя внутри здания.

1 *Гопурам* или *гопура* (санскр. gopuram) – башня над вратами в храмовой ограде индуистских храмов, отличительная черта индийской средневековой архитектуры, особенно характерная для Южной Индии, служит в качестве входа в храмовый комплекс. – Прим. ред.

Там мы скрылись от этого ужасного, невыносимого зноя, спугнув по дороге сотни разноцветных попугаев, сверкавших словно подвижная радуга пред нами своими блестящими крыльями на солнце…

Мы вернулись на кочёвку[1] к вечернему чаю.

Говорить подробнее о подземном путешествии не приходится по многим причинам, из коих главная та, что эта местность совершенно никому неизвестна; да и многое из виденного и слышанного нами так странно, что, вероятно, у меня не достало бы и слов для более точного описания. Есть и другие подземелья, например в Амбере, возле Джейпура, в которых не был ещё, кроме нас, ни один европеец, также подземный, ведущий далеко под море ход из Элефанты, где, забравшись мили на две [3,22 км] в его глубину, мы чуть было не задохлись, вместе с сопровождавшими нас парсами. Но про эти ходы известно и англичанам, хотя никто из последних ещё не посещал их. Про подземелья же в Джаджмоу, к удивлению своему, сколько я ни расспрашивала англичан, никто ничего не знает. Недаром наш друг такур, взявший с нас честное слово никогда не намекать о дороге, ведущей к ним, так спокоен насчёт их открытия англичанами. Индусы – народ скрытный и загадочный вообще;[2] а изо всех индусов такур загадочнее всех их, взятых вместе. Недавно, собираясь описывать эту поездку, спрашиваю его:

---

1 То есть на стоянку. – Прим. ред.

2 Они до того загадочны, что, при всех стараниях полиции вообще и тайной полиции в особенности, англичане до сей поры не могут сообразить следующего: "как могли во время мятежа 1857 года, *без телеграфов и железной дороги*, передаваться с такой быстротой новости с одного конца Индии на другой? Едва что случалось в Калькутте, как на 2000 миль [3 218,69 км] оттуда где-нибудь на севере Индии, через несколько часов уже знали на базаре об этом, а англичане узнавали только чрез неделю. Сэр Джон Кей, в своём сочинении *Sepoy War 1857-8*, в подробной истории о мятеже, замечает этот странный "необъяснимый для правительства факт". "Когда был вырезан наш штаб в Аллахабаде, пишет капитан Морель, я был в то время в Мадрасе. На другое утро, 8 июня, является ко мне знакомый браман и рассказывает о случившейся катастрофе. Не веря, я бегу в дом губернатора. Там ничего не знают. Мы официально узнали об этом лишь через шесть дней!" (*A few days in 1867 in India*).

– Вы ничего не имеете против моего описания для русской публики вашего подземелья в Джаджмóу?

– Ровно ничего, – говорит, – коли надеетесь на свою память.

– В памяти я уверена. Но вы говорили, что англичанам самое даже существование этого места неизвестно? А если они, которые с жадностью читают все русские газеты, немедленно переводя все сколько-нибудь касающееся Индии и вообще Азии, прочтут моё описание да примут к сведению?

– Что ж из этого? Пусть принимают.

– А если пойдут искать, да и отыщут его?

Гулаб-Синг как-то странно прищурился и посмотрел на меня не то пытливо, не то немного презрительно.

– Что же в моих словах такого странного? Кажется, предположение весьма естественное?

– Весьма… – подчеркнул такур, – только с точки зрения европейцев, а не с нашей. Извиняясь заранее в смелости, осмеливаюсь предположить, что я, быть может, немного более вас изучил не только англичан, но и человеческую природу вообще. А, изучив её, скажу вам наперёд следующее: девять шансов из десяти, что, прочитав это описание, всякий англичанин примет ваш рассказ за сочинённую вами сказку. Они народ слишком гордый и чванный, чтобы допустить, что есть такие места в их владениях, о которых они ещё никогда не слыхали и куда не ставили ещё своих часовых…

– Ну, а если билет вынется, как нарочно, с *десятым* нумером… что тогда?

– Тогда они пойдут на поиски и – ничего не отыщут.

– Да как же вы можете так наверное ручаться?.. Ведь подземелье существует… Не исчезло же оно с лица земли?..

– Именно потому, что оно существует в действительности, они и не найдут его. Вот если бы вы выдумали его, то они нашли бы его непременно, если бы даже им пришлось для того прорыть его самим… Они бы сделали это, хоть бы для того, чтобы задать нам, туземцам, острастку и вместе показать дома – вот какие мы в Индии тонкие молодцы: ничто не ускользает от нашего всевидящего ока!.. Ведь сочиняли же они подложные политические корреспонденции и ловили мнимых политичес-

ких преступников, подкупая для этого воров из острога; и всё это только для того, чтоб оправдать ими же сочинённые и посланные самим себе доносы…

– Последнее предположение. Они, то есть все власти и их шпионы, знают, что вы были с нами в Канпуре и Джаджмоу… Ведь я опишу дело, как оно было… Если они пристанут к вам показать им, где это подземелье, – извините меня, – если они вздумают *заставить вас* открыть им эту тайну… что вы тогда станете делать?..

Такур засмеялся тем тихим, неслышным смехом, от которого меня всегда бросало и в жар и в холод.

– Успокойтесь, этого никогда быть не может. Но в случае, если б они вздумали "приставать", то предупреждаю вас наперёд, что *вы*, а не *я* увидите себя в фальшивом положении. Поверьте, что я даже и слова не вымолвлю в таком случае, а предоставлю защиту коллектору моего округа и всем знающим меня жителям. А коллектор мистер В. донесёт, что *с 15 марта по 3 мая 1879 я не выезжал из своего "раджа" и что он посещал меня два раза в неделю*, а жители, между прочим все англичане, подтвердят это…

С этими словами он встал и, сев на свою лошадь, простился и уехал, бросив мне на прощание следующее немного насмешливое замечание.

– Почём вы знаете… быть может, у меня есть брат *близнец*, о котором миру так же мало известно, как и о подземелье?.. Вот запишите и это; не то и ваши земляки примут вас, вместе со всем нашим Теософическим Обществом, за дополненное издание барона Мюнхгаузена.

И наверное примут.

Подобное событие уже раз случилось с такуром. Его все видели в Пуне, где он открыто показывался в продолжение целого месяца. Когда же его захотели замешать в одно политическое дело, коллектор, магистрат и *два миссионера* показали, что Гулаб-Лалл-Синг не выезжал из своего поместья более шести месяцев. Заявляю *факт*, отказываясь, как и всегда, объяснить его. Ещё не прошло и года, как оно случилось.

Радда-Бай

Письмо XXVIII[1]

И вот мы в Дельи – великом граде могулов. Если другие города и места Индии держали нас, словно очарованных, под влиянием волшебного сна с его мимолётными грёзами о всем, что когда-либо являлось прелестного в архитектуре, то Дельи остался навеки запечатлённым в наших воспоминаниях как воплощение на вид несокрушимого и всё же побеждённого гиганта, уснувшего Сампсона, оставившего свои густые пряди в руках предательской Далилы. Нигде во всей разорённой Индии не найдёте вы стольких свидетельств о могуществе мусульманской империи, нигде не почувствуете себя столь вынужденными с благоговением преклониться пред памятью великих мастеров, создавших "Надир-Шах Моск", башню Кутаб, дворец Делийский, а главное, *Тадж-Махал* в Агре.

Дельи вынырнул перед нами из-за пригорка, за несколько минут до солнечного заката, и мигом вызвал во мне воспоминание о золото-жемчужной столице Магометова рая, по рассказам Пророка. Во время одной из своих духовных экскурсий в эту вновь открытую им небесную область поэт-пророк имел случай видеть и подробно описать нам одного ангела, нижняя половина тела коего состояла из пламени, а верхняя из прозрачного льда: оба враждебные друг другу элемента превосходно уживались, нисколько не вредя друг другу. При первом взгляде на древнюю столицу Шах-Джагана мне припомнился образ этого ангела. Предположив, что Магомет пророчески узрел Дельи в далёком будущем и при таком солнечном закате, его "огне-ледяной" ангел является лишь восточной и весьма верной метафорой этого города. Залитая багрово-золотистым пламенем заходящего солнца, вся нижняя часть дворцов, мечетей, минаретов Дели, построенная без исключения из красного песчаника, казалась громадным горящим костром, из недр которого высоко воздымалась, теряясь в прозрачной и уже потухающей синеве вечернего воздуха, верхняя часть строений – глыбы ослепительной

1 Московские ведомости, № 40, 09.02.1881, стр. 2-3, № 54, 23.02.1881, стр. 3-4, № 112, 24.04.1881, стр. 5, № 118, 30.04.1881, стр. 5; Русский Вестник, июнь 1883, Приложение, том 165, с. 346-389.

белизны мраморных куполов, минаретов, башен… А надо всем этим, словно туловище и голова "ангела", водружённая на скалистом пригорке, столь высоком, что платформа, на которой она построена, стоит на 30 с лишком футов [9,14 м] над уровнем самых высоких крыш Дели – возвышалась Джумма-Мусжид, главная мечеть города. С её лесом башен, стенных зубцов и минаретов, над полосатою из чёрного и белого мрамора головой о трёх куполах, эта мечеть – самая замечательная по своей оригинальности, если не по красоте, в Индии.[1] Зрелище было величественное и вырвало у всех нас единодушный крик удивления.

Древний город, на развалинах коего Шах-Джаган выстроил в XVII столетии Дели, назывался в истории Индии Индрапрештой, а затем Индерпутом. Основателем его был царь Юдхиштхира, смерть которого по древним летописям браминов последовала в 3101 году до Рождества Христова. До христианской эры история этой столицы покрыта непроницаемым мраком, среди которого изредка являются беглые проблески событий, историческая верность коих подтверждается историей других народов. Летопись Индерпута от самого его основания и до конца существует, конечно; но она в руках браманов и скрывается ими, как и многое другое, под тем предлогом, что пока будет продолжаться кали-йуг (чёрный период), арийцы не должны открывать своей истории "белым" врагам. А так как до конца этой и до начала будущей сатья-юги остаётся ждать 42 721 год, то до тех пор наши учёные ориенталисты успеют и состариться, и не нашему поколению будут открыты великие тайны древней истории Индии. Европейские учёные мстят за это браманам, отвергая их показания и историческую достоверность даже того немногого, что туземные историографы соглашаются им поведать… А что помимо их известно и принято всеми – может быть рассказано

1 Джумма-Мусжид была заложена и начата Шах-Джаганом на четвёртом году его царствования (в 1633) и окончена на десятом. Она стоила около 100 000 фунт. стерл. на английские деньги на один материал, так как постройка её и рабочие были, конечно, даровые.

в нескольких словах. Даже это представляет необычайный интерес, благодаря словно сказочным событиям…

Пропустив долгие столетия, мы находим Индерпут, выбираемый столицей своей царём Анунгпалом за несколько сот лет до Рождества Христова. За этим опять длинный антракт. Браманы не пускают профанов за кулисы, но рассказывают друзьям и врагам о необычайных богатствах и цивилизации этой столицы северо-западной Индии и переводят целые страницы из древних рукописей. Около 980 года нашей эры раджа Индерпутский является членом и союзником туземной конфедерации, сперва побеждённой пенджабским раджой Себектегином, а затем – Махмудом из Гёзни в 1008 году. Наконец и лишь по вторжении в Индию Магомет-Шахаб-Удина Гхорского в 1191 году мы находим Индерпут одною из четырёх великих держав Индии, переименованною в 1193 году Шахаб-Удином в империю Дельи[1]. Мусульманский историк Феришта уверяет, будто султан Гхорский отнял эту империю у Притви-Раджи, раджпутского принца, который, несмотря на кавалерию из 300 000 всадников и 3000 слонов, проиграл сражение. Но эти "исторические" якобы события до того запутаны и неясны, что в летописях Аджмира говорится, напротив, что не Притви-Раджа пал, а сей последний победил Магомет-Шахаб-Удина и, отрезав ему голову, сделал из неё чучело, которое и сохранялось многие столетия в оружейной раджпутских царей. Но зато те же летописи повествуют, что несколько лет спустя вследствие ссоры между конфедератами Кутб-О-Дин, генерал гхорский, действительно победил защитников Индерпута и затем основал в нём независимую магометанскую династию, известную между восточными историками под именем Дельи или "рабыни гхорских султанов". С тех пор эту несчастную империю перекидывали из рук в руки как мячик. В 1288 году кхиль-джи, "племя искателей приключений" из Афганистана (по словам той же летописи), зарезав владетеля Дельи Кейкобада, передали страну своему предводителю Джеллал-Удину и основали династию Кхильджи, длившуюся до 1321 и пресёкшуюся с убиением султана Мобарика. За этим империя

1 В ред. 1880 г.: «Делльи». – Прим. ред.

перешла в руки Гхейяс-Удина Тоглука, основавшего Тоглукскую династию. Потом ворвался в Индию Тамерлан и, проникнув в 1398 году в Дельи, ознаменовал свой подвиг тем, что перерезал 100 000 пленных индусов. "Высокие башни были построены из голов убитых и тела их преданы хищным птицам", – говорит историк. Промелькнув всеразрушающею грозой по всему горизонту Индии, Тамерлан тотчас же бросил Дельи, предав страну забвению. В продолжение 50 лет в городе, где не осталось по его уходу ни одного живого существа, царствовало гробовое молчание, тишина смерти и тления... Только в 1450 году Бехлал, глава патанов (афганское племя лоди), снова завладел покинутым городом и страной. Его внук Ибрагим был побеждён и убит в сражении при Панипуте знаменитым в истории султаном Бабером, в 1526 году. С тех пор водворилась и царствовала последняя династия Бабера, называемая падишахами, а город переименовался затем, в честь своего последнего основателя, из Дельи в Шахджеганабад. Но не знала и эта злополучная династия покоя. Сын Бабера, султан Хумайюн, был побеждён в 1540 году и изгнан из Индии Шир-Ханом Патанским, и только благодаря помощи Персии вернул своё царство в 1554. Один император Акбар, сумевший возвести своё Индийское царство на высшую точку могущества тем, что мог одно время выставить 4 400 000 солдат, удержал для себя и потомства великую империю Дельи, дававшую ему 37 724 615 ф[унтов] ст[ерлингов] ежегодного дохода до 1707 года. С этого времени до 1803, то есть в продолжение более столетия, эта несчастная страна была театром постоянных войн. Великие Могулы её подвергались всевозможным злополучиям. По очереди патаны и сикки, науабы, махраты и раджпуты делали набеги, выкалывали царям глаза, сожигали их живыми и то захватывали, то снова теряли Дельи. Наконец, сердобольная Ост-Индская Компания, сжалясь над несчастными, пожелала спасти эту династию даже против воли её. С достохвальным и беспримерным в истории самоотвержением генерал Лэк отправился в 1803 году под стены Дельи. Там, воспользовавшись не то доверчивостью, не то оплошностью некоего авантюриста-француза Луи Буркссена, главнокомандующего

махратской армии, он с большим беспристрастием потопил в реке Джумне как осаждавших город французов, махратов и патанов, так и защищаемых им могулов, на помощь коих он якобы явился; а затем, овладев городом, навеки прибрал его к рукам. С тех пор бедные баберяне попали "из огня да в полымя". Настал для них великий *dies irae*[1] и длился он до 1857 года, когда вследствие мятежа последний из номинальных "великих могулов" Магомет-Бахадур отправился, наконец, из места изгнания и заключения на земле… в высшие райские сферы своего Пророка. Так мы, по крайней мере, надеемся ради бедного, разжалованного могула. Он довольно выстрадал, дабы получить хоть эту одну из стольких обещанных ему привилегий.

Ничто не может сравниться с прелестью не только заветных уголков и исторических памятников полуразрушенного Дельи, но и вообще окрестностей и даже городского вала. Эти ещё грозные на вид стены, осеняемые густою бахромой акаций и финиковых пальм, красноречиво напоминают туристу о прежнем их величии и о тех славных рыцарских временах, когда на укреплённых валах прохаживались часовые непобедимых султанов – Акбара и Аарунгузаба. Теперь, обрамлённые траурною тенью тёмной *сальвадоры*, остались одни разбросанные по гласису минареты могил, гробницы да одинокие памятники навеки уснувших героев… И долго не забыть нам унылой, таинственной долины Кутаба! По этой долине, растягиваясь беспрерывной полосой в семь миль [11,27 км] ширины и более чем на тридцать миль [48,28 км] в длину, вдоль берега Джумны, разбросаны развалины не одного, а *нескольких* древних и новейших городов. Это целая эпопея из гранита и мрамора, эпическая поэма славного прошлого бессчётных поколений героев!.. От самого сада Шахлимара, у городских ворот, почти до полдороги к Агре, вся долина усеяна развалинами циклопических построек и разрушающимися зданиями более современной эпохи: когда-то грозных крепостей царей раджпутских; дворцов, мраморные стены коих точно изваяны руками фей; изразцовых башен, гранитных

1 День гнева (лат.). – Прим. ред.

бастионов и странной, невиданной формы зданий. Вот обширные, как целые храмы, гробницы с гигантскими воротами и входными арками, словно пятимиллионная армия Ксеркса хоронила с военными почестями каждого покойника; разваленные обелиски – останки массивной Патанской архитектуры; уцелевшие комнаты от царских дворцов (ныне превращённых в хижины, в даровые квартиры парий), стены коих сооружены из кирпича, покрытого сплошь драгоценной эмалью и прелестнейшей мозаикой; древние золочёные купола, из трещин коих повырастали целые леса кактусов; куски стен – сквозных, как дорогое венецианское кружево, и развалины старинных языческих храмов, посвящённых неизвестным богам, с жертвенниками, живопись которых доселе ещё представляет ослепительно яркие цвета и свежесть будто вчера намазанных красок!.. Что ни шаг, то новая руина; куда ни взглянешь – опрокинутые стены, упавшие статуи, разбитые колонны… И среди этого чудного, диковинного мира как бы животрепещущих развалин царит и день и ночь мертвенная тишина. Что за дикая сцена запустения! Когда мы очутились в этой местности, нам почудилось, будто мы попали в сказочное царство "спящей красавицы"…

Недавно ещё, не более четверти века тому назад, эта долина от города и до самой башни Кутаб-Минара (выговаривается, впрочем, *Катб*-Минара), стоящей за 9 миль [14,48 км] от ближайших к ней городских ворот, была обителью роскоши, наслаждения и могущества. Она ещё была усеяна загородными дачами богатых вельмож и придворных Великого Могула. А ныне она превратилась в обитель полного тления недаром зовётся в народе Долиной Смерти. Её избегает как пешеход, так и всадник: одни туристы рискуют ещё вступать на проклятую почву. Её когда-то великолепные чертоги повалились, мозаичные стены потрескались и стонут, задыхаясь в объятиях дикого кактуса. Только благодаря цепким ветвям этого растения они ещё не совершенно рухнули, но стоят, словно приговорённые к смерти мученики… Здесь каждый император могучих династий патанов, раджпутов и могулов увековечил себя каким-либо памятником. Можно следовать по какому

угодно направлению на 25 миль [40,23 км] кругом и всё ещё не видать пред собою конца этому необычайному, диковинному миру развалин!..

Пять дней мы бродили по ним. Уходя из дома с рассветом, мы и завтракали и обедали среди этой обстановки прошлых веков, возвращаясь только к вечеру. Каким-то грустным, тоскливым чувством сжимается сердце при входе в эту пустынную долину, гробницу стольких поколений! Всё кругом тихо, мертвенно, безмолвно… Ни малейшего звука не доносится даже с далёких городских стен, где угрюмо торчат среди памятников и минаретов тяжёлые английские бастионы и где, следя за ними, точно вражьи глаза, чернеют на каждом из них по девять пушек, направленных на проходящих. Изредка лишь что-то шарахается под ногами, и встревоженный непривычными людскими шагами дикобраз, взъерошив иглы во все стороны и фыркая, как испуганная кошка, откатывается клубком в сторону; пролетит стая павлинов, затемняя на секунду дорогу и блестя дождём разноцветных искр; лань пугливо выглянет из-за тёмной зелени алоэ, да проскользнёт в траве проворная ящерица, сверкая радужною спиной на солнце. Кругом ни единого отголоска. Разве только от времени до времени, среди этого тяжёлого безмолвия, раздаётся еле различаемый ухом шорох, а вслед за ним лёгкой стук как бы оторвавшегося камешка: то рука неумолимого времени непрестанно производит работу разрушения над "Долиной Смерти", отрывая кирпич за кирпичом, камень за камнем от мозаичных стен древних чертогов: словно крупные мраморные слёзы, роняют они на свои красные, как алая кровь, подножия. И падают они век за веком, пока, наконец, и чертоги, и самые стены не превратятся во прах…

Да, пал гордый Дельи, но пал, как падают одни гиганты: как пал Самсон[1] жертвой измены и собственной доверчивости. Он уснул в объятиях Далилы, которую уж столько лет он холил и озолачивал и в *честь* которой он имел глупость верить. Поэтому верная своему "историческому призванию", Ост-Индская Компания и поступила как настоящая Далила. Она не

1 В ред. 1883 г.: «Сампсон». – Прим. ред.

только потворствовала ему в его сластолюбии, но сама увлекала его на пути бешеного разврата. В последние годы своей *самостоятельной* жизни, под крылышком Далилы, Дельи перещеголял Древний Рим в распутстве и изнеженности… И вот, воспользовавшись его временною слабостью, Далила окарнала беспомощного великана, а затем, выколов ему глаза, предала в руки филистимлянам. А уж как, казалось, любили они друг друга! Какая нежная дружба связывала Англию-Далилу и индо-могульского красавца! До какой степени первая кокетничала с последним можно судить из следующего примера. Полковник Скиннер, герой времён Ост-Индской Компании, прожил безвыездно сорок пять лет в Индии. Поселясь в Дельи, он тотчас же забыл всякую разницу между религиями, преобразовался в настоящего мусульманина, женился на нескольких жёнах и, только что отказав в выдаче небольшой казённой суммы на постройку христианской церкви, соорудил с огромными издержками, якобы на *собственный счёт*, богатую мечеть, а затем и храм для индусов. Сооружение церкви в Дельи, пишет он в донесении, "справедливо оскорбило бы чувство Великого Могула и его народа". Кроме того, нам показывали в Дельи десятка два мечетей и языческих храмов, в которых находились богатые бронзовые колокола, серебряные идолы и художественной отделки дорогие люстры и лампады, и даже жертвенники, с именами жертвователей. Все эти предметы до одного были "благодарственные дары" и добровольные приношения вследствие *обетов* "за избавление от тяжких болезней" и других невзгод, *поднесённые англичанами идолам и Магомету*!!. Имена жертвователей все европейские.

Но теперь всё это изменилось. Лицемерие более не у места и вместо лукулловских празднеств и кокетничанья Альбион-Далила наступила на Дельи, как и на всех соседей его, тяжёлою ступней своею – и мусульманский город задохся. Великий Могул исчез; исчезли и все изнеженные вельможи его. *Les apparences sont sauvées*[1] – а больше ничего и не требуется. Могулы *не умели* управлять народом, как не умели и науáбы

1 Приличия соблюдены (фр.) – Прим. ред.

аудские и *как не умеет ныне злополучный Тейбо* – король Бурмы[1]. Филантропия Англии не дозволила ей, как и никогда не дозволит, хладнокровно видеть, как страдает под гнётом деспотического управления чей бы то ни было народ. Ведь она Богом посланная спасительница азиятских народов, друг страждущего человечества.

По дороге, ведущей к долине Кутаба, на старом памятнике, у древней крепости Фероз-Шаха, я начертила карандашом известный стих Данте, надпись над воротами ада, как нельзя лучше подходящий к унылой долине и ведущему к ней пути...

Per me si va ne la cittá dolente,
Per me si va ne l'etterno dolore,
Per me si va tra la perduta gente...[2]

Едва отошли мы на несколько шагов, как я обернулась и предо мною мелькнули жёлтые усы и румяное лицо нашего высокоблагородного шпиона, капитана Л. Он стоял пред памятником с начертанным на нём стихом и чесал в затруднении затылок. Затем вынул карандаш и бумагу и тщательно списал мою надпись: Данте будет ещё раз прочитан лордом Литтоном, а быть может, и самим Биконсфильдом...

Какой-то путешественник выразился о гробницах магометанских вельмож в Индии следующим образом: "Если вы желаете получить верную идею о них, то представьте себе

1 Не раз приходилось нам разговаривать на счёт взводимых английскими журналами на короля Бирманского "преступлений" и "ужасов" с только что вернувшимися оттуда буддистскими монахами. На наши вопросы все до одного уверяли, что ничего подобного не слыхали. Эти буддисты – миролюбивые английские подданные с острова Цейлона, чрезвычайно довольные управлением их страной и даже весьма преданные англичанам, что после деспотических, кровожадных и особенно фанатичных голландцев и португальцев и весьма понятно. Но эти буддисты газет не читают и поэтому не могли вникнуть в хитрую политику своих правителей, девизом которой следовало бы избрать известную французскую поговорку: "Quand on veut tuer son chien on dit qu'il est en ragé" [Быть собаке битой – найдётся и палка.]

2 "Мой путь ведёт во град мученья,
Мой путь ведёт на вечное страданье,
Мой путь ведёт средь проклятых людей".

лондонскую церковь св. Павла, превратившуюся в мрамор и перенесённую в огромный сад со всеми пресловутыми воротами старого Йорка вместо калитки, или же целую массу куполов, покрытых инкрустациями из черепиц, разрисованными вощаными красками невозможных и самых блестящих металлических оттенков – зелёных, голубых, золотистых, бронзово-фиолетовых… И всё это собрание куполов на высоких, грациозных пилястрах и арках, девственно-прекрасных и столь же совершенных, как и в тот день, когда они вышли из-под резца скульптора"… А подобные здания буквально испещряют окрестности Дельи! Работа на некоторых из таких гробниц до того ажурная и изящная, что при заходе солнца мраморные стены сквозят, как алебастровый абажур на лампе…

Подивясь "посоху Фероз-шаха" (огромный из красного песчаника столб, который, несмотря на то, что при падении ушёл на две трети своей величины в землю, всё ещё имеет 37 футов [11,28 м] длины и десять [3,05 м] в объёме на заострённом конце), мы отправились к памятнику султана Хамайюна, вид которого так часто красуется на много знаменитых делийских брошках. Он стоит на мраморной платформе в 200 футов в квадрате [18,58 кв. м], покоясь со всех четырёх сторон на аркадах, к которым ведут три высокие яруса ступеней из гранита. Каждая арка четырёх аркад служит навесом для нескольких гробниц; а высоко над ними возвышается императорский мавзолей, величественное здание из красного камня, выложенное белым мрамором. Стиль архитектуры чисто сарацинский. Внутри мавзолея круглая комната, посреди которой стоит мраморный саркофаг. С плоской крыши памятника открывается чудный вид на много миль кругом; мы принесли с собою телескоп и превосходно рассмотрели в него, не теряя дорогого времени, памятник Низам-Уддину, святому, прожившему долгую жизнь на навозе и покоящемуся после смерти среди драгоценного мрамора и порфира; мавзолей принцессы Джаханары, дочери несчастного Шах-Джегана (о которой ниже с целою поэтическою легендой, относящеюся к ней и её памятнику), и последнее роскошное жилище Сафдар-Янга, великого визиря империи в XVIII веке и предка

последнего злополучного короля Ауда. Целые города мавзолеев и саркофагов из драгоценнейшего мрамора – вот всё, что осталось от некогда богатейшей из мусульманских империй! "Эти белеющие вдали памятники", – говорил мне недавно один более других откровенный англичанин-судья, – "положительно производят на меня какое-то нервное, непонятное чувство страха, когда я сижу один по вечерам на балконе… Точно армия покойников в белых саванах, пришедшая требовать отчёта в судьбе своих потомков"…

В "Чандни-Чок" красуется императорский дворец, описанный епископом Гебером как одна из самых величественных царских резиденций, когда-либо виденных им, "далеко оставляющая за собою Кремль, но в некоторых деталях уступающая Виндзору". Наивное национальное хвастовство! В наших глазах, т. е. во мнении даже англичан-артистов и архитектора У***, этот дворец далеко превосходит все европейские дворцы, древние и современные, как своею оригинальною красотой, так и прочностью. Одна готическая арка в центральном дворе большой башни, арка, за которою следует длинное крыло со сводом, наподобие крыла в готических соборах, приводит знатоков в восторг. Арка за аркой тянутся под сводом, уподобляя этот проход скорее длинному тоннелю, нежели пристройке… В самом центре крыла – открытый восьмиугольный дворик из гранита, каждый вершок коего покрыт инкрустациями мельчайшей, почти мозаичной работы цветов и фруктов из разноцветного мрамора и камней. "Девани-Хас" (комната императорского совета) – белый мраморный павильон под куполами из того же материала, с арками и колоннами превосходнейшей резьбы и весь покрытый золотыми арабесками, цветами из перламутра, сердолика и малахита и надписями из Корана персидскими буквами самой изящной работы. Богатая листва из чистого серебра, некогда украшавшая потолок, отобрана победителями, и прелестный павильон ныне служит резиденцией совам и летучим мышам. В этом же вкусе и восьмиугольный павильон среди запущенного великолепного сада, и "Моти-Мёсжид" – родная сестра другой "Моти-Мёсжид" (*Жемчужной мечети*) в

Агре – придворная капелла императоров; и даже "зала аудиенций", она же тронная зала Великих Могулов, с престолом во глубине, мозаика коего выложена в виде павлиного хвоста. Этот трон только недавно очищен от голубиного навоза, густо покрывавшего престольное седалище…

Проехав мимо красивой мечети с целой рощей минаретов, заглядывающих целый день в прозрачные воды залива реки, мы остановились возле "Джуммы Мёсжид", великой мечети. С трёх сторон невероятно широкие мраморные ступени ведут к трём главным воротам. Это целое путешествие в гору; крыши всего города находятся под ногами туриста на последней ступени. Что касается центральных, четвёртых ворот, обращённых к востоку, то они считаются до того священными, что к ним не дозволено даже и близко подходить. Эти трое ворот ведут во двор – сквер в 450 футов [41,81 кв. м] с открытыми аркадами, окружённый с трёх сторон колоннадами красных столбцов и с большим мраморным бассейном посредине, наполняемым особенным механизмом из нескольких источников в долине. На западной стороне, обращённой к востоку, т. е. к Мекке, возвышается мечеть – "Красавица Востока". Весь фасад покрыт толстыми плитами из белого мрамора, а вдоль карниза расстилаются надписи – стихи из Корана, буквами из чёрного мрамора с золотом в четыре фута [1,22 м] длины каждая. Три огромные белые купола исполосованы таким же чёрным мрамором, а высокие минареты – красным и белым. Каждая из башенок является чудом изящества.

Была пятница и к тому же какой-то праздник, и на дворе, способном вместить 12 000 народа, толпились правоверные. Наши индусы не пошли с нами, а остались внизу у знакомого, одного из несметных кумовей бабу. Мы же оставались в самой мечети всего несколько минут, так как, к великому афронту[1] У***, его и полковника заставили разуться и, по их уверению, вследствие этой прогулки по холодным мраморным плитам оба схватили насморк.

1 Публичное оскорбление (англ. affront). – Прим. ред.

В несколько сот шагов от городской стены находится обсерватория, громадная, как и всё остальное. Как и несколько других обсерваторий и по тому же плану, она была выстроена знаменитым раджей Джайпурским, Джей-Сингом, учёным астрономом и астрологом начала XVIII столетия, тем самые астрологом, что, по желанию императора Магомет-шаха, преобразовал местный календарь. Кроме громадных солнечных часов, мы нашли на этом пространном, как целая площадь, дворе "азимутовые круги", как их представил нам Гулаб Синг, какой-то удивительной формы столбы для измерения высот и тому подобные ужасные орудия астрономии. Весь этот двор завален и застроен кривыми стенами, каменными треугольниками со ступенями, ведущими в пустое пространство, странными геометрическими фигурами из гранита "для местных астрологов", как мы узнали, и всё это покрытое непонятными нам знаками, ужас наводящими абракадабрами, цифрами, среди которых один такур был как дома, а мы, бедные профаны, совершенно сконфузились и ушли домой с головною болью…

"Кутаб-Минар", башня в девяти милях [14,48 км] от города, считается высочайшей колонной в нашем мире, даже и теперь, когда она глубоко осела и верхнюю часть её отбило молнией. Эта колонна, в настоящее время 349 футов [106,38 м] высоты, по местным преданиям служила придворным магикам для их приятельских совещаний с "планетарными" духами. Действительно, судя по высоте башни, можно с достоверностью предположить, что эти стихийные жители часто спотыкались об оную и рвали себе крылья на её острых зубцах. Быть может они для того и направили молнию, чтобы сокрушить последние?.. От фундамента башня заостряется до верху, где, когда крышу ещё не разгромило, умещались 12 магов, каждый с 12 фолиантами "заклинаний". Её стены покрыты куфическими[1] надписями и гигантскими буквами, выдолбленными на несколько футов глубины. Красная снизу до верху, высоко паря

1 *Куфическое письмо* – один из старейших видов арабского письма, созданный в конце VIII века после основания двух иракских городов – Басра и Эль-Куфа. – Прим. ред.

под облаками, "Кутаб-Минар" кажется издали каким-то чудовищным, кровавым восклицательным знаком, поставленным над "Долиной Смерти"…

Вокруг башни жмутся сотни пилястров, арок и колонн. Каждый из этих обломков в ином от прочих стиле и часто *не* в мусульманском стиле, а во вкусе Индии, что одно доказывает их древность и сколько времени должно было пройти между каждым стилем. Немного в стороне, распластавшись, как гриб, широко раскинутыми террасами, стоит особняком и под куполом пирамидальное, состоящее из четырёх ярусов, замечательное строение. То "коллегия Акбара", знаменитая необычайной красотой своей резьбы и построенная им для сходок "мудрецов", нарочно приглашавшихся изо всех стран света для "религиозных диспутов".[1] Совершенно сквозное в нижней террасе, со стенами, покрытыми живописью, мозаикой, барельефами с инкрустациями всякого рода, нишами с выпуклою работой на золотом фоне и бесконечной вереницей геометрических узоров и надписей, это здание как бы служит великолепным преддверием к башне-великану…

Пять дней прошли как один день, и мы уезжали в тот вечер в Агру, древнюю столицу Акбара. Прощаясь, быть может навсегда, с долиной Кутаба, мы отправились отдохнуть в последний раз под тенью гигантской башни. Никто не знает, когда, кем и для чего именно она была построена. Чёрные мраморные полы четырёх опоясывающих её балкончиков покрыты теми же странными знаками, как и ступени её внутренней витой лестницы. Её четыре комнаты – одна в каждом ярусе – ведут чрез низкую дверь на наружную галерейку, и находились охотники подниматься по ней. Но мы отказались от подобного путешествия под облака: мы все начинали чувствовать признаки болезни, которую можно было бы назвать "индижестией[2] руин". У нас начинали являться по

1 Известно, что император Акбар никогда не был *правоверным* мусульманином, но, целую жизнь отыскивая истину во всех религиях, постоянно колебался между христианством, мусульманством и религиями парсов и браманов. Он был великий астролог своего времени.

2 Несварение (фр. indigestion). – Прим. ред.

ночам кошмары в виде башен, дворцов и храмов. Но такур отправился с Нараяном-Кришнарао наверх, оставив нас под покровительством тёзки последнего, бабу Нараяна Дасс-Сена, а бабу тотчас же начал пугать мисс Б*** рассказами о привидениях и духах, посещающих Кутб-Минарскую башню.

Вероятно и наш махратский Геркулес увидал в таинственной башне нечто очень страшное, потому что, когда оба сошли чрез полчаса вниз, такур казался серьёзнее и суровее, нежели когда-либо, а смуглые щёки Нараяна совсем сделались земляного цвета и губы его нервно дрожали.

– Смотрите, – шепнул вполголоса мисс Б. неудержимый бенгалец, – смотрите, бьюсь об заклад, что такур-саиб вызывал для Нараяна одного из своих предков… на бедняге лица нет!..

Что-то глубоко-страдальческое и вместе с тем зловещее блеснуло в чёрных глазах брамина… Но он тотчас же опустил глаза и, сделав видимое над собою усилие, смолчал…

Я хотела вмешаться и разом остановить неуместные поддразнивания бабу, но такур предупредил меня. Не переменяя разговора, он незаметно отвёл наши мысли от этого щекотливого предмета, дав им совершенно другое направление…

– Ты прав, бабу, – задумчиво отвечал он, не обратив ни малейшего внимания на очевидную иронию бенгальца, – нет во всей Индии местности более подходящей к вызыванию памяти о событиях великого прошлого *моих* раджпутских предков, чем эта башня!.. Здесь, – продолжал он, указывая на Дельи, – полководцы и владетельные принцы Раджастхана были в конце XVII столетия в последний раз лишены престола по праву принадлежащего им царства, достояния их отцов… Здесь фанатические, жестокие могулы, водворясь на троне, завоёванном ими лишь хитростью, перевернули произвольно последнюю, кровавую страницу истории великой независимой Индии!.. Да! – вдруг произнёс он, сверкая блестящими, словно разгорающиеся угли глазами и как бы в дотоле сдержанном, но тем более ужасном порыве внутреннего бешенства. – Да!.. Один разврат да изнеженность этой небом проклятой расы широко раскрыли дверь европейским завоевателям!.. То могулы, одни они, погубили нашу Индию! Не поселись это поколение

гаремов на нашей родине, не было бы сегодня ни одного англичанина на нашей земле!..

У***, нахмурив брови и повернувшись к стене, казался чрезвычайно занятым рассматриванием куфических надписей. Но мисс Б*** с патриотическим жаром, достойным лучшего дела, ощетинилась, как кошка, и разом ринулась в битву.

– О-о-о!.. – иронически прогнусила старая дева на все тоны национальной дисгармонии. – Гей-гей!.. Неужели вы хотите этим сказать, что мы не сумели бы справиться даже и с вами, раджпутами?.. Нас, англичан, ещё *никто* и *никогда* не побеждал; и мы никогда ещё не уступали раз попранной нами территории!..

Мне сделалось положительно страшно за эту глупую женщину! Ничего и никогда не случалось мне видеть в человеческих глазах подобного тому зловещему, мрачному огню, который зажёгся в широко раскрытых зрачках гордого такура. Но он молчал и только глядел на неё. Так должен был глядеть на будущую жертву свою Сфинкс – до решения загадки…

К счастию, полковник нашёлся и разом выручил нас всех, учинив счастливую диверсию в свою сторону.

– Вас-то, англичан, *никогда* не били? – переспросил он, добродушно подсмеиваясь. – Кроме нас, американцев, добавьте… Вспомните какие трёпки мы, янки, задавали вам от 1775 до 1783 года, когда мы навеки прогнали вас с наших берегов… А затем в 1812, когда на одного американца приходилось *восемь* убитых англичан!..[1] Не следует, любезнейшая мисс Б***, не следует забывать историю даже из патриотизма.

Полковник не ошибся в своём великодушном расчёте. Этих простых слов оказалось достаточно, чтобы навлечь на него бурю, окончившуюся, как и всегда, потоком истерических слёз. Англичанка делалась нам с каждым днём противнее…

Неоднократно уже полковник в качестве президента Теософического общества собирался серьёзно пригласить её

1 Речь идет о войнах за независимость США в 1775–1783 и 1812–1815 гг. между Англией и её колониями в Северной Америке. – Прим. ред.

вернуться в Бомбей, где среди более родственной и симпатичной ей сферы разбогатевших бакалейщиков и гордых английских экс-сапожников она могла бы себя чувствовать и спокойнее, и счастливее. Но я всегда протестовала. Как ни несносно нам было её общество, но как англичане она и У*** были нам несомненно полезны в виду глупейших подозрений и преследования нас тайною полицией. А это шпионство, неуклюжее и грубое, старавшееся да не умевшее оставаться тайным, делалось нам день ото дня тяжелее. Присутствие двух англичан, и ярых патриотов к тому же, среди нашего кружка не только могло пригодиться впоследствии, но и выставляло англо-индийское правительство в самом глупом виде…

По обыкновению своему, такур, проводив нас до железной дороги, простился и обещал встретить нас, *быть может*, в Агре, во всяком случае в Баратпуре. Мы расстались.

В дороге Нараян был неузнаваем и находился как бы под гнётом невыносимого бремени или печали. Бабу вертелся как бес пред заутреней; Мульджи по обыкновению молчал; а я думала, думала до одурения… Чтó такое происходит между такуром и Нараяном?.. Чтó это за тайна?.. Кто знает!..

Как при нашем въезде в Дельи, солнце и теперь садилось, утопая в расплавленном золоте облаков, а далеко на горизонте видится величественный "Кутаб-Минар", уже до половины окутанный в тёмно-фиолетовые ночные тени; верхняя часть башни ещё горела как огненный столб в золотисто-оранжевом сиянии заходящего солнца…

Император Акбар, царь Соломон Индии, по великой премудрости своей, величайший как и любимейший из могульских повелителей Индии и единственный из них, память которого дорога наравне как магометанам, так и индусам. Последними он ещё более, может быть, любим, так как всегда выказывал пристрастие к ним. Акбар Великолепный, Благословенный, Акбар-любимец богов и "Краса престола мира", вот прилагательные к его имени. Между туземцами город Агра до сей поры носит его имя и называется в народе *Акбарабад*. Числом жён Акбар превзошёл царя Соломона. Какое значение могут иметь 800 законных и 300 незаконных супруг в

сравнении с 5000 жён Акбара? Туземная летопись уверяет, будто император обязан своим могуществом единственно этим дамам. Раз решась завладеть всею Индией, великий падишах, дабы вдвойне привязать к себе союзников, женился поочерёдно на дочерях каждого из них. Как только он узнавал, что у такого-то раджи или соседнего принца есть дочь или дочери, то посылал тотчас же предложение. А такому жениху, как император Акбар, возможно ли было отказать? Таким образом, благодаря армии тестей-союзников, он заранее ограждал себя от войн, а государство от вторжений. Жёны были довольны и счастливы, и никому из них не было завидно. Каждая имела свою комнату во дворце и свои особенные права. От этого фамильного дворца остались одни развалины.

Акбар считался четвёртым в поколении пророка Магомета; поэтому ему много и прощалось правоверными, хотя он много грешил против веры. Особенно оскорблял их император своими сомнениями и вечной погоней за *истиной*: "как будто вся божественная истина не сосредоточилась в нашем благословенном Пророке!" рассуждает один из его историков. Он имел страсть к изучению философии и питал глубокое благоговение к древним рукописям, назначая огромные премии за самые старинные летописи "шести великих вер Востока": христианской, магометанской, иудейской и вер браминов, буддистов и парсов. Он почитал все шесть и не принадлежал ни к одной.[1] Говорят, будто после него осталась кипа автографных рукописей и, чему ещё труднее верится, будто они ещё уцелели. Родившись в 1542 году, он умер в 1605, процарствовав около полустолетия. Не могу промолчать об

1 Акбар, хотя мусульманские его поданные взирали на него как на святого и *чудотворца*, далеко не покровительствовал магометанской религии; часто нуждаясь в деньгах, он очень хладнокровно обирал мечети и грабил их казну в пользу кавалерии. Но и христианские миссионеры не были счастливее исламских мулл. Не только император поклонялся солнцу и молился светилу четыре раза в день, но и требовал поклонения самому себе как божеству. "Он изучал магию и окружал себя людьми, предавшимися сатане, – людьми, которые именем и с помощью нечистой силы творили разные нечистые чудеса" (из записок миссионеров Гоа) (*Murray's Discoveries*).

одной странной, переданной мне истории – легенде, быть может, или просто вымышленной басне. Но так как она находится в тесной связи с историй России, совершенно совпадает с числами её самых крупных исторических событий и называет одну известную русскую княжескую фамилию, то передаю, как слышала, продавая за то, за что сама купила.

Как и все в Индии, Абкар слепо верил в астрологию и магию. Ещё будучи принцем, он пристрастился к одному белолицему юноше, в одно прекрасное утро таинственно приведённому к нему во дворец. Затем юноша исчез, и один принц знал, кто и где он. Но, но восшествии Акбара на престол, тот снова явился и совершенно завладел императором. Никто не знал его настоящего имени и откуда являлся оба раза таинственный чужеземец, хотя при дворе, где толпились сотни иностранцев, "мудрецы с Востока, Юга и Севера", никто не обратил сперва на юношу особенного внимания; но вскоре завистники стали коситься на него и подкапываться под царскую милость. Рассказывали, будто юноша, презренный раб, пленник с далёкого Севера, был подарен Акбару латинским полководцем из Афганистана. Интрига против этого чужеземца достигла наконец того, что жизнь его стала не в безопасности. Император испугался, и юноша в одно прекрасное утро также таинственно и во второй раз исчез, как и появился. Острастки ради и в виде внушения, Акбар притворился, будто не знает, куда его фаворит пропал, приказал его врагам предстать пред свои грозные очи, и в то утро несколько голов свалилось с плеч. Только чрез двенадцать лет человек ещё молодой и в котором старожилы придворные, невзирая на перемену, скоро узнали пропавшего юношу, снова появился при дворе. Но возмужалый, важный и сосредоточенный, он был представлен самим императором всем придворным как учёный астролог и *гуру* (учитель), и двор повергся пред чужеземцем во прах на этот раз искренно и с сердечным трепетом, ибо слава молодого астролога предшествовала его появлению в Агре и о нём говорили шёпотом и со сдержанным страхом. "Пандит Васишти

Аджанубаху"[1] изучал сокровенные науки – "джаду" и "йогавидью" (то есть чёрную и белую магию) у самих *джиннов* в недрах Гималаев, возле Бадринафа, и сам великий император выбрал его своим *гуру*. Велик Аллах! Чужеземец обладает перстнем самого Сулимена (Соломона), владыки всех *джиннов* (духов). Правоверные, берегитесь оскорбить пандита!"

Хроника уверяет, будто пандит Васишти Аджанубаху оставался при Акбаре до самой смерти последнего, а затем, хотя сам уже был в глубокой старости, неизвестно куда исчез. Уходя, он будто бы собрал своих учеников и сказал им следующие знаменательные слова: "Васишти Аджанубаху уходит и скоро исчезнет из этого дряхлого тела; но он не умрёт, а появится в теле другого Аджанубаху, более великого и славного, который положит конец могульскому владычеству...[2] Аджанубаху II отмстит за Аджанубаху I, *отечество коего было унижено и разграблено* ненавистными сынами лжепророка". Сказав эту святотатственную в глазах учеников речь – старый колдун исчез – "будь его имя проклято", набожно добавляет мусульманский автор.[3]

Прошу читателя держать в памяти как подчёркнутую мною фразу, так и хронологию событий. Сделанное нами недавно открытие, быть может, и ничего не значит, но совпадения и имена многозначительны. Во всяком случае оно представляет более чем простой интерес для *русских* читателей. Легенд насчёт пандита Васишти что деревьев в лесу дремучем; но я выбрала лишь ту, прямо относящуюся к делу. Что этот пандит был русский, взятый мальчиком в плен татарами во время победы Иоанна Грозного в 1552 над Золотой Ордой, при

1 Аджанубаху – прозвище, состоящее из двух санскритских слов: *аджану* – "длинные" (до лядвей [бёдер]) и *баху* – "руки".

2 Сиваджи, герой и покоритель могулов, основатель Махратской империи, родившийся во второй четверти XVII в. и вступивший на престол *пейшвы* в 1664 г., получил прозвище "Аджанубаху", так как имел очень длинные руки. Предание утверждает, что Сиваджи был – воплощением некоего сильного и могущественного "чудодея с далёкого Севера". Он родился 17 лет спустя по смерти Акбара – кажется, в 1622 году.

3 "Легенды о Могульской империи" – собрание преданий, переведённых с языков урду и махратского.

Казани, то это не представляет для меня теперь ни малейшего сомнения. А что касается вопроса: кто именно таков был этот легендарный "пандит", что он имел общего с княжескими русскими фамилиями, то предоставляю это на разрешение самих читателей. Наша песня ещё впереди, и самое странное из этой странной истории ещё не сказано, хотя, конечно, одно имя *Аджанубаху* ничего ещё не значит. Это прозвище даётся здесь вообще всем адептам "тайных наук". Народная молва уверяет, будто особа, предназначенная судьбой сделаться "владыкой тайных сил природы", родится с весьма длинными руками... Возвращаюсь к истории.

Во время взятия Дельи приступом в 1857-58 году, когда англичане ворвались наконец в город, произошло следующее историческое событие: город был взят, но старый король исчез и его нигде не могли отыскать. Наконец, как и всегда при таких затруднениях, нашёлся и между могулами Иуда-предатель. За мешок золота да щедрые обещания прощения и пенсии сам тесть наследного принца, мирза Эллахи-Букт, с помощью некоего Руджиб-Али, "мунши" (учителя), предал Великого Могула в руки авантюриста Ходсона, а вместе с ним и четырёх принцев Делийского дома – *шахзада*[1]. Короля нашли спрятанным там, где его бы никогда не открыли, и если бы не это предательство, то он успел бы уйти за Гималаи. Разузнали, что он уже успел передать некоторый ящик с драгоценностями и бумагами принцам, и капитан Ходсон, – одно имя коего заставляет краснеть от стыда нелегко краснеющую английскую армию, – бросился в погоню за принцами. Их нашли спрятанными в окрестностях Дельи в одном из тайников гробниц "Долины Смерти". Живыми их взять было трудно, так как все они со всеми сопутствующими им домочадцами приготовлялись взорвать себя на воздух, а Ходсон желал овладеть и получить в сохранности если не самих принцев, то находящиеся при них драгоценности. Он пошёл на хитрость. Обещая им *от имени правительства* прощение, дарование жизни и полное помилование, он их уговорил сдаться, и их

1 *Шахзаде* или *шехзаде* (перс. şāhzādeh) – принцы, наследники престола. – Прим. ред.

повезли в город. Стоит лишь прочитать *Войну сипаев* сэр[а] Джона Кея[1], очевидца описываемых им событий, чтоб узнать в подробности, что́ затем произошло. После всех своих обещаний подлец Ходсон приказал остановить паланкин принцев, а им самим выйти и стать пред ним на середине дороги, где он их ожидал верхом. Предчувствуя предательство, принцы вышли одни, оставив одного из щитоносцев с ящиком и небольшим древним серебряным ларчиком у паланкина. Тогда, притворясь будто он желает с ними переговорить, Ходсон начал с ними разговор, а между тем его солдаты по условленному знаку перерезали четырёх принцев и их свиту, как баранов. Затем он бросился к паланкину, но ни ящика с драгоценностями, ни ларчика, ни человека, оставленного там, уже не было. Во время свалки и этой ужасной резни сипай хранитель сокровищ исчез, и о нём никогда не слыхали более. Что сталось с сокровищами – не берусь сказать. Но ларчик с бумагами оставил по себе следы. По крайней мере, по рассказам, один из свитков пергамента находится у некоего воеводы Северо-Западных провинций. Рукописи написаны частью по-персидски, частью на языке хинди, и каждая бумага носит на себе собственную печать императора. Это заметки, записки, документы, кои в целом составляют как бы записную книжку императора Джеллал-Уддина Акбара. Узнала же я о существовании их и содержании одного из пергаментов следующим курьёзным манером. Один из членов нашего Теософического общества, близкий родственник обладающего таинственным свёртком, пожелал узнать от меня, нет ли в числе русских княжеских фамилий имени и фамилии "Васишти Аджанубаху".

– Нет, никогда не слыхала, – говорю. – Есть у нас имя Василий, но не Васишти, а про "Аджанубаху" не слыхивала. Это что же за имя такое? *Аджанубаху* в переводе с санскритского, кажется, "длинные руки" (*аджану* – длинные, *баху* – руки). Так прозывался Сиваджи, великий вождь махратов и основатель их царства? О нём, что ли, идёт дело!..

– Нет, – говорит, – не совсем. Ну, а имя *Лонгиманус* есть в России?

1 *Sepoy War*, by Sir John Kay. Vol. II.

– И того нет; а есть фамилия Долгоруких[1], если буквально перевести с латинского *Лонгиманус*[2] и санскритского *Аджанубаху*.

– Ну вот и добрались, – замечает мне мой собеседник, – теперь для меня всё ясно…

– А для меня так стало ещё темнее!..

Тогда я узнала от него легенду о пандите Васиште и Акбаре и только что рассказанный мною эпизод при Дельи. Записки Акбара интересовали его уже с давних пор. Хорошо знакомый с языками, он изучил заметки императора и, зная о легенде астролога Васишти в Агре, тотчас же смекнул, что одна из записей в них касается этого таинственного незнакомца. На все мои просьбы показать мне бумаги он должен был отказать мне, так как они хранятся в тайнике, известном одному их обладателю, старшему брату его. Но тут же обещал перевести слово в слово акбаровскую запись, которую он списал для себя. Он сдержал слово. Вот она, как была написана, по летосчислению мусульман, в 938 году эгиры[3].

Перевожу с английского перевода, сделанного из разбросанных заметок в документах Акбара.

Заметка 1-я. "В начале полнолуния, месяца морана 935 года (1557) приведен был из Гхёзни Патаном Асаф-Ханом, от "уламама" (?), молодой *москов*. Взят и порабощён в Кипчак-Ханате (Золотая орда) при *деревне* Казани (?), в те дни, когда шейтан в образе московского царя, говорят, разбил ханов… Зовут молодого москова в переводе на наш язык *хинди* (то есть санскритский) Коср Васишта Аджанубаху,[4] также – *Лонгиманус* на языке португалов *падри* (миссионеров). Он сын старшего коср (князя), убитого в Кипчак-Ханате… Васишта говорит так:

1 Бабушка Е. П. Блаватской Елена Павловна Фадеева (1788–1860) была урождённой княжной Долгорукой. – Прим. ред.

2 Longi manus (лат.). – Прим. ред.

3 Эгира или эджра, а в современном написании хи́джра (араб. هجرة – букв. «переселение») – переселение мусульманской общины под руководством пророка Мухаммада из Мекки в Медину, произошедшее в 622 году; первый год исламского лунного календаря. – Прим. ред.

4 А с этого в переводе на русский язык – князь (коср Васишта, или Василий) Длинные Руки или Долгорукий!!?

"Язык свой, московский, знаю; также языки Ирана и Патана. Учился астрологии и *мудрости* в Гилане (при Каспийском море). Оттуда повезли меня опять в Иран, где служил царю Тамасту. Падишах рассердился за дурной сон и подарил меня Асаф-Хану. Хочу учиться премудрости *суфий* и саманов… (вероятно шраманов или шаманов, буддистов)… и хочу получить *шаст* (цепь, но в этом смысле талисман) с Великим Именем на нём"… "Пусть учится". А далее: "Отослан в Кашмир"".

Заметка 2-я. "…Вернулся для совещаний, получил *Аллагу Акбар*[1]. Васишти отыскал Великое имя *Хэ*[2] и посвящает суфиев благословенной Рабии"[3].

А в 968 году рукой, по-видимому, самого императора, приписано: "Велик Васишта Аджанубаху!.. В его руках и луна, и солнце. Он сбросил *таклид* (ошейник) обманчивых религий и нашёл истинную мудрость суфи, выраженную в следующей станце:

"Как лампа, так и свет её – *одно*,
Одни глупцы лишь зрят в кумире и его брамине
Отличные друг от друга два предмета"[4]…

. . . . . .

Так кончаются эти выписки. Кто такой был Васишта Аджанубаху, останется, вероятно, навеки неразгаданной проблемой. Если то был один из князей Долгоруких, взятый в плен татарами при Иоанне Грозном, то ведь должно же это событие быть упомянутым где-нибудь в летописях этой фамилии, если не в истории? Но что он был русским – это мне доказано тем, что в одной "странной на неизвестном языке строчке", по выражению нашего друга, *срисованной* им с

1 Символический девиз Акбара, вырезанный на талисмане; и который Акбар жаловал лишь признанным магикам и астрологам для ношения оного на тюрбане, как знак их достоинства.

2 *Хе, Неи*, в переводе – Он, то есть Бог.

3 *Рабия* была основательницей мистической секты суфи и жила в первом столетии эгиры. Поэт персидский Хафиз принадлежал к этому братству.

4 Пантеистическая идея суфиев и ведантистов об единстве всего мира. Вселенная составляет одно; формы и образы миров физического, как и отвлечённого – одни волны того все океана. Бог во вселенной и вселенная в Боге. Вне нет ничего, даже хаоса.

пергамента, я увидала и узнала подпись имени "князя Василия"; она начертана старинными церковными буквами и неумелым почерком, как писали наши прадеды триста лет назад, и подпись очень неясная; но как слово *кнез*, так и имя *Василий* могут быть сразу прочтены каждым русским.

Изумительны тайны твои, о седая, молчаливая древность! И чем более изучаем мы её в Индии, тем твёрже поселяется во мне непреодолимое убеждение, что как русские в частности, так и доисторическая Россия, Болгария и вообще все славянские народы теснее связаны с Ариавартой, нежели то известно истории или даже подозреваемо современными ориенталистами.

Не раз приходилось мне на этих страницах категорически заявлять, что я не имею ни малейшего притязания соперничать с учёными этнологами и филологами; но, невзирая на их авторитетные заключения, всё же не могу удержаться, чтобы не противоречить им на каждом шагу, замечая, как часто и насколько их выводы, столь по-видимому логические и блестящие вне Индии, делаются слабыми и неправдоподобными для того, кто изучает страну на месте и принимает в соображение не только местные предания, но и гармоническое сочетание последних в отдалённейших друг от друга пунктах страны. Вполне сознаю, что поступаю в этом случае в противность строгим научным принципам и выработанному новейшим языковедением методу; знаю, что, навостряя уши при одних фонетических сходствах между языками, помимо всяких других соображений, грешу против основных правил этимологии, установленных строгими языковедами и безропотно принимаемых в Европе последователями их школ. Профессор Макс Мюллер имеет полное право смотреть на меня с презрительной насмешкой и даже называть мой слух "диким", а теории *unwissenschaftlich*[1]; и всё-таки, невзирая на этот жестокий урок (впрочем, счастливо пережитый мною), каждый раз, когда мне приходится в беседах наших с пандитами присутствовать при разговоре на санскритском языке или услыхать из уст нашего уважаемого друга и

1 Ненаучными (нем.). – Прим. ред.

союзника суами Дайананда[1] его частое воззвание к ученику: "Дехи ме агни", то есть *дай мне огня*, то в неучёной простоте духа своего не могу воздержаться, чтобы не воскликнуть: да это совсем по-русски! Позволяя себе перефразировать нашу народную пословицу: "живи просто, проживёшь лет со сто", я её тут же применяю к делу и слово "живи" заменяю словом "думай". И думается мне в такие минуты, что несравненно выше всех учёных языковедов мира сего, с точки простого здравого смысла, одна русская родственница моя[2], дама умная, образованная и весьма наблюдательная, хотя по-санскритски и неучёная, которая недавно прислала мне следующее замечание в письме: "Ты, мать моя, – пишет она, – заступайся за брахманское *Тримурти* и фантазируй над сокровенным смыслом и началом оного сколько тебе угодно; а что твоё *Тримурти* в русском переводе выходить просто *три морды*, так это уж несомненно". И она совершенно права, так как слово "мурти" по-санскритски значит *лицо* и *идол*; а "Тримурти" в буквальном переводе – *три лика*, тройной образ Брамы, Вишну и Шивы. Поэтому я не могу согласиться даже и с самим великим Максом Мюллером и сразу поверить ему, что "в

1 Увы! "уважаемый друг и союзник" превратился с тех пор в опасного недруга и неприятеля! Фанатизм и ханжество взяли своё. В противность первоначальной программе, сеами *требовал*, чтобы "Братство человечества" – Теософическое Общество, – принимало членами одних лишь "арийцев", то есть особ, отрёкшихся от прежней веры и переходящих *безусловно* в веру индусов-ведантистов. Когда-то сам "ведантист", он теперь стал гнать и преследовать "веданту" – самую очищенную и лучшую из древних философий Индии – и заменил её всецело Ведами, с их мёртвой буквой, объясняемой им на свой манер и по собственному произволу. Новый Лютер Востока вначале, он мало-помалу превратился в Кальвина, а теперь быстро следует по дороге, выбранной наследниками Лойолы. Убедясь в том, что ни полковник О***, ни я никогда не согласимся сделаться публично "ария-самаджами" и призуать его одного за *непогрешимого* папу, он воспылал гневом, стал публично обзывать нас *"настиками"* (атеистами) и предал анафеме. "Такур", заступаясь за нас, объявил его страдающим "безумием властолюбия". Таким образом сеами потерял около 45 человек англичан и американцев, признававших его своим *учителем*, а наше общество выиграло человек 100 "арий-самаджей", перешедших из его лагеря в наш.

2 Н. А. Фадеева (1829–1919), тётя Е. П. Блаватской. – Прим. ред.

немецком языке процент чисто санскритских слов гораздо более, нежели в славянском и русском". Тем менее, так как в детстве нас заставляли спрягать немецкий глагол *geben* [давать], то мы чувствуем помимо всякой филологии, что повелительное наклонение "гиб мир фейер"[1] столько же напоминает "дехи ме агни"[2], как сам почтенный профессор во фраке – тибетского Далай-Ламу без оного. Грузинский язык, уверяют нас новейшие энциклопедии по авторитету г-д языковедов, полон чисто санскритских грамматических форм, а русский – огромным количеством скандинавских, татарских, финских и других не славянских корней. Но вопрос: не наполнился ли русский язык этими "не славянскими корнями" уже в позднейших периодах своего развития и *только потому*, что сами эти "*не* славянские корни" языков скандинавского, татарского, финского и проч. (заранее извиняясь за невежественную гипотезу у г-д *турано–* и *семитофилов*) одни лишь диалекты или, как выражается профессор Макс Мюллер, примитивные деривации[3] санскритского, если не в его вполне законченной, совершенной форме, то, по крайней мере, как первобытного языка двух третей человечества, – так этот вопрос едва ли когда был не только решён, но даже и затронут г-дами языковедами. Не следует забывать многозначительного факта, что в России не существует ровно никаких памятников либо надписей, могущих указать нам на последовательное развитие русского языка.

Но всё это *моё* личное мнение и читателям до него дела нет. Поэтому до поры до времени оставлю этот вопрос в стороне и займусь настоящею Индией, какою она является теперь.

Агра, как и разные другие города, построена на могилах многих предшественников. Настоящий её вид самый плачевный. Грязь, вонь и ужасная, судя по наружному виду жилищ, нищета преобладают в мусульманских кварталах. Агра – преддверие в Раджастхан, род лакейской, в которой "господа"

1 «Дай мне огонь» (нем. gib mir Feuer). – Прим. ред.
2 «Дай мне огонь» (санскр.). – Прим. ред.
3 *Деривация* (лат. derivatio) – букв. отведение, отклонение. – Прим. ред.

не живут, но чрез которую они только случайно проходят. Англичане, как и во всех других городах, отделясь китайской стеной казарм и гордости от туземцев, живут совершенно обособленно. У них свой квартал, где не осмелится поселиться ни один "негр", далеко от Джумны и Тадж-Махала, стоящего недалеко от *Моти-Масжида*, известной в народе под поэтическим именем "Жемчужной мечети". Действительно, как *Масжид*, так и *Тадж* можно буквально и безо всякой восточной метафоры сравнить с жемчужинами на куче навоза…

Но что за драгоценная жемчужина последний! Исчерпав все потоки красноречия в описаниях Дельи, мне теперь приходится описывать это восьмое чудо света, Тадж Махал, и я чувствую себя совершенно неспособной исполнить подобную задачу. Если бы возможно было вызвать из таинственной области промелькнувшие на земле образы, о существовании которой нас учат алхимики и каббалисты, самые поэтические грёзы Микель Анджело, то, быть может, не видавший Таджа в действительности успел бы создать себе подходящий к нему образ. Он представил бы себе этот величественный мавзолей, громадный, словно готический собор, законченный, как драгоценный царский венец: его четыре жемчужно-белые купола по углам квадрата, среди коих, возвышаясь над ними на 50 футов [15,24 м], сверкает центральный купол, увенчанный двумя золотыми шарами и золотым полумесяцем[1] и сияя, словно перл, на мягкой синеве неба…Далеко ото всякого другого здания, окружённый прелестнейшим садом, Тадж Махал стоит один в своей невыразимой красоте на берегу голубой Джумны, отражающей его чистый, горделивый облик… Это здание до такой степени совершенно в своих архитектурных размерах, очаровательно и закончено в исполнении малейших деталей, и вместе с тем величественно в своей простоте, что не знаешь, чему более удивляться – плану ли, работе или же материалу!..

Этот материал – массы самого дорогого белого мрамора, изредка перемешанного с чёрным и жёлтым, перламутра, мозаики, яшмы, агата, изумрудов, аквамарина, жемчуга и сотни

1 Этот купол 70 ф[утов] в диаметре и 260 вышины от фундамента нижней террасы.

других камней. Но белый мрамор преобладает. Во всём здании, от верхушки купола до последнего вершка фундамента, *нет ни одного гвоздя*, ни атома стекла или какого-либо дерева. Даже водосточные трубы мраморные; а стены до того отшлифованы, что, отражая на блестящей поверхности своей неуловимые тени небес и зелени, они напоминают скорее чистейший перламутр, нежели мрамор. Мы еле могли поверить, что Тадж – работа смертных, и были вполне готовы проглотить местную легенду, уверяющую правоверных, будто неутешный халиф был вознесён во время сна некиим святым дервишем в райскую обитель Магомета, где сам Аллах повелел архангелу Гавриилу снять для него план одной из своих обителей. По этому плану и был выстроен Тадж-Махал над телом обожаемой супругом Мумтазы, известной под названием *Арзумунд-Бану* – "венца сераля"[1]…

Когда подъезжаешь со стороны Джумны, первый бросающийся в глаза предмет – массивный четырёхугольник из ослепительно белого мрамора в 964 фута [293,83 м] от востока к западу и 229 футов [69,8 м] от юга к северу. То платформа – пьедестал, поистине достойный такого памятника. Самый низ подножия – из красного песчаника, но почти теряется в прибрежной зелени кустов. По обеим сторонам – по одной мечети, тоже из песчаника, с накладными узорами из чёрного и белого мрамора и тремя белыми куполами на каждой. Но эти мечети как бы не принадлежат к памятнику, а словно поставлены двумя бессменными часовыми возле него. На первой платформе и на террасе, в 400 ф. в квадрате [37,16 кв. м] и в 60 ф. высоты [18,29 м], тоже из белого мрамора, возвышается мавзолей; по её четырём углам, блестя на солнце, как четыре ледяные башни, стоят высокие, необычайно изящные минареты во 150 ф. вышины [45,72 м] каждый из того же материала и под такими же куполами. Императорский мавзолей с саркофагами внутри стоит на северной стороне

1 История Индии до того сбивчива и неточна, что одни историки уверяют, что Мумтаза была родная внучка Акбара, а другие, что она была лишь женой его внука Шах-Джегана, отца знаменитого Аурунгзеба. Но последнее теперь уже не подлежит сомнению.

четырёхугольника. Ко главному строению ведут великолепные ворота со сводом, красные стены коего сплошь покрыты изречениями из Корана накладной работы из чёрного мрамора; затем – сад, разбитый на четырёхугольные скверы с фонтанами в мраморных бассейнах, окружённые партерами самых редких цветов, полный вековых кипарисов, тёмная зелень коих превосходно гармонирует с общим видом белого здания. Прямо пред входом длинная тенистая аллея замыкается широкою мраморною лестницей в два яруса, ведущею на верхнюю платформу, пол которой состоит из громадных белых мраморных плит, обведённых траурною каймой из чёрного мрамора.

Взойдя на верхнюю площадку, в сорока шагах от вас, вы видите самый мавзолей, и просто замираете… Чувствуешь себя точно во сне: словно пред вашими глазами внезапно предстало видение из другого, лучшего, более чистого мира, и вы стараетесь опомниться, уверить себя, что вы наяву и что пред вами действительность, а не фантазия вашего воображения, грёза из *Тысячи и Одной Ночи*!..Видела я соборы и св. Петра в Риме, и Кёльнский, и Страсбургский; нагляделась досыта на все лучшие произведения известнейших итальянских художников. Но никогда ни один памятник, ни одно изваяние, ни картина и никакой храм не производили на меня такого впечатления, как это здание, задуманное весьма нелюбимыми мною магометанами, исполненное кто знает кем. Говорят, будто в продолжение 22 лет 20 000 мастеровых беспрерывно работали над этим мавзолеем и что, не считая даровых рабочих и такого же материала, он стоил три миллиона фунтов стерлингов. Корреспондент лондонской газеты *Illustrated News*, известный в журнальном мире Симсон, живописец, архитектор и археолог, возвращаясь в прошлом году из Кабула в Англию, говорил мне, что он не взялся бы выстроить такого памятника за все бывшие сокровища Голконды. "Таких исполнителей нет более в нашем холодном, все-отрицающем веке", рассуждал современный артист[1]. "Для одной отделки этой мраморной глыбы

1 Здесь калька со слова *artist*, имеющего в английском языке значение профессии, связанной с изобразительным искусством: худож-

потребовались бы Фидий и Бенвенуто Челлини с Микель-Анджело им в подмогу"!.. Мнение это нисколько не преувеличено.

Пред вами мраморный фасад величественного в своей изящной простоте храма. Стены совершенно белые и гладкие. Только под стрельчатой аркой, над широким портиком, извиваются затейливые, сквозные, словно окаменелое кружево, украшения из того же материала, представляющие цветы, фрукты и арабески; да над карнизом купола и вдоль боковых стен тянутся узким бордюром изречения из Корана огромными золотыми буквами. Из-под портика вход прямо во внутренность огромной залы в мавзолее, окружённой коридорами и приделами. Те же ослепительной белизны стены с панелями, покрытыми мозаикой – гирлянды прелестнейших цветов из драгоценных камней. Некоторые из них так натуральны, артист так верно копировал природу, что рука невольно приближается к ним, как бы желая удостовериться, что то дело одного искусства. Ветки белого жасмина из перламутра перевиваются с красным гранатовым цветком из сердолика и деликатными усиками виноградной лозы и жимолости; а нежные олеандры выглядывают из роскошной зелени листвы. Всё это выложено по белому мрамору не микроскопической мозаикой флорентинцев, а *восточной* мозаикой Индии, т. е. кусками такой величины и формы, что они не портят цельности драгоценного камня. Каждый листик, каждый лепесток – отдельный изумруд, яхонт, жемчужина или топаз; и насчитываешь иногда таких камней до ста штук для одной веточки цветов, а подобных этой ветке – сотни на панелях и решётках! Таинственный полумрак парил в этой обители смерти, и мы с первого взгляда не различили, сколько сокровищ погребено вместе с царской четой. Принесённые факелы, ярко осветив панели, разом зажгли миллионы драгоценных искр, вырывая у нас невольные крики удивления.

Потолок под куполом, освещаемый дневным светом из решётчатых стрельчатых окон, вырезанных в цельном мраморе стен, густо покрыт такими же цветами и фруктами из

ник, скульптор, архитектор и т. п. – Прим. ред.

разноцветных камней; только, вместо гладкой поверхности, мозаика выложена на мраморных украшениях рельефом, так что издали действительно скорее напоминает собой цветущую беседку из живых растений, нежели бездушный камень. Раз увидев Тадж, турист уже готов прочитать без улыбки красноречивый отзыв некоего набожного местного историка, оканчивающего своё описание мавзолея следующим наивным заявлением: "Нет никакого сомнения, что план этого перла[1] Востока, которым мы, мусульмане Индии, так справедливо гордимся, был с самого своего начала предназначен великим Пророком, дабы внушить правоверным правильное понятие о благословенных райских обителях".

Прямо под сводом купола стоят два кенотафа, окружённые сквозной мраморной, как и все остальные, решёткой в шесть футов [1,83 м] вышины, сверху донизу выложенною по узорам такими же драгоценными цветами и с бордюром, напоминающим цветы лилии. Резная работа до того мелка и изящна, что, невзирая на толщину решётки (в несколько дюймов), она представляет совершенное подобие кружева. Гробницы, коих четыре, хотя царских покойников всего два[2] (красавица Мумтази Махал да её верный по гроб и за гробом супруг, халиф Шах-Джеган), сделаны каждая из куска цельного белого мрамора. Два кенотафа[3] в верхней зале – образцы изящной простоты и резко отделяются от покрытой драгоценностями решётки. Из портика мы спустились по широким ступеням в погребальную залу, где стоят рядом два другие саркофага. Гробница императрицы изобилует арабесками, мозаикой, драгоценными камнями и стихами из Корана. Гробница халифа немного выше первой, но проще. Как и верхние, оба саркофага ограждены решёткой необычайно сквозной работы, но без мозаики. Потолок со сводом, как и верхний, но без украшений,

1 Жемчужина (англ. perl). – Прим. ред.

2 Два саркофага с телами стоят в нижней погребальной зале, устроенной в нижнем этаже под двумя платформами; а над ними, в зале мавзолея, в верхнем здании, два пустые кенотафа.

3 Кенота́ф (др.-греч. κενοτάφιον, от κενός – пустой и τάφος – могила) – символическая могила; памятник в честь усопшего, но не содержащий его останков. – Прим. ред.

а зала восьмиугольная. День и ночь серебряные и золотые лампады освещают эту тёмную залу, а по пятницам получаются обильные приношения правоверных своему "халифу", приношения, попадающие, конечно, в карман муллы, так как о ремонте мавзолея и его сохранности заботится правительство.

Осмотрев весь мавзолей, мы взобрались по витой лестнице на северный минарет и сидели, часа два, отдыхая в нём. Невозможно было оторваться от этой чудной картины. С минаретов окрестности Агры на много миль кругом открываются, как на ладони. Разбросанные по обоим берегам извивающейся серебристой лентой Джумны виднеются великие памятники династии Тимура – крепости, дворцы, мечети, башни... Город с этой высоты теряет свой грязный вид и тонет в зелени кустов и деревьев. Описывать что-либо в Агре после *Таджа* было бы нелепостью. *Моти-Масжид* – "Жемчужная мечеть", красотою коей так восхищаются, прелестна, быть может, и замечательна как архитектурное произведение, но оно способно остановить надолго внимание лишь того, кто не видал мавзолея. Колонны, купола и белый мрамор, глыбы последнего, водружённые на платформах из красного песчаника, – вот описание в двух словах дворцов и прочих мечетей Агры.

Поселясь в двух шагах от Тадж-Махала, мы посещали его ежедневно. Сидя там, мы слушали местные легенды и дышали свободнее, чем в душном дак-бёнглоу[1], устроенном правительством в одном из древних мавзолеев и мечети возле ворот Таджа. В этой же мечети над погребальною залой устроена англичанами "с весьма сомнительною деликатностью и тактом", по выражению Гордона-Кемминга, "танцевальная *зала для пикников*"!!

"Вообразите, каковы были бы чувства нас, христиан, – добавляет автор, – если бы покорившие нас ново-зеландцы вздумали отплясывать свой военный танец в *наших* мавзолеях или, скорее, в наших весьма неромантичных кладбищенских часовнях!"

1 Даровой заезжий дом, где за ночлег ничего не платится, но, конечно, взимается плата за содержание по весьма дешёвым ценам, в случае если проезжие не имеют с собою повара и слуг.

Воздерживаясь от комментариев сама, нарочно привожу эту критику их же соотечественника, дабы показать англичанам, что не одни русские, в каждом из коих им грезится шпион, замечают, выставляя на суд света, их отвратительный эгоизм и неделикатность к чувствам порабощённых наций. Не Россия, а сами они навлекают справедливую ненависть азиятских народов подобными опасными выходками.

Говорят, что после смерти его многолюбимой Мумтазы, идола души его, бедный халиф впал в глубокую меланхолию. Но вот явился святой дервиш и направил его мысли к сооружению умершей такого памятника, который удивил бы весь мир, обещая ему для этого покровительство Пророка. Дервиш сдержал слово. По первоначальному плану, халиф готовился выстроить и для себя совершенно подобный этому мавзолей на противоположном берегу Джумны, соединив оба памятника мостом из белого мрамора. Но задолго ещё до окончания Таджа император заболел и сам очутился у преддверия смерти. Тогда его четыре сына, дети Мумтазы, не дожидаясь его смерти, затеяли войну за престол. Аурангзеб остался победителем в этом почтительном сыновнем турнире и запер как трёх братьев, так и собственного отца в Гвальйорскую крепость – род Бастилии Индии, куда нередко попадали ближайшие родственники могульских халифов. А отца – бедного, овдовевшего Шах-Джегана – он заключил в старую крепость Агры, где сверженный император прожил семь лет и где он и умер, утешаясь лишь тем, что постоянно глядел из окна на мавзолей возлюбленной подруги жизни своей и горюя лишь о прекращении работ… На своё заключение, впрочем, ему следовало бы взирать как на нечто весьма естественное и в природе вещей. Ни один ещё император, за исключением Акбара, не овладевал могульским престолом без кровопролития и заключения всех мешавших ему претендентов в вечную тюрьму. Шах-Джеган сам взошёл на престол лишь по трупу родного брата, которого с сердечным прискорбием вынужден был собственноручно зарезать, ибо таков уж *кисмет*[1]; отец же

1 *Кисмет* (араб. букв. наделение) – в исламе, участь, судьба – аналог *кармы* в индуизме. – Прим. ред.

его, Джехангир, сын Акбара, посадил на кол не менее 800 родственников из дома Тимура, прежде чем спокойно уселся на родительском троне.

По смерти узника-отца Аурангзеб, как истый магометанин и почтительный сын, воздал всякую честь переставшему быть опасным родителю. Он похоронил его возле "Венца Сераля" и окончил мавзолей на деньги перерезанных для этого случая богатых вельмож. Он даже пошёл далее отца в бешеных издержках: соорудил пред настоящими воротами в сад другие ворота из *чистого серебра* с целыми главами Корана, вычеканенными на них и украшенными, как кубок Бенвенуто Челлини. Летописи португальских миссионеров из Гоа в своих описаниях этих ворот уверяют, будто бы над ними работал чёрт, окончив их в одну ночь; но в этом благочестивые отцы, быть может, и ошибаются… Также была приделана по приказанию императора внутренняя, ныне исчезнувшая калитка *из цельного куска агата*, такой красоты и ценности, что, по словам тех же правдивых историков, "она явилась из фабрик преисподней". Но если так, то судьба этих двух драгоценностей только послужила к оправданию пословицы, гласящей, что "чёрт ничего не дарит, а лишь занимает". Едва четверть столетия спустя торжествующие махраты увезли ворота и переплавили их на рупии, а из калитки сделали ширму для Шивы во храме Гвальйорского махараджи. Куда эта калитка девалась – теперь никто не знает. Полагают, что её, в свою очередь, увёз махараджа Бертпурский и зарыл где-то в волшебных садах Дига. Но он умер скоропостижно, и тайна о местонахождении калитки умерла вместе с ним.

До сих пор в Агре ходят в народе мрачные предания и сказания о "тайном" (ещё более, нежели о явном) могуществе Акбара. Император был не только великим государственным мужем и полководцем, но и посвящён в тёмную науку некромантии и магии. Умирая, он предсказал, что величие рода его падёт в четвёртом от него поколении в лице его правнука, обещал явиться пред тем царствующему императору… и сдержал слово. Вот как это случилось.

Великий халиф явился Аурунгзебу "Великолепному" в построенной им самим и ныне, как и во времена оные, знаменитой крепости Агре, известной под именем Акбаровского форта. То было в 1680-х годах. "Великолепный" восседал в одно прекрасное утро на троне в "зале аудиенций", где некогда предок его судил и правого, и виноватого помимо всякого свода законов. История умалчивает о том, в каком он находился настроении духа и в каком состоянии находились вообще все его придворные. Вероятнее всего, что, подобно другому правоверному хану, халиф "сидел потупя взор, янтарь в устах его дымился"[1]…

За последнее десятилетие могулов крепко колотили махраты, и бедные правоверные очень этим огорчались, тем более, что махраты действовали под предводительством непобедимого Сиваджи – декканского Ильи Муромца. Аджанубаху II, по пророчеству пандита Васишти, угрожал захватить в свои "длинные руки" все дотоле покорённые императором государства Индии[2] и отмстить за *родину* Аджанубаха I. Вдруг Аурангзеб (буквально "краса престола") затрясся, как осиновый лист, и, вскочив, молча и с полными ужаса глазами, указал придворным в угол. Придворные ничего в углу не увидали, но все слышали, как раздался чей-то дряхлый, но громкий голос и слова "горе… горе великому дому Тимура! Пришёл конец его величию!.." Император повалился без чувств. Он клялся, что видел тень своего предка Акбара, который и повторил это ужасное пророчество, уже раз произнесённое им, по преданию, на смертном одре…

С той минуты всё царство пошло вверх дном и разорилось во прах. Аурангзеб умер в 1707, а с "красою престола" исчезло и всё величие его династии.

Мы не верили в это происшествие, но посетив "залу аудиенций" и увидав тот самый угол, в котором Акбар являлся своему правнуку, принуждены были сдаться пред очевид-

1 А. С. Пушкин, "Бахчисарайский фонтан". – Прим. ред.

2 Аурунгзеб, называл себя горделивым прозвищем "покорителя вселенной", всегда приказывал носить перед собой золотой глобус в виде символа…

ностью. В городе Агре, в Акбаровской крепости находилась оружейная, которою сипаи воспользовались в 1857, дабы перерезать всех англичан. Теперь оружейную перенесли в "залу аудиенций" и сделали из неё крепость в крепости, держа оружие под 77 замками. В моём скромном мнении, лучше бы англичане не плясали на мавзолеях халифов и вообще бы менее безобразничали, что и оказалось бы наипрочнейшею предосторожностью.

Крепость тянется на целую милю по берегу реки и её стены в 85 футов [25,91 м] высоты и необычайной толщины способны вселить страх в души, осаждающих оную… Но только тех, кто явился бы без новейшей усовершенствованной артиллерии. С помощью последней эта цитадель, хотя и укреплённая ещё более за последнее двадцатилетие, также оказалась бы неспособною выдержать штурм, как и в 1803, когда лорд Лэк с небольшим количеством древних пушек принудил к капитуляции в первый же день осады засевших в ней 6000 махратов. Между сокровищами "оружейной", куда нас, впрочем, на этот раз не пустили, находятся две половины великолепных резных ворот в 12 футов [3,66 м] вышины с богатейшею мозаичною выкладкой и украшенные гербами из чистого серебра. С этими воротами, у которых своя история, произошла необычайная и никем ещё не разгаданная метаморфоза. Они были из сандального дерева, наполняли ароматом окрестности и когда-то составляли, по истории, часть украшений браманской великой пагоды в Сумнафе; но в 997 году были унесены оттуда афганским султаном Махмудом, который в том году разорил, предав мечу и огню, весь Гуджерат с целью наказать язычников и вместе с тем наградить самого себя добычей. Эти сандальные ворота считались *chef d'oeuvre*[1] туземной резьбы; они были до того драгоценны и почитаемы народами Индии, что Махмуд приказал их с большими издержками перевезти в Газни, где им впоследствии сделали честь, поставив их у входа в мавзолей самого султана. Это присутствие столь священного в глазах индусов предмета на мусульманском кладбище, рассчитанное на то, чтобы

1 Шедевром (фр.). – Прим. ред.

напоминать народу о верховной власти могулов, стояло клином в горле у браманов. Много раз порывались они отнять силой, а не то так и украсть священные ворота, но всё было напрасно. Много жизней уже стоили они и всё-таки оставались на прежнем месте. Так прошло 800 лет, когда лорд Элленборо, явясь победителем в Газни, увидал знаменитое яблоко раздора. Услыхав же историю ворот, он захотел, в свою очередь, показать могулам, что уже более не они, а англичане хозяева в Индии, и с этою целью приказал перевезти их в Агру. Эта перевозка совершилась с величайшими затруднениями и стоила много денег и проклятий со стороны английских солдат. Но зато индусы торжествовали. "Ворота Сумнафского храма сделались вдвойне историческими, – говорит *Руководитель к достопримечательностям Агры*, – они служат памятником победы лорда Элленборо и его прокламации в конце Кабульской войны и вместе с тем составляют ещё одно редкое произведение искусства, прибавленное нами (то есть англичанами) к стольким другим сокровищам".

Но вот является вслед за другими ахающими от восхищения посетителями полюбоваться воротами и мистер Симсон, о котором упоминалось выше, аккуратный и весьма прозорливый шотландец. Критически осмотрев их, к великому ужасу англичан он вдруг положительно объявляет, что ворота – подменены!.. На воротах, взятых султаном Махмудом, по всем древним описаниям, представлены чуть ли не все 33 миллиона богов Индии: на этих же резьба чисто в магометанском вкусе. Бросаются, мечутся во все стороны и, наконец, получается из Калькутты приказ осмотреть их в микроскоп. Увы! Последний анализ доказывает самым положительным образом, что эти доставленные с такими издержками ворота, взглянуть на которые приезжали из-за тридевять земель, даже не сандальные, а просто сосновые!.. Случись это открытие несколькими годами позже, можно было бы побиться об заклад, что английская печать обвинила бы в покраже Россию!.. Теперь бедные ворота стоят в углу, в пыли и забытые.

"Великий храм" Сумната, индийского Озириса, бога, перед судом коего являются души умерших и от которого зависит их

будущий образ по закону метемпсихоза, один из огромнейших и богатейших в Индии. Он находится в Гуджарате, на берегу Индийского океана. Во времена Махмуда при этой пагоде состояло 2000 жрецов, 500 танцовщиц (нотчей), 300 священных свирельщиков и 300 брадобреев. Узнав о его богатстве, султан решился заглянуть в него и поделиться добычей с богом. Войдя в храм, он увидел себя в просторной зале со сводом, поддерживаемым 56 серебряными колоннами и с золотыми богами по стенам. Приказав солдатам уложить божков в обоз, Махмуд подошёл к великому идолу Сумната и без разговоров отбил ему нос. Тогда браманы попадали ему в ноги и молили пощадить их великое божество, предлагая ему за милость столь громадную сумму денег, что его визирь советовал ему принять предложение. Но султан был строгий магометанин и отверг предложение, за что и был вознаграждён Пророком. Когда Сумната разбили на куски, то внутри его нашли несметное сокровище, состоящее из жемчуга и бриллиантов, на сумму вдесятеро большую той, что предлагали браманы. Таким образом добродетель ещё раз восторжествовала на земле.

Самый дворец, где был заключён Шах-Джаган, уже в развалинах, но от него мы прошли в *зенану* (гарем) через двор, где Тавернье видел и своё время ванну в 40 футов [12,19 м] длины и 25 ширины [7,62 м] из серого мрамора. Все стены бессчётных комнат покрыты тысячами выпуклых зеркал на персидский манер; и здесь опять всё из белого мрамора – крыши, колонны, столбы, стены… Отдельные прелестные павильоны висят, словно кружевные звёзды, на своих красных пьедесталах, окружённые сквозными балкончиками, покрытые вьющимися растениями. Все эти чудеса архитектуры, где люди жили, любили и страдали, всё это ныне пусто, заброшено и словно заснуло непробудным сном… Одни зелёные попугаи прерывают торжественное молчание этой нежилой части крепости, пробуждая ленивое эхо; да голубокрылые пташки вьют гнезда в углублении панелей, каждый отдельный кусок коих может служить образцом резчику.

Ночью, при лунном свете, это место представляет нечто волшебное. Словно воевода-мороз пролетел над королевством

спящей царевны и покрыл все здания узорчатым инеем… Эта волшебная ажурная работа скорее походит на миниатюрную резьбу из слоновой кости, нежели на что-либо знакомое нам в произведениях европейских мраморщиков.

Тут же, в крепости, через стену от Тадж-Махала, "Моти Мусжид", мечеть, выстроенная Шах-Джаганом во время его семилетнего заключения. Прежде всего другого осмотренный мавзолей помешал нам отдать должную справедливость "жемчужной мечети". Но она, поистине, драгоценнейшая жемчужина меж всеми мечетями. Совершенная по архитектурной форме, в высшей степени поэтическая по обстановке, белая, как вновь выпавший снег, без малейшей примеси другого цвета, она к тому же останавливает внимание и заслуживает симпатию посетителей уже вследствие своей печальной легенды. Говорят, будто идея построить эту прелестную мечеть принадлежит Джеханари, любимой дочери султана-узника. Видя страдания отца и его безутешную печаль, принцесса, которая настояла, чтобы разделять с ним его заключение, придумала и уговорила его заняться этой работой, которая одна могла, по её мнению, рассеять его меланхолию. Уверяют, будто, соглашаясь, свергнутый султан воскликнул в глубокой сердечной горести своей: "Да будет по-твоему, дочь моя, и да назовётся будущая святая мечеть "Жемчужиной"… Ибо, как настоящая жемчужина, обязанная своим зародышем, развитием и красотой внутри раковины страданиям и мукам жилицы оной, так Моти Мусжид да будет обязана своим существованием неисходному горю, испытываемому злосчастным отцом жестокого Аурангзеба!" И вот задуманная мечеть, дитя горьких часов заключения, вдруг появилась, канув у подножия Тадж-Махала, словно застывшая слеза "ангела судеб", обязанного вносить в книгу раскаяния всё земное горе и страдание.

Впоследствии мы видели в Дельи последнее жилище, могилу преданной дочери султана – Джеханари: по внешнему виду – горделивый белый мраморный саркофаг со скульптурными украшениями и мозаикой, как и всё прочее; но внутри мавзолея зелёный свежий садик с незатейливым

партером и цветами, которые ежедневно и с величайшим тщанием поливает старый сгорбленный могул, ставший полуидиотом после пережитых им ужасов Дельи. Живая развалина среди мёртвых руин, этот старик – воплощение неизменной любви и преданности к угасшему дому падишахов – единственный и последний потомок длинного ряда доверенных слуг султанов, избежавший общей участи только вследствие своей дряхлости и ничтожества. Ему лет под сто. Дрожа и шатаясь на костлявых ногах, он повёл нас во внутрь, указав на стене погребальной залы эпитафию, сочинённую самою Джеханари перед ранней смертью и вырезанной по её желанию на её гробнице. Принцесса просит, чтобы одни цветы и трава указывали место, где будет лежать её прах... "Пусть одни цветы, сорванные рукой Аллаха, смешиваются с тлеющим остовом смертного пилигрима – Джеханари... Они – лучшее украшение последней обители освобождённого от земных оков духа..." – говорит между прочим надпись. Мы дали несколько монет могульскому Кащею и, верный до гроба, слуга, спрятав их в высокой траве и поглаживая дрожащею рукой мрамор саркофага, тут же стал шептать, как бы обращаясь к самой покойнице: "Я куплю тебе, Бегум-ханум, новые цветочки... я посажу тебе взамен погибших, увядших роз свежие!.." В Тадж-Махале, во время назойливых попрошайничеств жирного и час за часом богатеющего муллы, который не отставал от нас, прося для своего халифа "ещё одну, только одну рупию", мне вспомнилась эта сцена. Бедный, дряхлый Кащей, вся догорающая жизнь коего сосредоточилась на могиле умершей за два века до того принцессы, только потому, что она была прабабкой его любимых убитых господ, возник предо мною, как последнее проявление в нашем веке горячей преданности к нам нашей "меньшей братии"...

В этой пространной крепости, в отделении гарема на каждом шагу натыкаешься на замурованные комнаты, тайники и подземные ходы, заделанные века тому назад и нечаянно найденные англичанами. Сколько кровавых, страшных сцен произошло внутри этой крепостной ограды! Сколько жертв, долгих мук и роковых, навеки погребённых

тайн!.. Английские солдаты находятся здесь, говорят, в состоянии хронического суеверного страха, невзирая на строгие наказания. Как выразился в разговоре с У*** один сержант, ирландец, "кому же приятно ночевать изо дня в день среди *язычников* с того света… поумиравших некрещёнными и покумившихся со “старым Гарри” (чёртом). Тут и благословенный Св. Патрик ничего не поможет!". Пройдя длинный ряд коридоров, нам показали место, где английские инженеры, пробив глухую стену, нашли в ней расположенную над рекой келью; в келье три широко ухмыляющиеся скелета – молодого человека и двух женщин, одной старой, другой молодой. Последняя была богато одета и вся покрыта дорогими каменьями. Здесь их замуровали, оставив погибнуть голодной смертью; как бы из желания довести их предсмертные муки до *nec plus ultra*[1] утончённой жестокости, посреди комнаты чернело отверстие глубокого колодца, с журчащею внизу водой, заделанное толстой железной решёткой… В одном из подземных проходов была найдена почти бездонная пропасть, поперёк жерла коей было вделано толстое бревно. На этом бревне, словно пучки сухой травы, на верёвке висело около дюжины женских скелетов!.. Сколько таких молодых жизней попадало с этого бревна и ужасную, чёрную пропасть, никто не знает, разве один ангел смерти. Но Азраил не выдаёт тайн своих, особенно нам, неверным, ибо, по просьбе Магомета, он более не является в видимой оболочке…[2] Таким образом гаремная жизнь представляется чрезвычайно привлекательной, и нам остаётся лишь позавидовать счастливым Зюлейкам[3]…

В другом квартале Агры рабочие, рывшие в саду бассейн, недавно напали на следы обширного дворца и, наконец, нашли

1 Крайняя степень (лат.). – Прим. ред.

2 До Пророка, – уверяет нас Коран, – он являлся за жертвами во плоти, и только по просьбе Магомета, пожелавшего освободить человечество от ужасного зрелища, ангел является теперь невидимо и неслышно.

3 Возможно, отсылка к поэме «Абидосская невеста» английского поэта Дж. Байрона (1788–1824), главной героиней которой является Зюлейка. – Прим. А. Д. Тюрикова.

ход в одну из подземных комнат, известных под именем *тикхана* (прохладного покоя), где хозяева проводят самые жаркие часы дня. Здесь заинтересовала их двойная стена; они проломали её и нашли в ней узкий коридор, где прикованные к стене стояли пять скелетов в великолепных одеждах. Трое из них, как пишут, по-видимому, принадлежали к высшей знати: молодой человек и по обеим сторонам две женщины с длинными чёрными косами. Их платья и вуали были вышиты золотом; на руках и щиколотках золотые браслеты, а на шеях драгоценные цепи, нитки жемчуга и колье с талисманами. Последние, как видно, доказали свою чудотворную предохраняющую от беды силу… Все эти драгоценности были проданы правительством за две тысячи фунтов стерлинг[ов]. Другие два скелета принадлежали старухам, вероятно, прислужницам.

Милях в девяти [14,48 км] от городских ворот, на поляне, в саду деревни Секундры, похоронен сам великий Акбар. Его мавзолей – второе издание его крепости, только в уменьшенном виде. Он занимает сорок десятин земли, стоит в саду или скорее в загороженном парке, разбитом на несколько вёрст в квадрате. Мавзолей находится на четырёх постепенно уменьшающихся кверху террасах, с обычными минаретами, увенчанными куполами по углам. Все купола покрыты черепицами из мозаичной работы – зелёной и голубой с золотом. Непостижимо, как ни краски, ни накладная работа не изменились ни на одну полутень в продолжение целых трёх веков в климате, где сырость и жара губят в один год самые прочные работы европейских мастеров.

На саркофаге выложены золотом и персидскими буквами девяносто девять качеств Аллаха. Кругом нижней террасы мавзолея с трёх сторон колоннада с бесчисленным множеством арок и колонн, покрытых, как веленевая страница, изречениями из Корана и позднейшими проклятиями неверным; изречения, как и проклятия, выложены чёрным мрамором. В каждой амбразуре промеж колонн окно, тоже столь обыкновенное в архитектуре Индии – окаменелое кружево. Как весьма справедливо выражается сестра Гордона-Кёмминга, шотландского Нимрода современной Англии, эта кружевная

работа из мрамора начинает под конец казаться самым пустым делом. "И однако же, – добавляет она, – если бы мы только могли перенести одно из таких окон в любой христианский собор, какая давка, сколько восклицаний восторга и удивления вызвало бы оно у знатоков! Но здесь, в Индии, ведь это только работа этих *презренных негров*, а наш истый британец даже и не потрудится взглянуть на неё!"

Таково мнение англичанки и – патриотки.

На другое утро мы расстались с Агрой рано; так рано, что заря не успела даже ещё зарумянить белоснежные купола Тадж-Махала!.. Нам предстояло сделать двадцать четыре мили [38,62 км] до завтрака, приготовленного для нас в Футхепуре Сикри – знаменитейших развалинах северо-западных провинций, где нас ожидал наш друг и покровитель – такур. Гулаб-Лалл-Синг даже и не заглянул в Агру – место, которое он почему-то ненавидел, хотя он полуобещал встретить нас там. Но мы давно уже привыкли к его своеобразным действиям, к его неожиданным появлениям и таким же исчезновениям, и никогда ни о чём его не расспрашивали.

В это утро мы оставляли чисто британскую территорию и вступали на классическую землю Раджастана – хотя не совершенно свободную и независимую, но страну, с которой англичанам приходится считаться. В Бёртпуре, например, туземном владении, которое граничит с Агрой, нет не только политического резидента, но даже ни одного англичанина, ни в самом городе, ни в окрестностях. англо-индийское правительство и Бёртпур сносятся лишь политически. Раджистан – родина такура, которой он так гордится и история коей прослежена английскими ориенталистами за 600 лет до Ксеркса, а Тодом за 3000 до Р. Х.; то земля сказочных и исторических героев, бешеной удали и рыцарских чувств к женскому полу, столь мало ценимому, презираемому и даже угнетаемому во всей остальной Индии… Здесь Гулаб Синг был у себя и готовился принимать нас хозяином. Нам словно легче дышалось… Едва дребезжащие, полуразваленные вагоны поезда, идущего до Джайпура, остановились у Футхепурской станции, как у всех нас, за исключением двух англичан,

вырвался крик облегчения. В одну секунду, как бы выросшие из-под земли, щитоносцы такура перенесли наш багаж в кареты, присланные деваном (министром) махараджи Бёртпурского. "Его высочество в Хардваре, на богомолье, но деван к вашим услугам и приказал простереться пред американскими братьями-саибами", проговорил высокий юный раджпут с длинными волосами и в белом тюрбане: "Кареты к вашим услугам".

А вот и такур-саиб… верхом и с полдюжиной плечистых, бородатых, длинно-кудрявых оруженосцев, которых мы ещё не видали… Чёрный силуэт всадника ярко обрисовывается на безоблачном тёмно-синем горизонте, и громадная фигура напоминает мне конную статую Петра Великого[1]. Мы все довольны… Одна мисс Б*** с обычным тактом и, обернувшись не то к посланнику девана, не то к лошадиным хвостам, восклицает плачевным голосом:

– Великое небо… Какие мрачные, дикие окрестности!.. Говорят, раджпуты ужасные разбойники… Не опасно ли нам будет ехать вовнутрь страны… одним?..

Я чувствую непреодолимое желание задушить бестактную дуру, но воздерживаюсь и, сгорая от стыда пред раджпутами, взглядываю на подъехавшего к нам Такура.

Гулаб-Лал-Синг спокойно поглаживает усы. Но в рассеянно устремлённом на англичанку взоре я улавливаю ту же быстро сверкнувшую молнию сдержанного гнева, скажу более, ненависти, как и в Дельи. И этот гнев, и ненависть разом отражаются в позеленевшем лице Нараяна Кришнарао.

Успокойтесь! – раздаётся ровный, насмешливый голос нашего друга. – Вы забываете, что Раджпутана имеет честь быть под протекторатом Великобритании… А её прозорливость и отеческая бдительность безграничны, как и её горячая заботливость о нас, бедных… разбойниках. Оглянитесь… ваше правительство ни на минуту не потеряет ни вас, ни нас из виду… Так боится оно, как бы мы не попали в дурные руки!..

1 Статуя Петра I на коне в Санкт-Петербурге. – Прим. пер.

И он кивает по направлению железнодорожной станции. Там на платформе суетится возле своего багажа, ящика с содой и водкой, златоусый шпион в белом кителе.

Радда-Бай

Письмо XXIX[1]

Быстро проходили дни и недели и ещё быстрее передвигались мы с места на место; но, несмотря на то, что не теряли времени, мы не видали и двадцатой доли тех исторически знаменитых мест, которыми славится Индия. А жары становились, между тем, с каждым днём ужаснее. В начале мая они достигают– вообще по всему Индостану – своей высшей точки; но Раджистан является в этом смертельном месяце даже в Индии пеклом, в сравнении с которым сам Аллахабад способен обворожить своей прохладой. В то время как в Петербурге и Москве поля еле начинают одеваться молодой зеленью, а кусты сирени ещё стоят обнажённые, на палящих равнинах Раджпутаны всё уже испеклось, пережарилось, и поверхность земной коры, как сухарь, слишком долго оставленный в духовой печи, пересохнув, начинает рассыпаться прахом. Её огромные поляны, выгорелые, печальные, жёлто-бурого цвета, в местах, где они не столь густо заселены, напоминают русские степи: тот же сухой ковыль, то же частое марево на раскалённом горизонте…

Словно высохшая до мозга костей старица, дремлет вокруг нас усталая, угасающая природа Индии, доживая под палящими стрелами свирепого солнца "сезон жаров". Весна, лето, зима и осень для туземца лишь звук безо всякого значения. У индуса всего три времени года, и, говоря о них, он различает сезон "жаркий", "холодный" и "сезон дождей". Через три-четыре недели на ярко яхонтовом, девять месяцев в году

1 Московские ведомости, № 348, 16.12.1882, стр. 4, № 2, 02.02.1883, стр. 3; Русский Вестник, июнь 1883, Приложение, том 165, с. 389-411. На этом письме завершается публикация в "Московских ведомостях" и продолжится со следующего в "Русском вестнике" в новой серии.

безоблачном небе, покажутся первые дождевые облака… Загремит гром, подымутся на Бенгальских берегах циклоны и опустошительные бури. Погибнет несколько человек, разрушится несколько зданий; но зато, пролетев с юга, ураган принесёт на мощных крыльях своих столь желанный *муссун*, весь пропитанный ароматами Цейлона и Южной Индии. И вот снова, в два-три дня, под проливным дождём зацветает вся Индия от Гималая до Коморина. Затопленные равнины Раджистана превратятся в моря, из глубины коих будут торчать лишь скалы такуров с их полуразрушенными крепостями и замками. Эти скалы, рассеянные теперь, словно безобразные бородавки, по лицу *Сурьяванзы* – "Земли Солнца" – обмоются и зацветут, и снова всё заликует в природе… Закукует кукушка – певец любви Индостана, птица, посвящённая Каме, божку любви. Подымется пар от земли – благоуханнейший изо всех ароматов природы в понятиях индуса – пар от первого дождя, и начнутся свадьбы, пиры и веселье…

Но пока до дождя, "возлюбленного земли", по словам греческого поэта, – Раджпутана могла нам предложить не более того, что сама имела. Кругом всё выжжено, и нечему уж более выгорать. Мисс Б*** права, первый взгляд на окрестности не располагает к стране. Всё мертво и безмолвно, и на голых полях не видно даже обычной фигуры земледельца, бедного чёрного скелета, копающегося на них, словно крот, во все остальные времена года… До первых дождей ему нечего делать в поле. В подобный зной даже выносливый верблюд покорно ложится, где попало: жвачка теряет для него всю прелесть, и по целым дням он либо непробудно спит, либо тут же издыхает. Всё словно вымерло, застыло в природе, и деятельность её проявляется теперь в одной смерти да тлении… В такие дни птицы десятками падают мёртвые на сухую землю. Общее безмолвие прерывается лишь длинной, жалобной трелью ястреба, где-то недвижно висящего на воздушных горячих струях, да где-нибудь на бугорке стая коршунов, окружив падаль, стоит не двигаясь, понурив голову и не трогая лакомой пищи, довольствуется одними грёзами. Смерть в разнообразнейших видах парит над головой европейца. Она мигает на

него из дрожащих световых волн, угрожая солнечным ударом; тихо подкрадывается к нему в вагоне, суля "апоплексию от жары"[1], причиняемую на железной дороге рассекаемым быстротой движения раскалённым воздухом, дома – удушливой температурой. Она ждёт жертву в каждом затемнённом, сравнительно прохладном уголку, куда сырость поливаемых ставен и дверей привлекает ядовитых тысяченожек, скорпионов, даже змей.

Смерть в Индии не пропустит ни одного случая: она лучший союзник туземца и она часто избавляет его от тирана. Она сторожит англо-индийца из-за каждого угла; все средства для неё хороши. Вечно потеющий англичанин находит её всюду: в искусственной прохладе; панки, осуществляющей в Индии *perpetuum mobile*[2], – под колыханием коей он ест, спит, пьёт, ругается, дерётся и отправляет служебные обязанности, – как и в каждом стакане питья со льдом. Воспаление лёгких и холера прекращают его карьеру в несколько часов.

Всё это нам было известно, и мы были предупреждены о раджпутанском зное. Но до тех пор всё нам сходило с рук, и безнаказанность сделала нас дерзкими. В Дельи такур нам сказал: "Не бойтесь; за вас двух *я ручаюсь*, и если оба наши англичанина послушают моего совета, то поручусь и за них"... И мы были совершенно спокойны.

Всё более и более – я говорю о полковнике и о себе – овладевал такур нашею волей, всеми нашими помыслами. А заручившись всем нашим умом и душой, раздражив наше любопытство до крайних пределов, заставив нас чувствовать, что по одному мановению руки его мы готовы последовать за ним без колебания и метафоры – в огонь и воду, овладев наконец окончательно нашей волей, он видимо не пожелал воспользоваться своими преимуществами... Всегда ровный и приветливый со всеми, он был с нами, быть может, минутами ласковее, но также непроницаемо замкнут насчёт своих таинственных несомненных познаний в "тайной науке", как и с прочими. Что он знал о нашем страстном желании поучиться у

1 В Индии врачи зовут этот род смерти *heat apoplexy*.
2 Вечный двигатель (лат.). – Прим. ред.

него, получить объяснение его необычайной, а для нас *абсолютно* доказанной психологической силы – это также для меня несомненно, как и то, что он, находясь в эту минуту в Тибете, знает, если только желает знать, каждое слово из того, что я пишу. Но, зная это, он молчал. Минутами мне казалось, что он будто изучает нас; желает убедиться, насколько он может довериться нам, и я боялась говорить о нём даже с полковником. Принадлежа к нашему "обществу", он оставался простым членом, отказавшись даже от не раз предлагаемого ему звания "почётного члена общего совета". Один из таких главных советников Теософического общества в Лондоне, лорд и граф и, главное, человек признанный одним из ученейших членов Королевского Общества, зная о нём, писал в прошлом году другому члену совета нашего Общества, редактору[1] главного журнала правительства: "Ради Бога, просите такура ответить мне, есть ли для меня надежда достичь результатов, которых я тщетно ожидаю вот уже пятнадцать лет… Спиритизм изменнически предал меня. Феномены его – факт; объяснения – *чушь*. Как возобновить прежние сношения с тем, с кем я когда-то разговаривал так свободно за три тысячи миль [4 848,03 км], каждый из нас в своей комнате?.. Теперь всё исчезло, он не слышит меня более, даже *не чувствует*… Почему?!!.." Когда я передала такуру письмо по просьбе редактора, Гулаб-Синг просил меня написать под его диктовку следующее: "Милорд, – вы англичанин и ваша вседневная жизнь вся проходит по английскому шаблону. Честолюбие и парламент начали дело разрушения, мясная пища и вино окончили оное. Для ассимиляции духа человека со всемирною душой Парабрамы существует лишь одна узкая и тернистая тропа, по которой вы не пойдёте. Материальный человек убил в вас духовного. Вы один можете воскресить последнего и никто другой на это не способен…"

Конечно, скептики и материалисты, как те, которые приписывают явления спиритизма *нечистой силе*, так и другие, убеждённые, что после смерти от нас ничего не останется, а

1 Речь об А. П. Синнетте, бывшем в то время главным редактором журнала «Пионер». – Прим. ред.

будет, по выражению Базарова[1], "лопух расти", ничему этому не поверят, а одни станут нас с такурами и лордами подымать на смех, другие открещиваться от нас. Но к этому нам не привыкать стать. Зато люди серьёзные, ученые, опытные в *медиумических* явлениях, как профессоры Бутлеров, Вагнер, Цёльнер, Уоллас и другие, которых факты победили и принудили признать за факты, эти учёные, убедившиеся в существовании силы, способной завязывать узлы на бесконечной верёвке, поверят *реальности* странных и необъяснимых феноменов, виденных нами в Индии. В одном мы разойдёмся с ними: они верят, что невидимая сила, работающая над превращениями материи на спиритических сеансах, принадлежит *духам*: мы не верим в активное вмешательство усопших и приписываем эту силу лишь духу *живого человека*. Кто из нас прав, кто ошибается, может решить только время. Прежде всего люди должны убедиться в объективности этих спорных явлений, а затем уже приниматься за объяснение их. Спиритизму более всего повредила теория верующих в него.

Всё вышесказанное не отступление от моего рассказа, а необходимое объяснение тому, что следует. *Письма из Пещер и Дебрей Индостана* не одно географическое и этнографическое описание Индии со вплетенными в оное фиктивными героями и героинями, а скорее дневник главных членов Теософического Общества, с которыми начали уже считаться и спиритизм, и материализм в Европе, а главное – неряшливые ориенталисты.

Оконфуженные выходкой мисс Б*** и садясь в экипаж махараджи Бёртпурского, мы ужаснулись, еле коснувшись до него. То было огромное полуоткрытое ландо времён царя Гороха, довольно удобное, впрочем, и способное легко вмещать шесть и даже восемь человек. Но сиденье его, в ожидании нашего приезда, успело превратиться в кресло, на котором поджаривались когда-то жертвы инквизиции… На подножках и железной обшивке ландо можно было готовить яичницу, а от

1 Евгений Базаров – герой романа И. С. Тургенева (1818–1883) «Отцы и дети» (1862), олицетворение нигилизма, цинизма, самоуверенности и надменности. – Прим. ред.

прикосновения голой руки к его стенке у меня слезла кожа на ладони. В ужасе отдёрнув руку, я не решалась садиться; и даже бравый полковник остановился в смущении… В такой колеснице разъезжает, вероятно, один Вельзевул, князь ада!

– Вам нельзя будет ехать до вечера в этой коляске, – заметил такур, хмурясь. – Придется провести день здесь поблизости. Войдите в буфет, пока я пошлю за крытой каретой…

Последовало совещание. До волшебных садов Дига, поливаемых 600 фонтанами (исторически известное наследие Бёртпурских махараджей) было 18 миль [28,97 км]; до столицы штата 5 [8,05 км]; до места завтрака 15 [24,14 км]. Поезд опоздал, и было уже десять часов. Ехать в самый полуденный жар, когда и теперь у нас кружилась голова и темнело в глазах, было бы безумием. Все, кроме такура, даже индусы побледнели, то есть сделались земляного цвета, и обвевались шарфами… Один бабу, казалось, блаженствовал. Простоволосый, как и всегда, и подпрыгивая на переднем сиденье, на котором уже уселся с ногами, он нырял в волнах раскалённого воздуха, как другой ныряет в прохладных струях реки, уверяя, что вовсе ещё не так жарко, и что в Бенгалии такой день считался бы многими прохладным.

Пока такур отдавал приказание, и два оруженосца поскакали куда-то за каретой, мисс Б***, совершенно изнемогая от жары и придираясь ко всему и всем, сочла своим долгом оскорбиться словами бабу:

– Il nous nargue ce… mauricaud-là! – повторяла она, обмахиваясь в волнении. – C'est du persifflage, cela!..[1] Ему прохладно, когда мы все умираем от жары!..

– Ну, а вам-то что до этого?.. разве вы можете запретить человеку чувствовать себя иначе, нежели себя чувствуете вы? – уговаривала я её, предчувствуя новую между ними ссору.

– Но ведь это он нарочно!.. Он смеётся над нами, – громко ворчала старая дева. – Он, как и все индусы, ненавидит нас, англичан! Он радуется нашим страданиям!..

---

1 «Он нас дразнит… этот негр!» «Да он над нами издевается!» (фр.). Первое предложение есть только в редакции МВ. – Прим. ред.

– Совершенно напрасно так думаете, – поддразнивал её бабу из коляски. – Я вовсе не ненавижу наших *добрых* повелителей. Только когда им жарко, мне всегда бывает прохладно и – *vice versa*[1]… Садитесь возле меня, и я вас стану обмахивать вашим веером… Вы знаете, как я вас… уважаю!..

– Благодарю! – вспыхнула она. – Сидите на солнце, которое бессильно против одних подобных вам… амфибий! – обмолвилась она в своей ярости.

– То есть саламандр, вы желали сказать? – оскалил зубы бабу. – Не ошибайтесь, *чанд ка тукра*[2] сааб!..

– Прошу вас не учить меня, если я даже и ошиблась! – взвизгнула она, бледнея от бешенства. – Не вашей… расе учить *нас, англичан*!

– Я вам серьёзно советую быть осторожнее… при такой жаре, – вмешался такур, слезая с лошади и многозначительно подчёркивая последние слова. – Малейшее волнение может оказаться гибельным в нашем климате, которого даже и английская власть не сумела ещё поработить.

И снова та же острая молния сверкнула в полузакрытых глазах раджпута, и ноздри слегка дрогнули при тоне презрения, с каким она произнесла слова "*ваша* раса". Но рассвирепевшая островитянка уже закусила удила, и остановить её не было возможности. Она стала жаловаться, что её завезли обманом в страну, где нет ни одного англичанина, чтобы заступиться за неё, где туземцы насмехаются над нею и оскорбляют в её лице величие всей нации, самой королевы. Она понесла такую чушь, что озадаченные мы молча смотрели на неё как помешанную. У*** взял её под руку и старался увести в буфет. Он был страшно сконфужен, но как англичанин он, вероятно, считал ниже своего достоинства вразумлять её и, таким образом, хотя бы и косвенно оправдывать туземца в ссоре с дочерью "высшей расы".

Этой потасовке суждено было сделаться последнею и результаты её явились самые неожиданные. Злополучный бабу,

1 Наоборот (лат.) – Прим. ред.

2 В переводе выйдет – "мадам кусок луны", а на языке хинди почтительное и лестное выражение.

невинная причина бури, желая примириться с мисс Б*** "ради спокойствия всего общества", как он объяснил нам позже, вместо того, чтобы поправить, испортил всё дело.

Увлекаемая У***, мисс Б*** уже направлялась к станции, а я, стоя под огромным зонтом-балдахином, который был распущен над полковником и мною, ожидала лишь получить оставленный в карете бинокль и сак[1], как вдруг Нараян Кришнарао, Мульджи и бабу, словно сговорясь, подошли к полковнику и стали просить позволения вернуться с этим же поездом в Агру, а затем домой. Наш почтенный президент замахал и руками, и ногами. Он не расстанется с ними. Эта ссора пустяки и забудется чрез час.

– Ни за что ! Я скорее сам вернусь с вами! – громко отвечал он.

При первых словах разговора англичанка остановилась и навострила уши. Услыхав в чём дело, она вырвала руку из-под руки У*** и, подбежав, затараторила о том, что г-да индусы – *those gentlemen Hindus*[2] (насмешливо напирая на слово *gentlemen*) – предупреждают её в том, о чём она сама желала просить.

– Мы не можем долее пребывать в гармонии, необходимой для приятного путешествия, – объявила она. – Пусть господин президент выбирает теперь между членами европейцами и *азиатами*!..

Я вся закипела злостью при этой новой дерзости и только что собиралась открыть рот, чтобы дать ей заслуженный отпор, как вдруг почувствовала на себе взгляд такура. Президент откашливался и поправлял очки – знак того, что он собирался официально объявлять резолюцию. Пока он говорил, я не имела права вмешиваться.

– Тут никакого не может быть выбора, – медленно начал он, сильно разгневанный и выколачивая в своём смущении горячую золу из трубки на подушки ландо его светлости. – Все члены вверенного мне в Нью-Йорке общества, *к какой бы они*

1 *Сак* – дорожный мешок, сумка из плотной ткани для вещей. – Прим. ред.

2 Эти индусы-джентльмены (англ.). – Прим. ред.

расе или религии ни принадлежали, равно уважаемы мной и дороги Центральному Обществу. От выбора поэтому я отказываюсь; а о праве своём решать споры и недоразумения между членами – заявляю. Я слышал каждое слово вашего… немного крупного разговора и должен сознаться, что не нахожу в нём ничего похожего на ссору!.. Почтенная мисс Б*** вспылила и наговорила дерзостей (напирая на слово *дерзость*) бабу. Он промолчал и поступил как джентльмен. Надеюсь, что мисс Б*** теперь поймёт, что оскорблён *он*, а не *она*, а в его лице и прочие члены-туземцы; надеюсь, что она присоединит к моей и свою просьбу, чтоб они забыли эту пустую вспышку и попросит наших добрых, уважаемых друзей не уезжать от нас…

Мисс Б*** вся затряслась от бешенства.

Стоя в двух шагах от меня и облокотясь на седло, такур не спускал с неё широко открытых зрачков, блестевших в эту минуту каким-то зловещим фосфорическим сиянием. Нараян, опустив глаза и голову, молчал; но на сильно закушенной губе его выступила крупная капля крови…

– Как! мне… *мне* просить *у него* извинения?.. – прошипела англичанка. – Мне… когда он…

– Не извинения, а протянуть руку примирения… вас просят, – перебил её У***.

Он был бледен и говорил с видимым усилием. Природная честность боролась в нём со врождённым национальным чванством и, к сожалению, последнее победило. На разгневанный взгляд, которым метнула в его сторону соотечественница, он спохватился и добавил:

– Извиняясь за вмешательство, позволяю себе объяснить только что высказанное желание господина президента не иначе, как в переданном мною смысле… Потому что… согласитесь… со всем тем, что американские идеи о приличии диаметрально противоположны нашим (английским), не могу же я предположить ни на одну минуту такого абсурда, чтобы даже господину президенту могла придти в голову мысль предложить даме… *английской леди*… извиняться пред… пред… пред мужчиной!.. – докончил он, заикаясь и, очевидно, заменив

последним словом термин, который ему счастливо удалось проглотить.

"Вот тебе и "*Братство человечества*", – подумалось мне.

– Почему же? – возразил уже хладнокровно полковник. – Предполагайте… потому что именно такой "абсурд" я и предложил.

– Да я-то и не думаю требовать, ни даже надеяться на извинение!.. – вставил добродушно бабу. – Я даже и до сей поры не понимаю, чем я провинился пред почтенною мисс Б***, которую я всегда уважал как мать…

Если бы к ногам сорокапятилетней девы упала в эту минуту молния, то она не произвела бы такого страшного эффекта, как это невинное, произнесённое в полном простосердечии двадцатилетним мальчиком слово "мать". Зная её сильнейшую слабость, я положительно перепугалась, ожидая, что она вцепится в бабу, как дикая кошка. Такур молча бросил повод конюху и, сделав шаг вперёд, вперил ещё более пристально-внимательный взор в беснующуюся англичанку.

Она вся побагровела. Жилы на шее вздулись, как бечёвки, и она взвизгнула почти с пеной у рта: – Как?.. *мать*!.. мать… Вы… меня… Вы!.. Знайте, сэр, – вдруг добавила она, величественно выпрямляя стан, – что не как *мать* обязаны вы меня уважать, а как члена той *великой* нации, которая держит… ваше пре… презренное пле…

Такур вдруг быстро протянул к ней руку… Захлёбываясь и бормоча несвязные звуки, она неожиданно грохнулась, как скошенный сноп, хрипя и в судорогах, прямо в объятия У***, на руки которого Гулаб-Синг ловко перебросил её падающее тело…

– Так и есть, как я её предупреждал, – тихо и спокойно произнёс такур, наклоняясь над сильно вздрагивавшим телом. – Солнечный удар; несите её в дамскую уборную!

Во всём Бертпуре, да, кажется, и во всём королевстве джатов, состоящем из 100 000 человек, нет ни одного европейского доктора, а есть одни туземные "хакимы" (лекаря). Ехать куда-либо в тот день было немыслимо; и вот, отправив экипажи до другого утра, мы перенесли несчастную англичанку в крошечную комнатку телеграфиста на столь же крошечной

железнодорожной станции и старались привесть её в чувство домашними средствами. Но на станции не оказалось даже и льда – первого лекарства против солнечного удара. Вспомнив о ящике с водкой и льдом следовавшего по нашим пятам розового шпиона, мы командировали У*** к его соотечественнику изложить пред ним наше затруднение и покорнейше просить, не уступит ли он для умирающей дамы-англичанки малую толику из его запаса, пока нам привезут из Агры. Шпион выслушал очень учтиво и – отказал! Малый-де кусок не поможет и он сам может заболеть здесь от жары… Тогда оскорблённый мисс Б*** бабу пошёл на отчаянное средство и – явился её и нашим спасителем. Он побежал с Нараяном в поле и принёс целую охапку травы под названием *кузимах*. Эта трава, имеющая свойство крапивы, покрывает тело вследствие одного лёгкого прикосновения к ней сыпью и ужасными волдырями. Не говоря ни слова, он попросил меня надеть перчатки и растирать ноги больной *кузимахом*. У самого у него лицо и руки мгновенно вздулись как пузырь, но он не обратил на это внимания. Признаюсь, я исполнила возложенное на меня поручение со злобным рвением. Я почему-то надеялась… *чувствовала*, что такур не допустит до такого трагического конца, каким явилась бы смерть англичанки во время нашего путешествия, а доставить ей неприятный, но благодетельный зуд в продолжение нескольких дней мне было весьма с руки. Чрез пять минуть втирания ноги англичанки превратились в кровавые волдыри, но зато сама она открыла глаза и имела удовольствие заметить (по крайней мере я надеялась), как за ней ухаживает "сын презренной расы". Но бабу не ограничился этим: тогда как с девяти часов вечера У***, её соотечественник, под предлогом нездоровья и усталости, залёг спать в соседней комнате, маленький бенгалец не оставлял её ни на минуту. Один он переменял ей головные примочки изо льда, который наконец под вечер и вследствие нашей телеграммы был прислан из Агры, и ушёл от неё лишь на другое утро, когда с первым поездом приехал вслед за льдом и врач англичанин.

Узнав о странном лекарстве бабу, доктор фыркнул себе что-то под нос, но объявил, что и *кузимах* хорош, как и всякое

другое отвлекающее кровь от головы средство. Приказав везти пациентку назад в Агру, а по выздоровлении тотчас же назад в Бомбей, он взял 50 рупий и отправился в ожидании обратного поезда завтракать, попросив У***, *en passant*[1], чтоб эти "негры" ему не мешали. У***, чувствуя, что я гляжу на него, сильно покраснел, но обещал – не сделав ни малейшего замечания. Он ехал с ней, так как нельзя же было отпустить её в таком состоянии одну, а нам невозможно было уехать, не повидавшись со *суами* Дайанандом.

Но вернёмся на несколько часов назад. Накануне, под вечер после катастрофы и когда больная уснула, четверо нас: такур, полковник, Нараян и я, собрались вместе за маленьким садиком станции, у разбитых для нас палаток. Палатки принадлежали такуру, появились в несколько минут, словно вызванные волшебством из-под земли, и были весьма курьёзны. В другое время их внутреннее устройство, где находился кругом и коридорчик, и спальная, и гостиная, и даже комнатка для ванны, привлекли бы всё внимание нашего любознательного президента, особенно их вполне восточная меблировка. Но в настоящую минуту нашего рассказа он был слишком взволнован. Его занимала лишь одна мысль – об ответственности его положения как президента Общества; мысль, что компания наша расстраивается, и один из членов её, как бы ни был он виноват, находится в опасности. Неизвестность будущего и искреннее огорчение ввиду фактической невозможности помирить два столь противоположные элемента в управляемом им и доверенном ему Обществе, как чванные англичане и туземцы, которые, как огонь и вода, лишь шипели при малейшем соприкосновении, всё это не давало ему покоя. И он шагал, бедный полковник, в величайшем смущении, прогуливаясь взад и вперёд пред навесом средней палатки, где такур, спокойный и безмятежный, как и всегда, курил у дверей на ковре.

Наконец, он предался отчаянному монологу. – Бесспорно, – рассуждал он, – мисс Б*** ужасная, ужасная женщина! Эгоистка и вспыльчивая, как… как… мексиканская кобыла!.. – срезал он,

1 Между прочим (фр.). – Прим. ред.

не находя лучшего сравнения. – Всё это так. К тому же она англичанка, напыщенная и накрахмаленная, как её собственные юбки, и готовая, как та лягушка в басне, ежеминутно лопнуть от чувств собственного своего и национального величия!.. Она совсем дура, словом!.. Но всё же она член нашего Общества!.. Не так ли? – обратился он ко мне.

– Только пока она останется "членом", не будет толку в этом Обществе, – отвечала я. – Она и сама не исполняет уставов, да и других сбивает с панталыка.

Полковник только задумчиво поглядел на меня. Не найдя желанного сочувствия, он снова зашагал.

– Но всё-таки она полезный член Общества, – возразил он. – Полезный именно потому, что она и англичанка, и патриотка. У*** и она – оба служат нам как бы оплотом… живым протестом, так сказать, ну хоть бы вон против того идиота в белом кителе, что пьёт теперь на веранде свой чуть ли не двадцатый *пэг*[1] сегодня и принимает нас за таких же шпионов, как и он сам… А теперь, умри она, ну что мы будем делать?..

– Не волнуйтесь, полковник; она не умрёт, – равнодушно заметил такур.

– Нет!.. вы даёте мне в том слово, мой дорогой такур? – воскликнул обрадованный американец.

– Давать слово в жизни или смерти больной особы, не будучи врачом, было бы слишком дерзким с моей стороны, – возразил раджпут, смеясь. – Но, судя по долголетнему опыту, если она пережила первые полчаса и к солнечному удару не присоединились симптомы другой какой болезни, то, конечно, главная опасность миновала…

– А… а вы… извините меня, мой дорогой, мой высокоуважаемый друг, вы *не нашлёте на неё других таких симптомов*?.. – таинственно озираясь кругом и низко наклоняясь над ковром такура, переспросил полковник.

Я сидела наискось, прислонясь к столбу навеса, и молча слушала. При словах президента меня передёрнуло: они были эхом собственных моих невыраженных и глубоко затаённых в груди чувств, но, тем не менее, верным эхом. Нараян с

1 *Peg* – водка с содой и льдом.

потухшею *бири*[1] в зубах стоял возле Гулаб-Синга. По лицу Нараяна тоже пробежала чёрная тень, и он быстро вскинул глазами на полковника. В этом взгляде ясно читался и гнев, и немой укор дерзости вопрошающего.

В глубоких и тёмных, как бездна, загадочных глазах такура я не подметила на этот раз того жгучего, молниеподобного света, озарявшего их, как зарница озаряет далёкое небо, при нестерпимо глупых и оскорбительных выходках мисс Б*** против всего туземного; я не нашла в них той острой искры, которая, признаюсь, всегда пугала, будя во мне смутное чувство какого-то сверхъестественного страха, чего я стыдилась, но победить не могла. В эту минуту взор его оставался спокойным и равнодушным: только слегка насмешливая улыбка приподняла угол рта…

– Выраженный иначе ваш вопрос заключает в себе прямое обвинение в том, что "наслал на неё первоначальную болезнь я"?.. – спросил он, смотря О*** в глаза.

Полковник покраснел до ушей, но не унизился до бесполезного отрицания. Он прямо и смело взглянул своими подслеповатыми, честными глазами в лицо такура и, запинаясь, сознался:

– Да, я так понял это несчастное обстоятельство… Но вы напрасно называете это "обвинением"…

– Гм!.. Нельзя, однако, сказать, чтобы такое подозрение было из весьма лестных, – помолчав, но всё улыбаясь, промолвил раджпут, глядя вдаль. – Мстить женщине за невоздержность её глупого языка почти смертью ещё менее в нравах *разбойничьего* племени Раджистана, нежели оно во вкусе образованных европейцев. Но я не вправе винить вас за такую мысль, коль скоро зная, что вы составили себе какое-то утрированно-высокое понятие о моём… психологическом могуществе, я, тем не менее, предоставлял вас собственным вашим выводам и заключениям… По-своему вы правы…

Американец поднял на него свои ясные голубые глаза и, задумчиво пощипывая бороду, покорно заметил:

---

1 *Бири* – туземная сигарка из зелёных листьев дерева *манго*.

– Мы приехали в Индию за 10 000 миль [16 093,44 км] изучать психологию и всё касающееся *духовного* человека… и… по вашему зову. Мы вас выбрали нашим *гуру*[1], а теперь, когда мы нашли в вас одном воплощение "тайной науки", неужели теперь вы отвернётесь от нас?

В голосе нашего президента зазвучала очень грустная нотка. Такур быстро взглянуть на него и, помолчав, отвечал уже совершенно спокойно и даже ласково:

– Я действительно посвящён в то, что у вас называют *гупта-видьей* – тайными науками…

– Вам известны эти науки? Вы наконец решаетесь сознаться в этом хоть пред нами – вашими невежественными, но всею душой вам преданными учениками?

– Я никогда этого не скрывал и не мог бы, даже если бы хотел скрыть… Я *брамачарья*[2]. Но ведь под названием "брамачарьи" и словом "тайные науки" разумеется иногда очень многое, и смысл их весьма эластичен. Со славных времён *риши* прошли тысячелетия, Индия пала и выродилась, – печально добавил он. – Теперь вы найдёте во всех больших городах "брамачарий", которые заменяют недозволенную им кастой законную жену тайным гаремом – *зенаной* – и отдают в рост деньги; часто встретите шарлатанов, составляющих и продающих во имя "тайных наук" любовные зелья! Неужели и за такими вы станете гоняться и отдавать им почести из-за одного имени?..

Я невольно взглянула на полковника, и мы оба сконфузились. До отъезда нашего из Бомбея к нам привели с большими предосторожностями и вследствие неотступных просьб некоего *великого*, по словам Мульджи и других, "*саду*" (святого) и алхимика. "Святой" анахорет издавал весьма неприятный запах и самые разнохарактерные звуки носом и ртом, но всё это было отнесено полковником на счёт его полного отрешения ото всего земного и его святости. Забрав от

1 Гуру – учитель.

2 Род светского монаха, от рождения посвящённого безбрачию и обязанного изучать сидд – науку феургии или белой магии и чудотворство.

нас, со включением "молчаливого генерала", несколько сот рупий деньгами с обещанием превратить их в "жизненный эликсир" и порошок от всевозможных зол и публично получив от полковника всевозможные знаки раболепного благоговения (последнее, впрочем, к великому и на этот раз справедливому негодованию англичанки), наш святой старец удалился назад в свою никому неизвестную обитель – "En nous disant: je reviendrai!.."[1], как в *Фаворитке*[2]. Мы ещё ждём его…

– Чтó такое "тайные науки"? – продолжал такур. – Для меня эти науки, как и для всякого, кто им посвятил всю жизнь, содержат в себе ключ ко всем тайникам природы и миров как видимого, так и невидимого. Но этот ключ достаётся дороже, нежели вы думаете. *Гупта Видья* – обоюдоострое оружие, и к нему нельзя приступать, не пожертвовав заранее жизнью, хуже, разумом, так как она одолевает и убивает каждого, кто не успеет одолеть её самое. Басни древности основаны не на одной фантазии. И в нашей допотопной Арьяварте найдётся сфинкс, как и в Египте, и на одного Эдипа в итоге получаются тысячи жертв. Особенно она опасна для вас, европейцев и белых. Вот почему я колеблюсь пред вашим страстным, но… неразумным желанием дозволить вам даже начать первые испытания…

– Такур! ради всего для вас дорогого!.. – воскликнул наш президент умоляющим голосом. – Прошу вас во имя всего нашего общества, во имя науки и человечества!.. Вы знаете, я не трус. Я не дорожу жизнью, и если хотя в конце её не блеснёт для меня луч истины, то чем… скорее этот конец… тем лучше!.. Только наставьте меня раз на путь истины, и клянусь никогда ей не изменить…

Такур отвечал не сейчас.

– Хорошо, – вдруг обрадовал он полковника. – Теперь, когда вы завтра, вероятно, будете освобождены от ваших двух англичан, я могу вас пригласить к себе, в Д*** поместье. До вашей поездки к суами Дайананду остаётся ещё две недели… Раз у меня, полковник, я вас подвергну одному предваритель-

1 Говоря нам: "Я вернусь!.." (фр.). – Прим. ред.

2 «Фаворитка» – опера итальянского композитора Г. Доницетти (1797–1848). – Прим. ред.

ному и небольшому испытанию. Останетесь вы победителем – хорошо, быть вам моим *челлой* на семь лет. А нет, ну, тогда всё останется по-прежнему. Согласны?..

– С радостью, с радостью!.. – суетился наш развеселившийся президент. – И вы увидите, такур, что я не ударю лицом в грязь ни перед каким испытанием!..

По окончании разговора такур попросил меня отправиться к мисс Б*** узнать о её состоянии. Все трое, т. е. Гулаб-Синг, полковник и Нараян, заперлись затем одни в палатке. Когда я вернулась часа через полтора, двое щитоносцев тихо шагали пред запертым входом, а трое других лежали неподвижно поперёк входа. Проходя в мою собственную палатку, я столкнулась в темноте почти нос к носу с розовым шпионом, узнав его скорее по распространяемому им запаху водки, нежели по платью и фигуре. Он, очевидно, подслушивал и при моём появлении быстро исчез в темноте…

Около часа спустя ко мне кто-то постучался о перекладину входа. Я ещё не ложилась, намереваясь зайти ещё раз к злополучной мисс Б***. Услышав стук, я было по привычке уже открыла рот, чтобы произнести обычное: "*Come in*!"[1], как вдруг появились, будто из-под земли выросли, два рослые, мохнатые раджпута у входа, где они и остановились как вкопанные, оба опираясь на винтовку и вопросительно смотря мне в глаза. Признаюсь, это внезапное появление меня и сконфузило, и озадачило. Ни они меня, ни я их не понимала, и объяснения обоих могли бы продлиться до утра, если бы не разгневанный голос нашего почтенного полковника, раздавшийся уже с другой стороны палатки.

– Что за чёрт! – кричал он. – За леопарда они меня, что ли, принимают здесь, что не подпускают и на три ярда [2,74 м] к палатке!.. Выйдите-ка на минуту, – заголосил он ещё громче с явным намерением быть услышанным мною. – Посмотрите, что́ они творят!.. Да что они это держат вас под арестом, или что?..

Быстрее молнии промелькнуло у меня в голове опасение, не замешан ли в этом англичанин-шпион, которого я ещё за час

1 «Войдите!» (англ.). – Прим. ред.

до того встретила почти у порога палатки. Идея была глупая, но не невероятная. Она, впрочем, тотчас же рассеялась, когда на зов полковника я быстро направилась ко входной и единственной двери. Не только меня пропустили совершенно беспрепятственно мои мохнатые раджпуты, но даже при приближении моем оба распластались наподобие каракатиц на песке в знак покорности и благоговения, так что мне пришлось пройти чуть не по головам воинов. По выходе глазам моим предстала картина, напомнившая мне характерные балеты на американских сценах, представляющие "пляску воинов" (*war dance*) краснокожих индийцев на "походе". Три другие раджпута, такие же мохнатые и вооружённые, как и два первые, скрестив три сабли правою рукой, левою противопоставляли свои три огромные носороговые щита наступательным движениям моего уважаемого президента. И всё это в глубочайшем молчании и с выражением самого смиренного подобострастия на лицах, как и в энергической мимике. Сделает ли м-р О*** шаг налево – и они прыгнут в такт, подставляя щиты; скачок с его стороны направо – и они пред ним с непроходимою стеной щитов. Увидя меня, они мгновенно опустили свои доспехи и остановились как вкопанные.

Чрезвычайно обрадовавшись моему появлению, полковник заметил, что он имеет сказать мне нечто весьма важное, а уж затем приступить к разъяснению странного поведения раджпутов, и собирался уже войти в палатку, как вдруг его окликнул Нараян.

– Полковник-сааб! – тихо позвал он его, – погодите!.. Меня к вам послал такур-сааб…

– Что такое!.. Что случилось? – вопрошал м-р О***, недоумевая.

– *Маха-сааб* (великий господин, *monseigneur*[1]) велит вам сказать, чтобы вы лучше не заходили к бай-сааб… Мы здесь в Раджистане, и у них… совершенно другие понятия об… этикете, нежели в Европе и даже у нас – в центральной Индии… Не ходите, иначе вы их шокируете более, нежели я в состоянии выразить…

1 Монсеньор, владыка (фр.) – Прим. ред.

– Но почему же и кого это может шокировать?.. Затем, кто эти странные люди?..

– Эти люди – присланные деваном махараджи Бертпурского телохранители, почётная гвардия мадам-сааб, – отвечал Нараян. – А шокированною почувствует себя целая страна. Как можно входить в *зенану* [1] после заката солнечного?..

– В *зенану*? Да где же тут зенана?..

– На женскую половину… к мадам-сааб!

Полковник громко и продолжительно свистнул.

– Гей-дей! Да разве в её года женщины сидят ещё в *зенанах*!.. – воскликнул он, вытаращив глаза и непочтительно расхохотавшись. Засмеялась и я такому откровенному замечанию.

– Дело не в годах, сааб, – серьёзно заметил Нараян, – а в уважении к женскому полу. У раджпутов чем старее женщина, тем почтительнее с нею обходятся…

– Ну, коль нельзя, так и не войдём, – добродушно согласился полковник. – А я было положительно заподозрил их в желании ограбить меня и совершенно не понимал, чего это они пляшут передо мною!.. Так пройдёмтесь к станции, я вам расскажу дорогой… Да, кстати, узнаем и что наша старая Б*** поделывает… Знаете, – добавил он радостным шёпотом, как скоро ушёл Нараян, – такур допускает меня к "первому *искусу*"…

– Знаю; ведь это он при мне вам обещал, если счастливо пройдёт предварительное испытание.

– Нет, это совсем другое… он позволяет мне попробовать *кхумбаки* и *пураки*… когда бы я ни пожелал!

– Господи!.. – в ужасе всплеснула я руками. – Да ведь это вы, значить, будете висеть вниз головой и не дыша по целым часам?.. Да с вами будет непременно удар!.. В своём ли вы уме?..

– Почему же непременно удар? Всё зависит от силы воли, а в ней у меня недостатка никогда не было, – немного обидясь отвечал О*.

– Ну, как знаете… Только смотрите, не смеётся ли он над вами… Он только желает вам доказать, как совершенно неспособен европеец к подвигам индийского аскетизма…

---

1 *Зенана* – "гарем", женская половина дома.

В первый раз со времён нашего знакомства достойный американец чуть не разбранился со мною за это замечание. "Вам как будто завидно", – повторял он, невзирая на моё заявление, что решительно не вижу, чему бы можно было завидовать в подобном висячем положении летучей мыши; что повиснуть ведь всякий может, была бы на то охота, а что он только наживёт себе этим беду и все над ним станут смеяться. Ничего не помогло и мои доводы не убедили его. Он приехал де изучать "тайные науки" и изучит их.

– Да вы на что же решились?.. – рассердилась я наконец. – Факиром, разрисованным коровьим навозом желаете быть или радж-йогом? Так ведь вы или забыли, или не знаете, что первым настоящая *гупта-видья* столько же знакома, как и вам, а настоящие *радж-йоги*, такие как такур, вниз головой и вверх ногами не висят и мозгов себе вверх дном не перетряхивают.

Последний аргумент видимо поразил его.

– Как?.. Разве такур не практиковался в 86 позициях, предписанных "Йогой" Патанджали?..[1]

– Очень это похоже на него, который всегда говорит с таким презрением о юродствах "хатти-йогов", т. е. тех, которые, следуя мёртвой букве учения Патанджали, стоят по целым дням на голове, врастают ногтями ног в землю или же висят, продев за бедро и кожу спины железный крюк, прикреплённый к чакре[2]– отвечала я, окончательно разозлясь.

– Но как же он дозволяет мне?

---

1 Эта система философии аскетизма самая трудно понимаемая в Индии. Как халдейская каббала, по которой Симеон бан-Йохай составил в первом веке еврейскую, или же некоторые трактаты алхимиков, каждое существительное имя в ней означает по условному ключу что-нибудь другое. Этот ключ, по общепринятым понятиям, находится у одних *радж-йогов*, и браманы не имеют и понятия о настоящем значении её учения.

2 "Чакра" – толстый шест с четырьмя подвижными горизонтальными крыльями или перекладинами. На ней крутятся, повиснув на *чакре* за спину, иногда до дюжины факиров, часто истекая кровью. Правительство запретило публичную выставку чакр на религиозных собраниях народа, но чакры всё-таки находятся внутри жертвенных дворов храмов, куда англичане не имеют доступа. Факиры крутятся, повиснув на *чакре*, как кусок сырой говядины на безмене, пока не сорвутся!.. –

– Дозволяет, чтобы отвязаться от вас, потому что вы пристаёте к нему слишком, и он желает вас проучить вероятно… Не сердитесь, полковник; но где же вы когда-нибудь встречали факира или даже простого *байрага-госсейна* (странствующего монаха) с таким, как у вас, брюшком?

О* снова обиделся, даже огорчился.

– Но я могу похудеть; я только желаю ему показать *силу воли моей*, доказать, что не одни индусы достойны посвящения в высшие "тайные науки".

– Не этими фокусами докажете вы это ему! Я его лучше вас знаю… Полноте, не морочьте себя напрасными надеждами! Благодарите судьбу и за то, что, принадлежа оба к ненавидимой и презираемой им "белой расе", видя лучше всякого другого нашу безусловную горячую к нему преданность, а быть может ещё более за нашу искреннюю симпатию к его народу и уважение к родине его, нежели за первое, он делает такое неслыханное для нас исключение. Не требуйте от него того, чего он не может, не смеет нам дать, и довольствуйтесь крохами, которые он нам бросает по дороге.

– Но почему же, – не отставал от меня полковник, – скажите, почему! Ведь есть же у него ученики?

– Есть, да не такие, как мы с вами, дети гнилой цивилизации, наследники всех пороков Запада. Вот посмотрите на Нараяна: бедный малый – мистик и фанатик по природе; он живёт и дышит им одним и готов по одному мановению пальца его положить за такура десять тысяч жизней, когда б имел их. А он никогда не будет у него принять *челлой*, хотя он и природный индус.

– Но как же вы можете знать! Разве он говорил?..

– Ничего не говорил, а знаю; хотя бы потому, что лучше вас понимаю Патанджали и что я не в первый раз в Индии. Несчастный Нараян *не может сделаться радж-йогом, потому что он женат*.

– Да ведь он женат ещё пока номинально: его жене всего одиннадцать лет. Это только обручение.

– А разве такур имеет право разбить всю жизнь молодого, ни в чём неповинного существа? Разве он такой человек? Вы

забываете, что брось теперь Нараян жену, она будет обесчещена до дня смерти. Не только она, но и все её родные и родственники до седьмого колена лишаются касты… Ей обреют голову как вдове и одно прикосновение её будет *нечистым*. Её несчастие тотчас же отнесётся к тяжким грехам в одной из предыдущих её жизней и после смерти её даже не сожгут, а бросят на съедение шакалам…

– Несчастный молодой человек!.. – с сердечным соболезнованием воскликнул полковник.

– Но… ему, быть может, ещё улыбнётся счастье… она, быть может, ещё… умрёт? – наивно добавил он.

– Бедная, маленькая *Авани-бай*[1]! Как вам не стыдно надеяться на её смерть!..

– Да я вовсе и не надеюсь на это… но ведь всё может случиться… и я ведь только из желания ему добра…

Не успел он ещё договорить последнего слова, как произошло нечто необыкновенное. Мы стояли на заднем дворе станции под деревом и говорили почти шёпотом, а палатка такура находилась, по крайней мере, за двести шагов оттуда. Вдруг, словно из густой листвы мангового дерева, над нашими головами раздался чистый, звучный голос Гулаб-Синга в ответ на эгоистическое замечание нашего президента, который так и замер на месте…

– Тому, кто строит собственное своё счастье на несчастии другого, – не быть никогда радж-йогом!.. – явственно произнёс голос.

Начатые почти над нашим ухом, последние слова фразы, как бы постепенно удаляясь, прозвучали где-то далеко и наконец слились с жалобным завыванием и хохотом голодных шакалов в поле.

Полковник побежал во всю прыть своих толстых ножек назад, в палатку такура, где и нашёл его за ужином с Нараяном и двумя другими нашими индусами. Такур допивал свою вечернюю порцию молока – единственная его пища (сколько мы успели заметить за все долгие недели его пребывания с

1 Авани – "океан", бай – "сестра" следует после каждого женского имени у парсов, так и у индусов.

нами), и на вопрос, не выходил ли он перед тем из палатки, полковник получил отрицательный ответ ото всех присутствующих. Такур не сходил со своего ковра с того самого времени, как мистер О*** перестал ломиться в палатку "бай-сааб"...

– Я глядел на него как под влиянием минутного безумия, – рассказывал мне затем полковник, – а он сидел такой же, как и всегда, равнодушный и спокойный, вперив в меня свои удивлённые глаза, которыми он словно перебирает и пощипывает вам душу до самого её дна!.. И знаете, что он отвечал мне на моё невольное восклицание, что я, *кажется*, слышал его голос на дворе станции? "Очень может быть, мой дорогой полковник. Невидимые коридоры вечности и безграничного пространства аказы[1] наполнены всеми голосами природы – прошлого и настоящего. Весьма естественно, если вы и наткнулись нечаянно на застывшую волну моего голоса и, приведя её в движение, пробудили в одном из таких коридоров эхо... Помните, ничто не исчезает бесследно в природе; поэтому никогда не произносите, *даже не думайте* того, чего бы вы не желали впоследствии найти запечатлённым на таблицах вечности"... Чёрт меня побери, если я понимаю эту ходячую загадку, которую мы все зовём такуром! Кто и что он такое?!..

На другой день мы уложили мисс Б***, слабую, но уже бранчливую, в вагон и отправили её на попечении У*** и врача назад в Агру. На прощальный привет бабу, который провозился с ней и ухаживал за ней до утра, она отвечала милостивым, но величавым и довольно холодным наклонением головы. Из индусов она никому не подала руки; но У***, устыдясь нашего присутствия, торопливо и будто прячась за спины зрителей, пожал им всем руки, кроме такура, который не присутствовал при проводах. Врач, приподняв пред нами слегка шляпу и с потухшею сигарой в зубах, обратился было к "молчаливому генералу" с приказанием достать ему огня. Но он был тут же огорошен полковником, который, взяв Мульджи под руку,

1 Аказа – эфир наших учений и, сверх того, ещё нечто непередаваемое на нашем языке и чему метафизика Запада не нашла ещё подходящего.

крикнул во всю станцию: "Гей! Кто там! Пришлите сюда *лакея*!", смело глядя в глаза и врачу, и появившемуся уже на платформе "шпиону". Ко мне мисс Б*** упала со слезами в весьма холодные объятия и в продолжение двух минут утирала у меня на груди свой нос.

Наконец, последний звонок освободил нас от этого несимпатичного элемента, и мы все вздохнули, как будто у нас свалилась тяжёлая гора с плеч. Мы остались одни с глазу на глаз с нашими индусами и англо-индийским шпионом. Но он в тот же день куда-то таинственно исчез и его заменили до нашего возвращения на британскую территорию, как мы узнали от такура, шпионы-мусульмане.

Под вечер того же дня мы отправились в столицу махараджи, где и ночевали впервые во дворце независимого принца Индии. Но об этом и дальнейших наших приключениях сказка впереди.

Радда-Бай

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Письмо XXX[1]

Маленькое владение, когда-то царство с царьками и царицами, Бёртпур знаменит лишь своими Семирамидиными садами, своим Дигом. Раджа его чрезвычайно гордится своей независимостью пред менее счастливыми братьями, раджами других владений Раджпутаны, забывая, что он обязан своею независимостью собственно совершенно замкнутому географическому положению своей территории. В Бёртпуре нет ни президента, ни даже какого-либо чиновника британского, по той простой причине, что, сдавленный словно в тисках между Агрой, Джейпуром и Альвуром, этот штатик походит на пленника, окружённого рядом солдат и поэтому освобождён-

1 Русский Вестник, ноябрь 1885, том 180, с. 270-304. Начало этого письма (с. 270–299) публиковалось также в приложении к августовскому номеру 1883 года. С этого письма начинается "Вторая серия" под дополнительным заголовком «Письма на родину».

ного от лишнего часового, которому оставалось бы поместиться на плечах или голове узника. Невзирая на такое положение, население, т. е. высшие классы (кшатрии, каста воинов), с гордостью, достойною испанских гидальго, презирают махратов и даже раджпутов, которых теперь перестали бояться. Разорённые дотла англичанами, они довольствуются малым и живут в своём "Царстве Павлинов" (названном так потому, что на одной долине Бхаратской насчитывают до 6000 священных павлинов) беззаботно и даже счастливо. Народ деятельный и когда-то воинственный, они с 1826 года, когда лорд Лек разорил их столицу, взяв ее приступом, погрузились гуртом в состояние какой-то спячки и буквально проводят всю жизнь в религиозных празднествах и жертвоприношениях богам. Бёртпур – гнездо бардов и священного песнопения, в котором прославляются с утра до ночи доблестные подвиги богов и смертных. Поэтому из семисот тысяч жителей, на пространстве каких-нибудь 77 миль [123,92 км] в длину и 50 [80,47 км] в ширину, четыреста тысяч *браминствуют*, ровно ничего не делая, а триста тысяч проводит всю жизнь, таская воду из озёр Дига и разнося оную на плечах для орошения 1978 квадратных миль [5123 кв. км]. Кроме этих озёр, занимающих всего несколько вёрст, во всём владении не имеется ни капли воды.

Раджа и 99% общего числа жителей джаты. Это племя, когда-то составлявшее огромное большинство населения Раджистана – "аборигены палящих равнин", расстилающихся вдоль Индуса и его притоков. Тод уверяет и доказывает[1], по-своему, будто джаты одного рода и племени с гетами, массагетами и ютами Ютландии, а вследствие этого также с англо-саксонскими покорителями Англии. Он находит даже между белоголовым ютландцем, его рыжим кузеном Джон-Буллем[2] и чёрным, как пиковый туз, джатом, "весьма сильное фамильное сходство" в нижней части челюсти (*sic*) и, вероятно, в ушах. Мудрёного тут ничего нет. Под деспотическим

1 См. *Journal Asiatique* [Азиатский журнал], май, 1827.

2 Джон Булль (англ. John Bull, букв. – "Джон Бык") – кличка, собирательный образ типичного англичанина (юмористическое олицетворение), одна из персонификаций образа Великобритании. Прим. ред.

распоряжением г-д филологов, этнологов и антропологов нашей бедной матушке природе остаётся лишь молчать.

Одно верно: джаты – один из древнейших народов Индии, и хотя "аборигены" для пришедших позднее их раджпутов, но не аборигены, а также пришельцы для настоящих аборигенов, племён, рассеянных по всей Индии, скрывающихся в неприступных горных ущельях, в лесах и джонглах. Их предания, как и сама история, или вернее те истрёпанные в клочки страницы, что у нас ходят теперь под именем истории, указывают на джатов как на племя, передовые колонии коего пришли в Индию из-за Гималая, вероятно из-за Оксуса (ныне Аму-Дарья), ещё до времён Кира. В IV веке история застаёт Джатское царство в Пенджабе, но не указывает на эпоху его основания и не даёт никаких сведений о первом появлении джатов. Тодд желает также доказать их тождество с азиями Оксуса – племенем, низвергнувшим греческую империю в Бактриане. Эти-де азии и есть родовое племя, ветвь коего, ворвавшись в северную Европу, поселилась, между прочим, и в Ютландии. Изо всех племён, живущих ныне в Индии, которым желают навязать в прародители скифов, джаты самое подходящее к гипотезе. Наружность скифов, как мы находим её описанной Геродотом, резко отпечатлелась на них. Приземистые, плотные, волосатые, с сильно развитыми мускулами, джаты столько же подходят к этому описанию, сколько высокие, стройные раджпуты и бхилли отходят от оного. Достаточно взглянуть на чисто греческие профили раджпутов, чтоб убедиться в невозможности производить их от скифов. Эта так же нелепо, как сваливать в общую "скифскую яму" и пенджабских сикков, колоссов с орлиными носами и чисто европейским типом лица, только потому, что до обращения их в монотеизм они приносили в жертву лошадей. Сикки и раджпуты, по общему мнению писателей-ориенталистов, один из красивейших типов рода человеческого.

Огромная часть Раджистана перемешала в себе теперь под "благодетельным правлением Англии" (стереотипное выражение) чистых раджпутов, и их такуры и земиндары пользуются одинаковыми правами, или, что, быть может, будет

вернее, одинаково не пользуются никакими правами, кроме прав обыкновенного помещика и хозяина в собственных поместьях. Но между такурами раджпутской и джатской крови мнение народное, редко ошибающееся, вырыло непроходимую бездну. Такур-джат – феодальный барон, грабящий по ночам. Такур-раджпут – рыцарь, *un chevalier sans peur ni reproche*[1] в полном смысле слова. Чтоб успокоить первых и тем доставить себе верных союзников, правительство хотя и воспретило дневные грабежи *de jure*[2], но разрешило их *de facto*[3], предоставив грабителям, как шейхам бедуинов в Палестине и Сирии, взимать контрибуцию с приезжих караванов и путешественников, якобы гарантируя последним полную безопасность от бхиллей. Но раджпутские такуры не приняли ни одной из предлагаемых им милостей. Владея и управляя почти самовластно горстью своих подданных, они почти не выезжают из пределов своих деревень и даже часто из замка. Гордые и неукротимые, поставленные теперь в невозможность воевать друг с другом, они, по-видимому, покорились своей участи, но знаются лишь с раджами, которым, как вассалы, они обязаны платить дань людьми и деньгами. С англичанами они не имеют почти никаких прямых сношений, а ведут дела, в случае надобности, чрез министров своего сюзерена, махараджи.

Как и всюду, покорители "высшей расы" явились тут Каинами в отношении к невинным Авелям. Перетасовали они Индию, словно колоду карт. Жаль смотреть на этот когда-то при раджпутских и даже при мусульманских царях процветавший угол Бхаратры[4], ныне Бёртпур, валяющийся в пыли вековых дворцов и храмов, словно обугленный кусок заплесневевшего сухаря. Ещё в начале настоящего столетия великолепные водопроводы из неиссякаемых Дигских озёр полосовали всю страну, и Бёртпур считался одною из главных житниц Индии.

1 Рыцарь без страха и упрёка (фр.). – Прим. ред.
2 Де-юре (лат.) – юридически, по (согласно) праву. – Прим. ред.
3 Де-факто (лат.) – на деле, фактически, нечто действительное, но не закрепленное законом. – Прим. ред.
4 *Бхарата* – название Индии, происходящее от имени легендарного древнеиндийского царя Бхараты. – Прим. ред.

Страна цвела и зеленела круглый год. Но вот в 1825 году явились войска ненасытной Ост-Индской Компании под водительством лордов Лека и Комбермира. Город построен на низменности и вода огромного, теперь не существующего и заваленного озера *Моти-джиль* (Жемчужное озеро), находясь на более возвышенном уровне, могла по усмотрению и во всякое время быть выпускаема в фортификационные рвы и затоплять их, причём город становился неприступным. С 1805 года англичане четыре раза пытались взять Бёртпур приступом и каждый раз были отражаемы с огромною потерей. В продолжение двадцати лет были пущены в ход все военные хитрости, на которые столь горазды гуманные британцы, чтобы завладеть Павлиньим царством с его соляными озёрами и промыслами, дающими около 170 000 фунтов стерлингов годового дохода; но это удалось им лишь в 1826 году. По рассказам девана и особенно старого дядьки раджи, ответственность за погром города лежит на совести бога Кришны, патрона оного. Во время первой осады туземные солдаты, служившие в британских рядах, клялись, что видели Кришну над городом в воздухе, "одетого в жёлтое платье аскета и вооружённого своими специальными доспехами: луком, булавой, конхой и священною трубой", и вследствие этого разбежались. Но в 1826 году божество оплошало… Суеверие джатов можно сравнить разве только с суеверием дравидов южной Индии; это какой-то волшебный, заколдованный мир. Провести несколько дней с джатами всё равно, что день и ночь читать сказки… Что ни шаг, то капище с особенной своей легендой, на первом плане которой выступают рыцари и боги с богинями, всегда играющими в них роли добрых и злых волшебниц, как в сказках *Перо*, где добродетель всегда торжествует, а порок всегда бывает наказан…..

– Видите эти разрушенные стены крепостей, вон там на валу, где растет это огромное дерево с золотистыми цветами? – спрашивает нас посланник девана.

Мы подъезжали к столице Бёртпура, и пред нами возвышались горы мусора, развалины когда-то знаменитых укреплений, а за ними в грязной и душной котловине расстилался город,

собрание полуразрушенных лачуг. На плоских террасах домов стояли безобразные идолы, и меж ними важно расхаживали павлины, сверкая в лучах заходящего солнца стоглазыми хвостами.

– Вижу… что ж в этом дереве такого удивительного? – прищурился полковник.

– Теперь ничего, – отвечал, вздыхая, посланник. – Но это жёлтые, как золото, цветы, эти бесчисленные гроздья ароматных чашечек, всё это слезы Кришны… Увидев, что англичане перерезали дорогу нашим инженерам к пруду и переходят городской ров, *дев* (бог) бросил в отчаянии булаву под ноги первому отряду и на этом месте тотчас же выросло дерево. Затем на дерево закапали священные слёзы как частый дождь, и из каждой капли вырос цветок.

– Чем плакать, лучше бы богу было не плошать и тут же свернуть всему отряду шею, – покощунствовал сквозь зубы бабу.

Южный раджпут, ехавший возле кареты верхом, только вскинул глазами на бабу. В его чёрных, как смоль, глазах выражался немой упрёк.

– Вы бенгалец и… вероятно, *настика*[1]? – срезал он его.

– И да, и нет, – отвечал бабу, немного сконфуженный прямым вопросом, а ещё более устремлённым на него пристальным взглядом Нараяна, – я из Бенгалии, но принадлежу… или скорее *принадлежал* к секте Чарвака, к лакаятикам.[2] Но теперь, – поспешил он прибавить, – я теософ и готов верить во что прикажет нам президент….

---

1 *Настика* – атеист.

2 Учение чарваки основано на *сутре* (писании) Вархапастии и коротком катехизисе Чарваки, Эпикура Индии, известном под названием "Афоризмов Вархапастии". Последователи оных отвергают все *праманы* – источники истинного познания, признавая лишь *пратьякшу* (познание посредством одних чувств) и всего четыре *татвы* (*tattvas*, вечные принципы), то есть четыре стихии, из совокупности коих вытекает разум или, скорее, животный инстинкт, который только в человеке превращается в разум. Душа, учат они, не разнится от тела, развивается и умирает с ним. *Чарвака-сутра* – самая крайняя материалистическая школа Индии.

Мы рассмеялись, стараясь обратить откровенное признание в шутку. По-видимому, оно произвело тяжелое впечатление на его религиозных товарищей. Они, вероятно, не знали до сих пор о принадлежности нашего ветренного бабу к этой столь презираемой прочими индусами секте. К счастью его, такур отсутствовал. Усадив нас и отправив под охраной своих всадников, он сам по обыкновению куда-то исчез.

Бёртпур построен на развалинах, от которых на земной поверхности не осталось теперь и праха древней столицы, основанной героем Бхаратом. Настоящей столице минул всего один век. Среди развалин древних бастионов и башен, забитых наглухо ползучими растениями, прячется, будто стыдясь своей современной мизерной наружности, дворец махараджи. Он окружен со всех сторон башнями и уцелевшими куполами на плоских террасах старой крепости со многочисленными пробоинами, и представляет, по замечанию Фергёсона, "страшную смесь всех стилей архитектуры" от сарацинского до джатского.

Миновав несколько старинных ворот со сводами и полуразрушенными стенами, на обломках коих часовые преспокойно спали или курили *челум*[1], мы подъехали ко дворцу. Махараджи не было, он отправился пилигримом со свитой в Хардвар.[2] В первый раз по приезде в Индию мы вступали в жилой дворец раджи и, конечно, ожидали увидеть нечто волшебно-прекрасное. Разочарование было полное…

Здание огромное, как и все дворцы раджей, но угрюмое, закопчённое, со стенами, покрытыми плесенью, с бесконечным рядом галерей, веранд, башен и башенок, лестниц и коридоров. Внутри бесконечные ряды комнат, неизвестного назначения, но от первой до последней, от дурбарной "тронной" залы до малейшего чулана под крышей, каждая походила на кладовую продавца старой мебели. Всюду полы без ковров, каменные, но

1 *Чиллум* (англ. chillum, chilam) – небольшая прямая трубка для курения конопли. – Прим. ред.

2 В Индии все большие и малые раджи отправляются по крайний мере раз в год на поклонение ко священным местам. Они обыкновенно совершают хоть часть пути пешком, одетые в бедное платье пилигрима-аскета, босиком и раскрашенные знаками своей секты.

весьма неровные, неподметенные, вероятно, со дня отъезда раджи, так как каждый шаг подымал облака пыли, заставляя нас чихать и откашливаться. Комнаты, загромождённые полуизломанным хламом, ряды кресел и диванов когда-то золочённых, теперь же облезших, всех сортов и эпох, обитые драгоценным, но полинявшим штофом[1]; по стенам дешёвые немецкие часы с кукушками (мы насчитали их штук восемь в одной комнате!), картинами с механизмом движущихся лодок и музыкой рядом с громадными, от потолка до полу, тысячными зеркалами; в библиотеке из драгоценного хрусталя и розового дерева с великолепнейшею резною работой шесть, семь томов шестипенсовых разрозненных романов Джемса, да повсюду расставленные, словно на продажу, женские трюмо, поверхность которых вследствие многолетней сырости представляла географические карты, перекашивая наши отражения, словно корча нам по дороге рожи: вот что нашли мы во дворце независимого раджи!

Заметив, должно, быть отсутствие всякого восторга на наших откровенных лицах, встретивший нас на крыльце бородатый джат, который взялся было показать нам *царские* покои, желая заставить нас, вероятно, изменить мнение о великолепии дворца, повёл нас в какую-то *секретную*, угловую комнату, посещаемую, как он нам сообщил весьма конфиденциально, всеми английскими *бар-саабами* (большими господами) и весьма хвалимую ими. Комната эта, которую он приказал своему дядьке отпереть каким-то особенным ключом тоже с секретом и вдобавок с музыкой, оказалась кругом обвешенною картинами во французском вкусе самого непозволительного содержания. Полковник насилу удержался, чтобы не обругать джата, а Нараян, еле взглянув, опрометью бросился вон из комнаты, облегчив целомудренное сердце целым потоком слов, которых мы не поняли, но которые видимо произвели на бородатого наперсника угнетающее впечатление. Он сильно растерялся и поспешил запереть "секретную" комнату, пробормотав нечто вроде извинения. Мы только поняли одно:

1 *Штоф* – тяжёлая шёлковая или шерстяная ткань с тканым рисунком. – Прим. ред.

все "бар-саабы" *феринги* и даже "мем-сааб", их дамы, посещали этот *европейский* "музей" и всегда очень весело смеялись. Вследствие такого поражения, однако, бородач поспешил ретироваться, оставив нас на попечении старого дядьки или воспитателя раджи.

Всюду та же грязь, пыль, безвкусица, запустение и ветхость. Сам махараджа не живёт в своих "царских" покоях. Они предназначены восхищать заезжих белых варваров. Сам же он поселился уже давно в *зенане*, в терему, с полдюжиной жён. К сожалению, в Индии пример добродетели подданных подают не раджи и не принцы. Кроме последних, туземцы, от высшего брамина до последнего *кули*, строгие моногамисты, но зато их властелины-махараджи все до одного придерживаются многобрачия. Эти потентаты[1], так сказать, родились и живут вне касты, ибо бóльшая часть их никогда и не имела касты. Дед *холькара* Индорского родился простым пастухом; *гвалиор* из семейства Синдии – правнук лакея. Его прадед Ранаджи, первый Синдия, служил доверенным слугой в 1714 году пейшве, который взял его из семьи простых крестьян, а в 1782 году побочный сын Ранаджи, Синдия, сделался махараджей Гвалиорским. Гайквары Бародские, как самое их название означает, были сто лет тому назад погонщиками коров; а нынешний молодой гайквар, избранный правительством по изгнании несчастного Мульрао[2], обвинённого (и совершенно несправедливо) в попытке отравить полковника Фейра, политического резидента, – сын простого кули, дальнего родственника Мульрао, и т. д. Одни мусульманские раджи происходят, если верить им, все до одного от Фатьмы, дочери Пророка, а их женская линия от Магометовой кобылицы (sic), хотя способ эволюции от последней ещё не совсем уяснён. Зато махарана Удейпурский, владетель Мейвара в Раджистане, без преувеличения и вовсе не ради красного словца, происходит чуть ли не от Адама. Во всяком случае, генеалогия этого царского дома объявлена английским правительством совер-

1 *Потентат* (лат. Potentatus – верховная власть) – властелин, властитель. – Прим. ред.

2 Он умер в изгнании в 1882 году в Мадрасе.

шенно правильною и законною; а эта генеалогия указывает на Икшвака, сына Ману, великого мифического законодателя Арияварты как на родоначальника сих махараней. Икшвак же родился за 2225 лет до Р. Х.[1] Можно побиться об заклад, что не найдётся во всей Европе рода стариннее этого. *Сурьяванзы* – потомки Солнца, имеют неотъемлемое право презирать самые древние английские фамилии, опираясь на ими же признанную родословную. В своё время мы поговорим подробнее об этих горделивых останках прошлого и невозвратимого величия!

– *Old curiosity shop* (bric-a-brac),[2] – пробормотал всё ещё сердитый полковник, оглядываясь. – А где же такур-саиб? – внезапно осведомился он. – Разве мы не увидим его более сегодня? Нараян!.. Мульджи!.. не знаете ли, где такур?

– *Маха-саиб* (великий господин) никогда не входит во дворец Бёртпурских владетелей, – шепнул нам на ухо Нараян. – Он уехал вперёд в Диг и ожидает нас завтра туда к *чотта-хазри* (к завтраку)…

– Гм! – промычал президент, разглядывая китайского фарфорового мандарина с разбитым носом, – вечер значит пропал… А не знаете вы, любезный Нараян, почему это такур-саиб избегает… жилища здешнего раджи?

Махрат видимо смутился.

– Я не имею права, полковник, вмешиваться в частные дела и… обсуждать их… особенно действия *маха-саиба*, – отвечал он, наконец, запинаясь.

Но любопытство полковника было не из тех, которое можно было остановить замечанием. Он обратился к старому воспитателю раджи, который плёлся за нами, окружённый привратниками со связками ключей. Вопрос был повторён старику. Услышав его, древний джат вдруг смутился ещё сильнее Нараяна.

---

1 См. *Asiatic Researches*, "*Vansavali* – родословное дерево рода Сурьяванз (потомки Солнца) из племени Раджистана".

2 Лавка древностей (англ.); в скобках: «старинные безделушки, хлам» (фр.). – Прим. ред.

В первую минуту он совершенно растерялся. Затем принялся подобострастно кланяться и уверять полковника, что он, американский сааб, – "покровитель бедных" и "благодетель вдов и сирот"; после чего хитро отвёл прямой вопрос, будто вдруг спохватясь, что солнце уже село и сейчас же стемнеет. Кончилось тем, что он вместо ответа пригласил нас в назначенное для нас помещение.

Полковник с тем и остался.

Нас поместили в огромном отдельном флигеле, который сообщался с главным зданием крытой террасой прямо с крыши нашего помещения. Комнаты наши, хотя и менее загромождённые мебелью, представляли всё-таки невообразимый хаос. И здесь, как и во дворце, оказалось сборище самых разнохарактерных украшений. Пузатые кресла с прямыми, неудобными спинками, вывезенные, вероятно, ещё покойною Компанией из Англии, казалось, пятились и сторонились как кровные англичане "высшей расы" от затейливых, чёрного дерева, резных стульев работы "низшей расы". На провалившемся биллиарде росла из глубоких, засорённых землёй и пылью щелей травка. Мраморные подзеркальники на золочённых и хрустальных ножках с растреснутыми плитами подпирали покосившиеся от времени дорогие старинные зеркала. Стены были сплошь покрыты портретами раджей, написанными масляными красками и во весь рост; а рядом с ними висели лубочные картины дешёвого английского фабричного произведения, с лордами и леди спортсменами, верхом на малиновых лошадях в сопровождении бегущих за ними бледно-розовых и зелёных собак. В простенке, между углов столовой, под такою же лубочною картиной из французских нравов, представлявшей турнир барышень на коньках с носами, спрятанными в муфтах, с пудовыми икрами и в голубых ботинках, валялись кой-как прислонённые к стене дюжины две картин так называемой работы Дельи. На толстом пергаменте с золотыми надписями на *урду* – явно легенды сюжетов – и стихами из Корана они изображали различные исторические *дурбары* могульских и индийских раджей и властелинов. На одной из них, в квадратный ярд [0,84 кв. м]

величиною, было изображено до 80 человеческих фигур. Все они раболепно, кроме фигурки в синем мундире, эполетах и с красными усами, стояли со сложенными на груди руками и наклонённым корпусом в направлении восседающего на троне какого-то раджи. Пестрило в глазах от одного взгляда на эту расписанную самыми яркими красками группу, но, как и все восточные произведения, без теней и без грунта. Комната освещалась лишь одною большою висячею медною лампой и пламя фитиля, погружённого самым примитивным манером прямо в кокосовое масло, раздуваемое во все стороны сквозным ветром изо всех безоконных отверстий и ажурных дверей, освещало предметы весьма неясно. Ни я, ни даже полковник не обратили внимания на эту картину, полувыдвинутую из-за других стоявших вверх ногами изображений дурбаров и охот.

Нас видимо старались принимать и угощать по-европейски. Обеденный стол был найден во владении целой колонии красных муравьёв; и так как оказалось невозможным спровадить их, не убив нечаянно нескольких – преступление, предусмотренное законами Ману, и на которое дядька джат не решался, – то нам притащили другой стол. Мраморная с великолепной мозаичной работой доска на трёх золочённых надломленных ножках тотчас же рухнула под тяжестью целой груды тарелок, к ужасу дядьки-воспитателя, усмотревшего в этом падении явное предзнаменование чьей-нибудь неожиданной смерти. К нескрываемому отвращению наших индусов, нам принесли целую корзину французских вин и ликеров, а к неописанному изумлению старого джата-дядьки, веселящие душу напитки были тотчас же с позором изгнаны полковником. Воспитатель никак не мог взять в толк, чтобы "саабы-феринги" могли отказаться от вина и водки. Его удивлению не оказалось границ, когда, к довершению эксцентричности, видимо показавшейся ему сумасбродством, мы попросили его дать нам поужинать по-туземному на циновке и с листьями платанов вместо блюд и тарелок.

Было всего восемь часов вечера, когда, окончив нашу трапезу на полу, в сомнительно приятном обществе двух громадных сороконожек, которые скрылись от нашего

преследования в приготовленной мне спальне, мы стали перетаскивать со всевозможными предосторожностями несколько расшатанных кресел на веранду, где наконец и уселись, собираясь подышать после знойного дня вечерним воздухом. К нашей компании скоро присоединились два посетителя, помощник или секретарь девана, проводивший нас утром со станции, и толстейший бенгальский бабу, инспектор школ махараджи, единственные в Бёртпуре люди, говорившие по-английски. Любознательный полковник засыпал их вопросами. Через час мы знали не хуже их всю подноготную махараджей Бёртпурских и Павлиньего царства.

Между прочими историческими сведениями, мы узнали, что нынешний раджа, выдаваемый англичанами за настоящего, законного наследника трона, есть в глазах своих подданных узурпатор, хотя в этом преступлении виновен не он, а правительство. В 1825 году, по смерти Бульдео Синга, *радж* должен был по закону перейти к брату его, Дуржун Салю. Он имел за себя огромную партию и законы Ману. Но у Ост-Индской компании были солдаты с пушками и право хитрейшего, если не сильнейшего. К тому же, как теперь, так и тогда, Джон-Булль настаивал на своём праве быть всемирным защитником слабого и невинного и, под предлогом протектората, проглатывать слабого и невинного вместе с его царством. Непрошеные опекуны явились и тут. Их политика состоит в том, чтобы допускать ко владению только тех раджей, которые воспитаны ими самими, по мудрому шаблону Меттерниха в отношении к Наполеону II, злополучному императорскому принцу. Подобно герцогу Рейхштадтскому, все эти индийские раджи гибнут *a la* [как] маркиз де-Сад, благодаря своим английским воспитателям, которые с первого же дня ведут их незаметно на путь ранней гибели от разврата и пьянства.[1]

1 Молодой раджа Куч-Бехарский, которого я встречаю каждое лето в Симле, в Дарджелинге и на холмах миссурских, сделался теперь чистокровным англичанином; пьёт шампанское бочками, одаривает всех *belles de la saison* [красавиц сезона (фр.)] – "мэм-сааб" и мисибиби, – которые ему делают великую честь провальсировать с ним, драгоценными браслетами, колье и брошками, разоряется на спорт

Итак, невзирая на то, что Дуржун-Саль уже сидел по выбору народа на престоле, в 1826 году явилась армия в 20 000 человек со 122 пушками. Армия была отражена с большим уроном, как рассказывают, "самим богом Кришной и священными павлинами Сарасвати", коих двадцать тысяч спустились на армию, причём павлины, сев на головы солдатам, принялись отчаянно выклевывать им глаза. Англичанам не удалось тогда взять приступом город. Но они вернулись через месяц и (перевожу со слов Бёртпурской хроники), "воспользовавшись тем, что Кришна совершал в то время *monac*[1]", но вероятнее всего благодаря быстроте действия, армия перерезала, как уже сказано выше, дорогу инженерам раджи к спасительному пруду, а затем перерезала и неповинных жителей, по уверению рассказчиков, до 9000. После этого, поймав удиравшего с жёнами и двумя сыновьями раджу Дуржун-Саля, англичане отправили злополучного принца в Бенарес на вечное житьё. Раджа умер в 1851 году, потомки стали помаленьку вымирать, что было весьма с руки правительству.

А теперь позволяю себе маленькое отступление и забегаю на минуту для ясности рассказа вперёд.

В 1880 году, во время нашего пребывания в Бенаресе, мы познакомились с единственным оставшимся в живых внуком. Остальные все перемерли с голоду. На присланной нам карточке красовалось:

"Рао Кришна Дэва Сурна Синг. Внук махараджи Бёртпурского".

и кутёж, делая всё это не только с согласия, но с одобрения не отходящего от него ни на шаг воспитателя полковника Х... А ему нет ещё и двадцати лет! Даже юные девицы не стыдятся принимать от него дорогие подарки. Понятно, какой будет правитель Куч-Бехарский раджа. А сломит он себе голову или допьётся до чёртиков, благодушные отцы правители тотчас, под тем предлогом, что они законные опекуны, сперва заберут всё управление в свои руки, а затем и аннексируют потихоньку его царство. Тепло и сыто, и приличия соблюдены.

1 Религиозная медитация, предписанная всем богам, как и людям: самопогружение в Браму, который сидит у каждого смертного в сердце.

Рао Кришна оказался весьма образованным и красивым молодым человеком. Вдобавок к этому мы тотчас же вспомнили тогда, что он был героем очень таинственной, хотя и весьма неправдоподобной истории, рассказанной нам в Бёртпуре нашими двумя посетителями, которую я теперь и передаю.

Его отец, сын изгнанного раджи, уже совсем умирая с голоду, выучился фотографии и питался тем, что снимал портреты с пилигримов ко священным берегам Гангеса и виды разных храмов и капищ. Религиозный до фанатизма, он отправился в один прекрасный вечер, – в день затмения луны, величайшего у индусов праздника, – во храм своего патрона Кришны. Невзирая на оплошность *аватара* Вишну, касательно столицы бывшего царства отца его, он не переставал приносить ему жертвы когда только мог. В тот вечер у злополучного сына махараджи было пусто в кармане и пусто в желудке. Перебирая чётки, сидя на корточках пред идолом, он с горя заснул. Юный бог явился к нему во сне и, указав на густое дерево в саду занимаемой раджей лачуги, сказал ему: "Копай под этим деревом во время каждого полнолуния и, доколе останешься верным мне, будешь находить ежемесячно на южной стороне оного 1000 серебряных рупий". Проснувшись и вспомнив, что в ту ночь было как раз полнолуние, принц-фотограф отправился восвояси и, вооружась заступом, стал копать. Кришна сдержал слово, и тысяча рупий были найдены. Тогда, в порыве благодарности, принц дал обет отправляться каждый год с сыном на поклонение богу в некий известный храм близ Хардвара. На следующий месяц на полнолуние – тот же результат: тысяча рупий под деревом. Единственному его сыну, Рао Кришне (имя, прибавленное к прежним отцом его, в благодарность божественному патрону), было всего тогда восемь или девять лет. Каждый месяц бог Кришна клал мешок с рупиями под дерево, и каждый год отец с сыном отправлялись пешком и босиком к далёкому храму, с посохом в руке и в полном костюме индийских аскетов, т. е. в лёгком и первобытном одеянии Адама.

А теперь прошу читателя приготовиться к вышеупомянутому невероятному рассказу. Невзирая на всё неправдоподобие, среди двухсот пятидесяти миллионов туземного населения Индии подобные рассказы весьма обыкновенны и для туземцев не имеют в себе ничего невероятного.

Когда Рао Кришне минуло четырнадцать лет, отец взял его по обыкновению с собой в ежегодное поклонение. В тот год между пилигримами свирепствовала сильная холера, убивавшая жертву менее чем в час, и они мёрли как мухи по дороге. На поляне у Деодорского леса заболел и наш юный Рао; отец его с ужасом и отчаянием заметил, что мальчик умирает. Заметили это и шедшие с ними другие пилигримы и *санньязи*, и тотчас же, дабы не осквернить прикосновением к трупу при подаваемой помощи, разбежались… Осталась наблюдавшая издали группа богомольцев… Они-то и разнесли по Индии совершившееся на их глазах.

Мальчик умер, и отец оглашал весь лес воплями отчаяния и безысходного горя. Он заклинал товарищей пилигримов помочь ему хотя бы соорудить костёр для сожжения трупа; наконец двое из них решились осквернить и подошли. Мальчик лежал посиневший и совсем мёртвый, и над ним совершены все предписанные Ману обряды. Прошло несколько часов, костёр был готов и оставалось лишь положить на него мёртвое тело, как вдруг пилигримы увидали неизвестно откуда появившуюся новую и совершенно незнакомую им личность… То был старик аскет, лет за сто. Тройной священный шнурок через плечо указывал, что он брамин, а знак на лбу чёрной и белой краской – что он принадлежит к секте веданты, называемой *адвайти*[1]. Тихо и едва волоча ноги, он подошёл к лежавшему в стороне трупу и, наклонясь над лицом умершего, долго и не трогая тела, вглядывался в него. Отец и другие пилигримы, видя тройной шнурок, не смели подойти ближе и молча глядели издали на немую сцену. Впрочем, старик-отец

1 Адвайти (не дуалисты) секта противная двайтам (дуалистам); они не признают богов, а одного Парабраму, т. е. мировую божественную эссенцию, которая по вездесущности своей не отличается от эссенции духа человеческого.

был, как рассказывают, до того убит горем, что, может быть, и не обратил бы на него внимания, если бы тут не произошло нечто весьма странное. Аскет, стоявший до того неподвижно, сталь мало-помалу шататься и склоняться всё ниже и ниже к покойному. Ещё секунды две-три, и паломники увидели, как задрожало дряхлое тело, как подкосились ноги… Внезапно грохнув на землю, старец, точно подкошенный сноп, вытянулся рядом с мёртвым юношей и… и в ту же секунду, высоко вскинув руками, последний сел и, дико озираясь по сторонам, стал, к ужасу пилигримов, манить их к себе потихоньку рукой…

Когда прошла первая минута смятения и ужаса, и отец с воплем радости кинулся к воскресшему сыну, подошли и другие паломники. Осмотрев тело аскета, они его нашли мёртвым и окоченевшим. Но страннее всего было то, что он казался как бы умершим уже за несколько до того часов. На теле его виднелись все холерные признаки: чёрные пятна, опухоль и скорченные ноги, в то время как с тела юноши, ещё за несколько минут до того начинавшего, как казалось, разлагаться, все эти признаки исчезли, не оставив за собой и следа. Тело его было чисто и казалось совершенно здоровым. Словно старик и юноша поменялись организмами.

Нравоучение и объяснение: всё на свете *майя*, иллюзия, и нам не следует даже и смерти верить. Индусы глубоко убеждены в тайном могуществе *мантр* и *мантриков* (заклинательных молитв и заклинателей), а также и в способности адептов тайных наук бесцеремонно переселяться в случае надобности в тела других людей, пользуясь глубоким сном, болезнью или даже смертью последних. Поэтому они и объясняют случай с Рао Кришной тем, что старику-аскету надоело жить в своём дряхлом и бренном теле. К тому же он, вероятно, тронулся отчаянием осиротевшего отца. Вследствие этой двойной причины и уверясь в смерти мальчика, почтенный аскет прочёл *мантру*, вылез из собственной кожи и влез в тело умершего, которого тем самым и оживил. При этом "все выиграли, обе стороны остались довольны, и никто ничего не потерял".

– Как никто не потерял? – спорили мы с рассказчиками. – Мальчик-то сохранил одно живое тело, или, скорее, дряхлый старик приобрёл себе новое… а ведь духовную личность свою, индивидуальность души бессмертной Рао Кришна уж наверное потерял!

– Весьма ошибочное рассуждение, – отвечали нам тогда, как и позднее ведантисты. Вера в индивидуальность духа нашего и его собственную личность есть самое сильное и изо всех заблуждений самое опасное. Это, по нашему, ужасная *ересь*. Бессмертный дух не отличается от Всемирного Духа…

– Так по-вашему и во мне сидит Парабрама? – спрашиваю я их.

– Не в вас, а, так сказать, вы в нём имеете вечное бытие, и ваш дух (*атман*) ничем не отличается от духа другого человека… А душа, т. е. седалище вашего личного, присущего вам одной разума, конечно, ваша…

– Благодарю вас хоть и за то… Так не всё ли равно?

– Конечно, не всё равно. Ведь душа (*манас*, или жизненная душа) не может быть подобно духу бессмертной. Дух есть часть божественного, несотворенного Парабрамы, без начала, как и без конца, а разум, имея начало, должен иметь и конец. *Манас* родится, развивается и умирает. Вследствие этого не может быть бессмертным. Пример: зачерпните рукой несколько капель воды из океана, сожмите их в горсти, и пусть сделает то же ваш сосед. Ваши руки – две совершенно одна от другой отличные руки; одна белая, другая тёмно-коричневая; но зато они и не бессмертные, а рано ли, поздно ли обратятся обе во прах, а вода в обеих горстях из одного безбрежного океана – олицетворение в нашем случае Парабрамы, должна вернуться в том или другом виде к первоисточнику своему, к единой *Параматме* (высшая всемирная душа)… Поняли?

– Ровно ничего не поняла; но это ничего не значит. Вы верьте себе на здоровье, а я ещё подожду…

Так учили нас индусы-теософы, подтверждая нам рассказанную историю. Впрочем, это учение одних ведантистов, последователей Шанкарачарии, величайшего адепта и *йога* южной Индии. Двайты, Висиштадвайты и Брамо отвергают

оное и верят в личность божественную, *Ишвара*, отделяя оную от души человеческой.

В те дни нашего первого путешествия мы отнеслись к рассказу этому с большим сомнением и очень этим огорчили наших друзей.

– Но ведь это вольнодумство, – упрекали они нас хором. – Ведь такие *факты* известны по всей Индии, и много, много было таких *исторически* известных случаев. Сам великий Шанкарачарья, истолкователь веданты, переселялся несколько раз при жизни в тела раджей, дабы исправлять их несправедливости и помогать народу. Припомните его полемику с богиней Сарасвати.

И чтоб уверить нас в справедливости рассказанного происшествия, они повторили нам следующее из жизнеописания великого *ачарии* (учителя).

В Мадхане (VIII, 34) находится рассказ о том, как он перехитрил Сарасвати, богиню тайных наук и премудрости. В образе простой смертной богиня как-то вступила в учёный диспут с Шанкарачарьей. Она желала ему доказать, что есть вещи на свете, о которых даже и он не знает. Получив удовлетворительные ответы на вопросы по всевозможным отраслям знания, Сарасвати вдруг поставила его в тупик, потребовав у него определение *науки любви*, о которой Шанкарачарья как аскет и йоги с восьмилетнего возраста, конечно, ничего не мог знать. Тогда, дабы не посрамиться пред свидетелями, Шанкарачарья просил отсрочки на один месяц. Богиня, уверенная, что ни один обречённый на безбрачие и целомудрие *санньязи* не в состоянии ей ответить на её вопрос, согласилась и заранее торжествовала победу. Но великий комментатор *Упанишад*[1] призвал на помощь *дженьяна-канду*.

1 Упанишады, третье подразделение Вед, называется также *rehasya* или мистическое учение. Следует иметь ключ к тайному кодексу, чтобы понять в совершенстве эти метафизические концепции человеческого ума. Как справедливо заметил профессор Monier-Williams, Упанишады суть единственная религиозная школа, достойная глубоких мыслителей Индии. Это священные книги всех образованных туземцев. Упанишады, истолкованные Шанкарачарьей, суть краеугольный камень веданты (т. е. завершение или конец всей земной науки").

Эта *канда* есть тайная наука или правильное понимание *Вед*, нечто доступное лишь весьма немногим избранникам (*раджйогам*), тогда как *карма-канда* есть то учение *Вед*, которое предоставлено невежественному большинству, неспособному воспринять истину вне наружного ритуализма и грубого поклонения форме и мёртвой букве. И вот с помощью *канды* Шанкарачарья выиграл дело. Он тотчас же оправился с учениками на восток Амритапуры, где только что скончался раджа Амарака и, вмешавшись в толпу его горюющих придворных, решился на самое практическое в этом случае дело. Стоило лишь взглянуть на красивое тело покойника и на отчаяние его 99 жён, дабы придти к убеждению, что раджа был мастер в *науке любви*. Поручив ученикам присмотр за своим временно покидаемым телом, Шанкарачарья (или, скорее, его душа), выскользнув из "ножен"[1], перешёл в безжизненные *ножны* раджи. Иллюзия воскрешения была полная. В один месяц Шанкара-раджа изучил "науку любви" в совершенстве и не только изучил, но и сам написал превосходный трактат в двух отделах. В первом любовь им описывается в самых ярких красках и привлекательность этой иллюзии воспевается в столь же пламенных, как и учёных, *слоках* (стихах); во втором отделе все доводы, вся блестящая софистика первого – всё это сокрушается, разбивается во прах самим же автором. Он уничтожает доводы своей первой диссертации и указывает на горькие плоды, порождаемые привлекательным цветом коварного "древа любви"... Под мудрым управлением раджи Шанкары в "ножнах" раджи Амараки народ блаженствовал; а хитрые брамины, знакомые с *дженьяной-кандой*, заподозрив правду и желая воспользоваться во что бы то ни стало и как можно долее управлением такого мудреца, пошли на хитрость. Дабы воспрепятствовать возвращению в собственное тело тому, кто завладел телом покойного, по-видимому, воскресшего царя, они издали тайный указ, повелевший приступить немедленно *к сожжению всякого находящегося на их земле мёртвого тела*. Таким образом и действуя тайно от царя, они рассчитывали,

1 Kosha (ножны) – термин, употребляемый ведантистами, когда они говорят о теле.

что погибнет и тело неизвестного им адепта, радж-иога, который так кстати поселился в трупе их прежнего красивого, но глупого раджи. "Ножны" Шанкарачарьи, хотя и под верною охраной его учеников, были найдены и отнятое тело брошено на приготовленный костёр. Благодаря *йог-видье*, однако, Шанкарачарья тотчас почувствовал, что с его законными "ножнами" что-то неладно и тут же прозрел, что его желают насильно задержать в теле раджи. Тогда немедля он выскользнул из не принадлежащей ему *коши* и, предоставив пустую шелуху раджи на этот раз неминуемой её участи, вернулся в собственное своё тело, которое нашёл уже окружённое пламенем. Оно не сгорело только благодаря окружавшей оное, так сказать, кольчуге из несгораемого, хотя и *невидимого* материала. Вернувшись в Бенарес, он поразил даже богиню тайной мудрости Сарасвати своими глубокими сведениями по части "науки любви". Она объявила себя побеждённою, а Шанкарачарью признала величайшим *риши* (мудрецом и святым).

Понятно, что если самые священные для индусов *шастры* и *пураны* (древние предания), и даже *упанишады*, считаемые браминами божественным откровением, полны таких рассказов о перелезании души из одного тела в другое, то было бы несправедливо глумиться над индусами. Для них вера в подобные чудеса естественна и священна, и я привела этот эпизод из жизни Шанкарачарьи, признаваемого ориенталистами за одного из замечательнейших философов Индии как пример, оправдывающий в туземцах веру в то, на что мы взираем как на глупое суеверие. Религиозные чувства индуса и раджпута оскорбляются здесь на каждом шагу. Священный им *пипал*, убежище чистых духов, падает ежедневно под топором английского плантатора; а по павлину, птице, посвящённой Кришне, стреляют с такою же равнодушною беззаботностью под самым носом у туземца, как если бы то была ворона. Англичане не понимают, да и не хотят понять, что каждый такой удар топора и пули отзывается в сердце благочестивого индуса, расширяя с каждым часом всё более и более ту бездну ненависти в душе беззащитного туземца, которую сами же

англичане собственноручно и выкопали в ней. Насколько сознают это англичане, легко убедиться из их собственных признаний.

> "Неразумно и недостойно философа и даже просто честного человека, – говорит полковник Тодд, – относиться к народным поверьям такой глубокой древности презрительно". "Чужд должен быть тот человек милосердию, кто смеётся над ними; неосторожен тот в политике, кто не употребляет всякого средства для предупреждения таких оскорблений вследствие невежества либо необдуманности. Это попросту – злоупотребление нашею силой, невеликодушное проявление силы над их (туземцев) слабостью. Вспомним, кто такие наследники этих древних храмов, покровители священных пипала и павлина: то дети *Сурьи* и *Чандры* (солнца и луны), потомки древних мудрецов, наполняющие в настоящее время ряды нашей храброй армии, внимательные, хотя и безответные наблюдатели всех наших поступков: самые верные, преданные и послушные из смертных. Постараемся же сохранить их послушание и преданность, уважая их веру и не оскорбляя в них ежечасно чувства собственного достоинства и национальной гордости... Спросим себя, положа руку на сердце, сделали ли мы *тех, кто завоевали для нас почти всю Индию*,[1]

1 Как ни странно звучит такое признание, оно остаётся и останется фактом: "покорители Индии" не англичане, а индусы. Недавно доведённые до бешеного отчаяния бенгалийцы вследствие невыносимых ежедневных оскорблений печатным словом и делом в ответ газете *Englishman* (Калькутта) напечатали брошюру, в коей опровергают пункт за пунктом *воображаемое* завоевание Индии англичанами и называют оное "хвастовством", доказывая это официальными рапортами и перепиской англо-индийского правительства с *Foreign Office*. Брошюра вышла под названием *Our Conquerors who are they?* ("Наши завоеватели, кто они такие?"). В ответ на возгласы: мы принадлежим к высшей расе завоевателей и не позволим правительству подчинить нас юрисдикции людей, принадлежащих к *низшей*, автор брошюры пишет: "На это хвастливое *vae victis* ["горе побеждённым" (лат.)], которое нам жужжит в уши с первого дня отпора биллю Ильберта, мы отвечаем раз навсегда следующее: покорили Индию не вы, не ваши европейские солдаты, а наши сипаи, индусы, и мы бросаем вам перчатку, вызываем це-

> счастливее или же разорили их, поправ вдобавок под ногами всё, что есть только священного для них.
>
> Для общего блага, для обоюдного счастья правителей и управляемых постараемся же поправить все наши прошлые ошибки… Торжественно заявляю здесь, что я любил и люблю солдата-индуса. Я доказывал, на что он способен, когда раз привяжется к начальнику. В 1817 году тридцать два стрелка из моего конвоя атаковали, разбили и разогнали лагерь неприятеля в 1500 человек, взяв в плен и убив втрое более, чем было их самих. А что слышим мы из индийских Фермопил, Коригаума? 500 стрелков против 20 000 человек, которых они обратили в бегство! Найдите мне в летописях Наполеона что-либо великолепнее и достойнее удивления… А много ли благодарности получили они, наши храбрые сипаи, и их соотечественники взамен всего этого?"[1]

А вот получили теперь и получают ежедневно благодарность от 60 000 англо-индийцев, во главе коих стоят все английские газеты Индии, особенно *Englishman*. В 1857 году неуважение и ежедневные оскорбления вызвали мятеж сипаев. В 1883 году, то есть в настоящую минуту, происходит, разрастаясь ежедневно с большею силой, мятеж бенгальских бабу! Но последствия первого *митинга* англо-индийских плантаторов и лавочников в калькуттской городской ратуше, после того как им сделался известен так называемый *Ilbert's bill*,

---

лою нацией опровергнуть нас, если можете!" Затем автор перечисляет все пункты, завоёванные для Англии индусами, от Пласси до последнего мятежа, когда Англия была спасена сикками. Он напоминает англоиндийцам слова многих генералов, слова напечатанные и теперь уже принадлежащие истории. Так лорд Маколей сравнивает преданность сипаев лорду Клейву с преданностью 10-го легиона Юлию Цезарю и старой гвардии Наполеону; далее автор повторяет сделанное тем же историком сравнение индусских сипаев с солдатами Морица Саксонского и слова лорда Корнвельса, порицающие английских солдат, и его похвалу индусам: "*Бригада наших сипаев способна сделать кого угодно императором Индостана*" и т. д. (См. *Kaye's Life of Cornwallis* , стр. 75).

"Чёрный акт" (The Black Act), стесняющий свободу печати отменён, и англичане volens nolens проглотили горькую правду.

1 *History of Rajasthan*. Vol. I, p. 74.

не ограничились одними общими столкновениями и невинною перебранкой. Законное и весьма достойное уважения желание лорда Рипона, прозванного теперь "бабу Рипон", оказать, наконец, самую простую справедливость туземцам, предоставив их образованным, состоящим на коронной службе судьям одинаковые с английскими судьями права, вызвало неслыханную и никем неожиданную бурю со стороны *non-civilians*[1], то есть вышеупомянутых, не состоящих на гражданской и военной службе плантаторов и спекуляторов. За последними, кто секретно, а кто и открыто, последовали чиновники и офицеры. Посыпались градом на ничем неповинных бабу такие оскорбления и насмешки, что надо быть положительно *индусом* и иметь терпение самого кроткого мула, чтоб ежедневно и ежечасно глотать их, еле отвечая на них, придерживаясь пока только оборонительной системы. Но ураган всё усиливается. Он перешёл сперва из Калькутты во все города и местечки Бенгалии, а теперь нет того города и деревни, которые не откликнулись бы на вопли оскорблённых бабу. Дело уже дошло до парламента. В газете *Englishman* за подписью (псевдоним) "Чау-Чи-Чфу" появилось якобы объявление: "Требуются несколькими европо-азиатскими семействами большая партия водоносов, парашников, кучеров, *подметальщиков у мясников* etc.; никто, кроме бенгальских бабу, не получит этих мест. Объявители предпочитают отставных коллекторов, судей и коронных адвокатов" и т. д. в этом роде. Тогда бешенство оскорблённых бабу, да и всей нации, дошло до последних пределов и они стали отвечать такими же оскорблениями. В парламенте г-н О'Доннел, один из вожаков ирландской партии, обратил внимание палаты на это страшное, "незаслуженное оскорбление"; помощник секретаря, г-н Кросс, отвечал, что он читал этот "бесчестный пасквиль", что англо-индийскому правительству уже послана инструкция и что *Englishman* будет, вероятно, привлечён к суду за разжигание страстей посреди рас и без того уже взаимно враждебных. Не тут-то было, бедный "бабу Рипон", заварив кашу, сам не знает, как её теперь расхлёбывать. Это внушение

1 Негражданских лиц (англ.). – Прим. ред.

безо всяких последствий только разожгло ещё более наших бабу. Вот уже более трёх месяцев как издания ежедневные, еженедельные и ежемесячные наполнены только этим. Несчастного раджу Шиву Пфасада, который осмелился сказать несколько слов в вице-королевском совете против *билля*, сожгли и всё ещё жгут (*in effigies*[1], конечно, то есть манекен его) во всех городах Индии. Всюду *митинги-монстры*[2], протесты, адреса[3] и пламенные спичи. Стон и гул стоят столбом над Индией. Туземная печать в первый раз со дня её существования поднялась как один человек, а в англо-индийском лагере поднялись, в подмогу мужьям и братьям, амазонки, *мэм-саабы* и *мисси-биби*. На шесть тысяч собранных подписей под ходатайством англо-индийского прекрасного (но презлющего) пола в "дамском адресе королеве" *против* билля туземки отвечают "адресом" к её величеству за билль за подписью 300 000 имён. Они протестуют в то же время против систематического ряда оскорблений подданным её величества.

Но всё это лишь к вопросу о *билле*. Во время самого разгара дела о нём вдруг приключилась ещё хуже оказия, о которой, конечно, все наши читатели узнали уже из газет. Это дело выходит ещё посерьёзнее, и чем оно кончится, одному Провидению известно. Из-за копеечной свечи Москва сгорела, а из-за старого каменного идола, *шалиграмма*, горят сердца неугасаемою ненавистью к англичанам у всех индусов, как верующих, так и неверующих. Это оскорбление уже не политического, а чисто религиозного характера, против которого воспламенились даже такие неверующие *настики*, как наш бабу. "Дело не в том идоле, – говорят они, – а в оскорблении целой нации". Судья высшей инстанции Норрис, разбирая какую-то ссору из-за владения вышеречённым идолом, приказал его принести в судебную камеру, как он теперь объясняет, с согласия обеих сторон. Но в глазах всей нации такое действие оказалось неслыханным, нестерпимым.

1 Символически предать казни (повесить или сжечь чьё-либо изображение) (англ.). – Прим. ред.

2 *Митинг* от анг. meeting – собрание, встреча; *монстр* от фр. monstration – демонстрация. – Прим. ред.

3 Выступления (анг. address). – Прим. ред.

Туземные газеты разделили внимание между биллем и идолом. Восстали все пандиты, брамины, шастры[1]. Грозно поднялась армия йогов, саньязи и всей монашествующей и нищенствующей братии… Правительство испугалось не на шутку. Но если, по пословице, англичанину всё сходит с рук, то уж у англо-индийца "сам чёрт, должно быть, детей качает"[2]. Успокоились дня на два обещанием не повторять подобного оскорбления, как вдруг неожиданно грянул гром в третий раз. Редактор журнала *Bengali* оскорбил-де высший суд печатным словом, порицая действие судьи Норриса и доказывая, что он по закону не имел никакого права вызывать в суд почтенного идола и тем осквернять святыню. Норрис обиделся "за величие и неприкосновенность суда", как уверяют англо-индийские газеты, и "захотел отомстить в лице образованного и влиятельного туземца всей Индии", по уверению туземных передовиков, тут же выведших судью на чистую воду, показав, как он бросил шляпу вверх на митинге против билля и ругал туземцев. Редактора бабу Сурендро-Нэф[а] Баннерджи осудили на два месяца в тюрьму. Что произошло после этого и рассказать невозможно. Бабу сделался в 24 часа героем буквально всей Индии. Он "мученик за нашу матерь Индию"; он "страдает за целый народ и за *трусость всех*" прочих и т. д. Изо всех городов Индии шлются адреса соболезнования и собираются огромные суммы для "мученика". Приготовляются *миллионы* подписей (буквально) для подачи в парламент прошения, и послано уже в Лондон несколько адвокатов и ораторов…

Чем всё это кончится и как? Великий тот политик, скажу более, пророк, кто сумеет поднять в этом случае завесу будущего. Всё зависит от сердца Индии, Калькутты; а ведь хотя и совестно, и горько заклеймить одним почерком пера целую шестидесятимиллионную нацию, но правда заставляет меня откровенно сказать, что за несколькими исключениями бенгальские бабу не люди, не мужчины, а какие-то сдобные пироги на кокосовом масле. Поднялись дрожжи, пришли во

1 Учёные брамины, знающие *на память* все Шастры, Пураны и Веды.
2 Отсылка к русской пословице: у богатого чёрт детей качает. – Прим. А. Д. Тюрикова.

временное движение, а там упадут и будут себе киснуть ещё целое столетие… Но, Боже мой, куда это я зашла, в какой заблудилась дали! Трудно, описывая прошлое, не остановиться на настоящем, особенно, когда дело идёт о народе, полном превосходных качеств, с сердцем незлобивым, как у ребёнка, и с головой мудреца, но зато сбродливый и столь же испорченной теперь, как тот же ребёнок, не баловством, а жестокими побоями непрошенной и нелюдимой мачехи… Перейду снова к *верованиям* этого странного, совершенно исключительного народа.

Невозможно передать и части рассказов школьного учителя и джата о способности индусских духовных Ego получать и отдавать взаимно визиты и хозяйничать в чужих телах. На это потребовалась бы особенная книга, с приложением избранных рассказов из *Барона Мюнхгаузена*. Впрочем, будучи упитана в продолжение четырёх лет подобными повествованиями, с указанием при каждом на факты, т. е. *чужих людей с живыми в них душами* (*sic*), последнее непочтительное замечание пишу, быть может, совсем не *я*, а только мои европейские *ножны*. Иногда у меня голова идёт кругом, мутится в мозгу, и я перестаю даже сознавать и перепутываю собственную личность. При таких необычайных рассказах я не решалась заявлять о себе мысленно, что я – точно *я сама*, а не (как в одной из историй Марка Туэна) мой собственный брат близнец, утонувший возле меня в ванне…[1] Мы просидели таким образом от восьми часов вечера далеко за полночь на веранде, слушая один рассказ за другим, один другого необычайнее!..

Наконец, наши гости попросили позволения уйти. Мы лишь тогда вспомнили, что сами виноваты в продолжительности их визита: *мы забыли попросить их убраться*! В Индии, если хозяин не позаботится отправить гостей вовремя (Европеец фразой: "надеюсь, что скоро снова зайдёте", а туземец, предложив жвачку бетеля и оросив гостей розовой водой), то посетители из учтивости готовы остаться у вас целую ночь. Это пренеприятная обязанность, и первое время она нас сильно

1 Речь о новелле М. Твена «Разговор с интервьюером». – Прим. ред.

конфузила. Теперь же мы попривыкли и находим этот обычай даже весьма удобным, тем более, что подобная деликатная задача не требует здесь даже и Демьяновой ухи[1]. Напротив, гости сами несут приношение в виде плодов, сладких снадобий и цветов, а от угощения убежали бы без оглядки: строгие законы неумолимой касты не позволяют им дотронуться даже до стакана воды. Когда же подают воду европейцу в доме индуса, стакан, либо другая посуда, как навеки осквернённая, разбивается тут же вдребезги. Учтивый европеец всегда сам разобьёт её.

Гости наши уже собирались уходить, как полковник, упрямый и задорный в спорах, как истый янки, смеясь, снова заметил джату и школьному учителю:

– Благодарю вас за посещение и доставленные сведения. Только извините, а мне что-то всё-таки не верится, чтобы душа живого человека могла завладеть по одному желанию и капризу чужим телом.

– Да мы и не утверждаем, что может сделать *всякая* душа, а только *майяви-рупа* (тело иллюзии, *perisprit*[2]) посвящённого йога.

– В могущество их и тайную силу вполне верю, – перебил он уже серьёзнее. – Верю потому, что лично убедился во всём этом по приезде в Индию. Но чтобы душа, даже самого сильного адепта, и будь у него семь пядей во лбу, могла по усмотрению переселяться в другое тело, – не могу поверить. Ведь этак вы делаете из них чистых оборотней!.. Этак, пожалуй, каждый *йоги* способен оборачиваться, как и в сказках наших краснокожих, в крокодилов, кошек, лягушек... Это чёрт знает что уж такое!..

---

1 Демьянова уха (ирон.) – то, что назойливо предлагается, навязывается кому-либо в большом количестве. Образ из басни И. А. Крылова (1769–1844) «Демьянова уха», в которой Демьян настойчиво угощает ухой своего уже сытого соседа Фоку. – Прим. ред.

2 *Перисприт* (фр.) – эфирный или астральный двойник человека; согласно спиритическому словарю Аллана Кардека: слой абстрактного эфирного материала, который служит связующим звеном между духом и физическим телом. – Прим. ред.

– Не спорьте, полковник, – заметил доселе молчавший Нараян. – Не спорьте; вы не можете знать, до чего может доходить… *их* могущество и до…

– Да ведь на всё есть границы! – перебил наш президент с ноткой досады в голосе. – Ну вот, наш такур, например… Я верю в его науку, глубокие познания и психическую силу, как верю в собственное существование… Неужели же мне поэтому верить и в то, что, воспользовавшись телом дохлой крысы, он способен перелезть и в неё?.. Тьфу, какая гадость!

И он даже плюнул, причём я вспомнила почему-то У*** и его спор с такуром на берегу озера.

– Оборачиваются в крыс и тигров одни *джаду*, колдуны, да тибетские *дугпы* и шамары, – почти гневно воскликнул, сверкая глазами, Нараян. – Великий сааб никогда не снизойдёт до этого!.. Но если бы он и захотел так сделать, то… конечно…

Тяжёлый шум могучих крыльев в двух шагах от нас внезапно прервал Нараяна на полуслове. Он весь задрожал и устремил пристальный взгляд в угол веранды. Великолепный павлин, разбуженный, вероятно, громкими голосами спорщиков, слетел с крыши и, тяжело опустившись на землю, стоял перед Нараяном, чванливо распустив пышный веер хвоста…

Полковник расхохотался во всё горло…

– Уж не думаете ли вы, мой бедный Нараянджи, что в этом павлине сидит наш такур?.. Пожалуй, вы готовы уверить себя и нас, что Гулаб Синг нарочно оборотился в павлина, чтобы остановить ваши нескромные раскрытия его могущества!.. Ха, ха, ха…

Наш президент катался со смеху, но Нараян и не улыбнулся. Мы заметили, что даже бабу оставался серьёзным. Прочие видимо напускали на себя вид равнодушия и развязности, которой не чувствовали. Один толстый учитель сопел, осклабляясь и стараясь уже несколько минут ввернуть словцо. Наконец ему удалось воспользоваться минутным затишьем, и он многозначительно откашлялся.

– Вот полковник сааб не верит нашим рассказам о переселении душ из одного живого тела в другое… А ведь перед

ним находится, если верить всей Индии, живой, так сказать, пример, – громко заговорил он. – Спросите кого хотите, и всякий вам скажет, что в *молодом* такуре Гулаб-Лалл-Синге сидит душа старого владетельного такура, деда его, и что он…

Полковник и я навострили уши и слушали, стараясь не проронить ни слова.

– Доканчивайте же!.. – нетерпеливо воскликнул наш президент внезапно смолкнувшему и как бы что-то соображавшему учителю.

– Что такур… ещё при жизни…

Но нам не суждено было услышать конец этого интересного сведения. На крыше, над нашими головами внезапно раздались резкие звуки пав и что-то свалилось к ногам снова было присевшего учителя, шлёпнувшись с глухим стуком о каменный помост. В полутемноте, и прежде нежели мы могли разглядеть образ этого нового явления, тучный педагог, подскочил с упругостью резинового мячика на стуле и тут же развалил его в куски, чуть не развалясь сам вместе с ним. Удержавшись как-то на ногах, он отскочил в сторону и заорал высокой, испуганной фистулой:

– Кобра, кобра!.. берегитесь… кобра!..

Наш маленький бабу, веривший столь же мало в законы Ману, запрещающие убиение какого бы то ни было живого существа, от тигра до клопа включительно, как и в оборотней, бросился тут же с быстротой обезьяны на помощь своему соотечественнику. Вырвав у него из рук тонкую бамбуковую трость, он схватил змею, вероятно более нас испуганную, одной рукой за хвост, а другою, вооружённою гибкою тростью, разом перебил ей спинной хребет, затем наступил ей толстым башмаком на голову и доканал хлыстом. Во рту у неприятной гадины мы нашли павлинье яйцо, которое и объяснило нам как визит павлина-оборотня, так и появление кобры. Забив рот яйцом, которого кобра не могла сразу проглотить и, вероятно, почувствовав себя бессильной пред атаковавшими павлинами, она со страху свалилась с крыши.

Мы посмеялись над суеверием Нараяна и Мульджи и, простясь с гостями, вошли в нашу столовую. Воспользовавшись

нашим отсутствием, *придворная челядь*, пожелавшая, вероятно, заслужить на другое утро ожидаемый здесь даже царскими слугами *бакшиш*, постаралась привести в порядок комнаты. Главная уборка их состояла в том, что бильярд закрыли старым ситцевым и дырявым одеялом, а картины Дельи порасставили по столам и окнам. Особенно бросалась в глаза одна из них, приставленная к висящему против входных дверей зеркалу на стоящем под ним столе. Наш почтенный президент машинально подошёл к ней и, приподняв очки на лоб, стал рассматривать многочисленные фигуры изображённого дурбара при свете стоявшей на столе большой лампы. В ожидании, пока он окончит обозрение, я села у окна, сильно усталая и позевывая.

Всё было тихо кругом. Бёртпур спал, наши товарищи ушли, спали и павлины на крышах, успокоясь после произведённой тревоги. Не спали одни мы, да Нараян, всё ещё сидевший понуря голову на ступеньках веранды. Он никогда не ложился ранее нас и был готов к нашим услугам во всякое время дня и ночи. Поступал ли он так вследствие желания такура или по своей доброй воле, нам не удалось узнать. Но с самого дня нашего выезда из Бомбея, как только в комнате или палатке раздавалось могучее храпение нашего добродушного начальника, Нараян ложился поперёк дороги, ведущей в двери моей временной опочивальни, и не трогался оттуда до утра. Счастливый народ в этом отношении индусы! Они находят себе комфорт повсюду, от вершин Гималайских до раскалённой почвы Индустана. Самый богатый раджа ни за что не согласится спать на кровати. Кусок ковра, и постель готова. И климат кажется им нипочём. Кисейная *дотти*[1] да рубашка, голые от колен ноги, босиком и такой же полуголый бюст, вот костюм их во все сезоны и во всех климатах. Приехавшие со мною в Дарджелинг индусы-бенгальцы и мадрасцы – в октябре месяце прошлого года, как одевались на палящих берегах Хугли в Калькутте, так и остались, не прибавив и лоскутка к костюму в Сиккиме, где я коченела от холода и сырости, дрожа под

1 *Дотти* – кусок кисеи, в 8 или 10 аршин [5,69 – 7,11 м], служит мужчинам, вместо шаровар, а женщинам – вместо юбки.

шубами и одеялами. Для них 8000 футов [2 438,4 м] над уровнем моря или 3 вершка [13,34 см] над его уровнем[1] не составляют никакой разницы, и они купались по два раза в день в полузамёрзших ледяных струях горных потоков с таким же наслаждением, как и в нагретой воде своих священных *танков* на равнинах Бенгалии. И никогда ни один из них не заболел даже насморком. На мой вопрос и просьбу разъяснить эту тайну неуязвимости, они смеялись, уверяя, что это очень просто: "Вы, белые саабы, моетесь мылом и натираете тело разными ядовитыми эссенциями; а нас с первого дня рождения наши матери натирают после мытья кокосовым маслом, и мы продолжаем эту операцию каждое утро в продолжение целой нашей жизни. Все поры нашего тела пропитаны и наполнены веществом, которое не допускает ни сырости, ни холода внутрь организма…" Предоставляю физиологам и аллопатам судить о правильности или неправильности этого воззрения. Последние нам, вероятно, ответят, что это вредный обычай, что масло не пропускает естественных испарений и т. д. Быть может; но наши деликатные *grandes dames*[2] могли бы позавидовать коже (если не цвету) последнего кули или простой мужички Индии. Эта кожа мягче и нежнее всякого атласа и бархата, а вместе с тем, как видно, и не подвержена, подобно нашей, простудам.

Вдруг загорланили где-то несколько петухов.

– Идите спать, Нараян, – обратилась я к сидевшему на ступенях махрату. – Слышите, джатские петухи уже запели. Полковник, отправляйтесь и вы!.. Вы мешаете Нараяну ложиться, – добавила я, вставая. – Покойной ночи, саабы…

На моё учтивое прощание не последовало никакого ответа, и я с удивлением обернулась к полковнику. Он стоял на том же месте с картиной в руках, полуобернувшись ко мне спиной, и был до такой степени углублён в созерцание дурбара, что, наклоняясь низко над лампой, не замечал даже, как одна лысина спасала его волосы от неминуемого сожжения.

---

1 Самая высокая местность Калькутты – улица Клайв, во время мелководья всего 27 футов [8,23 м] над морским уровнем.

2 Знатные дамы (фр.). – Прим. ред.

– Что с вами, полковник?.. – снова спросила я. – Заснули вы, что ли, над лампой?.. Господи! да что же вы не отвечаете?.. Что с вами такое?..

И я бросилась к нему с непритворным испугом. В голове моей промелькнула мысль о "ножнах", "оборотнях" и разных других чудесах Индии.

Взглянув ему в лицо, я ещё более испугалась. Красный, как варёный рак, с белыми пятнами по лицу, с которого катились крупные капли пота, он стоял похожий на статую ужаса. В его широко раскрытых глазах ясно читался страх, изумление и какая-то беспомощная растерянность… Я заметила, что он держит картину рисунком вниз и что его полный ужаса взгляд устремлён на оборотную сторону.

– Да что же вы видите, наконец, такого ужасного на обороте этого пергамента?.. – продолжала я, потрясая его изо всей силы за руку. – Да скажите хоть слово!..

Мой почтенный президент испустил нечто вроде слабого мычания и пальцем левой руки ткнул в написанную золотом на языке Урду надпись; незнакомая с закорючками этого диалекта, я ровно ничего не поняла.

– Что же тут написано?.. Скажите.

Вместо прямого ответа он прошептал слабым голосом:

– Нараян!.. Нараян!.. идите сюда!..

В одну секунду наш верный спутник стоял возле нас и смотрел на него с таким же удивлением, как и я сама.

– Я не очень хорошо знаю эти буквы… Я, быть может, ошибаюсь… Прочтите, Нараян, мой сын, прочтите, – тихо шептал он слабым голосом.

– "Дурбар шах-Алума. Передача его величеством падишахом Бенгальского Деваuни Ост-Индской компании, а также провинции Бехара и Бриссы… Встреча раджпутских послов… примирение… по воле благословенного пророка Магомета… после горького поражения при Патне в 1173 году. Писал Ахмед-Дин 1177 года".

– Что ж в этом такого страшного?.. И нам-то что до их несчастия? – спрашиваю я.

– Нам-то что? – почти закричал полковник. – Нам?.. нам?.. А вот сейчас увидите что!!. По геджре это ведь 1177 г., – не так ли?

– Кажется, что так, – отвечал, глядя на него с изумлением, Нараян.

– Ну, а 1177 год геджры каким будет годом по нашему европейскому летосчислению?

Нараян, подумав с минуту, отвечал:

– 1765 год, кажется; т. е. около 114 лет назад…

– 1765 год! Сто четыр-над-цать лет! – прокричал, сильно напирая на каждый слог, побагровевший полковник. – Да? Ну так смотрите же оба, узнавайте… называйте!.. а затем мне остаётся одно: приказать посадить себя в сумасшедший дом!..

Быстро выхватив картину их рук Нараяна, он перевернул её рисунком вверх и, указывая на стоящую возле падишаха фигуру, прошептал хриплым голосом:

– Смотрите… вот, вот *он*… несомненно, *он*… Да и разве есть по всем мире другой такой? *Он*!.. – повторял он, указывая пальцем.

Мы взглянули, и признаюсь, от такой неожиданности у меня захватило дух и кровь похолодела… Картина сильно заколыхалась в руках Нараяна.

Перед нашими глазами между 70 или 80 фигурами придворных мусульман и браминов, у трона падишаха стоял, несомненно, образ такура Гулаб Синга!.. Действительно, по выражению полковника, разве есть во всём мире другой, похожий на него – *он*! То был портрет его двойника, если не его самого. Не говоря уже о том, что громадный рост фигуры возвышал её на целую голову над остальными фигурами, то было единственное в картине изображение, совершенно свободное от раболепной позы всех прочих придворных. Офицер англичанин еле выдвигался из-под локтей великолепных усатых сердарей, и ненависть живописца оттеснила его совсем на задний план. Одна фигура того, в ком мы все разом признали Гулаб Синга, возвышаясь высоко над толпой, бросалась в глаза своей горделивой осанкой. Даже поза была его, ему одному свойственная поза: он стоял, сложив на груди руки и спокойно глядя чрез голову придворных в

пространство. Лишь костюм был иной. Раджпутский тюрбан с султанчиком из перьев, стальные до локтей перчатки, род панциря, несколько кинжалов у пояса, да щит из прозрачной носороговой кожи у ног… Длинные, волнистые волосы, борода, лицо не оставляли никакого сомнения, что то был он, наш таинственный и неразъяснимый покровитель…

– Да ведь это же невозможно, это непостижимо!.. – прервал наконец молчание всё ещё сильно смущённый полковник: – Ну как тут что-нибудь понять?.. Человеку на вид нет и сорока лет, а портрет его является на картине, написанной за сто лет тому назад!..

– Вероятно это… портрет деда его!.. – пробормотал, будто извиняясь за такура, Нараян.

– Деда? – презрительно передразнил наш президент, – а почему же не вашего или не моего деда?.. Разве бывает такое, даже фамильное, сходство!.. Нет, нет… Не деда и не прадеда, а его самого… Я начинаю однако бредить, – спохватился полковник: – Действительно, если картина не подлог, то ведь это… *невозможно*!.. Скажите, – вдруг обратился он ко мне комически умоляющим голосом, – скажите мне… ведь это невозможно… нет?

– Не знаю, полковник… Вот уже несколько дней, как я начинаю терять способность даже и думать. Кажется, что… Но не спрашивайте меня, спросите лучше его самого… если осмелитесь, – добавила я мысленно и сама не зная почему рассердясь на бедного полковника.

– Нет, нет… Это невозможно, – продолжал он рассуждать как бы про себя: – Невозможно!.. Поэтому прекратим этот разговор.

– А быть может, и действительно это портрет его деда, – заметила я. – Вспомните, что нам начал было рассказывать про него инспектор школ. Только ведь он говорил…

Меня просто покоробило от взгляда, брошенного на меня Нараяном. При первых же словах он взглянул на меня с таким жгучим и вместе страдальческим укором, что я почувствовала, как у меня остановились слова в горле. Но и простой намёк уже оказал своё действие.

– Праведное небо, а я было забыл!.. – воскликнул, хлопнув себя по лбу, полковник: – Да только ведь этак задача делается ещё труднее… Подумайте только, – продолжал он как бы про себя и соображая, – если такур и его дед…

– Довольно! – объявила я решительно. – Если вы действительно уважаете его, не забывайте, что он нам многократно советовал: не слушать разных про него толков и не стараться узнавать что бы то ни было про него. Я по крайней мере настолько чувствую к нему уважение, чтобы нейти против его желания. До завтра, господа!

Я вошла в свою комнату и опустила парду (портьеру). Чрез несколько минут всё умолкло в соседней комнате, а чрез четверть часа уже стало раздаваться знакомое всхрапыванье с присвистом.

. . . . . .

Чтó это, виденье, действительность или просто фантазия, сон?.. Духота страшная, и я не могу уснуть. Огромная *панка*[1], колыхаемая двумя кули на веранде, вместо прохлады навевает лишь нестерпимую жару. Словно пышет в лицо горячий воздух из духовой печки!.. Я не сплю, это верно. Вон моя *айя* (горничная), свернувшись клубочком, как чёрная кошка, спит на циновке у подножия кровати… Вот моё солнечное *топи*, свалившись на пол, раскатывается взад и вперёд колыханием панки… Нет, я не сплю… Так что же это, почему мне кажется, будто я начинаю видеть сквозь толстую циновку двери и различать в темноте; все предметы, мебель, спящего или по крайней мере лежащего поперёк дверей Нараяна и даже оставленную полковником на столе дурбарную картину?.. В соседней столовой делается всё светлее, словно её освещала, выплывавшая из-за чёрных туч, полная луна. Кто это?.. Неужели такур?.. Но ведь он в Диге! Вот он тихо и неслышно подходит к спящему Нараяну и дотрагивается до его плеча. Нараян вскакивает, и я вижу, как он простирается пред *маха-*

1 В каждой спальне в Индии над кроватью и чрез всю комнату протянута доска с широкою, густою оборкой, а напротив кровати отверстие в стене, чрез которое протянуты приводящие панку в движение верёвки. Кули колышут её целую ночь. Иначе каждый европеец должен задохнуться.

саибом, прикасаясь сложенными ладонями к его ногам… Такур простирает руку к картине, и, вся зардевшись миллионами словно электрических искр, она мгновенно исчезает из моих глаз… Всё начинает путаться, стушёвываться, и я открываю глаза только утром, на зов моей *айи*, которая тихо и с бесконечными *саламами* будит меня, говоря, что карета готова и *корнель-сааб* (*colonel-sahib*) [полковник-сахиб] ожидает только меня.

Какое странное, но удивительно ясное сновидение!.. – думается мне, пока я сажусь в золочёную, присланную нам деваном карету.

Радда-Бай

Письмо XXXI[1]

Из Бёртпура в Диг дорога, гладкая и ровная, пролегает пыльной лентой среди бесконечных степей и луж. Наша золочёная карета, времён царя Гороха, за которой следовала длинная вереница *джаток*, увлекаемых рысистыми бычками-карликами, летела вперёд с гиком и криком кучеров и скороходов. Эта процессия очень напоминала путешествие "Кота в сапогах" по владениям маркиза Карабаса. Как в сказке Перро, завидя издали наш торжественный поезд, окружённый почётною стражей (читай, полдюжиной разбойникообразных джатов на клячах с пиками, значками и щитами), мирные, встречавшиеся на пути, поселяне простирались пред нами во прах, пугливо сторонились и оказывали всевозможные почести. Так ехали мы часа два по пустыням без малейшего признака растительности, окружённые со всех сторон болотами, канавами да солеными озерками. Наконец, мы подъехали к гигантским воротам Дига, справедливо прозванного "Бёртпурским оазисом".

Внезапная перемена декораций. Как бы по мановению волшебного жезла возник пред нами, среди выжженных полей, да покрытых вековой тиной болот, заколдованный замок-

1 Русский Вестник, ноябрь 1885, том 180, с. 304-323

крепость с башнями, теремами и висячими садами Семирамиды.

Мы въехали в полуразрушенный городок, если можно так назвать дюжины две каменных башенок, и стали подыматься к крепости. Городок приютился под сенью величественного памятника глубочайшей древности, столь глубокой, что ум современных летописцев, теряясь во мраке недосягаемого доисторического прошлого, отказывается определить его начало.

Древние названия Дига: "Дираг" и "Диргпура" упоминаются часто в *Сканде-Пуране* и в IV главе *Багват Махатмы*. Диг, то есть старый, доисторический Диг, лежащий прахом под нынешним, древнее Лакна у 1 , бывшей "Лакшанавати" седой старины, столицы царя Лакшмана, брата Рамы, построенной *шестьдесят веков* назад, объяснил нам Нараян, наша ходячая энциклопедия.

Современный Диг "основан джатами, пришлецами *скифами* из далёкого севера", говорят англо-индийские историки. Диг, по народному поверью, выстроен пришедшими вместе с джатами колдунами, которые и соорудили бывшее мощное укрепление с его волшебным замком и прелестными садами – *в одну ночь*. Как все, выстроенное на такую скорую руку, Диг, невзирая на его непроходимые, наполненные водой рвы и недоступность его в продолжение девяти месяцев в году своим, как и чужим, впрочем оказался *майей*, иллюзией, пред рыжеволосыми завоевателями. Во время разлива рек и сотен озерков Бёртпурских степей целый океан образуется вокруг городка, и в такое время он действительно недоступен неприятелю. Но англичане хотя и посидели у моря, а всё же не дождались погоды: в декабре 1804 года генерал Фрезер осадил и взял Диг штурмом, затем, разорив укрепления дотла, великодушно возвратил "оазис" Джатскому радже. Теперь от крепостных стен не осталось и камня на камне. В одном углу к юго-востоку торчит *Шах-Бурдж* новейшего Дирага. Это огромная скала, пространная площадь коей окружена теперь вместо укреплений зелёною изгородью, но всё ещё сохранила по одному бастиону в каждом из своих четырёх углов. Впрочем,

внутри высоко воздымающегося воздушного сквера остались от укреплений три стены в 21 фут [640,08 м] толщиной, говорящие и поныне о своём славном прошлом. В западном углу "крепости" дворец раджи с его роскошным садом, священными павлинами и фонтанами. Этот дворец с садом и составляют главную приманку для туристов.

Современные путешественники решили в один голос, что за исключением Тадж-Махала, в Агре, Дигский дворец великолепнейшее здание в Индии: те же мраморные громадные залы со стенами, выложенными мозаикой из дорогих камней; тот же стиль архитектуры в башнях; та же изумительная тонкость работы в кружевной резьбе белых мраморных балюстрад, террас и перил лестниц.

Удивительный субъект англичанин как у себя дома, так и в своих "колониях"! При всей своей высокомерной чванливости и требованиях, чтобы, мол, считали его, Джон-Буля, наипервейшим представителем человеческой семьи, он даже ещё не дошёл до полного сознания всей верности аксиомы, заключающейся в его же народной пословице: "глупа должна быть птица, марающая своё гнездо". Гордятся Индией, что весьма справедливо, зовут её "драгоценнейшим перлом в короне Великобритании", дрожат над нею, как скряга над сокровищем, а законных детей её почвы, индусов, ненавидят, презирая и вместе страшась их хуже лютой мачехи! Бедные, злополучные брамины, горемычные шудры и вы, считаемые ниже всякой земной гадины, парии и прочие безкастники, – кто от души не пожалеет о вас? Ехидная злоба индо-британцев распространилась не только на настоящие поколения индусов всех каст и племён, но как бы в своём ненасытимом презрении к порабощённым потомкам изливает это низкое, мелочное чувство, величаемое ими будто бы в законное его оправдание "чувством расы" (*race feeling*), даже на их далёких праотцов.

Смешно и гадко становится, читая в *якобы учёных* сочинениях разных чиновников об Индии их замечания и выводы по части археологии. Авторы точно ищут унизить туземцев даже периода *Махабхараты*, указывая на них, как на расу, совершенно неспособную к изящным искусствам. Нет де

между нестоящими (забитыми и голодными) браминами такой творческой силы, стало быть не могло её быть и прежде, гласит логика этих "сочинителей", забывающая так кстати, что мы видим то же самое и в современных греках и даже в выродившихся римлянах. Вследствие этого, между сотнями грандиозных храмов, находимых ещё ежегодно и доселе в непроходимых джунглях центральной Индии, нет ни одной исторической руины, на которую англо-индийцы взирали бы как на произведение *чисто туземного* искусства. Там, где строил, очевидно, *не* могул (как, например, храмы, рассеянные по Раджпутане и Мевару), тотчас же отыскивается ловкая, хотя и ни на чём не основанная гипотеза о греках да итальянцах. В *Пуранах* упоминается о пленных "явани", которые употреблялись на работы победителями. "Они-то и есть создатели этих храмов". При этом забывается, что название "явани" давалось браминами не только грекам, ионийцам, но и другим иностранцам, между прочим скифам. Всё это не беда: то грек, видите ли, застрявший в Индии со времён македонян, который де всенепременно строил храм Карли и даже древнейшие *вихары* Элефанты и Эллора. Нет для такого заключения ни малейших данных; ему противоречат *Пураны*, как и прочие летописи и все традиции Индии, *даже самые законы Ману*. Непреложные и непреступаемые, они запрещают руке *млетча* (нечистого иностранца, *не*-брамина), точно так же как и руке поганого пария, прикасаться к малейшему камню из заготовленных для священной постройки. Иначе, "в случае такого осквернения", – читаем в Ману, – "храм, хотя бы и почти оконченный, следует разрушить в той части, где к нему коснулась такая рука; материал предать очищению, а затем только продолжать постройку" (*Манава Дхарма* и *Васту-Шастра*).

Но все эти доводы ровно ничего не значат пред лицеприятием и упрямством индофобов. *Пураны* все-де врут; законы Ману написаны и подверглись *подделкам* браминов уже по завоевании Индии могулами и т. д. Словом, индусы, "ни древние, ни современные, никогда не могли создать ничего подобного этим чудесам архитектуры". Им ли, этим ленивым

тунеядцам, возводить эти прозрачные, воздушные, как призрак, и крепкие, как скала, стены! Им ли когда было придумать планы этих теремов и дворцов, эти сквозные балюстрады, выглядывающие на синем небе Индостана, словно венецианское стекло на голубом атласе платья красавицы?.. И подлинно, где же им?.. Допустим, пожалуй, что не только "восьмое чудо света", *Тадж-Махал*, но что и все дворцы, памятники и пагоды, как и мечети Лакнау, Дельи и северо-восточных провинций, – всё это строили могулы да беглые греки; что до этих единственных в мире по своему стилю и красоте зданий, подобных которым не найти ни в Греции, ни в развалинах древнего Рима, не прикасалась рука брамина. Но кто же строил, чья же рука резала на гранитных стенах храмов Эллоры и Джасельмера, пагоды джаинов *Урайдин Ка-джаира*[1] и других менее замечательных – эти каменные изваяния, совершенство рисунка которых и отделки приводят самих же англичан (тех, конечно, которые знают в них толк) в неописанный восторг и удивление? Такую работу мы видим только в произведениях Бенвенуто Челлини на серебре и золоте; но даже в Италии не найдётся чего-либо подобного на граните или мраморе. Чьи же руки трудились над этими сверху донизу украшенными ваянием гранитными глыбами? Если не индусы, то "чародеи-йоги", должно полагать. При такой слепой ненависти англичане, припёртые в угол фактами, скорее поверят, чего доброго, сказкам о "чародеях", нежели решатся отдать должную справедливость браминам.

Пусть вышесказанное относится только к тем памятникам, в украшения коих входят все боги и богини пантеона Индии, – сюжеты столь противные мусульманам, считающим наравне с иудеями изображение какой-либо человеческой фигуры за величайшую "мерзость" и грех. Но ведь англичане[2] найдут не

1 "Приют двух с половиной дней" – название, данное храму вследствие предания, что его строители йоги-магики, выстроив его в 60 часов, прожили в нём только два с половиной дня и затем скрылись.

2 Как, например, архитектор-археолог Фергёссон и его почитатель Симпсон, художник и ныне корреспондент *Illustrated News* в Средней Азии.

менее затруднительным отрицать участие индусов в сооружении храмов и памятников даже и в "сарацинском" вкусе. Рабочие руки, трудившиеся над ними, принадлежали *туземным* артистам[1], а не пришельцам могулам; а если греки что-либо строили в Индии, то всё же они строили по планам индусов, а не могулов, и вот именно почему:

Могулы, как всем известно, всегда были (в Индии, по крайней мере) великими артистами в делах разрушения и кровопролития; а изящными искусствами, хотя некоторые из калифов и покровительствовали им и знали в них толк, они не занимались. Испанские мавры да сарацины, построившие Альгамбру, им не пример, хотя бы уж потому, что могулы, завладевшие Индией, вовсе не мавры или сарацины вроде просвещённого рыцаря Саладина, и даже в громадной пропорции вовсе и не арабы, а просто праотцы по большей части нынешних героев-разбойников Кабулистана и Хиндукуша, то есть варварские, только что к тому времени обращённые в ислам племена Средней Азии, да афганы и древние туркмены. В могулах Индии преобладает до сего дня чисто туранский и монгольский тип и, чтоб убедиться в этом, приглашаем наших противников взглянуть на мусульманское население от Бомбея до северных провинций. Их мелкобородые (если не совсем безбородые) лица с выдающимися, как у калмыков, скулами указывают на полное в них отсутствие семитического элемента[2].

От Магомет-бин-Кассима, покорившего для калифа Омара II в 718 году по Р. Х. (в 99 году геджры[3]) Синд, до конца

1 Скульпторам, резчикам по камню и т. п. Раньше слово «артист» в русском языке (как и до сих пор в английском) относилось ко всем профессиям связанным с созданием зрительного образа любыми средствами и из любого материала, а также просто мастера своего дела. – Прим. ред.

2 В продолжение пяти лет мы постоянно расспрашивали знакомых магометан об их происхождении. Где бы ни встречался арийский или бледнолицый тип с правильными чертами, мы открывали в их праотцах, *насильно обращённых могулами в ислам, индусов*.

3 Хи́джра (араб.) – переселение мусульманской общины под руководством пророка Мухаммада из Мекки в Медину, произошедшее в 622 году. Год хиджры стал первым годом исламского лунного календа-

царствования Аль-Мансура (775 год), то есть в течение более полустолетия, мусульман в Индии не было: они завоевали Синд и ушли. А последующие калифы были слишком заняты с западными христианами и каспийскими гуннами, чтобы думать об Индии. В те дни настоящие сарацины дрались и побеждали Родерика, последнего гота Андалузии; дрались и были побеждаемы Карлом Мартелом в Туре во Франции; но в Индию в те времена они ещё и носа не показывали. Как сказано выше, то были афганцы[1], вообще народы Средней Азии (потомки коих разбойничают и поныне там), из коих составлялись армии калифов и которые затем и завладели Индией. А завладели они ею *окончательно* только в 975 году по Р. Х., то есть более 150 лет после того, как Гарун-аль-Рашид, современник Карла Великого, подарил второму своему сыну, Аль-Мамуну, Хорасан, Синд и Индостан. Тогда последний населился действительно *мусульманами*, только отнюдь не просвещёнными сарацинами. Кроме царей, прямых потомков Магомета чрез багдадских калифов, всё остальное могульское население, народ и армия, было отребьем ислама из Средней Азии.

Так неужели же, зная всё это, мы должны верить ориенталистам, которые стараются убедить нас, будто не индусы, а могулы, да беглые греки трудились над этими чудесами искусства, что не потомки славных ришей и целых

ря. – Прим. ред.

1 Если верить историку Феришта, то, пожалуй, афганцы и окажутся, если не древними аравитянами, то нынешними "арабами" Египта, то есть *коптами*. Он говорит, что, когда афганцы попались впервые мусульманам, они жили вокруг Кох-и-Солимана. То было в 62 году геджры. Феришта пишет: "Афганцы были копты под властью фараонов и многие из них приняли закон Моисеев; из них бóльшая часть раскаялись и, вернувшись к богам, ушли из Египта и странствовали, пока не заехали в Индостан (?), поселясь окончательно на окраинах Кох-и-Солимана. Кассим (Магомет-бин-Кассим, главнокомандующий Омара, покоритель Синда) посетил их и обратил в правоверных. В 143 году геджры афганцы уже завладели провинциями Кермана, Пешавера и многими другими соседними странами". Не вследствие ли этого обращения в закон Моисеев подозревают в афганцах одно из десяти потерянных колен Израиля? Но об афганцах мы скажем кое-что далее.

поколений математиков, геометров и поэтов строили эти ни с чем несравнимые по оригинальности здания, а разбойничье племя Средней Азии, не имеющее и до сей поры ни малейшего понятия об искусствах? Там, где установился веками и преобладает чисто арабский элемент, ведь не строят же себе, как никогда и не строили, мусульмане таких гробниц, дворцов и мавзолеев, какие мы теперь находим в одной Индии? Нет ничего подходящего к Тадж-Махалу, гробницам Акбара, калифа Хайнумана, мечетям и дворцам Дельи, Лакнау и Дига ни в Персии, ни в современном Египте, ни в Сирии или Багдаде, ни даже в полуобъевропеившейся Турции. Пусть же теперь кто-нибудь взглянет на памятники и дворцы южной Индии; на резьбу и скульптурные украшения храмов Мадуры, Срирангама и других в Мадрасском президентстве; на пирамидальную глыбу Танджавурской великой пагоды, древнейшей в стране. Покрытая на 200 футов [60,96 м] в вышину статуями, в двойной рост человека, богов, богинь и аватаров, с её гигантским быком из чёрного гранита пред фасадом и скульптурными украшениями колонн и потолков, эта пагода считается "одним из лучших произведением искусства Браманской Индии" (епископ Гебер). Не мусульмане ли и её строили? Так пусть отрицатели всякого таланта в индусах проедут, как мы проехали, вдоль и поперёк Раджпутаны, Мейвара, Синда и Мальвы. Пусть взглянут они на это громадное пространство, засеянное, буквально как поле горохом, развалинами индусских храмов, крепостей и дворцов, – а затем решат, кто их строил. Здесь, в Раджпутане и Мейваре, могулы долго не засиживались, по той простой причине, что их здесь жестоко колотили не в пример другим народам Индии. Здесь-то уж они ничего не строили, хотя и многое что поразоряли. А здесь именно турист и найдёт на полуразрушенных стенах храмов такие изваяния и лепную работу, такое разнообразие художественных произведений, пред которыми, пожалуй, побледнеет и Гомеровское описание Ахиллесова щита[1]…

1 Щит Ахилла – щит, выкованный за одну ночь Гефестом для Ахилла, сына Фетиды. Подробное описание щита можно найти в поэме Гомера «Илиада». На щите Гефест изобразил землю, небо, звёзды, а

Кто когда из европейцев слыхал о храме Баролли, возле Читтора, столь знаменитого в летописях Раджистана? Его открыли среди дремучего леса и описали полковник Тод и капитан Вауг. Позволяю себе несколько выдержек из описаний этих офицеров. Они лучше всего покажут разницу между мнениями образованных беспристрастных англичан времён Ост-Индской компании и мнением современных "аршинников"[1] в Индии. Присылаемые из Лондона *разорять* и *усмирять*, они судят о всем туземном лишь по усмотрению собственных мелких, завистливых умишек, причиняя тем ущерб как науке, так и истине.

> "Среди векового леса, – пишет Тод, – мы вдруг увидели храм Баролли. Подходя к священной руине, мы оставили наших лошадей и поднялись по широкой каменной лестнице на паперть храма. Описать изумительную и разнообразную архитектуру этого древнего памятника я положительно отказываюсь: это дело карандаша, работа коим оказалась бы просто бесконечной. Здесь *человеческое искусство, дойдя до своих крайних пределов, как бы истощилось*; и только здесь и впервые *мы получили вполне сознательное понятие о красоте и оригинальности индийского зодчества и скульптуры*. Колонны, стены, потолки, наружные лепные и резные украшения куполов, – где каждый отдельный камень изображает собой миниатюрный храм, словно изваянный под пальцами волшебницы, – всё это громоздится одно над другим, до самой увенчанной урнообразным символом Шивы верхушки главного купола, и производит в зрителе положительно головокружение. Одна только резьба на капители каждой колонны потребовала бы целых страниц описания и объяснений. Всё здание, невзирая на свою глубокую древность, находится ещё в изумительном состоянии целости, и мы приписываем это сохранение двум главным причинам: (1) каждый камень этого здания изваян из мелкозернистого кварца, – быть может, самого крепкого, как и самого

также многочисленные эпизоды городской и сельской жизни.

1 *Аршинник* (устар.) – торговец, купец. – Прим. ред.

прочного в мире камня, но зато и самого трудного для долота; и, затем, (2) ввиду известной мусульманской нетерпимости и страсти и к иконоборству, от низу до верху, т. е. от его ступеней до верхушки купола, вся наружная часть храма оставалась в продолжение нескольких веков покрытой тонким мраморным цементом…[1] Скульптурные окраины украшений так же свежи и прекрасны, как бы вчера только вышли из-под резца художника. Одна из половинок полуразрушенной двери – верх совершенства, красоты и вкуса. Главные фигуры на ней – бог Шива и его богиня Парвати со свитою. Он изображён стоя на лотосе, со змеей, обвивающей его гирляндой. Как бог войны и разрушения, он держит в правой руке *дёмру* (барабан), звуками коего воодушевляет своих воинов; в левой – *купру* (чашу) из человеческого черепа, из которой он пьёт кровь убитых воинов. "Дочь горы" стоит, налево от супруга, на *курме* (черепахе). Она изображена с длинными, мелкозаплетенными косами, в ушах раковины вместо серёг. Каждая часть тела в этой грациозной группе дышит той прелестною естественностью, *которая настолько замечательна своим присутствием в древней индийской скульптуре*, насколько она поражает своим отсутствием в нынешней. Мужественная, полная достоинства поза гордой фигуры *Баба Адама* (*отец Адам*), как один раджпут назвал при мне *Махадео*, может сравниться только с нежным женственным обликом и полною грации фигурой богини. Змеи и цвет лотоса переплетаются над их головами. Ниже представлен химерический зверь *Грас*, наподобие рогатого льва, возле – пустынник, играющий на гитаре, и два оленя, благоговейно прислушивающиеся к священной мелодии. Каждая группа отделяется от другой гирляндами цветов и листьев. Капитан Вауг срисовывает одну из этих групп, соглашаясь со мной, что пред нами открылись *бесподобные, ни с чем не сравнимые образчики высшего искусства*. Между ними находятся такие части – особенно головы некоторых фигур, – которым позавидовал бы сам Канова. Группы сделаны *горельефом*, почти отделяются от плиты…

1 Этот цемент был снят после того, как Сиваджи Махратский положил конец династии и дому Тимура, два века назад.

> В алтаре *Тримурти*... одно лицо "Разрушителя" осталось целым.[1] *Тиара*, венчающая трёхликую главу – образчик превосходной работы. Гений ваятеля *не может идти далее*... фигуры колоссальные, семи футов [2,13 м] каждая"... "Описывать купол над *мундуфом* (притвор, древний *пронаос*[2]) почти невозможно: тому, кто желает получить о нём верное понятие и разглядеть мельчайшие подробности это волшебное произведение резца, *следует рассматривать эту работу в микроскоп*. Мы нашли в этой массе украшений гармонию в целом, не найденную нами нигде ещё в других зданиях подобного рода. Даже миниатюрные слоники изваяны анатомически верно и превосходно закончены в деталях"...

Следует за этим двенадцать страниц описания *dii minorum gentium*[3] и других чудес Баролли. "Потребовалось бы дюжина художников и шесть месяцев непрестанной работы для самого поверхностного описания всех диковин этого чудного храма", заключает Тод.[4]

Не осталось никакого указания потомству, когда и кем был выстроен этот мало кому известный, даже в Индии, храм. Какой-то раджа Хун (Hoon) – легендарный герой этой местности. Но даже Тоду, написавшему два толстые тома в доказательство тому, что раджпуты – скифы, Махадео-Шива – Адам, а Ману – Ной, даже ему не удалось приобщить гуннов к мифологии индусов. Одно только совершил политический агент Компании в Раджпутане: он нашёл в храме Баролли и перевёл надпись на барельефе Махадео, с находящимся в ней числом: 13 *картика* (месяц, посвященный Марсу Индии) эры Сёливана 981 год или 925 год от Р. Х. В этой надписи упоминается о приношении Махадео (патрону йогов) "его рабом" (имя стёрто рукой времени) необходимой суммы для починки *его древнего храма*.

---

1 *Тримурти* изображается с тремя лицами (*мурти* – лицо), но всегда на одной голове.

2 *Пронаос* (греч.) – преддверие храма. – Прим. ред.

3 Боги младших родов (лат.). – Прим. ред.

4 *Personal narrative* (Rajisthan), vol. II, стр. 645-654. Тод жил в Раджпутане 22 года безвыездно политическим агентом.

Если в 925 году, почти за тысячу лет назад и за полстолетия до вторжения мусульман в Индии, храм Баролли уже считался "древним", то очевидно, что его строили не могулы, а тем менее греки. Во всей громадной массе его не найдётся ни архитектуры, ни в его изваяниях какой-либо черты, напоминающей об эллинах. Нет и намёка на дорический, ещё менее на ионический стиль. Всё в нём своеобразно, всё в чисто индусском вкусе.

Извиняясь за долгое отступление и не обещая не впадать снова в обычную мне ошибку, я желаю объяснить причину онаго. Во-первых, так как я сама посетила этот храм позднее, мне всё равно пришлось бы описывать его, и мой рассказ, после стольких описаний мною других храмов, мог бы, пожалуй, показаться монотонным; а во-вторых, я хотела в этом случае опереться на свидетельство – в том, что я не пристрастна к Индии, а только отдаю ей справедливость, – всем известного за аккуратного писателя, англо-индийского археолога и сановника. Тод прожил целые годы в Индии, а восторг, пробивающийся в каждой строчке его описания чудес искусства древней Индии, гораздо значительнее моего.

Затем самый вопрос, "кто строил всё это в Индии, могулы или индусы", послужил в первые часы нашего приезда в Диг поводом к весьма неприятному знакомству, которое и окончилось столь же неприятной ссорой.

Едва мы поднялись на террасу и вошли в залу, как нашли там, к великому неудовольствию всей нашей компании, двух незнакомых англичан. Проездом из Джайпура куда-то, они остановились позавтракать в Диге на счёт махараджи и угоститься даровыми ликёрами и шампанским. С последним они, видно, уже познакомились, так как оно вывело их из обычной сынам Альбиона высокомерной сдержанности. Забыв "этикет", они поклонились нам при нашем появлении и даже заговорили первые с О***, косясь всё время, впрочем, на наших туземных товарищей и подмигивая полковнику. Быть может то было просто добродушной с их стороны шуткой, но мне их гримасы показались очень дерзкими и особенно оскорбительными для индусов. Я тотчас же ушла с Нараяном осматривать

"терема", а О*** остался с англичанами в дурбарной зале, где те расположились ранее нас за приготовленным для нас одних столом. Другого стола, ни большего, ни малого, не было во всём дворце, обширные и запылённые залы которого выглядели какой-то мраморной пустыней. Нам пришлось поневоле ждать. Впрочем, англичане уехали часа через два; но и за этот короткий срок они успели оскорбить наших друзей и затеять личную со мной стычку.

Когда, устав ходить по бесчисленным коридорам и лестницам, я вернулась через час, они всё ещё были за столом и спорили с О***, который отстаивал древние искусства Индии и заступался за туземцев вообще. Наши индусы сидели в другой комнате на циновках, мрачно прислушиваясь к разговору. Нараян, замечательно угрюмый и скучный с самого утра, прошёл к товарищам, не заходя в залу, а я села у самого конца стола за кофе, решив не принимать никакого участия в разговоре. Не обладая добродушным хладнокровием нашего почтенного президента, я чувствовала, что вспылю, если бы мне пришлось спорить с ними, и поэтому упорно молчала. Осторожность моя не увенчалась успехом: полковник испортил весь план.

Забыв имя одного известного в древней Индии геометра, он возвысил голос, призывая на помощь Нараяна и бабу, и кончил тем, что вызвал обоих из соседней комнаты. Пока он им объяснял имя, кого он желал вспомнить, один из индо-британцев, бесцеремонно оглядывавший меня, обратился ко мне.

– Ваши *слуги*... конечно? – спросил он, презрительно кивнув на Нараяна и бабу.

Я вспыхнула от негодования и досады при этой очевидной умышленной дерзости.

– Слуги... Вы ошиблись: оба *джентльмена* наши дорогие друзья и братья, – добавила я, сильно напирая на слово "джентльмены".

Наглость и нахальство развиваются в индо-британцах быстро. Мой ответ вызвал у обоих громкий хохот.

– Друзья… это, положим, ещё возможно… так как о вкусах не спорят, – язвительно протянул англичанин, медленно допивая стакан шампанского со льдом. – Но как же… "братья"? Ведь вы, вероятно, уроженка Европы?..

– Полагаю, что так. Но, к счастью моему, я *не англичанка*. Поэтому я и горжусь привилегий называть этих двух туземных джентльменов не только друзьями, но даже и *братьями*, – отвечала я очень сухо и глядя прямо в глаза долговязому грубияну.

В свою очередь, он весь вспыхнул.

Не знаю, что он собирался возразить на мой ответ, но товарищ не дал ему времени собраться с мыслями. Схватив его под руку, он почти насильно увлёк его на другой конец комнаты, где тотчас же начал ему внушать что-то вполголоса. Я догадалась, что он объясняет ему о нашем Обществе и рассказывает, кто я такая. Оно так и вышло.

При первых словах нашего крупного разговора тёмные лица туземцев позеленели, а глаза заискрились недобрым, столь знакомым мне фосфорическим блеском. Они стояли словно две неподвижные статуи… Один полковник засуетился, поспешно вставая из-за стола.

Англичане взялись за шляпы и сумки и, кивнув головой О***, приготовились было уходить. Старший из них видимо желал избегнуть неприятной ссоры, и, пробормотав что-то о том, что с женщинами не спорят, направился к выходу. Но мой противник, разгорячённый как шампанским, так и данным ему мной отпором, не унялся. Остановившись посреди залы и покачиваясь слегка от овладевавшего им опьянения, он сделал в мою сторону полуоборот и, надменно повернув ко мне голову, проговорил сердито через плечо:

– Я только что узнал, что вы *та самая русская леди*, о которой наши газеты, столько говорили, *предостерегая правительство*… Теперь мне становятся понятнее ваши *братские* отношения и чувства к *чёрной сволочи*[1] (*sic*). Но позвольте вас предупредить, что, – невзирая на только что выраженную вами благодарность Провидению за то, что вы

1 *Black rabble.*

родились *не* англичанкой, могу вас уверить, что безопаснее принадлежать к *нашей*, нежели к *вашей* нации, по крайней мере *здесь, в Индии*, – добавил он многозначительно.

– Очень вероятно. Но я всё-таки радуюсь и горжусь, что я *не* англичанка… – сказала я, вставая и сдерживаясь сколько могла.

– Напрасно. *Наше правительство не любит допускать русских, даже дам, слишком брататься с покорёнными нами азиатами*…

– Да что это, шутка или угроза?.. – прервал его полковник, изменяясь в свою очередь в лице.

– Конечно, угроза, – заметила я, смеясь. – Разве вы забыли, что мы уже получили фактическое доказательство и что англо-индийское правительство, не то по глупости, не то из трусости, посылает военных шпионов, офицеров, следить за нами как тень от самого уже Бомбея?..

– Берегитесь… и будьте осторожнее в выборе ваших слов!.. – процедил сквозь зубы ещё надменнее уже совсем взбешённый англичанин. – Не рассчитывайте на долготерпение нашего правительства, действие которого и политику вы себе позволяете порицать… а скорее узнайте, если вы ещё не узнали об этом, что в *наших британских владениях русским не место*… Не забывайте этого.

– Но это *вы* забываетесь, сэр!.. – свирепо воскликнул потерявший всякое терпение полковник. – Вы оскорбляете женщину и грозите ей!.. К тому же она гражданка свободной Америки и *вовсе не русская*… т. е. не *такая* русская, за какую вы её принимаете!.. – поправился он, встретив мой негодующий взгляд.

– Извините меня, полковник, и предоставьте мне самой, прошу вас, право защищать себя… Прежде всего *я русская*; русской родилась и русской умру, я русская в *душе*, если не на паспорте… Стыдитесь! Неужели вы желаете, чтоб эти господа уехали, увозя с собою впечатление, что пред их нелепой выходкой и дерзостями я готова была отречься от родины и даже от своей национальности.

– Оно было бы, пожалуй, и осмотрительнее, – ядовито заметил другой англичанин.

– Осмотрительнее может быть, но никак не честнее. Во всяком случае, – добавила я, обращаясь снова к первому, – весьма сожалею, если ваше замечание о том, что в "британских владениях русским не место" *факт*, а не пустая с вашей стороны дерзость. В *наших*, в русских владениях, как, например, в Грузии и на Кавказе, находится место всякому иностранцу, даже *десяткам нищих англичан*, которые приезжают к нам без сапог, а уезжают с миллионами в карманах…

Должно быть, ссора не отрезвляет, а помогает шампанскому… Мой противник сидел совсем пьяный и за него ответил уже его приятель.

– У всякой страны свои политические воззрения на вещи. Ваше замечание ничего не доказывает против политики англо-индийского правительства…

– Вам, может быть; но зато *нам*, иностранцам, а вместе с тем и вашим туземным подданным, вероятно, оно ясно доказывает одно: что в то время как вы, г-да англичане, трусите русских даже у себя дома в колониях, русские вас ничуть не боятся. Безделица, о которой не стоит и говорить…

И, видя, как при этих словах исказилось лицо у заступника британских привилегий, я позвала индусов и, повернувшись к прочим спиной, ушла в сад. У Нараяна глаза налились кровью, а бабу, у которого с лица пот катил градом от сдержанного бешенства, бросился, как был одетый, под высокобьющий водомёт и стал прыгать, фыркая под водяной пылью, "чтобы хоть немного освежиться и очистить себя от осквернённой *бара-саабами* атмосферы!" – орал он на весь сад.

Мне было невыразимо горько; не за себя, конечно, а за этих ничем неповинных оскорбляемых индусов, осуждённых какою-то фатальной силой на вечное, ничем не заслуженное поругание. Что меня принимали за шпиона, сделалось теперь очевидностью, которая при других обстоятельствах только бы меня смешила. Я и теперь чувствовала одно презрение к "победителю", до того трусливому, что он, очевидно, страшился влияния одинокой женщины на умы миллионов "побеждённых". В другое время оно бы, пожалуй, даже очень польстило моему самолюбию и вообще было бы весьма смешно, "когда бы

не было так грустно", да вместе с тем и опасно. Меня страшило то, что вместо услуг индусам – членам нашего Общества, я могу сделаться, из-за одного того, что я *русская*, предлогом к их преследованию и разным придиркам со стороны их "начальства". Россия и всё русское беспрерывный кошмар Англо-Индии. Чем ближе к Гималаям, тем сильнее русский "домовой" душит по ночам всякого британского чиновника. А у страха, говорят, глаза велики, и он из белого, пожалуй, сделает чёрное…

Ещё при первом появлении нашего Общества в Индии до меня уже стали доходить слухи о неудовольствии разных сановников, у которых в канцеляриях служили многие из бомбейских членов-туземцев Теософического Общества. "Великие мира сего", *бара-саабы*, сухо советовали своим робким подчинённым "не очень-то дружиться с новоприбывшими *авантюристами* из Америки".

Словом, положение было очень неприятное.

Я села на скамью у водомёта, около которого бабу отряхался теперь на солнце, наподобие мокрой собачонки. Нараян молчал, как убитый. Взглянув на него, я вся обомлела: тёмные круги под его огромными глазами потемнели ещё сильнее, зубы оскалились, как у дикого зверя, и он вздрагивал словно в лихорадке…

– Что с вами, Нараян? – испуганно спросила я. С минуту он ничего не отвечал; только белые, крепкие зубы заскрежетали ещё сильнее… Вдруг он присел на песок дорожки и как-то разом повалился лицом в клумбы ярко-алых *арали*, – цветок, посвящённый богине Кали…

Цветок ли, любимый кровожадной богиней мщения, воодушевил нашего кроткого, терпеливого Нараяна, или что другое внушило ему страшную мысль, но он приподнял голову и, вперив в меня налитые кровью глаза, спросил изменившимся голосом:

– Хорошо… хотите, я убью его? – прошипел голос.

Я вскочила словно ужаленная.

– Что вы, опомнитесь! Да разве стоит этот пьяный фанфарон, чтоб из-за его дерзостей честные люди рисковали шеей? Вы шутите или бредите, мой милый!..

– Не он, не он… В его лице я вижу только его ненавистную нам нацию. Убив его, я отомстил бы за годы страдания, унижения… кровных обид… отомстил бы за многих моих друзей, а вместе с тем и за нанесённое *вам* оскорбление!.. – хрипел он с отчаянием.

– Перестаньте! Неужели вы способны думать, что я чувствую себя серьёзно оскорблённою?.. Да я просто смеюсь над его выходкой!..

Но он не слышал меня. Опустив голову на раздавленные растения и словно обращаясь к невидимому собеседнику под землёй, он продолжал говорить тем же хриплым изменившимся голосом. Он словно изливал внезапно прорвавшуюся волну страдания, полную накипевшей в нём за это время бессильной любви в недра матери сырой земли… Я никогда не видала его в таком возбуждённом состоянии. Он казался мне невыразимо жалким, но вместе с этим положительно страшным.

"Что это такое с ним приключилось?" – подумалось мне. – "Неужели всё это из-за этой глупейшей истории?"

– Вас оскорбляют… из-за *нас*… из-за нас одних, – продолжал он полушёпотом. – Да то ли ещё будет!.. вас станут скоро преследовать, гнать… Бросьте нас, отвернитесь… скажите, что вы шутили, смеялись над нами, и вас простят, станут звать к себе, предлагать свою дружбу и общество… Но вы этого не сделаете, иначе *маха-сааб* не относился бы к вам, как он теперь относится… Поэтому много горя ждёт вас в вашем будущем… горя и клеветы. Нет, опасно быть друзьями бедных индусов! Нет счастья для сынов *кали-йюга* ги, и безумец тот, кто подаёт нам руку, потому что рано ли, поздно ли, а всё же горько ему придётся поплатиться за своё преступление!..

С удивлением, почти с ужасом прислушивалась я к этой неожиданной бессвязной речи, но не находила, что ему сказать в утешение и молчала. Невольно я стала искать глазами бабу.

Он лежал на скамейке, шагах в тридцати от нас, и, обсушиваясь на солнце, должно, быть дремал.

– Не сердитесь на меня, *упазика*[1], и простите, что я потревожил вас, – раздался снова голос Нараяна, уже более ровный и спокойный.

– Сердиться на вас, мой бедный Нараян? За что же мне сердиться; ведь вы пошутили? – прервала я его, не зная сама, что сказать.

Он привстал и снова сел на дорожке в обычной ему позе. Обхватив оба колена мощными руками и упёршись в них подбородком, он сидел теперь, покачиваясь взад и вперёд и вперив глаза в погибшие *арали*. Он видимо боролся, чтобы совладать с собой, и наконец преуспел: голос его уже не дрожал и не хрипел; но, когда он снова заговорил, в голосе этом слышалось столько непритворного страдания, что я невольно вздрогнула.

– Нет, я не шутил, – произнёс он медленно и твёрдо. – Одно слово, и я бы убил его… Не всё ли равно? Ведь моя жизнь так или иначе пропала…

– Но почему же? Что такое случилось? Не может быть, чтобы вы так волновались из-за одного этого дурака? Скажите, ведь не из-за него?

– Нет, не из-за него *одного*, – прошептал он чуть слышно, – а всё же мне было бы легче, если б я мог убить пред смертью *хоть одного из этой нестерпимой для нас расы*!!

– Убить… Как вы это легко говорите… Ведь это же ужасное преступление!.. А что сказал бы такур?..

– Ничего не сказал бы. Что ему за дело до меня! – ещё тише произнёс он.

– Но ведь вы… его *челла*?..

Он весь вздрогнул, и его всего перекосило, точно его кто полоснул ножом по сердцу. Он припал ещё ниже к коленям, и вдруг из его груди вырвался такой вопль отчаяния, что я

1 *Упа́зика* – буквально "ученица философии", под руководством *гуру* – "учителя", обыкновенно из монашествующей братии. *Челла* – ученик студент тайных наук и мистик.

совершенно растерялась… Я чувствовала, что бледнею и не в состоянии выносить этой сцены долее.

– Нет, я не *челла* его. Он мне отказал… Он прогоняет меня!.. – зарыдал бедный колосс, словно пятилетнее дитя.

"Вот оно что!" – вдруг догадалась я. – "Это значит, англичанин является здесь только переполнившей чашу каплей!" И вдруг мне вспомнилось видение… сон… то, что я видела или что представилось мне, будто я видела накануне ночью в Бёртпуре. Нараян обнимал ноги такура. Но ведь то был сон? или взаправду всё это происходило в действительности и я видела эту сцену наяву?

– Когда же он вам отказал?

Вдруг послышались поспешные шаги. Нараян вскочил и, быстро наклонясь, сказал мне шёпотом…

– Прошу вас, сохраните мою тайну нерушимо!.. Ни слова об этом *никому*… Вам я ещё пригожусь!.. Но не говорите мистеру О***… Я ухожу.

Но он не успел.

– Что это вы зарылись здесь, словно вызываете подводных *бхутов*? – внезапно раздался возле нас голос полковника, – а где же Нараян и где же бабу?.. – продолжал он, подходя к нам с "молчаливым генералом", – а… вот они где… Не прячьтесь: оба фанфарона уехали… Я им объяснил многое, чего они не знали, например, правила и цель нашего Общества… Они заинтересовались и даже признались, что ошибались.

– Нашли, где и с кем миссионерствовать, – заметила я с досадой, перерывая этот поток слов. – Может, вы пожелаете присоединить к нашему Обществу и этих двух "патриотов и мыслителей"?.. Не краснейте и не смущайтесь, мой дорогой президент, а согласитесь лучше со мною, что они были бы великолепным *pendant*[1] к мистеру Г*** и мисс Б***.

Мистер Г*** был и до сих пор состоит довольно крупным чиновником в северных провинциях Индостана. Притворясь восторженным последователем великой философии индусов, он добился членства в Обществе в то время, когда мы ещё не выезжали из Нью-Йорка. Приехав в Индию, мы узнали, что не

1 Дополнением (фр.). – Прим. ред.

было во всей стране более жестокого индофоба, чем мистер Г***; что он ненавидел туземцев, обесчестив два семейства браминов (*безнаказанно*, как и всегда бывает в таких случаях); а главное, что ряд насмешливых, диффамационных[1] против теософии и нас самих писем, которые печатались в 1879 и 1880 годах в *Civil and Military Gazette* Лахора, были делом рук "патриота и мыслителя", как о нём отзывался полковник в Нью-Йорке в восторге от своего "прекраснейшего, благородного англо-индийского сочлена".

– Ну, вот уж вы… опять принимаетесь вспоминать старое!.. – в смущении бормотал полковник. – Что ж! Кто же никогда не ошибается?.. Ведь я же и не выдаю себя за непогрешимого папу… Не все же, однако, англо-индийцы подлецы и предатели! – смущённо бормотал полковник.

– Наверное не все, но и не найдётся, бьюсь об заклад, более двух дюжин англо-индийцев, которые бы уважали индусов… Здесь, как я теперь вижу, надо быть очень и очень осторожным… Чему вы смеётесь, Мульджи? – спросила я "молчаливого", улыбавшегося во весь широкий рот.

– Вашей щедрости, мам-сааб, – *две дюжины* англичан в Индии, уважающих нас, *негров*-то?.. Не очень ли много?

– Действительно, – подхватил проснувшийся и совсем просохший бабу. – Будь у нас даже "две дюжины" таких, то уверяю вас, что все 250 миллионов индусов, "без различия каст и религий", – привёл он цитату из теософических статутов, – молились бы, да совершали бы *пуджу* утром и вечером калькуттским и другим *бара-саабам*!

– Я знал только одного за всю мою жизнь, да и того хотели посадить в сумасшедший дом, но он, к счастью своему, умер, – брякнул Мульджи.

– Кто же он? – полюбопытствовал полковник.

– Мистер Питерс (*Peters*), бывший коллектор в Мадрасе, в Мадрасском президентстве. Он умер более двадцати лет тому назад… Когда я был ещё мальчиком.

---

1 *Диффамация* (лат. diffamare – разглашать, лишать доброго имени, порочить) – публичное распространение сведений (действительных или мнимых), позорящих кого-либо. – Прим. ред.

– В чём же провинился этот Питерс?

– Начал материалистом, вот как наш бабу… а кончил *пуджистом* (поклонником идолов).

– Как "наш бабу" пока не намерен кончать, – заметил хладнокровно на это личное замечание бенгалец. Он занимался тем, что обклеивал липкими лепестками цветов нос Кали, идол которой возвышался над кустами *арали*.

– Сделаться *пуджистом*? Что вы этим хотите сказать? Расскажите же нам его историю толковее, – приставал уже навостривший уши полковник.

– Пожалуй, господин президент, только ведь я не умею рассказывать.

Но он всё-таки рассказал её нам, и "история" оказалась прекурьезной. Я передам рассказ так, как я записала его со слов рассказчика. В Мадрасе она известна всем и каждому.

Радда-Бай

Письмо XXXII[1]

Передаю, что рассказал нам Мульджи "об англо-индийце, который любил индусов".

Мистер Питерс был коллектором *святого* града Мадуры, Мекки южной Индии. Страстный археолог и почитатель древних рукописей, он нуждался в браминах для разыскания и перевода таковых; поэтому, хотя, быть может, он сперва и недолюбливал их, но всё-таки водился, как говорится, с индусами и не притеснял их по примеру своих собратий. Материалист худшего пошиба, он только смеялся над их суеверием и предрассудками; но он точно так же относился и к своей христианской религии, а потому брамины не обращали на это большого внимания. "Настика" (атеист), говорили они, махая рукой. Но вскоре всё это изменилось, и мистер Питерс удивил и народы Индии, и своих компатриотов[2].

Вот как это случилось.

1 Русский Вестник, февраль 1886, том 181, с. 772-792.

2 *Компатриот* (анг. compatriot) – соотечественник. – Прим. ред.

Раз к нему явился никому неизвестный *йоги* и попросил личного свидания. Получив позволение предстать пред светлые очи господина коллектора, тот вручил ему древнюю рукопись, объясняя, что получил её от самой богини Минакши (одна из благовиднейших форм Кали), которая де повелела передать её мистеру Питерсу. Рукопись была написана на олле[1], и вид её был такой древний, что внушал к себе невольное уважение антиквария. Коллектор, гордившийся своими познаниями по части древних писем, обрадовался и тотчас же пожелал прилично вознаградить отшельника. К величайшему его удивлению, *йоги* с достоинством отказался ото всякой платы. Но он удивил начальника ещё более. Как почти все чиновники англо-индийцы, мистер Питерс принадлежал к масонской ложе. Отшельник внезапно подал ему самый тайный масонский знак и, проговорив известную формулу шотландского братства: "Не так я *это* получил, не так я должен *это* передать"[2] (то есть рукопись – не за деньги), быстро исчез.

Призадумался Питерс. Послал *сипая* следить за исчезнувшим гостем, а сам тотчас же занялся, при помощи пандита-брамина, разбором рукописи и её переводом. *Йоги*, конечно, не нашли, так как, по мнению Мульджи, отголоску в этом случае всего города Мадуры, то был оборотень самой богини Минакши. Из прилежного же изучения *оллы* коллектор узнал много кой-чего интересного.

То была, по уверению пандита, *собственноручная автобиография богини* Минакши, в которой шла речь о проявлениях, могуществе, качествах и вообще о её характере. По собственному заявлению, богиня обладала силою (*сакти*)[3] самого приятного разнообразия, и мало было чудес, которых она не сулила бы своим любимцам. В её личное могущество даже и не требовалось слишком слепо верить: *дэвати* (богиню) было достаточно *любить* искренно и горячо, как любят мать, и она

1 *Олла* – пальмовые листья, высушенные и приготовленные для письма.
2 "I have not so received it, nor shall I so impart it".
3 *Сакти*, буквально "сила", женский принцип в богах мужского пола. Но сакти в обыкновенном смысле – *могущество*.

простирала своё покровительство на поклонника, берегла, любила и помогала ему.

– Ишь ты, *рыбоглазая*! – свистнул, услышав вышесказанное из уст пандита, неисправимый материалист Питерс.

Этот эпитет, впрочем, вовсе не был дерзостью с его стороны. В буквальном переводе "рыбоглазая" есть имя богини, от слов: *мина* – "рыба" и *акши* – "глаз".

"Но что такое или кто такая богиня Минакши?" – спросят нас европейские профаны.

Минакши есть та же Кали, то есть оплодотворяемая духом Шивы его творческая сила, *сакти*, его женский принцип и *аспект* или один из многочисленных видов его супруги Кали.

Каждое божество громадного пантеона Индии, женского ли оно или мужского пола, в своём первородном виде, то есть при первом отделении от "единого и безличного", чисто отвлечённого принципа, который называется у них *Парабрамой*, всегда бывает среднего рода. Но в своём земном проявлении оно двоится, как первородный Адам с Евой, и женская половина, отделяясь от мужской, становится богиней, а другая остаётся божком. Всемирное божество *Парабрама – оно*, а его двойная энергия, которая впоследствии зарождает несчётное число богов и богинь – *он* и *она*, то есть двуполая. От главных богов, Брамы, Вишну и Шивы, и их *сакти*, зарождаются в свою очередь другие боги. Но эти не прямое потомство, как то можно подумать, божественных супругов, потомство, имеющее в пантеоне браминов совершенно отдельное и отличное от других место: то сами эти же первородные боги и богини, играющие в маскарад и представляющие собою бесчисленные "аспекты" или виды.

Поэтому кровожадная богиня Кали, самая могущественная из всех *сакти*, являясь под одним из своих видов, как Минакши, например, меняет совершенно все свои личные атрибуты и делается неузнаваемою. Было бы несвоевременно и слишком скучно объяснять здесь идею такого превращения. Достаточно будет сказать, что Кали, превращаясь в Минакши Мадурскую, становится миролюбивейшей из богинь,

обладающей всеми наилучшими качествами: кротостью, долготерпением, великодушием и т. д.

Минакши богиня-патронесса города Мадуры, построенного на подобие плана храма Сриранга́ма, квадрата разделённого на множество внутренних квадратов или скверов, в центре которого красуется знаменитый храм Минакши. Богиня, не взирая на свои внутренних качества, а может быть и в доказательство, что не имеет никакого тщеславия и гордости, далеко не красива под своим внешним образов. Глаза у неё подобятся двум рыбам, откуда и название "рыбоглазая". Она обладает за то необычайным могуществом в понятиях, конечно, своих поклонников. Несчастные, в которых засел *пизача*[1], "бес", приводятся на излечение к ней толпами. А таких бесноватых в Индии много, потому что благочестивые брамины причисляют к категории "беснующихся" даже тех, что у нас в Европе называются "медиумами". Феноменальным явлениям даётся право гражданства в Индии только в присутствии посвящённых в "тайные науки", *йогов, садду* и других чудодеев. Всё то, что происходит *помимо воли человека* и называется у нас *бесно́ванием*, относится браминами к непристойному поведению *пизач*.

Но что такое *пизача*?

Пизачи – те же "духи", *esprits frappeurs*[2] спиритов, только не в полном составе своей разоблачённой личности. *Бхутом* (*земным* духом) или *пизачей* делается та только часть души человеческой, которая, отделяясь после смерти от бессмертного духа, остаётся обыкновенно в *невидимом*, но часто *ощущаемом* живыми образе, среди атмосферы, там, где она при жизни тела вращалась и имела бытие. После смерти человека всё *божественное* в нём уходит выше, в более чистый и лучший мир, остаются удерживаемые этой атмосферой *одни подонки души*, её *земные* страсти, которые и находят себе временный приют в полуматериальном "двойнике" усопшего, выгнанном из своей обители разложением и полным разрушением

1 *Пищача* (санскр. पिशाच) – злой дух. – Прим. ред.

2 Esprit frappeur (фр.) – призрак умершего (в спиритических сеансах), стучащий дух. – Прим. ред.

физической оболочки; а этим задерживается окончательное исчезновение "двойника", причиняя ему мучения. Такой посмертный казус всегда прискорбен семейству умершего и почитается браминами большим несчастием. Для предотвращения такого нежеланного события индусы принимают всевозможные меры. Оно является, как они думают, чаще всего следствием *греховной жажды жизни*, или же особенного пристрастия покойника к кому или чему-нибудь, с *кем* или с *чем* он не желал, да и по смерти не желает, расставаться. Поэтому индусы стараются оставаться равнодушными ко всему, не допускать в себе пристрастия ни к чему, боясь больше всего в мире умереть с *неудовлетворённым* желанием и вследствие этого превратиться в *пизачу*. Туземец всех каст и сект ненавидит "духов" и, видя в них *пизачей*, тех же бесов, старается изгнать такого как можно скорее.

Однако же и почёт Минакше! На дворе её пагоды можно видеть ежедневно толпы индусских кликуш. Есть и такие между ними, которые поют петухами и лают по-собачьи, как и у нас на Руси. Но медиумов между ними ещё более: то просто-напросто духовидцы и *прорицатели*, в присутствии коих происходят разнообразные явления и всякая чертовщина. Как только приведут одержимого *пизачей* пациента перед рыбьи очи богини, бес начинает кричать (устами одержимого конечно), что он тотчас же упразднит занятую им квартиру, лишь бы только богиня дала ему время… Больного уводят, и верный своему слову *пизача*, в знак того, что сдержал его, бросает пред Минакши клочок волос, вырываемый им всегда на прощанье с головы его жертвы. Такие пучки волос, по рассказам, летят де неизвестно откуда, с утра до вечера, в храме, пред глазами удивлённого народа, и из них можно было бы делать превосходные тюфяки, если бы брамины не сжигали их с великими церемониями.[1]

1 Коли верить рассказам, эти волосы очень опасно трогать. Мульджи, в период своей невинной юности, украл такой чуб из храма Минакши, и *пизача* тотчас же овладел мальчиком… "Насилу отделался от дьявола, благодаря *дэвати*", рассказывал генерал.

Стекающиеся тысячами и сотнями тысяч пилигримы приносят громадные доходы этому храму, и его священнодействующие брамины-оракулы считаются богатейшими в Индии. Кроме храма Минакши, во всём мадрасском президентстве только пять других таких доходных *пагод*, а именно: знаменитые храмы Тирупатти, Ала́гар, Вайдьешваран, Ковиль и Суамималай; первые два посвящены богу Вишну, а три последние Шиве. В обыкновенные, будничные дни в этих пагодах собирают *ежедневно* от 3000 до 10 000 рупий, но в праздничное время суммы ежедневных доходов превышают всякое вероятие. Они достигают часто от 25 000 и даже до 75 000 рупий *в день*! Эти цифры не преувеличены, а хорошо известный англо-индийскому правительству факт. Недаром же мадрасское начальство давно уже точит зубки на колоссальный "пагодский фонд" (*the pagoda fund*) южной Индии.

Злые языки уверяют, что только благодаря компромиссу этот пресловутый "фонд" на время избежал грозящей ему горькой участи очутиться в полном распоряжении мадрасских правителей; богатейшая из всех бесо-исцелительных *пагод*, Тирупатти, догадалась поднести вовремя вышеозначенным правителям 40 локков рупий (4 милл. рублей), распределив их по чинам, между членами законодательного совета, чем спасла на несколько лет и прочие пагоды. Но подобный слух и передавать как-то неловко. Помилуйте, англичане – и вдруг взятка! Кому теперь неизвестно в Европе, преимущественно из лондонских газет. Что только в одной полуазиатской варварской России есть ещё в наш век такие чудовищные аномалии как *чиновники, берущие взятки* (*Pioneer* и *Bombey Gazette*). Но возможно ли поверить, чтобы англо-индийцы, эти трезвые и воздержанные воины и чиновники, из коих имя первым должно быть отныне до конца веков "спартанцы афганских Фермопил", чтобы кто из них решился получить…взятку!.. Да и могли бы допустить до этого своих англо-индийцев англичане *pur sang*[1], англичане Лондона, достойные сыны нации, представители которой карают так сурово в парламенте "алчность к захватам" в соседе и наималейшее отступление от

1 Чистокровные (фр.). – Прим. ред.

истины и справедливости в других нациях!... Немыслимо, просто абсурд. Мы не должны этому верить уж потому одному, что такой умный народ не стал бы высказывать такого горячего негодования в печати и парламенте к "*русским* взяточникам", если бы за ним самим водились бы такие грешки... Вследствие этого размышления мы решаемся взирать на обвинение браминами как на гнусный наклёп неблагодарных мадрасских язычников и возвращаемся к истории о мистере Питерсе.

Увы, эту "историю" нельзя приписать клевете, как "взятку в сорок лаков рупий, поднесённую храмом Тирулатти" зачинщикам пресловутого билла. Языческая могила, с её языческими знаками, почтенного коллектора до сего дня красуется у ворот Мадуры, и при её виде краснеют культурные чиновники, преемники покойного.

Они краснеют потому что к таким культурным чиновникам (только не по части взяток) принадлежал и мистер Питерс, а также потому, что он не только никогда не косился на пагодские фонды, но даже прибавлял к ним из своего кармана. А всё это вследствие того, что Мистер Питерс, прочитав рукопись о Минакши, умилился в душе пред столь высокой добродетелью и решился узнать богиню поближе. До той поры, хотя он много изучал философию индусов, но их взглядов на "беснование" не разделял, а исцелительницу от оного к области философии не причислял; напротив, постоянно забавлялся и трунил над такими верованиями туземцев. Но со дня получения рукописи он стал посещать храм и старался собирать все существующие о богине легенды.

Одна из таких легенд, собранных учёным коллектором, оказалась чрезвычайно интересной; и хотя британские геолого-этнографы не оказывают ей должного внимания, но мистер Питерс причислил оную к событиям вполне историческим. К тому же она описана самой богиней в её "автобиографии", которую и похоронили впоследствии по собственному желанию Питерса в том гробу, где покоится его прах.

Река Вайга, на южном берегу которой расположен город Мадура, принадлежит к числу так называемых *антарвахини нади*, то есть рек, протекающих от своего источника до

впадения в море под землёй, словом, подземных потоков. Даже в сезон муссонов, когда окрестности затоплены проливными дождями и река выходит из своих берегов, её ложе осушается в три-четыре дня и от реки остаётся одно каменистое дно. Но стоит только во всякое время года порыть на аршин или два [0,71 – 1,42 м] под землёй, чтобы получить превосходную воду, не только необходимую для города, но и достаточную на орошения полей всего уезда.

Таких рек-отшельниц очень немного в Индии, и они поэтому считаются весьма священными. Как известно всем, а может быть только немногим, в Индии каждый храм и холм, каждая гора и лес, словом, каждая местность, как и здание, считающиеся почему-либо священными, имеют свою пурану (историю или летопись).[1] Записанная на древних пальмовых листах, она навсегда тщательно сохраняется священнодействующим брамином той или другой пагоды. Иногда санскритский оригинал переводится на местный язык, и оба текста сохраняются с равным уважением. В годовщину праздников, в честь таких "богинь-рек" и "богов-холмов" (река у них всегда – *богиня*, а холм – *бог*), рукописи выносятся, и эти местные *пураны* читаются брамином народу по ночам, с великим церемониалом и с должными на них комментариями. Во многих храмах, ночью под новый год индусов[2] также читается *брамином-астрологом* народу календарь на следующий год.

Эти календари аккуратно указывают положение планет и звёзд; отличают *счастливые* и *несчастливые* часы каждого из 365 дней наступающего года; предсказывают день, число и даже *час того дня*, когда будут дожди, ветры, ураганы, затмение планет или солнца и разные другие явления природы.[3] Всё это

1 *Пурана* – в буквальном переводе, "древняя", но это слово также и синоним – *истории*.

2 В марте и апреле, смотря по секте.

3 Часы и минуты затмений, положим, и у нас астрономы предсказывают не хуже браминов-астрологов. Но странно то, что последние редко ошибаются, предрекая нередко за целый год вперёд числа и даже часы случайных ураганов и дождей, которые (особенно последние) чрезвычайно редко случаются вне периода дождевого сезона. Вот что пишет об этих браминах-астрологах махараджа Траванкорский, в статье *The Borderland between Matter and Spirit* ("Гра-

читается пред богом или богиней, патроном или патронессой храма. Толпа благоговейно внимает прорицаниям идола, говорящего устами своего брамина о голоде, войнах и других народных бедствиях, после чего астролог и брамин благословляют толпу и, разделив между беднейшими рис, плоды и другие съедобные приношения, полученные идолами, отпускают её домой.

Такую *пурану* об *антарвахини нади* нашёл в "автобиографии" Минакши коллектор Питерс. Он её перевёл с помощью своего пандита. С санскритского на язык *телугу*, и она до сего дня читается в храме добросердечной богини. Вот она в нескольких строчках и сокращённом виде. Эта *штулу-пурана* объясняет причину подземного течения реки Вайги и доказывает вместе с тем глубокое доверие богини Минакши к мистеру Питерсу, которого она избрала в конфиденты[1] сего эпизода своей ранней юности и любви к своему супругу Шиве.

ница между материей и духом"):

"Вера в астрологию, над которой так смеются современные народы, всё-таки крепко держится в большей части человечества, и мы находим верующих в неё в самых неожиданных областях. Некий приятель пишущего эти строки, европеец, рассказывал на днях, что раз он отправлялся к лесному складу, в самую чащу густого леса, находящегося на островке, при слиянии двух рукавов большой реки. Погода была сухая, и оба ложа потоков совсем высохли. Встретив знакомого астролога по дороге, мой приятель получил от него предостережение, что ровно через три дня будет сильный дождь, река выйдет из берегов и страшно разольётся. Но небо было в тот день безоблачно и, не обратив на астрологическое предсказание никакого внимания, приятель мой всё-таки продолжал путь к лесному складу. В результате случилось следующее: дождь полил как из ведра в назначенный день, река разлилась, прервав всякое сообщение и унося много драгоценного леса, а сам мой приятель вынужден был спасаться на самом возвышенном пункте островка, в импровизированном на скорую руку убежище из брёвен, где он и провёл несколько суток в весьма плачевном положении. Теперь мой приятель верит в *астрологию*, хотя большее число *астрологов*, несомненно, мошенники. Мы знаем также о многих случаях, когда *час* рождения и *пол* ребёнка были совершенно верно, задолго до периода рождения, предсказаны астрологами" (см. журнал *Theosophist* № за ноябрь 1884, стр. 41, 2-й столб.).

Кулласекхара[1], доблестный царь Мадуры во дни отрочества главных богов, и супруга его (имя которой не перешло в историю) нашли себя вознаграждёнными за долгие годы постоянного *тапаза*[2] и благочестивых дел – рождением прелестной дочери. То был плод сотен их прошлых *джанмас* (реинкарнаций) под образом других внешних личностей; ибо эта дочь была знаменитая и рыбоглазая Минакши. Богиня сделалась богинею не вдруг, а тоже вследствие благочестия во многих предыдущих своих существованиях, в течение коих она молила Шиву и Кали – первого сделать ей честь избранием в число его супруг, а вторую – сделать молящую одним из своих *аспектов*. Наконец, *Сундарешвара*[3] исполнил её страстную молитву и объявил Минакше. Что он на ней женится.

Царь Кулласекхара стал делать великолепные приготовления к свадебному пиру. Переполненный гордостью при мысли, что удостаивается такого божественного зятя, он умолил Шиву привести с собою большую свиту из самых именитых вельмож *Кайласы*[4]. Бхуми-дэви (земля-богиня), говорил он, хотя её плодородие и врождённое ей терпение вошли в поговорку, не успеет родить достаточно дэв для свадьбы среди этой массы грешников (не говоря уже о животном и других царствах), которую ей приходится ежедневно производить на свет; поэтому если Шива не сжалится, то свадебный пир выйдет недостаточно блестящим и некому будет кушать заготовленные припасы.

Жених обещал удовлетворить амбиции тестя, но когда он сошёл с *Кайласы* на "сладкую землю"[5], то вместо ожидаемой блестящей свиты привёл с собою лишь одного безобразного

---

1 *Конфидент* (анг. confident) – человек, пользующийся доверием. – Прим. ред.

1 Дословный перевод этого имени: "глава семейных драгоценностей".

2 *Тапаз* – обрядные молитвы в различных позах.

3 *Сундарешвара* – "великолепный господин", имя Шивы и один из *екадеза Рудра*, то есть "одиннадцати Рудр". Рудра означает в буквальном смысле – *разрушитель*, покоритель греха. [Экада́ши́ (санскр. एकादशी) – одиннадцать].

4 *Кайласа* – та часть неба, где любимое жилище Шивы и его местопребывание.

5 *Мадура* означает "сладкая земля".

карлика по имени *Кундодара*[1]. Наречённый тесть принял этот поступок за насмешку и очень им огорчился. Но что может значить гнев смертного в глазах бога? Шива, читая мысли Кулласекхара, улыбнулся и только сказал: "Царь, накорми моего маленького придворного". Раджа весьма опечаленный тем, что его провизии будет некому кушать приказал своему прадхане мантри (первому министру) озаботиться, чтобы карлика хорошо накормили. Но когда тот начал есть, то в несколько минут сожрал не только заготовленные во дворце *деликатесы*, но и всю провизию и даже годовой запас города Мадуры, а затем проглотил и всю запасную воду в колодцах и фонтанах. Тогда повели всё ещё вопившего о воде карлика на берег реки Вайги. Все воды её оказались недостаточными для утоления жажды Кундодары, и он разом осушил её до дна, после чего речная богиня должна была спасаться бегством в недра земли.

То был урок, данный Шивой тестю, не думавшему о многих бедных, которых он мог бы накормить приготовленными к свадьбе яствами и предпочитавшему, чтобы их скушали придворные вельможи. С тех пор карлик под видом своего каменного *толстобрюхого* идола, сидит на берегу высохшей реки и ждёт её годичного появления во время сезона дождей. Но добрая Минакши, сжалившись над судьбой мадурцев, упросила богиню Вайгу вернуться из земных недр и течь к морю, на один ярд [0,91 м] под землёй, а карлику позволяет выпивать всю воду реки только раз в год. С тех пор она и стала патронессою города.

В скором времени погрузившийся в изучение славных деяний могучей *дэвы* и поражённый её добродетелями, мистер Питерс, навещая зачастую храм, стал находить нечто привлекательное в выражении рыбьих глаз Минакши. Её эфиопские уста, казалось, растягивались в кроткую улыбку с приближением коллектора, он стал привыкать к её безобразию. Холостяк и со скромными вкусами, как и все учёные, Питерс начал изучать религии индусов сперва ради науки, а может быть и со скуки, стал втягиваться мало-помалу в эту

1 *Кундодара* – "великое брюхо".

головоломную философию и вскоре превратился в настоящего *шастри*[1]. Он уже не подтрунивал над благочестивыми брамина-ми, а стал брататься с ними и окружать себя ими.

Между последними находился один *мантрика*, брамин из храма Минакши, должность которого состояла в том, чтобы произносить пред богиней *мантры* и другие заклинательные молитвы. В скором времени он сделался *alter ego*[2] коллектора. Наконец, в один прекрасный день он принёс ему идола Минакши, и бронзовое изображение было поставлено в спальне хозяина. Зная его за археолога, немногие проживающие в Мадуре англо-индийцы не обратили на это особенного внимания.

Но вот в одну ночь мистер Питерс, спавший всегда очень крепким сном, узрел во сне свою богиню. Рыбоглазое видение поспешно будило его, приказывая "встать и одеться". Но даже и такое приказание не могло подействовать на непробудный сон коллектора. Тогда ему померещилось *во сне*, будто сама богиня стала поспешно одевать его; священные руки Минакши не брезгали даже натягивать на его ноги сапоги, сделанные из кожи *священной* коровы (поэтому самая осквернительная в глазах браминов часть европейского туалета). Одев своего поклонника, она дотронулась до его лба и со словами: "спасайся в окно, скачи вниз, иначе ты погиб"!.. исчезла, а мистер Питерс проснулся…

Коллекторский дом был весь в огне. Пламя уже лизало жадными языками стены его опочивальни, и единственная выходная из неё дверь пылала. Не задумываясь, он выпрыгнул из окна и тем спас свою жизнь. Дом был выстроен на берегу реки, но в то время Вайга была по обыкновению совершенно суха. Вдруг, к изумлению всех, на ложе её, перед глазами сбежавшейся толпы, вода стала просачиваться и быстро прибывать перед самою верандой горевшего дома. Благодаря этой неожиданной помощи, пожар был скоро потушен, и многие из вещей драгоценной коллекции мистера Питерса

1 Богослов, изучивший на память все "шастры", богословские сочинения.

2 Вторым я (лат.). – Прим. ред.

спасены. Сгорели только весьма важные для правительства бумаги и документы.

Факт этот заявлен собственною коллектора рукой и за его подписью, подтверждён свидетельством его помощника, клерков и многих из присутствовавших на пожарище, а затем и внесён в шнуровую книгу городского архива, где этот любопытный документ находится и по сие время.

Страннее всего то, что мистер Питерс, как по свидетельству его камердинера, так и по собственным воспоминаниям, лёг накануне в постель раздетый и разутый, а тут, выскочив из окна, нашёл себя одетым и в сапогах! Вдобавок ко всему, он выпрыгнул из первого этажа не один, а *с тяжеловесным бронзовым идолом Минакши под рукой*. Загадочный факт, рассказываемый им самим сотни раз, заставлял всех улыбаться и качать головой: "Почтенный Питерс был де просто пьян накануне и вероятно заснул как был, даже обутый". Но брамины и туземная часть населения торжествовали и остались в полной уверенности, что *его одела и спасла сама Махадэвати*, "великая богиня".

Очевидно, что и мистер Питерс вполне разделял это мнение, судя по непредвиденным результатам происшествия: он вдруг сделался чрезвычайно набожным, если только можно употребить это слово в отношении к предмету такого благочестия, и из полного материалиста действительно "превратился в *пуджиста*", по выражению Мульджи. Питерс стал оказывать почести богине Минакши не хуже любого брамина; бросив службу и выйдя в отставку, облачился в наряд *байрагов*[1], совершал ежедневно все предписанные *шастрами* религиозные обряды и, наконец, прослыл в народе под именем "белого святого". Он полюбил индусов и сделался таким ярым защитником их, что память его пребывает доселе в сердцах благодарных туземцев, а имя произносится с величайшим уважением всеми приходящими на поклонение пилигримами.

Вследствие такого необычайного "пассажа" правительство объявило его сумасшедшим и назначило комиссию психиатров отправить его в Англию на излечение. Но "богиня" и тут не

1 Байраги – нищенствующие монахи. – Прим. ред.

выдала своего поклонника. Врачи и эксперты, очевидно, подпали под влиянием *тараны* (магнетического влияния) Минакши, так как вместо свидетельства об умственном расстройстве они дали ему чистый лист, объявлявший, что рассудок экс-коллектора находится в полном здравии. Уехав затем обратно в Мадрас, они подтвердили и там своё показание. Питерс имел влиятельных друзей в Англии и независимое состояние: его оставили в покое.

Когда много лет спустя он умер, то пожелал, чтобы его прах был зарыт в таком месте, откуда можно было бы видеть храм его богини. Так и было сделано. Его похоронили, после сожжения, на пригорке, откуда златая *ступпи* (купол) на восточной башне храма видна как на ладони. До сего дня возвышается гранитный мавзолей, и пилигримы приходят навещать могилу "белого святого". *Peters Tomb* одна из примечательностей Мадуры, и турист, желающий полюбоваться видом города и храма, отправляется на всём известный пригорок. Последний находится на земле, принадлежащей храму Минакши, иначе могилу и памятник давно бы уже сняли и сравняли с землёй…

Но англо-индийцы, "не любящие" индусов, нашли бы свою работу не по силам, если бы им пришлось объявлять сумасшедшими всех англо-индийцев, которые хотя и не любят туземцев, но зато верят в могущество их богов и богинь, как это ни покажется странным. И весь этот эксцентричный люд по справкам оказывается вышедшим из рядов материалистов. Все-то они экс-атеисты, да позитивисты! Например, вот что пишет махараджа Траванкорский, образованнейший из всех принцев Индии, о другом коллекторе, имя которого он не пожелал объявить:[1]

> "Некий коллектор был отцом нескольких дочерей, но не имел сына. Состоя в знакомстве вследствие своего положения с туземными джентльменами разных сект и верований, он получил от некоторых из них совет отправиться в Рамашверамский храм и там искупаться в море,

1 См. журнал *Theosophist*, стр. 41, ноябрь, 1884.

если желает иметь сына. Конечно он сперва поднял советчиков на смех, но за сим, извиняясь тем, что морское купание не может ему ни в коем случае повредить, отправился в Дхавамкоти[1], выкупался там и *вскоре затем у него родился сын*!"

Несколько англо-индийцев обратились в магометанство; другие, не принимаемые браминами в индуизм, сделались с горя не то *валлабачарьями*,[2] не то чёртопоклонниками…

От Мадуры рукой подать от Мадраса. Когда мы ездили туда года два позднее, а затем и поселились на реке Адьяра, один из старых браминов, знавший Питерса лично, много нам рассказывал про него.

– Богиня открылась ему, – говорил он между прочим, – в своей *настоящей первородной эссенции*; иначе он бы её никогда не стал так боготворить.

А в ответ на наше замечание, что хотя они, ведантины, и много говорят про *единство* Парабрамы, но что их поклонение идолам опровергает и противоречит этому единству в их понятиях, он нам отвечал:

– *Дэвати* (богиня) идол только в глазах неучёного *шудры* (низкая каста); для посвящённого *шастри*, Минакши, как и прочие божества, просто один из кирпичей общего здания, имя коему *Сат*, "сущий".

Это объяснение и выражение "кирпич" показалось нам тогда весьма неудовлетворительным, а мне так и очень смешным. Позднее, однако, я лучше поняла его значение.

До серьёзного изучения мною Вэд (или, как этимологически правильно, Вед) и вообще символизма верований браминов, я часто задавала себе вопрос: в силу *чего* такие мыслители, какими являются (тому, кто изучал *шесть* главных философий Индии) авторы этих в высшей степени замечательных своеобразных систем, в силу чего могли такие умные люди сделаться сами или даже допустить в массах, как

1 Храм Рамашверам в Дхавамкоти, место пилигримства, куда отправляются по обету туземцы дабы иметь сыновей.

2 Секта валлабачарьев самая безнравственная. Она признает одного главу, понтифа, который пользуется неотъемлемыми супружескими правами на жён и дочерей всех валлабачарьев, без искючения.

бы они ни были невежественны, *политеизм* и его внешнее выражение – идолов? Долго я не могла отдать себе отчета в этом странном пристрастии. Я не могла себе объяснить даже поверхностно, почему, например, Кешуб Чёндер Сен, всем известный высоко образованный бенгальский реформатор, человек когда-то очаровавший своим разговором и взглядами королеву Викторию[1], а всё лондонское высшее общество своим необычайным, увлекающим красноречием, – почему даже этот мистик, глава и *лидер* Брамо-Самаджи, не мог до конца жизни отбросить свою богиню *Дургу*. Иногда казалось просто омерзительным слышать его и читать в печати, как он, в своём мистическом полубреде, смешивал в одно Магомета, Будду, Чайтанью и Дургу! Но я поняла теперь и сожалею искренно о своих громко высказанных порицаниях этому, уже умершему, реформатору. Он был горячий монотеист, но он родился индусом и оставался им до смерти. Быть может, следующее объяснение загадки окажется небесполезным.

В странной мифологии браминов, которая на первый взгляд ещё сказочнее греческой, и вообще в их ещё более странном мировоззрении, тем не менее, скрывается глубокая философия. Внешняя форма идолопоклонства есть лишь завеса, скрывающая истину, как покрывало Изиды. Но эта истина даётся не всем. Для одних завеса скрывает не лик Изиды, а только уходящее в непроницаемую для них тьму, пустое пространство; для других оттуда проливается свет. Неодаренным от природы, тем врождённым у многих, внутренним чувством, которое так метко зовётся у индусов "третьим глазом" или "оком Шивы", гораздо полезнее довольствоваться фантастическими разводами на завесе: таким не проникнуть вглубь непроницаемого мрака, не наполнить пустого пространства. Но тот, кто обладает "третьим глазом" или, говоря яснее, способен перенесть своё зрение с грубо объективной на почву чисто внутреннюю, тот узрит в этом мраке свет, а в кажущейся пустоте различит *вселенную*…

1 Кешуб Чёндер Сен всегда называл королеву своею "матерью", а члены брамо-самаджской секты считаются и зовутся индийскими "унитариями", полухристианами.

Внутреннее самосознание укажет ему безошибочно, что присутствие Бога тут *чувствуется*, но не может быть передано, и что хотя выражение его в конкретной форме находит своё извинение в самой горячности желания передать это чувство массам. И вот, хотя ещё порицая в душе форму поклонения, он не станет более открыто смеяться над идолами и верой в них того, кто, неспособный проникнуть за завесу, довольствуется внешностью только потому, что ему трудно, если не совсем невозможно, получить какое-либо подходящее представление о "неведомом Боге".

Дабы доказать наглядно, что все триста тридцать миллионов богов Индии, взятые вместе, указывают на *одного* неведомого Бога, постараюсь объясниться яснее. Для этого окажется достаточным привести одну из аллегорий-сказок древних браминов из *Пуран*, сказку, не дошедшую, как видно, до наших ориенталистов. Она скоро сказывается.

К самому концу последней *пралайи* (*pralaya*, т. е. промежуточный период между двумя сотворениями нашего мира) Великий Раджа, пребывающий в вечности бесконечного пространства, желая дать средства будущим людям познать его, выстроил *из присущих ему качеств* дворец над горой *Меру* и стал проживать там. Но когда люди снова заселили мир, то дворец этот, один конец коего опирался в правую, а другой в левую бесконечность, оказался столь обширным, что маленькие люди даже и не догадывались о его существовании: для них дворец был небесной твердью, за которой в их понятии не было ничего… Тогда Великий Раджа, познав неудобство и жалея маленьких людей, пожелал открыться им не *в целости, а частями*. Он разрушил дворец, созданный из Его качеств и стал бросать один кирпич за другим на землю. Каждый из кирпичей превратился в идола: красный в бога, а серый – в богиню, и каждый из *дэвата* и *дэвати*, воплотившись в идола, *получил одно из неисчислимых качеств Маха-Раджи*. Сперва весь пантеон состоял из одних превосходных качеств. Но люди, пользуясь безнаказанностью, стали делаться всё порочнее и злее. Тогда Великий Раджа послал *карму* (закон возмездия) на землю. *Карма*, не щадящая и богов, превратила многие из

качеств в орудия наказания; и таким образом появились между всепрощающими кроткими божествами боги-разрушители и боги-мстители.

Сказка эта, рассказанная нам мадурским брамином, объясняет, почему он назвал богиню Минакши "кирпичом"; а вместе с этим указывает на единство в глубине всего этого многобожия. Между *dii majores*[1] священной горы Меру, Олимпа Индии, и *dii minores*[2] разница в их сути невелика. Первые прямые, а вторые раздробленные, преломляющиеся лучи одного и того же светила. что такое в действительности Брахма, Вишну и Шива? Тройной луч, прямо исходящий из "светила вселенной", *Свайамбува*, т. е. *силы* или *духа* оживотворяющего и оплодотворяющего материю, олицетворённую в Сарасвати, Лакшми и Кали: три представления *пракрити* (материи), три богини трёх богов. Эти три четы, синтезированные в Свайамбуве, "божестве *не проявляющемся*", суть символы, олицетворяющие невидимое присутствие его во всех явлениях природы. Словом, Брама и Сарасвати, Вишну и Лакшми, Шива и Кали представляют в своей совокупности *дух* и *материю* с тройственным в них качеством – *созидания, сохранения* и *разрушения*.

Вишну один, а имён у него 1008. Каждое из этих имён есть название *одного из качеств Единого*. А личные качества Вишну воплощаются, в свою очередь, в других второстепенных богов индийского пантеона. Превратившись таким образом в отдельную от Вишну личность (между тем как сам Вишну есть лишь олицетворение одного из *семи* главных качеств или атрибутов Свайамбувы), каждое олицетворение называется одним из *аспектов* или "видов" Вишну, Брамы или Шивы, словом, того или другого из *главных* богов или богинь. У всех по столько же имён, которые священнодействующий брамин той или другой секты повторяет *в наше время* как попугай, но из коих каждое имело во дни древности глубокое значение. Свайамбува первая эманация или луч Парабрама, *бескачественного* божества, первое веяние духа его; он и есть

1 Старшие, наибольшие боги (лат.). – Прим. ред.
2 Младшие, меньшие боги (лат.). – Прим. ред.

тримурти, синтез трёх духовных сил в соединении с тремя силами материальными. А из качеств этих трёх пар родятся меньшие боги, *dii minores*, представляющие в свою очередь качества наибольших богов.

Так семь первобытных цветов призмы, на которые разлагается *бесцветный* луч, в дальнейших сочетаниях образуют вторичные сложные цвета и разнообразятся *ad infinitum*[1]. У бога *Сурьи* (солнца), говорят брамины, *семь сыновей*, потомство которых составляет добрую треть пантеона *дэв*. А бог воздуха, *Вайю*, родитель семи первородных слогов и семи музыкальных тонов, в которых зарождаются и из коих исходят всевозможные комбинации звуков в гармонии природы.

В древней Индии религия была тесно связана с созерцанием природы. В Божестве олицетворялись всемирные истины и самая суть *Истины*. Всякая открытая истина, в чём бы она ни заключалась, имеет прямое отношение к божеству или *самобытной* истине. В пантеизме, индусской религии, груб собственно только внешний метод выражений, обыкновенно имеющий отталкивающую и карикатурную форму.

Естественный вывод изо всего этого тот, что пантеизм Индии, видимо обоготворивший все грубые силы природы и как бы олицетворяющий одни внешние образы, связан с областью физического ведения, химии, особенно астрономии, и представляет собой как бы опоэтизированный материализм, продолжение халдейского сабеизма. Но если, отбросив его внешнюю форму, доведшую тёмные массы до самого отвратительного поклонения кумирам, мы проникнем до первоначального происхождения мифов пантеизма, то не найдём в них ни богов, ни даже внешнего поклонения разным предметам из царств природы в их обыкновенном образе, а поклонение духу *вездесущему*, поэтому столь же присущему малейшей травке, как и силе, зародившей и вырастившей её.

Таким является простое и естественное объяснение 33 *крорам*[2] (330 миллионов) богов Индии. Эти боги зародились и получили бытие вследствие тёмного стремления олицетворить

1 До бесконечности (лат). – Прим. ред.
2 *Крора* – 100 лакков или 10 миллионов.

неолицетворяемое, сотворяя себе тем самым "кумира". Краеугольный камень философского и религиозного мировоззрения их мудрецов очутился с течением времени в руках властолюбивых, холодно расчётливых браминов, и этот камень был разбит ими на осколки, истолчён в мелкий порошок для удобнейшего усвоения массами. Но для мыслителя, как и для всякого *непредубеждённого* ориенталиста, эти исковерканные осколки, как и мельчайший щебень от них, всё-таки от того же камня, – атрибуты проявленной энергии Парабрама, единого, безначально и бесконечно сущего.

Брамины-ведантины постулируют три рода существования: *парамартхика – действительное*, истинное; *вьявахарика – условное практическое*, и *пратибхазика – кажущееся*. *Парабрам* единственное представление первого, поэтому он и зовётся *сат*, "воистину сущий" или *единосущий*; ко второму классу принадлежат олицетворённые в различных образах боги, *личные* души[1] смертных и всё явленное, феноменальное, в мире субъективного чувства. Этот класс, получив бытие в представлении тёмных масс, имеет основание не более твёрдое, чем всё то, что мы видим во сне; но ввиду реальности практических отношений людей к этим богам, существование их допускается *условным* образом. Третий класс включает в себя такие предметы, как марево, перламутр, принимаемый за серебро, свернувшаяся змея, принимаемая за верёвку, а в своём подразделении и человека. Люди *думают*, воображают себе, что видят то или другое: стало быть для того, кто это видит и воображает таковым, оно *действительно существует*. Но так как эта действительность только временная и самая суть предметов преходящая, стало быть условная, то и выходит в конце концов, что вся эта действительность есть только *иллюзия*.

Все эти воззрения не только не мешают вере в личность божества и единство его, но даже служат непроходимой преградой атеизму. В Индии нет атеистов в том значении, какое мы, европейцы, придаём этому термину. *Настика* есть атеист в

1 *Личная душа*, или земное сознание, отлична от бессмертного в нас "духа" в учении браминов.

смысле *неверования в богов, идолов*. Это известно в Индии каждому, и мы в этом вполне убедились. Атеистам Запада и даже его агностикам далеко до философии *настиков* Востока. Первые грубо отрицают всё кроме материи, последние, то есть индийские материалисты, *настики*, отнюдь не отрицают возможности существования того, чего они не понимают. Истинный философ поймёт *дух*, а не букву их отрицания. Он легко убедится в том, что если, указывая на абстракцию, называемую *Парабрам*, они учат, что этот принцип "без произвола и деятельности, без чувств, как и без сознания", то делают они это именно потому, что, по их понятию, *единое* под этим названием есть *безусловный* произвол, *безначальная* и *бесконечная* деятельность, *самобытные* самосознание, самомышление и самочувствие.

Выходит так, что пантеисты Индии, удерживая своих идолов, грешат только избытком религиозного, хотя и дурно применяемого чувства. Да и то сказать: после всесокрушающего и ровно ничего не созидающего, *животного* материализма Европы, такой пантеизм является нравственным и душевным отдохновением, цветущим оазисом среди мёртвой, песчаной пустыни. Лучше верить *хотя в одно из качеств божества*, олицетворив его и поклоняясь ему под тем видом, которое по силе разумения каждого представляет ему удобопонятнейшее представление и символ *Всего*, – нежели, отвергая это *Всё* под предлогом, что оно недоказуемо научными путями, не верить ни во что, как то делают наши учёные материалисты, да и модные агностики.

С точки зрения всего вышесказанного, хотя удивляясь и даже искренно смеясь над оригинальным выбором предмета божественного поклонения мистера Питерса, мы поймём, почему из ярого материалиста школы Милля и Клиффорда он так внезапно и неожиданно для всех превратился в пантеиста и даже в *пуджиста*[1].

А теперь вернёмся снова в Диг.

Радда-Бай

1 От слова *пуджа* – поклонение богам по установленным правилам; не молитва, а обрядность.

Письмо XXXIII[1]

Рассказ Мульджи, весьма сокращённый мною, но в его устах переполненный подробностями, довёл нас незаметно до обеденного часа, то есть до пяти часов пополудни.

Кругом нас стоял невыносимый зной. День, проведённый нами в Диге, был до того жаркий, что можно было заподозрить *Сурью* в желании испечь живыми всех поклоняющихся ему джатов, а вместе с ними и нас грешных, так часто проклинавших его горячие ласки…

Палящие лучи обливали как растопленным золотом мраморные стены и купола киосков, лежали ослепляющими пятнами на сонных водах прудов, пускали смертоносные стрелы во всё живое и мёртвое. Они заставили даже кучи попугаев и павлинов, которыми сады Индии изобилуют, как наши русские огороды воробьями, прятаться в самую чащу кустов. Тишина вокруг нас стояла непробудная… Всё спало, всё млело и горело…

Но мы ещё до начала рассказа о мистере Питерсе забрались в центральную беседку из мрамора, высокую и почти спрятанную в самой чаще сада, где, не рискуя выходить из найденного нами благословенного приюта, наслаждались в нём относительной, конечно, прохладой. Окружённая со всех сторон водой небольшого бассейна, среди которого она возвышается, обширная и затемнённая водяными ползучими растениями, она давала нам приют, где мы не чувствовали ни большего жара, ни утомления. К нам, на несколько сажен в окружности, манило тенью и прохладой; за чертой зеркального, миниатюрного пруда пылал ад и земля трещала и лопалась от огненных лобзаний страшного весеннего солнца, лучи которого лизали своими пламенными языками всё ещё роскошную, но уже увядающую растительность сада. Розы сжимались и осыпались; даже лотос и водяная лилия закручивали в трубочку окраины своих толстых, выносливых лепестков, словно брезгливо сторонясь от жгучего прикосно-

1 Русский Вестник, февраль 1886, том 181, с. 792-822.

вения. Одни орхидеи, "цветы страстей"[1], высоко поднимали свои пёстрые, насекомообразные чашечки, упиваясь этим огненным потоком, как другие цветы упиваются прохладной росой…

Что за оригинальный, прелестный сад! Разбитый на голой скале, на пространстве каких-нибудь ста двадцати сажен [256,03 м] в длину да пятидесяти [106,68 м] в ширину, он заключает в себе более двухсот больших и малых водомётов и фонтанов. Управляющий, слащавый, похожий на евнуха старик, уверял нас, что "не все водомёты пущены"; многие засорились и попортились; но что в день приёма в Диге, если не ошибаюсь, принца Уэльского, их было шестьсот. Но мы остались вполне довольны и двумя стами. За несколько рупий садовники доставили нам возможность чувствовать себя среди восхитительной прохлады целый день и гулять лунной ночью в аллее, обсаженной вместо деревьев двумя сплошными рядами высоко бьющих фонтанов. Ничто не могло сравниться с эффектом этих двух стен водяной пыли, искрящейся в лунном свете бриллиантами и переливающей всеми радужными тенями перламутра. Чудный уголок, а между тем забытый всеми, не посещаемый никем, кроме случайно проезжих англо-индийских чиновников, всегда готовых пользоваться угощениями туземных принцев, а в благодарность поносить их на всех перекрёстках.

Махараджа Бёртпурский сам и не заглядывает в Диг. Джатский потентат[2], питомец правительства, предпочитает шипенье шампанского журчанию всех фонтанов своего прелестного дворца, и нет для него мелодии слаще звука откупориваемой бутылки коньяку…

Таким образом, вековой тенистый сад глохнет в своей дикой красоте, брошенный людьми, но зато предоставленный в полное распоряжение целой армии великолепных, хотя тоже

1 *Passion flower*, называется потому, что этот род орхидей распускается вполне только в полуденный зной, но вовсе не от того, что его лепестки представляли подобие креста, гвоздей и тернового венца, как многие уверяют.

2 Потентат [тэ], потентата, (от лат. potentatus – верховная власть) (ист.), властелин, властитель. – Прим. ред.

одичалых пав. Любимая птица Юноны (которая в Индии зовётся *Сарасвати*) наполняет сотнями дорожки, важно прогуливаясь и заметая длинными хвостами накопившийся годами сор. Она унизывает сверху донизу деревья, и благодаря её присутствию старый сад часто издали принимает вид заколдованной рощи в волшебной сказке: залитые ярким солнечным светом, косматые деревья словно дышат, шевелясь и волнуясь, и из-за их густой листвы выглядывают, отливая сапфирами и золотом, тысячи сверкающих любопытных глаз… То глазки, рассеянные по хвостам движущихся в ветвях павлинов.

Выйдя на террасу в сад, я долго не могла отдать себе отчёта в этой странной фантасмагории и спустилась по ступеням вниз, чтобы ближе рассмотреть чудное явление. Моё любопытство было тотчас же наказано "оскорблением действием". Тяжёлый полёт сорвавшегося с дерева и испуганного моим внезапным появлением павлина прервал мои размышления о чудесах Индии, сбив у меня с головы топи, а самое меня – с ног. Я утешилась эксплорацией[1] сада, а бабу отомстил за моё падение, вырвав из хвоста другого, ни в чём неповинного павлина полдюжины перьев "на память о Диге!.."

Сад перерезан по всем направлениям узкими дорожками, которые чистятся и освобождаются от накопляющегося на них навоза только пред приездом "именитых гостей", как объяснил нам садовник; из чего, с отличающей нас прозорливостью, мы заключили, что не принадлежим к этой счастливой категории. Во всех углах, и даже в глубине сада, мирно дремлют, в своих мраморных гнёздах, неподвижные воды под покрывалом густой тины. Бассейны фонтанов, пруды и миниатюрные озерки превратились в зелёную кашу, и только воды ближайших ко дворцу прудов очищены и много способствуют общей красоте этого уголка. Невзирая на очевидное запущение, особенно красив восьмиугольный бассейн посредине сада, с прохладным, приютившим нас от жара, киоском. Окружённые меньшими бассейнами с высокими водомётами, вылетающими из корзин роскошных тропических цветов, мы блаженствовали

1 Осмотром, исследованием (англ. exploration). – Прим. ред.

в продолжение целого дня, сидя в нём словно в подводном царстве. К пруду ведут четыре перерезающие его накрест аллеи водомётов, а к киоску – четыре мраморные, ажурные мостика…

Утомлённые разговором, мы теперь сидели в молчании; каждый из нас предавался собственным думам и занятиям. Я читала, подумывая более о такуре, нежели о содержании книги; полковник дремал. Сидя на скамейке у стены и закинув назад голову в чащу ползучей зелени, из-за которой торчала его длинная, седая борода; наш уважаемый глава, полковник О***, слегка похрапывал. Нараян и Мульджи сидели на корточках на полу, а бабу поместился наподобие кариатиды на пьедестале какого-то сломанного и отсутствующего идола, и тоже дремал.

Так мы сидели не двигаясь, сонные и молчаливые, довольно долго. Наконец, часам к 5½, дремлющий сад стал постепенно просыпаться; жара остывала, павлины вылезали из своих углов, стаи зелено-золотистых попугаев перекликались с верхушек деревь… Ещё несколько минут – и солнце исчезнет за чертой солёных озёр; истомлённая за день природа отдохнёт до следующего утра, остынет до нового огненного искуса.

Я бросила книгу и стала наблюдать, как всё вокруг нас начинало дышать и двигаться. Сад превращался из пещи Данииловой в рощу классической идиллии: недоставало в нём только игривых, плещущихся нимф, да весёлой свирели Пана. Прозрачная влага пруда отражала теперь только синее небо, да на ночь садившихся по вырезным перилам мостика тщеславных павлинов. Приготовляясь ко сну грядущему, они играли хвостами, как испанки веером: распуская и снова закрывая их и снова любуясь их отражением в воде… Наконец, брызнув последними золотыми искрами, солнце исчезло, и на нас потянул лёгкий ветерок. В беседке было так хорошо, так прохладно, что мы решительно отказались идти обедать в душные залы дворца и решили потребовать *кхану* (обед) в беседку, отправив для этого послом бабу.

Неугомонный бенгалец, под предлогом боязни мщения общипанного им павлина, которого он узнал, по его уверению, в одном из сидящих на перилах, вместо дороги по мостику выбрал кратчайший путь, стремительно нырнув с пьедестала,

где восседал, прямо в пруд. Неожиданный всплеск воды перепугал, разбудив дремавшего полковника, который тотчас же заботливо осведомился, нет ли для бабу опасности утонуть?..

– Лучше утонуть, нежели рисковать мщением *оборотня*! – прокричал, захлебываясь водой и фыркая, насмешливый скептик.

– Какого оборотня? – полюбопытствовал наш президент, успокоенный тем, что вода доходила бабу еле до груди.

– Да проклятого павлина! Ведь это тот самый оборотень, что слетел к нам вчера вечером в Бёртпуре на веранду! – горланил бенгалец, с усилием ступая по вязкому дну пруда. – Я же сам видел, как он подмигнул Мульджи на меня.

– Это он всё в мой огород кидает камушками, – заметил хмурясь "генерал". – Разве этот *настика* когда-нибудь во что верил? Он вечно смеётся надо всем и всеми…

– Ну, теперь можете посмеяться и вы над ним… взгляните только на эту фигуру! – сказала я расхохотавшись.

Действительно, бабу представлял прелюбопытное зрелище. Он насилу вылез из тины и, вскарабкавшись на высокий парапет пруда, оставлял за собою на белом мраморе целые потоки зеленоватой грязи. Покрытый болотными травами и тиной, он утратил всякое человеческое подобие.

– Вы походите на утопленника, мой бедный бабу, – засмеялась я ему. – Ну, можно ли чувствовать такое влечение к воде! Ведь это сегодня вы уже во второй раз. Смотрите, не сделайтесь после смерти водяным *пизачей*, да и не утоните когда-нибудь.

– "Чем был, то есмь и тем буду", – получила я в ответ цитату из афоризмов его всеотрицающей секты. – "Прах есмь и прахом буду", а утонуть, говорят, самая приятная и лёгкая смерть, *мам-сааб*…

– Что́ ты *есть*, все видят; чем *будешь*, не ведаю; а вот что ты непременно был в предшедшем своём существовании ньюфаундлендским щенком, так это верно, – отомстил ему Мульджи.

Но бабу не слыхал сделанного сквозь зубы на его счёт замечания. Немного сконфуженный своею наружностью, он бросился бежать опрометью к дому.

Владей я, как то воображал Нараян, даром предвидения, я бы скорее проглотила свой язык, прежде нежели решилась бы на сделанное мною последнее замечание. Бедный, весёлый, беззаботный мальчик!.. Думал ли он тогда, что его ожидает ранняя и столь мучительная смерть в мутно-жёлтых волнах Гангеса?.. До самого сего дня я не могу равнодушно вспомнить о бедном бабу и о весёлых проведённых нами вместе неделях путешествия, хотя уже прошло пять лет с тех пор и почти два года со дня рокового происшествия. Как часто, слишком часто, грезится мне с того времени в тревожном сне эта полуребяческая, худенькая фигурка, вся покрытая чёрно-зелёной тиной дигского пруда! Мнится мне тогда, будто её когда-то блестящие, полные добродушного веселья глаза, теперь стеклянные и потухшие, глядят на меня в упор; и я слышу снова ясно, как наяву, знакомый, смеющийся голос на моё бессознательное пророческое предостережение: "не утоните когда-нибудь", таким же пророческим ответом: "*чем был*, то *есмь*... прах *есмь*, прахом *буду*" – и я просыпаюсь с дрожью ужаса при воспоминании!..[1]

"Неужто так он и остался... *прахом*?" часто задаю я себе вопрос, задумываясь над прошлым. И тотчас же я припоминаю тесно связанный с этою безответной загадкой смерти, неразрешённой ещё нашими европейскими мыслителями, спор между Нараяном и бабу и ответы такура на наши вопросы. Этот спор завязался у них всего несколько дней после памятного для меня проведённого в Диге дня.

---

1 Бедный малый утонул в 1883 году самым ужасным и вместе глупым образом. Между Дера-дуном и Хардваром Ганг ещё не река, а поток мелкий, но чрезвычайно быстрый. Там переходят в одном месте по мостику, а у кого лошади, те ведут её за повод, возле мостика, в воде, не достигающей лошади и по колено. Но бабу захотел, невзирая на предостережение, переехать реку верхом. Лошадь споткнулась и упала, а он запутался в стременах и не мог высвободиться. Поток, по рассказам, катил обоих более мили [1,61 км], до бассейна водопада, где седок и лошадь оба исчезли. Его смерть была, само собою разумеется, приписана "гневу богов"!

Передам этот замечательный разговор *in extenso*[1], надеясь, что для серьёзного читателя он будет интересен, не потому, конечно, что он решил долго мучившие меня лично вопросы, но потому, что он объясняет своеобразный взгляд ведантистов на загробную жизнь, её тайны и вообще на душу человека.

Для вящего уяснения позволяю себе сказать несколько предварительных слов и тем сделать последующий разговор более понятным для читателя. Иначе незнакомому с философией ведантистов (*тайной* школы), и особенно с их сложной теорией души и её значения в вечности, было бы весьма трудно уследить за всеми этими столь разнообразными названиями "духовного человека". Они бесчисленны, как и имена их масок-богов, потому что каждый *аспект* души (или скорее того совокупного духовного *агрегата*, который зовётся у ведантистов *настоящим* человеком, или "духовной личностью", тогда как его бренное тело или *земная* личность считается *иллюзией*), каждое качественное видоизменение души имеет своё особенное, характеристическое название. Например, они делят "земную личность" на три главные группы: духа, души и тела, а затем подразделяют эти группы на семь составных сил или принципов, из коих первые две, дух и "божественная душа" (седалище духа), безличные и бескачественные *per se*[2], а пять остальных именуются *коша*, т. е. "ножнами" или оболочкой разных духовных и земных качеств человека, стало быть личные и качественные. Так *маномая коша* в буквальном переводе вышло бы: "призрачного понятия ножны", то есть седалище или вместилище чисто земных, а поэтому самых *призрачных* концепций человека. Эта *коша* есть оболочка *понятий его земного разума*, в соединении с действиями органов наших пяти чувств, которые, затемняя божественный, чистый разум своими грубыми земными понятиями, превращают таким образом всякую истину в *мираж*.

Особенно затруднительна эта теория для тех, кто, признавая сотворение отдельной души для каждого человека и

1 Полностью, без сокращений (лат.). – Прим. ред.
2 Сами по себе (лат.). – Прим. ред.

отвергая теорию его многочисленных реинкарнаций, тем самым отвергают *эманации*, т. е. самую суть пантеистического учения Индии. Читая, например, о *седмичной*[1] конституции человека, можно подумать, будто в нас сидят семь отличных одна от другой личностей ("семь бесов", по выражению одного русского теософа), которые являются, в своём нумерическом порядке, будто кожицы в луковице, становясь по мере своего удаления от наружной и самой грубой оболочки, т. е. тела, всё эфирнее и субъективнее. Но философия веданты ничего подобного не проповедует. Все эти *коши* придуманы ради уяснения её догмата о полном единстве Параброма – основания и *субстанции* всей *явленной* вселенной; если же не объяснять эманациями этот догмат зарождения качественной вселенной от бескачественного духа, то догмат этот остался бы совершенно непонятным для самих пантеистов.

Дух един и неразделим; а души человечества представляют несчётное число отдельных единиц. Эти души суть эманации, "духи от духа". Но так как безличная и бескачественная *безусловность* лично проявляться не может, то представляется оборотная сторона Параброма, *Мулапракрити*[2], его совечная сила или энергия, *корень* всего существующего. Неотделимая от Параброма, она вместе с ним составляет *невидимую вселенную*. То, что отделяется, не есть *Мулапракрити*, но только свет или сияние от "света вселенной", который и есть эманация, превращающаяся в *видимую* вселенную. Но здесь снова является затруднение: где место для видимой вселенной? Как поместить что-либо там, где всё уже занято даже и в *безграничном* пространстве, если фактически это пространство и есть самое Вездесущее, *Сат*? Как, наконец, извлечь качественное вещество из бескачественного духа, т. е. из того, что является в нашем представлении *ничем*?

Ведантисты решают это затруднение так: *видимая* вселенная есть не что иное как *призрак* наших чувств, временная

1 Семеричной (устар.). – Прим. ред.

2 *Мулапракрити* – буквально "корень материи", т. е. первобытная эссенция вещества. Но так как Парабрам – *Всё*, то и этот корень тот же Парабрам.

иллюзия столь же временных, как и обманчивых понятий *земного* человека, который и сам есть иллюзия и одна *коша* или ножны духовной и поэтому единственной *реальной* личности. Ни видимый мир, ни объективный человек, *не существуют* в действительности; ибо всё видимое и подлежащее сознанию посредством свидетельства наших пяти чувств есть *самообман*, потому что существует и есть всё лишь одно – *Сат*.

Но прежде чем превратиться из *реального* "ничто" хотя бы в *призрачное* "нечто", такая трансформация должна происходить постепенно. "Сияние от света" есть всё-таки Парабрам бескачественный, стало быть и неспособный к действию. И вот *тень* – конечно, тоже "призрачная", ибо тени без тела не бывает, а Парабрам бестелесен, – начинает в постепенной дифференциальности своего бессознательного действия (*nota bene*[1] – бессознательного только в нашем условном понятии о самосознании) превращаться из бескачественного и безличного в качественное и личное, т. е. сперва в видимые миры, а затем и в человека. Но человек, как и миры, не мог быть сотворён *разом*, даже в той грубой оболочке, которую мы *воображаем* видеть в нём. Он был сформирован и образовался следующим порядком:

Группа I

1. Брама или *атман*, луч Парабрама, или дух.

2. *Будди* – его *вахан* или вместилище, носитель духа; высшая или божественная душа.

(Эта двойственная единица есть *корень* человека, хотя в нашем понятии эта сама по себе *безличная* и *бескачественная* единица является чистою *абстракцией*. Её личность начинает слагаться и обрисовываться только по прошествии многих воплощений, так как *будди*, чтобы приобресть даже духовные качества, должна, унося их после смерти земной личности, брать их от первого принципа II группы – *манас*).

Группа II

1 "Заметь хорошо" (лат.) – Прим. ред.

3. *Манас* – седалище ума. В совокупности с *камарупой* (см. ниже) это и есть настоящая земная личность, *Ego* человека или обитаемого ею тела, и зовётся *человеческою* или *земною* душой, когда она подразумевается в своей отдельности от *будди*, или "божественной души". В соединении же с *будди* она называется *сутраттмой* (нить-душа), так как она одна из этой тройной группы следует, изменяя только свои личные качества, за первой группой во всех её земных воплощениях.

4. *Кама-рупа* – "седалище желаний". Этот принцип переживает человека, но вместе с

5. *Маяви-рупой*, "призрачным телом" или *двойником* личности, со временем исчезает. Эти 4-й и 5-й принципы превращаются после смерти человека в *пизачи*, или в тех материализованных "духов", в которых спириты видят *души* своих покойников, а брамины – *бесов*.

Группа III

6. *Джива*, или жизнь; "жизненный принцип".

7. *Штуль-шарира*, или тело человека, маска души.

Эта группа есть самая кратковременная изо всех "иллюзий", которая и исчезает бесследно после её разрушения.

Таким образом, мы видим, что три группы с их семью разделениями резюмируются все "божественной душой". Безличная и бескачественная единица должна приобретать личность и духовные качества от каждой новой *манас*, т. е. от разумного *Ego*, и не в одной, а в бесчисленной серии его воплощений. Прежде нежели она может успеть сделаться *богоподобной* личностью, достойной соединиться даже временно с *Сат*[1] и перестать быть "иллюзией", она должна пройти все стадии людского страдания, испытать лично всё испытываемое беспомощным человечеством, делать самоличные усилия к очищению себя от земной грязи, извлекая из обитаемых ею

1 *Сат* – слово почти непереводимое на европейские языки. Здесь *Сат* означает *единосущную реальность*, кроме которой всё одна иллюзия, самообман. *Сат* есть вечная, безграничная *суть* всего, в вечном и безграничном пространстве, где кроме *Сата* нет ничему более места. Словом, *Сат* есть единосущие бескачественного и безусловного духа – *неявленного* божества.

личностей только высшие, духовные качества, *если такие имеются*, перегорать как золото в огне. Всякое новое воплощение есть новый шаг к очищению и совершенству. Всё это для того, чтобы в конце веков и всё прошлое человечество могло также жить поистине в Боге, как Бог будет жить в будущем (человечестве), "в седьмом", учат ведантисты *тайной школы*, называя настоящее человечество только *пятым*.

А теперь следующий разговор с такуром сделается понятнее читателю.

– Учитель, – спрашивал Нараян такура, среди горячего спора с бедным бабу, – что это он говорит и возможно ли это слушать!.. Чтоб от человека после смерти его ровно ничего не оставалось? Чтоб его тело, как он уверяет, просто разлагалось на свои составные элементы, а что мы называем душой, а он "временным самосознанием", испарялось, исчезая, как пар из застывшего кипятка?..

– Что ж такого в этом странного? Ведь бабу *чарвака*[1] и поэтому говорит лишь то, что тебе скажет всякий другой *чарвака*.

– Но ведь *чарваки* врут! Есть и другие, которые верят, что настоящий человек не есть его физическая оболочка, а заключается в его разуме, в седалище его самосознания... А разве может самосознание покинуть душу даже после нашей смерти?

– В *его случае* может, – отвечал также хладнокровно такур, – потому что *он искренно и твёрдо верит в то, что теперь проповедует*.

Нараян бросил удивлённый, полный смятения взгляд на такура, а бабу, побаивавшийся последнего, окинул нас торжествующей улыбкой.

– Но как же так?.. Ведь веданта учит, что "дух Духа" бессмертен и душа человеческая не умирает в Парабраме... Разве есть исключения?..

– В основных правилах духовного мира исключений не может быть, но есть правила для зрячих и правила для слепых.

1 Чарвака – секта бенгальских материалистов.

– Это я понимаю; но в таком случае, как я ему и сказал, его "полное и окончательное исчезновение самосознания" не более, как аберрация слепого, который, не видя солнца, отрицает его… но узрит его духовными глазами после смерти…

– Ничего он не узрит. Отрицая его при жизни, он не увидит его и за гробом.

Заметив, что Нараян страшно волнуется и что даже мы оба с полковником уставились на него в ожидании более определённого ответа, такур, очевидно, нехотя продолжал:

– Ты говоришь о "духе Духа", об *атмане*, и смешиваешь дух с душой смертного, то есть с *манас[ом]*. Дух, без сомнения, бессмертен, ибо он без начала и стало быть без конца. Но речь идёт теперь не о духе, а о человеческой, сознающей себя душе; ты её смешиваешь с первым, а бабу отрицает и то, и другое, как дух, так и душу. Вы оба не понимаете друг друга.

– Его-то я понимаю, но…

– Не понимаешь меня?.. Постараюсь высказаться яснее. Вся суть твоего вопроса приводится к следующему: ты желаешь узнать, возможна ли, даже в случае закоренелого материалиста, полная утрата его самосознания и самочувствия после его смерти? Так что ли?

– Да, потому что он вполне отрицает всё то, что для нас составляет несомненную истину… во что мы все свято веруем…

– Хорошо. На это я, веруя так же свято, как и ты, в наше учение, которое называет посмертный период, то есть промежуточное время между двумя жизнями, лишь *временным* состоянием, отвечаю утвердительно и говорю: один ли год или миллион лет продолжается этот антракт между двумя действиями иллюзии жизни, загробное состояние может безо всякого нарушения правил оказаться совершенно тем состоянием, в каком находится человек во время глубокого обморока. Бабу, стало быть, *в его случае прав*.

– Но почему же… и как… коль скоро правило бессмертия не допускает, как вы нам говорите, исключений?.. – осведомился полковник.

– Не допускает, конечно: *для всего того, что действительно существует*. Тому, кто изучал *Мундакья Упанишад и Ведантасару*, не следовало бы и спрашивать…

– Но *Мундакья Упанишад* именно и учит, – робко заметил Нараян, – что между *Будди*[1] и *манас[ом]*[2], как между *ишварой* и *праджной*,[3] на самом деле не более разницы, как *между лесом и его деревьями, между озером и его водами*…

– Совершенно справедливо: потому что одно или даже сотня засохших от потери жизненного сока или вырванных с корнями деревьев не могут помешать лесу оставаться тем же лесом…

– Так… но ведь *будди* представляет в этом сравнении лес, а *манас-тайджази*[4] деревья. А если первая бессмертна, то как же, будучи тем же, что и *будди*, может *манас-тайджази*[5] потерять совершенно сознание до своего нового воплощения?.. Это-то и затрудняет меня…

– Напрасно, если ты только возьмёшь на себя труд не смешивать абстрактное представление целого с его случайными видоизменениями. Вспомни, что если мы можем, говоря о *будди*, сказать: "она безусловно бессмертна", то нельзя сказать того же ни о *манас*, ни о *тайджази*. Ни та, ни другая не существуют отдельно от божественной души, потому что первая есть качественная принадлежность земной личности, а вторая – то же, что и первая, только с отражением в себе *будди*. В свою очередь, *будди* оставалась бы только *безличным* духом без этого в себе элемента, заимствованного ею от человеческой души и который обусловливает и делает из неё нечто *как бы отдельное от Всемирной души* на всё время цикла человеческих воплощений. Скажи ты поэтому, что *будди-манас* не может

1 "Божественная душа" человека.
2 *Манас*, как седалище земного рассудка, даёт мировоззрение, основанное на свидетельствах этого разума, а не духовное прозрение.
3 *Ишвара* – "коллективное сознание" явленного божества, Брамы; а *праджна* его индивидуальная мудрость.
4 *Тайджази* "светозарная" – вследствие связи её с *будди*; *манас* – озарённая светом "божественной души".
5 *Манас-тайджази* – "светозарный разум", *человеческий* ум, освещённый светом духа; а *будди-манас* "божественное откровение *plus* человеческий разум и самосознание".

ни умереть, ни потерять сознания ни в вечности, ни во время переходных периодов, и тогда, по нашему учению, ты был бы прав. Но применять эту аксиому к её качествам, всё равно как если бы ты настаивал, что так как душа полковника О*** бессмертна, то значит и румянец на его щёках тоже должен быть бессмертным. Выходит, что ты, очевидно, смешал в своих понятиях сущность с явлением; забыл, что в соединении с одною манас или "человеческой" душой – светозарность самой тайджаси делается вопросом времени; так как и бессмертие и загробное сознание становятся для *земной* личности человека качествами вполне условными, завися от сотворённых ею самою, при жизни её тела, условий и верований. *Карма* (закон возмездия) действует непрерывно: *и мы пожинаем в мире загробном плоды лишь того, что сами посеяли в этой жизни*.

– Но если моё *Ego* может очутиться после разрушения моего тела в состоянии полной бессознательности, то какое же может быть *для меня* в этом наказание за грехи моей жизни? – спросил полковник, задумчиво поглаживая бороду.

– Наша философия учит, что наказания постигают *Ego* только в будущем воплощении, а непосредственно за гробом ожидают нас только награды за понесённые и *незаслуженные* страдания в земной жизни. Всё наказание, как видите, *состоит в отсутствии награды, в полной потере сознания своего счастья и покоя*. Карма – дитя земного *Ego*, плод действий его всеми видимой личности, *даже помышлений и намерений* духовного я; но она также и нежная мать, которая залечивает нанесённые ею в предшедшей жизни раны, прежде чем станет снова бичевать это *Ego*, нанося ему новые. Если нет в жизни смертного такого горя или несчастья, которое не было бы плодом и прямым последствием греха в его предшедшем существовании, то зато, не сохранив о том ни малейшего воспоминания в настоящей жизни и чувствуя себя не заслуживающим такой кары и поэтому страдающим *безвинно*, вследствие уже одного этого человеческая душа достойна утешения и полного отдыха и покоя в жизни загробной. Для вашего духовного "я" смерть является всегда избавительницей

и другом: безмятежным сном младенца, или же сном, полным блаженных грёз и сновидений.

– Но, сколько мне помнится, периодические воплощения *сутратмы*[1] уподобляются в *Упанишаде* земной жизни, проходящей поочерёдно между сном и бдением… Так ли это? – спросила я, желая возобновить первый вопрос Нараяна.

– Так; это сравнение очень верное.

– Не сомневаюсь; только я его плохо понимаю. После сна для человека начинается другой день, но человек душой, как и телом – всё тот же самый, что был и накануне; тогда как при каждом новом воплощении меняются не только его наружная оболочка, пол и самая личность, но, по-видимому, и все его духовные качества… Да и как же это сравнение может быть верным ввиду того, что люди, восстав ото сна, хорошо помнят не только то, что они делали вчера, но и за многие дни, месяцы и даже годы назад, а между тем в своей настоящей жизни они не сохраняют ни малейшего воспоминания о какой-либо прошлой своей жизни… Ведь проснувшийся человек может, пожалуй, забыть то, что он видел во сне, но он всё-таки знает, что он спал и что во время сна он жил… о прошлой же жизни мы даже и этого не знаем. Как же так?

– Есть такие, быть может, что и знают, – как-то загадочно произнёс такур, не отвечая на прямой вопрос.

– Подозреваю… только *не мы*, грешные. Поэтому как же нам, не достигшим ещё до *самма-самбудда*[2], понимать это сравнение?

---

1 В *Веданте Будди*, в своём совокуплении с духовными качествами, сознанием и понятием тех личностей, в которых она воплощалась, называется *сутраттмой*, что буквально значит "нить душа"; потому что как перлы на витке, так целый длинный ряд жизней человеческих нанизывается на эту нить. *Манас* должна сделаться *тайджази* (светозарною), дабы в соединении с *сутраттмой*, так сказать вися на ней, как жемчужина на нитке, достигнуть и *прозреть* себя в вечности. Но часто, вследствие греха и ассоциации с чисто земным разумом, и самая эта светозарность исчезает.

2 Познание прошлых своих инкарнаций. Одни йоги и адепты тайных наук достигают де посредством величайших аскетических подвигов такого полного прозрения *всего* своего прошлого.

– Изучая его и поняв правильнее характеристику и три рода того, что мы называем сном.

– Ну, это довольно трудно. Даже наши величайшие физиологи только запутались на этом вопросе, а провалившись в объяснениях сами, запутали нас ещё более, – засмеялся полковник.

– Потому что взялись не за своё дело, а за обязанность психологов, которых у вас, в Европе, вовсе нет, по крайней мере между учёными. Западные психиатры те же физиологи, только под другим названием, и действуют на основании принципов ещё более материалистичных. Прочтите хоть Моудзле (Maudsley), и вы увидите, что они лечат от душевных болезней, не веря в существование самой души.

– Но мы снова удаляемся от предмета наших расспросов, который вы как будто не желаете нам выяснить, такур-саиб… Вы точно подтверждаете и одобряете теории бабу, а ведь он именно на том основании, что мы ничего не знаем ни о нашей прошлой земной, ни о посмертной жизни, и желает доказать, что за гробом нет и не может оставаться какого-либо сознания…

– Говорю снова: бабу – *чарвака*, который и повторяет то, чему его учили. Я подтверждаю и одобряю не самую систему материалистов, но только правильность воззрений самого бабу в том, что касается его личного загробного состояния.

– Выходит поэтому, что такие, как бабу, должны составлять исключение из общего правила?

– Нисколько. Сон есть общее и неизменное правило как для человека, так и для всякой земной твари. Но есть разные сны и ещё более разные сновидения…

– Но он отрицает не одно сознание в посмертной жизни и в её сновидениях, говоря языком *Ведантасары*. Он отвергает бессмертную жизнь вообще, как и бессмертие собственного духа.

– В первом случае он поступает совершенно по канонам европейской современной науки, основанной на свидетельстве наших пяти чувств. В этом он грешен только пред теми, кто не разделяет его мнений. Во втором случае он не менее прав: без предварительного внутреннего сознания и веры в бессмертие

души ей не сделаться будди-тайджази[1], она останется манас; а для одной *манас* бессмертия быть не может. *Дабы жить жизнью сознательной в загробном мире, следует сперва уверовать в тот мир в земной жизни*. На этих двух афоризмах тайной науки построена вся наша философия о посмертном сознании, как и о бессмертии души. *Сутратма* получает всегда по своим заслугам. По разрушении тела для неё начинается либо период полного бдения, либо сон хаотический, либо непробудный сон без грёз и сновидений. Если ваши физиологи нашли причинность снов и грёз в бессознательной заготовке их во время бдения, почему то же самое не признать и по отношению к *посмертным* сновидениям? Повторяю то, чему учит *Ведантасара*: *смерть есть сон*. После смерти, пред духовными глазами души, начинается представление по заученной нами при жизни, а часто нами же самими сочинённой программе: практическое исполнение наших или *правильных* верований, или же созданных нами самими иллюзий. То посмертные плоды древа жизни. Понятно, что вера или безверие в факт сознательного бессмертия не могут повлиять на безусловную действительность самого факта, коль скоро он существует. Но как вера, так и безверие в него отдельных личностей не могут не обусловить действий этого факта в его применении к каждому в частности. Теперь, надеюсь, вы поняли?

– Начинаю понимать. Материалисты, не веря ни во что, не проверяемое их пятью чувствами и так называемым *научным* разумом, и отвергая всякое духовное проявление, указывают на земную жизнь как на единственное сознательное существова-

1 То есть без полной ассимиляции с божественной душой, земной душой или *манас* – не жить в вечности сознательной жизнью. Она делается *будди-тайджази* (или *будди-манас*), когда её стремления влекут её при жизни от земного к миру духовному. Тогда, упитанная эссенцией и проникнутая светом своей божественной души, *манас* исчезает в *будди*, делается ею самою, сохраняя одно лишь духовное сознание о своей земной личности. Иначе, как *манас*, то есть *человеческое* мнение, основанное на свидетельстве только физических чувств, – земная или личная наша душа впадает, так сказать, в непробудный сон, без грёз и без сознания, до нового воплощения.

ние; поэтому, по вере, а в их случае по *безверию*, и воздаётся им позднее. Они утратят своё личное "я", заснут бессознательным сном до нового пробуждения. Не так ли?

– Почти так. Можете добавить, что ведантины, признавая два рода сознательных существований, земное и духовное, указывают только на последнее, как на *неопровержимую* действительность; земная же жизнь, вследствие её изменчивости и кратковременности, одна иллюзия обманчивых чувств. Жизнь наша в сферах духовных уж по тому одному должна признаваться действительностью, что в них живёт никогда не меняющееся наше бесконечное и бессмертное "я", *сутратма*, тогда как при каждом новом его воплощении оно одевается в совершенно отличную от предшедшей личность временную, преходящую, в которой все, кроме её духовного прототипа, обречено на бесследное разрушение.

– Но позвольте, такур, разве личность, моё земное, сознательное "я", может погибнуть не только временно, как в случае материалистов, *но даже бесследно*?

– По нашему учению, оно даже *должно* так погибнуть и во всей своей полноте, кроме того в ней начало, которое, соединясь с *будди*, стало чисто духовным, составляя с ней впредь и навеки одно несокрушимое целое. Но в случае завзятого материалиста может случиться что, так как ни сознательно, ни бессознательно ровно ничего из его личного "я" никогда не отражалось в *будди*, то ей и не приходится уносить в вечность ни одного атома этой земной личности. Ваше духовное "я" бессмертно; но от вашей настоящей личности оно унесёт с собой лишь *то, что заслуживает бессмертия*, то есть один аромат скошенного смертью цветка.

– Ну, а сам цветок или земное "я"?

– Сам цветок, как и все прошлые и будущие цветки, которые цвели и будут цвести после них на родной ветке, *сутратме*, дети одного корня *будди*, обратятся в прах. Ваше настоящее "я" не есть, как вам самой должно быть известно,

сидящее предо мной наше *тело*,[1] ни ваша *манас-сутратма*, а *сутратма-будди*.

– Но это не разъясняет мне, почему вы называете загробную жизнь бессмертной, бесконечной, действительной, а жизнь земную зовёте *призраком*? Ведь, по вашему учению, выходит, что загробная жизнь имеет свои пределы, что и она, хотя продолжительнее земной жизни, но все же должна иметь свой конец.

– Без сомнения. Духовное *Ego* человека двигается в вечности, как маятник, между часами жизни и смерти. Но если эти часы, периоды жизни земной и жизни загробной, ограничены в своём продолжении, и даже самое число таких этапов в вечности, между сном и бдением, иллюзией и действительностью, имеет своё начало, как и свой конец, то сам *духовный* странник вечен. Поэтому и часы его загробной жизни, когда, разоблачённый, он стоит лицом к лицу с истиной, а не с миражами его преходящих земных существований, во время периода его скитальчества, который у нас зовётся "циклом рождений", составляют в наших воззрениях *единственную действительность*. Такие перерывы, невзирая на их конечность, не только не мешают *сутратме*, постоянно совершенствуясь, следовать всё время неуклонно, хотя постепенно и медленно по пути к её последней трансформации, когда она, достигнув цели, становится "божественным" существом; они не только содействуют достижению этой цели, но без таких конечных перерывов *сутратме-будди* никогда бы и не достигнуть её. *Сутратма* – актёр, а её многие и разнохарактерные воплощения – роли его. Не назовёте же вы, я полагаю, эти роли, а тем менее их костюмы, личностью самого актёра? Как и он, душа принуждена играть во время цикла рождений, и до достижения самого преддверия *паранирваны*[1],

1 Ведантины чувствуют такое полное презрение к физической оболочке, что, говоря о чисто механических действиях тела, они не употребляют местоимения я, и говорят: "Это тело ходило", "эти руки делали" и т. д. Лишь когда речь идёт об умственных действиях, они заявляют о себе: "Я думал", "Я желал" и т. д.

1 Между *нирваной* и *паранирваной* есть большая разница. *Нирвана* – та духовная жизнь, которою живёт каждая *личная* душа *сутратмы*

много таких, часто неприятных для ней ролей; но как пчела собирает с каждого цветка его мёд, оставляя остальное на пищу земным червям, так и наша духовная личность, *сутратма*, собирая один нектар душевных качеств и самопознания каждой земной личности, в которую карма принуждает её воплощаться, сливает наконец все эта качества воедино, являясь тогда существом совершенным, дьян-чоханом[1]. Тем хуже для земных личностей, с которых ей не пришлось что-либо собрать. Такие личности, конечно, не переживают *сознательно* своего земного существования.[2]

– Стало быть, бессмертие для земной личности всё-таки условный вопрос, и самое бессмертие *не* безусловно?

– Нисколько; оно только не простирается на *несуществующее*. Для всего того, что существует, как *Сат* или исходит от

(кроме душ материалистов, как видно), то есть душа А., или душа Б., после каждого своего разоблачения и которая ей присуждается законом возмездия (*кармой*) за её личные земные страдания. *Паранирвана* же – то блаженное состояние, которое ожидает *сутратму* в её полном составе, то есть в совокупности всех личных душ, нанизанных на этой *нити*. "Душа" – неправильное выражение, но я его употребляю за неимением у вас термина более подходящего: следовало бы сказать не "личных душ", а "одних *ароматов* личных душ", по выражению такура. Ибо, по "разрушении мира" (*пралайи*), все эти "ароматы", слившись в одно целое, образуют единого "божественного человека", который и *живёт в Парабраме* – вечно; тогда как каждая душа отдельно взятой личности живёт только в луче божества, в *атма-будди*, временно. Между *нирваной* и *паранирваной* аналогическая разница как между состоянием души *до* и *после* дня Страшного Суда.

1 Дьян-чохан, *esprit planetaire* [планетарный дух (фр.)], "от Парабрама исходящий и в Парабрама вновь уходящий" после жизненного цикла.

2 Философия *тайной* веданты не верит в ад и не допускает наказания за земные грехи в духовном мире. Человек де родится беспомощным, игрушкой внешних, не зависящих от него обстоятельств, хотя он и одарён свободным произволом. Он столько страдает безвинно в этом мире, что бесконечное милосердие даст ему полный отдых в мире теней; и только затем уже, в следующей земной жизни и в новом воплощении, он понесёт должное наказание за грехи в предшедшей своей *роли*. Выбор всякой такой последующей жизни и наказание определяются и приводятся в исполнение *кармой*, "законом возмездия". Это де доказывается тем, что на нашей земле постоянно страдают, по-видимому, ни в чём неповинные люди.

Сата, бессмертие, как и бесконечность, безусловны. *Мулапракрити* – оборотная сторона Парабрама, но оба одно и то же. Суть этого *всего*, т. е. дух, сила, материя, бесконечна, как и безначальна, но форма, приобретаемая этим тройным единством во время воплощений, внешность есть, конечно, только одна иллюзия личных концепций. Поэтому мы и назвали одну загробную жизнь *действительною*, а земную, со включением в ней самой земной личности, называем *призрачною*.

– Но зачем же в таком случае называть реальность сном, а призрак – бдением?

– Сравнение сделано для облегчения нам представления; с точки зрения земных понятий оно весьма верное.

– Зачем, если загробная жизнь основана на справедливости, на заслуженном воздаянии за всю земную скорбь, а *сутратма* пользуется малейшим проблеском духовных качеств в каждом из своих воплощений, то как же можно допустить, чтобы духовная личность в нашем бабу, – он ушёл, и мы можем говорить о нём не стесняясь, – чтобы личность в этом мальчике, столь идеально честном, благородном, бесконечно добром, невзирая на все его безверие, чтобы эта личность, говорю я, не перешла в бессмертие, а погибла как "навоз от цветка"!

– Кто же, кроме его самого, когда обрекал его на такую судьбу? Я знаю бабу с малых лет и вполне уверен, что жатва с него *сутратмой* будет обильная; хотя его безверие и материализм далеко не напускные, но всё-таки умереть навеки и в полноте своей личности *он не может*.

– Но вы же, такур, сейчас только подтверждали правильность его воззрений на его личное состояние за гробом?.. А его воззрения – то, что у него улетучится после смерти *всякое сознание*...

– Подтверждал и снова подтверждаю. Можно проспать несколько станций на железной дороге и всё-таки, не сохранив об *этих* ни малейшего сознания, проснуться на следующей и достичь цели путешествии уже в сознательном состоянии. Вы нападаете на сравнение между сном и смертью? Так вспомните же, что даже человеку известны три рода сна: непробудно-

крепкий, без малейшего сновидения; сон с хаотическими, неопределёнными сновидениями; наконец со снами, столь живыми и ясными, что для спящего они делаются на время полной действительностью… Почему же в таком случае вы не можете допустить, что так бывает и с освобождённою от тела душою? По разлуке с ним для неё начинается, смотря по её заслугам, а главное, *её вере*, жизнь либо вполне сознательная, либо полусознательная, или же она впадает в тот непробудимый сон без грёз, как и без сознания, который равняется состоянию *небытия*. Это есть исполнение "программы", о которой я говорил, сочинённой и заготовленной заранее для себя материалистами. Но материалист материалисту рознь. Человек злой или даже просто большой эгоист, прибавляющий к своему полному безверию равнодушие ко всему миру, должен непременно оставить у преддверия смерти свою личность навеки. Ей нечем зацепиться за её *сутратму*, и с последним вздохом её обрывается между ними всякая связь. Но такие, как бабу, проспят только одну "станцию". Придёт время, когда и он сознаёт себя снова в вечности и раскается, что потерял даже *один* день[1] из жизни вечной.

– Но вернее ли всё-таки сказать, что смерть есть рождение к новой жизни или, ещё лучше, возвращение в вечность?

– На деле оно так и есть, и я ничего не имею против перефразировки. Но только с нашими условными понятиями о материальной жизни слова "жить" и "существовать" неприменимы к чисто субъективному состоянию посмертного бытия, и если бы они употреблялись в нашей философии без твёрдого

1 В ответ на часто получаемое ведантинами замечание, что сотни и тысячи таких прожитых *сутратмой* или *Ego* человека земных жизней, всё-таки равняются как бы вместо бессмертия полному исчезновению каждой личности, они обыкновенно отвечают: "Возьмите для сравнения с вечностью жизнь человека на земле – жизнь, составленную из стольких-то дней, недель, месяцев и лет. Если эта личность сохранила в старости хорошую память, то она может легко вспомнить все выдающиеся в её прошлой жизни дни и годы. Но, и забыв некоторые из них, разве она не остаётся всё одной и той же личностью? Так и для божественного *Ego* при конце цикла воплощений. Для него каждая отдельная жизнь будет тем же, что каждый отдельный день в жизни человека".

знания всех её объяснений, то ведантины весьма скоро пришли бы к странным идеям, которые преобладают в наше время между американскими спиритами, проповедующими о вступающих в брак "духах" как между собой, так и со смертными… Как и у истинных, а не номинальных христиан, загробная жизнь ведантинов есть та страна, где нет ни слёз, ни воздыханий, где ни посягают, ни женятся… Поэтому и вследствие того, что жизнь разоблачённой души, обладая всей живостью реальности, как в иных сновидениях, не имеет ни одной из грубо объективных форм земной жизни, пригодных только для телесных чувств, наши философы и сравнили её с грёзами во время сна. А теперь я, кажется, всё объяснил…

Мы разошлись, но этот разговор запал мне в душу, и я его никогда не забывала.[1] В тот день я чуть не поссорилась с бабу за его *чарвакские* выходки; но в этом бенгальце, невзирая на все его добрые качества, недоставало какой-то струны… и я решила предоставить его собственной участи. Однако часто, – как часто! – после его ранней смерти я сожалела о своём равнодушии…

Едва мы кончили обед в беседке, как нам доложили, что какой-то молодой человек в одежде йога, присланный "такур-саибом", просит позволения видеться с нами. При имени такура полковник, осведомлявшийся уже несколько раз о своём *гуру* (учителе), но не получивший никакого удовлетворительного ответа от Нараяна, поспешно вскочил из-за стола.

– Пусть, пусть он войдёт! – засуетился он в восторге. – Я уверен, что это его *челла*, которого он обещал выслать по приезде домой, собственно для моего специального обучения в *пранаяме*…[2]

– Что ж вы, тотчас после обеда, думаете взять первый урок?.. – осведомилась я.

– Конечно, если только *челла* будет согласен… Зачем терять дорогое время?

---

1 Этот разговор изложен также в книге Е. П. Блаватской «Ключ к теософии» в главе IX «О кама-локе и дэвачане». – Прим. А. Д. Тюрикова.

2 Первоначальный метод обучения кандидатов в йоги. Процесс состоит в том, чтобы постепенно приучаться не дышать, произнося известные мантры.

– Но ведь с вами ещё, чего доброго, сделается удар на полный желудок… Вы просто сходите с ума с вашею страстью к *йогизму*. Вспомните, что я вам говорила… предостерегая вас, на станции, возле Бёртпура…

– Помню, помню, – обиженно проговорил наш президент. – Я хорошо понимаю и давно сознаю, что вам почему-то не хочется, чтобы я изучал таинства древней Индии…

– Да какие же это таинства? Просто фокусы, и для вас они совсем лишние и даже опасные…

– Буду надеяться, что такур не питает каких-либо вредных замыслов против моей жизни, ни даже против… моего здоровья, – получила я сухой ответ.

Я махнула рукой.

– Полковник, – тихо позвал его Мульджи. – *Мам-сааб* права… *Пранаяму* учатся с самой ранней молодости и…

Но он не успел кончить, а нахмуренное лицо полковника прояснилось улыбкой блаженства: перед ним стоял, неслышно проскользнув босыми ногами по мостику и в темноте, посланный такура…

Он вдруг воспрянул перед нами, словно вырос из-под мраморного пола киоска; весь облитый дрожащим, сильно колеблющимся от ветерка, светом восковых свеч, он стоял у входа, неподвижный, опустив глаза и со сложенными на груди руками. Длинные фантастические тени скользили по его белой одежде и лицу, придавая его маленькой, тонкой, почти прозрачной по худобе фигурке что-то странное и неземное в её очертаниях.

– *Сарва бхишта ммундаха*!.. (Да исполнятся все ваши желания!) – прозвучал его тихий, нежный, как у девушки, голосок, на тамильском языке.

Мы все отвечали на его приветствие, кто как знал и умел. Мульджи и Нараян, бормоча что-то по-санскритски (должно быть, формулу), закрывая ладонями уши и оба низко кланяясь; бабу, оскаля зубы и со сложенными вместе ладонями; я, пробормотав сквозь зубы обыкновенное приветствие по-английски.

Зато полковник отличился, удивив присутствующих вообще, а меня насмешив к тому же несказанно.

Он согнулся в три погибели и, заложив уши ладонями по примеру двух индусов, вдруг распластался перед смиренно стоявшим перед ним юношей и почти уткнулся носом в его голые ноги…

Мы все бросились к нему, думая, что он поскользнулся, слишком низко кланяясь, и упал. Но он вскочил на ноги также проворно и, приветствуя посла ещё раз, проговорив "салам" и, прикасаясь правой рукой ко лбу, приглашал его левой к скамье у стола со всевозможными знаками подобострастного уважения, словно у него дело шло о приёме принца крови.

– Что вы такое творите, полковник? – сказала я ему тихо по-французски. – Ведь он подумает, что вы смеётесь над ним.

– Ради Бога, ни слова! я его узнал… хотя такур только намекал мне про него… Он не простой *челла*, не ученик, а адепт "Братства Рощи"…[1] Вы слышали, он приветствовал нас на тамильском наречии?.. – прошептал в ответ полковник тоже по-французски.

– Так что же это доказывает? Он…

– Извините меня, *madame et monsieur*[2]… что я вас прерываю… Но я говорю по-французски, я родом из Пондишери[3], – вдруг огорошил нас на языке Виктора Гюго новоприбывший тем же тихим, нежным голоском, в котором не слышалось ни малейшей нотки насмешки, столь понятной бы в его случае.

Я не выдержала и расхохоталась на весь сад; но полковник почему-то рассердился, хотя и скрыл довольно ловко неприятную конфузию.

– А… вы из Пондишери? Очень, очень рад. Значить, нам будет легче объясняться… А я уже было боялся, что мы не поймём друг друга…

– Я говорю и по-английски, – прозвучал тот же голос.

---

1 *Brotherhood of the Grove* – известное, хотя тайное общество мистиков в Мадрасском президентстве.

2 Мадам и месье (фр.). – Прим. ред.

3 Пондичерри или Пудуччери, ранее – Путтучче́ри, Пондише́ри) – столица одноимённой союзной территории Индии. До 1954 года являлся столицей Французской Индии.

– Превосходно! – воскликнул полковник, и тут же, и столь же внезапно он видимо утрачивал кое-что из своего благоговения пред таким обширным светским образованием в ущерб, как он полагал, наукам мистическим. – Превосходно! Садитесь же сюда к столу и познакомимся… Вы к нам от такур-саиба?..

– Да, это он послал меня к вам…

– Вы его *челла*?.. Ах да, извините меня, между прочим, что я принял вас за одного из Братства Рощи… Я полагал…

И, не высказав, что именно он полагал, полковник весело, хотя немного и принуждённо, рассмеялся.

– Вы не должны извиняться, потому что вы угадали верно… я действительно принадлежу к этому братству.

Мне сделалось положительно жаль полковника, до такой степени он растерялся при этом новом поражении. Широко раскрыв под очками зрачки, не сводя глаз с лица юноши, бедный президент смотрел на него таким растерянным взглядом, как будто видел пред собою выходца с того света. Смотрела и я на него с величайшим любопытством, а за мной и два индуса: Мульджи и бабу. Один Нараян сидел, грустно поникнув головой и, казалось, смотрел лишь в самого себя, не замечая никого и ничего.

– Вы… вы один из этих удивительных адептов… Вы *садду*?.. Я так и знал… Я это предчувствовал!..

– *Oh my prophetic soul*![1] – тихо продекламировал бабу из Гамлета.

– Пока только кандидат в оные: скромный *шишия*[2] к вашим услугам, полковник-саиб, которому такур-саиб поручил ваше предварительное воспитание, если позволите.

Незнакомец говорил тихо, серьёзно и с большим достоинством. Ни малейшей улыбки на его юношеском, почти детском лице, без малейшего следа бороды и с еле заметным пушком на верхней губе. На вид ему казалось не более шестнадцати лет. Только вглядываясь пристальнее в его замечательное лицо,

1 «О, вещая моя душа!» (англ.). "Гамлет" акт 1, сцена 5. – Прим. ред.

2 *Ученик* высшего класса, студент "тайных наук", прошедший все искусы, кроме последнего, делающего из него *садду*.

несомненно дравидского типа, можно было заметить на нём признаки возмужалости. Он сидел у стола, и теперь на него падал яркий свет лампы, позволявший мне рассмотреть вернее его черты. Он был ещё ниже ростом и вообще ещё миниатюрнее нашего маленького бабу. Его крошечные, как у десятилетней девочки, ручки лежали на столе, напоминая мне своею атласистою кожей и цветом красивые бронзовые руки на пресс-папье. Овальное, поражающее своею худобой и нежностью лицо, с маленьким прямым носом, маленьким с тонкими губами ртом и неестественно огромными глазами и бровями, чёрными, словно он их намазал дёгтем, всё это осенённое львиной гривой, вьющиеся волны которой падали в беспорядке на его уши, лоб и плечи. Костюм его состоял, как и у нашего бабу в знойные дни, из нескольких аршин[1] тончайшей белой кисеи, из-под которой виднелись угловатые очертания его измождённого остова. Две глубокие морщинки между бровей, такие же складки у углов рта и глаз красноречиво опровергали первое впечатление юности. Позднее мы узнали, что ему далеко за тридцать лет.

Он сидел не двигаясь, как бы почтительно ожидая вопросов и вперив спокойный, ничего не выражающий взор в полковника. Если бы не лёгкое колыхание его ожерелья из

1 1 аршин = 71,12 см. – Прим. ред.

семян *рудракши*[2], его можно было бы принять за каменное изваяние, так мёртвенно и неподвижно было его лицо.

Последовало очень неловкое молчание. Сконфуженный трижды подряд полковник поправлял очки, снимал, протирал и снова седлал ими нос, не произнося ни слова и забывая при этом известии не только изъявить радость, но даже поблагодарить новоприбывшего за принимаемые им на себя обязанности "предварительного воспитания".

"И в чём это *воспитание* будет состоять?", думалось мне, "он только насмешит весь народ!.."

– Я имею к вам письмо от такура-раджи и маленький подарок, – прервал молчание посланный.

---

2 *Рудракша* – семя или скорее косточка плода на дереве, которое растёт только в Гималаях и Нильгири, преимущественно в Непале. Ожерелье или чётки из него – самая ценимая, как и самая трудно приобретаемая вещь в Индии. Туземцы взирают на *рудракшу* как на нечто священное, и одни йоги имеют право носить их на шее или даже прикасаться к этому семени, вследствие необычайных приписываемых ему магических свойств. *Рудракша* – двойное слово, значит: "око Рудры" (*Рудра* – одно из имён Шивы), и одни *триглазые* адепты тайной науки, те, которые выработали себе годами аскетизма "третье око" Шивы (другими словами, ясновидение и дар прорицания, символом коих служит *рудракша*), знакомы со всеми этими свойствами. Целые тома на санскритском и тамильском языках посвящены описаниям этого талисмана, инструкциям, как распознавать годные от негодных семян и т. д. Магические *свойства рудракши* зависят от возраста дерева, от почвы, от окружающего это дерево леса и даже от *личных качеств* того, кто собирает плоды. "Человеку порочному – *рудракша* принесёт де не пользу, а вред". Весьма немногие деревья этой породы приносят плоды, а из приносящих более 90% не годятся для должного употребления: или плоды опадают до созрения, или же перезревают, самые пригодные те которые, будучи растёрты на пробном камне, оставляют на нём золотую пыль: принцы и раджи Индии платят за них сумасшедшие деньги, от 1000 до 5000 рупий за каждое семя; а считающихся за лучшие, с одним *мукхам* (надрезом)или индентацией на косточке, не купить и за 10 000 рупий. Такие *рудракши* находятся лишь на нескольких деревьях в Непале, и то по одной или по две на дереве в несколько лет. Недозрелые – красные, коричневые, серые и жёлтые – семена ничего не стоят; одни чёрные драгоценны. Махараджа непальский заплатил 10 лакков (1 миллион рупий) за полдюжины таких *настоящих* семян. Величиной они с маленький орех и шероховатые как косточка персика.

Запустив руку под кисею, он извлёк из её широких складок сперва запечатанный конверт, а затем коробочку, и положил оба предмета пред полковником. При виде их наш президент наконец встрепенулся и тут же вошёл опять в свою колею.

– А!.. весьма, весьма благодарен вам... мой *гуру*!.. – отвечал полковник с весёлой улыбкой. – Вы позволяете?.. – указывая на письмо.

Гуру (учитель) сделал лёгкий поклон и жест одобрения, которые принесли бы честь любому маркизу парижской гостиной, до того оба были запечатлены достоинством и грацией.

Письмо было распечатано, и прочтённое сперва про себя, затем сообщено всем нам громко. Оно было коротко, но содержало интересные для всех нас известия.

> "Посылаю вам, любезный полковник, – писал такур, – обещанного мной наставника в интересующих вас науках. Субраманья-Мурга-Анандам-Суами – для сокращения называйте его Анандой-Суами – молод, но он уже достиг предпоследней ступени, ведущей во внутренний храм *гуптавидьи*. Он член Братства Рощи, стало быть вполне знакомый со всеми приёмами различных систем, как они практикуются тою или другою сектой. Не быв индусом, вам нельзя, конечно, следовать ни одному из специальных методов, усвоенных сектами, но вам предоставится выбор из учений лучших школ и таким образом вы будете в состоянии выучиться многому... Сожалею искренно, что даже в случае вашей полной победы над *искусами* вы не можете всё-таки принадлежать к нашему *ашраму*[1]: вы были женаты, отцом семейства и светским человеком – три непреодолимые препятствия к *радж-йогизму*"...

На этой фразе полковник слегка запнулся, и на секунду его голос оборвался и задрожал. Как эхо раздался, в далёком углу, еле слышный, но полный сердечной муки вздох, скорее

1 Тайный храм, куда вступают одни *посвящённые*. Такие существовали прежде во всех пагодах, но теперь их мало.

похожий на стон… Быстро взглянув в ту сторону, я увидела исчезающую в темноте высокую фигуру на мостике…

"Бедный Нараян!" вздохнула я про себя, прося полковника продолжать чтение. Никто не обратил внимания на этот вызванный страданием звук; никто – кроме, как мне показалось, новоприбывшего. Тяжёлые веки медленно приподнялись, и из-под густой бахромы ресниц сверкнул устремлённый на мостик взгляд. Загадочное выражение этих глубоких, тёмных, как ночь, глаз поразило меня так сильно, что, мысленно рассуждая о его значении, я не расслышала окончания письма такура и должна была попросить полковника передать мне его для прочтения.

> "… Впрочем", прочитала я далее, "в случае если, вы выйдете победителем, это не помешает мне считать вас моим *челлою* в некоторых отношениях. Но не надейтесь когда-либо сделаться *радж-йогом*. Это положительно невозможно.
>
> Завтра, с зарёй, вы все последуете за Анандой-Суами, который и проведет вас мало кому известной и кратчайшей дорогой ко мне. Вследствие известных причин, вы отправитесь в ландо махараджи только до ближайшей деревни, откуда оно будет отослано обратно. О поклаже не беспокойтесь: она уже отправлена куда следует из Бёртпура. В деревне вас встретит другой экипаж и отвезёт в Шри-Матру, место рождения Кришны. Затем вам придётся ехать в лодке, верхом и даже идти пешком по лесам. Для *упазики* найдётся паланкин, но и ей, конечно, надо будет сделать *кэсс*[1] пятнадцать пешком, передайте ей, чтоб она заранее не отчаивалась: *наши дороги окажутся для неё менее трудными*, чем англо-индийские или европейские пути сообщения; *я позабочусь о том*. Советую вам всем сохранить в тайне ваш визит в наши раджпутские вертепы; *бара-саабам* нет до него дела".

За сим следовало ещё несколько строчек инструкций и говорилось о посылке полковнику *салиграма*.

1 *Кэсса* – 1,25 английской мили [2,01 км].

Пока наш президент, с жадно бросившимися к коробке индусами, благоговейно рассматривает сокровище, опишу этот талисман и всё, что мы узнали про его свойства в тот вечер от Ананды-Суами.

Салиграм пользуется такой же славой в Индии, как и *рудракша*; то круглый, иногда овальной формы камень, чёрный как смола и столь же блестящий, величиной от персиковой косточки до гусиного яйца, но достигающий, в редких случаях, до размера дыни, когда он делается *буквально бесценным*. Впрочем, его ценность зависит более от обладания различными свойствами, нежели от величины и формы. Есть крошечные *салиграмы*, похожие на зерно перца, стоящие целые состояния. Как и всегда бывает, находятся между ними, подобно египетским *скарабеям*, поддельные камни, бессовестные имитации; но *посвящённого* брамина никакая подделка не обманет. Впрочем, этот камень по-настоящему вовсе и не камень, а окаменелая раковина.

Настоящие и самые ценные салиграмы находятся только в одном месте, во глубине реки Гандака, в Непале, одной из главных данниц священного Гангеса. Это место охраняемо от искателей салиграма солдатами Непальского короля, которые живут на берегах круглый год в казармах, и каждый найденный салиграм посылается в царскую сокровищницу. Их нельзя купить у махараджи ни за какие деньги, но он даёт их изредка тем из учёных браминов, к чьим рукам камень пристанет как пиявка, протянутым к ним на расстоянии нескольких аршин. Этот род искуса удаётся весьма редко; но английский резидент, Годсон, присутствовал при таком случае и видел, по рассказам, явление собственными глазами. Совершенно гладкие салиграмы, если только они не имеют других каких-либо признанных качеств, мало ценятся. Некоторые пробуравлены природой вдоль своей оси; другие имеют на себе, как бы выдолбленный резцом, отпечаток разных фигур, таких например как *Сударсан* или чакра, колесо Вишну и его орудие. Есть и салиграмы с дырой или без оной, но такие когда их тщательное распилить надвое, то внутри гладких стенок являются изображения *Матсьи* (рыбы) и *Курмы* (черепахи), или

каких-либо других *аватаров* (воплощений) бога Вишну. Если в добавок такой салиграм, брошенный в сосуд с молоком, вместо того чтобы пойти ко дну – свойство каждого честного камня в природе – начинает плавать кругом сосуда наподобие рыбы или черепахи, то он и объявляется несомненно подлинным; ему отдаются почести как бы он был сам Вишну.

Бывают такие *салиграмы* – к числу этих принадлежит образчик, подаренный такуром президенту – на коих фигуры представляют Кришну (*аватара* Вишну) под видом *Го́пала* (пастуха) со стадом его коров. На нём игра природы достигла своего крайнего искусства: картина казалась словно выдолбленною тончайшим резцом художника, хотя воображению и приходилось играть в созерцании коров некоторую роль.[1]

Образование таких камней приписывается натуралистами какому-то роду рыб. Рыба де выбирает камушек, а затем, прижавшись к нему, начинает свивать себе гнездо или раковину, материалы для которой она выпускает, как паук, из собственного организма. Замуровавшись в раковине на некоторое время и почувствовав всю скуку уединения, рыба разбивает раковину и уплывает далее; а камень с раковиной превращаются в *салиграм*. Это я вычитала, впрочем, в *туземной* естественной истории *дравидов*. Насколько объяснение совместно с истиной и западной наукой, сказать не берусь.

Полковник несказанно обрадовался такому редкому дару. Он осматривал *салиграм* со всех сторон, любовался им, нянчился с ним. Узнав от Ананды-Суами, что он должен носить его, для вящей действительности его скрытых качеств, на теле, он стал приставать ко мне зашить его немедля в кожаный мешочек, с тесёмками, для привязыванья вокруг пояса. Он притащил иголку, ниток, ножницы. Лишь изрезав пару новых лайковых перчаток, я успела купить этой ценой спокойствие на весь остальной вечер.

---

1 Мы видели у одного махараджи *салиграмы*, на коих нашли изображения нескольких *аватаров*, как-то: *Уграха-Карасинхи* – то есть Вишну, раздирающий под видом льва *Хиранья Казиту*, тирана ракшазов; *Кальяна Нарасинга* – Вишну, улыбающийся спасённому им *Прахладу*, и т. д. "Не может это быть природой; это дело чёрта", говорил один миссионер.

Отправляясь, далеко за полночь, отдохнуть часа два до отъезда, я увидела на ступенях террасы две фигуры. Одна из них сидела, опустив на ладони голову; другая стояла пред ней, скрестив на груди руки. Я узнала Нараяна и Ананду-Суами…

Радда-Бай

Письмо XXXIV[1]

Наутро всё было сделано по программе такура. С зарёй, т. е. за полчаса до солнечного восхода, так как зари у нас в Индии не полагается, мы отправились к какой-то деревушке при полном свете звёзд, и вышли из ландо в ту самую минуту, когда, словно газовые рожки под рукой театрального капельдинера, звезды все разом потухли, а с горизонта на нас блеснуло, дохнув огнём и пламенем, солнце, светило дня и бич туристов в Индии.

Было шесть часов, а до девяти нам оставалось проехать ещё миль пятнадцать [24,14 км] до Маттры, святой земли индусов всех сект, кроме шаивов. Только твёрдо решившиеся покончить с жизнью могут путешествовать в Раджпутане весной позже девяти часов утра. Вследствие этого мы выгрузились из нашего раззолоченного ландо только для того, чтобы перейти в крытый шарабан времён господства португальцев, а может и самого Александра Македонского, в который, как на слона, пришлось нам влезать по лестнице. Я поместилась с Нараяном и бабу на одной скамье, а полковник сел между Анандой Суами и Мульджи на другой.

Такое распределение мест имело своё значение. "Молчаливый генерал" был ярым поклонником мистических приёмов хатти-йогов и сочувствовал полковнику О*** в его факирских стремлениях; а я восставала против них, тогда как бабу просто смеялся над "влюблёнными в грязных *байрагов* европейцами".

Таинственный *салиграм*, не взирая на свои чудотворные свойства, должно быть причинял полковнику некоторую неловкость в движениях. Он был величиной с большой апельсин. Укрепив его тесёмками вокруг талии, счастливый

1 Русский Вестник, март 1886, том 182, с. 318-335.

обладатель оного не мог ни скрыть его присутствия на своей особе, ни помешать ему переезжать на поясе с одного места на другое при каждом толчке нашего допотопного экипажа. *Салиграм* торчал у него то на одном боку, то выглядывал из-под парусинного, тонкого пальто на другом. О*** постоянно поправлял его, вставал с места и вообще, как говорят, немилосердно толокся, чем и приводил меня в нервное раздражение…

Вероятно, полуночный разговор Нараяна с юным "Братом Рощи" повлиял на него и успокоил его. Бедный отверженный кандидат казался если не совсем утешенным, то по крайней мере покорившимся своей участи. Пока *trio*[1] мистиков торжественно рассуждали о чудотворной силе золы из священного коровьего навоза, мы с бабу искали средств позавтракать из корзинки с провизией, не выкалывая себе глаз и не причиняя другим ущерба. Нас подбрасывало и швыряло с одного конца шарабана на другой самым недостойным образом, и я чуть было не возроптала на такура за такой экипаж.

Ради исторической верности, впрочем, спешу оговориться: употребляя слово *trio*, я выражаюсь неверно. Рассуждали о чудодейной силе золы, которою пачкаются сектанты Шивы, только "генерал" с полковником, а поправлял их многочисленные ошибки и неправильные воззрения Ананда Суами. Нараян слушал и поучался.

Дорога скоро пошла песчаная. Попадая, наконец, яствами вместо носа и глаз в рот, куда им и следовало сразу попасть, если бы не ухабы, мы, наконец, с бабу насытились и успокоились. Полковник, перестав изображать собою каучукового человека на верёвочке, тоже прояснился, и разговор скоро сделался общим и весьма назидательным.

Что у кого болит, тот о том и говорит.

– Это уж не наша с вами вина, полковник, что мы оба были женаты, – рассуждал огорчённый Мульджи. – Вы ещё, может быть, женились по собственному желанию, а меня закабалили, когда мне было всего шесть лет… Что ж мне было делать? не убивать же своей жены для того, чтобы поступить в *радж-йоги*; да оно и не помогло бы, а только послужило бы ещё большим

1 Трое (ит.). – Прим. ред.

препятствием. Вот и выбирай… В *радж-йоги* не пускают, а от *хатти-йогов* отстраняют. Конечно, это система весьма на практике опасная; но что же нам делать, Суами, когда другого нам нет выбора? Лучше *хатти*, чем ничего. Достигнув известного возраста, нельзя обойтись без религии… никак нельзя!..

– Можно изучать философии и не вдаваясь в крайности, – спокойно заметил Ананда Суами.

– Вам это легко говорить. Вас не женили насильно и не спрашиваясь, и пред вами все дороги к тайным наукам открыты, – разозлился Мульджи.

– Меня, впрочем, интересует в этой науке не столько религия, сколько достижение трансцендентальных тайн *йогизма*, и я *должен* достичь своей цели так или иначе. Я должен научиться не только *пранаяме*, но и всему, что способствует развитию психических сил, – кипятился О***.

– Надеюсь, что вы, прежде всего, научитесь носить ваш *салиграм*. Вы чуть не перебили мне локти им, – завопила я, потирая руку при новом толчке.

– Извините и будьте снисходительны к вашим товарищам. Ведь я же не нарочно… Дотроньтесь до талисмана ушибленным местом, я уверен, что вся боль пройдёт!.. Не хотите? Ну, как знаете. Только не забывайте, что этот *салиграм* – подарок нашего благословенного такура, и что он, наверное, *недаром* его прислал.

– Конечно *недаром*, а как искус, да и не вам одному, как я теперь узнаю к своему горю!..

– Для того чтоб *салиграм*, *рудракша* и другие такие *святыни* оказывали действие, в них следует прежде всего верить, – заметил Нараян с упрёком в голосе, – а для того чтоб они приносили пользу их владельцам, с ними надо обращаться каждое утро и вечер по предписанным *шастрами* правилам, иначе они скоро утрачивают свои качества, а затем приносят один лишь вред тому, кто их на себе носит…

– Правила, о которых вы выговорите, мой милый Нараян, равняются *пудже?*.. Это ли вы советуете полковнику? – накинулась я с негодованием на него…

– Неужели это так – произнёс О***, немного взволнованный сказанным, но не выясняя чем именно, новым ли сведением от Нараяна или же моим пояснением. – Правда ли это – переспросил он, обращаясь к Ананде Суами.

Аскет тихо наклонил голову, но ничего не сказал. Наступило молчание.

С минуты его появления между нами этот юноша сильно возбуждал моё любопытство. Я положительно не могла прийти к какому-либо определённому о нём заключению и только наблюдала за ним издали. Рекомендация такура была так веска в моих глазах, что я, конечно, не доискивалась, хороший ли он человек, не шарлатан ли, каких много бывает из величающих себя *аскетами* и *йогами* в Индии. С этой стороны Ананда Суами был вполне застрахован против подозрения. Но я страстно желала узнать, насколько в нём развиты те изумительные психические дары, пред которыми мы все склонялись в лице такура. Обладает ли он в равной степени способностью читать в мыслях других как в открытой перед ним книге? Может ли он не только читать, но и управлять мыслями других, производить хоть некоторые из тех удивительных явлений, которые по-видимому так легко даются такуру? "Зачем он его прислал? к чему?" – думалось мне. Я знала, что полковник напрасно надеется достичь, хотя в малых размерах, не только высоты *радж-йогизма*, но даже тех странных, необъяснимых психофизиологических способностей производить так называемые "чудеса", которыми справедливо славятся некоторые *хатти-йоги*[1]. Для *радж-йогов* требуется, как показано, дрессировка и

1 Посвятить себя учению *хатти-йоги* по *мёртвой* букве системы Патанджали может всякий. Для этого не нужно быть ни философом, ни даже уметь читать или писать, а надо просто обладать железной волей, выносливостью индусов, их равнодушием к физическим страданиям и слепым фанатизмом, да верой в выбранного бога. Настоящие *хатти-йоги* пожалуй те же медиумы, с прибавлением *вменяемости* и *произвола*, которые отсутствуют в западном *медиуме*. Они производят свои феномены *ad libitum* [свободно (лат.)], заставляя явления зависеть от собственной воли и *управляя джиннами*, тогда как спириты сами находятся под управлением *джиннов* (духов), олицетворяющих эту ещё не открытую силу. И *хатти-йоги* доходят до этого страшными самоистязаниями, которых под конец

чисто психические неуклонные усилия в этом направлении с самых юных лет; полное изучение, а главное понимание *тайного* смысла учения Патанджали, а не мёртвой буквы его системы, и посвящение в мистерии, которых не выдадут посвящённые брамины никому и ни за какую цену. А дабы сделаться *хатти-йогом*, необходимы годы нечеловеческих, сверхъестественных усилий и физических истязаний. Да и надо родиться с такими физиологическими *идиопатиями*[1], иначе ничего из этого и не выйдет, а останется лишь факирская отвратительная внешность, да чистое шарлатанство. Против последнего такур громит во всеуслышание, а первого он не в состоянии представить полковнику. Так для чего же эта напрасная комедия? Зачем допускать нашего честного, доверчивого президента одурачиваться в глазах индусов, как и в собственных глазах? Расспросить разве Ананду? Следить за ним, пока он чем-либо выдаст свою миссию? Только не похоже, чтобы он был способен проговориться!.. Не сводила я с него глаз целый вечер накануне, не сводила их и теперь с пяти часов утра, и всё же не пришлось мне уловить на этом юношеском лице ни тени улыбки, ни даже какого-либо определённого выражения. Оно неподвижно, положительно непроницаемо под маской мертвенного, полного спокойствия. Голос его мягкий и нежный, напоминает монотонное чтение вполголоса; ни малейшей интонации, хотя цветы восточного красноречия подчас так и сыплются; мысли сильно и верно выражены, в глазах тоже отсутствие выражения, даже иногда мысли. Огромные зрачки то сжимаются, то расширяются, блестят, потухают, словно в них происходит периодическое движение часового прибора.

У меня даже побежали мурашки по телу, когда его лучистые, спокойные глаза встретились с моим любопытным

и не чувствуют как *convulsionnaires de St.-Medard* [конвульсионеры Сен-Медарского кладбища. – Ред.], да некоторые католические святые. Но метод *радж-йогов* совсем другой. Их девиз *Mens sana in corpore sano* [В здоровом теле здоровый дух (лат.). – Ред.].

1 Идиопатия (греч. idios свой, pathos болезнь) – болезнь самостоятельная, не зависящая от других недугов, в отличие от симптоматических или симпатических заболеваний. – Прим. ред.

взглядом. Но и тут глаза эти мне ничего не сказали. Нет сомнения, он владеет собой ещё лучше такура.

Между тем полковник не переставал волноваться.

– Но ведь я же не знаком с обрядностями! – жаловался он. – Как же мне быть? И что же мне делать с *салиграмом*?

– Снять и сохранять его в шкатулке, – посоветовала я.

– Не научите ли вы меня необходимым формулам, когда мы приедем в Маттру, дорогой *гуру*, – продолжал О*** молить юного сфинкса, не обращая никакого внимания на мой совет.

– К сожалению, должен вам в этом отказать. Одни *брамины-вашнавы* (секта Вишну), посвящённые в *арчану*[1] (обряд) *санкхама*[2], *падмама*[3], *тульзии*[4] и *салиграма*, могут в свою очередь посвящать других. Я же не имею такого права.

– Так, может быть, вы успеете уговорить одного из таких браминов. Постарайтесь, прошу вас.

– Постараюсь, но только успех очень сомнителен, – отвечал Ананда, глядя на всех и ни на кого.– Этот *салиграм* обладает сильными свойствами и без лишних *джапам* (церемоний), и я даже обязан вас предупредить…

– Что такое? расскажите, умоляю вас…

– Этот камень представляет Гопала-Кришну[5]. Тот, кто носит его при себе, должен избегать встречаться с коровами. Иначе коровы, целое стадо их, бросятся бежать с радостным мычанием за обладателем такого *салиграма*. Он привлекает их неудержимой магнетической силой…

Я посмотрела на Ананду Суами в удивлении. Смеётся он, что ли, над нами? Но его лицо было, как и всегда, серьёзно и бесстрастно.

Полковника чуть-чуть не передёрнуло.

---

1 Арчана – магическая формула.
2 Санкхам – раковина.
3 Падмам – священный лотос.
4 Тульзи – растение; все эти предметы посвящены Вишну.
5 *Гопала*-Кришна – пастух-Кришна. Есть *салиграмы*, представляющие *Сампата*-Кришну, "расточителя богов", *Сантана*-Кришну, "дарующего детей" и т. д. для всяких нужд и специальностей. Если за тем, кто носит на себе *Гопала*-Кришну, не бегут встречаемые им коровы, то камень, говорят, *поддельный*.

– Это так, – вставил словечко Мульджи. – У моего деда был такой *салиграм*, и коровы такура Видванского, у которого он служил *деваном* (министром), чуть было раз не забодали его, ласкаясь к нему.

– А ведь Маттра полнёхонька коров, полковник, да вдобавок ещё *священных*! – пригрозила я, еле удерживаясь от смеха.

– А "священных макашек" там ещё больше! – ввернул словцо бабу.

– Ну, это для того, чтобы не снимать с тебя лишних фотографий, бабу, – язвительно заметил благочестивый Мульджи. – Тебе-то уж нечего помогать мам-саиб. Она не обязана уважать наших верований, а ты – индус.

– Мы обязаны, как теософы, уважать все верования, – сентенциозно произнёс президент. – Но не в том дело, а в вопросе, как мне употребить с пользой *салиграм*? Впрочем, я посоветуюсь об этом с такуром, – добавил он, как-то разом успокаиваясь. – Что это у вас за бамбук, Ананда Суами? – внезапно вопросил он, занявшись новым предметом и с любопытством разглядывая висевшую на руке аскета палку.

– Это *хануманта-бера*... магический жезл всех мадрасских аскетов, – предупредил бабу ответ.

– Так ли это? – переспросил полковник с сомнительным доверием к познаниям бабу. – Могу ли я просить вас, Ананда Суами, дать мне на этот счет несколько подробностей?.. Я читал про такой жезл в сочинениях Жаколио. Правильно ли он его описывает?

– Нет; потому что он собирал свои сведения от тех, которые сами ничего не знали о *дёнде* (название жезла) и греховно обманывали его.

– Ну, а нам вы можете дать историю этого вашего бамбука и сказать, почему он считается *магическим* и называется "хануматовским"?

– Вам могу. Вы теософы и имеете право на наше доверие. Я к вашим услугам. Спрашивайте.

– Так почему, например, отвергая богов, как сказки, вы между тем носите посвящённые Шиве и Хануману предметы? Что это за тайна?

– В этом нет ни малейшей тайны. Все дело в том, что в нашей мифологии нет той басни, которая не была бы основана на истине. Я ношу *рудракши* и *дёндане* не потому, что брамины вздумали окружать эту истину туманом той или другой басни, а потому, что дерево и плод, из которого они сделаны, имеют сами по себе свойства, полезные для некоторой предвзятой мною цели.

– Однако, это довольно рискованное для вас дело. Те, кому вы не объясните сущность дела и причину такого действия, не увидят между вами и *хатти-йогами* никакой разницы.

– Отрешившись от света, мы не видим причины озабочиваться тем или другим его мнением о нас. Люди могут думать о нас что им угодно.

– Вы сейчас говорили о полезных для вашей цели свойствах дерева и плода *дёнды* и *рудракши*. Не можете ли вы нам сообщить кой-чего об этих свойствах?..

– Я могу вам сообщить лишь мёртвую букву легенды и основанной на ней обрядности. Настоящий смысл открывается нам только после третьего посвящения.

Два глубокие вздоха раздались одновременно в шарабане. Но лицо Ананды осталось бесстрастным, хотя он и взглянул мельком на Нараяна.

– *Хануманта-бера* (дерево Ханумана) растёт лишь на Удаягирских холмах[1], в Мадрасском президенстве, – начал Ананда своим тихим, однообразным голосом. – *Хануманта-бера* – любимое дерево обезьян породы Ханумана, и поэтому оно сделалось священным и названо в его честь. Одни невежды-материалисты способны видеть в Ханумане настоящую обезьяну, а в ней – бога. Хануман называется у нас в мифологии *ваханом* Рамы, то есть седалищем или физическим прототипом того, кто сам представляет олицетворение качеств солнца.[2]

1 *Удаягири* – два слова: *удая* – солнечный восход и *гири* – холмы. Они расположены на восток от Коромандельского (настоящее произношение *Куру-маналь*, "чёрные пески") берега; а *Астагири* (западные горы) на Малабарском берегу. Обе цепи соединяются на юге *Нильгирийскими* или "голубыми" холмами.

2 Рама, как царь и герой, лицо вполне историческое, что уже доказано многими ориенталистами; он представитель Солнца, *un dieu*

Хануман – прародитель дравидов, расы во всём отличной от браминов севера, и назван *ваханом* Рамы потому, что наши предки были вполне детьми солнца, *сурьяванзами*, союзниками солнца юга и тропиков, как и союзниками великого "царя-солнца" в смысле метафорическом. Хануман, короче сказать, если взирать на него в смысле символическом, есть коллективно взятое представление южных народов, даже на Западе, исторически он Бхимасена, сын Кунти, тётки Кришны, с отцовской стороны, а мифологически – сын Вайю, бога воздуха, хранитель и перевозчик при реке *Вираджайя*, индусского Стикса, которую каждому смертному приходится переезжать в мире теней и которой *никому не переехать без помощи Ханумана*. Смысл этого тот, что прежде чем человек достигнет, в других и более совершенных мирах, той точки прогресса, когда он не станет более нуждаться в грубо-объективном образе, он должен начать с исходной точки человечества, под видом обезьянообразного человека, со всеми его животными страстями и инстинктами. Дабы сделаться *девом*, следует сперва родиться человеком. Надо завоевать каждый шаг, каждую ступень, ведущие к высшему прогрессу *личными усилиями и заслугами*. Не трудно понять, почему брамины учат, что эта река *Вираджайя*, имеющая, по их учению, такое огромное символическое значение в нашей духовной эволюции, охраняется Хануманом, и затем почему и сам бог-обезьяна находится в таком почёте.[1] Купаясь, каждый брамин обязан, при восходе солнца, закрывая пальцами обеих рук ноздри, уши, глаза и рот и сосредоточивая всё своё внимание на

---

solaire [солнечный бог (фр.)]. *Вахан* же – просто "носитель чего-нибудь, реципиент, объективная форма, в которой заключается и чрез которую демонстрируется нечто бестелесное – *сущность* вещества. Так тело есть *вахан* души, которая в философии браминов и на санскритском языке, как и всякая другая бестелесная сущность, проявляемая материей, зовётся "наездником" *вахана*.

1 Хануман – олицетворённый символ "земного человека", который, невзирая на свою животную натуру, развивает в себе духовную природу личными усилиями и, побеждая первую, выходит интеллектуальным победителем всего земного, делаясь наконец богоподобной личностью, достойной идти рука об руку с Рамой, воплощением высшего божества.

священном четверосложии "Вираджайя", произнести его трижды и громким голосом. Особенно обязателен этот ежедневный обряд для браминов-брахмачарьев…

– Не от того ли, что в *Рамаяне* Хануман зовётся тоже "брамачарием", "девственным аскетом", глубоко изучившим логику и *нававьякарнам*, или все девять систем грамматики? – невинно спросил бенгалец.

– Не перебивайте, бабу!.. Это неучтиво, да и нам мешаете слушать, – сердито воскликнул Мульджи.

– Действительно; "девственный аскет" и "брамачария" – эпитеты, по праву принадлежащие Хануману, – спокойно и как бы не замечая умышленного намёка подтвердил мадрасский *брамачария*. – На Ханумана даже указывают как на основателя санскритской грамматики; вследствие чего ни один поэт или автор не преминёт написать ему, наряду с Сарасвати, богиней тайной мудрости, хвалебный гимн на первой странице своего сочинения.

– Но когда же мы услышим о "магическом жезле" – жалобно спросил полковник.

– Теперь я снова к вашим услугам, – слегка поклонился нам французский брамин. – В день *Хануманта джайянти*[1] поклонники обезьяны-воина постятся целый день и совершают *пуджу*. Затем, ровно в назначенный посвящёнными астрологами "счастливый" час, они отправляются на Удаягирские холмы, где, совершив все предписанные церемонии, срезают палки со священных деревьев *Хануманта-бера* и несут к себе домой.

– Такие же, как ваша палка?

– На вид точно такие. Но так как весьма мало учёных браминов, которые успевают довести до конца *приготовление* палки, потому что требуется более года ежедневных о ней забот, пока палка превратится в "магический жезл", то в итоге они чрезвычайно редки.

– А какие же свойства "жезла", когда он приготовлен по всем правилам?..

– Это зависит от его обладателя, так же как и в вопросах о *рудракши*, о *тульзи* и других подобных этому предметах.

1 День рождения Ханумана – в апреле месяце.

Сообщаемые ей свойства разнообразны. Если вы спросите о них брамина-сектанта, то он вам ответит, что посредством своего *дёнда* он может вызывать подвластных ему "духов" и заставлять *пизачей* выходить из завладеваемых ими человеческих тел; что *дёнда* помогает приобретать и развивать в себе ясновидение; предохраняет обладателя от *джиннов* (злых духов), болезней и дурного глаза; вылечивает ото всяких недугов; словом, что её свойства те же, какими обладал великий "обезьяна-бог", и так далее.

– Но вы нам повторяете лишь то что, вероятно, ответил бы на наш вопрос *сектант*. А вы ведь не принадлежите к этому классу? Так вот мы желали бы знать, что вы нам ответите.

– Я отвечу, что *палка без руки*, сообщающей ей силу совершать тот или другой подвиг, бесполезна; что в руке *раджйога*, *ум и воля коего действуют вполне сознательно*, палка делается проводником этой воли, как телеграфная проволока, проводящая мысли того, кто посылает депешу, но остающаяся в отсутствии такого агента куском простого металла. В руке *хатта -йога* ее действия часто бывают изумительны, но так как ум двигательной силы действует *бессознательно*, то и свойства *дёнда* переменчивы и не всегда согласны с разумом и строгой нравственностью.

– Но разве *хатта -йог* действует бессознательно, как наши медиумы?

– Нет, не совсем. В принципе действуют его собственные желания и даже мышление; стало быть, он действует *не* бессознательно. Но, веря в своих несуществующих богов и их помощь, он не *сознаёт своего полного сознания*, не признает своего личного контроля. Обособляя действие от причинности, т. е. от своей сознательной воли, потому что большая часть таких чудодейных *саньязи* не философы, а просто фанатики, он и сам считает производимые им явления работой Ханумана и вводит других в заблуждение, сея вместо знания и добра одно суеверие, а часто и великое зло.

– Так, стало быть, и мой *салиграм* без моей воли не станет действовать? Но как же мне приобщить его к ней?.. Научите,

ради истины и во имя человечества. Могу ли я, например, лечить им, производя месмерические *пассы*?..

– Если воля в вас сильна, желание помочь и любовь к человечеству непоколебимы, то, вероятно, вы на него, со временем, сильно подействуете. Но, повторяю, ваш *салиграм* обладает ещё собственными, специально ему присущими качествами. Это тоже своего рода магнит, с которым вы можете делать разные опыты, разнообразя их до бесконечности, но специфические свойства которого всегда останутся при нём.

– Gare aux vaches, mon colonel,[1] – засмеялась я.

– Ах, оставьте, прошу вас! Не мешайте! – замахал руками глубоко заинтересованный президент. – Ну, а вот ваши *рудракши*, на шее, *тульзи* и эти *tutti quanti*[2] аскетов? что ж о них-то?.. Такие же, как и *дёнда*, – а?.. Ведь все-то это *святыни*, Шивы да Вишну, разных *рудр* да *дэват*, в которых вы не верите, но эмблемы коих вы всё-таки носите, как будто на свете и нет других предметов с такими же полезными вам свойствами? – подмигнул полковник аскету, который и бровью не повёл.

– Вы ошибаетесь. Я только не верю в сущность и личность таких богов. Я отвергаю тень, а не самоё бытие. Я верю в эти мировые силы, облечённые народной фантазий в формы сохранителя и разрушителя; и зная кое-что из сокровенных соотношений таких сил с силами природы и её вещественными произведениями, я не могу не верить в них. Иначе такие личности, как такур и даже я сам, не отдавались бы вполне и всецело служению им.

– Но зачем же в таком случае, – спросила я, впервые обращаясь к нему прямо, – именно "такие", как такур, позволяют жертвовать истиной и духом – форме?.. Вот наш Мульджи замазал себе в честь Маттры, без сомнения, весь лоб белой золой. Для чего это пачкание?

– Это не "пачкание", мам-саиб, – отвечал немного обиженный "генерал", – а уважение к вековым обычаям…

– Но ведь вы не шаива[3], для чего же вы следуете обычаю этих сектантов?..

---

1 Берегитесь коров, полковник (фр.). – Прим. ред.
2 Все подобные им (ит.). – Прим. ред

– Потому что он общепринятый.

– Но в чём же заключается философия этого общепринятого обычая? На чём она основана?

– На сказке, – вмешался опять бабу. – Шива, видите ли, был тоже *брахмачарьей*, "девственным аскетом", как и Хануман; *смазанам*[1] было его любимым местопребыванием; там, весь выпачканный в золе умерших, с человеческим черепом вместо чаши для воды и весь обвешанный, вместо гирлянд из цветов, тысячью восемью змеями, с кодисешой[2] на голове, он имел такую ужасную наружность, что заслужил название *Угры*[3]. Но зато, когда его коллеги, другие боги, ради усмирения его слишком свирепого нрава, женили его на Парвати (Кали), то *Угра* сделался *Сантой* – святым.[4] Так вот, в память его аскетических подвигов шаивы и натирают себе тело и всю рожу белой золой. Двойное нравоучение басни: не делайся *брахмачарьей* и аскетом, пока не уверен в своём темпераменте; а затем, *женись*, если желаешь превратиться в святого мученика…

– Ну, будет тебе болтать… ты ведь во всём найдёшь что осмеять…

– Нисколько, мой дорогой Мульджи. Я помогаю мам-саиб собирать сведения; доказываю ей всю логичность и пользу втирания золы в тело…

– Такое втирание основано на гигиене, – пояснил Ананда. – Шаивы аскеты избегают многих эпидемических болезней таким способом. Это ведь зола не тел сожжённых, а одного лекарственного корня, перемешанного с коровьим навозом.

– Но почему же *радж-йоги* не натирают себе тел… этим приятным… средством?

– У них есть другие и еще лучшие.

---

3 *Шаива* – поклонник Шивы, *вашнава* – Вишну. *Рудра* – титул обоих богов – "господин".

1 *Смазанам* – место сожжения трупов браминов.

2 Кобра капелла. Многие из факиров секты *шаивы* – носят эту змею живой на голове вместо тюрбана.

3 *Угра* – свирепый.

4 *Санта* – святой. Игра слов: "из угры сделался *сантой*" значит – из *свирепого* превратился в *святого*.

"Оттого они и не стареют должно быть; по крайней мере наружно", подумала я, глядя на Ананду.

О*** продолжал коситься на *дёнду* и ожерелье своего *гуру* и снова повёл атаку.

– Всё это так, и вы нам превосходно объясняете, почему вы не делаете того, либо другого. Но до сих пор я не могу добиться, почему *радж-йоги*, как посвящённые, так и кандидаты на посвящение, все-таки делают кое-что из практикуемого *хатта-йогами*? Какая разница, например, в употреблении *дёнда* и *рудракши радж-йогом* и *хатта-йогом*?..

– Это может быть объяснено лишь тому, кто обладает правильным воззрением на разницу между этими двумя родами *йогизма* и на природные свойства названных предметов. *Хатта-йога* – позднейший и в сравнении с *радж-йогой* современный компромисс мистицизма; это результат веков неряшливого обращения с философией, победа внешней формы и обрядности над духом учения; а затем и постепенное вырождение *брахма-видьи*, божественной премудрости. Утратив, вследствие личного честолюбия и земных страстей, способность к объединению с Брамой, то есть, с абсолютной природой, большая часть браминов, отчуждённая от окончательного верховного посвящения, трудностей коего она не могла преодолеть, заменила *радж-йогу хатта-йогой*. Верующие в действительность последней убеждены, что сам *Шива-Махатмиам* сидит в каждом зерне *рудрак*ши, почему и относят всякое явление, происходящее с помощью, например, *рудракши*, как ясновидение или исцеление болезни, – не к своей силе и воле, а к непосредственному действию и участию Шивы. *Радж-йог*, напротив, отвергает как такое вмешательство, так и личность Шивы в принципе. Для него нет антропоморфных богов, есть только абсолютная, обоюдоострая сила созидания и разрушения, первоматерия, всемирная и единая, неотъемлемая частичка коей – он сам, хотя в обманчивом сознании земных ощущений он и является преходящим индивидуумом. Проверив её свойства годами методических опытов и сознавая эту силу в себе, он одаряет ею данный предмет, т. е. концентрирует её в нем, будь тот предмет *рудракша*, *салиграм*

или *дёнда*; а затем, при случае, даёт то либо другое направление этой силе, двойственное качество коей есть притяжение и отталкивание, делая это по собственной воле и усмотрении. Шива тут ни при чем. Таким же способом он превращает и жезл "дёнду" в *вахан*, наполняя его своей силой и духом и передавая ему на время собственные свойства. На Западе у вас магнетизёр, пропитывая своим жизненным током бумагу или какой-либо другой предмет для употребления больным, делает то же самое, только в несравненно меньших размерах.

– Позвольте, однако... Вы говорите о силе, духе, свойствах и могуществе, как будто это всё сводится к жизненной силе, к "магнетическому" току. Я понимаю, что магнетизёр может пропитать избытком своей жизненности неодушевлённый предмет в видах исцеления, я и сам это делал; но как же мне понимать ваше заявление о такой же передаче этому предмету воли, мышления, сознательных действий и т. д., т. е. невещественных, чисто психических качеств и свойств?.. Разве это возможно?

– Для того, кто о *радж-йогах* и настоящей *брамавидьи* ровно ничего не знает или знает очень мало, для того, кто не знаком с психологией Востока, вещество есть плод его собственных воззрений, выводов западной науки и её гипотез, т. е. плод *понятий безусловно относительных*. Для него всякое вещество, от тока жизненной силы до минерала, есть материя. Ему неизвестны переходные степени от вещества условного и ограниченного до вещества первобытного и безусловного, т. е. до первоматерии – *муллапракрити*: поэтому и объяснить ему суть действий *радж-йога* и передачи им неодушевлённому предмету эссенции его творческой силы чрезвычайно затруднительно, если не невозможно. Для западного учёного, у которого понятия о веществе основаны на соотношениях его организма со внешним миром и ограничены одной этой рамкой, *всё*, что не есть материя, есть либо "ничто", либо чисто бестелесное качество. Он или не верит в дух, или же если и верит, то неспособен получить ясного представления о "духе-*сат*" и "духе-силе". По его мнению, дух нечто не вещественное, поэтому неотделяемое и не передаваемое. А свойств и всех

условий *силы* он не знает. Феургия древних западников, однако же, приводит нам в своих летописях бесчисленные примеры неодушевлённых предметов, одарённых временным движением и как бы сознанием и даже произволом. То же свидетельствуют и религиозные верования современных западников. Но что известно в итоге учёному западнику о мировой субстанции, о её сущности и видоизменениях? Всё, что вы знаете о веществе и его свойствах, о чувствах физических и духовных, всё ведь это лишь относительное знание, обусловленное свойствами вашего же земного организма, ваших же личных опытов и выводов науки, и основано на внешних чувствах, а не на действительных качествах вещества. Поэтому, если я вам скажу, что недалеко то время, когда, начав консервами и экстрактом из говядины, молока и других животных продуктов, ваши химики дойдут наконец до экстрактов жизненного принципа, что уже отчасти и производится с давних времён гомеопатами и такими бессознательными алхимиками, как некий профессор Йегер, то вы станете смеяться… Несмотря на такое неверие, я позволю себе предложить вам это сведение в виде пророчества.

– Но какое же тут сравнение?.. Разве можно закупорить дух в бутылку! Ведь это мы только читаем в сказке *О Рыбаке и Джине*, о духе, засаженном в сосуд под печатью царя Соломона… в *Тысяче и одной ночи*…

– Так зачем же вы выбрали именно эту печать для девиза вашего общества?

– Потому что это фигура *Шри-антары*… *чакры* или "колеса Вишну", самый древний символ Индии…

– "Печать Соломона", находимая у нас, как и у халдейцев , у первобытных народов Европы, как и у туземцев обеих Америк, в Африке, как и в Азии, доказывает лишь одно: сказка о *Рыбаке и Джине* основана на факте. *Джин*, то есть злой и вместе добрый, услужливый дух, есть олицетворённый символ той силы в природе, о которой я вам говорил: силы *созидающей и разрушающей, притягивающей и отталкивающей*. Соломон в народных легендах тот же "магик" и адепт. Он – патрон иудейских, как и европейских каббалистов, как Гермес – патрон

магов египетских. Эта сила, сосредоточенная на каком-либо предмете, Соломоном ли, Гермесом ли, или *радж-йогом* Индии, то есть посвящённым в тайные науки адептом, есть не что иное, как бескачественный дух и качественная материя. Эта-то сила и создала человека, *вахана* Парабрамы и Мулапракрити. В свою очередь, человек, сознающий в себе эту двойную силу, может передать избыток оной другим *ваханам*. Но для того, чтобы порождать и развивать в себе такой избыток, он должен, прежде всего, отрешиться от собственной личности, отдаться вполне служению человечества, забыть своё личное я, сделаться сперва достойным того, чтобы быть сотрудником природы, а затем уже – *адептом*.

– Но как и в чем именно помогает он человечеству или даже его прогрессу *дёндами* да *рудракшами*? Я понимаю желание сделаться адептом, изучить таинства природы из *личной*, так сказать, эгоистической цели, прежде всего, а затем уж помогать своими познаниями другим; но я не вижу никакого отношения между *рудракшами* и адептами с точки зрения благодетелей человечества!..

– Сожалею; но объяснить вам этого при вашей настоящей, духовной слепоте не берусь. Повторяю: чтобы сделаться *радж-йогом*, следует прежде всего отречься *безусловно* от собственной личности, не иметь *эгоистической* цели, потому что такою целью задаются одни *хатта-йоги*, которые вследствие этого и уронили значение тайных наук в глазах непосвященных.

– Но не можете ли вы, – настаивал несколько сконфуженный прямым уроком полковник, – дать мне понять простым примером, для чего именно *радж-йоги*, как и презираемые ими *хатта-йоги*, носят, например, жезлы, вот эти *дёнды*?..

– Для того чтоб эссенция двукачественной силы не развивалась под напором внешних случайностей повседневной жизни, а находилась бы, так сказать, в резервуаре, была бы всегда готовой к употреблению, ввиду возможных событий...

– Каких... например?

– Вообразите себе, что вы идёте по улице с *радж-йогом* и ведете разговор о предметах совершенно обыкновенных, но почему-либо интересующих его. В руке он держит никогда не

покидающую его *дёнду* – вот как эта, – показал Ананда на свою семиколенную трость. – На вас бросается из-за угла бешеная собака. Опасность близкая, пред которой вопрос о вашем спасении зависит от быстроты действия, измеряемой не минутами, а секундами, мгновениями. Хотя мысль действует с быстротой электричества, однако же для приведения в порядок ума, только что занятого посторонними предметами, для извлечения из познавательного аппарата импульсов воли, необходимых для отражения собаки, может потребоваться полсекунды более того времени, которое понадобилось бы собаке, чтобы вас укусить. Без своего дёнда *радж-йог*, быть может, не успел бы вам помочь. Но *дёнда*, пропитанная эссенцией силы *радж-йога*, действует с быстротой молнии: направленная против животного, она мгновенно парализует его импульс броситься на нас; а повторением движения *радж-йог* мог бы даже убить зверя налету и не дотрагиваясь до него, если б это оказалось нужным. Вот что может сделать *дёнда* в обыкновенных случаях. Но называть ее поэтому магическим жезлом неправильно, так как ни "жизнь", ни *рудракша* не могут быть обособленными от нашей сознательной воли и мышления или действовать независимо от нас. Одарять их таким свойством значит признавать в них присутствие познавательного аппарата как у человека, и равняется произвольному распространение суеверия и грубого поклонения веществу.

– Вы сейчас сказали, что *дёнда* никогда не покидает руки раджа-йога? Я никогда не видал, однако, такого жезла в руках у такура?

– Действующая сила заключается не во внешней форме *вахана*, и не одна *дёнда* выбирается носителем или седалищем "силы", – получили мы уклончивый ответ.

В эту минуту шарабан стуча, гремя, подпрыгивая низом и отдуваясь полотняным верхом, скрипя колёсами и вообще издавая самые невероятные звуки, загрохотал на мостовой Маттры, обетованной земли благочестивых *вашнав* (поклонников Вишны).

"Шри-Маттра!" – воскликнул Мульджи, бросаясь ничком на пол шарабана. "Шри-Маттра!" повторил за ним Нараян,

вдумчиво вглядываясь вдаль, как бы поджидая кого. Один Ананда даже не повернул головы, въезжая. Пока мы все толпились, толкая и падая друг на друга, чтобы взглянуть из-за полотна на ряд розовых, унизанных обезьянами храмов, он и глазом не мигнул, даже когда я почти отдавила его голую ножку. На мои извинения он только посмотрел *в меня* (не на меня) своими глазами кроткой лани, как бы желая вычитать во мне, в чём именно я извинялась…

Мне стало жутко от этого взгляда. Я забыла Маттру и предалась воспоминаниям о потерявшем душу "человеке-автомате" в сказке какого-то американского Гофмана[1].

Радда-Бай

Письмо XXXV[2]

Мои соображения и думы об отсутствии "личной" души в Ананде были внезапно прерваны самым для нас неожиданным образом. Мы проезжали между двумя рядами зданий, с выступавшими почти на середину переулка террасами, когда над нашими головами на полотняный верх фургона что-то вдруг тяжело упало, забегало, засуетилось, застрекотало, и с визгом, который покрыл разом даже разнохарактерные звуки, издаваемые нашим шарабаном, нас атаковала, а, быть может, по своему и приветствовала целая стая больших и маленьких обезьян. Они цеплялись за бока экипажа, заглядывали в боковые отверстия, лезли одна через другую и через наши головы и плечи. Их появление было так внезапно, что я с трудом могла сообразить, что такое случилось. Все они разом накинулись на стоявшую на скамье, к несчастью, незакрытую корзинку с провизией. В одно мгновение ока бутылка с холодным кофе была разбита, Мульджи выкупан в чёрной жидкости, коробка с чаем разорвана на лоскутки, а чай рассыпан по фургону и мостовой; и мы увидели полковника, увенчанного рисовою лепёшкой, а моё платье всё испачканное вареньем…

1 Имеется в виду немецкий писатель Э.Т.А. Гофман. – Прим. ред.
2 Русский Вестник, март 1886, том 182, с. 335-354.

Их было десять или пятнадцать штук, и в первую же минуту их появления в шарабане распространился такой острый, специфический запах, что я чуть было не задохлась. Обезьяны не тронули никого, явно производя лишь простую разведку насчёт съестного; наш кучер не успел ещё, повёртывая за угол, остановить лошадей, а вся стая уже исчезла так же быстро, как и появилась… Два брамина с бритыми головами, подскочившие было на помощь к шарабану, увидав своих "богов" ретирующимися, спокойно вернулись на свои места у ступеней пагоды…

Чтобы добраться до приготовленного нам места отдыха, нам пришлось проехать почти вдоль всего города. Маттра, освещённая ярким утренним солнцем, лучи которого скрывали вековую копоть и грязь древних домов, показалась нам очень живописной. Город расположен веером на западном, крутом берегу Джумны, и весь разостлался на высоких, убегающих вдаль зелёными волнами, пригорках. Шри-Кришна[1], *аватар* Вишну, доказал свой артистический вкус избрав Маттру сперва местом своего рождения, а затем сделав эту местность ареной своих амурномистических похождений с *гопи* – пастушками, от избытка коих он, вероятно, и посинел. Насколько верна эта гипотеза – сказать не берусь, но в таком духе было объяснение бабу при виде благоговейного ужаса Мульджи пред громадным идолом бога-пастуха, окрашенного в тёмно-голубую краску с ног до головы, от щёк до свирели. Далее мы рассмотрим филологически и этнографически причину его синего цвета.

Мы переехали реку по мосту из плоскодонных лодок, конструкцию которого почему-то восхваляют сравнительно с прочими. Священная река, соперница *Ганга*, по утреннему обычаю была переполнена очищающимися от грехов индусами обоего пола. Вдоль крутого берега ведут к воде ряды мраморных ступеней, платформы которых все до одной украшены миниатюрными храмиками, каждый в честь одной из пастушек.

1 Шри – буквально "благодать" – одно из имён Лакшми, супруги Вишну. Но теперь это имя сделалось прилагательным, эпитетом, синонимом святости. Так говорят: Шри-Маттра, Шри-Кришна и т. д., то есть благодатная или св. Маттра, благодатный Кришна и пр.

Весь город искрещен переулками, восходящими и нисходящими, наподобие переулков Мальты, с кривыми каменными ступеньками, по которым не проехать и на лошаке, а слоны, тоже священные, свободно ступают по ним своими колодообразными, тяжёлыми ногами, отправляясь друг к другу в гости, от одной пагоды к другой. Случается так, что, встретясь хобот к хоботу и видя невозможность, не сворачивая одному из них назад, разойтись, одному в гору, а другому под гору, слоны пускаются на следующую штуку. Обменявшись несколькими фразами с похлопыванием ушей и обниманий хоботами и убедясь в обоюдной дружбе, слон поменьше становится к стенке, а слон побольше ложится наземь, стараясь по возможности стушеваться. Затем первый поднимает ногу и осторожно, не торопясь, лезет через товарища с лёгкостью и грацией; но иногда слон спотыкается и падает, хотя хобот лежащего, поднятый в виде вопросительного знака на всё время опасной переправы, всегда наготове и помогает изо всех сил меньшему, слабейшему брату. Уважение и услуги, оказываемые слонами один другому, вошли в поговорку, служа живым упрёком людям.[1]

1 Замечательно, что слоны, народ обидчивый и с большой амбицией, никогда не дерутся между собой, живя в городах; хотя в диком состоянии они часто уничтожают друг друга. Замечательно и то, что, оказывая все знаки обоюдного уважения, они никогда не дружатся между собой, а выбирают постоянно предметом дружбы и пламенной любви – собачек, ослов, и других небольших животных. Один такой слон, полюбив ослика, взял его под своё покровительство. Слон был свободный, "пагодский", а ослика нанимали под работу. Раз английский солдат, наняв его, сел на него верхом и стал колотить по бокам тяжёлыми сапогами. Слон стоял у ворот обитаемой его другом конюшни и; увидав, что его любимца обижают, схватил хоботом британского воина и так потрепал его, что тот, освободившись, хотел было в ярости на месте застрелить слона. Его уговорили не делать этого, потому что другие слоны, тут же стоявшие, рано или поздно, *убили бы его непременно*: *espris de corps* [чувство общности] у слонов удивительный. Солдат послушался. Заинтересованный рассказом, он простил слону и кинул ему кусок сахарного тростника, предложив ему его в знак примирения. Слон постоял над ним, подумал и, взяв наконец лакомый кусок, прямо понёс его и положил хоботом в рот обиженного осла, а сам повернулся и ушёл, "словно оскорблённый человек и не глядя на меня", говорил солдат, рассказывая нам сам это событие.

Маттра настоящий зверинец. В нём более животных, чем людей, хотя цифра его народонаселения доходит до трёхсот тысяч в месяцы паломничества. Все улицы буквально запружены "священными" быками и слонами; крыши домов и храмов покрыты "священными" обезьянами, а над головами носятся тучами, затемняя Божий свет, "священные" павлины и попугаи. И всё это живёт на свободе, не принадлежит никому, а, напротив, распоряжается по-хозяйски как городским добром, так и самими людьми. Злополучные торговцы и торговки на базарах принуждены приносить провизию в герметически закрытых корзинах, полуоткрывая их для покупщиков с величайшими предосторожностями; иначе обезьяны, вечно торчащие настороже у базарных ворот и привыкшие взимать контрибуцию с каждой повозки – чем и объясняется их атака на нас – тотчас же всё разнесут, да вдобавок и за волосы оттреплют того, кто станет защищать слишком энергично свой товар. Одни слоны ведут себя с величайшим достоинством и честью. Они никогда не возьмут ничего сами, но будут скромно стоять у лавки с лакомствами и ждать терпеливо, пока их попотчуют. Запах в Маттре был такой, что в продолжение целого дня моей побывки в священном городе я не отрывала платка с одеколоном от лица. Святость окружала нас со всех сторон. Святость веяла на нас из-за каждого угла, била нам в нос так, что к вечеру у нас, "белых", распухли носы от чиханья. *Святые саньязи* стояли вверх ногами на каждом перекрёстке; *святые* быки устилали мягким ковром собственного произведения немощёные улицы, а святые макашки кидали в нас с крыш переваренные их ненасытными желудками награбленные ими плоды и овощи… К вечеру я перестала укорять бабу в его атеизме. Я вполне понимала его ненависть к "богам" и сочувствовала ему.

Но святость в сторону, Маттра один из интереснейших и древнейших городов Индии. Во дни много наблюдательного Мегасфена греки унесли с собою на родину воспоминания о многих священных *вашнавам* местах. Так, цитируя посланника Селевка, Арриан говорит о Маттре[1] (Mathoras) и о

1 Пишется Math'hura; я следую фонетическому правилу.

Клизабаре (?), называя их главными городами *сурасенов*. Под Клизабаром Мегасфен вероятно подразумевал Кайласпур, так как и Маттра, и этот город построен потомками *Сурсена*, деда Кришны. Далее греческий писатель говорит о *Будеусе* (Βυδύας) и *Крадевасе* (Κραδεύας) как о прародителях этого племени сурсенов, главного в стране в те времена. Мегасфен, по своему греческому обыкновению коверкавший имена, вероятно, говорит о Будде и Кроштдэве, родоначальниках племени яду расы *индуванзов*, то есть "лунной". По родословному дереву, официально проверенному и засвидетельствованному правительством раджи Уйдепурского, эти два имени действительно стоят во главе потомков Будды[1] и Эллы (земли), одним из коих был Кришна, и они часто упоминаются в *Пуранах*. А уже во дни процветания Кришны (по уверению браминов за 5000 лет, а по показанию ориенталистов за 1200 лет до Р. Х.) Маттра была древним городом.

Но теперь от этого когда-то сильно укреплённого города уцелели всего трое полуразрушенных ворот, да остатки когда-то грандиозной крепости. Обезьяны довершили начатое афганцами разрушение, и самая мечеть Арангзеба, с её четырьмя изразцовыми голубыми башнями, покривилась от запущения. Теперь мусульманам нет больше в Маттре места. Даже нелегко выживаемые из гнёзд идолопоклонства американские миссионеры спасовали пред обезьянами да быками и давно уже обратились в бегство. Остались полновластными хозяевами тёмно-лазуревые Кришны, да их зверинец с прислуживающими ему браминами.

А было время, когда место рождения Кришны, божественного Дон Жуана Индии, славилось своею роскошью и богатством; слава эта и привлекла первых афганских завоевателей. Во времена своей экспедиции против Кённуджа в 1017 году Махмуд Газнийский, прослышав о сокровищах города "Кришны-вос-Дэвы", направился туда со своею армией и, найдя

1 Не следует смешивать прилагательное будда (премудрый) с Буддой Гаутам[ой], известным реформатором и основателем буддизма, приобрётшим этот титул в глубокой старости. В Индии было много будд до времён принца Гаутамы.

город беззащитным, потому что брамины его справляли в то время *пуджу*, овладел им и предал грабежу. Хануманóвская армия, видно, выродилась; её потомки все разбежались: "В течение десяти лет после поругания погаными могулами священный город не видал в своих недрах любимых богами союзников" (то есть обезьян), – гласят летописи Маттры. Хороши союзники! Видно, нечего стало им есть в священном граде, от того и разбежались.

Махмуд сжёг и поразбивал множество идолов и собрал громадные сокровища, много золота, серебра и драгоценных камней. Он разорил бы и многочисленные храмы, но нашёл, что работа разрушения потребовала бы целых месяцев; другие летописцы уверяют, что он их пощадил ради их неописанной красоты. Одно верно, – и это мы видим из его письма к губернатору Газны, – Махмуд был поражён внешним видом города и его богатствами. Вот выдержка из этого письма, переведённая мною из документов, собранных и напечатанных Ост-Индскою Компанией:

> "В городе Маттре тысяча зданий, прочных, как вера правоверных, и бóльшая часть из мрамора; кроме того, несчётное число храмов. Невероятно, чтобы сей город достиг своего настоящего вида и состояния без затраты на него многих миллионов динариев или чтобы другой такой же мог быть выстроен в период менее двух веков".

Затем автор письма рассказывает, что между находками в храмах Маттры оказались "пять идолов из чистого золота, глаза коих были каждый из цельного рубина, стоимостью в 50 000 динариев. На одном идоле был найден сапфир, весом в 400 *мискалей*[1]; "самоё изображение, по сплавке, принесло 98 300 *мискалей* чистого золота". Кроме этих идолов, "найдено и увезено 100 идолов из серебра, навьюченных на такое же число верблюдов". Махмуд оставался в Маттре "двадцать дней, в течение коих город сильно пострадал от огня", кроме других потерь от разграбления.

---

1 Доныне употребляется весовая мера жемчуга: в Турции 4,804, в Египте 4,633, в Персии 4,536 грамм[а].

После этого Маттра была оставлена в покое на много веков до вторичного её разграбления афганами армией Ахмед-Шаха-Дурани[1] в 1757 году. Ахмед не командовал лично афганскими войсками, передав начальство над этими разбойниками своему сардарю Иеган-хану, прозванному иезуитами Занусом. Тифенталер пишет, что эта армия была силой в 25 000 человек кавалерии, и добавляет: "Маттра чрезвычайно населённый город с богатейшими жителями. В этом, как и в другом городе, Бендробане (прославленном аватарами Кришны), афганцы учинили много жестокостей, выказывая свою ненависть к идолам тем, что сжигали дома со всеми живущими в них; убивали жителей мечом и копьём; уводили дев и юношей в плен; резали священных, в глазах суеверного индуса, коров и быков в их храмах и заливали кровью алтари и улицы города"...

Наконец, по смерти Муджуф-хана Синдия, махратский царь, завладел в свою очередь Маттрой и затем подарил её французскому авантюристу Перрону за оказанные им услуги и под условием будущего союза. Только в 1803 году город был занят британскими войсками *без малейшего со стороны жителей сопротивления* и укреплён в том же году трактатом за Ост-Индскою Компанией. Таким образом, англичане сделались ещё раз "победителями", как они любят величать себя в Индии.

Впрочем, за исключением нескольких укреплённых городов вся страна перешла в цепкие руки Англии таким же способом, под политический шумок. Высокоблагороднейшие (*most honourable*) отцы Компании никогда не пренебрегали захватом того, что плохо лежит. Сперва они делались покровителями и заступниками, отцами и благодетелями угнетённых царьков Индии; затем начинали представлять последним всю выгоду союза с ними; кончалось тем, что, невзирая на всевозможные трактаты и соглашения, скомандовав в один прекрасный день союзнику *ôtes-toi de la que je m'y mette*[2], они присоединяли его владение к другим царствам,

1 Ахмад-шах Дуррани (Ahmad Shāh Durrānī, 1773–1723) – основатель Дурранийской империи, которая является началом современного Афганистана. – Прим. ред.

2 Французская поговорка: "Уйди прочь, а я займу твоё место". – Прим. ред.

побеждённым ими столь же воинственным образом, и завладевали им навеки. Зачем терять драгоценную силу, побеждать *suo Marte*[1], когда оно лучше даётся в руки *per casum obliquum*[2]?

В своих политических *Мемуарах* честный полковник Тод передаёт полученный им в 1817 году замечательный ответ старого (тогда уже слепого) Нестора Индии, Залим-Синга[3], такура Котского. "На все мои уверения, – пишет резидент, – что мы не ищем расширения наших владений в Индии, он мне отвечал недоверчивою улыбкой: “Вполне уверен, что вы так теперь думаете, – сказал он мне однажды с обычною ему учтивостью, – но недалеко то время, когда вся Индия увидит себя под оною *сиккой* (*экка сикка*: одна эмблема власти). Вы явились в нашу страну махарадж[ей] в счастливое для вас время: *пфут*[4] был созревшим и вам оставалось только класть его себе в рот по кусочку. Не думайте, что ваше могущество и храбрость делают вас господами Индии. Вы этим обязаны только нашему разъединению и ссорам между владетелями”."

Как ни странным оно покажется, но кончая эту цитату, Тод добавляет к ней собственное и, по-видимому, совершенно искреннее размышление: "Эти слова не лишены своего глубокого значения, *хотя я и уповаю что пророчество его никогда не сбудется*".

Оно, однако же, сбылось, и слово в слово. Господа англичане проглотили все куски распавшегося пфута один за другим и даже ухитрились вернуть изо рта Франции раньше ею проглоченные куски… У Джон-Буля пищеварение превосходное.

От англичан перейдём к патрону города Маттры. Известно ли что-либо о Кришне верного, про то надо спросить

1 Силой (лат.). – Прим. ред.
2 Косвенным поводом, незаконным путём (лат.). – Прим. ред.
3 Залим Синг – владетельный принц Коты (*Kotah*), герой, известный всей Индии. Пред этим раджпутом и его непобедимою храбростью отступали даже англичане. Он умер в 1827 году.
4 *Пфут* – род сладкой тыквы или дыни, которая, вполне созрев, лопается, разлетаясь на куски. Синоним слова *пфут* на языке хинди – "разделение, раздор, несогласие"; Залим Синг, говоривший, как все индусы, притчами, сравнивал поэтому государства и мелкие владения Индии с этим плодом.

ориенталистов. Если бы составить каталог их различных мнений, в итоге получились бы следующие точные данные:

1. Кришна – один из десяти *аватаров* Вишну. Период его рождения ещё не установлен. Он колеблется между 1200 годом до Р. Х. и 1200 годом по Р. Х.

2. Кришна – лицо историческое, ибо его называют "чёрным (*кри*) принцем" племени яду, и всё указывает на его эфиопское происхождение.

3. Кришна – либо миф, либо обезьяна; ибо его изображают голубым, а голубых людей, как известно, нет, тогда как есть голуболицые макашки.

4. Кришна – олицетворение всех добродетелей: следуют восторженные цитаты из *Багават-Гиты*.

5. Кришна – олицетворение безнравственности: приводятся в пример *Пураны* и секта *валлабачариев*.

Этого достаточно, дабы убедиться, что сумма сведений об этом герое-боге равняется нулю. Ориенталисты строят гипотезы, потому что брамины молчат; а публике европейской вообще мало дела до одного из многочисленных богов Индии. Тут интересно, конечно, не позднейшее обоготворение Кришны, а то, что в нём, как и во многих других божествах браминов, всё указывает на одного из тех древних, доисторических героев, более точные сведения о коих могли бы повести к очень важным с точки зрения этнологии открытиям и пролить яркий свет на доисторические, а затем уже и вполне исторические расы как Европы, так и Азии. Что скандинавские, египетские, греческие, среднеазиатские, германские и славянские боги были почти все, по крайней мере главные, когда-то жившими героями древности и родились в доисторической Индии и Азии вообще, для меня теперь стало совершенно ясно. Но следовало бы, чтоб оно сделалось ясно и авторитетам, которые управляют умами профанов, *не* специалистов, тех, что сами, ничего не изучая и не открывая, принимают на слово заявления "авторитетов". Впрочем, во всех вопросах, которые касаются прежних и до сей поры сохранившихся религий, основанных на символизме, как например, вера браминов,

наши лучшие ориенталисты такие же *профаны* (*pro fano*[1]), как и их поклонники. Они стоят "*вне* храма", как и остальная публика, потому что брамины не пускали ещё ни одного из наших учёных *восточников* внутрь пагод, в этот настоящий, закулисный мир их публичных представлений. Но для нас, как это известно всей Индии, много делалось исключений, и к великой злобе англо-индийцев нас пускали туда, куда ещё не заходил ни один из них.

Так было и в Маттре. Пред Анандой Суами, *посланным такура*, растворялись все двери, наглухо замкнутые для всех, кроме священнодействующих *вашнов*, и нам было дозволено входить в такие места, куда со времён афганцев не вступала ещё нога *феринга* или *млет-ча*. Но и здесь, как в Джебельпуре, пускали нас только двоих: полковника О*** да меня, а проигравших касту индусов заставляли ждать у дверей.

В Маттре мы окончательно убедились, что обитатели греческого Олимпа родились ближе к Гималаям, нежели к родине Гомера; что Парнасс следует искать на Бамиане; что Аполлон, Геркулес, Вакх и Орфей суть *аватары* Кришны, Бальдэвы, Вакхиши[2] и Арджуны, друга Кришны и одного из

1 Букв. «перед (снаружи) святилищем» (лат.) – Прим. ред.

2 *Вакхиша – бог слова*; одет в шкуру леопарда или тигра, на которой его представляют сидящим с поджатыми ногами как *йоги*. Вакхиша – один из *видов* Шивы, а также и Вишну; эта роль принадлежит многим главным богам, которые все были сперва *брамачариями*, "безбрачными аскетами". Голова этого бога и его шея покрыты гирляндами *веллы*, растениями вроде винограда, из коего делается очень опьяняющий напиток и сухие листья которого *хатта-йоги* постоянно жуют. Что греческий Вакх родился индийским Шивой-Вакхиштом, доказывается следующим. Первое появление Вакхишты (одетого, как Вакх, и увенчанного виноградом) было на горе *Су-меру* (святая – *су*; гора – *меру*) возле Бамиана Паропамизского. Там "он поучал человечество земледелию и искусствам цивилизации". Историки Александра зовут эту гору *Су-Мерос* с обычным им окончанием, и настаивали ещё в своё время, что она жилище их Вакха. Здесь, по преданию браминов и по Арриану, македонец держал с генералами вакханалию; увенчанные *веллой*, они напивались сильно пьяными. Эта гора, как и многие другие, покрыта дикими виноградниками. Вакх, по мифологии греков, родился из бедра Юпитера. *Мерос* по-гречески – *бедро*. Не очевидно ли, что греки или перемешали это слово с *меру*, гора по-санскритски (произносимое греками *мерос*), или же забыли своё происхожде-

Пандэвов. Недаром такие энтузиасты как Покок, автор *Индии в Греции*, доказывал, *не видав даже того что мы видели в хранилищах храмов Маттры*, что вся Греция с её богами, как и Египет с его зоолатрией, перешли целиком из Индии, не нынешней Индии, конечно, замкнутой в её гималайских границах, а из доисторической.

В одном из храмов[1] мы видели Кришну, в сообществе других богов играющего на свирели на горе, которую брамин, сопровождавший нас, назвал "Парнаса". Нам объяснили, что часть Паропамиза (Бамиан) так называлась в древности. Вообще эти горы звались, да и поныне зовутся: Дэваники, так как предание населяет их "земными богами *бху-дэви* (*бху-ми* – "земля")[2], то есть обоготворёнными героями. В *Пуранах* сказано, что жилище богов во время их периода религиозного отшельничества было всегда на горах, где они строили себе хижины из тростника, которые и называются *парнас*(ами) до сей поры; сам Рама и Кришна жили на горе *Парнасе,* в "парнасах"[3].

Как Вакх есть *аватар* Вакхишты, так и Аполлон – греческое воплощение Кришны. Всё указывает на это. Кришна зовётся *Мура-лидхара*, то есть "держащий флейту" или свирель; он – бог музыки. Свирель была выдумана ранее лиры, которой первобытные пастушеские народы не знали; и *Пураны* объясняют, что *бханзли* (свирель из тростника, от слова *бханз*, тростник) была любимым инструментом Кании (одно из имён

ние, так как прошли века и тысячелетия между *автохтонами* Аттики и македонцем? Или гора "Томарос", наверное, тоже родом из Паропамиза. Как буква *д* превращается у греков в *з*, *Deus*, *Zeus*, так и буква *с* у них часто превращалась в *т*. *Сумеру* сделалось сперва *Сумерос*, а затем и *Томарос* – Греции.

1 До сих пор в моих воспоминаниях всегда старательно указывала местность и называла храмы по имени. Сожалею, что в этом случае *не могу назвать* храмов в Маттре, так как, позволяя нам выдать факты, с нас взяли *честное слово*, торжественное обещание, *не выдавать имён*.

2 См. о *парнасах* (и проч.) в *Asiatic Researches*, том VI, стр. 497.

3 В *Рамаяне* и *Махабхарате* слово "Парнас" очень часто встречается. Но горы ли получили своё название от тростниковых *парнас[ов]* или наоборот – сказать не берусь.

Кришны)[1], потому что его стада предпочитали *бханзли* своего божественного пастушка *чатаре* или *вине* (лире).

Кришна является в одной Маттре, не считая других посвящённых ему городов (как Дварика и Нафтдвара), в семи различных личностях, или *аспектах*, из коих над каждым ориенталисту следовало бы серьёзно призадуматься. Совпадения и сходство этих дополнительных "личностей", как бы других богов, с богами западных мифологий – поразительное!

Взглянем поближе, например, на Кришну-Канию. Здесь бог индийской музыки представлен ищущим себе места для религиозных обрядов и медитаций на азиатском "Парнасе"[2]. Теперь сравните с ним Аполлона в гимне к этому богу (Гимн, 22–24), где поэт описывает его на окраинах греческого Парнаса, отыскивающим себе также место для алтаря. Холмы, горы, ручьи и реки, вся природа воспевает хвалы обоим богам почти в одинаковых выражениях; у ручья, возле грота, Кришна-Кания встречается со змеем Нага-Путхой и побеждает его[3]. Аполлон находит змея Пифона и убивает его таким же образом. Между змиями – *Putha* и *Python* сходство не в одном созвучии.

В музах Аполлона мы узнаем многих из *гопи*, пастушек, любимых Кришной. Главные из них – аспекты богинь наук и искусств, Сарасвати – богини мудрости, Лакшми – богини поэзии и т. д.

Изображение "Кришны на Парнасе" перенесено сперва из пещеры "Вихары Гирдханской" в Нафтдвару, а затем и в Маттру. Как и в культе Аполлона, "мистерии" Кришны происходили прежде в пещерах. Аполлона Пифийского можно признать и в другом изображении, в большой статуе Каньи-Кришны,

---

1 "Кришна-Канья" – бог музыки и изобретатель хроматической гаммы. В Греции гамма эта приписывается Тимотею, современнику Александра Македонского, но он мог её легко завезти и из Индии. С гимнами Аполлону в Греции следовало бы сравнить гимны Джидэвы, сочинённые им 3000 лет тому назад в честь Кришны. Их целая коллекция в Маттре.

2 Греческая *китара*, взятая, вероятно, от шестиструнной *чатары* индусов, произвела в свою очередь англосаксонскую и немецкую *cither*, а затем и испанскую *гитару*. "Чатара" – двойное слов: от *ча* "шесть" и *тар* "струна или проволока".

3 На статуях, барельефах и в гимне Джидэвы.

убивающего *чёрного* змия Кали-Нагу, который, по местным и пуранским преданиям, отравлял воды Джумны, пока не был, наконец, убит этим героем. Кришна-Канья представлен вытаскивающим многоголовую чёрную гидру из реки, а затем раздавливающим ей голову пятой.

Диодор пишет, что *Кан* было одним из титулов Аполлона египетского в его качестве бога-солнца. От *Кан*'а до *Кании* недалеко. Кришна-Канья, вследствие своего лазоревого цвета, зовётся *Нила-наф* (голубой бог). Затем *Нила-наф* сопутствует душам умершим в *Сурья-Сваргу* (солнечный рай) и в таком *аспекте* у него вместо человеческой *орлиная голова*, а *в руке лотос*. Во всякое время орёл служит ему *ваханом*. В Турине находятся иероглифы, описывающие или скорее представляющие египетского Кана так: голова орла на голубом теле, в руке лотос и лотосы пред ним на алтаре. Как *Ниланаф*, Кришна рисуется голубым, потому что он есть символ пространства, *Уранос*. То же можно сказать и о Кане. Оба, *Кания* и *Кан*, так называемые "боги таинств"; в честь их совершались в древности "мистерии" в Египте, Греции, Индии, где они и теперь ещё совершаются. Увидав Кришну-Ниланафа с его птичьею головой во храме Маттры, я приняла было его за Озириса с головой *ибиса*, за супруга и брата Изиды, которого он очень напоминает. Наконец, одно из имён Аполлона Делоского – *Улиос*; и этот тоже голубой, тоже с головой орла. Кто же у кого перенял? Египтяне ли у индусов, или брамины у греков и египтян?

И все эти боги суть так называемые "солярные", солнечные; все они – герои, воины, пастухи – со стадами коров и быков, как Гермес, Меркурий и другие. И в каждой стране, где им был и теперь ещё есть почёт, мы находим их в окружении быков и коров, которые в мифологиях всегда находятся в таинственной связи с солнцем (*Хари*).

У современных парсов, выродившихся поклонников Зороастра, корова и её продукты до сих пор считаются священными; бык – также. Парс в Бомбее с восходом солнца протягивает руки к Ормазду "огнеокому" и выпивает, не

поморщась, чайную ложку *ниранга*[1]. Это его амброзия, коровий нектар. Корову и быка боготворили в Халдее, как и в Скандинавии, в Египте, как и теперь в Индии. Мы видим рога коровы на голове у Изиды и быка, убитого Ариманом. Гермес и Аполлон пасут "стада светила дня", а Кришна – стада Вишну (того же солнца). Дочь Брамы превращается в корову, дабы избежать греховной страсти к ней отца, и, невзирая на метаморфозу, Брама всё-таки оплодотворяет её. Бык Апис считался священнее фараона, и жизнь его была драгоценнее народу, нежели целое царство. До сей поры англо-индийцы со всем их деспотизмом не решились ещё не только убить, но и ударить забредшего в их сад "священного" быка. Корова была у всех древних народов символом земли, природы, которую творец её, дух *непознаваемый*, оплодотворяет и животворит; "корова – тот же брамин", говорил нам шастри в Маттре в ответ на наши расспросы. Корова – *вахан пуруши* (духа).

"*Рамаяна* – сказка! *Махабхарата* – собрание нелепейших суеверий, дикий вымысел", – слышали мы не раз. Посмотрим. Рама, первое воплощение Вишну, идёт на Ланку и его сопровождает *Хари*, тот же Кришна, только в первом своём образе. Рамзес-Сезострис, олицетворение того же солнца (Озириса, Вишну, Аполлона и *tutti quanti*), совершает экспедицию в Индию. В армии Рамы его союзники: обезьяны, медведи, орлы – всё животное царство. В армии Рамзеса – кинокефалы[2], сатиры и другие мифические существа. А теперь вспомним следующее: до сего дня многочисленные племена раджпутов носят названия различных зверей и животных. Так, например, у *индуванзов* есть племена ашвас[ов] (лошадей), такшаков (змей), шассу (зайцев) и так далее; а у *сурьяванзов*, во главе которых стоял Рама, существует и теперь племя *муши* (мышей), и известно из генеалогий, что было и племя обезьян (*бандар*[ов])

1 *Ниранг* – самое действенное, по убеждению зороастрийцев, средство ритуального очищения, приготовлявшееся из мочи белых бычков, которых в течение семи дней поили чистой водой и кормили свежей травой, произнося над ними специальные молитвы (Бойс Мэри, «Зороастрийцы. Верования и обычаи», стр. 52). – Прим. ред.

2 *Кинокефалы* (Cynocephalus) – та же порода обезьян, как и Хануман. Они кузены, если не братья.

и *гаруды* (*орлов*). А вспомнив и узнав все эти подробности, столь интересные для археолога и этнолога, как не пожалеть, что ориенталисты вместо того, чтобы поработать да проникнуть под эту завесу исторических событий, даже не берут труда отдёрнуть её хоть немного, дабы увериться, не кроется ли в Рамаяне и Махабхарате чего поважнее одних сказок об армиях зверей да волшебников. Нужно сперва распутать эту канитель богов, богинь да непонятных для нас названий, а затем уже судить и рядить. Если изучить "мифологию" браминов беспристрастно, то, наверное, найдётся руководящая нить, которая прямо нас приведёт к открытию начала тех многих рас, что теперь исчезают для археологов и историков в непроницаемом тумане перепутанных фактов и искажённых греками имён. Здесь, конечно, не место доказывать наши взгляды. До нас ещё много было сделано таких заявлений; но всё оказывалось напрасным, разбиваясь о скалу предубеждений, и никто из ориенталистов не давал этим воззрениям хода. А ведь ещё Платон говорил, что религия Греции целиком взята из Египта и что её боги, как и египетские, все пришли с Востока. Да не только боги: мы находим в Индии имена племён, названия гор, озёр и местностей, а в добавок сохранившиеся о них легенды, которые ясно указывают нам следующее: либо греки и римляне, а раньше их и сами египтяне, перенесли свой пантеон богов из Индии, да и сами эти народы с предшествовавшими им автохтонами, пелазгами и этрусками, – выходцы из Азии; или же брамины "с берегов Оксуса" впервые увидали свет на берегах Нила, Эгейского моря или Тибра. Невозможно, чтобы такие постоянные совпадения, такое сходство в именах, легендах и всё переживающих обычаях было делом одной случайности. Нет того бога, той реки или горы в древней Греции и Риме, которому не нашлось бы *pendant*[1] в Индии древней и современной. Мы узнаем почти каждое имя, как и всегда, более или менее перековерканное греками; например "Сандракоттус" Мегасфена вдруг оказывается царём Чандрагуптой, дедом Азоки. Возьмём для примера пелазгов. Ими одно время столько

1 Соответствия (фр.). – Прим. ред.

интересовались, что, наконец, видя как их начало, словно клад в руки, никому не даётся, бросили их как нечто неразрешимое. Но пробовали ли когда разузнать, нет ли у них, подобно автохтонам Греции, какого-либо отношения к народам древней Индии? Сколько мне помнится, некогда над Пококом, автором книги *Индия в Греции*, много смеялись. Но это было тридцать пять лет тому назад, когда о Пуранах ещё очень мало знали. Если бы вопрос о пелазгах и доисторических греках мог снова быть поднят, то уверения Покока в том, что "первобытная история Греции и Рима есть древняя история Индии" оправдались бы. Но до тех пор пока все заявления браманической литературы будут считаться сказками, первоначальная история заселивших Европу первых пришельцев из Средней Азии останется покрытою непроницаемым мраком. Всего страннее видеть, как мало внимания обращается на легенды браминов, которые всё ещё ожидают своего Шамполиона. А уж наверное Махабхарата сто́ит усилий, сделанных для знаменитого "Розетского камня"[1], и, наверное, настанет день, когда всё, называемое баснями и мифами на греческом языке, окажется фактами и историей на санскритском.

Взглянем прямо в лицо фактам; они колют нам глаза и их сто́ит отдать на суд, если не публике, то хоть некоторым специалистам по части филологии и археологии. До "великой войны", например, вся страна, что теперь зовётся Бенгалией, принадлежала индуванзам, то есть детям луны, буддистам, до Гаутамы Будды и задолго до эпохи реформатора; словом, Джаинам-Гая (ныне Будда-Гая) была столицей Пелази, древнее название провинции Бехара. Ещё ранее она называлась Паливартой и Паликтаном, то есть страной, где жители говорили на языке пали, ныне молитвенном языке буддистов. Пали, как известно браминам, предшествовал санскруте[2], что доказывается именами обоих языков. Пали стоит в том же отношении к санскритскому, как язык славянский к современ-

1 См. примечание на стр. 33.

2 Такое написание встречается в оригинале несколько раз, несмотря на более привычную форму у прилагательного: «санскритский». – Прим. ред.

ному русскому. Пали значит: первобытный, грубый, а санскрута – нечто уже полированное, доконченное, совершенное.

Что знает история о пелазгах? Об их языке, верованиях и начале историкам ничего не известно или же так мало известно, что о них перестали и говорить. Все собранные сведения ограничиваются несколькими стихами Азия, поэта, жившего за 700 лет до Р. Х., да несколькими словами из Эсхила. Первый рассказывает, что царь Пелазг, родоначальник пелазгов, вырос из чёрной земли и называет его, вероятно, вследствие этого, "богоподобным".

Ἀνηίθεον δὲ Πελαζγὸν ἐν ὑυικόμοιζιν ὄρεζιν
Γαῖα μέλαιν' ἀνέδφκεν, ἵνα θνηηῶ γένος εἴη.

Asius (ap. Paus.[1], VIII, 14)

А Эсхил делает Пелазга сыном Палехтона (Παλαίτθφν). Не естественнее ли, в виду вышесказанного, предположить, как уже и предполагали многие (сэр У. Джонс в том числе), что этот мифический Пелазг родился в Гайе – столице Пелази, или Бехаре, а не вырос из гайи ("земля" на греческом языке)? Не прав ли скорее Покок, – которого подняли на смех за предположение, что царь Пелазг был действительно сыном Палехтона, "старой родины" греков, то есть Паликтана, страны, где говорили на языке пали в древней Бенгалии, – нежели ориенталисты-авторитеты, из коих один, филолог, уверяет, что пелазги есть название, имеющее своим корнем *пелагос* (море [πέλαγος]), потому что пелазги-де приплыли в Грецию морем; другой, этимолог, производит их имя от πελαργοί (аисты); а третьи – Вахсмут и Мюллер – от слов πέλω и άγρος [πέло и άгрос]? Ведь в таком случае и в англичанах можно видеть пелагосов, потому что и они должны всегда приезжать и уезжать морем и что и их земля окружена "пелагосом", а также и "аистов", перелётную птицу, в виду их привычек; да и не было того земледельческого народа, пахавшего свои поля, который не имел бы права на название пелагров!

1 У Павсания (лат.). – Прим. ред.

На это нам могут ответить, что и первая гипотеза *est un peu trop tiré par les cheveux*[1]? Не спорю. Но ведь родился же царь Пелазг где-нибудь и от кого-нибудь? Во всяком случае, предположение, что Пелазг, сын Палехфона, родился в Пелази, провинции Паликтана, гораздо благоразумнее того, что он выполз, как червь после дождя, из "чёрной земли". И не странно ли, что при всём своём неведении о началах народов Греции и Италии учёные академики Европы всегда осмеивали попытки некоторых ориенталистов[2] показать, что колыбели всех этих таинственных, доисторических народов, первобытных и очевидно цивилизованных жителей Европы, какими были этруски и пелазги, следует искать в Индии между её многими племенами. А между тем, изучив только одни генеалогии раджпутских племенных начальников, их раджей и такуров, да древние географические названия страны, по Пуранам, весьма легко убедиться, что не найдётся почти ни одного народа в Греции, ни географического имени, которые не совпадали бы самым необъяснимым (отвергая нашу гипотезу) образом с именами племён и местностей в Индии. Так почему бы и не проверить нашей теории, которая в то же самое время и гипотеза некоторых ориенталистов из самых известных в мире науки? Тем более что в одной древней Греции множество греческих названий, не представляющих на этом языке никакого смысла, чего никогда не бывает с коренными именами ни людей, ни местностей. Покок находит в одних географических урочищах Греции целый каталог не относящихся ни к чему и, по-видимому, бессмысленных прозвищ, если искать их корни в греческих наречиях; а как только их сопоставить с именами, находимыми в Пуранах на санскритском языке и с генеалогиями Раджистана, тотчас и является смысл. К таким необъяснимым этимологией именам мы можем причислить Стимфу, Додону, Хаонию, Кроссу, Итаку, Локры, Коринф, Оссу, Аркадию, Ахаию, Беотию, Элиду, Лариссу, Фарсал и т. д. В племенах сурьяванзов и индуванзов, куров и пандов, ушедших, по

1 Является слишком надуманной (фр.). – Прим. ред.

2 Часто из самых знаменитых, таких как Кольбрук, сэр Уильям Джонс, Вильсон, Тод и других менее известных.

сказанию Махабхараты, после "великой войны" в "Кукармудес"[1], землю порока (то есть на Запад), мы можем проследить почти все имена греческих древних племён, сражавшихся на полях Трои. Вальмика и Вьяза – Гезиод и Гомер древней Индии. Её бхарты (барды) родились до скандинавских бардов, провансальских трубадуров, до миннезингеров древней Германии; и эти бхарты, которым, как и их европейским потомкам, народ приписывал дар предвидения, оставили нам в своих песнях[2] как древние, так и более современные названия ушедших из Индии соплеменников, сделавшихся их врагами, а затем населивших Европу, Малую Азию, даже часть Африки. Тридцать шесть раджпутских племён, *раджкула*, содержат в себе ключ к началу племён Греции.

Посмотрим в двух-трёх приводимых нами примерах, возможно ли не призадуматься над "совпадениями". Начнём с племени "гокла" из земли Гоклудес[3], живущего с незапамятных времён на Джумне. О них говорят в Пуранах как о храбрейших воинах, искусных в стрельбе из лука и племени, которое в промежутках между войнами было пастушеским народом. Область Гоклы была театром любовных побед Кришны в его юности над гопи (пастушескими нимфами) и обителью Нанды, его воспитателя. До сего дня гокладеши знамениты постройками своих домов в виде круглых башен, как у пелазгов, и чрезвычайно крепких.

Несколько ориенталистов уверены, что греческие циклопы (κύκλωπες), куклопесы, – индийские гокулудесы. Древние, как и современные, этимологи гадали, да не отгадали о них многого, хотя некоторые и подходили к истине. Чего только из этих циклопов не творили! Сперва они явились "строителями", вековыми архитекторами; затем "стрелками", а потом и

1 Кукарма-дес (санскр.) – буквально «земля плохих деяний»: *дес* – земля, *карма* – действие, *ку* – приставка, придающая отрицательный смысл. – Прим. ред.

2 Ещё существует 69 книг *бхарта* Чанды, прозванного *Трикулай*, «Трёхплемённый», и мы их видели. В них 100 000 стансов, посвящённых описаниям подвигов трёх раджпутских племён. Он процветал в XII веке.

3 *Го* – корова; *кула* – племя; *дес* – земля; выговаривается *го-кла*.

"рудокопами". От Гомера до немецких филологов Крузе и Бауера и от Страбона до майора Джакоба о циклопах являлись теории одна удивительнее другой. Лампа, которую они как рудокопы прикрепляли-де себе на лоб, послужила якобы "основанием басни об одноглазом Полифеме". Один писатель думает одно, другой – другое. Крузе уверяет, что циклопы получили своё название от круглой формы (κύκλος) жилищ пелазгов, ульеобразной и с круглым, похожим на глаз (ώψ), отверстием. Это благоразумнее гипотезы другого ориенталиста, который производит название "одноглазого" от греческого представления олимпийского бога, будто бы закрывающего один глаз, прицеливаясь в кого- или во что-нибудь "громовою стрелой"[1]. Но и гипотеза Крузе не годится. А вот если кто желает получить ещё одно лишнее подтверждение гипотезы Покока в том, что мифические циклопы – поныне здравствующие *гокладеши* на Джумне, то ему сто́ит лишь пожить в Маттре или Дварике, да побывать на их годовом пастушеском празднике в честь Кришны и его пастушек. Если это кому удастся и он будет присутствовать, подобно нам, на этом торжественном празднестве или же в день рождения Кришны, то он увидит представление в котором кроме актёров осталось всё – костюмы, обстановка, малейшие детали до варварской туземной музыки – таким, каким видали эту религиозную мистерию Гери кулы Агни кулы Гокли кулы Раджистана в начале "Чёрного века" (Кали-иуга) 5000 лет тому назад, по уверению местных хронологов.

Постараюсь описать это аллегорическое и своеобразное представление в будущем письме.

Радда-Бай

Письмо XXXVI[2]

Вместо нескольких часов мы пробыли в Маттре и её окрестностях два с половиной дня. Такур прислал сказать,

1 *Го* – корова, *кула* – племя, *дес* – земля; выговаривается *го-кла*.
2 Русский Вестник, апрель 1886, том 182, с. 684-718.

чтобы мы оставались на "празднества весны", Гок'ла Аштами[1]. День рождения Кришны в августе, но имеет свой пролог весной, вместе с торжеством Гури, раджпутской Цереры.

Совпадения между Кришной и греческим Аполлоном, между эпитетами последнего у греков, римлян и других народов Европы и такими же прилагательными в Индии, придаваемыми любимому *аватару*, до того очевидны, что они не могут не заинтересовать любителей древних мифологий. Повторяю, невозможно, чтобы то было простою случайностью. Особенно замечательно тождество названий, относящихся к солнцу, олицетворением коего являются оба "бога". Гари-Кришна – *палящее* (разрушительное) солнце. "Ари-Кришна" – солнце просто. Кришна, "владыка лучей" (Феб), и его небесная обитель называется *арипуром* и *гарипуром* (*гелиополис*?), или городом солнца[2].

"Раджпутские *dii majores*[3] – те же по числу и атрибутам, как и боги греков и римлян, божества президирующие[4], в переносном смысле, над планетною системой", – справедливо замечает Уорд (*History and Religion of the Hindus*, p. 97). Поэтому и все религиозные обряды, танцы *нотчей* и мистерии, то есть представления сцен из их мифологии, всегда имеют в своём основании астрономическое значение. *Бхану Саптами*, "седьмой день солнца", также называемый "рождением солнца" или Вишну (от солнца, входящего в созвездие *Макара*, Pisces[5], первое солнечного *магха*, от ноября до 15 декабря), празднуется

1 *Го-Кула* – племя коровы (*го*). Кришна был воспитан пастухом Нанда; *пролог* этого праздника на месте рождения Кришны празднуется весной. *Аштами* – первая четверть луны.

2 Раджпуты верят в два рода "рая", в две местности или два Елисейских поля: одна чисто духовная, другая материального свойства. В песнях барды учат воина, что тот, кто падёт на поле битвы "от стали", "исполняя долг чести", пойдёт в "духовный рай" и уж не возвратится на эту землю. Освобождённая искра (йот) воссоединится с родным очагом, солнцем, Сурьей.

3 Старшие боги (лат.) – Прим. ред.

4 Главенствующие, руководящие (от лат. praesidium – председательство). – Прим. ред.

5 Макара (санскр. मकर) – созвездие Козерог (22.12 – 20.01), Pisces (англ.) – созвездие Рыб (19.02 – 20.03), с 23 ноября по 21 декабря – созвездие Стрелец. – Прим. ред.

с огромным торжеством в Удейпуре. Колесницу солнца везут восемь лошадей из храма Вишну и назад с таким церемониалом, какой бывает лишь во время вступления нового раны на престол. Летнее солнцестояние у них называется "ночью богов", потому что Вишну (как и солнце) покоится в продолжение четырёх дождевых месяцев на своём ложе, на змее Ананде.

Описание *всех* праздников, даже только главных, у индусов потребовало бы напечатания целой библиотеки. *Сат бара, аур но-тахвара*, "семь дней (недели) девять праздников", раджпутская пословица, на которую не требуется комментариев. Я опишу только виденную нами мистерию в окрестностях Маттры.

Гопи, пастушки, начинают, конечно, пасторальным праздником *Гури*, местной Цереры. Гури, одна из форм *Парвати*, или *Дурга-мата*, "мощная мать", богиня жатвы и изобилия у индусов. *Дурга-мата*, – та же *mater montana*[1], эпитет, принадлежащий, по Диодору, Кибеле или Весте, в её роли "богини хранительницы детей"; а *mater montana* называется в Раджистане *Амба-мата* (мать горы), и здесь она является патронессой и хранительницей мальчиков, будущих воинов. Алтарь *Гури-Парвати-мата*, "мощной матери горы", венчает почти все возвышенные местности в Меваре, сердце Раджистана, и ей посвящены все "Храмы-Крепости" страны. Её деятельность разнообразнее, а обязанности труднее и многостороннее, чем у её *рефлексий* в Риме, Греции и даже Египте, так как всё заставляет предполагать, что она первообраз Изиды. Как Эфесская Диана, "Гури-Дурга" увенчана полумесяцем и, как Цибела, она имеет на голове зубчатую башню[2] и считается под названием *Дэви-Дурги* (сила, мощь) патронессой всех укреплённых мест. Она тоже *Мата Джавани* – "мать рождений", то есть исполняет обязанность Юноны, *Juno Lucina*[3]; как Падма, "престол которой водружён на лотосе" – она Изида Нила; как *Гури Три-пура* (буквально – трёх городов, *Tripolis*?) – "управляю-

1 Мать горы (лат.). – Прим. ред.
2 Вся провинция Мевара и окрестности Удайпура усеяны такими зубчатыми башнями древности, и все они под покровительством Амбы и *Гури-Дурги*.
3 Юнона Луцина («Светлая») (ит.). – Прим. ред.

щая тремя городами", и как *Атма-дэви*, богиня душ, она, конечно, Геката, – *Hecata Triformis* греков. Словом, *Гури* синтезирует в себе одной всех богинь Греции и Египта, от Дианы и Прозерпины до Изиды и Асторетты. Но главным образом она "земля", индийская Церера, которая и является в мистерии сидящей на снопах на колеснице, влекомой коровой[1], с *камакумной* в руках, вазой, похожей на рог изобилия, из которого падают плоды и зёрна.

После этой процессии является *Камдэва* – бог любви, купидон Индии, у которого лук и стрелы заменяются здесь гирляндами цветов и заострённой бамбуковой тростью. Он попадает ею в одну из *гопи*, дочь Наяды, которая и сгорает любовью к Кришне. Раздаётся хор. То гимн Каме, из *Бхавишьи Пураны*: "Приветствие богу цветочного лука!.. Слава деву, заставляющему мудреца позабыть всю свою твёрдость! Слава *Мадане*, слава Каме, богу богов; *ему*, который Браму, Вишну и Шиву и самого Индру наполняет волнениями любви!"

Является Гоф-наф (Кришна, под видом "владыки пещеры" (гофа), которого не следует смешивать с *Гопи-нафом* – "владыкой пастухов"). Он покрыт звериной кожей, увенчан травой *кузи* и играет на бамбуковой свирели, и пред ним начинают собираться *гопи*, привлекаемые звуками музыки. Но в этом действии (в первом) *гопи* не пастушки, да и сам Гофинаф превращается из "бога пещеры" в "бога горы", в *Гордан-Нафа*,[2] или *Наф-джи* (владыку всех владык). Он увенчан блестящим венцом из лучей, как Феб, потому что здесь он является самим солнцем, как Вишну, Аполлон, Озирис. Скромная свирель тоже уступает место *чатаре*, *шестиструнной* лире[3], на которой голубой бог начинает играть не мелодию, а, как мне показалось, *гаммы*, и очень монотонные. Но так как меня

1 Земля – *притви*, символизируется у индусов к*оровой*. См. *Asiat. Res*. Vol. III, p. 278.

2 Возможно опечатка и имеется в виду либо «Гири-Нафа» (владыка горы), либо «Гопал-Нафа» (владыка-пастух). – Прим. ред.

3 Музыка, пожалуй и лишённая мелодии для европейского уха, но имеющая *полную семинотную* гамму; хотя монах Гвидо Аретинский считается изобретателем (в XI веке) *седьмой* ноты и действительно греки имели всего *шесть*, но эта семинотная гамма есть в *пуранах*.

стали уверять, что это музыка древняя, как сама "музыка сфер", то я и успокоилась.

Пред *богом* "оборотнем" начинают рисоваться *гопи*, тоже к этому времени превратившиеся в *звуки*.

Говорю в "звуки", потому что другого подходящего слова нет. То девять *но-рагини*, а *рага* есть музыкальная *скала*, гамма, *рагини* же (множественное число женского рода) – супруги *рагов*. В этом не я виновата, а мудрецы, изобретшие санскритскую музыку, в которой, вдобавок ко всей её учёной прелести, нисколько не отвергаемой, но положительно не вкушаемой мною, заключается целая мифология.

Вот доказательство:

Санскритские изобретатели музыки выдумали шесть *рага*, то есть скал, коих названия: Шрирага (*рага* значит господин), Вазанта, Панчама, Байрава, Мегха и Нат-Нараян.

У каждого из этих *рагов* по пяти жён, а у каждой из этих жён по восьми детей. *Каждый раг*, каждая *рагиня* и каждый *рагиненок* имеет имя, атрибуты, собственную биографию, генеалогическое древо, и если бы родился в России, то имел бы, вероятно, и свой формулярный список. Родившись в Индии, каждый из них за то получил титул бога, богини и боженка. Философия вышесказанного есть та, что певец и музыкант в Индии поёт и играет, имея в своём распоряжении 276 разных *скал*, по семи нот в каждой; каждая нота выражает какой-либо звук в животном царстве, а звук этот должен изображать какое-либо чувство.

Звуки животных и выражаемые ими чувства выписываю для любопытных из оригинального сочинения Санскритского Музыкального Общества, потому что оно разъяснит лучше всего, *что такое* представляли Кришна Наф-джи и его *рагини*.

Ноты скалы		Имена санскритские	Типы звуков животного царства	Выражающие оттенки
Са	До	Шаджа	Павлин	Героизма, изумления и ужаса
Ри	Ре	Ришабха	Бык	
Га	Ми	Гандара	Козел	Жалости, сердоболия
Ма	Фа	Мадьяма	Журавль	Насмешки и любви
Па	Соль	Панчама	Дрозд	Беззаботности
Дха	Ля	Дхайвата	Лягушка	Отвращения и тревоги
Ни	Си	Нишадха	Слон	Милосердия и сознания силы

Вот эти-то "звуки", выражающие оттенки чувств, и олицетворялись плясавшими пред Кришной *но-рагинями*[1]. То были девять олицетворений "девяти страстей", *но-раза*, зарождённые мелодией бога музыки,[2] его создания, воспрянувшие к бытию под волшебной силой *Ваха*[3], и исполнение было, как и сама идея, прелестно. Взявшись за руки, *но-рагини* сперва пляшут пред своим творцом, а затем следует ещё превращение. Пред зрителями является пылающий бог солнца, без incognito[4] на этот раз, и *но-рагини* обращаются в знаки зодиака; начинается астрономическая мистерия, где богини-созвездия составляют вокруг бога солнца круг и выплясывают знаменитый *Рас-Мандал*, танец звёзд. *Но-рагини* и *но-раза* опять исчезли, остались одни олицетворённые знаки зодиака. А *рас-мандал* всё продолжается. Медленные движения, полная

1 *Но* – "девять". [Согласно современной транскрипции: «нава» или «нав». – Прим. ред.]
2 "Девять страстей" или девять муз Аполлона.
3 Бога *звука*, на этот раз мистического, *оккультного*. [Богиня Вач в современной транскрипции. – Прим. ред.]
4 *Инко́гнито* (итал. incognito от лат. Incognitus – неузнанный, неизвестный) – лицо, скрывающее своё настоящее имя и действующее под чужим или вымышленным. – Прим. ред.

грации мимика оживляются и делаются всё быстрее и быстрее…[1] Мистическая пляска на берегах Джумны напоминает танец альмей[2] в Египте и переносит нас на песчаные берега Нила…

В третьем действии снова всё изменяется. Кришна опять является пастушком с посохом и своею свирелью, и вокруг него играют и поют вновь воплотившиеся из богинь пастушки, *гопи*. *Но-рагини* ещё раз превратились в *но-рази*, то есть "девять страстей", и стараются свести пастушка, *брамачарья*, с пути истины. Но им это не удаётся. Кришна торжествует в своей добродетели, а пастушки – *en sont pour leurs frais*[3].

Кришна, не обращая внимания на заигрыванье пастушек, продолжает играть на своей свирели, заменившей ему теперь шестиструнную *чатару*. Но зато коровы его священного стада, устыдясь, должно полагать, за пастушек, разбегаются… Солнце зашло и на сцене совсем темно. Тут являются свирепые катчи (другое племя раджпутов) и угоняют коров к себе; а в погоню за ними бросаются гоклы (гокуладесы) или *кюклопесы*[4] и стараются отбить скот у хищников. Когда они появляются, то перед зрителем восстают свирепые циклопы-пастухи Гомера, не знавшие ни закона, ни удержа, мохнатые гиганты… Они вылезают из пещер, спускаются с деревьев, и на груди у каждого *сверкает, как огненный глаз, огромный жук светляк, приколотый к звериной шкуре*.

Такие светящиеся жуки, единственное освещение в пещере пастуха или в круглой башне бедняка Гоклы, и до сего дня в употреблении у племени нанды, воспитателя Кришны. Часто

---

1 Цимбалы, *табор* и *мурали* (род флейты) чуть не свели меня с ума; но зато я узнала в тот вечер многое. *Чхоби* Маттры имеют огромную и, говорят, заслуженную репутацию в Индии, как певцы и мимики; и басы браминов с контральто и тенорами "небесных певцов" пагоды являлись полными гармонии. Но это музыка вокальная, а инструментальная под конец невыносима для европейского слушателя.

2 *Альмея* – танцовщица, певица и женщина-музыкант высокого ранга, которая была должна в гаремах развлекать женщин богатых и знатных господ в арабском Египте. – Прим. ред.

3 Остаются при своём (фр.). – Прим. ред.

4 Κύκλωπες (греч.) – циклопы. – Прим. ред.

ночью, отправляясь отыскивать пропавшую корову или быка, гокла прикрепляет несколько таких жуков к тюрбану, чтобы светлее было. Не в этом ли племени г*окуладесов* следует искать начала и объяснения *кюклопесам* греков? Светляки превосходно объясняют "фонарь на лбу" у циклопов-*рудокопов*, а также и то, что Гомер знал их за племя пастухов, *гокула*, главным и единственным представителем коих был "одноглазый" Полифем.[1]

Мистерия кончилась поздно. Брамины *чоби* (так названные от *чоби*, палицы, которою они вооружаются на это представление) давно уже, осадив тирана Канзу во дворце, разнесли в мелкие щепки его крепость[2] и самого его загнали в кусты, когда мы оставили пагоду. После спектакля "*бог*-Кришна" присоединился к нам и оказался очень молодым, рослым раджпутом, который, к удивлению нашему, даже говорил по-английски. Я обязана ему главными из полученных нами в Маттре сведений. Он нам объяснил смысл многого, чего мы тогда не понимали из представления, в котором ему выпала главная роль.

Он вполне верил в Кришну-героя, и отвергал Кришну-бога не менее нас самих. От него мы узнали, что служение седьмому по числу из семи главных видов Кришны, под которыми он обоготворяется в Раджистане, то есть *Мудхун-Мохуны*, "божеству, опьяняющему любовью", находится исключительно в руках *брамини*, женщины. "Мудхун-Мохуна" есть пастушок, чарующий пастушок, *гопи*. В настоящее время великая жрица голубого бога очень стара и очень строга к храмовым *нотчам*, обязанность коих состоит в разыгрывании ролей *гопи* и в ухаживании за лазоревым божеством. Эта строгость отзывается на самом её храме, который-де страдает *недостатком* в

1 См. "Одиссея", песнь 9. – Прим. ред.

2 Канза – дядя Кришны и узурпатор его престола. Каждый год брамины *чоби* осаждают его дворец и *якобы* убивают его в лесу, куда он спасается.

"небесных музыкантах"[3]. Маленьких певцов *неба* им приходится занимать из других пагод, вне Раджистана.

Статуй или идолов Кришны, как сказано, *семь* главных в стране, и они были описаны только Тодом, единственным, кажется, изо всех англичан, которому позволили, как и нам, пятьдесят лет позднее, приблизиться к святыне.

Эти семь "чудотворных" статуй были принесены столетия тому назад таинственным лицом, Бальбой, который потом и сделался верховным жрецом Раджистана. Умирая, он их разделил между своими семью "внуками" от *духовного* сына (усыновлённого), и теперь они составляют источник величайших доходов для их потомков, священнодействующих брамин семи главных пагод в стране.

Представлявший Кришну, собственное имя которого я забыла, доставил нам вход к Ноните[1], "младенцу Кришне". *Нонита* сидит на лотосе, похожем, впрочем, на кочан капусты, задумчиво держа в руке пирожок (*пару*): такие пирожки делаются из теста, замешанного на воде из реки Джумны, отнюдь не другой. Со времён афганцев, которые со свойственным им иконоборством бросили Нониту в Джумну, он покоился до 1803 года на дне реки. Когда его случайно выудили оттуда, он пирожка своего всё ещё не съел и всё ещё также внимательно всматривается в него, как бы не доверяя ему. В этой воздержности я ему вполне сочувствую. Принесённый мне, в виде необычайной милости, "священный" пирожок до сей поры мне памятен. Съев его, я тотчас почувствовала припадок морской болезни и оставалась под влиянием мрачной меланхолии целый день.

Есть ещё один идол Кришны, Гокуль-джи, найденный где-то чудесным образом, который тоже в руках *брамини*, иначе – брамина женского пола. Но мы не видали ни его, ни её, хотя

---

3 Небесные музыканты, или певцы, как известно, при пагодах всегда сыновья *нотчей*, танцовщиц. Это им не ставится нигде, кроме Раджистана, в укор. Но в этой стране рыцарства *нотчи* – настоящие весталки.

1 Пишется *нава* (новое), *нита* (масло). В младенчестве Нонита был очень лаком до свежего масла и часто крал его у соседок, отсюда и название.

нам очень хотелось побывать на острове Джумны, где оба находятся. Там тоже монашествует целая толпа *йогинь*, или йогов женского пола, под начальством старой *брамини*. Мы предпочли посетить проездом ещё два-три храма и увидать, а главное, *услыхать* знаменитых *бхартов*.

Осматривая храмы и их разнородные божества, я совершенно забыла о *салиграме* нашего председателя полковника О***, не оставлявшем его ни на минуту. Мои мысли были так заняты мифологическими сравнениями, что если бы кто заговорил о нём, я, вероятно, не обратила бы и внимания. Но талисман напомнил нам о себе, и при таких обстоятельствах, что трудно было забыть.

Выходя, под вечер последнего дня, из полуразрушенного дворца, куда нас поместил Ананда по нашем приезде, чтобы посетить храм Гопала-Кришны, мы решили отправиться туда пешком. Пагода была так близко от нашего дома, что следовавшая за вами по пятам дребезжащая карета казалась нам излишней. Мы её отослали, так как для того, чтобы перейти площадь не стоило и садиться в экипаж. Я пошла вперёд с Нараяном, бабу и Анандой Суами, а за нами шёл полковник, в сопровождении целой свиты браминов, пандитов и шастри. Мульджи служил им переводчиком.

В пять минут, несмотря на постоянные остановки и препятствия, в виде шмыгавших между ногами обезьян, да целых процессий ослов и транспортов, мы были уже у преддверия пагоды, и я села на ступеньки широкой лестницы, поджидая главу нашей компании. Ананда Суами стоял шагах в двух от меня и тихо разговаривал с Нараяном, с которым он видимо подружился, а бабу я отправила купить лакомств для "священных" четвероногих и особенно для четвероруких.

Храм Гопала-Кришны построен в глубине глухого переулка, из коего нельзя было видеть ничего, кроме одного угла площади, которую мы только что прошли. Ожидая каждую минуту полковника и бабу с орехами, я спокойно сидела, довольно удачно сдерживая до той поры нахальное и неприятное заигрыванье обезьян, которые чуть не лезли к нам в карманы. Эти животные до того привыкли жить между

людьми, что даже и наши, столь отличные от туземцев платьем и наружностью, фигуры не возбуждали в них ничего, кроме ожидания обычной подачки. Их собралась около меня целая колония, и было бы трудно не заинтересоваться, глядя на их хитрые, светящиеся глазки, на взгляды их, упорно не покидающие моих рук и следящие за малейшим движением. Одна из них, престарелая на вид макашка, потерявшая уже несколько зубов, незаметно для меня стащила снятую перчатку и, прежде чем я даже догадалась о пропаже, принялась с наслаждением жевать её в углу.

Но вот показался бабу с орехами и изюмом и стал бросать их пригоршнями в обезьян: тут у нас с ними началась потеха. Обезьяны стрекотали и дрались, мы глядели на них и смеялись, как вдруг, совершенно для нас неожиданно, со стороны площади поднялся такой ужасный необъяснимый вой, что мне показалось, будто там сорвался с цепи целый десяток тигров… Возгласы толпы, мычание быков, рёв слонов, всё это сливалось в один глухой, протяжный гул. Он приближался к нам, с каждою секундой становясь яснее и громче, и я было уже собиралась последовать примеру макашек, которые со страху мигом улетучились, когда Ананда Суами разом отвлёк моё внимание от неизвестной мне опасности и приковал его к себе… Глядя на него широко раскрытыми глазами, я, должно быть, представляла картину такого испуганного удивления, что бабу, сам не понимая ещё причины его, бросился вперёд загораживать меня своею тонкой фигуркой, а Нараян, схватив какое-то полено, стал возле меня в позе гладиатора. Так мы стояли все трое в течение нескольких секунд, не произнося ни слова, окаменелые от изумления.

Что же случилось? Для всякого, не наблюдавшего за аскетом, как то делала я с утра до поздней ночи в течение трёх суток, ничего такого, что бы показалось уж из рук вон странным. Услыхав рёв, Ананда Суами, обыкновенно так медленно и плавно двигавшийся словно на заведённых пружинах, вдруг преобразился. Во мгновение ока, одним, сделавшим бы честь любому акробату, прыжком, он очутился на конце переулка. Затем рядом быстрых гимнастических приёмов он

вскарабкался под балкон углового дома и повис на нём правою рукой, а левою, как мне показалось, указывал на что-то вдаль.

– Что это он такое делает? – почти закричала я, придя в себя.

– Дёнду пробует, мэм-сааб, – оскалился тоже успокоенный бабу. Тогда только я разглядела, что Суами *действительно направлял к площади руку с волшебным в ней жезлом*.

Как бы в подтверждение догадки бабу, хотя шум голосов всё приближался, ужасный рёв мгновенно умолк. Раздалось ещё несколько слабых мычаний, а затем целая толпа браминов наводнила переулок и среди них полковник… но в каком виде, силы небесные!

Он потерял шляпу и, по-видимому, очки. Белоснежное пальто и панталоны превратились от покрывавшего их навоза и пыли в нечто невообразимое, в тряпки, покрытые пятнами и прилипшими к ним кусками столь излюбленного лондонскими *эстетами* цвета гнилой зелени, с коричневыми тенями нюхательного табака. Лицо его было краснее спелой вишни, волосы растрепались, а в бороде торчали куски соломы и сена… Он казался очень сконфуженным.

– Я советовал полковнику не подходить к священным коровам, но он не послушался, – кричал, объясняя, Мульджи.

– Чёрт их побери, ваших священных коров! – огрызался наш президент. – Я хотел их покормить хлебом и пряниками, а они стали ко мне лезть… голов десять. Я от них, а они ко мне… мотнёт головой, подбросит хвостом вверх, да и норовит мордой в карман… Мотнёт, да и лезет с ужаснейшим мычанием… оглушили меня.. Ну, я и упал… поскользнулся и… упал!..

– Ещё бы, когда у вас *салиграм* под рубашкой; ведь говорил же вам Ананда-джи[1], предупреждал: берегитесь, не подходите к коровам!..

– Не салиграм, а хлеб; не бежали же они за мною прежде… Ну, а как предложил хлеба…

– Вы никогда прежде не подходили к ним так близко, – настаивал Мульджи. – Это салиграм их привлёк…

---

1 *Джи* – учтивое прилагательное, вроде "почтенного", только ставится после имени.

– Нет, хлеб! Как только взял кусок в руку и дал первой… так все и стали норовить мордами в карман…

– К *салиграму*, а не в карман, – поправил "генерал".

– Навалились на меня, припёрли в угол, – продолжал объяснять, как бы извиняясь предо мной, бедный полковник, – ну, я и упал… брамины машут руками, *просят* коров по-санскритски оставить меня, и хоть бы один из них хватил их палкой!.. Ну, а коровы ещё хуже!..

На лице Мульджи, при этих словах, изобразился священный ужас.

– Ударить корову Гопал-Кришны!..

– Не ушибли ли они вас? – осведомилась я, слишком ещё поражённая неожиданностью и испуганная, чтобы вкушать всю комичность его положения.

– Нет… кажется, ничего, – отвечал он, ощупываясь. – Только вот перепачкался… проклятые коровы! Жаль, что со мной не было трости!..

– Прошу вас, не говорите так, полковник, – испуганно озираясь на браминов, прошептал встревоженный за нас Нараян. – Хорошо, что они не понимают вас. Они способны убить всех нас из-за священной коровы…

– А ведь вам пришлось бы еще хуже, сааб, – молвил бабу, – если бы не Ананда Суами… Это он вас выручил… *дёндой*…

– Да я его и не видал там… Он ведь ушёл с вами вперёд?

– Поражал "священное" стадо с выси! – продолжал смеяться бабу. – Стоял, как Индра со стрелами… вон там у балкона…

– Просто смотрел! – перебила я. – Все кончилось *до* его *дёнды*…

– Вы знаете, *упазика, что это не так*, – с упрёком заступился Нараян и отошёл прочь к стоявшему в стороне "брату Рощи".

Ананда спрыгнул вниз из-под балкона в ту самую минуту, когда первые брамины показались у входа в переулок, и мы потом узнали, что пропустив людей, он видимо воспрепятствовал нескольким коровам ворваться за ними в узкий проход. Стадо гналось за несчастным президентом рысью, пока он не исчез от них в переулке.

– Что ж именно он делал и как он им "воспрепятствовал"? – расспрашивала я "Кришну", который присоединился к нам несколько минут позднее.

– Стоял у входа и *махал в них дёндой*.

– Как в них?.. то есть *на* них, на коров?.. Ну, конечно, тем и испугал их.

– Нет, именно *в них*. Простого маханья палкой *мои* коровы не испугались бы.

Он говорил "мои" коровы, как будто серьёзно воображал себя богом Кришной.

Мы отправились домой, так и не видав храма Гопала; солнце зашло, и под покровом тотчас же окруживших нас, как темным флёром сумерек, скрывших очень кстати плачевный вид нашего президента, мы вернулись домой и стали приготовляться к отъезду. К несчастью полковника, вся наша поклажа была отправлена из Баратпура прямо вглубь Раджистана, и президент не мог даже переменить платья. Но наш хладнокровный глава и тут не растерялся. Он купил белую одежду туземца и предстал пред нами в костюме, представлявшем странную смесь раджпутских одеяний с европейскими.

Но он видимо сознал в душе, что получил урок. *Салиграм* исчез с его особы, и ничто не напоминало нам более о его "магическом" присутствии. Впрочем, обладание оным оказало нам и пользу. Брамины, приняв этот факт к сведению, хотя и чувствовали к нашему президенту большую зависть и диву давались, что священный их предмет не утрачивает своих свойств даже на особе нечистого *млетчи*, но всё-таки почувствовали к нам ещё сильнейшее уважение и как бы даже суеверный страх.

Мы выехали из Маттры ночью по реке в большой примитивной лодке, напоминающей венецианскую гондолу, в которой у нас стоял стол и скамейки кругом и даже было место для кухни. Последнее, впрочем, оказалось для нас бесполезным, так как мы оставили нашу гондолу в два часа ночи, и нас увезли в лес к какому-то "вассалу", по выражению Ананды, ночевать. К моему восхищению я нашла в отведённой мне комнате железную кровать с постелью, которая словно была

перенесена из первоклассного отеля, даже до мустикьеры[1] от комаров из девственно чистого тюля. Видно, заправские колдуны такур с Анандой: *un lit a sommier*[2] в раджпутских лесах!

На другой день мы поехали к деревушке *бардов*. *Бхаты* или *бхарты* и *чаруни* или *чараны*, то есть барды и летописцы,[3] издревле занимаются переноской вещей. Такая "переноска" началась одолжением и постепенно перешла в ремесло. В этой стране, заселённой вечно враждующими племенами, разбойничьими шайками бхиллей и меров, во дни былые невозможно было пересылать ни денег, ни вещей большой дорогой. Барды были единственным классом, который уважали и проклятий коего страшились разбойники. Взявшись доставить сумму денег или ценную вещь, *бхарт* ручался своею жизнью за доставку; если разбойники, невзирая на его сан, отнимали у него доверенное, он в ту же минуту вонзал себе нож в сердце и, обрызгав кровью грабителей, умирал с проклятием на их головы. *Это проклятие всегда исполнялось*, говорят раджпуты. Прошли века, и теперь *бхарта*, везущего миллионы, не тронут разбойники, будь их сотня против одного. *Бхарты* служат посыльными по всему Раджистану, и их сан делает их священными в глазах самого свирепого разбойника. "Даже полудикий коли и сахрай страшатся проклятий *этого странного существа*, которое ведёт караваны с полной безопасностью чрез самые безлюдные пустыни и непроходимые леса этой местности. Путник, желающий достигнуть беспрепятственно портов Джалора или Радхунпура, ведущего в Сурат или Мускат-Мандави, присоединяется к каравану, во главе которого едет *бхарт*: он в полной безопасности"...

На другое утро, восстав от спокойного сна в лесу, Ананда нас повёз именно к одному такому *чарану*, в семействе коего мы и провели время до самого вечера. В белом, длинном и широком одеянии, старик походил на Оссиана[4], сошедшего с холста картины. Сидя с *чатарой* в руках на полу, он пел нам

1 *Мустикера* (фр. moustiqaire) – сетка от комаров. – Прим. ред.
2 Кровать с сеткой (фр.). – Прим. ред.
3 *Бхарт* – бард и генеалог, а *чарун* – летописец, но оба класса – поэты и песнопевцы.
4 Оссиан – легендарный кельтский бард III века. – Прим. ред.

легенды о древней удали сынов его страны, о падении Читтура, о героях-чоханах (племя такура) и *о блаженстве смерти за долг чести*, за данное слово, за родину... Его два сына, рослые, красивые раджпуты, пели в свою очередь, и их легенды были все основаны на подвигах Кришны, Бальрамы, Арджуны и племён *гарикула*. А их жены и старуха-мать прислуживали нам, кормили нас и не знали, что и делать для "саабов", отправляющихся к "великому такуру".

Костюм женщин у *бхартов* чрезвычайно живописен: тёмные шерстяные юбки и сверху белые как снег *сари*, а в чёрных, как смоль, волосах цветы, кораллы и золотые украшения. Здесь женщины скорее напоминают красивых неаполитанок прежнего времени, чем индусок. В этом благословенном уголке Индии нет ни каст, ни фанатизма бомбейских браминов. *Бхарты* и *чараны* составляют, так сказать, *imperium in imperio*[1]. Они не зависят ни от кого, и правительство умно воздерживается от вмешательства в их дела: весь Раджистан поднялся бы как один человек в защиту своих священных *бхартов*. Они – последнее звено, соединяющее их горькое настоящее с величием их незабвенного и незабываемого прошлого.

Эти неизвестные в Европе, да и мало кому известные в Индии певцы хранят, быть может (для нас это несомненно), первые страницы *истории всего человечества*, а не одной только Арьяварты. Героические песни Индии – это всё, что у них осталось от прошлого. Но эти песни дают право *бхартам* требовать, чтобы на них взирали как на первобытных историков всего человечества. Они жили задолго до тех времён, когда греческие басни впервые обратили на себя внимание поэтов и даже Геродота, отца истории, тысячелетия тому назад; *бхарты* воспевали *настоящие* события и *живых* людей, а не мифы. Каллиопу[2] боготворили в Индии со времён Вьязу[3], современника Иова, по мнению первых ориенталистов, таких

1 Государство в государстве (лат.). – Прим. ред.
2 Каллиопа – в древнегреческой мифологии муза эпической поэзии, науки и философии. – Прим. ред.
3 Вьяса – предполагаемый автор Вед. – Прим. ред.

как сэр Уйльям Джонс, Уйльсон и другие. А эти санскритологи, если и грешили иногда неправильностью выводов, зато никогда не жертвовали истиной и фактами ради доходного места. Уцелели ещё тысячами свитки одних исторических генеалогий и летописей в стихах; и их поэтические преувеличения не помешали б историку извлечь из них события и факты, изложение коих на одном из европейских языков перевернуло бы, весьма вероятно, заключения не только Маколеев и Гротов, но даже и наших *русских историков*. "Чанд бходжунга"[1] и служение музам, как мы видим из сотни перечитанных нами генеалогий давно вымерших племён сурьяванзов, не мешали бардам держаться истины не в пример другим поэтам; а пустая похвала вождям "доисторических" времён не препятствует никому обратить внимание в этих летописях на события очевидно исторические. Одно то, что раджпутские барды высказывали так часто современным им властителям самую горькую истину, служит порукой, что они не жертвовали ею ради земных благ. Обиженные или оскорблённые в душе поступками своих владык, они громили их, невзирая ни на какие последствия. Под немилосердным бичом сатиры барда много тиранов трепетало на своём веку и много благ перепадало народу, который видел в барде своего главного защитника. До сих пор *вис* (яд слова) барда опаснее вражьего меча, ужаснее самих англичан в глазах раджпутского принца.

Нам говорили "посвящённые" барды (между ними есть и такие), что огромная коллекция их летописей, начальные свитки коих написаны с устных преданий, пополняет все пробелы и даже исправляет все ошибки всемирной истории; что в них найдутся все доказательства тому, что племена одного Раджистана заселили в доисторические периоды берега северных морей, Балтики, Чёрного, Каспийского и других; что все германские и особенно *славянские* народности в Европе суть потомки ушедших из Раджистана племён (в древности *Раэттана*). И действительно, если финны и мадьяры Венгрии должны искать начало своего рода и племени в Средней Азии и Тибете, шведы – в Кашгаре, а немцы (только Макса Мюллера,

1 Змийный станс, стих.

впрочем) на Оксусе, так почему бы и нам не поискать родоначальников варяго-руссов в лесах и "великой пустыне" Джесельмера? Кто знает, быть может, славянские праотцы "братушек" – древнейших[1] болгар и сербов, чехов и нас, русских, – и в самом деле спят под семью этажами доисторических городов Саураштры, Амбера и Удейпура? Аларих и Чингиз-хан отнюдь не сами изобрели странный способ своего похоронного церемониала. Когда величественный курган над телами этих двух героев был возведён, говорит Гиббон, огромное вокруг него пространство было засажено лесом, "дабы помешать навеки ноге человека ступать по священному праху".

Так хоронили в древние времена и героев Раджистана, и этот способ описан в песнях барда Чанда. Там, где теперь "долина смерти", пустыня Индии, ведущая к долине Инда, были прежде непроходимые леса. Тысячелетия превратили их в прах, а местность, где находятся ещё такие курганы – в пустыню. В степях России таких "курганов" много; и то, что у нас зовётся "бабой", называется в Индии тоже "баба", только слово это означает "отец", и я видела несколько таких каменных баб в Меваре.

Целое кладбище круглых курганов с "бабами" наверху находится недалеко от дома барда. Это местность, где пали тысячами *госейны*, "монахи-воины", которые здесь зовутся "канфура-йоги". Нас водили в лес, где они успокоились навеки во прахе, где барды покрывают эти курганы ежедневно ветками посвящённых им, как и *кельтийским жрецам*, рябины и ясеневого дерева и поливают их священною водой. У этих язычников уважение к покойникам вообще и к их убитым в сражениях воинам – черта, которую могли бы перенять у них и некоторые христиане. Я знаю могилы офицеров и даже одного генерала на Кавказе и в Севастополе, убитых или умерших от ран, заброшенные, забытые, даже без креста…

Ещё в начале этого столетия канфурские *йоги* были знамениты, как и в прошлые столетия, в военных летописях Раджистана. Они жили (и теперь живут, хотя не в таком количестве со времени прихода англичан) в "братствах" тысячами.

1 То есть придунайских славян, а не пришедшей с Алтая чуди.

То простые, необразованные хатта-йоги, но храбрейшие воины; и туземные властители часто вступали с ними в союзы, особенно в оборонительные. Их свирепая удаль вошла в пословицу. То были самые неустрашимые и храбрые воины во всей стране, жрецы Бала (Баларамы), бога мощи. Теперь раджи перестали драться между собою, и канфурские йоги, не находя более исхода своей воинственной деятельности, предались всецело самозаушению: за неимением врагов они побивают самих себе. Несколько их восседали под деревьями на тигровых и львиных кожах, покрытые с ног до головы белою золой, с перепутанными, нечёсаными волосами, завязанными тюрбаном на макушке. Возле каждого из них горел жертвенник с пылающим угольями, которыми они по временам окружали себе ноги, раскладывая их у себя на коленах, как будто вместо огня то были угли из фольги… Одно подымавшееся вместе с паром и шипением углей зловоние горелого человеческого мяса убедило меня наконец, что то были действительно горящие уголья…

– Фу, мерзость какая! – сказала я, обращаясь по-французски к полковнику и Ананде. – Вот, поучитесь, г-н президент, *хатта йогству* у этих… Чего же лучше?

Но зрелище оказалось слишком противным даже для любознательного полковника. Он не выдержал и отвернулся, заметив, что предпочитает могилы убитых пыткам живых йогов.

Далее, другое кладбище простых воинов, и опять памятники "бабы", сооружённые над могилами тоже павших в битвах раджпутов. Пепел сожжённых тел привозился на родину, и над "вождями" ставилась не "баба", а более доконченный монумент. На некоторых памятниках был вылеплен рельефом сам всадник в полном вооружении, со щитом, мечом и пикой; а подле него его жена – верный признак, что она сожгла себя на могиле супруга, т. е. совершила *сати*. Мысль о том, что́ происходило на этом месте во время воображаемой мною сцены сожжения живою вдовы, испортила для меня всё удовольствие прогулки.

В Раджистане всякое освящённое преданием *маха-сати*, т. е. великого самопожертвования (самосожжения), место тотчас же делается ареной духовских подвигов, "нечистым местом". Это, впрочем, не у одних раджпутов. "Духи" самоубийц, должно полагать, каются в своём поступке и на Западе, и приходят доживать свой насильно прерванный век в менее удобных, но зато и более наклонных к пороку телах. И у нас в России самоубийцам не лежится спокойно на избранном ими ложе, если верить народной молве. Как бы то ни было, но в Индии их "духи" достигают апогея надоедливости. Спириты могли бы здесь ликовать зело[1], но *не*-спириты очень на них жалуются. Меж страшных алтарей самоубийства, среди костров, где так часто, так безжалостно сожигались юность, красота, земное счастье, где мать, рыдая, в то же время благословляла дочь на *подвиг святости*, а отец, обязанный присутствовать при *маха-сати* от начала до конца, пел хвалебные гимны часто единственной дочери, юное, трепещущее тело коей трещало и корчилось в пожирающем пламени, – тотчас же заводились "демоны", зарождаясь с *ночи девятого дня*. Там, на даровых квартирах, немедленно появлялась *Джигер Кхор* – страшная *гарпия* древности и *Дхакуна* – её поводырь.[2] Оба эти демона, как это хорошо всем известно, рыскают по ночам, нападая на живых, у которых Джигер-Кхор пожирает сердца, вырывая их из животрепещущего тела. Некоторые мавзолеи, как гробницы в Помпеях, сделаны с комнатой внутри, где совершаются ежегодно обряды поминок по покойнику или покойникам. Для раджпута это самый страшный, тяжёлый день в году, но которого, по общепринятому обычаю, ему невозможно избежать. Он обязан отправляться в эту похоронную комнату один и там совершать обряд над прахом, окропляя комнату водой, делая приношения цветами и рисом, а затем лежать ничком на полу часа два, бормоча *мантры*.

1 Очень (устар.). – Прим. ред.

2 *Дхакуна* – злой дух и служит путеводителем Джигер-Кхоре – слепой гарпии.

– Мой родной брат, – говорил старый бард, – один из храбрейших воинов Мевара, вернувшись домой после *питри-ишварес* (поминок), узнал, что за эти два часа он поседел, как восьмидесятилетний старик… А ему не было и тридцати.

– Что ж, он разве видел что-нибудь?

– Нет, но… чувствовал; всё время *чувствовал* на себе ледяные руки Джигер-Кхоры, которая доискивалась его сердца… Он спасся *мантрами*. Так, так, день *питри-ишвара*[1] великий… но ужасный день! На кладбище, откуда мы пришли, *они* возятся каждую ночь…

– Кто они?

– *Бхуты* (духи). Выйдя из задней двери на внутреннюю веранду, можно видеть даже отсюда по вечерам, как *они* мелькают разноцветными огоньками над могилами…

– Синеватыми, – поправил Ананда, – это вы видите просто *шахаба*, блуждающие огоньки, которые вы найдёте на всех кладбищах и особенно на полях сражений, – внушительно добавил он.

– Так, так… на полях сражений… конечно. А где же легло костьми более храбрых воинов, как не здесь? Но эти огоньки – их души!

– Не души, а фосфорическое сияние от тления стольких животных тел.

– Это нам говорил и наш *махрадж*, такур-саиб… Но ни он, ни вы не верите в Дхакун и Джигер-Кхор, потому что они не посмеют *вас* тронуть, а нас они не боятся.[2]

---

1 *Питри* – предки, умершие родные в восходящей линии. *Питар* – отец, *эз* или *эшвар* – господин. *Питри-ишварез* выходит – "умершие господа предки".

2 Ничто не в состоянии рассеять суеверия раджпутов, даже такие у них авторитетные лица, как такур. Полковник Тод рассказывает в *Мемуарах* о своём товарище, капитане Вауге, который, наслышавшись об "огоньках", "чертях" и "ведьмах" и подозревая, что на тот раз *Дакхуной* была замеченная им на заре гиена, поехал верхом к кладбищу поджидать зверя. Он подстерёг и убил "коня Дакхуны", на котором ведьма (гарпия) *Джигер-Кхор* рыскает по ночам. Услыхав, что гиена убита, раджпуты ужаснулись, предрекая капитану несчастие за смерть "коня" ведьмы. На другой же день Вауг упал с лошади и сломал себе ногу, чем и оправдал их суеверное пророчество.

Такое противоречие и скептицизм со стороны Ананды как будто не нравилось ему. Старик нахмурился и вдруг, ударив по струнам чатары , затянуть песнь *Джохура*. Джохур, – это тот ужасный обряд, когда обессиленные воины, убеждённые, что им не одолеть врага, собирают своих жён, матерей, сестёр и невест, и убивают их собственноручно, сожигая затем их тела на костре. 1275 год навеки памятен в Раджистане, и барды поют до сей поры "о падении города Читура" и о смерти "Рани *Падмани*", невинной причины битвы и падения города, который со времён исторического периода три раза подвергался страшнейшему "сакка"[1], т. е. штурму и истреблению целого племени. Читур погиб окончательно в 1676 году, но его защищали уже не законные владетели, а его победители и разрушители. Легенда относится к событиям 1275 года и полна интереса и прелести. Вот эпизод в нескольких словах.

Бхимза, дядя малолетнего раджи и его опекун, влюбляется и женится на дочери царя цейлонского, чохана Гамир Санка, красавице *Падмани*, – эпитет, даваемый только "прекраснейшим из прекрасных". Её красота, таланты, благородство души и самоотвержение, доведшее её до костра, а Читур до окончательного падения, составляют любимый сюжет народных преданий Раджвара (Радиастан).

Теперь передам, как могу, чудную балладу бардов, пропетую нам нашим старым хозяином. Я даю буквальный перевод, но, конечно, с большими сокращениями главных событий исторического и навеки памятного в стране сражения.

Не грозного Читур-града жаждет сердце Алла-о-дина,
Лотосоокой Падмани, супруги храбрейшего Бхимзы,

1 *Сакка* раджпутов то же, что (вероятно, перешедшие от них к англосаксонцам и галлам) современные слова *sack* и *sac*, "le sac d'une ville" – ограбление города по взятии. Вот, что пишет об этом термине автор *History of the Rajpoot tribes* (История раджпутских племён): "Осаждённые раджпуты, потеряв всякую надежду на победу, убивают в последнюю минуту всех своих женщин, и воины, облачённые в длинные шафранного цвета рубашки, бросаются в последнем усилии отчаяния вперёд на врага и, конечно, на верную смерть. Это у них называется делать *сакка*, где всякая *сакха* (ветвь) отрезается от дерева неприятелем. Читтур потерпел три раза полную *сакку*".

– Жаждет патан. Посылает гонца на дурбар махараджи:
"Отдай за Дельи мне рани… Возьми ты всё царство, богатства, –
Всё, чем владею, за *рани*, за перл драгоценный Востока!
Иначе погиб ты! Читтору, твой град, разгромлю я навеки,
Сгублю *агни-кулла* и сердце твоё с ним я вырву!"
Разгневался Бхимза, наш царь, и страшно сверкнул он очами:
"Не надо мне царства, калиф, не боюсь я могулов!..
Не владеть тебе рани-царицей, мне верной Падмани,
Плюю тебе в бороду, враг! Приди!.. Тебя ждут агни-куллы!.."
Град осаждён. Голодает Падмани, могул торжествует,
Шлёт снова посла:
"Хоть взглянуть позволь мне на рани Падмани!..
Без стражи приду я один… Тебе доверяюсь, раджа,
Слову раджпут не изменит!"…
Жалея красавицу рани, во избежанье *Джи-гура*,
Дал Бхимза согласье, впустил он калифа в ворота Читторы.
Одного и без стражи… …
Узрел злой патан отраженье
Рани прелестной в стене залы зеркальной дурбара.
Возгорел Алла страстию: за доверие злую измену
Радже патанец готовит… …
"За доверье доверьем плачу, –
Алла-о-дину рек Бхимза, – иду за тобой, провожая
Тебя за ворота Читторы"…
Вдруг крикнул тот, стражу сзывая,
Пленником сделал он Бхимзу, и в лагерь патанский коварно
Увлёк, говоря: "О раджпут! Ты заложник Алла-о-дина,
Отдай мне Падмани, купи своё царство, свободу!"…
Не грозного Читтур-града жаждет сердце Ала-ад-дина,
Лотосоокой Падмани, супруги храбрейшего Бхимзы,
Жаждет патан[1]. Посылает гонца на дурбар махараджи,
"Отдай за Дели мне рани[2]… Возьми ты всё царство, богатства,
Всё, чем владею, за рани, за перл драгоценный Востока!
Иначе погиб ты! Читтур, твой град, разгромлю я навеки,
Сгублю Агни Кулла[3] и сердце твоё с ним я вырву!"

1 Алла-о-дин – Патанский император.
2 *Рани* – женский род *рана* или *раджи*. Жена *раны* Удейпурского зовётся *рани*; а также и жена каждого *раджи*.
3 "Агни-кулла", племя *агни* (огня), вымершее с Читуром.

Разгневался Бхимза, наш царь, и страшно сверкнул он очами.
"Не надо мне царства, калиф, не боюсь я могулов!..
Не владеть тебе рани-царицей, мне верной Падмани.
Плюю тебе в бороду, враг! Приди!.. тебя ждут агни-куллы!.."
Град осаждён. Голодает Падмани, могул торжествует,
Шлёт снова посла:
"Хоть взглянуть позволь мне на рани Падмани!..
Без стражи приду я один... тебе доверяюсь, раджа,
Слову раджпут не изменит!.."
Жалея красавицу рани, во избежанье Джи-гура,
Дал Бхимза согласье, впустил он калифа в ворота Читтура.
Одного и без стражи...
...Узрел злой патан отраженье[1]
Рани прелестной в стене залы зеркальной дурбара.
Возгорел Алла страстью: за доверие злую измену
Радже патанец готовит...
..."За доверье доверьем плачу",
Ала-ад-дину рек Бхимза, "иду за тобой, провожая
Тебя за ворота Читтура"... Вдруг крикнул тот, стражу сзывая,
Пленником сделал он Бхимзу, и в лагерь патанский коварно
Увлек, говоря: "О раджпут! ты заложник Ала-ад-дина,
Отдай мне Падмани, купи своё царство, свободу"!..[2]

Отчаяние овладело жителями Читура, осаждённого 80 000 войском предателя патанца. Старшины стали держать совет: отдавать ли Падмани за раджу или же то будет бесчестно. Но *рани* сама нашла, что она обязана пожертвовать собой за

1 Историк Фериштa подтверждает факт, рассказывая, что Алла-о-дину позволено было взглянуть на рани Падмани только посредством устроенных в дурбарной зале зеркал.

2 Исторический факт. Алла-о-дин доверился Бхимзе, зная, что раджпут умрёт скорее, нежели изменит слову, и сделал это для того только, чтобы заманить его в засаду. Лицемерием и фанатизмом этот воинственнейший и наиболее преуспевавший в делах изо всех государей, когда-либо занимавших престол Индии, походил на последнего из Тимуров, Аурунгзеба. Титул "Секундер-Сани", "второй Александр" (Македонский), который он выдумал для себя и приказал чеканить на своих монетах, был по отзыву летописцев вполне заслужен. В Индии он являлся настоящим Атиллой, бичом всех раджей, и почти совсем истребил племя *агни* в Читуре.

любимого мужа, решив в то же время не отдаваться Алла-о-дину живой. Посоветовавшись с его дядей Горрой и его сыном Бадулем[1], пришли к заключению, что следует попробовать освободить Бхимзу, не отдавая на поругание чести *рани* и не рискуя её жизнью. Послали сказать императору, что пришлют ему Падмани, если только он снимет лагерь и отойдёт далее. Её доставят к нему и отдадут на руки; только она не может быть отослана без приличного её сану торжества и проводов. Она должна отправиться к нему приготовившись, с большой свитой её придворных, с принадлежащими ей вещами и приданым, и всеми желающими в Читуре проститься с ней, женщинами и девами, не считая тех, которые пожелают сопутствовать *рани* в Дельи. Калиф согласился и приготовился, дав сперва требуемую читурцами клятву, что святость женских привилегий, т. е. наглухо запертых носилок не будет нарушена.

Тогда вышла из города толпа женщин, "матерей и престарелых родственниц раджпутских воинов", а среди их несли до 700 носилок; каждый паланкин несли шесть воинов, переряженных носильщиками. Царские палатки были окружены, по обещанию калифа, *кханатами* – полотняными, стёгаными стенами, и носилки со свитой были пропущены внутрь. Полчаса было даровано Бхимзе на прощание с его *рани*; но тотчас по его появлении он был посажен в пустые носилки и бегом унесён из лагеря. В прочих носилках было скрыто оружие и в них сидело до 700 вооружённых воинов, цвет молодёжи Читура. Не прошло ещё дарованного получаса, Алла-о-дин, ревнуя к такому долгому прощанию и подозревая засаду, несмотря на данную клятву, внезапно ворвался за *кханаты*: события, все до одного подтверждённые историком Фериштой. Вместо прелестной Падмани и свиты юных дев калиф нашёл около пяти тысяч воинов и несколько сот почтенных, но весьма безобразных старух, которые "вцепились в могулов, как дикие кошки". Раджпуты, пожертвовав заранее жизнью, только хотели прикрыть бегство Бхимзы, и под напором 80 000 человек, окружённые со всех сторон, погибли все *до единого*

1 Бадуль – один из величайших героев Раджастхана средних веков. Он один убил собственноручно множество могулов.

человека. Увидев своих сыновей и родственников мёртвыми, бравые старые раджпутки вонзили себе кинжалы в сердца, и, как гласит баллада:

"Не гора то выросла на долине Читтура,
То тела бравых воинов, да не будет им стыдно,[1]
Все легли за царя… Над горою, другая гора, -
То тела матерей и женщин Раджвара"…

Радже Бхимзе дали быстрого коня, и он успел уйти от преследовавших его могулов. Подвиг товарищей и их старых матерей так воодушевил читурцев, что в течение следующих за сим дней они совершали чудеса храбрости. Осаждённые отразили наконец осаждающих, и Алла-о-дин принуждён был отступить, потеряв половину войска.

Но, увы! лучший цвет молодёжи Читура погиб в патанском лагере! Чрез несколько месяцев влюблённый патанец вернулся снова к приступу и на этот раз остался победителем. Предводимый Бхимзой, весь город, кроме детей и женщин, вышел сражаться за городские ворота. Герои без минуты колебания бросились на неприятеля "один против десяти", по свидетельству истории, и легли "скошенные на поле битвы", говорит баллада, "как колосья под дыханием циклона". Девизом раджпутов, как и у древних, да и настоящих руссов, было всегда: *Ляжем костьми, мёртвые срама не имут*.

Спасся, хотя и очень раненый, один только юный Бадуль, двоюродный брат Падмани, в то время двенадцатилетний мальчик, но в понятиях раджпутов обязанный уже с таких юных лет защищать родину и умирать за неё.

---

1 Обращаю внимание читателя на эту чисто раджпутскую фразу или скорее клятву. Слово *ладж*, – буквально "стыд", термин, употребляемый раджпутами в смысле *чести*. "Ладж рекхо" – *да не будет мне стыдно*, или буквально, что выходит одно и то же, "да сохранюсь от стыда", так как у раджпутов слово *стыд* синоним *бесчестья*. Не та ли это фраза, что была в употреблении у "богатырей Владимира", произнесённая "Добрыней Никитичем", если не ошибаюсь? Не то ли самое хотел сказать Святослав своим знаменитым: "ляжем ту костьми; мёртвые бо сраму не имут"? А "*ладж рекхо*", "да сохранюсь от стыда", фраза, которую можно найти в летописях Удейпура, сказанная за три тысячи лет тому назад Сурьяванзой-Балрамой. Не раджпуты же переняли её от варяго-руссов?

Герои Читура невольно напоминают героев Чёрной Горы. В характере черногорца есть много сродного характеру раджпута: те же баснословные удаль и храбрость, то же презрение к физическому страданию, та же бесконечная любовь к родине. Юные двенадцати и тринадцатилетние храбрецы, о которых мы столько читали в семидесятых и восьмидесятых годах,[1] словно воскрешают в себе Бадуля Читурского.

Этот эпизод описан чрезвычайно эффектно в *Коман Разе*, а в воинственной эпопее старика-барда он являлся ещё рельефнее. Маститый старец весь преобразился: его чёрные глаза горели, сияя воинственным пылом при звуках собственного пения; покрытое морщинами лицо то искажалось неукротимой ненавистью к врагу при воспоминании о "*сакка* Читтура", то принимало выражение горя и страдания при рассказе о страдании запертых в осаждённом городе жён и матерей, о их приготовлениях к *джохуру* (самосожжению), дабы не попасться живыми в руки могулов, не отдать себя врагу на поругание. *Мань бхука хо*!.. "Я голодна… голодна!.." кричит, витающая над полем битвы богиня смерти и разрушения, покровительница осаждённого города, оскорблённая поступком раджи. Наклонится неумолимая Кали над одним воином, и он падает в ледяные объятия Ямуни (дэва смерти); направит свой *чераг* (фонарь) над другим и меч падает из его руки, а собственный щит опускается, закрывая его лицо "как тень могилы, бросающая свой чёрный покров на прах погребённого воина"….

Бадуль, покрытый кровью, возвращается один в стены Читура. Происходит диалог между ним и женой его дяди, виновницей падения города, злополучной Падмани. Она желает, прежде чем присоединиться к супругу, то есть совершить *сати* и *джохур*, услышать из уст юноши о последних подвигах её "властелина", "*son doux seigneur et maitre*"[2]…

Бадуль отвечает:

1 Речь идёт о событиях черногорско-турецкой войны 1876–1878 гг. – Прим. А. Д. Тюриков.

2 Милого властелина (фр.). – Прим. ред.

"Он был косцом поля битвы, я – подбирал одни лишь колосья,
Шаг за шагом я следовал, как жнец, за острой косою…
Я видел, как он, наш отец, ложе чести себе приготовил;
Кровавым ковром его крыл, подушкою выбрал он князя
Могулов… и лёг на него. Он спит теперь сладко и крепко,
Хранимый телами врагов, усыплённых его же рукою…"

Падмани-вдова опять вопрошает своего племянника:

"Скажи мне, Бадуль, как мой царь, как мой милый владыка сражался?.."

А Бадуль ей в ответ:

"О мать!.. Как ещё описать его храбрость,
Когда не осталось врага пред ним трепетать или им любоваться?.."
Улыбнулася *рани*, прощается с отроком храбрым,
Говоря: "Владыка мой ждёт… Костёр уж пылает",
Бросается в пламя; за ней – жены, юные девы Читура…

Официальная история Удейпура, как и его летописи, добавляет, что за Падмани последовало 22 000 этих дев и жён Читура в "огонь, спасающий их честь и имя". Они принесли свою жизнь в жертву долгу, сожглись на ужасном костре, как и женское население подземного города, возле Кауяпура (см. часть I).

Феришта (историк) упоминает только о тех *сакка*, которые были успешны, о *сакка* Алла-о-дина и Акбара, и тем грешит против истории. Но и он рассказывает об ужасах этого повального самосожжения и о пещере *Маха Сати*.

В *мемуарах* Тода мы находим следующее описание "автора, единственного англичанина", как он сам пишет, "которому было дозволено посетить ныне *священный* Читур": "Могульский победитель овладел вымершею, совершенно пустынною столицей, с улицами, заваленными трупами, и дымом, валившим ещё густыми облаками из отверстия пещеры, где погиб предмет его страсти. С того рокового дня эта пещера сделалась священною для всех индусов; ничей взор не проникал с тех пор в её густой мрак, а суеверие создало огромного змея, охраняющего

вход. Ядовитое дыхание змия тушит свет факелов, с помощью коих путник мог бы добраться до места “великого сожжения”"[1].

Удушливые испарения и страх живых, а не мифических змей заставили Тода вернуться назад. *Кхоман Раза* уверяет, что эта пещера ведёт к великолепному подземному дворцу, и многие англичане верят в его существование.

Но здесь Тод говорит, как будто было лишь одно великое самосожжение, одно *маха сати,* один *джохур* после *сакка* Алла-о-дином. На самом же деле строки "ничей глаз не проникал с тех пор" относятся к последующему *маха сати*, потому что ужасное событие 1275 года было только предвестником второго, быть может, ещё более ужасного, хотя и менее поэтического, и Тод сам описывает это второе самосожжение во дни Акбара, знаменитого императора, сына и наследника Хамаюна. Лагерное место этого просвещённого, но минутами и жестокого государя, ещё доныне показывается возле Читура, тем более что на нём сооружена пирамидальная мраморная колонна, которую зовут в народе *Акбер Ка дада*, "Лампа Акбара". Его лагерь тянулся от деревни Пандовли, милях в десяти [16,09 км] от осаждаемой крепости, а передовые палатки доходили почти до подножия скалы.

Читур[2] – один из древнейших городов Удейпура или Мевара и был всегда знаменит своими героями. Вот в нескольких словах его история с 1275 года до 1803, не говоря уже о доисторических и даже *до*-мусульманских на него нашествиях.

В 1303 году Алла-о-дин снова явился под стенами Читура и, заняв его, окончательно разорил всё, что мог, пощадив – странное дело – только места, освящённые когда-то присутствием страстно любимой им женщины. Дворец Бхимзы и "прекрасной Падмани" остался не тронут; огромная колонна, обелиск джаинов и принадлежащий к нему храм буддистов, сооружённые в 896 году, так как Падмани принадлежал к вере, исповедуемой в Цейлоне – тоже каким-то чудом уцелели… *Ou la*

1 *Annals of Mewar*, p. 223.

2 Хотя мы посетили этот город гораздо позднее, но, чтобы не возвращаться к нему, описываю его здесь.

poesie de l'amour va-t-elle se nicher!..[1] Алла-о-дин, – жестокий тиран и фанатик, являющийся нежным рыцарем!

Собственно Читур, то есть старый город с крепостью, выстроен на огромной скале, а более современный, строившийся с 1350 года, расположен у подошвы её. Внизу протекает река Бирух, и на ней выстроен замечательный мост на девяти арках, из коих средняя, полукруглая, имеет к тому же по четыре готические арки по обеим сторонам. Но нижний город неинтересен. Надо карабкаться на старый, осмотреть все эти древние здания, чтобы получить верное понятие о его археологических достопримечательностях. Там, внутри крепости, существующей, по преданиям, со времён Кришны (у которого, мимоходом будь сказано, своих два храма здесь, громаднейшие по величине в стране), стоит ещё *Ноллака-биндар*, внутренняя цитадель, выстроенная руками, конечно, *сказочных* циклопов, – до того массивны её стены и башни. Возле неё – дворец Падмани до зубчатых стен коего самое время-разрушитель еле ещё коснулось. Там её терем; пространные, высокие его комнаты остались с тех пор пустыми, а бедная, злополучная красавица, как и её сестры по судьбе, получила незавидную, посмертную репутацию *бхута*, полночного домового. В *дурбарной* зале (тронной) сохранились *зеркальные* стены. Они получили название от мозаикообразной на них *чешуи*; из мелких кусочков блестящей, полированной стали, как в персидских дворцах.[2] Одно чудо любви могло помочь Алла-о-дину узреть в этих "зеркальных" стенах чудный образ Падмани и воспламениться им. Поглядевшись в них и приложив всё своё старание увидать в этих кусочках отраженье собственной, хорошо мне известной физиономии, я открыла, долго проискав, мой правый глаз у себя на макушке, а нос у левого уха. С таким *anamorphosis*'ом[3] любимого предмета пред глазами не стоило калифу брать на душу греха!..

1 Где гнёздышко свила поэзия любви (фр.). – Прим. ред.
2 Вопрос: персияне ли переняли этот способ стенного украшения от древних индусов, или же раджпуты от иранцев?
3 Анаморфоз – искажённое изображение. – Прим. ред.

У храмов Кришны находятся ещё два резервуара (*танки*), каждый сто двадцать пять футов [38,1 м] в длину, пятьдесят [15,24 м] в ширину и пятьдесят футов глубины, из огромных плит чёрного мрамора. Верхушку скалы венчает храм, посвящённый "разрушающим силам" с трезубцем Шивы у входа. Стены храма невообразимо массивны, и божеству, патрону пагоды, потребовалось бы много времени и усилий доказать свою разрушительную силу на этих стенах. Разбросанные по крепости, уцелели ещё восемьдесят четыре цистерны, многие из них полные водой. Но самое замечательное здание, хотя и не столь древнее, это *Кхерут Кхумб*, "обелиск победы", воздвигнутый *раной* Кхумбом[1] вследствие блестящей победы, одержанной этим раджпутским государем над союзными армиями Мальвы и Гуджарата. Обелиск воздвигнут на террасе сорока двух футов в квадрате [3,9 кв. м]; сам он высотой в 122 фута [37,19 м] и стоит на четырёхугольнике, каждая стена коего имеет 35 футов [10,67 м] длины. В этом обелиске-башне 9 этажей, по одной комнате с боковым внутренним коридором и витой лестницей в каждом. Башня увенчана куполом. Всё здание из белого мрамора и покрыто сверху донизу резной работой. На стенах этого обелиска-башни целая мифология. Кроме того, в городе есть два-три древнейших частных замка и несколько столь же древних башен.

За Алла-о-дином Читур был взят Бахадур-шахом, царём Гуджаратским, в 1533 году. Бахадура прогнал, в свою очередь, Хумаюн, Делийский падишах, который и возвратил город его ражпутским владетелям. Затем Читур был взят императором Акбаром в 1567 г. В этот год за саккой опять последовал джохур. Снова зажглись страшные огни в пещере *Маха Сати*; снова полилась кровь дев и женщин рекой, и целое племя раджпутов, превратив их тела в пепел, ринулось из крепостных ворот на могулов и легло всё на месте – "ибо мёртвые срама не имут".

Что за ужасная кровавая драма разыгрывается акт за актом в истории этого Читтура! По основании его доисторическим, сказочным героем "раджей Хунном", богиня "силы и разруше-

1 Правил в Меваре с 1418 до 1468 года.

ния", патронесса всех укреплённых мест, *Дурга*, обещает первым царям Читура никогда не оставлять без помощи свою любимую скалу, Читур. Пока *Еклинг-ка-деван*[1] останутся ей верными, она, Еклинга, "рождённая от львицы" богиня, не покинет их.[2] Первый раджа Читура, "посвящённый" *Баппа*, был духовным супругом богини. Он принёс клятву при посвящении его *Чирндживой*,[3] и доколе раджи будут соблюдать эту клятву, богиня не даст пасть Читуру. Пока его раджи не перестанут называться именами *Радж Гуру* – "учителями раджей", *Хиндуа Сурадж* – "солнцем индусов" и *Чуква* – "всемирными владыками" – Читур не может бедствовать.

Но вот несколько раджей, загордившись, – так говорит легенда, – начинают часто забывать обет и даже перестают

1 Один из титулов махараджей удейпурских.

2 Рим имел своего Ромула, Читтур – своего *второго* основателя – племянника раджи Мори, происхождение которого тоже теряется в мифах древности. *Баппа* (младенец), называемый *Сайль* или *Сеиль Адхес*, "владыка горы", в древних надписях и в истории Пуран был этим племянником. Как и все первобытные князья, он пас "стадо солнца" и в своих прогулках в горах наткнулся нечаянно на отшельника *Чирнджива* (вечно живущего), спавшего непробудным сном в кустах более трёх веков. Разбуженный принцем-пастухом, отшельник в благодарность посвящает его в "таинства Шивы" и тем делает его супругом Кали в её *виде* Еклинги, рождённой от "львицы-богини", то есть от этой же Кали. Все "посвящённые" называются у шаивов *женихами* или даже *мужьями* Эклинги (тоже Изы, Парвати, Дурги, Гури, богини земли, *Амба-мати*, всемирной матери; всё это виды или *аспекты* Кали). Еклинга – богиня, охраняющая под именем *Гури-дэвы* горы, скалы и укреплённые места. Это та же Цибела и, подобно греческой богине, изображается в зубчатом, как укреплённая башня, венце. Женясь на Еклинге (то есть сделавшись "посвящённым"), *Баппа* получает от духовной супруги полное вооружение: лук и стрелы, щит и меч, которым она его собственноручно опоясала, и копье. Затем, непобедимый, как Ахиллес, он прогнал дядю и сделался с помощью богини царём Читура, а Дурга-Еклинга патронессой города, так как она богиня скалы, на которой он построен.

3 Эта клятва *кафара-йогов* и до сей поры произносится ежегодно раджами Удейпурскими: "Клянусь Гуру Чирндживой и богиней Еклингой; Такъяком, мудрым змеем, и Хари – мудрым; клянусь Бхавани (Палладой) – разить врага. Рази, рази!" Все доспехи, полученные *Баппой* от Еклинги – лук и стрелы, копье, щит и меч, – хранятся в сокровищнице раджи Удейпурского. На них дают обет "монахи-воины".

оказывать должное почтение богине. Они вводят в её сообщество других богов (ненавистного Шиве Кришну), и ярко-алый цвет знамени темнеет. Дурга Еклинга обещала своё покровительство потомкам *Баппа*, доколе они ей не изменят. При первом *сакка* Алла-о-дина двенадцать раджей, венценосных глав Раджвара, защищали это знамя, но оно померкло, и они все остались на поле битвы. Во время второго *сакка*, начатого Бахадур-шахом, такур Деольский, из царственного дома Мевара, принёс себя в жертву богине (убил себя на её алтаре) и она спасла его город. Но на третий раз, в страшные дни осады юным Акбаром, Дурга Амба, приняв свой первородный образ Кали, осталась глухой к их воззваниям. Она отвернулась от своего зубчатого венца, и её появление Самарси (радже Читура в 1412 г.) было её последним.[1] Уйди-Синг, раджа Меварский, закончил ряд царей, грешивших против богини, бежав при первом известии о появлении Акбара и его армии. Тогда лик богини отвернулся навеки от Читура. Славный город пал, несмотря на его отчаянную защиту. Не Дурга Еклинга, а Кали явилась пред конём Уйди-Синга с её обычным воинственным кликом: Майн бхука хо! (Я голодна); она исчезла и насытилась лишь кровью последнего из славного племени *агникуллов*.

Тридцать тысяч человек погибли в те дни, когда Акбар стоял под стенами Читура. Страшный *джохур* был приготовлен, и оставшиеся в живых 8000 раджпутов, съев вместе последнюю *бира*[2] и облачившись в шафрановые рубашки – эмблема пылающего костра, – отправились исполнять свою ужасную обязанность. Девять *рани* (королев) и 15 принцесс (их дочери), два малолетние сына раджи и все женщины разных классов погибли от руки мужей, сыновей, братьев и родственников, и тела их были преданы сожжению в пещере *Маха Сати*. Затем эта восьмитысячная армия отворила настежь ворота крепости и устремилась неудержимым потоком на армию Акбара. Ни

1 См. летописи барда *Чанды*. Книга последняя, 2 стр.

2 *Бира* или *пан*, пахучий лист, бетеля, с разными пряностями, который подаётся у индусов при прощании и съедается вместе.

один из восьми тысяч не пережил этого дня, и ни одна *жёлтая* рубашка не была запятнана постыдной сдачей в руки врага.

Да, божество раджпутов их покинуло в тот ужасный, страшный последний день Читура. Скала их мощи и независимости была предана *сакка*; а её храмы и дворцы были разрушены дотла, и Акбар захватил даже все символы царственного дома: *накара*[1], которых звук возвещал на мили кругом об отъезде и приезде её раджей и князей; канделябры с алтаря "великой матери" *Амба мати*, которая опоясала мечом *Баппу*, и даже этот самый меч.[2] С тех пор Читур *сакка ка нан*, "клянусь грехом *сакка* Читура", сделалось священной и ненарушимой клятвой у раджпутов.

– *Тийджо сакка Читур ра* (третье сакка Читура) довело Раджистан до того, что вы теперь видите у нас! – проговорил бард, мрачно окончив свои песни. – "Великая мать" отвернулась от нас, и вот почти три века, как Раджистан умирает… Солнце его покинуло… Сурьяванзы вырождаются!..

Увы! то была лишь метафора. Солнце жгло и палило даже в этом дремучем лесу. Я изнывала в этой душной атмосфере и, расположившись на коврах, разостланных на затемнённой веранде, еле могла шевелить языком. Но любопытство и интерес взяли верх над ленью и зноем, и я пожелала узнать, в каком теперь виде Читур: что с ним сделалось после *сакка* Акбара.

За барда отвечал Ананда.

– Один из раджей меварских овладел развалинами вскоре после последнего разгрома, но в 1676 году отворил его ворота и передал Аурангзебу по его первому требованию, без боя на этот

---

1 Большие барабаны в 8 или 10 футов [2,44 – 3,05 м] в диаметре.

2 Считая жертвы свои, Акбар оценил свой успех снятыми с трупов золотыми *цинарами* (ожерельями), знаками царственного рода и дворянства, и все вместе весили 74 $^{1}/_{2}$ *мана* (ман – 4 фунта [1 рус. фунт = 0,41 кг; 1 ман = 1,64кг; 74 1/2 мана = 122,18 кг]). С тех пор сумма 74$^{1}/_{2}$ зовётся *тилак* "проклятой". Поставленное на письме раджпута или деловом документе, это число означает ненарушимую клятву, ибо оно есть синоним клятвы "грехов сакка Читура". Нарушителя её выгоняют из племени и города, в котором он живёт, предают общему проклятию, часто убивают (См. *Rajpoot Tribes*).

раз. Читтур был снова возвращён его раджпутским владетелям лишь в конце прошлого века.

– Были вы там?.. Видели его развалины?..

– Был и видел всё, что осталось от него. Некогда непобедимый Читур давно оставлен жителями, как и правительством *раны*. По мнению первых, на городе лежит проклятие богини; в глазах второго он сделался совсем негодным. "Резиденция царей, которая в продолжение 3000 лет воздымала свою венценосную главу высоко надо всеми прочими городами Индии", говорит летопись, "сделалась теперь убежищем диких зверей, выбравших своим логовищем её храмы"... Священная столица охраняется теперь одними *госсейнами* и *йогами*, и вход в неё запрещён *ране*[1] и принцам крови особенным указом Махнута, главы монахов-воинов; ни проклятье богини, ни дикие звери, ни джигер-кхоры (демоны гарпии) не трогают йогов, оттого вы их и не боитесь! – пожаловался бард.

Пондишерский аскет не отвечал на это замечание, и правильность воззрений суеверного певца так и осталась неподтверждённой и неразъяснённой потомству. Но Нараян обратился к Ананде, спрашивая его, можно ли рассказать нам, какую роль играли предки такура в последнем действии кровавой драмы Читура?

Аскет молча наклонил голову в знак согласия, а Нараян, заметив, что это эпизод, который он намерен рассказать нам, внесён официально в летописи домов (царских) Салумбры и Майтреи[2] и воспевается всеми бардами, приступил к рассказу.

– Имена Джеймуля и Путты остались навек бессмертными и неразделимыми в истории Читтура, – начал Нараян, у которого загорелись глаза при рассказе о предках даже

1 *Раной* зовётся только раджа Удейпурский теперь. Между *раной* и *раджей* такая же разница, как между императором и королём".

2 "Имена" сияющие ярче всех других на этой тёмной странице истории Читура, священные для барда, как и для всякого истого раджпута,увековеченные пером самого императора Акбара, – имена Джеймуля Беднорского и Путта из Каильвы, принадлежавших к шестнадцати первоклассным вассалам-такурам Мевара из его царского рода; первый был раджпут дома Майртеи (храбрейший из храбрейших кланов Мевара); второй был главой иугавутцев, другой великой ветви из Чонды" (Летописи Мевара).

отвергавшего его такура, так сильно бедный юноша боготворил нашего героя. – Эти имена останутся символом всего беспримерно героического, будут жить в сердцах раджпутов и всех индусов, считаться ими святыней, доколе сохранится в стране хотя одна искра воспоминания о нашем великом прошлом... Когда защищавший "Ворота Солнца" вождь Салумбры погиб, выбор нового вождя пал на Путту из Каильвы. В то время ему было всего шестнадцать лет; его отец, доблестный воин, пал в одном из предшедших сражений семь лет до того, а мать отказалась от славы *сати* по просьбе умиравшего от ран мужа и пожертвовала доблестной смертью ради этого единственного сына, которого и воспитала, как наследника славного имени. На Западе у вас восхищаются матерью Гракхов[1], спартанскими и римскими матронами; но всё это лишь слабые отражения прабабки отца такур-саиба по женской линии. Опоясывая сына мечом, она повелела ему надеть заранее "жёлтую рубашку" и умереть за Читур. Только, как справедливо заметил полковник Тод, она превзошла древнюю римлянку-мать тем, что подкрепила сына собственным примером. Она сделала более. Юный Путта был обручён: страшась, как бы любовь к наречённой и её образ не повлияли на сына во время битвы, она вручила своей невестке[2] копье и кинжал и, взяв её за руку, повела молодую девушку со скалы вниз к городским воротам, где защитники Читура были свидетелями доблести двух женщин, одной престарелой, другой чуть не ребёнка. "Защищаясь, как львица, нападая, как тигрица", гласит летопись, возле матери, которая совершила в этот день чудеса храбрости, молодая амазонка упала, наконец, убитой к ногам старой

1 Корнелия (II в. до н.э.) – римская матрона, дочь Публия Корнелия Сципиона Африканского, жена Тиберия Семпрония Гракха. Стала матерью двенадцати детей, в том числе двух братьев Гракхов – Тиберия и Гая. Корнелия рано овдовела, но тем не менее дала сыновьям прекрасное воспитание; именно благодаря ей, по мнению античных авторов, братья Гракхи вошли в число самых выдающихся политиков в истории Рима. Она пережила обоих сыновей и до самой смерти оставалась одной из самых уважаемых женщин Рима. – Прим. ред.

2 "Обручение" в Индии равняется узам брака, и его нельзя расторгнуть. Невеста по закону уже жена.

героини. Мудрено ли, что, видя такой пример неустрашимого патриотизма в своих матерях и дочерях, Раджпуты-воины превращались в настоящих львов, заслуживая вполне имя *синга* (льва)! Защита длилась с восхода солнца до поздней ночи. Увидав, как невеста его упала мёртвой, Патту подал знак матери. Приказав громким голосом приготовлять *джохур*, зажечь костры в пещере самим женщинам, а затем воинам в задних рядах убивать их, когда всё будет готово, Путта со старой матерью во главе передового отряда бросился на могулов. Прочтите, что говорит сам император об этом последнем, отчаянном нападении, в котором *старуха-воин*, как её называет Акбар, "сбрила собственноручно головы с плеч его храбрейших сердарей". Сам *шайтан* вселился в эту *раджпутни*, – пишет он. – Джеймуль, двоюродный брат Путта, оказывал такие же чудеса храбрости у других ворот и соединился в общем нападении на врага к вечеру. Когда, наконец, пал и Путта, простреленный насквозь пулями, его мать, "похожая на кровавую Кали", смело взяла сына на руки, снесла его под тучей стрел и пуль в городские ворота и, передав труп для сожжения, вернулась на поле битвы. Джеймуля Беднорского убила пуля самого императора, который очень гордился всю остальную жизнь этой честью. Этот факт заявлен историком Абул-Фузилом и императором Джехангиром, который называет и ружьё,[1] из

1 Замок с фитилём. "Он (Акбар) назвал оружие, которым он убил Джеймуля, *синграмом*, так как оно было великой силы и качества; из него он (Акбар) застрелил три или четыре тысячи птиц и зверей" (*Джехангир-намех*). Акбар сделал более. Он был так поражён героизмом Джеймуля и Путты, что приказал соорудить обоим статуи при главном входе его дворца в Дельи. Вот, что пишет Бёрнье (Bernier) из Дели, 1 июля 1663 года (издание 1684 года, в переводе на английский язык) в Лондон: "Я не нахожу ничего замечательного в этом парадном входе (дворца) кроме двух каменных слонов по обеим сторонам ворот. На одном статуя Джамеля (Джеймуля), знаменитого раджи Читурского, а на другом *Поттера* (Путта), его (двоюродного) брата. Это те два известные здесь храбреца, которые вместе с их матерью, *женщиной ещё храбрее их*, задали столько работы Акбару, и которые... предпочли смерть вместе с матерью сдаче города; и за этот поступок даже их враги сочли их достойными посмертных статуй. Эти два большие слона, с сидящими на них храбрыми воинами, производят с первого взгляда на них при входе в этот укреплённый дворец впечатление какого-то величия и тяжёлого

которого Акбар застрелил Джеймуля – *синграм*. Да, великих героев произвела наша Индия!..

Ещё баллады, ещё несколько героических песен, и Ананда зовёт нас, говоря, что солнце село и нам пора в путь…

Индусы садятся на слона, а мы с бабу и полковником залезаем в крытую повозку на быках. Мы едем к развалинам древнего храма, в уцелевшей части которого живут отшельник йог и его ученики. К утру мы будем там, а целую ночь придётся тащиться по лесу… Но мы не боимся ни его тигров, ни разбойников бхиллей: у полковника его *салиграм*, и он теперь страшится гораздо более коров, нежели всех королевских тигров дикого Раджистана; а у меня необъяснимое чувство безопасности при мысли о такуре и даже об Ананде. К тому же, с нами едет старый бард и его два сына…

С чувством полной уверенности, что проснусь на другое утро в совершенном здравии и целости, я засыпаю и вижу во сне прабабку Такура, отгоняющую от меня хворостиной целое стадо тигров, которые как макашки Маттры запускают мне лапы в карман…

(Продолжение следует)[1]

Радда-Бай

ужаса".

1 Продолжение писем не найдено. – Прим. ред.

Оглавление

Предисловие редакции....2
Письмо I....9
Письмо II....24
Письмо III....44
Письмо IV....52
Письмо V....60
Письмо VI....74
Письмо VII....82
Письмо VIII....90
Письмо IX....103
Письмо X....110
Письмо XI....124
Письмо XII....129
Письмо XIII....137
Письмо XIV....144
Письмо XV....154
Письмо XVI....168
Письмо XVII....178
Письмо XVIII....184
Письмо XIX....201
Письмо XX....220
Письмо XXI....234
Письмо XXII....267
Письмо XXIII....291
Письмо XXIV....327
Письмо XXV....335
Письмо XXVI....349
Письмо XXVII....361
Письмо XXVIII....378
Письмо XXIX....423
Письмо XXX....446
Письмо XXXI....482
Письмо XXXII....503
Письмо XXXIII....524
Письмо XXXIV....556
Письмо XXXV....574
Письмо XXXVI....593

Блаватская Е.П.
Из пещер и дебрей Индостана. – Кемерово: Колокол, 2021. – 632 с.: илл.

Издательство "Колокол"
Кемерово, Россия
http://kolokol-press.ru
info@kolokol-press

Блаватская
Елена Петровна
ИЗ ПЕЩЕР И ДЕБРЕЙ ИНДОСТАНА

Книгу можно прочесть онлайн в библиотеке Теопедии:
https://ru.teopedia.org/lib/Блаватская_Е.П._-_Письма_из_пещер_и_дебрей_Индостана

или бесплатно скачать в PDF формате
http://kolokol-press.ru/books/Каталог

Обнаруженные опечатки просьба присылать на адрес:
info@kolokol-press.ru

Обновлено 12.08.2021